

ЗАБЫТЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Приказ
Генерал армии Попов

Верховного Главнокомандующего

Генерал-полковнику Попову

Генерал-полковнику Попову

Генералу Попову

Генералу Попову

Генерал-полковнику Попову

XX военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Annotation

Новая книга Олега Смыслова рассказывает о судьбе незаслуженно забытого в наше время генерала Маркиана Михайловича Попова. Немногие сейчас помнят это имя, а ведь он в первые месяцы войны отстаивал Ленинград, позже прекрасно проявил себя в Московской битве, внес весомый вклад в освобождение Воронежа, участвовал в Сталинградской битве, провел знаменитую Орловскую операцию, а затем очистил от врага Брянские леса и освободил город Брянск.

После войны М. М. Попов продолжал службу, занимался сохранением памяти о Великой Отечественной войне, консультировал съемки художественного фильма «Война и мир» С. Ф. Бондарчука. Трагическая случайность оборвала жизнь советского полководца, и на долгие годы его имя было забыто...

- [О.С. Смыслов](#)
 - [От автора](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Смоленская набережная, дом 5/13](#)
 - [110 лет со дня рождения](#)
 - [Как Мотя стал красным командиром](#)
 - [«Выдающийся командир»](#)
 - [Москва, академия...](#)
 - [«На границе тучи ходят хмуро»](#)
 - [Неизвестная статья-воспоминание](#)
 - [«В армии авторитетен»](#)
 - [«Впервые вижу генерала без живота»](#)
 - [«Слыл непоседой»](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Командующий войсками Северного фронта](#)
 - [«Это обстоятельство совершенно оголило левый фланг»](#)
 - [«В кабинете чуть-чуть пахло валерьянкой»](#)
 - [Для защиты Ленинграда он сделал все](#)
 - [61-я резервная армия](#)
 - [40-я армия](#)
 - [Заместитель командующего войсками Сталинградского фронта](#)

- [«Назначить командующим 5-й ударной армией... с оставлением его в должности заместителя...»](#)
 - [Заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта](#)
 - [«Также ярко проявился его полководческий талант»](#)
 - [Почерк и стиль полководца](#)
 - [Командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта](#)
 - [«За ряд допущенных ошибок»](#)
 - [«Пожертвовав двумя-тремя дивизиями»](#)
 - [Начальник штаба фронта](#)
 - [«Прошлого не вернешь»](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Львовский военный округ](#)
 - [Таврический военный округ](#)
 - [«Желаем Вам, чтобы у вас все было хорошо!»](#)
 - [Чужой среди своих](#)
 - [Последнее уважение](#)
 - [«Сынок, я ведь не свадебный генерал, я боевой!»](#)
 - [Вместо послесловия](#)
 - [Источники и литература](#)
 - [Приложение](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

О.С. Смыслов
Забывтый полководец. Генерал армии
Попов

*Дмитрию Валерьевичу Баталееву – внуку
полководца посвящаю*

От автора

Мое знакомство с именем Маркиана Михайловича Попова произошло более 20 лет назад.

В далеком 1992 году я впервые приехал в Центральный архив Министерства обороны. На руках были только справки о ранениях моего деда. И мне очень хотелось тогда узнать хоть что-то о его боевом пути.

Как помню сейчас, это были солнечные и бесподобно теплые сентябрьские дни. В архиве меня встретила Кеменова Валентина Александровна, на тот момент уже около 40 лет возглавляющая коллектив читального зала. Эта изумительная, энергичная и отзывчивая женщина сразу же спросила меня: «А вам это очень нужно?» И когда услышала утвердительный ответ, то оказала самую максимальную помощь, по сути, став моим первым учителем в архивном деле. Огромное ей спасибо за это!

А работалось тогда в удовольствие. В читальном зале стояла буквально мертвая тишина. Генерал-майор авиации Н. Г. Кислицын, еще четыре ветерана войны (дедушки и бабушки) и я, молоденький офицер из Смоленска. Вот, собственно и все на тот момент посетители главного военного архива.

Порадовали и первые документальные находки. Очень скоро выяснилось, что в 1943 г. мой дед воевал на Брянском фронте, а в 1944 г. – на 2-м Прибалтийском. Как оказалось, командующим войсками этих фронтов был генерал армии М. М. Попов.

В общем, там, в Подольске, благодаря моему деду я открыл для себя это имя, о котором известно было немного. Но шли годы, и мой интерес к личности этого военачальника не угасал. Буквально по крупицам я собирал все, что удавалось про него найти. Потом состоялось судьбоносное знакомство с внучкой начальника штаба этих фронтов генерал-полковника Л. М. Сандалова, а спустя еще несколько лет – с внуками и зятем полководца. Словно сама судьба вела меня к написанию этой книги.

Со временем я узнал, что вклад Маркиана Михайловича в нашу Победу поистине велик. И только его трагическая гибель в 1969 году стала одной из причин незаслуженного забвения полководца.

А ведь именно он в 33 года стал заместителем Маршала Советского Союза Блюхера.

Это он в первые месяцы войны отстаивал Ленинград.

Это он в Московской битве отогнал фашистов на 100 километров.

Это он в 1942-м освободил часть Воронежа.

Это он под Сталинградом организовал прорыв и ввод в бой подвижных войск левого крыла фронта.

Это он, временно командуя 5-й танковой армией, провел наступательные бои до р. Калитва на целых 200 километров.

Это он, возглавив подвижную группу Юго-Западного фронта в составе четырех механизированных корпусов, провел операции в тылах немецких войск, форсировал р. Донец, овладел городами Славянск и Краматорск, перерезав все коммуникации немцев.

Это он, будучи командующим Брянским фронтом, подготовил и провел знаменитую Орловскую операцию, а затем очистил от врага Брянские леса и освободил город Брянск.

И самый первый салют в годы Великой Отечественной войны в Москве был дан в честь его фронта!

Образованность, воспитанность, душевность, человечность – и это даже еще не всё, что отличало Маркиана Михайловича от иных его коллег, у которых и его молодость, и его стремительная карьера вызывали не только уважение, но и зависть. К сожалению, ему помогали не только подниматься, но и падать с крутых военных вершин, объясняя это задним числом некоторыми личными слабостями. Однако многочисленные факты говорят о том, что все было далеко не так.

Герой Советского Союза, генерал армии М. М. Попов до последних дней своей жизни много работал, вел переписку со своими бывшими подчиненными, писал статьи, которые периодически выходили, и готовил к выходу в свет свои мемуары. Причем писал он, следует сказать об этом особо, как и Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, сам.

К великому сожалению, даже из уст офицеров я до сих пор слышу, одно и то же: «Не знаю такого!» Что ж, значит, пришла пора узнать...

БЛАГОДАРНОСТИ Эта книга потребовала помощи и поддержки многих людей. В связи с чем хотелось бы особо поблагодарить: Баталеева Валерия Яковлевича – зятя генерала армии М. М. Попова, Баталеева Алексея Валерьевича – внука генерала армии М. М. Попова, Дмитриева Сергея Николаевича – главного редактора издательства «Вече», Пахоменкову Марину Михайловну – заведующую Новоржевским филиалом ГБУК Псковского музея-заповедника «Музей истории Новоржевского края» и Юрину Елену Владиславовну – внучку генерал-полковника Л. М. Сандалова.

Часть первая

За ученого трех неученых дают.

А.В. Суворов

*Знания, как таковые, бесполезны на поле сражения:
с этим легко согласиться.*

*Что нам нужно, так это навык. С другой
стороны, особенно в мирное время, скорейший путь к
приобретению навыков – образование.*

Генерал-лейтенант Черрини

Смоленская набережная, дом 5/13

Путешествуя по историческому центру Москвы, невозможно пройти мимо Смоленской набережной. Она расположена на левом берегу Москвы-реки между Смоленской улицей и площадью Свободной России. Здесь же находится посольство Великобритании. Как пишет С. К. Романюк в книге «По землям московских сел и слобод», «Смоленская набережная почти полностью застроена новыми большими жилыми зданиями. На углу с Новым Арбатом – жилой дом, выстроенный в конце 1930-х гг. по проекту А. В. Щусева и А. К. Ростковского (№ 12), а рядом с ним возводится новое здание посольства Великобритании...

Здесь к набережной выходит Проточный переулок. Он был одним из тех мест в Москве, которые «славились» безысходной бедностью обитателей, «соперничавших» в этом с самой Хитровкой. Особенно были известны «Арженовка», или «Ржанова крепость», «Зиминовка» и «Волчатник», называвшиеся по фамилиям своих владельцев купцов Арженова, Зимины и Волкова.

Л. Н. Толстой, желавший познакомиться с жизнью городской бедноты, принял участие в трехдневной переписи, проводившейся в Москве 23–25 января 1882 г., и выбрал самый неблагополучный участок рядом со Смоленским рынком. Толстой переписывал обитателей в доме Зимины (находившемся на месте дома № 11/27 на углу с 1-м Смоленским пер.)– «На Проточный переулок, – писал Толстой, – выходят двое ворот и несколько дверей: трактира, кабака и нескольких съестных и других лавочек... Все здесь серо, грязно, вонюче – и строения, и помещения, и дворы, и люди. Большинство людей, встретившихся мне здесь, были оборванные и полураздетые». Впечатления, полученные им при посещении этого и других московских притонов, отразились в его публицистических и художественных произведениях. И. Г. Эренбург назвал один из своих ранних романов, опубликованных в 1927 г., «Проточный переулок». Писатель Александр Вьюрков в рассказе «Трущоба» так описывает эти места: «Проточный был заселен ремесленниками, мастеровыми, извозчиками, прачками и ворами... В Проточном бесследно исчезали не только краденые вещи, но и сами ограбленные. Когда начали ломать один из флигелей, в подвалах флигеля нашли несколько человеческих скелетов...»

Один из самых страшных притонов – «Ржанова крепость» – унылый

длинный двухэтажный дом (Проточный пер., № 11), занимал квартал между 1-м Смоленским и Малым Новопесковским переулками, заходя своими крыльями в оба переулка. Его сломали в начале 1970-х гг., но не полностью – осталась небольшая часть на углу с Малым Новопесковским переулком.

От Проточного переулка тянется по Смоленской набережной большой жилой дом (№ 5/13), построенный в 1954 г. по проекту Б. Г. Бархина, Н. И. Гайдарова, М. М. Лермана. Дом этот щедро украшен лепными декорациями – особенно на башне левой части, на крыше которой высится угрожающих размеров что-то вроде букетов. Внизу дом огражден решетками – того и гляди, чтобы какое-нибудь украшение не упало на голову прохожему.

И вот мы подошли к нужному нам дому-достопримечательности, дому многоквартирному, дому двенадцатиэтажному, дому восьмиподъездному, дому кирпичному, дому в стиле позднего сталинского ампира. Он до сих пор считается красивым, элитным и, как видно, престижным. Есть там и большой парадный подъезд, и консьерж. Все как положено. А еще есть на этом доме несколько мемориальных досок, тех самых, что у нас принято устанавливать на зданиях, в которых проживала знаменитая персона.

Именно благодаря этим плитам мы можем узнать, что с 1955 по 1990 г. здесь жил дважды Герой Советского Союза маршал авиации Е. А. Савицкий, с 1955 по 1976 г. – дважды Герой Советского Союза главный маршал авиации А. А. Новиков, с 1955 по 1967 г. – Герой Советского Союза адмирал флота И. С. Исаков, с 1954 по 1961 г. – режиссер А. Д. Попов, и с 1955 по 1983 г. – артист А. А. Попов.

Евгений Иванович Савицкий (1910–1990) в годы войны был командиром 3-го истребительного авиакорпуса. На его личном счету записано 22 сбитых лично и 2 – в группе самолета противника. С 1948 г. командовал авиацией ПВО, а в 1966-м был назначен заместителем главнокомандующего Войск ПВО страны. Звание маршала авиации ему присвоили, когда он уже жил в этом доме (1961).

Александр Александрович Новиков (1900–1976) в 1943 году был назначен командующим ВВС. В годы войны, как представитель Ставки ВГК, координировал боевые действия авиации нескольких фронтов в битвах под Сталинградом и на Курской дуге, при штурме Кенигсберга и в Берлинской операции. В 1946 г. был арестован по сфабрикованному «авиационному делу». После освобождения командовал Дальней авиацией (1953–1955), а в 1956 г. стал начальником Высшего училища Гражданской авиации.

Иван Степанович Исаков (1894–1967) в годы войны и после нее был начальником Главного морского штаба. Затем заместителем главкома ВМФ и заместителем министра Морского флота. В 1942-м был тяжело ранен во время Новороссийской операции под Туапсе на Гойтхском перевале. Остался инвалидом. По свидетельству академика А. Алиханова, сам Сталин отзывался о нем так: «Умница, без ноги, но с головой». Героем Советского Союза стал в мае 1965 г. «за умелое руководство войсками, мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 20-летия Победы...»

Алексей Дмитриевич Попов (1892–1961) – советский режиссер, теоретик и педагог. Народный артист СССР. До войны возглавлял Центральный театр Красной армии, затем был главным режиссером театра. В 1940 г. стал профессором ГИТИСа, а в 1961 г. – его художественным руководителем.

Андрей Алексеевич Попов (1918–1983) – советский актер театра и кино, театральный режиссер, педагог. Народный артист СССР. 23 года служил в труппе Центрального театра Красной армии. В 1963 г. возглавил Центральный театр Советской Армии, которым руководил до 1974 года. С 1968 г. преподавал в ГИТИСе, а в 1973 г. стал профессором. В 1976 г. возглавил Театр им. К. Станиславского.

По ряду причин мы не можем сказать, кто еще из знаменитостей поселился в этом доме, однако одно имя известно точно: Маркиан Михайлович Попов, генерал армии, Герой Советского Союза. Один из виднейших полководцев Великой Отечественной войны. В этом доме он жил вплоть до своей трагической гибели весной 1969 года...

К 60-летию Великой Победы генерал армии, доктор исторических наук М. Гареев опубликовал рейтинг выдающихся деятелей и полководцев Второй мировой войны. Предваряя это исследование необходимым в таких случаях вступлением, известный российский военачальник и военный теоретик объяснит причину его появления следующим образом: «В последние годы в различных странах были опубликованы списки наиболее выдающихся полководцев, в том числе периода Второй мировой войны. Сама попытка составить такой список, определить рейтинг наиболее выдающихся военных деятелей заслуживает внимания. Разумеется, не просто сопоставить, скажем, советских полководцев с полководцами союзных стран или противника. Ибо различными были цели, задачи, условия ведения вооруженной борьбы. Да и каждый полководец имеет свой особый полководческий почерк.

Но, несмотря на разнообразие условий, существуют и обязательные

для всех воинские доблести, такие как творчество и новаторство, умение предвидеть развитие событий, выдержка и мужество, инициативность, смелость и решительность, которые в разных условиях проявляются в различных формах, но никогда не теряют своей ценности и значения. Необходимо тщательно изучать боевой опыт – сгусток военной мудрости, впитавшей в себя все положительное и негативное, что было в прошлых войнах, осмысливание и творческое использование которого незримо связывает между собой полководцев разных стран и поколений.

Это и позволяет с неизбежными в таких случаях допусками, условностями и относительностью в определенной мере сравнивать и оценивать деятельность различных военачальников».

Итак, в рейтинге советских полководцев и военачальников стратегического и оперативно-стратегического звена имя генерала армии М. М. Попова стоит на 18-м месте (Попов Маркиан Михайлович (1902–1969 гг.) – генерал армии. Командующий Северным и Ленинградским фронтами, 61, 40 и 5-й ударной армиями, заместитель командующего Сталинградским и Юго-Западным фронтами, командующий Резервным фронтом, войсками Степного военного округа, Брянским, Прибалтийским и 2-м Прибалтийским фронтами, с апреля 1944 г. – начальник штаба Ленинградского, 2-го Прибалтийского фронтов. Наиболее умелые действия показал при подготовке и проведении Орловской операции 1943 г.) после маршала Г. К. Жукова (1), маршала А. М. Василевского (2), маршала К. К. Рокоссовского (3), маршала И. С. Конева (4), маршала Р. Я. Малиновского (5), маршала Л. А. Говорова (6), генерала армии А. И. Антонова (7), маршала С. К. Тимошенко (8), маршала Ф. И. Толбухина (9), маршала К. А. Мерецкова (10), маршала Б. М. Шапошникова (11), генерала армии И. Д. Черняховского (12), генерала армии Н. Ф. Ватутина (13), маршала И. Х. Баграмяна (14), маршала А. И. Еременко (15), генерала армии И. Е. Петрова (16), маршала В. Д. Соколовского (17). После Маркиана Михайловича Попова идут имена генерала армии М. А. Пуркаева (19) и генерала армии Г. Ф. Захарова (20). И это при том, что в разное время фронтами командовали более 40 военачальников.

Что же касается увековечения памяти генерала армии Попова, то по сравнению с другими именами полководцев Великой Отечественной войны здесь все выглядит более чем скромно. Одна мемориальная доска в память о славном земляке установлена в городе Серафимович Волгоградской области. Другая памятная доска генералу Попову установлена в Новоржеве. Улицы генерала Попова есть в Брянске, Орле, Серафимовиче и

Симферополе. В 1968 г. Маркиану Михайловичу было присвоено звание почетного гражданина города Брянска. В Центральном музее Вооруженных Сил есть коллекция экспонатов, принадлежащих командующему войсками Брянского фронта. Однако, несмотря на выдающийся вклад в Великую Победу, имя генерала армии Попова совершенно несправедливо остается в забвении...

Главный маршал авиации А. Е. Голованов был награжден полководческим орденом Суворова 1-й степени трижды. Как отмечал в своей книге «Солдаты империи» известный поэт и публицист Ф. Чуев, «мало у кого из наших полководцев было три ордена Суворова I степени. Даже у Жукова, по-моему, два. Во всяком случае, сами маршалы, с которыми мне приходилось общаться, придавали этому большое значение. Помню, умер один из полководцев, мы с Головановым читали некролог, и Александр Евгеньевич сказал: "А посмотри, сколько у него орденов Суворова?"»

У Г. К. Жукова действительно было два ордена Суворова 1-й степени и, правда, еще два ордена «Победа». Кстати сказать, на одной из фотографий Георгий Константинович одет в парадный маршалский мундир, на котором сверкают только четыре звезды Героя Советского Союза и эти два ордена «Победа». Несмотря на огромный иконостас, этого вполне достаточно. Все-таки это Жуков...

А если говорить про орден Суворова 1-й степени, то он вручался чуть более 390 раз. В том числе этим орденом было награждено дважды – 51 человек и трижды – 18. Среди награжденных дважды есть имя и генерала армии М. М. Попова.

Кроме этого полководческого ордена Маркиан Михайлович был награжден и двумя орденами Кутузова 1-й степени (произведено 675 наградений, дважды награждено – 66 человек и трижды – 5). То есть всего четырежды полководческими орденами первой степени, что наверняка не забыл отметить в свое время главный маршал А. Е. Голованов, который как-то особенно тепло относился к своему ровеснику и талантливому военачальнику генералу армии Попову.

110 лет со дня рождения

Известно, что фамилия Попов стоит на девятом месте по распространенности в России. Более того, она считается одной из самых частых фамилий в России, и особенно на Севере страны. Например, подсчет этой фамилии в Архангельской губернии в 1897 г. дал 20 Поповых на одну тысячу человек. В Москве же в 1964 г. зафиксировано 30 тыс. Поповых. Примечательно, что эта фамилия в Санкт-Петербурге в 1995 г. занимала 19-е место.

О распространенности Поповых в современной Москве можно судить и по количеству абонентов телефонных номеров или владельцев телефонов. Так, на 11 млн их зафиксировано 19 695. Это примерно в два раза меньше, чем Ивановых.

Согласно данным некоторых исследований, Попов не только распространенная фамилия в России, но еще и в Болгарии. Происходит она, несомненно, от слова «поп». Первоначально Попов означало: во-первых, отчество – «сын священника»; во-вторых, отчество – «сын Попа» (от прозвища Поп); в-третьих, «работник у попа» (попов работник). Существует версия, что распространение этой фамилии на Севере России произошло от выборности духовенства в этих областях (до XVIII в. там священников не назначали, а избирали сами жители из своей среды).

Открывая тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным с 1924 по 1953 г., можно заметить, что вождь за этот почти тридцатилетний период принимал у себя только 6 человек, носящих фамилию Попов:

1) Попов В. Ф. (1903–1964) – заместитель наркома Госконтроля, председатель Правления Госбанка СССР (2 раза);

2) Попов ГМ. (1906–1968) – с 1938 г. второй секретарь МК партии, в 1945–1949 гг. первый секретарь МК и МК ВКП(б), одновременно в 1944–1950 гг. председатель исполкома Моссовета и в 1946–1949 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1950–1951 гг. министр городского строительства СССР, министр сельскохозяйственного машиностроения СССР (38 раз);

3) Попов М. М. (1902–1969) – в январе 1941 г. командующий 1-й Краснознаменной армией, затем Ленинградским военным округом, в годы Великой Отечественной войны командующий Северным и Ленинградским фронтами, Резервным, Брянским и 2-м Прибалтийским фронтами, генерал-полковник (6 раз);

4) Попов М. Н. (1902 —?) – с августа 1940 г. начальник Управления

промышленного строительства, заместитель начальника ГУЛАГа НКВД СССР (1 раз);

5) Попов Н. – заведующий Ленгизом (1 раз);

6) Попов Н. Н. (1891–1938) – в 1922–1932 гг. член редколлегии газеты «Правда», автор популярного «Очерка истории ВКП(б)» (9 раз).

Что же касается военачальников того периода, носящих фамилию Попов, то кроме Маркиана Михайловича таковых было еще пять.

1) Попов Василий Степанович (1894–1967). Генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1945). В начале войны командовал 28-м стрелковым корпусом 4-й армии Западного фронта. С апреля 1944 г. – заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта. С мая и до конца войны – командующий 70-й армией этого фронта.

2) Попов Константин Михайлович (1905–1969). Генерал-лейтенант артиллерии (1958). В начале войны занимал должность начальника штаба Среднеазиатской зоны ПВО. В конце войны командовал 70-й зенитной артиллерийской дивизией РГК. Последняя должность в армии – командир 6-го корпуса ПВО.

3) Попов Иосиф Иванович (1898–1962). Генерал-майор (1942). В начале войны занимал должность старшего преподавателя по военной истории кафедры географии Военно-инженерной академии РККА им. Куйбышева. С августа 1941 г. – заместитель коменданта и начальник Южного сектора обороны Москвы, с января 1942 г. – командир 135-й стрелковой дивизии. С апреля 1943 г. – командир 33-го гв. стрелкового корпуса МВО, а с августа 1943 г. – командир 94-го стрелкового корпуса резерва Ставки ВГК.

4) Попов Михаил Андрианович (1898–1963). Генерал-майор (1940). С апреля 1941 г. – комендант Карельского УР в ЛВО. С мая 1942 г. исполнял должность заместителя командующего 23-й армией, одновременно – комендант 22-го укрепленного района, с октября 1942 г. исполнял должность командующего войсками внутренней обороны Ленинграда. С ноября 1943 г. – командир 110-го стрелкового корпуса 42-й армии Ленинградского фронта.

5) Попов Алексей Федорович (1896–1946). Генерал-лейтенант танковых войск (1943). В начале войны командовал 60-й танковой дивизией 30-го механизированного корпуса Дальневосточного фронта. С мая 1942 г. – командир 11-го танкового корпуса 5-й танковой армии Брянского фронта. После войны с мая 1946 г. – заместитель командующего 9-й механизированной армией.

В общем, фамилия Попов и в годы войны была распространенной

среди генералитета. Только поэтому, когда какой-нибудь из Поповых получал на фронте новое назначение, ожидающие его подчиненные обычно интересовались: «А какой это Попов?»

Итак, с фамилий мы разобрались. А вот что касается имени «Маркиан», то оно явно стоит особняком среди многочисленных однофамильцев Поповых. Например, от римского прозвища «Marcianus» – оно происходит от родового имени «Marcius». Имя же «Marcius», в свою очередь, восходит к личному имени «Marcus», что, возможно, происходит от имени бога Марса. По крайней мере, от латинского «Маркиан» означает «сын» – «потомок». Из древнейших времен известен Маркиан Флавит – восточно-римский император в 450–457 гг. Другой Маркиан известен как святой мученик, служивший в Константинопольском соборе чтецом. Что же касается официального православного календаря, то 2 ноября (ст. ст.) 15 ноября 2014 (нов. ст.) отмечается, как день преподобного Маркиана Кирского: «Преподобный Маркиан жил в IV веке. Удалившись в пустыню, он много лет провел в уединении, в непрестанных молитвах и строгом посте. Построив себе малую келию, он затворился в ней и никогда не зажигал свечи, когда по ночам совершал молитвенное правило по Псалтири, так как Господь освещал келию Божественным Светом. Через некоторое время преподобный принял двух учеников, поселившихся рядом с ним, но по-прежнему пребывал в затворе. Антиохийский Патриарх Флавиан (память 18 февраля) и другие епископы просили преподобного, для пользы христиан, оставить свое строгое уединение, но преподобный не согласился. Однако, не покидая своей келий, он поучал приходивших к нему за наставлением и многих отвратил от ересей и привел к православной вере. Перед кончиной преподобный Маркиан завещал своему ученику Евсевию похоронить его тайно, вдали от келий, чтобы избежать посмертной славы и не допустить препирательств между желающими иметь его останки в близлежащих храмах. Преподобный Маркиан скончался в 388 г.».

Согласно официальной биографии, Маркиан Михайлович Попов родился 2 (15) ноября 1902 года. Опровергая эту дату, троюродный брат полковника Антонин Александрович Попов в книге «Когда решать судьбу дано...» укажет: «И вопреки официальной дате не в 1902, а в 1904 году 15 ноября, о чем свидетельствует его отец: "...в доме ветеринарного врача Кораблевского, что за оврагом... родился Маркиан 1904 2 ноября ст. стиля, утром. По этому случаю я пропустил урок в женской гимназии". Это письменно подтверждают и сестры Маркиана Михайловича Валентина и Лидия, и автор настоящего эссе. Он прибавил себе два года, чтобы попасть

в Красную армию. По сообщению официальных органов, подлинного документа о дате его рождения не сохранилось».

И тем не менее, кто же в России в ноябре 2012 г. вспомнил о Маркиане Михайловиче Попове хотя бы в его официальный день рождения? Не поленившись найти ответ на этот вопрос в Интернете, к своему огорчению, обнаружил всего лишь несколько скромных упоминаний. Возможно, были и еще, но, согласитесь, не густо!

Как Мотя стал красным командиром

Маркиан Михайлович родился в станице Усть-Медведицкой области войска Донского. Сегодня это город Серафимович Волгоградской области. Отец новорожденного – Михаил Петрович Попов – был учителем реального училища в Усть-Медведицке. Происходил он из семьи надворного советника (гражданский чин VII класса в Табеле о рангах в России, соответствовал чину подполковника в армии), служившего исправником (глава полиции в уезде в Российской империи). Мать Маркиана – Мария Алексеевна Соловская – была дочерью секретаря уездного Новоржевского дворянского собрания. Окончив Московский университет им. Ломоносова, Михаил Петрович Попов первое время служил в Пробирной палате мер и весов в Москве, затем в Харькове, после чего стал учителем. Летом 1916 г. его назначили директором мужской гимназии в Новоржеве.

Семья проживала прямо при этом учебном заведении, в квартире «большой и неуютной». У них было три дочери: Нина, Валя, Лида и два сына: Мотя (ласкательная форма имени Матвей – «дар Бога») и Петро (так их звали на Дону). По воспоминанию родственника, «братья на зависть всем городским мальчишкам щеголяли в казачьих брюках на выпуске с красными лампасами, попыхивая папиросами "Дядя Костя", названными так в честь знаменитого тогда артиста К. А. Варламова» (выпускались в Петрограде фабрикой «А. Н. Богдановъ и К^о» и стоили 8—10 копеек пачка (10 штук).

К слову сказать, Новоржев (основан в 1777 г. по приказу Екатерины II) расположен в 140 километрах юго-восточнее Пскова, в равнине при отрогах (относительно короткий и узкий горный хребет) Бежаницкой возвышенности, между двух озер – Росцо и Оршо. Город разделен на две половины каналом, которым крепко соединены озера. На сегодняшний день численность населения Новоржева не превышает 4000 человек.

Именно здесь осенью 1916-го сыновья директора мужской гимназии будут приняты в высшее начальное училище. Мотя поступит сразу в третий класс, а Петров – в первый. Эти училища в Российской империи только в 1912 г. были переименованы из городских. Состояли они из четырех классов с годичным курсом в каждом. Принимали в это учебное заведение, как правило, детей (в возрасте 10–13 лет), окончивших до этого начальную школу. Учащиеся высших начальных училищ после окончания курса 1 – го

и 2-го классов имели право на поступление во 2-й и 3-й классы (соответственно) средних общеобразовательных школ. Правда, для поступления в 3-й класс требовалось сдать экзамен по иностранным и древним языкам. Как правило, выпускники высших начальных училищ поступали в учительские семинарии или технические училища. Учебных курс этих учебных заведений включал: Закон Божий, чтение и письмо, русский язык и церковнославянское чтение с переводом на русский язык, арифметику, практическую геометрию, географию и историю отечества с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии, сведения из естественной истории и физики, черчение и рисование, пение и гимнастику.

Вспоминая то счастливое время, троюродный брат Маркиана – Антонин Александрович засвидетельствует: «Шла война, и мы увлекались военными играми, втайне мечтая стать вроде прапрадеда Ефима Алексеевича Попова, который геройски участвовал во всех войнах с Наполеоном, пройдя путь от солдата до ротмистра, командира эскадрона кирасирского Ее Императорского Величества полка, вместе с потомством записанного по определению Псковского дворянского депутатского собрания в третью часть дворянской родословной книги. И играли мы не с ребятами "своего круга" – бойскаутами, а с мальчишками с Зеленой улицы, на которую выходил наш сад. И нередко схватывались со скаутами, и верховодил нами Маркиан, хотя он больше тяготел к группе старших во главе с Леонидом, чем к нам, "мелюзге"».

На всю свою жизнь Антонин Александрович запомнит некоторые эпизоды из жизни будущего военачальника, на которые он уже тогда обратил свое пристальное внимание (но кто знал?): «Еще в детстве у него появлялась способность находить выход из труднейшего положения, какая-то мгновенная реакция – и решение найдено. Случай первый. За кузницами, на краю городка, находилось большое поле, где проводились ребячьи военные игры. Здесь было сооружено несколько крепостей – добротнo сделанных землянок, в том числе и бойскаутовских. В одной из таких игр партия ребят во главе с Маркианом погнала противника. Часть из них бежала за подмогой, другая со знаменами укрылась в крепости. Нужно было захватить их до прибытия помощи. По его команде, из ям, где обжигался уголь (в метрах трехстах), была притащена огромная дымящая головня и засунута в землянку сверху. Перепуганные, заплаканные "враги" сдались со знаменами вместе.

Случай второй. На уроках фон Горст, преподававшей немецкий язык, произошел скандал. Она выпорхнула из класса и устремилась к инспектору

училища А. К. Даву. Классу грозила по тем временам большая неприятность, вплоть до вызова родителей. Маркиан бросился за нею, догнал у самой учительской, схватил в охапку и принес в класс, где все коленопреклоненно извинились перед Леопольдиной Юлиановной, и инцидент был исчерпан.

Шла Масленица 1917 года. У нас была выездная лошадь "Воронец", купленная отцом из числа выбракованных из армии. Она хорошо ходила рысью, но при ударе кнутом немедленно переходила на галоп. Для нас, мальчишек и девочек Поповых и соседок Альбрехт, было устроено катание. Папа предупредил – особенно не гнать "Воронца". Все мы разместились в санях, а Маркиан как самый старший, уселся на козлах с Фрейманом, пленным австрийцем, корнетом, ухаживавшим за лошадыю и обучавшим меня немецкому языку. С шумом, гамом выбрались на Зеленую улицу, и упрашивали Фреймана ехать быстрее, но он был неумолим. Тогда Маркиан, повернувшись к нам, сделал знак и на ухабе стегнул коня, который, присев, прыгнул и пустился галопом. Австриец кубарем полетел на дорогу, вожжи оказались в руках Моти. О! Это была лихая езда!

И еще. По существовавшей традиции в состоятельных семьях отмечались дни рождения каждого из ее членов и особенно торжественно дни ангелов или именин. На 14 году жизни в день святого Маркиана Мотя получил от деда подарок – серебряные часы. Они были на цепочке, заводились ключиком и являлись для него предметом гордости. У мальчика тех времен – часы! Ни у кого их не было, и как мы ему завидовали, когда он со звоном открывал крышку. И случилось нечто такое, что открыло присущую черту его характера. Все мы хорошо знали горбатенького мальчика, сынишку очень бедной женщины, жившей в убогом домишке на берегу реки. В самый канун Рождества, он, захватив топорик, направился через озеро в лес за елкой, а когда возвращался, сильно завьюжило, сбился с дороги и замерз. По елочке его лишь и обнаружили. Весть эта нас всех ужаснула, тронула до слез. Устроили складчину на похороны. Среди собравшихся мальчишек были Мотя и Петро, и у того и у другого ни копейки. Маркиан достает часы, отстегивает цепочку от кармана и говорит:

– Вот, возьмите, заложите их у часового мастера Миценгендлера, а деньги на похороны, я их потом выкуплю.

Ни у кого не поднялась рука принять этот дар сердца. Кто-то из вошедших взрослых восполнил образовавшуюся прореху».

7 ноября 1917 г. (25 октября по ст. ст.) под руководством коалиции из большевиков, левых эсеров и анархистов было свергнуто Временно правительство, которое совсем недавно сменило отрешенного от престола

царя. Так в результате двух революций к власти в России пришли большевики во главе с В. И. Лениным. Им достаточно быстро удалось установить контроль над Русской армией, большей частью крупных промышленных центров на не занятой немецкими войсками территории бывшей Российской империи. Уже в марте 1918 г. был подписан мирный договор с Германией, который страны Антанты (военно-политический блок России, Англии и Франции) отказались признавать. Они ввели войска на территорию России и объявили о поддержке всех антибольшевистских сил. В стране началась полномасштабная Гражданская война.

Именно эти годы (1917–1918), отличавшиеся, по утверждению Антонина Александровича, «необыкновенной кипучестью и широтой интересов, взглядов», в какой-то степени определили дальнейшую судьбу Моти Попова: «В происходивших спорах, диспутах Маркиан оказывался на стороне наиболее революционно настроенных юношей и девушек, принимавших самое живое участие в строительстве новой жизни молодой России, без деления на богатых и бедных». Например, с лета 1918 г. он служит добровольцем-красноармейцем (писарем) в Новоржевском штабе Красной гвардии, откуда уволится осенью, при реформировании Красной гвардии в Красную армию (так записано в личном деле генерала армии М. М. Попова. – *Примеч. авт.*). В апреле 1919 г., после окончания Высшего начального училища, реформированного в школу 2-й ступени, Мотя Попов получает направление на должность избача (Дворецкая волость, Новоржевский уезд, Псковская губерния). Это была уже самостоятельная жизнь 14-летнего паренька из Новоржева, которая складывалась как-то сразу успешно.

«...волостная библиотека, которую он организовал, скоро стала притягательным центром для молодежи села. Нередко в ней проходили заседания Комбеда, через которые шло пополнение Красной армии», – фиксирует Антонин Александрович.

Волостная библиотека – это, в сущности, изба-читальня, которая в те годы стала центром просвещения в российских деревнях и селах. Одной из ее главнейших задач была политико-просветительская работа среди крестьян. Например, в 1920–1921 гг. числилось около 100 000 изб-читален. В их работе требовалось неуклонно следить за снабжением газетами, передвижками, а также руководить проведением агиткампаний. Как писала Н. К. Крупская, «...именно связь населения с избой-читальней, втягивание населения в самый процесс работы, пробуждение его активности и инициативы. Здесь необходимо поставить вполне определенную задачу: надо стараться сделать избу-читальню настолько необходимой для

местного населения, чтобы оно взяло целиком на собственные средства и неуклонно стремилось бы к расширению рамок ее работы».

Супруга В. И. Ленина также считала, что при избе-читальне хорошо иметь «группу сорганизованной молодежи – лучше всего из комсомола, – которая берет на себя оповещение жителей». В частности она была убеждена в важности оповещения, называя это хорошей воспитательной работой для комсомола.

Любопытно ее разъяснение конкретной работы заведующего избой-читальней: «...должен подготовиться к чтению. Внимательно прочесть статью; подчитать на затрагиваемую тему, если возможно что достать; поговорить с местным учителем, агрономом, если таковые имеются, вообще со сведущим человеком. Если заведующий сам затрудняется провести беседу чтение, то он должен просить кого-нибудь, знающего дело. Заведующий избой-читальней должен обдумать, какой лозунг вытекает из статьи, заготовить, опять-таки при помощи молодежи, этот лозунг, вывесить его перед началом чтения... Чрезвычайно полезно, чтобы из каждого чтения вытекало какое-нибудь практическое действие».

В одной из своих статей председатель Главполитпросвета при Народном комитете просвещения (одна из должностей Крупской) даже сравнивала знание грамоты с ложкой. Видимо, так было проще объяснить крестьянам ее суть: «Ложкой удобно хлебать щи, но если щей нет, то, пожалуй, ни к чему обзаводиться ложкой».

Дело библиотеки поставлять миску со щами – сокровищницу знаний – владельцам ложек, людям, владеющим техникой чтения.

И ясное дело, такое ясное, как дважды два – четыре, – что надо, чтобы были библиотеки в каждой глухой деревушке, надо, чтобы книга была доступна каждому грамотному».

Следует лишь отметить особую важность работы Моти Попова в избе-читальне Туровской волости. Несомненно, он научился там многому, и, прежде всего, «поставлять миску со щами – сокровищницу знаний – владельцам ложек, людям, владеющим техникой чтения».

В октябре 1919-го Мотю зачисляют в сельскохозяйственный техникум, который располагался в селе Волынево, близ города Порхова. Однако уже весной 1920-го он вступает в комсомол, а затем, прибавив себе два года, 6 мая вступает в ряды Красной армии «в г. Порхов во время Всероссийской мобилизации комсомольцев на фронт». В одной из автобиографий М. М. Попова, подшитой в личном деле, по этому поводу есть небольшое уточнение: «В армию вступил добровольно в 1920 году – курсантом 1-го Московского Артиллерийского училища, откуда ушел на польский фронт и

в качестве красноармейца 292-го Волжского полка 27-й Омской дивизии участвовал в операциях Западного фронта».

Там он впервые в своей жизни принимает присягу. Тогда она называлась не совсем обычно: «Формула торжественного обещания».

Текст этого торжественного обещания был утвержден советским правительством в апреле 1918-го и по распоряжению В. И. Ленина печатался в «Служебной книжке красноармейца»:

«1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

2. Пред лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства.

4. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5. Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6. Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

Итак, Мотя Попов – красноармеец 3-й роты 242-го Волжского полка 27-й стрелковой дивизии.

Несколько слов об этом прославленном соединении РККА. В августе 1918 г. из частей, отступающих от Казани и действовавших по левому берегу Волги, была образована Левобережная группа войск Казанского участка Восточного фронта, переименованная приказом войскам 5 армии № 30 от 21 сентября 1918 г. в Левую группу. Приказом войскам 5 армии № 158 от 7 ноября 1918 г. группа была преобразована в 27-ю стрелковую дивизию, а приказом РВСР № 2797/559 от 13 декабря 1920 г. она получила наименование 27-й Омской Краснознаменной. С декабря 1919 г. начальником 27-й стрелковой дивизии был Витовт Казимирович Путна

(1893–1937).

Служба красноармейца Попова началась с весьма необычного события. Гражданская война подходила к концу, и в Красной армии стала усиливаться борьба за строгую дисциплину. Однако из-за этого стали возникать недоразумения. Вот как об этом напишет в своих мемуарах начальник политотдела 27-й дивизии А. П. Кучкин: «Некоторые командиры в своих требованиях соблюдения дисциплины допускали перегибы. Систематическую воспитательную работу с красноармейцами, нарушившими дисциплину, они подменяли грубыми окриками, частым применением мер наказания. Это вызывало недовольство бойцов, и они стали жаловаться военкомам. На этой почве между военкомками и командирами, не желавшими слушать комиссаров, иногда и возникали конфликты. Посыпались жалобы со всех сторон на имя начдива и в политотдел дивизии. Тогда Путьна отдал строгий приказ, чтобы командиры частей умело применяли устав, чтобы их действия были согласованы с военкомками, чтобы они уделяли больше внимания не администрированию, а воспитательной работе, неуклонно требуя от красноармейцев выполнения Устава внутренней службы».

Как итог, политотдел соединения обратился к военным комиссарам со следующим письмом: «...На почве введения дисциплины в армии (на основе устава) происходят недоразумения между комсоставом и красноармейцами, объясняемые тем, что одни слишком усердствуют, другие не усваивают требуемой дисциплины.

Во избежание недоразумений начдивом 27 дано комбригам распоряжение о том, чтобы в частях и учреждениях дивизии команды (словесные) и приемы, не предусмотренные уставом Красной армии, не применялись и не изучались на занятиях. В то же время надо добиваться, чтобы Устав внутренней службы в Красной армии исполнялся без рассуждений.

Подив 27 разъясняет военкомкам, что всякая дискуссия по поводу дисциплинарных правил в армии, когда в тылу проводят милитаризацию труда, недопустима. Регламентация приемов дисциплины в Красной армии должна будить в красноармейцах чувство уважения к себе, опрятности и аккуратности в строю.

На военкомов возлагается следить за исполнением устава и распоряжений начдива и нижестоящих по должности командиров и о всех незаконных действиях немедленно сообщать в подив. Начподив 27 А. Кучкин. Секретарь В. Пантелеев. 8 мая 1920 года».

Спустя месяц Реввоенсовет отдал приказ о переброске дивизии на

Запад, на войну с Польшей. Начальник политотдела дивизии свидетельствует: «Покинув Минусинский район в июне, дивизия уже в начале июля вела ожесточенные бои с войсками польского пана Пилсудского, который 25 апреля 1920 года начал войну против Советской республики. Когда дивизия прибыла на Западный фронт, поляки уже продвинулись на значительное расстояние в глубь нашей страны: ими были захвачены столица Белорусской Советской республики Минск и столица Советской Украины Киев. Советские войска Западного фронта с прибытием 27-й дивизии в начале июля перешли в наступление».

Согласно архивным данным, 27-я стрелковая дивизия участвовала в советско-польской войне в составе 16-й и 15-й армий в следующих операциях: Июльской (2—23 июля 1920 г. – форсирование р. Березины, освобождение гг. Минск, Слоним), Варшавской (23 июля – 25 августа 1920 г. – форсирование р. Западный Буг, овладение гг. Соколов, Венгров, отход с арьергардными боями в район Минска). Словом, все начиналось весьма оптимистично с призыва «На Варшаву! Даешь Варшаву!», а завершилось полной катастрофой. Например, если 7 июля 27-я сд форсировала реку Березину и стремительным ударом опрокинула противника, то уже 17 августа после тяжелых боев за Варшаву началось всеобщее отступление. Как итог, только в боях за столицу Польши дивизия потеряла более половины своего состава. На 17 августа в ее составе насчитывалось 1650 человек.

Для победно наступающей Красной армии произошедшее под Варшавой стало полной неожиданностью: 14 августа 1920 г. ударная группировка 5-й польской армии генерала Сикорского нанесла удар встык 15-й и 3-й армиям Западного фронта, а на следующий день части этой польской армии после кровопролитных боев потеснили 15-ю армию на всем ее фронте; 15 августа 1920 г. красноармеец Попов был ранен осколком в левую ногу и контужен в голову.

В сентябре – октябре Мотя находится на излечении в госпиталях Минска, Орши и Орла, а затем получает кратковременный отпуск.

С января по март 1921 г. Омская дивизия принимает участие в боях против банд на территории Белоруссии, а красноармеец Попов назначается политруком 6-го ротного участка Псковского территориального полка в Новоржеве (январь – июнь 1921 г.). Именно в это время в молодой Советской Республике создаются первые территориальные формирования.

Победив белогвардейщину и изгнав интервентов, она приступила к мирному строительству. Началась постепенная демобилизация пятимиллионной армии, которая тяжелейшей обузой легла на истощенное

войной хозяйство страны. Вновь рожденные территориальные части с краткосрочной воинской службой должны были дополнить кадровые, давая тем самым возможность пройти военное обучение наибольшему числу призывников. При этом территориальный принцип распространялся только на стрелковые и кавалерийские дивизии внутренних округов.

В новой должности политруку Попову значительно пригодился опыт работы, полученный в избе-читальне, и, безусловно, первый боевой опыт на войне с Польшей. И еще. Видимо за эти пять месяцев службы на ротном участке у шестнадцатилетнего (восемнадцатилетнего по документам) парня рождается мечта стать красным командиром. Но прежде, 16 июня 1921 г. он становится курсантом 74-х пехотных Псковских командных курсов...

Чтобы понимать, о чем идет речь, немного коснемся истории и кое-что проясним. Первым военно-учебным заведением молодой Советской Республики стала 1-я Московская революционная пулеметная школа, открывшаяся уже в декабре 1917 г. Чуть позже, в феврале 1918-го, были созданы 13 командных курсов (пехотных, артиллерийских, кавалерийских, инженерных) в Петрограде, Москве, Ораниенбауме, Твери и Казани. В ходе Гражданской войны сеть военно-учебных заведений Красной армии расширилась с 63 (январь 1919-го) до 151 (ноябрь 1920-го). Все курсы комплектовались в основном красноармейцами-фронтовиками с боевым опытом и образованием в объеме начальной школы со сроком обучения от 2 до 8 месяцев. Но уже в конце 1919-го все программы курсов были пересмотрены. По поводу таких изменений Я. Мурахвер в 1940 г. писал: «Новые программы были рассчитаны на трехмесячный срок обучения в спецклассах и 2–3 месяца (в зависимости от подготовки слушателей) в подготовительных, теоретических классах. Резко были изменены методы обучения. Если раньше преобладал лекционный метод, то теперь он был заменен методом развернутой беседы. Преподавание по новой программе и изменение методов обучения способствовали улучшению боевой подготовки будущих командиров». Как утверждал автор статьи «Подготовка командных кадров Красной армии в годы Гражданской войны», «с 1 ноября 1920 г. курсы перешли на шестимесячный срок обучения. Одновременно одни курсы по каждому роду войск переводились на трехгодичный срок обучения с переименованием в школу. В результате дальнейших мероприятий по нормализации работы военно-учебных заведений Красная армия к маю 1921 г. готовила свой командный состав в следующих школах: 1) школы 1-й ступени, выпускавшие командиров взводов; 2) школы 2-й ступени (школы усовершенствования), выпускавшие командиров рот и батальонов; 3) высшие школы по каждой специальности

и 4) военные академии. Командные курсы постепенно уступали свое место нормальным школам. Уже в 1922 г. их сеть была сокращена почти наполовину (58,5 % по отношению к 1919 г.), а в конце 1924 г. курсы совершенно прекратили свое существование; часть из них была превращена в войсковые школы».

Поступающие на военные курсы и в военные школы проходили приемные испытания. По сегодняшним меркам они могут показаться более чем простыми (куда уже проще), но тогда, в годы поголовной неграмотности, эти требования выглядели достаточно серьезными. Например: «По русскому языку – умение читать, писать, излагать устно и письменно прочитанное. По арифметике – умение производить все действия над целыми числами любой величины. Дополнительные беседы. Кроме испытаний по русскому и арифметике, с целью выяснения общего развития поступающего в ВУЗ проводятся беседы самого элементарного характера на темы по математической и физической географии... Этим выясняется не запас фактического материала и знаний, а, главным образом, общий уровень развития, что дает возможность преподавателю ближе узнать поступающего и более умело подойти к нему в будущих занятиях в школе», – отметит Ж. Ульман в статье «Подготовка красного командного состава».

В июле 1920 года срок обучения на Пехотных командных курсах был увеличен до года. Это время состояло из трех периодов: подготовительный – со сроком учебы шесть месяцев, специально-военный – четыре месяца и дополнительный – два месяца.

Организационно курсы подразделялись (основу курсов составлял батальон четырехротного состава) на роты, взводы и классные отделения до 30 человек в каждом. За короткий срок курсанты должны были освоить большой по объему материал: тактику и фортификацию, топографию и воинские уставы, артиллерию и связь, социально-политические и общеобразовательные предметы. Много времени отводилось изучению оружия. Помимо трехлинейной винтовки Мосина образца 1898 г., станкового пулемета системы Максима изучались ручные пулеметы Льюиса и Кольта, станковые пулеметы Виккерса, Шварцлозе, Гочкиса, Сен-Этьена, пушки системы Розенберга и Маклена, миномет «Дюмезиль» и другая техника, которая досталась Красной армии в качестве военных трофеев. Что же касается бытовых условий курсантов, то кроме как суровыми назвать их было нельзя.

Как подчеркивает В. А. Дороничев, «плохое обмундирование, питание, тяжелое материальное положение способствовали росту

демобилизационных настроений и желанию скорейшего выпуска из стен...»

Свидетельство бывшего курсанта 1-й Петроградской пехотной школы командного состава РККА М. Баруткина лишь дополняет эту картину: «В 1921–1922 гг. курсанты военно-учебных заведений получали 600 граммов хлеба, но из них добровольно отчисляли в пользу голодающих Поволжья по 100 граммов в день. Горячая пища в виде фасолевого супа или супа из селедки была в основном один раз в день – в обед, а утром и вечером – чай. Были моменты, когда в лагерных условиях мы носили настоящие лыковые лапти. Но мы не роптали. Мы понимали, что Родина большего дать тогда не могла».

Несмотря на все эти трудности послевоенного времени, курсант Попов учился достойно, явно выделяясь среди товарищей, и не однажды отмечался командованием. Например, 29 января 1922 г., как один из лучших курсантов он был назначен на должность отделенного командира (должность командира отделения в Красной армии в период 1919–1924 гг.), получив право носить свой первый в жизни знак различия: на левый рукав рубахи и шинели пришивался суконный клапан по цвету рода войск (малиновый), в верхней части которого была звезда алого цвета, а под ней треугольник.

До долгожданного выпуска оставалось еще целых семь месяцев...

Он состоялся в октябре 1922 года. По случаю был митинг, играл оркестр. Молодым краскомам вручили командирские свидетельства, выдали новое диагональное обмундирование, английские шинели, командирское снаряжение и наганы. Теперь уже красный командир Маркиан Попов, а не Мотя, как раньше, был оставлен на курсах командиром взвода. Ему скоро исполнится только восемнадцать, а по документам – уже целых двадцать. Так ведь и вся дальнейшая жизнь Маркиана Михайловича словно бежала по дороге судьбы, спеша ровно на два года вперед.

«Выдающийся командир»

Меньше двух месяцев краском Попов командовал взводом на Пехотных курсах. 15 октября, после расформирования курсов, его назначили помощником командира взвода Сводной роты 33-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. Но это не было понижением. Просто Маркиан Михайлович рвался в строй и за неимением свободной должности менее месяца занимал нижестоящую. С 22 ноября он уже командир взвода учебной роты в дивизионной школе 11-й дивизии. Пройдет чуть более года, и его назначат помощником командира учебной роты, а еще через полгода – помощником начальника полковой школы.

Будущий главный маршал бронетанковых войск (1962) П. А. Ротмистров в 1924 г. окончил Военную объединенную школу имени ВЦИК и для прохождения дальнейшей службы был направлен в Ленинград, где стал командиром взвода 31 – го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. Спустя десятилетия он напишет: «И какова же была моя радость, когда я увидел своего старого сослуживца и друга Маркиана Михайловича Попова. Еще в двадцатых годах нам довелось командовать ротами в одной дивизии. Я знал его как отличного строевого командира, превосходного спортсмена, остроумного и неизменно жизнерадостного человека».

К счастью, Павел Алексеевич сохранил для нас и еще одно ценное воспоминание о том времени их командирской юности: «Попал в роту, укомплектованную в основном красноармейцами приволжских и северных народностей. Командовал ротой бывший офицер старой армии Бурыгин. Это был настоящий военный профессионал. Он предъявлял жесткие требования к боевой подготовке, особенно большое внимание уделял стрелковому делу и штыковому бою, считая, что успех в схватках с врагом прежде всего зависит от того, насколько умело владеет воин доверенным ему оружием – метко ли он стреляет, умеет ли нанести врагу стремительный удар штыком или прикладом.

Однажды командир роты собрал нас, молодых командиров взводов, на стрельбище. Стреляли из винтовки стоя, с колена и лежа. Все выполнили упражнения, но, нужно сказать, не с блестящим результатом.

Бурыгин укоризненно покачал головой и, молча взяв винтовку, вышел на огневой рубеж. Одну за другой он быстро и метко поражал мишени, а закончив стрельбу, встал, отряхнулся и сказал:

– Вот так-то! Раз и навсегда запомните, что уважение красноармейцев,

авторитет у них вы можете завоевать только личным примером.

Так мы получили наглядный урок, из которого сделали вывод: чтобы обучать, надо самому все уметь и знать лучше своих подчиненных.

К службе я относился очень серьезно, настойчиво добиваясь выполнения красноармейцами программы боевой и политической подготовки, четкого знания уставов и наставлений. Много уделял внимания ликвидации неграмотности, считая эту работу не только командирской обязанностью, но и долгом коммуниста. Не случайно мой взвод в первый же год стал лучшим в роте, а меня назначили командиром учебного взвода полковой школы, затем – командиром роты».

Возможно, П. А. Ротмистрову повезло больше, чем М. М. Попову, который пришел в дивизию осенью 1922 г., но, как свидетельствуют документы тех лет, «после завершения курсов и прибытии на место прохождения своей службы краском зачастую сталкивался с достаточно недоброжелательным отношением со стороны военспецов». Об этом можно прочитать в статье В. А. Дороничева «Особенности подготовки, прохождения службы и материальное положение красных командиров в начале 20-х годов XX века»: «В массе своей "представители старой школы" игнорировали новоиспеченных офицеров, считали их малоподготовленными для строевой и воспитательной работы с красноармейским составом. О расслоении комсостава можно найти подтверждение в "Тезисах о быте командного, политического, административного и красноармейского состава Красной армии", подготовленных ПУ РВС в мае 1923 г.: "Комсостав не представляет собой единого целого, а делится, в основном, на 2 группы. Это бывшие офицеры старой армии и красные командиры из рабочих и крестьян, кончившие ВУЗы и активные участники Гражданской войны. Первые занимают преимущественно должности высшего и старшего комсостава, краскомы же на 95 % заполняют должности младшего комсостава от командиров отделений до командиров рот. Разность этих групп по социальному происхождению и по подготовке является той причиной, которая вызывает деление комсостава на «краскомов» и не «краскомов». Взаимоотношения их между собой далеко еще неудовлетворительные. Связи между ними вне службы нет никакой, за редким исключением"».

Например, в частях все той же 11-й стрелковой дивизии было «замечено частичное игнорирование краскомов, занимающих низшие командные должности, со стороны высшего командного состава (из бывших офицеров), медленное проведение их по службе, что объясняется тенденциями командиров из бывших офицеров держаться старых традиций

и предпочтений к выдвижению на командные должности лиц также из бывших офицеров, считая краскомов малоподготовленными...»

Как подчеркивает В. А. Дороничев, «проведенная проверка показала необходимость определения четкого порядка прохождения службы краскомов. В одной из докладных записок на имя заместителя председателя РВС СССР предлагалось:

"... 1. установить предельные сроки пребывания красных командиров на определенных постах.

2. установить право красным командирам занимать административно-хозяйственные должности и штатные должности при стаже службы помощником командиром роты в течение 1 года.

...4. Для красных командиров, прошедших Гражданскую войну и занимавших должность командира роты и выше, но в настоящий момент пониженных, провести через специальные аттестационные комиссии и направить в высшие стрелковые школы, независимо от того, какие должности они занимали».

Помимо таких вот чисто служебных проблем красные командиры испытывали и крайне тяжелое положение с необеспеченностью жильем, обмундированием, обувью, продовольствием.

Раскрывая эту тему, В. А. Дороничев пишет: «Если старший и высший комадмполитсостав получал сравнительно большие оклады, и несоответствие между вздорожанием жизни и процентной прибавкой не так было заметно, то у среднего и младшего комадмполитсостава оно бросалось в глаза. Как отмечалось в политсводках, это вносило в круг комсостава некоторые отрицательные элементы, такие как "неприязнь, зависть, обиды". Кроме того, определенную часть жалованья командирский состав получал облигациями золотого займа.

Оставшаяся часть жалованья почти целиком уходила на приобретение топлива и оплату коммунальных услуг.

«... 23 рубля в месяц, выплачиваемые взамен топлива, представляют ничтожную сумму, если принять во внимание, что воз дров стоит 200 рублей, а пуд угля – 25 рублей. Кроме того, комсостав в приобретении техники и иных вещей не пользуется льготами, которые предоставлены служащим и работникам гражданских учреждений, имеющим более высокую оплату труда».

Правительство пыталось решить проблемы военнослужащих путем введения военного тарифа и выплаты жалованья по курсу товарного рубля, однако «запаздывания в выдаче жалованья (особенно в провинции), применение в армии особого переводного коэффициента ниже бюджетного

индекса Госплана, непрекращающееся вздорожание продуктов» свели все эти улучшения на нет.

Особое место занимал жилищный вопрос. Следует отметить, что большей части комсостава (85 %) приходилось жить на частных квартирах, а оставшаяся часть (15 %) размещалась в бывших офицерских корпусах.

«... Плата за квартиру и коммунальные услуги лишают возможности командполитсостав нанимать более или менее приличную квартиру, бывшие офицерские корпуса не приспособлены для жилья. Проживание на частных квартирах, помимо неудобств из-за отдаленности от части, ложится бременем на бюджет комсостава».

Помните знаменитую повесть Бориса Васильева «Офицеры»? Там было так: «Маленькое, тесное полутемное помещение: то ли часть товарного вагона, приспособленного под жилье, то ли выгородка в бараке с отдельным входом. Столик, табуретка, сундук да большая бельевая корзина, в которой спит ребенок.

За столом Люба на кофейной мельнице перемалывает в муку неочищенные ржаные зерна. Изредка покачивает корзину, когда в ней начинает кряхтеть сын.

Открылась дверь, и в клубах морозного пара возник Алексей с непокрытой головой – шлем был надет на котелок, который он бережно прижимал к груди левой рукой. А под правой нес добрую половину железнодорожной шпалы.

– Как живете-можете?

– Дверь закрой.

– Морозище – ужас, – Алексей поставил у входа шпалу, прикрыл дверь, подошел к столу и торжественно водрузил перед Любой накрытый шлемом котелок. – Ну, ничего, угольку обещали подвезти. Перезимуем.

Люба сняла шлем с котелка. И ахнула:

– Суп!

– Борщ, – поправил муж. – Комиссар приказал женам выдать. Ешь, пока горячий.

Люба тут же достала кусочек хлеба, ложку. Начала есть.

– А ты опять без завтрака ушел.

– Опаздывал я. Где наш топор?

– Под сундуком, – Люба вдруг перестала есть. – Алеша, он же с мясом!

– Ну с мясом, – согласился Алексей. – И хорошо, что с мясом.

Полезно. Ешь.

– Не буду.

– Ешь, я сказал!

– С мясом женам не полагается.
– Тем, которые кормящие, им полагается, – он подошел, обнял. – Ну ешь, пожалуйста.
– Не могу. Это твоя порция.
– Ванькина! – вдруг заорал Алексей, тут же испуганно примолкнув. – Спишь, Егорка?.. Правильно, во сне только и расти. Иван в тепле, зубрит до посинения, так что нам с ним одна порция на двоих – за глаза.
– Алеша, я не могу.
– Можешь, – жестко сказал он. – Ты нам сына выкормить должна. Парня, понимаешь?

Достал топор, взял шпалу, вышел. Донесся стук топора.

Люба ела борщ с мясом, и слезы капали в котелок».

Все именно так и было...

Осенью 1924-го молодого и перспективного командира направляют на учебу в Москву. Это были знаменитые курсы «Выстрел». 7 октября краском Маркиан Попов был зачислен слушателем, а 9-го курсы были переименованы из Высшей тактико-стрелковой школы командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» в Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна (КУКС «Выстрел»). По утверждению авторов статьи «Полевая офицерская школа высокого уровня. 180-летняя история курсов "Выстрел"» полковников В. Н. Новака и Ю. Ф. Шлыка, «педагогические новшества, возникшие и утверждавшиеся на курсах, быстро находили свое применение и в остальных военно-учебных заведениях РККА. С целью обмена опытом стал издаваться общеармейский ежемесячный журнал "Выстрел". Уже в первом его номере помимо методической готовилась и научная страничка. В ее публикациях, в частности, тактика (как важный элемент военной науки) объявлялась "цементирующей учебной дисциплиной"». Как подчеркивают кандидат военных наук В. Н. Новак и доктор военных наук Ю. Ф. Шлык, «...курсы, взявшись и за научную деятельность, не увлекались "академичностью" обучения, а давали слушателям необходимые доступные знания, нужные в войсках именно в то время. При этом знания по всем предметам излагались с методическим уклоном, таким образом, командиры в ходе переподготовки сразу учились и преподавать». Далее они пишут: «Основой подготовки слушателей на курсах служил метод "обучая – воспитывай, воспитывая – обучай". Была введена также новая форма занятий – "лабораторная", известная теперь как занятия в специализированных классах. Развивались полевые виды занятий, внедрялись "полевые поездки", особенно прогрессирующий впоследствии

так называемый подвижной лагерь – многодневные полевые занятия в постоянном движении. В ходе них в обстановке, приближенной к боевой, отрабатывались все виды боевых действий с практической боевой стрельбой на местности или стрельбой холостыми патронами там, где нельзя было стрелять боевыми. Вводилась боевая стрельба в составе отделения, взвода и роты, которая затем прочно вошла в программы обучения подразделений пехоты РККА (затем Советской армии). Для каждой темы полевого или классного занятия специально разрабатывались программы-задания с подробными рекомендациями для преподавателей. Однако каждое занятие проводилось по-особому. Например, классное – в виде ныне известной самостоятельной работы под руководством преподавателя. Тот же лишь начинал занятие, а далее в рамках отведенного времени обучаемые сами "добывали" знания не только с помощью указанной литературы, но и в так называемых лабораториях (специализированных классах), в каждой из которых находился дежурный консультант-преподаватель.

В конце занятия слушатели отчитывались по данной теме своему преподавателю. Таким образом, обучавшие не поучали слушателей, а помогали им учиться».

По окончании школы, а обучение длилось год, М. М. Попов возвращается на прежнюю должность помощника начальника полковой школы 33-го стрелкового полка 11-й дивизии, а 25 февраля 1926 г. его назначают начальником и политруком этой школы.

По свидетельству Антонина Александровича Попова, летом этого года Маркиан Михайлович пригласил всех новоржевцев к себе в гости. «Здесь, собственно, и отметили мое поступление в университет, – рассказывает троюродный брат полководца. – Познакомились с его женой Клавдией Ильиничной, очень милой, общительной, к тому же прекрасной хозяйкой, хотя она была простая работница.

Маркиан, живой, несколько раздавшийся в плечах, был крайне рад этой встрече и от всей души потчевал каждого из нас. Причем, блестя глазами от выпитого, сообщил, что представлен к должности командира батальона. В полку со всеми ровен, без подобострастия к начальству. Время провели весело. Потом он с Клавдией побывал у нас с Леонидом на Съездовской линии, что называется, с ответным визитом».

На самом деле все это произошло на год позже. В ноябре 1926-го Маркиан Попов впервые зарегистрировал свой первый брак с Людмилой Тарасовой, уроженкой Ленинграда. Прожили молодожены недолго, а в апреле 1927-го развелись. История умалчивает, по какой причине, но

следующей женой будущего полководца стала Клавдия...

Из автобиографии: «Женат на гражданке Соколовой Клавдии Ильиничне. По происхождению рабочая. Сама до 1929 г. работала на производстве в г. Ленинграде. Ее родственники: брат Борис Соколов – рабочий завода Красный металлист гор. Ленинград. Сестры (их много) или работают, или, являясь домашними хозяйками, живут в Ленинграде. Родители жены умерли до революции, отец работал на различных предприятиях Ленинграда».

Аттестуя начальника полковой школы М. М. Попова, командир 33-го стрелкового полка осенью 1927 г. писал:

«Очень способен. Энергичен. Дисциплинирован. Требователен. Хорошо подготовлен. В общении корректен. Специальное влечение к строевой службе и тактике. Хороший хозяйственник.

В полку его любят младшие командиры и красноармейцы. Считаю его вполне достойным к продвижению на должность комбата во внеочередном порядке».

А вот что писал командир 33-го стрелкового полка в аттестации за 1926 год: «Будучи начальником школы стрелкового полка, показал себя образцово дисциплинированным, хорошо знающим военное дело как в теории, так и на практике. Обладает твердым характером. Требователен к себе и подчиненным. Исполнителен. Выдержанный партиец. Подлежит выдвижению на должность командира батальона в очередном порядке».

Летом 1928-го состоялась следующая встреча Антонина Александровича с Маркианом Михайловичем при условиях действительно весьма необычных: «Летом сотни студентов ЛГУ были призваны на высшую военную допризывную подготовку в лагерь 33-го стрелкового полка, разместившегося в дачной местности в Дибунах.

На первом построении щеголеватый, подтянутый комбат, обходя строй, вдруг подмигнул мне. Ба! Маркиан! Командиром нашего взвода являлся недалекий малый, но службист Моисеев, которому доставляло истинное удовольствие "поездить на ученых". Ему ничего не стоило положить людей в грязь, в болото ("свинья грязь найдет"). Но однажды дневальный вызывает к комбату. Явился, а тот с упреком – почему не заходишь? За чаем я попытался объяснить, что это нарушение субординации, а заодно рассказал о "художествах" комвзвода Моисеева. Маркиан улыбнулся и заметил: "Сволочь он, конечно, порядочная, а ты намекни ему, что мы родичи". И на вопрос комвзвода, зачем вызывал комбат, я многозначительно ответил: "Да так, просто чайку попить". И что стало? С той поры придирки к студентам – как рукой сняло».

Из аттестации за 1928 год: «Был лучшим командиром батальона в 11 дивизии. Обладает сильной волей, энергией, большими знаниями и опытом и любовью к военному делу. В обстановке разбирается легко и быстро. Решения принимает быстро и грамотно и четко проводит их в жизнь. Политическая подготовка хорошая. Активен в общественно-политической и партийной работе. Пользуется большим авторитетом в полку. Хороший организатор и педагог. В походах вынослив. Должности соответствует».

Из аттестации за 1929 год: «Хороший, способный и грамотный командир батальона. Хороший стрелок и лыжник. Подтверждаются отмеченные ранее положительные качества. Достоин выдвижения на должность помощника по строевой командиры полка».

Вскоре на окружных маневрах батальон М. Попова (с октября 1927 г. по ноябрь 1929 г. – командир батальона 33-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии) занял одно из первых мест, а сам комбат получил по приказу Реввоенсовета СССР, подписанному Уншлихтом, назначение преподавателем тактики Ленинградской пехотной школы. В личном деле М. М. Попова в связи с этим сделана следующая запись:

«11.1929—1.1930

Преподаватель тактики

Ленинградская пехотная школа и слушатель курсов преподавателей при курсах усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» г. Москва.

РВС СССР № 502—1929 г.».

Однако надо знать Маркиана Михайловича... Он настойчиво рвется в строй и добивается своего. С 1 января 1930 г. его назначают исполняющим обязанности начальника штаба Моторизованного отряда 11-й стрелковой дивизии. После утверждения в должности, весной этого же года, командир дивизии С. А. Туровский подпишет очередную аттестацию на своего подчиненного: «...выдающийся командир. Способный, инициативный и работающий над собой. Хорошо ориентируется в обстановке и быстро реагирует на ее изменения. Несколько горяч. В должности начштаба моторизованного отряда в значительной степени способствовал формированию и организации отряда. На тактических учениях, маневрах и занятиях зарекомендовал себя с хорошей стороны.

Достоин выдвижения на должность командира отдельной части».

Что касается должности начальника штаба моторизованного отряда, то эта ступень в стремительной карьере Маркиана Михайловича оказалась знаковой. Во-первых, два новорожденных механизированных корпуса Красной армии начали свое формирование в 1932 году на базе стрелковых

дивизий Ленинградского и Украинского военных округов – 11-й, в которой долгое время проходил службу будущий полководец, и 45-й – в Киеве. Как уточняет Е. Дриг, «обе дивизии содержались по штатам №№ 4/39,41–44 и в 1930 году имели своем составе (помимо трех стрелковых, одного артиллерийского полков и других частей) моторизованный отряд (штат – 12 бронемашин, 51 автомашина, 29 мотоциклов). В 1931 году по штату в мотомехотряд 11-й стрелковой дивизии входили уже 15 танкеток, 12 БА-27, 132 автомашины, 19 мотоциклов». Именно в этом моторизованном отряде начальником штаба и был М. М. Попов. Во-вторых, касаясь своей службы в начале 30-х годов, маршал Г. К. Жуков вспоминал: «... освоение новой техники, особенно ее использование в операциях, не всегда проходило гладко. Мешал недостаточно высокий общеобразовательный уровень многих красноармейцев и командиров, часто бывали аварии, технические неурядицы, не все понимали, как необходимы технические знания, не хватало технических кадров. Нужно было перестраивать старые рода войск, создавать новые войсковые соединения, переучивать пехотных и кавалерийских командиров на авиаторов и танкистов и в то же время поддерживать боевую готовность армии на случай агрессии. Параллельно шла организационная перестройка войск.

Тем не менее новая техника тянула к себе, привлекала новыми возможностями, возбуждала интерес в армейских массах. В печати, по радио, с помощью кино широко пропагандировались военно-технические знания. (...)

Повсюду в частях можно было увидеть сооруженные армейскими комсомольцами щиты и фотовыставки, популяризовавшие технические знания, проводились летучие митинги и собрания о бережном отношении к технике. (...)

Одним словом, призыв партии "Овладеть техникой!" был главным в деятельности... командиров и политработников».

Овладевал техникой и Маркиан Михайлович Попов. Уже тогда ему приходилось впервые заниматься вопросами ведения разведки с использованием первых советских серийных броневых автомобилей (БА-27) и легких разведывательных танков (танкеток). Это было время, когда технические достижения в области танкостроения в СССР «создали прочные предпосылки к коренному изменению решительных организационных изменений автобронетанковых войск в сторону создания высших механизированных соединений, способных самостоятельно решать задачи, как на поле сражения, так и на всей оперативной глубине современного боевого фронта», – особо подчеркивает Е. Дриг Отсюда

очередное и весьма специфическое назначение М. Попова – инспектор по моторизации корпуса военно-учебных заведений Московского военного округа (январь 1932 – апрель 1932 г.). Это уже Москва. Не потому ли в своей книге Антонин Александрович точно укажет: «До 1931 года я и брат встречались с Маркианом Михайловичем то у нас, то у него. Иногда дискутировали на острые политические темы того времени – борьба с троцкизмом, коллективизация, а то и на литературные, в связи с выходом первой части "Тихого Дона". Он был искренне тронут, когда я подарил ему вышедшие в свет пьесы – "Облигацию" и "Дурман" с теплым автографом».

Москва, академия...

22 апреля 1932 г. М. М. Попов был зачислен слушателем основного факультета Военной академии им. Фрунзе. Кто знал Маркиана Михайловича, абсолютно не удивился такому успеху, так как на протяжении всей своей службы он всегда выделялся исключительной образованностью. Не говоря уже про высокую должность инспектора моторизации ВУЗов МВО, с которой он туда поступил.

По меркам тех лет это был очень ответственный момент в биографии будущего полководца.

Приказом Реввоенсовета Республики (РВСР) № 47 от 7 октября 1918 г. в Москве была открыта Академия Генерального штаба, которая готовила кадры высшего и среднего комсостава. Приказом РВСР № 1675 от 5 августа 1921 г. Академия ГШ была преобразована в общевойсковую и переименована в Военную академию РККА. Приказом РВС СССР № 1086 от 5 ноября 1925 г. ей было присвоено имя М. В. Фрунзе. После создания в 1936 г. Академии Генерального штаба Военная академия стала готовить общевойсковые кадры командно-штабного профиля оперативно-тактической специальности.

Одним из самых первых слушателей этого элитного учебного заведения Красной армии известен знаменитый Василий Иванович Чапаев, который прибыл в Москву из дивизии в ноябре 1918 г., а зачислен был только 9 декабря. Учившийся с ним генерал армии И. В. Тюленев рассказывал следующее: «В конце ноября 1918 года я прибыл в Москву. Академия Генерального штаба помещалась в Шереметьевском переулке, в здании бывшего охотничьего клуба. Комната, в которой мне предстояло жить, была темная, без окон. Когда я вошел, в ней горел свет. Первое, что бросилось в глаза, в два ряда вдоль стен узкие кровати. В проходе между ними нервно шагал, вернее, не шагал, а метался щеголеватый военный лет тридцати, с усиками, аккуратнo, на пробор, причесанный. Увидев меня, он остановился и громко, с издевкой сказал: "Еще одна птичка пожаловала! Что, брат, фронт тебе надоел?" В ответ я только махнул рукой. Мой собеседник вздохнул: "Приказали? Мне тоже приказали. Но черта с два! Уеду! Придумать такую несуразицу – боевых людей за парту!" Это был Василий Иванович Чапаев. Мне досталась койка через одну от него».

О пребывании Чапаева в академии до нас дошли несколько историй. Все их, называя легендами, перечисляет А. Ганин: «Первая – об экзамене

по военной географии, на котором в ответ на вопрос старого генерала о значении реки Неман (в разных версиях реки различаются: фигурируют также Сена и Висла) Чапаев спросил профессора, знает ли тот о значении реки Солянки, на которой он вел бои с уральскими казаками. При этом Чапаев сказал, что на Немане был ранен и контужен (хотя воевал он в Первую мировую в основном в Галиции). Тем не менее, Василия Ивановича зачислили как имеющего практический опыт. Еще по одной легенде Чапаев в академии освоил топографию и научился делать из 10-верстной карты верстовку или двухверстовку. И наконец, по рассказу Тюленева, Василий Иванович сумел "поставить на место" известного военного теоретика Свечина (тогда штатного преподавателя и руководителя практических занятий академии) в вопросе о битве при Каннах, назвав римлян слепыми котятками и заявив в ответ на ироническое замечание преподавателя: "Мы уже показали таким, как вы, генералам, как надо воевать!"»

В том же декабре 1918-го В. И. Чапаев покинул академию, вернувшись на фронт. Однако, как стало известно гораздо позднее, из своей дивизии в это учебное заведение он направил нескольких лучших краскомов, а провожая, вроде как даже говорил: «Академия – это великое дело».

По воспоминанию главного маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова, большинство научных трудов по теории и истории войн, стратегии, тактике и новой отрасли военной науки – оперативному искусству были подготовлены и изданы в академии при М. В. Фрунзе, который был ее начальником (1924–1925).

Поступивший в академию в 1928 г. Павел Алексеевич в книге «Стальная гвардия» напишет об этом не без ноток ностальгии: «Так, коллектив преподавателей в составе Н. П. Сапожникова, А. Н. Лапчинского, Н. Н. Шварца, Н. Е. Варфоломеева и других издал труд "Ведение операций. Работа командования полевого управления". В нем впервые были научно изложены взгляды на ведение операций с применением тех сил и средств, которыми располагала Красная армия, четко формулировалась цель операции и указывался метод действий – непрерывное наступление, переходящее в длительное преследование противника без пауз и остановок. Наступление, таким образом, представлялось в виде ряда последовательных операций, каждая из которых являлась промежуточным этапом на пути к достижению конечной цели – полному разгрому врага.

Идеи, изложенные в этом труде, легли в основу теории глубокого боя и глубокой операции, выдвинутой М. Н. Тухачевским, И. П. Уборевичем, К. Б. Калиновским и разносторонне исследованной в книге

В. К. Триандафиллова "Характер операции современных армий".

Тогда же, в 1924 году, вышел в свет большой двухтомный труд профессора А. М. Зайончковского "Мировая война 1914–1918 гг." с описанием хода боевых действий на всех театрах этой войны. А. М. Зайончковский стал профессором еще задолго до революции и получил широкую известность в военных кругах по работам в области военной истории и тактики.

Коллективом профессоров и преподавателей проводилась большая работа по исследованию гражданской войны в СССР. Уже в 1928–1930 годах под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и РП. Эйдемана был издан трехтомник "Гражданская война 1918–1921 гг.", в котором освещались этапы создания Красной армии и ее военное искусство на полях сражений с войсками белогвардейцев и иностранных военных интервентов.

Преподаватели и профессора академии в последующем подготовили и опубликовали крупные работы по тактике различных родов войск. Эти труды обогащали военные знания слушателей, расширили их оперативно-тактический кругозор, развивали стремление к самостоятельному творческому мышлению. Изучение этих трудов весомо дополнялось прослушиванием интереснейших лекций профессоров и преподавателей кафедр академии.

Слушатели искренне уважали и любили своих профессоров. С особым почтением относились к профессорам А. Е. Снесареву, К. И. Величко, В. Ф. Новицкому, Д. М. Карбышеву, Г. С. Иссерсону».

Особо запомнился бронетанковому военачальнику заслуженный деятель науки и техники профессор В. Ф. Новицкий, который пользовался мировой известностью как крупный ученый по истории войн и военного искусства: «На чтение своих лекций он всегда приходил в идеально отутюженном френче, отличался строгой пунктуальностью и нетерпимостью к опоздавшим.

– Если вы, молодой человек, не уважаете мой предмет, так извольте хотя бы уважать своих коллег, – выговаривал профессор опоздавшему на его лекцию, потом протягивал руку в сторону свободного места и, глубоко вздохнув, уже мягко приглашал: – Прошу садиться.

Другой раз он напоминал, что военачальнику, как никакому другому специалисту, следует ценить время, и тут же приводил пример из прошлого, когда кто-то запоздал подтянуть резервы и проиграл сражение.

В. Ф. Новицкий обладал огромным запасом знаний и феноменальной памятью. Читая лекции по истории Первой мировой войны, он

безошибочно называл соотношение сил сторон, десятки населенных пунктов, имена многих немецких, английских и французских генералов, глубоко анализировал и четко объяснял самые сложные процессы боя и войны в целом, делал поучительные выводы и требовал от слушателей в их будущей боевой практике быть вдумчивыми при принятии решений, не забывать о тех, кто своей кровью добывает победы и расплачивается жизнью за ошибки и фантазии военачальников.

Была у этого великолепного ученого и педагога одна странность: работая дома, он облачался в генеральский мундир с погонами и, прохаживаясь по кабинету, вслух обсуждал различные проблемы военного искусства.

В те годы преподаватели нередко давали консультации слушателям у себя на квартире. Я, например, неоднократно бывал у профессоров Д. М. Карбышева, Г. С. Иссерсона и других.

Так вот однажды слушатель, кажется по фамилии Егорычев, прибыл на квартиру к В. Ф. Новицкому. Дверь ему открыла опрятно одетая старушка.

– Пожалуйста, проходите, – вежливо пригласила она. – Василий Федорович у себя.

– Здесь, ваше превосходительство, требуется иное решение, – услышал Егорычев через приоткрытую дверь голос Новицкого и, войдя в кабинет, остолбенел: профессор стоял перед ним в парадном генеральском мундире старой армии.

– Вы ца-царский ге-генерал... Не з-знал, – залепетал, заикаясь, растерявшийся слушатель, подозрительно озираясь, разыскивая глазами того, с кем разговаривал Новицкий.

– Вас озадачил мой мундир? – усмехнулся профессор. – Да-с, молодой человек, как изволите видеть, я генерал, только не царский, а русский, и сей чин получил не за верноподданность его императорскому величеству, а за службу на пользу великой России, своему Отечеству. – Поправив пенсне и приподняв голову, он с гордостью добавил: – Представьте себе, я имел честь быть консультантом Владимира Ильича Ленина по некоторым военным вопросам, приходил к нему вот в этом мундире, и он не изволил меня разжаловать.

– Не может этого бы-быть! Тут что-то не то, – с недоумением смотрел Егорычев на профессора, все еще считая, что он кого-то прячет в своем кабинете.

– В таком случае, молодой человек, нам с вами не о чем разговаривать, – уже раздраженно оборвал Новицкий. – Приходите на

консультацию в другой раз и предварительно наведите обо мне соответствующие справки в ВЧК.

Егорычева словно ветром сдуло. Он выскочил из квартиры и опротясь бросился к комиссару академии Е. А. Щаденко.

– Товарищ комиссар! Понимаете, на профессоре Новицком царский мундир. Сам только что видел.

У комиссара был довольно крутой нрав, и, когда ему казалось, что человек говорит неумные вещи, он начинал сердиться и не выбирал выражений.

– Толком объясни, в чем дело? – грозно нахмурил он лохматые брови.

Егорычев рассказал.

– Ну и что? – сверкнул зеленоватыми глазами Щаденко. – Известно ли тебе, сколько заслуг у таких генералов, как Новицкий, и перед Красной армией, и перед академией?! Ленина надо читать. И профессор стал красным, когда тебя нельзя было еще назвать даже розовым... Идите извиниться перед профессором за свое поведение.

Вскоре об этой истории стало известно всем слушателям, и некоторые из них долго еще подтрунивали над Егорычевым, а авторитет В. Ф. Новицкого еще больше поднялся, когда мы узнали, что он встречался с Владимиром Ильичем Лениным, который прислушивался к его мнению как крупного военного специалиста».

Когда Маркиан Михайлович Попов только-только сел за академическую скамью, в ней уже завершали свое обучение слушатели так называемой Особой группы во главе с СМ. Буденным, которому было под пятьдесят. После того как известные кавалеристы на обычном диктанте сделали от 13 до 52 ошибок, самостоятельно приняли решение учиться с особым упорством. Наряду с освоением специальных военных дисциплин они стали изучать общеобразовательные предметы: русский язык, математику, историю, географию. И, надо сказать, достигли успехов.

Одним из преподавателей академии был будущий военачальник генерал армии П. А. Курочкин. Он сразу же обратил внимание на Маркиана Михайловича, который среди молодых командиров «выделялся не только знанием военного дела и высокими организаторскими способностями, но и широкой общей культурой, начитанностью и остроумием. Он хорошо знал английский язык, теорию музыки, был превосходным пианистом».

Прекрасно запомнил слушателя М. М. Попова и будущий маршал И. Х. Баграмян (в академии учился с 1931 г.): «Попов был известен в академии не только своими острыми выступлениями на семинарах и заседаниях военно-научного общества, но как и душа всех наших вечеров

отдыха. Он отлично пел и играл на рояле. Со своей красавицей женой показывал нам не только бальные танцы, но и фокстрот, танго, только что появившиеся тогда в Москве. Хорошо знал английский. Читал наизусть Фета, Тютчева, Пушкина и Лермонтова».

Одним из однокашников М. М. Попова по академии был будущий генерал Н. П. Симоняк. Из инструкторов верховой езды 1-го разряда он стал слушателем сначала подготовительного курса, а потом выдержал вступительные экзамены и на первый курс. В повести о нем (авторы М. П. Стрешинский и И. М. Франтишев) нашлось место и об этом: «Потянулись годы напряженного труда. Дни, вечера, а нередко и ночи просиживал Симоняк над книгами, географическими атласами, боевыми схемами и расчетами.

О жизни в Москве у Александры Емельяновны остались светлые воспоминания. Жили Симоняки в доме Военной академии, в небольшой комнате. Нередко в ней появлялись новые товарищи мужа – слушатели академии Маркиан Михайлович Попов, Анатолий Иосифович Андреев. Курили, "колдовали" над какими-то схемами, говорили о разных делах, о том, как идут занятия в политкружках, которыми они руководят на московских заводах, спорили о полководцах прошлого. Александра Емельяновна, напоив друзей крепким чаем, уходила за полог, который делил комнату пополам. Там за учебниками сидела старшая дочь Рая. Младшая, пятилетняя Зоя, забиралась к матери на колени и, захлебывалась, что-то тараторила без конца. Наступало время сна, и мать командовала детям:

– От-бо-ой!..

Потом укладывалась и она. А отцу до отбоя было еще-далеко. Проводит товарищей, сядет за стол и читает, делает какие-то записи. Время перевалит за полночь. Жена, проснувшись, скажет:

– Пора ложиться, Николай. И так тебе спать уже немного осталось.

– Вот только с картой разберусь.

Карта не умещалась на столе. Жене из-за полога было видно, как Николай, растянувшись на полу, что-то старательно на ней вычерчивал».

Так они и учились... Судьба же щедро наградила их за скитания по гарнизонам и за старания в учебе. Николай Павлович Симоняк (1901–1956) дослужился до звания генерал-лейтенанта, стал Героем Советского Союза (1943). В годы войны командовал стрелковой бригадой, гвардейской дивизией, гвардейским корпусом и 3-й ударной армией 2-го Прибалтийского фронта. Анатолий Иосифович Андреев (1900–1973) также дослужился до звания генерал-лейтенанта. В годы войны командовал

гвардейской дивизией, был заместителем командующего 2-й ударной армией, командиром стрелкового корпуса. Службу закончил в должности заместителя начальника академии связи. Оба умерли в Ленинграде, где и похоронены.

Стоит отметить, что период учебы Маркиана Михайловича в академии, за исключением последнего года, пришелся на годы командования ей известного военного теоретика, профессора, автора около 40 работ на актуальные вопросы военного дела, будущего маршала, Бориса Михайловича Шапошникова. И это поистине знаково. Как и многие слушатели, М. М. Попов с увлечением будет изучать его знаменитый труд «Мозг армии».

«Эта книга, несмотря на ее специфику и довольно крупный по тому времени тираж (5 тысяч), разошлась очень быстро и вызвала оживленную дискуссию, как в СССР, так и за его пределами, – напишут известные советские маршалы А. М. Василевский и М. В. Захаров в предисловии к книге Бориса Михайловича «Воспоминания. Военно-научные труды». – Спустя два года вышли в свет вторая и третья книги этого труда.

За основу исследования в книге взята деятельность Генерального штаба австро-венгерской армии. Этот выбор не случаен. К моменту начала работы наиболее полно была описана история только австро-венгерского Генерального штаба, причем в роли исследователя-историка выступал сам бывший его начальник – фельдмаршал Конрад фок Гетцендорф. Пятитомные мемуары Конрада, сопровождавшиеся публикацией множества подлинных документов о работе Генерального штаба и связанных с ним правительственных учреждений, представляли возможность всесторонне исследовать комплекс вопросов, входящих в сферу деятельности этого органа, вскрыть ее положительные и отрицательные стороны.

В последующем автор использовал работы о французском и германском Генеральных штабах, документальные материалы русского Генерального штаба. Это позволило Борису Михайловичу создать исключительно интересный трехтомник, полезный и по сегодняшней день. В нем дается четкое представление о том, чем должен быть Генеральный штаб в условиях нашего времени, каково его место в военной системе, как должна организовываться его работа.

Борис Михайлович Шапошников в своем труде раскрыл основные положения молодой советской военной науки о характере будущей войны, дал детальное представление о структуре Генерального штаба как органа Верховного Главнокомандования и о сущности его работы, о требованиях, предъявляемых современной войной к военачальнику, к органам

оперативного управления и их работникам. Наконец, показал роль Генерального штаба в подготовке страны к обороне...»

Но время летит неумолимо быстро. 1936 год – год выпуска будущего полководца. Генерал армии А. С. Жадов, хорошо знавший Маркиана Михайловича, в том числе и по академии, в статье к юбилею товарища отметит: «За четыре года учебы в академии он глубоко изучил природу современного боя. Преподаватели академии отмечали у него склонность к научно-исследовательской работе, он прекрасно усваивал природу современного боя, проявлял глубокие знания в английском языке...»

Отличную учебу совмещал с работой в должности старшины курса, руководителя спортивной и стрелковой секции факультета. Академию окончил по 1 разряду».

В книге Л. Млечина «Иосиф Сталин, его маршалы и генералы» приводится такой эпизод: «Беда состояла не только в том, что основное военное руководство было плохо образованно. Руководители наркомата еще и бравировали своей необразованностью.

Георгий Константинович Жуков не получил законченного академического образования и помнил об этом. Будущий генерал армии Николай Григорьевич Лященко вспоминал после войны свой разговор с Жуковым:

– Вы, наверное, академию кончали? – Да.

– Так и знал. Что ни дурак, то выпускник академии».

Безусловно, Георгий Константинович человеком был горячим и сгоряча мог сказать и не такое, однако факт остается фактом: «В 30-е гг. 50–70 % комсостава имело образование в объеме нормальной школы и 2–6 % в объеме академии». Об этом можно прочитать у Г. И. Герасимова в статье «Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА». Однако, если смотреть глубже, то, «по мнению автора, высокие показатели академического образования в начале 30-х гг. обусловлены тем, что в число лиц с академическим образованием были включены и те, кто закончил курсы при академиях, что конечно не тождественно академическому курсу. Реальный уровень академического образования в эти годы можно определить в 2–3,5 %». Как мы видим, в этот процент попал и Маркиан Михайлович Попов, не без зависти называясь теперь в среде командного состава Красной армии «академиком».

«На границе тучи ходят хмуро»

Первая должность М. М. Попова после академии – исполняющий должность начальника штаба 9-й механизированной бригады (май 1936 — июль 1937 г.).

К слову сказать, механизированные бригады в СССР были сформированы в 1935 г. и по определению являлись мощным средством усиления войск (например, находясь в подчинении кавалерийского корпуса).

В составе мехбригады насчитывалось до 8 батальонов (три танковых, отдельный учебный танковый, отдельный стрелковый, отдельный разведывательный, отдельный ремонтно-восстановительный, отдельный батальон боевого обеспечения) и две роты (связи и автотранспортная). На вооружении она имела 174 танка (в том числе 89 легких Т-26, 8 огнеметных Т-26, 66 радиальных Т-26 (то есть имеющих рацию), малых плавающих танков Т-37А, 4 танкетки Т-27) и 7 бронев автомобилей.

После Моторизованного отряда 11-й стрелковой дивизии эта была уже самая настоящая сила. Кроме того, руководство такой силой на благодатной почве полного курса обучения в академии стало для Маркиана Михайловича весьма важной ступенькой в его стремительной карьере. Ведь это было то самое время, когда только-только начала создаваться официальная теория применения автобронетанковых войск, закреплённая в наставлениях по их боевому применению (1932–1937) и в Полевых уставах РККА (1936–1939). Как подчеркивает И. Дроговоз, «ими предусматривалось три основные формы боевого применения танковых войск:

а) в тесном взаимодействии с пехотой или конницей в качестве групп их непосредственной поддержки (танковые группы НПП, НПК);

б) в тактическом взаимодействии со стрелковыми и кавалерийскими частями и соединениями в качестве групп их дальней поддержки (танковые группы ДНИ);

в) в оперативном взаимодействии с крупными общевойсковыми объединениями (армия, фронт) в составе самостоятельных механизированных и танковых соединений».

Поэтому вполне объяснима и предсказуема следующая должность М. М. Попова – начальник штаба 5-го механизированного корпуса (июль 1937 – июнь 1938 г.).

5-й механизированный корпус был сформирован в 1935 г., на базе механизированной бригады имени К. Б. Калиновского. В него вошли три бригады: 12-я мехбригада базировалась в Калуге, 13-я – в Алабино Наро-Фоминского района, 14-я и штаб корпуса располагались в Рабочем городке под Наро-Фоминском.

Как известно, это было время массового террора в СССР. Коснулся он и командного состава Красной армии. И здесь трудно не согласиться с автором книги «1937. Трагедия Красной армии» О. Сувенировым, который констатирует: «А получилось беспрецедентное поражение Красной армии летом и осенью 1941 г. Причин здесь, безусловно, много. Но я полагаю, что одна из главных причин позорных неудач Красной армии состояла в недостаточно высоком профессионализме ее начсостава в целом, высшего комсостава в особенности. По числу генералов и полковников хватало, а вот качество большинства из них явно не соответствовало требованиям современной войны. Трагедия Красной армии в 1941–1942 гг. во многом, а может быть и в основном, прямое следствие трагедии РККА в 1937–1938 гг.». Есть в этой книге упоминание и о 5-м мехкорпусе: «Бывший начальник Особого отдела 5-го механизированного корпуса Казюлин не без гордости докладывал Всеармейскому совещанию политработников в апреле 1938 г., что "по корпусу и по всем входящим в него бригадам на 100 % арестовано командное руководство, политическое и штабное. Я говорю только о руководстве"».

Пропадет в этой мясорубке и комкор Магер Максим Петрович. С июня 1935 г. по ноябрь 1936 г. – командир и военком той самой 9-й механизированной бригады. Первый раз его арестовали в сентябре 1938 г. Через полтора года, в феврале 1940-го, Главная военная прокуратура дело по его обвинению прекратила за отсутствием состава преступления и освободила из-под стражи. Во второй раз Магера арестовали в апреле 1941-го, и по прежним обвинениям (участие в военном заговоре, вредительство) Военная коллегия Верховного суда СССР 20 июля 1941 г. приговорила его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 16 октября 1941 г.

Сгинет в ней и комдив Ракитин Николай Васильевич. С августа 1933 г. – командир и военком 1-й механизированной бригады имени К. Б. Калиновского. С мая 1935 г. – командир и военком 5-го механизированного корпуса. Его арестовали 19 июня 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР, а через несколько месяцев – 15 декабря 1937 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

В июне 1938 г. полковник М. М. Попов будет назначен заместителем

командующего 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке, а затем заместителем командующего войсками Дальневосточного фронта (14 июня 1938 г. присвоено воинское звание «комбриг»; Постановление СНК СССР № 0671/п). Кто стоял за этим назначением, теперь уже неизвестно (скорее всего, сам начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников), однако в то время, когда на восточных границах Советского Союза, как говорилось тогда, «стали надвигаться хмурые тучи», такое назначение вполне закономерно. Молодой и перспективный полковник, с высшим военным образованием, с большим опытом командной, штабной и преподавательской работы. Кроме того, был учтен опыт М. М. Попова и как начальника штаба моторизованного отряда, механизированной бригады и механизированного корпуса. Скажем так, опыт, встречающийся тогда не часто, и особенно в условиях дефицита специалистов.

Безусловно, свою роль сыграл фантастически огромный размах организационных мероприятий, проводимых в Красной армии в те годы, когда ее ежегодная численность росла, а выдвижение командного состава было массовым. Сам Г. К. Жуков в своих мемуарах в качестве основной причины недостатка квалифицированных кадров накануне войны называл именно огромные организационные мероприятия. Но не стоит забывать и про репрессии. Они имели место быть.

Дальневосточный фронт был создан по приказу НКО СССР от 28 июня 1938 г. (в соответствии с постановлением Главного военного совета РККА от 8 июня 1938 г.) на базе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и именовался Краснознаменным Дальневосточным фронтом. В состав фронта вошли 1-я и 2-я армии, а также Хабаровская группа войск. Командующим фронтом был назначен Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, членами Военного совета: дивизионный комиссар П. И. Мазепов и начальник штаба комкор Г. М. Штерн.

Время было непростое. Начались события у озера Хасан...

По мнению историка А. А. Кириченко, опирающегося на документальное изучение советско-японского конфликта в районе озера Хасан, именно побег начальника Дальневосточного управления НКВД Г. С. Люшкова (восточнее Хунчуня) через 59-й Посьетский погранотряд стал главным поводом к началу Хасанского конфликта. Он «привел Сталина в ярость, и, судя по всему, Кремль одобрил инициативу заместителя наркома внутренних дел Фриновского и начальника ГУ РККА Мехлиса "дать самураям по зубам"».

Другой историк – Ю. В. Георгиев – считает, что к «агрессивным действиям» в связи с побегом Люшкова первой прибегла японская сторона,

так как на основании показаний Люшкова они пришли к выводу, что советские войска на Дальнем Востоке превосходят их по своей численности и вооружению.

Как пишет А. Почтарев, «во-вторых, учитывая явный "прокол" с переходом границы в полосе 59-го отряда, его командование трижды – 1, 5 и 7 июля запрашивало штаб Дальневосточного погранокруга дать разрешение на занятие высоты Заозерной, чтобы оборудовать на ней свои наблюдательные позиции. 8 июля наконец такое разрешение из Хабаровска было получено. Путем радиоперехвата это стало известно японской стороне. 11 июля на сопку Заозерная прибыл советский пограничный наряд, который ночью и оборудовал на ней окоп с проволочными заграждениями, выдвинув его на сопредельную сторону за 4-метровую погранполосу.

Японцы тут же обнаружили «нарушение границы». В результате временный поверенный в делах Японии в Москве Ниси передал заместителю наркома иностранных дел СССР Стомонякову ноту своего правительства с требованиями "покинуть захваченную маньчжурскую землю" и восстановить на Заозерной "границу, существовавшую там до появления окопов". В ответ советский представитель заявил, что "ни один советский пограничник и на вершок не заступил на сопредельную землю". Японцы негодовали.

И, в-третьих, 15 июля вечером на гребне высоты Заозерной в трех метрах от линии границы начальник инженерной службы Посьетского погранотряда Виневитин выстрелом из винтовки убил "нарушителя" – японского жандарма Мацусиму. В тот же день посол Японии в СССР Сигемипу посетил советский Наркомат иностранных дел и вновь в категоричной форме потребовал отвести советские войска с высоты. Ссылаясь на Хуньчуньское соглашение, Москва и во второй раз отвергла требования Токио.

Через пять дней японцы повторили свои претензии на высоты. При этом посол Сигемипу заявил наркому иностранных дел СССР Литвинову, что "его страна имеет права и обязательства перед Маньчжоу-Го" и в противном случае "Япония должна будет прийти к выводу о необходимости применения силы". В ответ японский дипломат услышал, что "успешного применения этому средству он в Москве не найдет" и что "японский жандарм убит на советской территории, куда ему не следовало приходиться".

Узел противоречий затянулся».

Маршал же Блюхер, как оказалось, допустил непростительную ошибку, направив на место происшествия комиссию, которая совершенно

без труда установила: окопы, отрытые советскими пограничниками, находятся на маньчжурской территории на три метра в ее глубину. То есть комиссия Блюхера «установила» «виновность» своей собственной стороны в возникновении конфликта у озера Хасан.

«6 июля по приказу Блюхера, – подчеркивает А. Почтарев, – с сопки Безымянной был снят взвод поддержки и поставлен лишь погранряд в составе 11 человек во главе с лейтенантом Алексеем Махалиным. На Заозерной же размещалась рота красноармейцев. В Москву на имя наркома обороны Ворошилова ушла телеграмма командующего ДКФ "о нарушении маньчжурской границы" с предложением "немедленного ареста начальника погранучастка и других виновников в провоцировании конфликта с японцами". Ответ "красного конника" Блюхеру был кратким и категоричным: "Прекратить возню со всякими комиссиями и точно выполнять решения Советского Правительства и приказы Наркома". На тот момент, как представляется, открытого конфликта еще можно было избежать политическими средствами, но его механизм был уже запущен с обеих сторон.

29 июля в 16 часов 40 минут японские войска двумя отрядами численностью до роты атаковали высоту Безымянную. 11 советских пограничников приняли неравный бой. Пятеро из них были убиты, смертельное ранение получил и лейтенант Махалин. Подоспевший резерв пограничников и стрелковая рота лейтенанта Левченко к 18 часам выбили японцев с высоты и окопались. На следующий день между сопками Безымянная и Заозерная на высотах занял оборону батальон 118-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии. Японцы же при поддержке артиллерии предприняли ряд безуспешных атак на Безымянную. Советские бойцы стояли насмерть. Уже первые бои 29–30 июля показали, что завязался необычный инцидент.

В 3 часа утра 31 июля вслед за сильной артподготовкой два батальона японской пехоты атаковали высоту Заозерная и один батальон высоту Безымянная. После ожесточенного неравного четырехчасового боя противнику удалось-таки занять указанные высоты. Неся потери, стрелковые подразделения и пограничники отошли в глубь советской территории, к озеру Хасан.

С 31 июля в течение более недели японские войска удерживали эти сопки. Атаки частей Красной армии и пограничников были безуспешными. 31-го же числа на Хасан от командования фронта прибыли начштаба Штерн (до этого под псевдонимом "Григорович" год воевал Главным военным советником в Испании) и Мехлис. В тот же день последний

доложил Сталину следующее: "В районе боев нужен настоящий диктатор, которому все было бы подчинено". Следствием этого 1 августа стал телефонный разговор вождя с маршалом Блюхером, в котором тот категорично "рекомендовал" комфронта "выехать на место немедленно", чтобы "по-настоящему воевать с японцами".

Блюхер выполнил приказ только на следующий день, вылетев во Владивосток вместе с Мазеповым. Оттуда на эсминце в сопровождении командующего ТОФ Кузнецова они были доставлены в Посыет. Но сам маршал практически не очень стремился участвовать в операции. Возможно, на его поведение повлияло и известное сообщение ТАСС от 2 августа, где была дана недостоверная информация о том, что японцы захватили советскую территорию до 4 километров. Антияпонская пропаганда делала свое дело. И вот уже вся страна, введенная в заблуждение официальным заявлением, с яростью стала требовать обуздать зарвавшихся агрессоров.

1 августа был получен приказ наркома обороны, который требовал: "В пределах нашей границы смести и уничтожить интервентов, занявших высоты Заозерная и Безымянная, применив в дело боевую авиацию и артиллерию". Эту задачу было поручено решить 39-му стрелковому корпусу в составе 40-й и 32-й стрелковых дивизий и 2-й механизированной бригады под командованием комбрига Сергеева. Общее руководство операцией Климент Ворошилов возложил при действующем командующем ДКФ на его начальника штаба комкора Григория Штерна.

В тот же день японцы в районе озера Хасан применили свою авиацию. Огнем зенитных средств противника были сбиты 3 советских самолета. Вместе с тем, овладев высотами Заозерная и Безымянная, самураи совсем не стремились продолжать захватывать "целые куски советской территории", как утверждали в Москве».

Примечательно, что всего одна 19-я дивизия японской армии вела бой, ограничиваясь лишь оборонительными действиями. Причем не пересекая государственной границы. Однако советские войска дважды переходили в наступление (со 2 по 6 августа) силами до двух дивизий с применением танков, авиации и артиллерии. 39-й стрелковый корпус в районе Хасана насчитывал около 23 тыс. человек, 237 орудий, 285 танков, 6 бронемашин и 1 тыс. 14 пулеметов. И это не считая авиации: 70 истребителей и 180 бомбардировщиков.

Как пишет доктор исторических наук К. Б. Черевко, «после вытеснения японцев в результате ожесточенных боев 6–9 августа за линию, обозначенную на карте, приложенной к Хунчуньскому протоколу, как ее

понимала советская сторона, 10 августа японская сторона, потеряв 600 человек убитыми и 2,5 тыс. человек ранеными (при советских потерях: 792 человека убитыми и 3279 ранеными), согласилась на прекращение военных действий с 11 августа с взаимным оставлением войск СССР и Японии на позиции, где они находились на предыдущий день. (...)

11 августа военные действия были прекращены, и вопреки утверждениям печати о том, что советский флаг развевается на вершине сопки Заозерная, представитель МВД Японии на пресс-конференции "с горечью" заявил, что он установлен "не на самой вершине (расположенной на самой границе между СССР и Маньчжоу-го по Хунчуньскому протоколу. – К. Ч.), а чуть-чуть в стороне".

Занятие войсками СССР не только советской части высоты Заозерная, но и всей высоты Безымянной после интенсивного артиллерийского обстрела этих высот, то есть и ее несоветской части, подтверждают и другие источники».

Какие уроки извлечет для себя молодой заместитель командующего войсками из тех событий?

Как позднее подчеркнет маршал М. В. Захаров в своей книге «Генеральный штаб в предвоенные годы», «представляет интерес сложившаяся в ходе событий у озера Хасан схема руководства войсками». В частности, он пишет: «Может быть, и был определенный смысл укрепить командование 39-го стрелкового корпуса более авторитетным и опытным командиром, обладавшим достаточно широкими полномочиями (в силу занимаемой должности начальника штаба фронта), каким был Г. М. Штерн, но, с другой стороны, эта мера принижала роль Военного совета и командующего 1-й армией. Г. М. Штерн имел право самостоятельно сноситься и лично докладывать Наркому обороны и Генштабу о ходе событий и тем самым практически выходил из подчинения армии. Прибывший в корпус представитель Наркома обороны Л. З. Мехлис не разобрался в обстановке и не сумел должным образом повлиять на события с целью улучшить управление войсками. Донесения в Генштаб посылались с большим опозданием. Последнее вынудило Б. М. Шапошникова серьезно предупредить Г. М. Штерна о недопустимости такого положения дел.

В трудном и изолированном положении оказался маршал В. К. Блюхер. С одной стороны, ему было приказано лично осуществлять общее руководство боевыми действиями у озера Хасан и неотлучно находиться на своем командном пункте. С другой стороны, он должен был осуществлять руководство и всем Дальневосточным фронтом, приводившимся в полную боевую готовность, поддерживать тесный контакт с Тихоокеанским

флотом, местными властями, а также осуществлять контроль за деятельностью тыла 1-й армии, решать множество других вопросов. Все эти функции, лежавшие непосредственно на нем, можно было выполнить при наличии слаженно работающего штаба фронта. Этот же важный орган управления, по сути дела, был отнят у него и ослаблен до крайности».

Кроме того, только с 1 июля 1937 г. по 1 августа 1938 г. (за год репрессий) «в управлении, штабе и отделах родов войск и служб ОКДВА КДФ было арестовано 98 (из них расстреляно 38), уволено 19 и "откомандировано в распоряжение" 3 лица командно-начальствующего состава, – констатирует В. С. Мильбах в книге «Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия». – Таким образом, потери штаба Дальневосточной армии как органа управления превысили допустимый уровень (30 %), при котором он мог выполнять функции управления в полном объеме. Из отделов штаба ОКДВА в большой степени пострадали отдел боевой подготовки, отдел военных сообщений, организационно-мобилизационный отдел и отдел укрепленных районов. Из 14 управлений и отделов родов войск и служб наибольший урон был нанесен политуправлению, разведывательному отделу, отделу (позже штабу) ВВС, артиллерийскому отделу, отделу бронетанковых войск, структурным подразделениям военно-хозяйственного и квартирно-эксплуатационного отделов».

В. С. Мильбах в своей книге приводит и такой характерный пример: «... В период вооруженного конфликта у оз. Хасан большинство органов управления были не в состоянии выполнять свои функции. Например, по сведениям от 24 августа 1938 г., состояние штаба 1 ОКА характеризовалось следующими данными: "... из положенных по штату 120 человек налицо 33, считая административно-технический персонал. Собственно комсостава, в том числе и порученцев, 27 человек. Штаб почти на $\frac{3}{4}$ пустой. В шестом отделе нет ни одного человека. В 1-м отделе нет начальников отделений и вместо 19 человек имеется 7 командиров. В 4-м отделе нет начальника отделения, всего налицо 4 человека вместо положенных одиннадцати. Такая же картина и в других отделах штаба... Аналогичное положение во всех управлениях 1-й армии. Отдел связи имеет всего 4-х человек, никого нет ни в 1-м, ни в 3-м отделениях отдела связи"».

Словом, централизованного руководства войсками в районе конфликта не было и в помине. На основе изученных документов В. С. Мильбах делает следующий вывод: «Более того, попытки высшего политического руководства, наркомата обороны и Генерального штаба осуществлять руководство боевыми действиями из Москвы имели деструктивный

характер. При наличии вертикали подчиненности фронт – армия – корпус – дивизия и поставленных боевых задач командирам соответствующего звена руководство наркомата обороны постоянно вмешивалось в управление войсками в районе конфликта. Так, в 8.30 2 августа 1938 г начальник Генштаба Б. М. Шапошников передал телеграмму для В. К. Блюхера: "Политбюро поручило Вам лично руководить действиями наших частей в районе оз. Хасан". В 15.48 того же дня начальник Генштаба передал директиву: "Руководство операцией возлагаю лично на командира 40 сд полковника Базарова". Менее чем через сутки – в 13.45 3 августа нарком обороны возложил "руководство боем 39 ск" на Г. М. Штерна.

Анализ содержания записей переговоров НКО и начальника Генерального штаба с командованием КДФ показывает, что все руководство сводилось к мелочной опеке и разносам: постоянные вопросы "Где Маршал Блюхер?"; указания К. Е. Ворошилова, с какой высоты авиации проводить бомбометание – "только с 6000–7000 метров, а ничуть с 1000 м, как это делалось ранее" (при этом московских стратегов не интересовало то обстоятельство, что в районе оз. Хасан "высота облачности от 300 до 1000 метров, местами сопки закрыты туманом"; во сколько колов должно быть возведено проволочное ограждение (именно в 5 колов); требования немедленно использовать "приборный блок для стрельбы ночью, в тумане, в дыму" с указанием, где конкретно установить приборы, не интересуясь, имеются ли они в наличии (очевидно, имеются в виду контрольно-сигнальные станции обр. 1926 г., звукометрические станции ДЕ-30 и ДЕ-32), есть ли специалисты для их эксплуатации; бесконечные вопросы, в основном риторического характера, например: "Что Вы можете нам хорошего рассказать?", "Как могут японцы держаться на высоте Заозерная, если их как следует поливать огнем из пары десятков орудий всех калибров?", "Кто виноват, что штабы не укомплектованы?"; вопросы, отражающие непонимание происходящего и скрывающиеся пренебрежением к противнику, – "почему до сих пор не взяли хотя бы десятка макак в плен для "языка"?" и т. п.

Подобный стиль руководства порождал нервозность, сковывал инициативу, вносил дополнительную дезорганизацию в систему управления войсками в районе конфликта. Это понимали командиры фронтового и армейского звена. "Наша слабость – многоначалие наверху. До сих пор неизвестно, кто, когда примет окончательное решение на атаку", – докладывал 3 августа 1938 г. наркому обороны Г. М. Штерн. Но здесь же давал понять, что главным виновником считает командующего фронтом (т. е. В. К. Блюхера): "К великому сожалению, неорганизованность

нашего высшего руководства является вообще хронической болезнью нашего фронта, и все мы здесь становимся неорганизованными".

Ощущали это и командиры соединений. Так, командир 40-й стрелковой дивизии полковник В. К. Базаров одновременно получал три различные задачи от командира 39-го стрелкового корпуса, из штаба 1-й Краснознаменной армии и из штаба фронта. Весьма проблематично осуществлять управление частями, учитывая одно существенное обстоятельство – орган управления дивизии практически отсутствовал. Как докладывал 2 августа 1938 г. наркому обороны начальник штаба КДФ Г. М. Штерн: "Штаба 40 сд по сути дела нет, есть 2–3 весьма слабеньких работника".

... Отсутствие взаимодействия между родами войск при организации наступления был вынужден отметить и командующий КДФ в докладе 3 августа 1938 г. начальнику Генерального штаба: "Налаженной связи между пехотой и артиллерией нет. В наступлении пехоты и действиях артиллерии был полный разноречивый, и днем, и ночью"».

«Разбор» боевых действий у озера Хасан начался сразу же после их окончания. Н. С. Тархова рассказывает: «Уже 31 августа 1938 г. (менее, чем через месяц) состоялось заседание Главного военного совета РККА в Кремле с участием И. В. Сталина и В. М. Молотова, зам наркома НКВД М. П. Фриновского. На этом заседании был заслушан доклад К. Е. Ворошилова «о положении войск КД фронта в связи с событиями у озера Хасан» и «объяснения» В. К. Блюхера и Мазепова. К сожалению, запись заседания велась протокольным способом, и отсутствие стенограммы лишает возможности видеть действительный ход обсуждения. Более того, сохранившаяся протокольная запись была полностью (слово в слово) воспроизведена в приказе НКО СССР № 0040 от 4 сентября 1938 г, о котором говорилось ранее. Помимо организационных выводов, на этом заседании была решена участь самого Блюхера...»

«ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

О результатах рассмотрения главным военным советом вопроса о событиях на озере Хасан и мероприятиях по оборонной подготовке дальневосточного театра военных действий

№ 0040

4 сентября 1938 года

31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов военного совета: тт.

Сталина, Щаденко, Буденного, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием Председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского.

Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и зам. члена военного совета КД фронта тов. Мазепова, пришел к следующим выводам: 1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск КД фронта.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии КД фронта. (...)

3. Основными недочетами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) недопустимо преступное растаскивание из боевых подразделений бойцов на всевозможные посторонние работы.

Главный военный совет, зная об этих фактах, еще в мае с.г. своим постановлением (протокол № 8) категорически запретил разбазаривать красноармейцев на разного рода хозяйственные работы и потребовал возвращения в части к 1 июля с. г. всех бойцов, находящихся в таких командировках. Несмотря на это, командование фронта ничего не сделало для возвращения в свои части бойцов и командиров, и в частях продолжал существовать громадный некомплект в личном составе, части были дезорганизованы. В таком состоянии они и выступили по боевой тревоге к границе. В результате этого в период боевых действий пришлось прибегать к сколачиванию из разных подразделений и отдельных бойцов части, допуская вредную организационную импровизацию, создавая невозможную путаницу, что не могло не сказаться на действиях наших войск;

б) войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальник управления фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются. Во многих случаях целые артиллерийские батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт

вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий;

в) все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях Д[альнего] В[остока], изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск.

Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

4. Виновными в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней КД фронта, и в первую очередь – командующий КДФ маршал Блюхер.

Вместо того чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации последствий вредительства и боевой подготовки КД фронта и правдиво информировать наркома и Главный военный совет о недочетах в жизни войск фронта, т. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28–31 мая 1938 г., в котором он скрыл истинное состояние войск КДФ и утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск КДФронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под флагом особой бдительности он оставлял вопреки указаниям Главного военного совета и наркома незамещенными сотни должностей командиров и начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников, не способными к выполнению своих задач. Такое положение т. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командноначальствующим кадрам КД фронта.

5. Руководство командующего КД фронтом маршала Блюхера в период

боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством. Все его поведение за время, предшествующее боевым действиям, и во время самих боев явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемипу, получив еще 22 июля директиву народного комиссара обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, – тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действенных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. наркома обороны т. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила "нарушение" нашими пограничниками Маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, "установила" нашу "виновность" в возникновении конфликта на оз. Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами Маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других "виновников в провоцировании конфликта" с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей.

Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского правительства и приказов наркома т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1 августа с.г., при разговоре по прямому проводу тт. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером, тов. Сталин вынужден был задать ему вопрос: "Скажите, т. Блюхер, честно, – есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, – я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно".

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер

самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определенных задач и полномочий. Лишь после неоднократных указаний Правительства и народного комиссара обороны о прекращении преступной неразберихи и устранении дезорганизации в управлении войсками и только после того, как нарком назначил тов. Штерна командиром корпуса, действующего у озера Хасан, специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался под предлогом опасения поражений корейского населения, только после приказания т. Блюхеру выехать на место событий т. Блюхер берется за оперативное руководство. Но при этом более чем странном руководстве он не ставит войскам ясных задач на уничтожение противника, мешает боевой работе подчиненных ему командиров... (...)

Вся эта оперативная "деятельность" маршала Блюхера была завершена отдачей им 10 августа приказа о призыве в 1-ю армию 12 возрастов. Этот незаконный акт явился тем непонятней, что Главный военный совет в мае с.г., с участием т. Блюхера и по его же предложению, решил призвать в военное время на Д[альнем] В[остоке] всего лишь 6 возрастов. Этот приказ т. Блюхера провоцировал японцев на объявление ими своей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией. Приказ был немедленно отменен наркомом».

Далее в приказе говорилось: «На основании указаний Главного военного совета

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В целях скорейшей ликвидации всех выявленных крупных недочетов в боевой подготовке и состоянии войсковых частей КДФ, замены негодного и дискредитировавшего себя в военном и политическом отношении командования и улучшения условий руководства, в смысле приближения его к войсковым частям, а также усиления мероприятий по оборонной подготовке Дальневосточного театра в целом, – управление Дальневосточного Краснознаменного фронта расформировать.

2. Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного военного совета РККА.

3. Создать из войск Дальневосточного фронта две отдельные армии, с непосредственным подчинением народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознаменную армию в составе войск согласно приложению № 1, подчинив военному совету 1 – й армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление армии дислоцировать – г Ворошилов. В состав армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й армией – по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознаменную армию в составе войск согласно приложению № 2, подчинив военному совету 2-й армии в оперативном отношении Амурскую Краснознаменную флотилию.

Управление армии дислоцировать – г. Хабаровск. В состав армии включить Нижне-Амурскую, Хабаровскую, Приморскую, Сахалинскую, Камчатскую области, Еврейскую автономную область, Корякский, Чукотский национальные округа;

в) личный состав расформировываемого фронтового управления обратить на укомплектование управлений 1 – й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий.

4. Утвердить:

а) Командующим 1 – й Отдельной Краснознаменной армией – комкора тов. Штерна Г. М., членом военного совета армии – дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф. А., начальником штаба – комбрига тов. Попова М. М.;

б) командующим 2-й Отдельной Краснознаменной армией – комкора тов. Конева И.С, членом военного совета армии – бригадного комиссара тов. Бирюкова Н. И., начальником штаба – комбрига тов. Мельника К. С.

5. Вновь назначенным командующим армиями сформировать управления армий по прилагаемому проекту штатов.

6. До прибытия в Хабаровск командующего 2-й Отдельной Краснознаменной армией комкора тов. Конева И. С. во временное командование вступить комдиву тов. Романовскому.

7. К формированию армий приступить немедленно и закончить к 15 сентября 1938 года. (...)

12. О ходе формирования управлений командующим 1-й и 2-й Отдельными Краснознаменными армиями доносить мне по телеграфу шифром 8, 12 и 15 сентября.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза *К. Ворошилов*
Начальник Генерального штаба РККА
командарм 1 ранга *Я. Шапошников»*.

Неизвестная статья-воспоминание

Об этой статье удалось узнать совершенно случайно. В малой части сохранившегося личного архива генерала армии М. М. Попова, буквально спасенного его внуком Алексеем Валерьевичем Баталеевым, обнаружилось письмо из газеты Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск». Оно датировано 2 июля 1964 г. и подписано начальником отдела пропаганды газеты подполковником Ю. Яхниным:

«Дорогой Маркиан Михайлович!

От имени коллектива редакции газеты "Суворовский натиск" и читателей передаю вам большое спасибо за статью – воспоминание о службе на Дальнем Востоке. Статья вызвала большой интерес и получила высокую оценку. Читая ее, все говорят одно – больше печатать таких материалов!

Если, товарищ генерал, у вас есть другие материалы подобного плана – убедительно просим прислать их для нашей газеты. Очень будем благодарны и признательны Вам.

Высылаем Вам номер с Вашей статьей. Желаем Вам, Маркиан Михайлович, доброго здоровья, новых успехов в Вашей работе и службе на благо Родины...»

Как оказалась, такая газета, правда, уже как «Суворовский натиск» Восточного военного округа, существует и сегодня. Вот только архива там нет. Но недолгие поиски привели в г. Химки, в филиал Российской государственной библиотеки. И вот эта статья перед вами:

«Летом 1938 года я был назначен заместителем командующего Дальневосточным фронтом, то есть заместителем Василия Константиновича Блюхера. Василий Константинович принял меня тепло, радушно. Он сказал, что на устройство в Хабаровске и на ознакомление с делами мне дается 3–4 дня, после чего придется направиться в длительную командировку на Камчатку. Указания о целях и задачах командировки получим перед выездом.

Устраиваться мне особенно было нечего, так как я прибыл без семьи. Весь багаж – один чемодан. Поэтому почти все отведенное мне время знакомился в штабе фронта с составом и дислокацией войск, особенно тех, что расположены на Камчатке, их состоянием и ходом боевой подготовки.

А время для армии, надо прямо сказать, было очень тяжелое. Многие командиры дивизий и корпусов были репрессированы, и на их местах

оставались "вриды", не утвержденные в должностях и поэтому работавшие крайне неуверенно. Были также репрессированы некоторые руководящие работники управления фронта и значительная часть его командного состава.

И вот я снова в кабинете В. К. Блюхера. Василий Константинович подробно определил мои задачи на Камчатке. Они сводились к следующему. Имеющийся там отдельный камчатский стрелковый полк подлежит развертыванию в стрелковую дивизию. На первых порах для этой цели нам передается значительное количество пограничников, в том числе и их командный состав. Остальное необходимое пополнение, оружие, техника и запасы будут подаваться позже.

Мне надлежит, используя реальные возможности, оформить полки и отдельные части дивизии, назначив их командование, а также сформировать управление дивизии. Рекомендовалось смелее идти на выдвижение командиров и политработников, так как и на материке тяжело с командным составом.

Особенно подробно остановились на обсуждении кандидатуры на пост командира дивизии. Василий Константинович порекомендовал мне присмотреться к командиру камчатского полка полковнику Городнянскому, которого он лично не знал, но слышал о нем очень лестные отзывы. Конечно, лучшим способом изучения качеств командира явится всесторонняя проверка состояния полка. С этого мне и рекомендуется начать свою работу.

И вот, наконец, мы на борту теплохода "Ленин", совершающего регулярные рейсы на линии Владивосток – Петропавловск-на-Камчатке. Около десяти суток длилось наше путешествие по Японскому, Охотскому морям и Тихому океану.

На причале Авачинской губы нас встречали А. М. Городнянский и представитель обкома партии. Это было уже под вечер.

Утро следующего дня я начал с визита к секретарю Камчатского обкома, от которого получил достаточно подробную и очень интересную информацию о положении дел на Камчатке. В свою очередь я по совету В. К. Блюхера проинформировал секретаря обкома о целях и задачах нашей комиссии. Нам была обещана всемерная помощь в устройстве и расквартировании войск.

Затем в штабе полка мы с Городнянским и начальником штаба наметили план работы комиссии по проверке полка.

Когда план был рассмотрен и утвержден, А. М. Городнянский собрал начальствующий состав полка, до командиров рот включительно, чтобы

дать указания о предстоящей проверке. Я присутствовал на этом совещании и внимательно слушал командира полка. Он начал свое выступление очень просто: "Нас много лет никто не инспектировал и не проверял. Значит, нам доверяли, и мы с вами старались оправдать это доверие. А теперь вот нас будут инспектировать. Я приказываю вам и прошу вас выполнять все требования проверяющей комиссии и, конечно, представить свои подразделения организованными и в полном соответствии с планом".

На другой день мы начали проверку полка, причем, как традиционно у нас полагается, начали со строевого смотра. При обходе построенного полка внешний вид личного состава, ответы на приветствия и, наконец, прохождение его торжественным маршем не вызывали никаких претензий.

А затем тщательно проинструктированные члены комиссии приступили к своей работе. Мы же с А. М. Городнянским решили обойти лагерное расположение полка. Шли не торопясь, заходя во многие палатки, ружейные домики, канцелярии и каптерки, умывальники.

И везде – идеальная чистота и порядок, образцовая уставная служба. Четкие рапорты и доклады лиц суточного наряда, их подтянутый строевой вид, аккуратное выглаженное обмундирование. Мы побывали на кухнях, в столовых, на складах. На это ушло немало часов, и, откровенно говоря, все виденное мною производило исключительно хорошее впечатление. Я уже мысленно формулировал свою шифровку В. К. Блюхеру о первом ознакомлении с полком, который мы никак не рассчитывали найти в таком хорошем виде.

Правда, это пока внешняя сторона. Надо было ожидать результатов проверки боевой подготовки и боевой готовности полка.

Вместе с Городнянским мы побывали на стрельбищах, ходили к мишеням, рассматривали пробоины и определяли результаты стрельбы, бывали на тактических учениях, политзанятиях, на занятиях по физподготовке – всюду, где дотошные представители штаба фронта со всей строгостью и тщательностью проверяли подразделения полка.

Я жил в одном домике с членами комиссии, и обычно, встречаясь по вечерам, мы обменивались предварительными результатами и впечатлениями о ходе проверки. Все исключительно хорошо отзывались о высоком уровне состояния боевой подготовки. На всех стрельбах только хорошие и удовлетворительные результаты. По тактической подготовке тоже серьезных замечаний нет. Конечно, есть недочеты, но они легкоустранимы. В полку чувствуется крепкая рука требовательного и хорошо знающего дело командира-организатора.

Но вот, наконец, проверка закончена. Члены комиссии с документами

на руках докладывают о результатах. По всем основным показателям полк заслуживает хорошую оценку.

– У нас на материке, – сказали мне члены комиссии, – немного таких полков.

Как же так, раздумывал я, полк стоит, как принято говорить, на отшибе, много лет никем не проверялся, по существу предоставлен самому себе и находится в таком хорошем состоянии? Конечно, в первую очередь это объясняется личными качествами его командира...

Так постепенно складывалось у меня убеждение, что лучшего кандидата на должность командира дивизии нам сейчас не найти.

В ходе инспектирования полка Городнянский как-то пригласил меня победать у него. Я вежливо уклонился, но сказал, что, как только инспектирование кончится, я обязательно воспользуюсь его приглашением. Мне самому очень хотелось познакомиться с его семьей. Знакомство такое вскоре состоялось и, надо сказать, произвело на меня самое благоприятное впечатление. Жена, а также дети, кстати сказать, родившиеся на Камчатке, полюбили свой край, свой полк и не тяготились трудностями местных условий.

Наступило время действовать. Оставшись наедине с Городнянским в его кабинете, я рассказал о предстоящих организационных мероприятиях и предложил ему пост заместителя командира дивизии. Это была маленькая хитрость с моей стороны. Он, не колеблясь, дал согласие, поблагодарил за доверие и заверил, что приложит все усилия, чтобы его оправдать.

"Милый, скромный, умный Авксентий Михайлович! Какой же ты хороший человек, коммунист и солдат, – думал я, – какой же ты скромный и честный труженик".

В этот же вечер я отправил шифротелеграмму В. К. Блюхеру с представлением Городнянского на пост командира дивизии. Через несколько дней был получен приказ командующего о назначении Городнянского комдивом.

Без лишних слов я вручил этот приказ Городнянскому. Он несколько раз вчитывался в шифровку. Сильно волновался. Затем спросил:

– Здесь не ошибка, ведь мне предлагали должность заместителя командира дивизии?.. А тут выходит...

– Никакой ошибки здесь нет, – ответил я ему, крепко пожал руку и поздравил с новым назначением.

Только теперь я подробно ознакомил его с планом формирования дивизии. Мы наметили порядок наших поездок по полуострову, чтобы ознакомиться с пограничниками, принять решения по дислокации новых

полков.

Около месяца продолжались наши поездки, бесконечные встречи, беседы с кандидатами на должности руководящего состава полков, командиров батальонов и командного состава управления дивизии. Я был уполномочен В. К. Блюхером назначить эти категории начальствующего состава и оформить своим приказом, а на это требовалось, конечно, большое время. Вместе с А. М. Городнянским мы тщательно подбирали людей. Это было не очень легко, пожалуй, даже трудно из-за ограниченности выбора. Командирами полков мы назначили заместителя Городнянского и двух лучших комбатов. Командиров батальонов подбирали из числа наиболее опытных командиров рот и начальников передававшихся нам пограничных отрядов. Сложнее было с подбором кандидатов на руководящие должности управления дивизии. Решил послать телеграмму В. К. Блюхеру с перечнем должностей, которые укомплектовать на месте не представлялось возможным. Вскоре получил ответ, что постараются подобрать на материке.

А. М. Городнянский с каждым днем все больше и больше осваивал свой новый участок работы и своими предложениями и советами оказывал нам существенную помощь.

В основном были оформлены полки и отдельные части, штаб дивизии, были рассмотрены и решены вопросы дислокации. Командировка наша подходила к концу. Это позволило мне обратиться к командующему с просьбой разрешить вернуться в Хабаровск. Кроме того, я чувствовал, что и Городнянский начинает немного тяготиться моим опекуном.

Мы на Камчатке тогда еще не знали, что развернулись известные теперь события у озера Хасан, и поэтому я был несколько удивлен телеграммой В. К. Блюхера. Командующий требовал оставаться пока на Камчатке, серьезно заняться ее обороной от возможных провокаций японского военно-морского флота.

Для усиления к нам направили дивизион тогда еще новых и по тому времени мощных подводных лодок "Ленинец".

Вот так обернулось дело. Я старался не мешать Городнянскому в его работе, но тем не менее новые указания командующего вынуждали привлечь вновь назначенного комдива для рассмотрения планов усиления обороны наших берегов с выделением для этой цели подразделений его полка, расформирование которого так же, как и пограничных отрядов, решено было на время отложить.

Вместе с моряками и пограничниками отработали и уточнили на побережье план его защиты и обороны. Дело в том, что вход в Авачинскую

губу охраняли морские артиллерийские батареи, не имевшие никакого прикрытия. Незначительный десант мог бы захватить их почти без боя, особенно ночью. Решили выделить пехотное прикрытие из полка Городнянского, о чем он тут же отдал соответствующие распоряжения. Мне очень понравился Городнянский при решении этих вопросов. Никаких местнических настроений. Отдавал все, что нужно для дела, не считаясь с тем, кому – морякам ли или пограничникам. Раз нужна помощь стрелкового полка, он оказывал ее в полном объеме. "Да, – думалось мне, – этот комдив будет на месте, он мыслит и действует по-государственному и отлично понимает свою ответственность в качестве старшего военного начальника на Камчатке".

Почти весь август я пробыл на полуострове, используя все свободное время для детального его изучения. Большую помощь в этом оказал мне А. М. Городнянский, глубоко изучивший свой край. Он хорошо знал людей, и люди знали его, ему верили, и он у них пользовался непререкаемым авторитетом.

В конце лета я получил распоряжение вернуться в Хабаровск...

В Хабаровске нас ожидали большие новости. Фронт расформировали и вместо него создали две самостоятельные армии – 1-ю Особую Краснознаменную Дальневосточную Армию (в нее включили все войска, расположенные в Приморье) с дислокацией штаба в Никольск-Уссурийском и 2-ю ОКДВА (ей подчинили все остальные войска) с дислокацией штаба в Хабаровске. Меня назначили начальником штаба 1 – й армии.

На первых порах Камчатку включили в состав нашей армии...»

Судьба генерал-лейтенанта А. М. Городнянского сложилась трагически. Будучи командующим 6-й армией Юго-Западного фронта, он погиб в бою при выходе из окружения 27 мая 1942 г. на барвенковском плацдарме. Был похоронен немцами на хуторе Орлиноярск Петровского района Харьковской области, а после освобождения перезахоронен в г. Харькове на Пушкинском кладбище.

«В армии авторитетен»

После боев у озера Хасан, а они стали первым после Гражданской войны серьезным вооруженным конфликтом, комбриг М. М. Попов назначается на должность начальника штаба 1 – й Отдельной Краснознаменной армии (25 апреля 1939 г. присвоено воинское звание «комдив»; Постановление СНК СССР № 02094/п).

Осенью 1938-го Маркиану Михайловичу Попову фактически 34 года. У него рождается сын Александр. И он каким-то чудом (а как еще это объяснить!) минует аресты и мясорубку сталинских репрессий (и это с его-то прошлым!).

В автобиографии, которая подшита в личном деле, Маркиан Михайлович, ничего не скрывая, писал: «Сам отец происходит из дворянской семьи. Его отец (мой дед) служил в полиции и умер в 1895 году. Мать все занимается сельским хозяйством и только в годы 1818–1932 служила приказчиком магазина и воспитательницей в детских садах».

В последние годы своей жизни Маркиан Михайлович часто вспоминал это время и не однажды рассказывал, как, возвращаясь со службы, тогда, на Дальнем Востоке, он каждую ночь ожидал своего ареста. С этой целью был собран походный чемодан с самым необходимым...

За несколько лет до этого арестовали его троюродного брата Антонина Александровича Попова, который сам расскажет об этом так: «Это были годы взлетов и падений множества людей, поломанных судеб, смертей».

Я издал несколько пьес, состоял членом Московского общества драматургов, писателей и композиторов (МОДПиК), и в то же время увлекался педагогикой, стремясь на "человеческом материале" попробовать свои силы и духовно возродить запущенного подростка. Она скоро сделалась приоритетной в моей жизни. Я стал одним из организаторов военизированных учебно-воспитательных заведений для беспризорников. И успешно решал эту проблему в условиях военизации.

В июне 1934 года СМ. Киров, принимая меня, беспартийного руководителя, что было для тех времен уже редкостью, сказал: "Вы делаете государственное дело. Побольше бы таких школ!" По сути, предшественников суворовских училищ. Через год школы были переданы в ведение НКВД, а 21 августа 1935 года газета "Ленинградская Правда" в статье, инспирированной органами, объявляет меня классовым врагом. Арест, тюрьма, дикая судебная расправа: военный трибунал приговаривает

меня к 8 годам лишения свободы. Поруганная честь, растоптанная справедливость, почти 5 лет было вырвано из жизни.

В 1940 году Верховный суд СССР пересмотрел дело по моей десятой жалобе и освободил. Возможно, фраза, сказанная Кировым, сыграла свою роль, а может, в преддверии войны просто нужны были люди.... Но все, что произошло со мною, не озлобило, не опустошило, не сломило человеческого достоинства, не лишило веры в будущее. Прозрение придет много позже.

В годы моего падения продолжался служебный взлет Маркиана Михайловича».

Неизгладимое впечатление на Маркиана Михайловича Попова произведет и арест Блюхера...

Находясь в распоряжении Главного военного совета РККА, маршал вскоре будет направлен в отпуск на ворошиловскую дачу «Бочаров ручей» в Сочи. Там его вместе с семьей, братом, золовкой и детьми арестуют и спецпоездом доставят в Москву. За 18 дней пребывания на Лубянке его допросят 21 раз. Семь допросов пройдут с личным участием Л. П. Берии. А 9 ноября все того же 1938 г. Василия Константиновича в 22 часа 45 минут доставят в амбулаторию уже без пульса и с прерывистым дыханием. Он скончается буквально через несколько минут. Официально маршал умер от закупорки легочной артерии. Но, как рассказывала сокамерницам его жена, увидев его после допроса: «По нему как будто танк проехал». И маршала и других избивали до неузнаваемости, вспомнит позднее тюремный врач.

На глазах Маркиана Михайловича необоснованно пострадает и другой военачальник. Командующий 1 – й Приморской армией и заместитель командующего Приморской группой войск ОКДВА комдив К. П. Подлас будет подвергнут резкой критике со стороны Г. М. Штерна на заседании Военного совета 26 ноября 1938 г. при обсуждении событий на Хасане. Там же поступит предложение осудить этого военачальника за «саботаж». И хотя за Подласа вступится С. К. Тимошенко, ранее просивший назначить его своим заместителем, Кузьму Петровича в декабре арестуют. А 22 апреля 1939-го Военная коллегия Верховного суда в отношении комдива Подласа вынесет приговор по статье 193—17, п. «а» Уголовного кодекса РСФСР: «Подласа Кузьму Петровича лишить военного звания "комдив" и подвергнуть лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет с поражением в политических правах на три года».

Правда, в том же апреле Подласа амнистируют, а в августе 1940 г. восстановят в Красной армии и назначат заместителем командующего войсками Киевского Особого военного округа. В конце мая 1942 г. генерал-

лейтенант Подлас во время прорыва из окружения у села Копанки Изюмского района Харьковской области погибнет в бою.

Почему М. М. Попов ожидал своего ареста, объясняется весьма просто. В ходе репрессий из управления ОКДВА/КДФ были арестованы: командующий В. К. Блюхер, заместители командующего войсками М. В. Сангурский, Я. З. Покус, начальники штаба С. Н. Богомягков, В. К. Васенцович...

Со временем настанет черед и Григория Михайловича Штерна...

Командарм 2-го ранга Г. М. Штерн (генерал-полковник в июне 1940 г.), утвержденный в должности командующего 1-й Отдельной Краснознаменной армией, в 1939-м возглавит фронтовое управление во время боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол. Станет Героем Советского Союза. Во время советско-финляндской войны будет командовать 8-й армией. В июне 1940-го снова вернется на Дальний Восток и встанет во главе фронта, а в январе 1941 – го будет неожиданно переведен в Москву начальником Управления ПВО РККА. 7 июня его арестуют, а 28 октября без всякого суда расстреляют.

С началом боевых действий на реке Халхин-Гол (после многочисленных вооруженных провокаций, начавшихся в мае, японские войска 2 июля вторглись в Монголию) в соответствии с постановлением Главного военного совета от 5 июля 1939 г. для объединения и направления действий 1 – й (штаб – г. Ворошилов) и 2-й Отдельных Краснознаменных армий (штаб – г. Хабаровск) и 57-го особого корпуса была создана фронтовая группа под командованием Г. М. Штерна (член Военного совета – дивизионный комиссар Н. И. Бирюков, начальник штаба – М. А. Кузнецов) с функциями фронтового управления. В этот же день командующим 1-й Отдельной Краснознаменной армии назначается М. М. Попов. За ним следует и очередное воинское звание «комкор» (13 августа 1939 г.; Постановление СНК СССР № 03510). Он молод, образован, успешен.

К слову сказать, после победы на оз. Хасан, уже осенью 1938-го, в Генеральном штабе японской армии был разработан план войны против МНР и СССР, предусматривавший захват Монгольской Народной Республики и овладение советским Приморьем. Этим планом фактически предусматривалось перерезать Транссибирскую магистраль, отторгнуть Дальний Восток от остальной части Советского Союза. Основной же стратегический замысел японского командования заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и направить их против советского Дальнего Востока. Квантунская армия

должна была захватить Уссурийск, Владивосток, а затем Хабаровск и Благовещенск. С этой целью были приняты срочные меры по надежной защите дальневосточных рубежей нашей страны и союзной нам МНР. Например, было решено увеличить численность советских войск на Дальнем Востоке.

Поистине титаническая работа проводилась по инженерному укреплению границ и повышению боевых возможностей войск. Было завершено строительство многих оборонительных районов на наиболее угрожаемых направлениях. Из авиационных частей и соединений создано новое оперативное объединение – 2-я воздушная армия. В стрелковые и кавалерийские соединения включались танковые батальоны и механизированные полки. Территориальные дивизии переводились на кадровое положение.

20 июня командующий Квантунской армией отдал распоряжение о наступлении японо-маньчжурских войск в районе Халхин-Гола. 30 июня командир 23-й японской дивизии генерал-лейтенант Камацубара приказал войскам перейти в наступление. План же японского командования сводился к следующему: перейдя в наступление по всему участку, сковать советские части с фронта, а затем ударной группировкой обойти левый фланг обороны, переправиться через р. Халхин-Гол, занять господствующую в этом районе высоту Баин-Цаган и ударить в тыл советско-монгольским частям.

Именно поэтому советское командование было вынуждено срочно провести ряд мер по предотвращению расширения военных действий. Главной из них стала перестройка организационной структуры руководства войсками на Дальневосточном театре военных действий, другой – увеличение их боевого и численного состава.

На Военный совет и штаб созданной фронтовой (Читинской) группы были возложены задачи по объединению и направлению действий советских войск на Дальнем Востоке, руководству их оперативной деятельностью, материальным обеспечением войск как в мирное, так и в военное время и др. Командующий фронтовой группой командарм 2-го ранга Г. М. Штерн подчинялся непосредственно народному комиссару обороны СССР. В его подчинение передавались все войсковые соединения и части, входившие в состав группы.

Совершенствование же органов управления на Дальнем Востоке завершилось в середине июля 1939 г. преобразованием 57-го особого корпуса, находившегося в МНР, в 1-ю армейскую группу под командованием комдива (затем комкора) Г. К. Жукова, с подчинением ее

непосредственно командующему фронтовой группой войск на Дальнем Востоке.

Такая реорганизация органов управления способствовала успешному решению задач по разгрому японских войск в районе Халхин-Гола и пресечению агрессии Японии.

Как подчеркивает В. Краснов в книге «Неизвестный Жуков», «деятельность командования фронтовой группой, степень ее влияния на развитие событий на реке Халхин-Гол часто неадекватно оценивается военными историками. На самом деле, несмотря на то что в район боевых действий съехалось много высшего начальства, Жуков не дал себя подмять, решительно руководил войсками сам, он же со своим штабом разработал и предложил план августовской операции по окружению и разгрому японцев. Были, конечно, и другие планы. Но Георгий Константинович сумел настоять на своем, и там, в Москве, Сталин и Ворошилов утвердили его план».

Однако, по свидетельству генерал-майора П. Г. Григоренко, ставшего одним из наиболее известных деятелей движения за права человека в СССР, на Халхин-Голе все складывалось не так однозначно... Вспоминая, как командарм 2-го ранга Штерн начал готовить наступление с целью окружения и уничтожения японских войск, Григоренко пишет про одновременно развязанные узлы командующего фронтовой группой, которых немало навязал командующий армейской: «Одним из таких узлов были расстрельные приговоры. Штерн добился, что президиум Верховного Совета СССР дал Военному Совету фронтовой группы право помилования. К этому времени уже имелось 17 приговоренных к расстрелу. Даже не юристов содержания уголовных дел приговоренных потрясали. В каждом таком деле лежали либо рапорт начальника, в котором тот писал: "Такой-то получил такое-то приказание, его не выполнил" и резолюция на рапорте: "Трибунал. Судить. Расстрелять!", либо записка Жукова: "Трибунал. Такой-то получил от меня лично такой-то приказ. Не выполнил. Судить. Расстрелять!" И приговор. Более ничего. Ни протоколов допроса, ни проверок, ни экспертиз. Вообще ничего. Лишь одна бумажка и приговор. Что скрывается за такой бумажкой, покажу на одном примере.

Майор Т. Из академии мы ушли в один и тот же день – 10 июня 1939 года. Он в тот же день улетел на ТБ-3.

Прилетел он на Хамар-Дабу (место расположения командного пункта 1 АГ) около 5 часов вечера 14 июня. Явился к своему непосредственному начальнику – начальнику оперативного отдела комбригу Богданову. Представился. Богданов дал ему очень "конкретное" задание:

"Присматривайтесь!" Естественно, человек, впервые попавший в условия боевой обстановки и не приставленный к какому-либо делу, производит впечатление "болтающегося" по окопам. Долго ли коротко ли он присматривался, появился Жуков, в надвинутой по-обычному на глаза фуражке. Майор представился ему. Тот ничего не сказал и прошел к Богданову. Стоя в окопе, они о чем-то говорили, поглядывая в сторону майора. Потом Богданов поманил его рукой. Майор подошел, козырнул. Жуков, угрюмо взглянув на майора, произнес:

– 306-й полк, оставив позиции, бежал от какого-то взвода японцев. Найти полк, привести в порядок, восстановить положение! Остальные указания получите от тов. Богданова.

Жуков удалился. Майор вопросительно уставился на Богданова. Но тот только плечами пожал:

– Что я тебе еще могу сказать? Полк был вот здесь. Где теперь, не знаю. Бери, вон, броневичек и езжай разыскивай. Найдешь полк, броневичок верни сюда и передай с шофером, где и в каком состоянии нашел полк.

Солнце к этому времени уже зашло. В этих местах темнеет быстро. Майор шел к броневичку и думал – где же искать полк. Карты он не взял. Богданов объяснил ему, что она бесполезна. Война застала топографическую службу неподготовленной. Съёмки этого района не производились. Майор смог взять с карты своего начальника только направление на тот район, где действовал полк. Приказал ехать в этом направлении, не считаясь с наличием дорог. В этом районе нам мешал не недостаток дорог, а их изобилие. Суглинистый грунт степи позволял ехать в любом направлении, как по асфальту, а отсутствие карт понуждало к езде по азимуту или по направлению. Поэтому дороги и следы автомашин пересекали район боевых действий во всех направлениях. Майор не ошибся в определении направления, и ему повезло – полк он разыскал довольно быстро. Безоружные люди устало брели на запад к переправам на реке Халхин-Гол. Это была толпа гражданских лиц, а не воинская часть. Их бросили в бой, даже не обмундировав. В воинскую форму сумели одеть только призванных из запаса офицеров. Солдаты были одеты в свое домашнее. Оружие большинство побросало.

Выскочив из броневичка, майор начал грозно кричать: "Стой! Стой! Стрелять буду!" Выхватил пистолет и выстрелил вверх. Тут кто-то звезданул его в ухо, и он свалился в какую-то песчаную яму. Немного полежав, он понял, что криком тут ничего не добьешься. И он начал призывать: "Коммунисты! Комсомольцы! Командиры – ко мне!" Призывая,

он продвигался вместе с толпой, и вокруг него постепенно собирались люди. Большинство из них оказались с оружием. Тогда с их помощью он начал останавливать и неорганизованную толпу. К утру личный состав полка был собран. Удалось подобрать и большую часть оружия. Командиры все из запаса. Только командир, комиссар и начальник штаба полка – кадровые офицеры. Но все трое были убиты во время возникшей паники. Запасники же растерялись. Никто не помнил состав своих подразделений.

Поэтому майор произвел разбивку полка на подразделения по своему усмотрению и сам назначил командиров. Разрешил всему полку сесть, а офицерам приказал составить списки своих подразделений. После этого он намеревался по подразделениям выдвинуть полк на прежние позиции. А пока людей переписывали, прилег отдохнуть после бессонной ночи. Но отдохнуть не удалось. Послышался гул приближающейся автомашины. Подъехал броневичек. Остановился невдалеке. Из броневичка вышел майор, направился к полку. Два майора встретились. Прибывший показал выписку из приказа, что он назначен командиром 306-го полка.

– А вы возвращайтесь на КП, – сказал он майору Т.

Майор Т. хотел было объяснить, что он проделал и что наметал дальше. Но тот с неприступным видом заявил:

– Сам разберусь.

Т. пошел к броневичку. Там его поджидали лейтенант и младший командир. Лейтенант предъявил майору ордер на арест:

– Вы арестованы, прошу сдать оружие.

Так началась его новая постакадемическая жизнь. Привезли его теперь уже не на КП, а в отдельно расположенный палаточный и земляночный городок – контрразведка, трибунал, прокуратура. Один раз вызвали к следователю. Следователь спросил:

– Почему не выполнил приказ комкора?

В ответ майор рассказал, что делал всю ночь и чего достиг. Протокол не велся. Некоторое время спустя состоялся суд.

– Признаете себя виновным?

– Видите ли, не... совсем...

– Признаете вы себя виновным в преступном невыполнении приказа?

– Нет, не признаю. Я выполнял приказ. Я сделал все, что было возможно, все, что было в человеческих силах. Если бы меня не сменили и не арестовали, я бы выполнил его до конца.

– Я вам предлагаю конкретный вопрос и прошу отвечать на него прямо: выполнили вы приказ или не выполнили?

– На такой вопрос я отвечать не могу. Я выполнял, добросовестно

выполнял. Приказ находился в процессе выполнения.

– Так все-таки. Был выполнен приказ о восстановлении положения или не был? Да или нет?

– Нет, еще...

– Достаточно. Все ясно. Уведите!

Через полчаса ввели в ту же палатку снова:

– ...К смертной казни через расстрел...

Только это и запомнил. Дальше прострация. Что-то писал. Жаловался. Просил. Все осталось за пределами сознания.

Военный совет фронтовой группы от имени президиума Верховного Совета СССР помиловал майора Т. Помиловал и остальных 16 осужденных трибуналом 1-й армейской группы на смертную казнь.

Штерн был инициатором ходатайства перед президиумом Верховного Совета СССР о пересмотре дел всех приговоренных к расстрелу. Он их и помиловал, проявив разум и милосердие. Все бывшие смертники прекрасно показали себя в боях и все были награждены, вплоть до присвоения Героя Советского Союза».

Второй узел, развязанный Штерном, был не менее важным: «И еще один узел развязал Штерн. К моменту его вступления в командование фронтовой группой, снабжение войск в Монголии было полностью дезорганизовано. Штерн приказал фронтовой группе взять на себя доставку всех боевых и снабженческих грузов до армейской базы – Тамцак-Булак. Снабжение наладилось и до конца боев не нарушалось ни разу».

Сам Г. К. Жуков, докладывая позднее Сталину и Политбюро о проблемах, с которыми столкнулись советские войска во время боев у реки Халхин-Гол, скажет: «Главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск. Нам приходилось подвозить все, что нужно для боя и жизни войск, за 650–700 километров. Ближайшие станции снабжения были расположены на территории Забайкальского военного округа. Даже дрова для приготовления пищи, и те приходилось подвозить за 600 километров. Кругооборот машин составлял 1300–1400 километров, а отсюда – колоссальнейший расход бензина, который также надо было доставлять из Советского Союза. В преодолении этих трудностей нам хорошо помог Военный совет ЗабВО и генерал-полковник Штерн со своим аппаратом».

Говорят, что только эту заслугу командующего фронтовой группой в Халхин-Гольской операции и признавал Маршал Советского Союза.

Из 1-й армейской группы тогда еще майор Григоренко вернулся в Читу, где был назначен начальником штаба фронтовой группы Кузнецовым

направленцем на 1-ю отдельную Краснознаменную армию комкора М. М. Попова. Как вспоминал генерал-майор, «требовалось следить за обстановкой, т. к. не исключалось, что японцы, чтобы отвлечь внимание от Монголии, могли завязать конфликт еще где-нибудь». Словом, армия М. Попова весь период боевых действий на Халхин-Голе готовилась к боевым действиям, находясь в постоянной боевой готовности и тревожном ожидании.

В Чите Григоренко сосредоточился на своем направлении, но оставался в курсе всех событий в Монголии: «Там было относительно спокойно до самого сентября. Но в начале этого месяца 1 – я армейская группа перешла в наступление. Окружила находящиеся на монгольской территории части 6-й японской дивизии. В последующих боях эти части были полностью уничтожены. Японцы не сдавались, а прорваться не смогли. Во-первых, потому, что не имели приказа на отход с занимаемых позиций. Во-вторых, слишком велико было численное и техническое превосходство у нас. Но потери мы понесли огромные, прежде всего из-за неквалифицированности командования. Кроме того, сказывался характер Георгия Константиновича, который людей жалеть не умел. Я недолго пробыл у него в армии, но и за это время сумел заслужить его неприязнь своими докладами Штерну. Человек он жестокий и мстительный, поэтому в войну я серьезно опасался попасть под его начало.

Бои на Халхин-Голе были описаны довольно серьезно. Работал над этим большой коллектив офицеров, операторов из штаба фронтовой группы и 1 – й армейской группы. Я в составе авторского коллектива не был. Поэтому могу считать свою оценку этого труда объективной.

Труд исключительно деловой. В нем очень хорошо раскрыты недостатки в подготовке войск и офицерских кадров. Детально описаны и разобраны боевые действия. В них показано использование родов войск, тыла, недостатки командования. В нем нет прямых нападок на Жукова и похвал Штерну, но каждый прочитавший поймет, кто чего стоит. Понял это и Жуков.

Книга писалась сразу же после событий и была представлена в Генштаб. Там она была прочитана и получила горячее одобрение. Жуков в это время командовал Киевским Военным Округом. Пока книга ходила по отзывам и готовилась к печати, Жуков получил назначение начальником Генштаба. Первое, что он сделал, придя на эту должность, потребовал книгу о Халхин-Голе. Прочитал от корки до корки и начертал: "Они там не были и ничего не поняли. В архив". Так книга, вскрывшая на небольшом боевом эпизоде те коренные пороки в боевой подготовке войск и офицеров,

которые выявились и во Второй мировой войне, оказалась упрятанной от офицерского состава».

15 сентября 1939 года между Советским Союзом, МНР и Японией было подписано соглашение о прекращении военных действий.

Выпускник Академии Генштаба полковник В.А. Новобранец, будучи офицером оперативного отдела штаба фронтовой группы, поведает нам свой собственный вывод о событиях на Халхин-Голе: «... они явились проверкой нашей готовности к большой войне. Экзамен был тем более серьезный и важный, что в нем принимали участие все рода войск. Высшие командиры и штабы показали свои знания, свое оперативное искусство и воинскую культуру. Младший комсостав и рядовые бойцы показали свое мужество, дисциплинированность, умение владеть новыми видами оружия.

И надо сейчас со всей откровенностью и правдивостью признать, что в этих событиях только красноармейцы и младшие командиры оказались на высоте своего положения, проявили понимание серьезности событий и готовности выполнить воинский приказ. Несмотря на отдаленность событий от жизненно важных областей Советского Союза, красноармейцы понимали, что именно сейчас и в данном месте надо отбить охоту у японцев "испытывать" стойкость солдат Красной армии.

Но действия командования 1-й армейской группы во главе с генералом Жуковым оказались не на высоте, не отвечали требованиям военной науки. Точнее говоря, мы победили японцев огромным преимуществом в живой силе и технике, а не военным искусством. "Шапками закидали". Отсюда огромные ничем не оправданные потери. Две недели мы громили японскую дивизию в обороне и ежедневно продвигались вперед на 80—100 метров, не более. Наступали мы многочисленными отрядами, распыляли силы и средства, били врага "растопыренными пальцами". Не было взаимодействия родов войск – все они действовали самостоятельно, придерживаясь оперативного плана только в общих чертах. Например, танки прорывались в глубокий тыл противника, громили там склады горючего, а в это время пехота оставалась без их поддержки и гибла под жестоким огнем японцев. Самолеты также большей частью атаковали тылы противника и не поддерживали пехоту на поле боя. Артиллерия не взаимодействовала с пехотой, не оказывала ей эффективной поддержки в наступлении. И уж совершенно скверно показала себя техническая связь. Радио, уже широко вошедшее в быт советских людей, не было использовано для связи с войсками, что лишило штаб основного средства управления боем. Штаб Жукова в дни сражений напоминал штаб Наполеона: здесь всегда были толпы офицеров – делегатов связи от частей.

Жуков игнорировал технические средства связи и использовал для этой цели только офицеров, как это делал в свое время Наполеон. Поэтому мы и прозвали его тогда «Бонапартом». Но, в отличие от наполеоновских времен, офицеры "скакали" не на конях, а ехали на автомашинах. (...)

Командующий Штерн во время событий неоднократно пытался "вразумить" Жукова, однако без всякого результата, а вернее, с трагическим для себя результатом. Дело в том, что и Жуков, и Штерн имели прямой провод к Сталину. Честная и правдивая информация Штерна тотчас же искажалась Жуковым в выгодном для себя свете. В 1940 году Штерн исчез с нашего горизонта, и о его дальнейшей судьбе нам ничего не было известно.

Вместе с тем необходимо сказать, что только благодаря Штерну мы одержали победу над японцами. Командующий Штерн, которому подчинялся Жуков, радикально вмешивался в управление войсками и исправлял грубые ошибки Жукова. На этой почве и возникли трения, которые привели к опале Штерна и его гибели.

Накануне большой войны наша армия лишилась еще одного талантливого полководца с большим оперативно-стратегическим кругозором, человека высокой культуры. Во время Гражданской войны в Испании Штерн был военным советником республиканской армии и проявил там хорошие полководческие способности. В те времена он находился в личной переписке со Сталиным, лично ему сообщал о ходе военных действий и о своих планах. (...)

Но у Штерна был большой "недостаток" – он обладал независимым складом ума, смелостью суждений. Для расследования событий на месте Сталин направил в Забайкалье комиссию во главе с Мехлисом, который и "помог" Штерну "исчезнуть".

Позднее стало известно, что на судьбу Штерна повлияло не только его вмешательство в действия Жукова, но и попытка объективно изучить этот горький опыт войны. Он приказал группе офицеров-генштабистов изучить только что полученный боевой опыт, вскрыть все ошибки командования и все недочеты в подготовке армии. И обо всем этом написать книгу. Предполагалось доложить ее высшему начальству, затем издать в секретном порядке и разослать в армию. Этого требовал и Генеральный штаб. Все командиры должны учиться на опыте Халхин-Гола. Таков был замысел. (...)

Члены комиссии, конечно, были в курсе всех дел, являлись свидетелями и очевидцами событий. Однако мы не ограничились штабными документами и личными впечатлениями. Пришлось опросить

многие десятки участников боев, начиная от рядовых солдат, танкистов, летчиков и до командиров разных частей и соединений. Опрашивали их непосредственно на местах боевых действий, выясняли детали событий на местности и, как говорится, "по горячим следам", на второй день после окончания боев.

Беседовали мы и с командующим 1-й армейской группой генералом Жуковым. Однако откровенной полезной беседы не получилось. Жуков расценил наши расспросы по-своему, почему-то обиделся и больше с нами не встречался. (...)

На основании всех материалов мы составили обстоятельный обзор с правдивым освещением всех событий, с полным раскрытием всех недостатков в боевой подготовке армии и допущенных ошибок, промахов и просчетов командования.

Командующий фронтом... Штерн, ознакомившись с нашим обзором, одобрил его и приказал подготовить для печати. Однако наш труд света не увидел, горький опыт Халхин-Гола армией не был изучен и учтен. Не буду детально рассказывать, как "двигалась" рукопись. Ограничусь последним этапом.

Полковник Шевченко, начальник Восточного отдела Оперативного отдела Генштаба, получив рукопись из Читы, нашел ее ценной и совершенно необходимой для изучения командирами Красной армии. Он попросил разрешение у начальника Генерального штаба генерала армии Мерецкова напечатать ее. Мерецков согласился. Но произошла смена в кабинете – Жуков был назначен начальником Генштаба. Шевченко не учел очень важного обстоятельства, что Жуков уже выпустил о событиях на Халхин-Голе свою книжку, заполненную самовосхвалением. Ничего ценного в ней не было. И вот полковник Шевченко дал автору упомянутой книжки на утверждение правдивое описание событий. Жуков просмотрел рукопись, вызвал Шевченко и по-фельдфебельски обругал его, а рукопись похоронил в своем сейфе. Судьба ее неизвестна» (в эти закулисные тайны был посвящен и М. М. Попов).

Как отметит в своей статье к 70-летию М. М. Попова генерал армии П. Курочкин, около трех лет Маркиан Михайлович «прослужил на Дальнем Востоке, отдавая все свои силы, опыт и знания повышению боевой готовности войск и укреплению границы. Это были годы сложной международной обстановки, непрерывных военных конфликтов...»

Все это время он служил под командованием Г. М. Штерна, который особенно ценил Маркиана Михайловича как молодого, образованного и перспективного военачальника.

«"Жили они тогда в Никольско-Уссурийске (до 1957 г. г. Ворошилов) в весьма простой, непритязательной обстановке" – напишет троюродный брат М. Попова Антонин Александрович. "Даже было как-то неловко, – вспоминает Клавдия Ильинична, – принимать живого, всамделишного Паганеля, профессора Полежаева, Александра Невского – нашего тогдашнего любимца Николая Константиновича Черкасова. Маркиан Михайлович уделял много внимания этой гастрольной поездке в частях и соединениях армии"».

Петр Григорьевич Григоренко о М. М. Попове напишет честно и очень по-доброму: «Еще иным был командующий 1 – й армией комкор (впоследствии генерал армии) Попов Маркиан Михайлович. Заядлый спортсмен, стройный, подтянутый, белокурый, с благородными чертами лица, он выглядел совсем юным. Характер имел общительный, веселый, то, что называют рубахой-парнем. В любой компании он был к месту. К людям относился тактично, чутко. В армии его любили – и офицеры и солдаты. Ум имел быстрый, логического склада. Но в войну ему не повезло. Не то, что не было военного счастья на поле боя. Этого счастья долго ни у кого не было. Не в этом дело. Он был куда более умный командующий, чем многие другие, но его в кругах, близких к Сталину, а может, просто сам Сталин, недолюбливали».

О молодом командующем 1-й особой Краснознаменной армией и сегодня можно найти еще несколько воспоминаний.

Например, вот что рассказывает ветеран войны Ю. М. Галлат: «...это где-то уже в 1940 году. Был как раз выходной день, воскресенье. Ребята возвращались из деревни, увольнительные давал старшина эскадрона. Самым последним шел мой приятель Степа Котовщиков, хороший парень, у меня даже есть его фотография. Этот случай он нам потом сам рассказывал в подробностях. У него в тот день был день рождения, и, находясь в гостях у своей девушки в Астраханке, он выпил рюмочку водки вместе с ее отцом. Когда обратно возвращался в часть, проходил мимо штаба дивизии. Там на крыльце как раз стоял командир нашей 8-й Дальневосточной кавалерийской дивизии Манагаров и командующий армией генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов. Степа шел спокойно. Тут Попов говорит Манагарову:

– Товарищ комбриг, а этот красноармеец, кажется, пьяный идет на ночевку.

– Да нет, не может быть, товарищ командующий, – говорит Манагаров.

– А вы проверьте, остановите его!

Остановили Степку. Адьютант командира дивизии говорит ему:

- А ну, подойди сюда!
- Выпивший?
- Нет!
- А ну-ка дыхни. Он дыхнул.
- У-у-у, пахнет.

Тут командующий 1-й Дальневосточной армией Попов говорит:

– Ну что, командир дивизии, я правильно сказал? Манагаров:

– Ты почему выпил-то? Тут Котовщиков ответил:

– У меня сегодня день рождения, вот я был, выпил рюмочку...

– Командир дивизии, отведите его на гауптвахту. Двадцать суток гауптвахты!

Так его отвели на гауптвахту. Отсидел он пять суток, и его отпустили. Командир полка начал ходатайствовать: ну день рождения, ну выпил. Вот такая тогда строгость была: день рождения, а нельзя было выпить. Закон есть закон!»

В то непростое время командующему приходилось немало времени уделять и воинской дисциплине. Например, анализ ее нарушений в ОКДВА за 1937 г., по данным В. С. Мильбаха, показывает следующую картину: «Самыми распространенными дисциплинарными проступками являлись: пререкания, оскорбления и грубость начальству— 12,8 % от всех проступков, небрежный уход и сбережение оружия и техники—10,3 %, появление в пьяном виде —6 %, нарушения караульной службы—5,9 %. Данные за январь – апрель 1938 г. свидетельствуют об устойчивом росте основных дисциплинарных проступков, при этом пререкания, оскорбления и грубость начальству составляли уже 14,4 %, появление в пьяном виде – 6,2 %, нарушения караульной службы – 6,1 %».

В середине 1936 г. было принято решение о строительстве в г. Ворошилове (Уссурийске) Ремонтной базы. Под ее размещение выбрали тогда юго-восточную окраину города – пустырь, примыкающий к территории «Сахарного комбината». Проектированием занимался Ленинградский проектный институт «Спецпроект», а рабочим проектированием – Военпроект ВСУ 1 ОКА. Осенью 1937 г. военные строители уложили первые кубометры бетона, а уже в марте 1940 г. был сдан под монтаж технологического оборудования корпус № «А». Это разборка и сборка танков, тракторов и танковых моторов. Одновременно с монтажом оборудования была подана на ремонт первая техника. В день открытия Рембазы, 12 мая 1940 г., прибыл сам командующий 1-й Особой Краснознаменной армией комкор М. М. Попов. Сначала состоялся митинг, а потом Маркиан Михайлович подошел к «северным» воротам, где была

натянута красная лента. По команде лучшие мастера и бригадиры запустили двигатели 5 первых танков и 2 тракторов. При подходе первого к «северным» воротам комкор Попов торжественно разрезал ленту и первая отремонтированная техника, под звуки оркестра, вышла из стен корпуса № 1.

В своих мемуарах генерал-полковник И. М. Чистяков поведает одну любопытную историю: «В начале 1940 года меня вызвал новый командарм генерал М. М. Попов и предложил создать во Владивостоке военное училище. Я с радостью согласился, ибо я любил работать с молодежью, с теми, кто начинает свой путь. Мне казалось, что смогу подготовить хороших командиров.

Дали нам для училища бывшие казармы царской армии на Второй речке – пригороде Владивостока. Два месяца день и ночь оборудовали мы казарму. Хотелось создать максимально хорошие условия для учебы и быта будущих курсантов.

Первый набор сделали из военнослужащих, прослуживших в армии год или полтора, в основном из сержантов и старшин, с образованием не ниже восьми классов. В то время с восьмиклассным образованием было не так уж много людей, но с меньшим образованием в училище мы не могли принимать, так как с каждым днем в армию приходила все более сложная техника.

Откровенно говоря, мы не думали, что сразу посыплется к нам так много заявлений. Мы получили две тысячи восемьсот заявлений, а должны были отобрать только тысячу восемьсот человек. Ребята буквально плакали, когда мы им отказывали. Я воспользовался разрешением вышестоящего начальства и зачислил десять процентов сверх штата. Парни пришли отличные! Учились с большой охотой, со всей ответственностью, понимая задачу, которая перед ними стояла.

Уже через год наше училище по боевой и политической подготовке заняло второе место по всей Красной армии (первое место было у Московского училища имени Верховного Совета РСФСР). (...)

На празднике Великого Октября в 1940 году училище должно было участвовать в военном параде во Владивостоке. Естественно, нам хотелось козырнуть строевой выучкой, покорить жителей города умением ходить. Чтобы добиться еще большего эффекта, всем курсантам на сапоги набили железные набойки. Оркестру я приказал:

– Играйте тихо, когда пойдете по площади, чтоб ни одна дудочка не пискнула!

Оркестранты все поняли, заулыбались. И действительно, когда пошли

по площади, слышался только железный ритм шагов. Люди ахнули:

– Вот это идут! Даже музыку забили! Командующий приказал:

– Еще раз проведи!

Снова пошли. И снова "забили музыку".

Он, видимо, тоже не понял нашей хитрости и только сказал:

– Вот это да!»

Из аттестации на командующего 1-й Краснознаменной армией генерал-лейтенанта Попова Маркиана Михайловича:

«Тов. Попов М. М. упорной и умелой работой, энергичным руководством подчиненными добился в истекшем году дальнейшего заметного роста боевой подготовки и хозяйства 1 Краснознам. Армии, в частности 1 Армией достигнуты значительные успехи в боевой подготовке всех родов войск. При этом необходимо однако подчеркнуть выявленное в процессе учений и инспекторских проверок отставание от других родов войск в подготовке артиллерии)сложные стрельбы, теория стрельбы, знание техники своей матчасти), и в подготовке армейского штаба, на что надо обратить в 1941 году особое внимание. В значительной мере благодаря т. ПОПОВУ 1-я Армия имеет в 1940 году серьезные успехи в оборонительном строительстве и доусилении Укр. районов силами войск (строительство ДЗОТ, КЗОТ, препятствий) и войска освоили неплохо организацию и технику этих работ. Тов. ПОПОВУ свойственно чувство нового в военном деле, быстро это новое и указания высшего командования схватывает и преломляет в боевой подготовке войск. В армии авторитетен. Работает над собою и лично растет и практически и теоретически. В остальном ссылаюсь на аттестацию, данную мною в 1939 году.

Должности соответствует вполне.

П.п. Командующий ДВ фронтом генерал-полковник *Штерн*.

7.1.41 г.».

«Впервые вижу генерала без живота»

Специальная комиссия по представлению кандидатов на присвоение новых воинских званий высшего командного состава под председательством маршала К. Е. Ворошилова была назначена 8 мая 1940 г. Произошло это на следующий день после Указа Президиума Верховного Совета СССР, которым они были введены. Следует лишь отметить, что более или менее четкого соответствия прежних званий (1935 г.) новым, при рассмотрении комиссией маршала Ворошилова вопроса о присвоении генеральского звания кандидатам не было. Так, из списка генералов, подписанного комиссией 11 мая 1940 г., генерал-лейтенантами стали 11 командармов 2-го ранга, 22 комкора и 10 комдивов. Комкору Маркиану Михайловичу Попову воинское звание «генерал-лейтенант» было присвоено Постановлением СНК от 4 июня 1940 г. Официально в 37 лет, а фактически в 35.

Через несколько месяцев, осенью 1940 г., из Генерального штаба генерал Попов получит сообщение о том, что в декабре в Москве по указанию Центрального комитета партии состоится совещание высшего командного состава армии. Более того, предполагалось проведение большой оперативно-стратегической игры. Проект доклада командующего 1 – й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта требовалось представить к 1 ноября. И нужно сказать, Маркиан Михайлович взялся за эту работу основательно. При этом, как генерал с высшим военным образованием, работал над докладом самостоятельно, что нельзя сказать о других военачальниках.

На 23 декабря 1940 г. в Москву были приглашены командующие, члены военных советов и начальники штабов военных округов, армий, командиры некоторых корпусов и дивизий. На заседании, проходившем в Центральном доме Красной армии, также присутствовали руководящий состав Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники Центральных управлений, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск. Всего более 270 человек.

Как подчеркивается в предисловии к книге «Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.», «совещание проходило в условиях, когда злое пламя Второй мировой войны стремительно распространялось по земному шару. Фашистская Германия оккупировала Чехословакию, Австрию, Польшу,

Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Францию. Милитаристская Япония, начиная с 1937 г., захватила Северный Китай и значительную часть Центрального Китая. Война вплотную подошла к границам СССР.

Напряженная обстановка в Европе и мире в целом, реальная угроза агрессии заставили политическое и военное руководство страны предпринять дополнительные меры по обеспечению безопасности Советского Союза и укреплению Вооруженных Сил. Необходимость таких мер стала особенно очевидной после советско-финляндской войны 1939–1940 гг., которая вскрыла крупные недостатки в подготовке и боеспособности РККА. Война обнажила слабые места в подготовке командиров и штабов к руководству войсками в боевой обстановке. Она потребовала улучшения организационной структуры войск, их технического оснащения и материального обеспечения, повышения уровня морально-политического состояния и дисциплины личного состава.

На пленуме ЦК ВКП(б) в марте 1940 г. были обсуждены итоги и уроки советско-финляндской войны, а в апреле того же года на расширенном заседании Главного военного совета РККА с участием руководителей ВКП(б) и государства рассмотрены вопросы вооружения, организации, обучения и воспитания войск, улучшения руководства ими.

В мае 1940 г. Народным комиссаром обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Специально созданная в связи с этим комиссия во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым осуществила проверку Наркомата обороны и подготовила Акт его приема-передачи. В этом документе отмечалось, что на момент приема и сдачи Наркомат обороны не имел оперативного плана войны, не зная истинного состояния армии и прикрытия границ. Неудовлетворительно оценивалась полевая выучка войск.

Заметную роль в перестройке системы подготовки войск сыграл приказ Наркома обороны № 120 от 16 мая 1940 г. "О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 учебного года". Основной девиз приказа – учить тому, что нужно на войне. В соответствии с этим приказом в военных округах состоялись учения, инспекционные проверки, смотры, командно-штабные игры под руководством непосредственно Наркома обороны и начальника Генерального штаба. Учения и проверки дали богатейший фактический материал для анализа уровня подготовки войск, командиров и штабов. При этом учитывался опыт кампаний начавшейся второй мировой войны, который властно требовал пересмотра многих положений военного искусства, доведения новых взглядов до руководящих кадров РККА.

Исходя из этого Совещание тщательно и заблаговременно готовилось. По заданию Наркома обороны было поручено разработать 28 докладов по самым актуальным проблемам военной теории и практики. Из них для обсуждения на совещании выносились лишь наиболее глубокие и оригинальные.

С докладом "Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего комсостава" выступил начальник Генерального штаба РККА генерал армии К. А. Мерецков. Он охватил все существенные аспекты состояния РККА, ее родов войск и на основе этого подчеркнул необходимость глубокой перестройки Вооруженных Сил. Особую озабоченность вызывали способы использования механизированных и авиационных соединений, низкий уровень подготовки высшего командного состава, недостатки в комплектовании РККА командными кадрами и в техническом оснащении отдельных родов войск.

Весьма пристальное внимание уделялось обсуждению вопросов наступательной и оборонительной операций, боевого применения механизированных и авиационных соединений в войне. Так, в докладе командующего войсками Киевского особого военного округа генерала армии Г. К. Жукова "Характер современной наступательной операции" на основе достижений военно-теоретической мысли, анализа боевых действий во время войн и военных конфликтов излагались новые черты наступательной операции фронта и армии, способы использования крупных танковых и механизированных соединений во взаимодействии с ВВС, в том числе при действии в тылу у оперативной группировки противника и при развитии оперативного успеха в стратегический».

Командующий 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта выступал после командующего фронтом генерал-полковника Г. М. Штерна:

«Товарищи, Первая Краснознаменная армия, являясь самой отдаленной армией Союза, живет в необычных по сравнению с другими округами условиях. Наша боевая подготовка тесно переплетается и сочетается с большим объемом хозяйственных работ, отрывающих людей от боевой подготовки. Я говорю о заготовках сена, топлива, овощей и целом ряде других хозяйственных работ.

Но прошедший или истекший год явился для Первой армии самым благоприятным годом в смысле ее подготовки и боевого совершенствования. Нас почти совсем не задели большие переживания, которые отразились на других военных округах, расположенных ближе к западной границе. За это время нам удалось стабилизировать относительно

наш начальствующий состав по всем родам войск. И это дало свои большие результаты. Руководствуясь указаниями Народного комиссара обороны, в частности приказом его № 120, а также разбором тактических учений, проведенных Наркомом в Западном и других округах, мы имели возможность перестроить свою боевую подготовку и приблизить ее к более или менее боевым условиям.

Но все недочеты, о которых докладывал здесь начальник Генерального штаба армии, свойственны и нам и нашим частям. Наша большая и актуальная задача на пороге нового года – это в максимально короткие сроки, как можно скорее, устранить и изжить те недочеты, которые снижают нашу боевую готовность. Я, как и командующий Дальневосточным фронтом, считаю, что наши достижения еще настолько элементарны и настолько поверхностны, что не заслуживают больших разговоров о них. Я хочу доложить некоторые вопросы, решение которых должно улучшить боевое обучение войск.

Прежде всего замечание по программам боевой подготовки. Мы иногда позволяем себе сравнивать организацию учебного процесса в школе, где учатся наши дети. И вот, если в школе, где учится наш ребенок, учение централизовано, то наши программы сплошь и рядом позволяют неграмотному лейтенанту, неграмотному младшему лейтенанту, возглавляющему роту, а иногда и батальон, являться неограниченным творцом в вопросах организации обучения войск, в вопросах боевой подготовки. В 1940 год мы вступили с программой: "240 часов – на огневую подготовку". И все. Это огневое обучение, как известно, слагается из изучения материальной части, теории стрелкового дела и т. д. Нигде не дифференцировано распределение часов, 20 командиров дают вам 20 различных планов, 20 различных вариантов, расчетов. И если один командир отводит на первую задачу 12 часов, другой отводит 20. Когда задаешь такому командиру вопрос: "Почему вы отводите именно 20 часов?", то он отвечает: "Руководствуюсь своим командирским опытом в течение трех месяцев"».

После этих слов нарком обороны маршал С. К. Тимошенко просит выступающего уточнить: «О каких программах вы говорите?»

Генерал Попов отвечает смело и без дрожи в коленках: «О тех программах по боевой подготовке, с которыми мы вступили в истекший учебный год. Докладываю это с ответственностью. Я считаю, что до тех пор, пока нашими взводами и ротами командует очень неопытный командир, наши программы должны быть чрезвычайно жестко централизованы».

Теперь недопонимание возникает у маршала СМ. Буденного, и он спрашивает: «Какие программы?»

Маркиан Михайлович четко поставленным голосом отвечает и ему: «Я говорю о тех программах, товарищ заместитель Народного комиссара, которые мы имели в начале истекшего года. Та программа, которую мы получили на летний период этого года, явилась прогрессом по сравнению с теми программами, по которым мы учились до сих пор. Но и в эту программу я считал бы необходимым внести некоторые изменения. В этих программах были допущены такие вещи, которые позволяли своевластие. Например, на подготовку роты отводилось столько-то часов, наступательный бой роты – столько-то часов, дальше перечисляются учения, а сколько времени отводится на них – этого нет. Этим занимался младший лейтенант.

Начальник Генерального штаба генерал армии т. Мерецков, докладывая об огневой подготовке, указал, что огневая подготовка Первой армии дала неплохие результаты. Я позволю себе, не зазнаваясь, думать, что этих неплохих результатов мы добились только потому, что жестко централизовали огневое обучение, лишили права младших начальников заниматься творчеством планирования и расстановкой часов. Вовлекли командиров полков и дивизий самих в активное участие распределения часов и заставили их руководить огневой подготовкой.

Этим и объясняется, что все подразделения Первой армии вошли в положительную оценку.

По тактической подготовке. Я хотел бы, товарищ Народный комиссар обороны, предложить, исходя из нашей работы на Дальнем Востоке, о чем уже говорил генерал-полковник т. Штерн. Я считаю, что мы в системе тактической подготовки наших мелких подразделений должны проводить как можно больше учений на темы, предопределяющие самостоятельную работу отделения, взвода или роты. Я считаю, что отделение в составе взвода будет сколачиваться на взводных учениях; когда мы готовим взводы и отделения, мы должны больше всего проводить учений в обстановке не совместной борьбы, а одиночной.

Разительный пример подготовки дают наши пограничники. Я не могу не поделиться на столь ответственном совещании хотя бы одним из примеров боевой подготовки пограничников, направленной по пути самостоятельной подготовки. Зимой прошлого года на японо-маньчжурской границе имел место вооруженный конфликт. Японский взвод силой в 50 человек под командованием подпоручика вторгся на советскую территорию. Так как застава была на большом расстоянии, отделенный

командир Боровинский решил дать бой японскому взводу, в результате чего японский взвод был разбит и панически бежал, оставив на нашей территории, вопреки всем традициям, труп поручика. Отделенный командир Боровинский рассудил так: "Я с красноармейцами принимаю удар с фронта, другой – открывает огонь справа, вы, Иванов, открываете огонь автоматического оружия с фланга слева". Таким образом, четыре бойца окружили весь взвод японцев, который в панике вынужден был уйти с нашей территории.

Должен признаться, что когда я жал руку этого отделенного командира, то от души сказал: "Хотелось бы, чтобы боевое поведение отделенного командира 1-й Краснознаменной армии было бы похоже на отделенного командира Боровинского, чтобы поведение всех отделенных командиров было бы подобно поведению отделенного командира Боровинского". Этим отличаются пограничники. Они отличаются тем, что вся подготовка младшего начальствующего состава построена на обучении самостоятельному действию. Пограничники в 7 человек считают себя силой, а тут они умеют даже действовать в составе 3–4 человек. Вот почему я считаю, что в наших программах по частям, готовящимся к действию на широком фронте, должно отводиться большое место обучению подразделений самостоятельным действиям без соседа справа и соседа слева.

Следующее замечание относительно укрепленных районов. Я считаю, товарищ Народный комиссар, что руководство боевой подготовкой укрепленных районов заставляет желать очень и очень много лучшего. Если война с белофиннами дала большой практический опыт в вопросах прорыва укрепрайонов, то не меньший опыт получен и в вопросах обороны укрепрайона. Это мало претворяется в жизнь. Наши УРы нуждаются, если не в УРовских уставах, то по крайней мере в УРовских наставлениях. Сейчас же большинство наших укрепрайонов (а в армии их очень много) живет старинкой, занимается отсебятиной и искусство укрепления и обороны не поднято на принципиальную высоту.

Кстати сказать, товарищ Народный комиссар, в эту зиму я разговаривал с одним из крупных начальников ДОТ, когда я сидел с ним в его ДОТе, я дал ему задачу: "Японский дозор подходит к проволоке. Каково Ваше решение?" "Открыть огонь". Так мы воспитываем наши части. Кстати, мы кое-как воспринимаем этот опыт финских событий, поработали над маскировкой наших сооружений, приучаем людей выходить из ДОТа, чтобы беречь свой ДОТ. Я считаю, что от кустарщины нам нужно перейти к созданию универсального пособия».

И снова докладчика прерывает реплика наркома обороны: «Вообще над искусством тактики, особенно УРов, не работали».

Генерал Попов уточняет: «Работали очень мало, начали работать буквально после финских событий, когда увидели, как брала Красная армия укрепрайоны. Наши УРы будет значительно легче рвать, если мы решительно не переделаем нашу тактику и если не переделаем даже внешний их вид.

Разрешите, товарищ Народный комиссар, доложить, что за это лето части 1-й Краснознаменной армии почти на 100 процентов выполнили план оборонных работ, буквально преобразили старые укрепленные районы, там, где можно было, сделали солидные предполья, создали несколько новых укрепрайонов и значительно преобразили приморскую границу вообще. Я несколько забегаю вперед, хочу просить о том, чтобы нам разрешили для Приморского театра в будущем, в частности на 1941 год, работать по усовершенствованию своего театра, усовершенствованию укрепления границ, дорог. Эта работа может быть освоена армией без ущерба для ее боевой подготовки.

Два слова о подготовке штабов. Я хочу поделиться своим опытом и в порядке практического предложения рекомендовать это дело в других местах. Живя буквально на самой границе, мы начали в этом году практиковать выход штабов с отмобилизованием штабов и дивизий. Руководствуясь последним приказом Народного комиссара, мы решили нащупать правильную форму полного сочетания мобилизационной работы, которая до сих пор проводится оторванно, абстрактно от боевой обстановки. Сочетать ее таким путем – не просто выход по тревоге, а именно отмобилизация с высылкой начальников штабов, с подъемом войск связи и т. д. Наши выходы, когда к ним готовятся за 5 суток, зачастую проходят на чужих машинах, с чужими людьми и не так, как эти штабы будут воевать.

В подготовке начальствующего состава я целиком поддерживаю предложение, которое здесь было выставлено. Было бы крайне желательно число дней для подготовки начальствующего состава несколько увеличить: до 4–5 дней. Сборы, которые проводились, показали всю вопиющую неграмотность нашего начальствующего состава и, очевидно, лечить эту неграмотность окриком, взысканиями нам нельзя, стыдно и бесцельно. Над начальствующим составом надо крепко работать, его надо учить. Я должен сказать, что в 1-й армии 60 процентов начальников полковых школ кончили курсы младших лейтенантов и на командной должности состоят по 2–3 года. Все это заставляет нас тщательнее работать с этим составом.

Несколько слов об авиации. Мощь и сила нашей авиации окрепла, выросла дисциплина. Народному комиссару известно, что на одну катастрофу по сравнению с прошлым годом у нас значительно вырос налет. Я думаю, что могу позволить себе сказать здесь цифры: на одну катастрофу – 13,5 тыс. часов налета, в прошлом году – всего около 3,5 тыс. часов. Тов. Смушкевич называл здесь цифры ночного и высотного налета. В 1-й армии ночной налет 6,5 тыс. часов, высотного – 9700 (около 10 000) часов. Этого, конечно, мало, и мы целиком и полностью разделяем требования нашего командующего фронтом, который требует, чтобы наша авиация, наши бомбардировщики летали ночью и бомбили ночью. Одной из причин роста наших достижений, что нам удалось стабилизировать кадры, все командиры авиации командуют по два года. Должен сказать, что 5 командиров полков из армии уходят.

К тем задачам, о которых докладывал генерал-лейтенант Смушкевич, наряду с огневой подготовкой не следует забывать навигационной подготовки. Все те неприятности, о которых, к сожалению, так часто приходится докладывать, когда наши части нарушают границы, в частности, когда 80 бомбардировщиков нарушили границу нашего противника, все это является результатом того, что наши штурманы не имеют достаточной подготовки и, очутившись в новых условиях, в условиях тайги и сопок, начинают вести наугад и в результате – потеря ориентировки. При условиях отсутствия культурного театра, очень ограниченного количества населенных пунктов и ориентиров большое значение имеет подготовка штурманов, навигационная подготовка, ее значение в этих условиях значительно возрастает и перед нами должна быть поставлена эта задача.

В заключение я могу сказать, как и командующий Дальневосточным фронтом, что Ваши требования, товарищ Народный комиссар, Ваши задачи 1-я армия поняла и усвоила и 1-я армия сделает все возможное к тому, чтобы в новом учебном году все Ваши требования и все Ваши указания полностью выполнить».

Начиная свой доклад с необычных, по сравнению с другими округами, условиями жизни 1-й Краснознаменной армии, Маркиан Михайлович ничуть не слукавил. Это была проблема давняя. Например, В. С. Мильбах в своей книге черным по белому пишет: «Даже в преддверии вооруженного конфликта у оз. Хасан и в ходе его некоторые дивизии продолжали заниматься строительством и сельхозработами, при этом боевой подготовкой личный состав не занимался вовсе. В одной из докладных записок на имя К. Е. Ворошилова сообщалось об уровне боевой подготовки

в 39-й стрелковой дивизии по состоянию на 10 августа 1938 г.: "Командир дивизии комбриг Куликов доложил, что стрелковое дело в загоне, красноармейцев не учат. В 1 – м батальоне 115-го полка в июне было всего до тридцати штыков. Стрелковые батальоны совсем не занимались".

Результаты незамедлительно сказались в период подготовки и ведения боевых действий у оз. Хасан. Недостатки в обученности отдельных военнослужащих, подразделений и частей проявились практически во всем: от неумения красноармейцев применять ручные гранаты до отсутствия навыков в ведении стрельбы артиллерией с помощью средств воздушной разведки».

Во второй раз на совещании Маркиан Михайлович выступил по докладу начальника Главного управления ВВС Красной армии генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова, поддержав выступление начальника Главного управления ПВО Красной армии генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова. Чтобы было понятно, генерал Рычагов, как и маршал Тимошенко, «допускал деление авиации на фронтовую и армейскую, что являлось серьезной ошибкой, которая привела к распылению авиации, и затруднила массированное использование ее в борьбе с воздушным противником, – констатирует доктор исторических наук, профессор В. А. Анфилов. – Более того, он говорил о необходимости поддержки фронтовой авиации общевойсковых армий на период проведения ими наступательной операции для завоевания господства в воздухе. Это утверждение вызвало серьезное возражение со стороны генерала Козлова.

Итак, М. М. Попов со знанием дела выступил на совещании и по весьма серьезному вопросу о господстве в воздухе: «Стратегическое превосходство военно-воздушных сил, как здесь было доложено т. Рычаговым, можно добыть разгромом военно-воздушных сил противника, авиапромышленности, учебных центров, ремонтных баз и исключением подвоза извне. Вместе с тем мы должны учитывать, что при вооруженном столкновении вооруженных государств, располагающих хотя бы относительно равными военно-воздушными силами, относительно равным военным потенциалом, рассчитывать на легкое завоевание стратегического господства в воздухе не приходится. Ясно, что стратегическое господство может быть добыто только в результате длительной и упорной борьбы, которая выразится в виде мощных воздушных налетов на экономические и политические центры противника, на воздействие по сухопутным и морским коммуникациям, наконец, путем создания внешней политической изоляции. Эта борьба за абсолютное господство в воздухе требует решительного перевеса сил и будет вестись бесспорно мощными

воздушными объединениями воздушных частей. Я согласен в этой части с генерал-лейтенантом Козловым, что для этой цели следует иметь самостоятельные подготовленные и обученные соединения авиации, состоящие в распоряжении фронтовых штабов или Главного командования.

Превосходство германских военно-воздушных сил в операции их войск по захвату Польши вряд ли может явиться характерным для современной эпохи, для современных столкновений крупных государств хотя бы в силу громадного превосходства германских воздушных сил и устарелости польского воздушного флота, как и всего польского государства.

При наличии стратегического господства немцев в воздухе полякам удалось провести все же некоторые удачные операции ВВС. Я имею в виду налеты польской авиации на Ченстохов, когда полякам удалось уничтожить до 100 танков немцев.

Некоторые последовательные успехи как немцев, так и англичан вынуждают ВВС этих стран менять свою тактику и приемы своих действий, то переходя к ночным действиям большими группами, то переходя к дневным действиям небольшими группами бомбардировщиков с мощным прикрытием истребителей.

Все это свидетельствует о том, что борьба за стратегическое господство в воздухе является делом чрезвычайно трудным, тяжелым, важным и серьезным, является одним из решающих факторов современной войны. К этой борьбе должны готовиться государства в целом, их промышленность и ВВС.

Доскональное изучение противника, его ВВС и всего, связанного с подготовкой воздушных сил для борьбы с противостоящими силами противника, должно явиться актуальной задачей Генштаба и Штаба ВВС.

Борьба за стратегическое господство бесспорно является делом компетенции Главного и фронтового командования и, очевидно, обычно выходит за рамки деятельности командующего армией.

Но так как борьба за оперативное господство является производной от стратегического господства, если под оперативным господством мы понимаем обеспечение господства ВВС на определенных этапах и участках, то это оперативное господство, являясь производным от стратегического господства, в то же самое время вовсе не является уделом, выходящим за рамки командующего армией.

Я считаю, что отсутствие общего превосходства стратегического вовсе не исключает, а наоборот, предопределяет борьбу за оперативное господство в воздухе на определенных участках фронта или армии, почему,

очевидно, в армейской операции в роль и функции армейского командования бесспорно войдет борьба за воздушное господство.

Я не могу в этой части трактования вопроса согласиться с генерал-лейтенантом Козловым, потому что без привлечения армейских ВВС к борьбе за оперативное господство не обойтись.

Я лично считаю, что нельзя установить такое механическое деление на господство в воздухе – стратегическое и оперативное. Задача фронтового и армейского командования, в зависимости от того, как обстоит дело с соотношением ВВС обеих воюющих сторон, обеспечить воздушное господство на том или ином участке фронта, армии. При превосходстве в воздухе, конечно, учитывается количество и качество. Если мы готовим наступательную операцию, мы должны привлечь максимум наших военно-воздушных сил потому, что сейчас трудно решить наступательную операцию без ВВС. Если Дуэ считает, что войну можно выиграть действиями одних военно-воздушных сил, то мы можем сейчас переиначить этот его основной лейтмотив – трудно выиграть операцию без военно-воздушных сил, трудно и даже невозможно.

Для господства в воздухе на избранном для наступления направлении наступающий обязан обеспечить себе господство путем разгрома авиации противника на аэродромах и в воздушных боях (иногда спровоцированных) и тем самым ослабить противника настолько, чтобы открыть путь своим ВВС как к обороне, так и к оперативной глубине противника. Конечный результат в этой борьбе не может быть достигнут одним мощным ударом на аэродромы противника или одним воздушным сражением, она должна вестись систематически как на всем протяжении подготовки наступательной операции, так и во всем ее ходе.

В войне с Францией и Англией германцы наносили с воздуха мощные удары по аэродромам и поддерживали систематически господство в воздухе повторными ударами по аэродромам.

Так, например, как уже об этом докладывал генерал-лейтенант т. Козлов, 10 мая, по далеко не полным данным, в результате налета на аэродромы Франции и Англии в первый день было уничтожено около 300 самолетов. Эти удары повторились 11 и 12 мая и по некоторым, видимо преувеличенным, данным, было выведено из строя около 1000 самолетов. Дальнейшие попытки немцев нанести на аэродромы такие же удары не дали необходимого эффекта, потому что англичане и французы, напуганные предыдущими налетами, рассредоточили самолеты на оперплощадки и на аэродромах. Если раньше расстояние на аэродромах между машинами было 20–25 м, то сейчас 250–300 м. Дальнейшие

попытки налетов на аэродромы противника не стали давать эффектов. Я считаю, что эффекты таких налетов будут зависеть от того, насколько они внезапны. В начальном этапе войны подобные налеты будут давать колоссальные результаты.

Я позволю себе обратиться опять к опыту немцев, когда они 1 сентября после налета на польские аэродромы оставили на них груды обломков самолетов.

По опыту войны на Западе и на Халхин-Голе для налета на каждый аэродром должно быть брошено около эскадрильи бомбардировщиков или половины штурмовиков с мощным истребительным прикрытием.

Наконец, два слова о воздушных боях. Мне кажется, что последние события на Западе показывают, что не всегда и не при всех обстоятельствах воздушный бой является решающим для достижения господства в воздухе. Неслучайны удары немцев по английским аэродромам. Германские ВВС попытались уничтожить английские ВВС в воздухе. В результате воздушных боев германские истребители понесли потери, почти равные потерям английского воздушного флота, что привело немцев к выводу о том, что истребление своих истребителей в воздухе нецелесообразно.

Очевидно, основным условием победы в воздушном бою является качественное и количественное превосходство машин, превосходство в обучении и опытность летного состава, а также непрерывное наращивание сил в этом воздушном бою. Из всего доложенного следует сделать вывод, что как применима борьба за господство в воздухе путем подавления авиации противника на его аэродромах, так и путем разгрома воздушных сил в воздухе. Основное – к моменту наступления ВВС наступающий должен обеспечить господство в воздухе, чтобы всеми ВВС принять самое решительное участие в наступлении армии, в тесном тактическом и оперативном взаимодействии с ней.

Борьба за воздушное господство не является самоцелью, это только средство, обеспечивающее авиации разрешение всех основных задач, стоящих перед наступающими армиями и фронтом.

Два замечания относительно борьбы с коммуникациями. Изучение литературы, относящейся к периоду мировой войны, и опыта современной войны, заставляет напомнить, что какой-нибудь эффект воздействия на железные дороги, коммуникации, автодороги даст только в том случае, если оно будет вестись постоянно, систематически, мощно. Мы прекрасно помним, что факультатив в графике железной дороги обеспечивает железной дороге относительно почти бесперебойную работу, если дорога выведена из строя примерно на 8 часов в сутки. Это обеспечивает

планомерную работу железной дороги. Следовательно, если мы небольшими, не мощными ударами произведем эти налеты на железнодорожные коммуникации, то, по существу, особого ущерба не принесем. Очевидно, систематические повторные воздействия на избранные нами объекты железнодорожной коммуникации – вот что может гарантировать некоторую изоляцию избранного для наступления района или парализование его тыла.

В период со 2 по 7 сентября, располагая почти 1000 бомбардировщиков, немцы при наступлении на Польшу поразили несколькими ударами около 25 железнодорожных станций. В печати была приложена схема станций, подвергшихся нападению ВВС. Железнодорожные бригады, ремонтно-восстановительные поезда не могли восстановить разрушения железных дорог. Железные дороги были совершенно парализованы. В последующее время, с 15 по 18 сентября, такому же налету подверглись 25 станций в полосе между Бугом и бывшей нашей границей с Польшей, очевидно, с целью помешать переброскам польских войск на Запад.

Вывод: борьба на коммуникациях противника должна нести чрезвычайно продуманный характер и должна вестись целеустремленно путем систематических последовательных и периодических ударов, может быть, по ограниченному числу узких мест железнодорожной сети противостоящей стороны.

Наконец, я не согласен с генерал-лейтенантом т. Козловым в вопросе по сведению роли армейской авиации только к решению тактических задач. Командующий армией не может не влиять на оперативную глубину обороны, и командующий армией не может обойтись только тем типом самолетов и той авиацией, которые только обеспечат решение его тактической задачи. Почему бесспорно за командующим армией и ВВС армии надлежит оставить функции и обеспечить его авиацией, дающие возможность решить задачи оперативного порядка.

Два слова относительно взаимодействия с авиацией на поле боя. Я считаю, что этот вопрос благодаря тем указаниям, которые давал Народный комиссар на разборах учения, уже привел нас к общему знаменателю, но я думаю, что будет не лишним все-таки еще раз уточнить буквально двумя словами наши взгляды на вопросы взаимодействия и привлечения авиации на поле боя.

Очевидно, при прорыве оборонительной полосы с укреплениями полевого типа, когда артиллерийская подготовка будет вестись часами, участие военно-воздушных сил должно выразиться в 1—2-х мощных

налетах по переднему краю. Это вовсе не значит, что в дни, предшествующие началу артиллерийской подготовки, мы не будем прибегать к авиации с целью изнурения противника. Но я считаю, что такое привлечение заблаговременно для наступления чрезвычайно невыгодно, нецелесообразно. Оно может вскрыть замыслы командования. И, очевидно, использование ночных бомбардировщиков, как это было в Финляндии, на Халхин-Голе, явится средством, достаточно обеспечивающим последовательную обработку оборонительной полосы. Или дать, при наличии запаса средств, массовый мощный удар на широком фронте – бесспорно целесообразно. Но, очевидно, будет более выгодно эти средства сберечь для начала решительного действия.

В заключение, товарищ Нарком обороны, я хотел бы поднять только один вопрос. Я считаю, что если мы все являемся сторонниками массированного использования ВВС, являемся сторонниками централизованного управления, что в сложный период пехотного боя при борьбе пехоты, танков в оборонительной полосе, когда действия авиации трудно планировать, трудно организовать взаимодействие авиации с пехотой, когда у авиации не остается времени для подготовки к решению задач, которые ставятся авиацией в ходе самого боя, – я считаю, что какая-то часть ВВС с момента боя в глубине оборонительной полосы (в некоторой аналогии с подчинением части артиллерии) должна быть переподчинена в распоряжение войскового начальства. Иначе я себе не мыслю достижение такого положения, при котором возможен вызов, как это было на полях Франции, вызов танками группы самолетов.

Это, очевидно, достигается тем, что какая-то часть авиации в эти ответственные минуты пехотного боя непосредственно подчиняется общевойсковым начальникам. Оставаясь сторонником централизованного управления ВВС, я считаю в то же время, что при наличии соответствующего числа авиации на том или другом участке наступления какая-то часть авиации (может быть очень незначительная, максимум полк на стрелковый корпус) должна находиться в подчинении общевойсковых начальников с тем, чтобы можно было вызвать немедленно авиацию на ответственные решающие участки боя непосредственно с аэродромов».

К слову сказать, даже дважды Герой Советского Союза, помощник начальника Генерального штаба по ВВС генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич, и тот высказал ошибочное, по сравнению с другими выступавшими, мнение по вопросам завоевания господства в воздухе и боевого применения авиации. В своем выступлении он заметил: «Относительно господства в воздухе, я не понимаю, как можно

стратегическое господство в воздухе завоевать. Если мы будем воевать с таким противником как финны, то это господство можно завоевать, но если будет более или менее равный противник, господство в воздухе во всей стране завоевать нельзя. Только путем правильной организации тыла, хорошей подготовки летного состава, наличия достаточной сети аэродромов и связи, боеприпасов, горючего, путем умения маневрировать и очень часто путем того, чтобы обмануть противника, мы можем добиться преобладающего господства в воздухе на определенных направлениях, на определенных участках и только на определенное время». Лишь усугубляя свою ошибку, Смушкевич делает и неправильный вывод:

«Теперь уже ясно, что только тесное взаимодействие всех войск под руководством общевойсковых командиров фронта и армий решает успех операции и войны, и поэтому место авиации только в общевойсковых боях и операциях. Все дальнейшие полеты должны вытекать из задач армейских и фронтовых операций».

Совещание было закрыто 31 декабря. На следующий день должна была состояться большая военная игра, но, как свидетельствует маршал Г. К. Жуков, «...нас неожиданно вызвали к И. В. Сталину (согласно журналам записей лиц, принятых Сталиным с 1924 по 1953 год, это было уже 2 января 1941 г.): «И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал И. В. Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего комсостава, чтобы дать ему свои поправки. Но С. К. Тимошенко поторопился закрыть совещание.

– Товарищ Сталин, – попробовал возразить Тимошенко, – я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чем я буду говорить при подведении итогов.

– Я не обязан читать все, что мне посылают, – вспылил И. В. Сталин.

С. К. Тимошенко замолчал.

– Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? – обращаясь к членам Политбюро, спросил И. В. Сталин.

– Надо обязать Тимошенко серьезнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, – сказал В. М. Молотов.

К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро.

И. В. Сталин сделал замечание С. К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома.

– Когда начнется у вас военная игра? – спросил он.

– Завтра утром, – ответил С. К. Тимошенко.

– Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за "синюю" сторону, кто за "красную"?

– За "синюю" (западную) играет генерал армии Жуков, за "красную" (восточную) – генерал-полковник Павлов.

Из Кремля все мы возвращались в подавленном настроении. Нам было непонятно недовольство И. В. Сталина. Тем более что на совещании, как я уже говорил, все время присутствовали А. А. Жданов и Г. М. Маленков, которые, несомненно, обо всем информировали И. В. Сталина».

2 января 1941 г. в 19.30 в кабинет Сталина вошли Молотов, Маленков и военачальники: Тимошенко, Буденный, Кулик, Мерецков, Запорожец, Жуков, Павлов, Кирпонос, Черевиченко, Кузнецов, Тюленев, Попов, Апанасенко, Ефремов, Злобин, Ватутин. Маршалы и генералы вышли в 21.45, а Молотов и Маленков – на 5 минут позже.

Для Маркиана Михайловича это был первый прием в кремлевском кабинете вождя. И он запомнился ему на всю жизнь. Выйдя к военачальникам, Иосиф Виссарионович остановился напротив генерал-лейтенанта Попова и с удивлением сказал: «Впервые вижу генерала без живота и орденов», – на что Маркиан Михайлович со всей серьезностью ответил: «Живота не нашёл, орденов не заслужил». Сталину очень понравился такой ответ, и он отдал распоряжение поощрить товарища Попова. Нарком обороны маршал Тимошенко взял указание вождя на заметку.

22 февраля 1941-го Указом Президиума Верховного Совета СССР за высокие показатели 1-й Краснознаменной армии по боевой и политической подготовке в 1940 учебном году Маркиана Михайловича наградят орденом Ленина. Это будет вторая награда после медали «XX лет РККА».

Что же касается двухсторонних оперативно-стратегических игр на картах, то они были проведены сразу же после окончания декабрьского совещания высшего командного состава РККА. Первая игра состоялась 2–6 января, а вторая – 8—11 января. Как констатируют составители книги «Накануне войны», «в целом же ограниченность целей игр в основном получением практики подготовки и проведения наступательной операции фронта и армии, неверная ориентация участников игр по ряду важнейших вопросов (о возможном направлении главного удара противника, о безусловно успешном для "восточных", т. е. для Красной армии, исходе

начального периода войны и др.) сыграли, вероятно, не последнюю роль в том, как готовились Вооруженные Силы СССР к отражению агрессии в оставшиеся полгода до начала Великой Отечественной войны».

По окончании игры планировался ее разбор, на который для подготовки к нему отводились сутки. Но, как свидетельствует К. А. Мерецков, «вдруг небольшую группу участников игры вызвали в Кремль. Заседание состоялось в кабинете И. В. Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего состава и январской оперативной игры. На все отвели 15–20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван... И. В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С. К. Тимошенко меня не поддержал. Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И. В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал:

– Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!

Возражений, естественно, не последовало. Доволен был и я. Пять месяцев тому назад И. В. Сталин при назначении моем на тот же пост обещал заменить меня, когда найдет подходящую кандидатуру. И вот он сдержал обещание, Я возвратился на должность заместителя наркома обороны и опять погрузился в вопросы боевой подготовки войск. Георгия Константиновича Жукова я считал одним из наиболее подготовленных наших военачальников для работы начальником Генерального штаба».

Было это 14 января 1941 г. В этот же день Сталиным было подписано соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Начальнике Генштаба и командующих войсками военных округов», в котором говорилось: «Для улучшения подготовки войск округов и армий утвердить назначения:

1. Начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны – генерала армии Жукова Георгия Константиновича;
2. Заместителем наркома обороны по боевой подготовке – генерала армии Мерецкова Кирилла Афанасьевича;

3. Командующим войсками Дальневосточного фронта – генерал-полковника Апанасенко Иосифа Родионовича, освободив его от должности командующего войсками Среднеазиатского военного округа; начальником Штаба Дальневосточного фронта – генерал-лейтенанта Смородинова Ивана Васильевича, освободив его от должности заместителя начальника Генерального штаба Красной армии;

4. Освободить от должности начальника Штаба Дальневосточного фронта – генерал-майора т. Кузнецова;

5. Командующим войсками Киевского Особого военного округа – генерал-лейтенанта Кирпоноса Михаила Петровича, освободив его от должности командующего войсками Ленинградского военного округа;

6. Командующим войсками Ленинградского военного округа – генерал-лейтенанта Попова, освободив его от должности командующего 1 – й армией;

7. Командующим войсками 1-й армии генерал-лейтенанта Еременко Андрея Ивановича, освободив его от должности командующего войсками Северо-Кавказского военного округа;

8. Командующим войсками Северо-Кавказского военного округа – генерал-лейтенанта Конева Ивана Степановича, освободив его от должности командующего войсками Забайкальского военного округа; начальником Штаба СКВО – генерал-лейтенанта Злобина Вениамина Михайловича, освободив его от должности старшего генерал-адъютанта наркома обороны СССР;

9. Командующим войсками Забайкальского военного округа – генерал-лейтенанта Курочкина Павла Алексеевича, освободив его от должности командующего войсками 17-й армии;

10. Командующим войсками Среднеазиатского военного округа – генерал-майора Трофименко Сергея Георгиевича, освободив его от должности начальника Штаба Северо-Кавказского военного округа;

11. Командующим войсками 17-й армии – генерал-лейтенанта Романенко Прокофия Логвиновича, освободив его от должности командира 1-го Механизированного корпуса» (АЛ РФ. Ф. 93. Коллекция документов).

«Слыл непоседой»

Петроградский военный округ Красной армии был сформирован 20 марта 1918 г., а 1 февраля 1924-го переименован в Ленинградский. Тогда его территория включала Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Олонецкую, Череповецкую, Мурманскую губернии и Карельскую АССР. Позднее территория округа изменялась.

К слову сказать, по состоянию на 2010 год Ленинградский военный округ превратился в самый малочисленный из всех военных округов России. На его территории не дислоцировалось ни одной общевойсковой армии, ни одной мотострелковой или танковой дивизии. Известно, что демилитаризация округа произошла после подписания Советским Союзом в ноябре 1990-го Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), которым были введены ограничения на размещение воинских соединений и частей на северо-западе СССР (России).

С Дальнего Востока к месту службы Маркиан Михайлович отправился в середине февраля 1941 г. По дороге в Ленинград в столице его принял нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, который кратко ознакомил с составом войск округа и их задачами.

Если считать всех командующих войсками Ленинградского (Петроградского) военного округа начиная с 1918 г., то генерал-лейтенант М. М. Попов стал 17-м командующим. До него, например, Ленинградским военным округом командовали такие известные военачальники, как: В. М. Гиттис, Б. М. Шапошников, А. И. Корк, М. Н. Тухачевский, И. П. Белов, Б. М. Шапошников (дважды), П. Е. Дыбенко, М. С. Хозин, К. А. Мерецков, С. К. Тимошенко и М. П. Кирпонос.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, сам проходивший службу на должности начальника штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, рассказывал: «...служба на Дальнем Востоке в 1935–1936 годах вообще оказалась для меня очень полезной. Вступив десять лет спустя в командование 1 – м Дальневосточным фронтом, я использовал весьма многое из того, что приобрел, работая ранее в ОКДВА. Одно знакомство с театром военных действий чего стоило! Но не нужно думать, что ОКДВА принесла мне прямую пользу только десятилетием позже. Такая мысль была бы просто неправильной. Любой военачальник, меняя место службы и вращаясь в новую обстановку, сразу же набирается свежего практического опыта, ибо несовпадающие условия моментально

заставляют изыскивать другие пути решения сходных по типу военных задач. Вот почему так важно, чтобы командиры не засиживались на одном месте. Смена впечатлений сама по себе будет расширять их кругозор, выдвигать перед военачальниками новые проблемы, побуждать их к тому, чтобы взглянуть на дело с незнакомой прежде стороны».

То есть при назначении Маркиана Михайловича на новую должность безусловно был учтен его трехлетний опыт службы на Дальнем Востоке, а также десятилетний опыт службы в Ленинградском военном округе. И это очень важно отметить.

В Ленинграде генерал Попов начал свое знакомство с «окружного аппарата».

Как он сам напишет спустя годы, «многие... с кем пришлось познакомиться и обстоятельно поговорить в те дни, производили впечатление знающих, уверенных, но в то же время скромных и не переоценивающих себя начальников».

И это было действительно так. Например, корпусной комиссар Клементьев Николай Николаевич (1897) с января 1941 г. – член Военного совета Ленинградского военного округа. Участник Гражданской войны. С октября 1928 г. – военком 51-го стрелкового полка. С мая 1932-го – помощник командира по политчасти и начальник политотдела 48-й стрелковой дивизии. С октября 1934-го – помощник командира по политчасти и начальник политотдела 13-й механизированной бригады. С августа 1937-го – военком (комиссар) 3-го стрелкового корпуса. С декабря 1939-го – начальник политуправления (член Военного совета) 13-й армии, дивизионный комиссар. Участник советско-финской войны. С февраля 1940-го – член Военного совета 7-й армии, награжден орденом Ленина. С мая 1940-го – член Военного совета Архангельского Военного округа.

Генерал-майор Понеделин Павел Григорьевич (1893) с июня 1940 по март 1941 г. – начальник штаба Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (прапорщик) и Гражданской войн. В 1916 г. окончил 4-ю Московскую школу прапорщиков. В 1926 г. – Военную академию им. Фрунзе. С 1922 года командовал бригадой, полком, дивизией. С октября 1927-го – преподаватель Военной академии им. Фрунзе. С апреля 1933-го – командир и комиссар стрелковой дивизии. С февраля 1934-го – начальник и военком Ленинградского пехотного училища. Участник советско-финской войны – командир стрелковой дивизии. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

Генерал-майор Никишов (Никишев) Дмитрий Никитич (1898) с марта 1941 г. – начальник штаба Ленинградского военного округа. Участник

Первой мировой (рядовой) и Гражданской войн. В 1922 г. окончил Объединенную высшую военную школу. В 1927 г. – Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1937 г. – первый курс Академии Генштаба. С сентября 1922 г. – помощник командира роты, командир роты, командир отдельного батальона. С июля 1928-го – помощник начальника 1-го отдела. С августа 1930-го – заместитель начальника 1 – го отдела, начальник 1 – го отдела и помощник начальника штаба Ленинградского военного округа. С 1934-го – командир и военком 10-го Туркестанского стрелкового полка. С 1936-го – начальник 1-го отдела штаба Московского военного округа. С 1937-го – начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. В период событий на р. Халхин-Гол был начальником штаба 57-го отдельного стрелкового корпуса (был снят после доклада Жукова). С января 1940-го – начальник штаба 9-й армии. Участник советско-финской войны. Затем снова начальник штаба Северо-Кавказского военного округа и начальник штаба ВВС Красной армии. Награжден орденом Красной Звезды.

Генерал-лейтенант Пядышев Константин Павлович (1890) – заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (штабс-капитан) и Гражданской войн. С 1921 по 1931 г. командовал стрелковой дивизией. В 1924 г. окончил Военно-академические курсы высшего комсостава РККА. В 1927 г. – КУВКС при Военной академии им. Фрунзе. С мая 1931-го – начальник штаба корпуса ВУЗ ЛВО. С мая 1934-го – начальник штаба Военно-электротехнической академии им. Буденного. С февраля 1936-го – командир 90-й стрелковой дивизии. С марта 1937-го – заместитель начальника штаба ЛВО. С 1940-го – заместитель командующего 7-й армии, командир 34-го стрелкового корпуса, командующий 8-й армии, заместитель начальника Управления боевой подготовки РККА. Участник советско-финской войны. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

Генерал-майор Духанов Михаил Павлович (1896) с мая 1940 г. – помощник командующего войсками Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (поручик) и Гражданской войн. В 1916 г. окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков. В 1921 г. – Военную академию РККА. В 1928 г. – Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. Фрунзе. С 1922-го – начальник штаба 13-й Сибирской кавалерийской дивизии, затем 4-й отдельной Сибирской кавалерийской бригады. С января 1925-го – начальник штаба 1-го конного корпуса, помощник начальника Тверской кавалерийской школы, начальник оперативной части штаба 2-го кавалерийского корпуса, начальник штаба 10-й Майкопской кавалерийской дивизии. С октября 1931-го –

преподаватель Военно-технической академии РККА им. Дзержинского. С июля 1932-го – преподаватель в Военной академии механизации и моторизации РККА. С 1934-го: начальник Ульяновской бронетанковой школы, начальник отдела управления вузов РККА, помощник командующего войсками Приволжского военного округа, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. С ноября 1939-го – командующий 9-й армией. Участник советско-финской войны.

Генерал-майор авиации Новиков Александр Александрович (1900) – командующий ВВС Ленинградского военного округа. Участник Гражданской войны. В 1922 г. окончил курсы «Выстрел». В 1930 г. – Военную академию им. Фрунзе. С августа 1922-го – служил в Отдельной Кавказской армии в Закавказье. С 1922 г. – командир взвода и помощник командира роты 14-х командных курсов (Батуми). С февраля 1923-го – командир роты и командир батальона на военно-политических курсах Отдельной Кавказской армии. Участвовал в подавлении меньшевистских восстаний в Грузии в 1922 и в 1924 годах. С 1930-го – в штабе 11-го стрелкового корпуса Белорусского военного округа: начальник оперативного отдела. В Военно-воздушных силах с марта 1933 г. Самостоятельно научился летать, освоил профессию летчика-наблюдателя. В 1933–1935 гг. – начальник штаба 450-й авиабригады (Смоленск). С октября 1935-го – командир 42-й легкобомбардировочной авиаэскадрильи (Смоленск). В 1937 г. был уволен из РККА по ложному предлогу, но вскоре восстановлен в прежней должности. С апреля 1938 по 1939 г. – начальник штаба ВВС Ленинградского военного округа. Участник советско-финской войны: начальник штаба ВВС Северо-Западного фронта. Награжден орденом Ленина.

Генерал-майор артиллерии Свиридов Владимир (до 1930 г. Филимон) Петрович (1897) – начальник артиллерии Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (поручик) и Гражданской войн. В 1916 г. окончил Виленское военное училище в Полтаве. В 1922 г. – Высшую артиллерийскую школу. В 1930 г. – Военную академию им. Фрунзе. В 1938 г. – Военную академию Генштаба. С 1922 г. – командир взвода, батареи, начальник курса артиллерийской школы. С 1931-го – командир и комиссар артиллерийского полка. С 1934-го – начальник артиллерии стрелкового корпуса. С 1936-го – начальник отделения боевой подготовки отдела артиллерии округа. С 1938-го – начальник артиллерии Белорусского Особого и Среднеазиатского военных округов.

Подполковник Бычевский Борис Владимирович (1902) с 1940 г. – начальник Инженерного управления Ленинградского военного округа. В

1928 г. окончил Московскую военно-инженерную школу им. Коминтерна. После курсов: командир взвода, адъютант. С 1932-го – начальник инженерной службы Ленинградских военно-политических курсов им. Энгельса. С 1936-го – преподаватель инженерного дела Ленинградской пехотной школы им. Склянского, затем начальник инженерной службы 90-й стрелковой дивизии и начальник строительного участка № 9. Участник советско-финской войны. Начальник Управления строительства Псковско-Орловско го УР. С 1939-го – начальник отдела инженерных войск 13 А на Карельском перешейке. Награжден орденом Красного Знамени.

Как мы видим, новый командующий был самым молодым среди своих заместителей и помощников (от 1890 г. р. до 1900 г. р). Молодостью он и брал во всем...

После знакомства с окружным аппаратом Маркиан Михайлович в первую очередь досконально изучил имеющиеся в штабе округа оперативные планы. Наладил контакт с областным и городским партийным и советским руководством. Затем приступил к изучению войск, которое начал со стрелковых дивизий: «Знакомился с ними на стрельбищах и полигонах, на полевых учениях, на боевых тревогах или просто в казармах». После артиллерии, авиации и ПВО он взялся за проверку укрепления границ: «На Карельском перешейке по новой границе с осени 1940 г. развернулось строительство трех укрепленных районов: Выборгского, Кексгольмского и Сортавальского, которые должны были прикрыть все основные направления на Ленинград и Петрозаводск. К началу войны вчерне было готово в Выборгском укрепленном районе только около 40 долговременных сооружений, в Кексгольмском и Сортавальском – около 10 в каждом.

На линии старой госграницы находился Карельский укрепрайон, законченный строительством в начале тридцатых годов. Он упирался своим правым флангом в Ладожское озеро, а левым – в Финский залив и, таким образом, перекрывал все пути к Ленинграду. Его слабостью являлось то, что он почти не имел противотанкового вооружения и что между батальонными, а кое-где и между ротными районами были большие промежутки, не перекрывавшиеся огнем.

Состояние Карельского укрепрайона вызывало у нас серьезные опасения. Принятыми мерами перед войной и в ее начале мы резко повысили боевую готовность этого УРа. Именно перед его передним краем впоследствии остановилась лавина финских войск, катившихся к Ленинграду. После некоторых попыток прорвать оборону УРа финны отказались от них и стали спешно закапываться в землю. Здесь они и

сидели в бездействии до 10 июля 1944 г.

Значительно хуже обстояли дела в Псковско-Островском УРе, созданном на старой границе с Эстонией, который с выносом нашей госграницы далеко на запад считался уже ненужным, в связи с чем на долговременные сооружения, рассчитанные на два батальонных района, был оставлен малочисленный гарнизон в составе одной пулеметной и одной учебной рот, которых явно не хватало даже для охраны имевшихся сооружений. Кроме того, значительная часть вооружения и оборудования была демонтирована, а сами сооружения законсервированы».

В марте в Ленинград прибыл заместитель наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков. На большой и многодневной оперативной игре тогда отработывалось и изучалось ведение оборонительных операций на широких фронтах против превосходящих сил противника. Маршал Советского Союза Мерецков в мемуарах скажет об этом следующее: «Весной 1941 года я был на учениях в Ленинградском военном округе. Поездку в ЛВО я считаю успешной. Командный состав поставленные задачи решал правильно. Войска готовились хорошо».

Сам Маркиан Михайлович будет более точен: «Мне, как новому командующему, эта игра позволила лучше разобраться в оперативных перспективах и глубже познакомиться с командирами и их штабами, а также и с руководящим составом штаба округа.

Несколько позже оперативная игра была повторена примерно с тем же составом, на этот раз уже с целью устранения недочетов, вскрытых на игре, проводившейся К. А. Мерецковым».

Генерала Конькова Маркиан Михайлович Попов покорила своим обаянием, доступностью и широтой кругозора. Вспоминая март 1941-го, он напишет в книге «Время далекое и близкое»: «С командирами полков я возвращался из-под Выборга, где проводилась рекогносцировка местности. До отхода поезда еще оставалось время, и мы ожидали на перроне. Вдруг в окружении генералов и командиров подошел командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов. Он приветливо со всеми поздоровался, обращаясь ко мне, сказал:

– Товарищ генерал Коньков, нам, кажется, по пути, прошу вас в мой вагон.

Меня сразу расположило к командующему это дружелюбное обращение. Чувствовал я себя свободно, без робости. Ехать с М. М. Поповым предстояло несколько часов.

– Василий Фомич, – обратился ко мне Маркиан Михайлович, – расскажите мне поподробней о 115-й стрелковой дивизии, о ее традициях.

Свою дивизию я любил, знал в ней по имени-отчеству всех командиров и многих красноармейцев. Естественно, увлекся рассказом. Командующий меня слушал с каким-то удивлением. Особенно я это почувствовал, когда говорил о славном прошлом одного из полков Московской Пролетарской дивизии, на базе которого было сформировано наше соединение.

– Боевые традиции – наше грозное оружие, пусть оно всегда будет у вас в арсенале, – сказал Маркиан Михайлович, когда я закончил рассказ. Потом он неожиданно поднялся, посмотрел мне прямо в глаза и спросил: – О чем вы думали, когда были за Выборгом на рекогносцировке?

Я поначалу растерялся, хотя понимал, что посылали меня туда не на прогулку.

– Так вот, товарищ генерал, возможно, уже в апреле ваша дивизия будет передислоцирована на Карельский перешеек, ближе к государственной границе. Учтите, семьи командиров останутся на прежних квартирах, проявите о них заботу и внимание.

Командующий как-то удивительно естественно переключился на другую тему. Стал рассказывать о своей службе на Дальнем Востоке, о богатствах этого края, его замечательных людях. Мысли он излагал свободно, интересно.

– Э, да мы увлеклись, Василий Фомич, – оборвал он свой рассказ. – Вот уже и ваша станция. Кстати, отсюда до города Сланцы рукой подать, приезжайте завтра часам к двенадцати.

Я воспользовался приглашением. На следующий день нашел командующего на территории шахты. Сначала не узнал его. В спецовке, в горняцкой каске, о чем-то оживленно беседовал с окружающими. Меня он с улыбкой пригласил:

– Товарищ Коньков, рабочие шахты предлагают познакомиться с их работой под землей. Вы нам не составите компанию?

Вскоре и на мне была такая же спецодежда. Где полусогнувшись, а то и ползком мы пробирались по длинным ходам к стрекочущим машинам, беседовали с шахтерами. М. М. Попов попросил шахтеров показать приемы работы, сам попробовал повторить их действия. И вот эта душевность, доверительность сразу как-то сближали командующего с окружающими, помогали ему быстро налаживать дружеские контакты.

Судьба меня сталкивала со многими военачальниками. Каждая такая встреча дорога по-своему. Но эта особенно. Я узнал своего командующего в необычной обстановке. К своему удивлению, заметил в этом волевом и сдержанном генерале, отличавшемся острым умом и быстротой реакции,

столько душевного такта и теплоты!»

В мае генерал Попов вместе с начальником оперативного отдела штаба округа генерал-майором П. Г. Тихомировым были вызваны в Генеральный штаб. Несколько дней им пришлось отрабатывать вариант плана прикрытия и обороны границ округа на случай войны. Назывался этот документ «Записка по прикрытию государственной границы на территории Ленинградского военного округа». В нем, в частности, говорилось: «С целью обеспечения от мобилизации, окончательного развертывания войск ЛВО на основании директивы народного комиссара обороны СССР за № 503913/ов/сс от 14.5.41 г. разработан план прикрытия границ ЛВО.

1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

2. Прочной обороной укрепленных районов и полевых укреплений по линии государственной границы:

а) на Выборгском и Кексгольмском направлениях обеспечить надежную оборону Ленинграда, считая это основной задачей войск ЛВО;

б) не допустить прорыва фронта обороны и выхода противника к Ладожскому озеру;

в) обеспечить бесперебойную работу Кировской ж.д. и ни в коем случае не допускать выхода к ней противника;

г) совместно с Северным военно-морским флотом удержать за собой полуострова Рыбачий и Средний, прочно прикрыть порт Мурманск и не допустить высадки морских десантов противника на побережье Кольского полуострова от Иоканьга до госграницы с Финляндией.

3. С 9-го дня мобилизации принять от ПриБОВО и совместно с Краснознаменным Б.Ф. обеспечить оборону побережья Эстонской ССР от Нарвского залива до залива Матсалулахт, не допустить на нем высадки морских десантов противника.

4. Обороной северного побережья Эстонской ССР и полуострова Ханко способствовать КБФ закрыть для морского флота противника вход в Финский залив.

5. Всеми видами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

6. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным ж.д. узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

7. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника.

8. При благоприятных условиях обстановки всем обороняющимся войскам, резервам армий и округа быть готовым по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов по противнику.

Соседи и их задачи

Справа – Архангельский военный округ, обороняет юго-восточную часть Кольского полуострова, вход и побережье Белого моря и г. Архангельск. Граница с ним – мыс Ленина (Святой Нос), Иоканьга, Порья.

Слева – ПриБВО, обороняет побережье Балтийского моря к югу от зал. Матсалухахт и госграницу Литовской ССР, имея целью прочно прикрыть Рижское и Двинское направления. Граница с ним – Осташков, Остров, иск. Выру, Вильянди, зал. Матсалухахт, иск. острова Эзель и Даго.

Состав сил и средств

В состав войск прикрытия включаются: армейских упр. – три; управлений стр. корпусов – четыре; управлений мехкорпусов – два; стрелковых дивизий – семнадцать; танковых дивизий – четыре; мотострелковых дивизий – две; артполков РКК – восемь; авиационных дивизий – восемь, включая и пунктовую; укрепленных районов – семь и одна укрепленная позиция; пулеметных батальонов – тринадцать. Кроме того, поднимаются полностью инженерные части, части связи, части ПВО, формируемые на территории округа. Части ВОСО и тыловые части поднимаются только те, которые будут необходимы для обслуживания частей прикрытия.

Решение

Опираясь на укрепленные районы и полевые позиции, прочно оборонять Карельский перешеек, Петрозаводское, Ребол-Ухтинское, Кандалакшское и Мурманское направления, полуострова Рыбачий, Средний и Ханко, побережье Кольского полуострова и Финского залива в местах, выгодных для высадки морских десантов.

В промежутках между указанными направлениями вести только наблюдение пограничными войсками и авиацией...»

Далее в записке был расписан состав и задачи по районам прикрытия. Например, район прикрытия № 1 – 14-я армии (состав, задачи, задачи авиадивизии) и т. д. В заключение шли части, непосредственно подчиненные командующему войсками ЛВО (ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242).

Комментируя планы прикрытия, которые дорабатывались в приграничных округах накануне войны, авторы научного труда «1941 год – уроки и выводы» подчеркивают: «Прикрытие государственной границы в исследуемый период получило свое развитие в увеличении количества

войск, расширению выполняемых задач и стиранию грани между боевыми действиями по прикрытию и ведением первых крупных операций главными силами.

Вместе с тем анализ замысла и задач на прикрытия показывает, что расчеты Генерального штаба не подкреплялись реальными возможностями. Способность войск прикрытия обеспечить отражение от возможного внезапного удара противника оперативно-стратегического масштаба должна была строиться на всестороннем учете фактора времени, который приобретал еще большее значение, чем в предвоенные годы. Опыт начала войны подтвердил, что прикрытия, построенные на иллюзиях, а не фактических возможностях войск, оказались весьма непрочными.

Кроме того, излишне жесткая централизация планирования привела к определенному шаблону в решениях и поэтому сковывала инициативу на местах».

24 мая генерал-лейтенант М. М. Попов во второй раз переступил порог кремлевского кабинета Сталина. В этот вечер (с 18.50 до 21.20) состоялось совещание, участниками которого стали заместитель вождя и нарком иностранных дел Молотов, нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, начальник Оперативного управления Генштаба Ватутин, начальник Главного управления ВВС Жигарев, а также командующие войсками пяти приграничных округов, члены Военных советов и командующие ВВС.

До сегодняшнего дня так и осталось неизвестным, о чем шла речь на этом совещании. Однако можно только предположить, что Сталину в тот день генералы докладывали именно планы прикрытия. Присутствие же командующих ВВС лишь подтверждает эту гипотезу, так как задачи авиации в планах прикрытия были наиболее важными. Судите сами. Например, все в той же «Записке по прикрытию государственной границы на территории Ленинградского военного округа» четко оговаривается: в каждом районе прикрытия авиадивизия решает следующие задачи (на примере 1-го района прикрытия 14-й армии): «Задачи авиадивизии:

а) во взаимодействии с авиацией СВФ, зенитными средствами ПВО Мурманска и Полярного прикрыть порт Мурманск и базу Северного военного флота в Полярном;

б) уничтожить авиацию противника на аэродромах в Салмиярви и Петсамо;

в) во взаимодействии с частями Мурманского укрепленного района и Северным военным флотом не допустить высадки морских десантов, уничтожив их на воде;

г) при наступлении противника из района Петсамо мощными ударами по скоплениям частей противника содействовать 14 сд в отражении и уничтожении его;

д) иметь в виду поддержать части 42 ск в отражении противника, при наступлении его из района Мярьярви».

Вспоминая те дни, Маркиан Михайлович писал: «Очень напряженно жил и работал в те майские и июньские дни штаб округа. До утра не выключался свет в большинстве кабинетов, и даже по воскресеньям к подъездам штаба округа подходили автомашины с начальниками, спешившими на работу».

В конце мая генерал Попов посетил Эстонию и Ханко. Согласно директиве Генштаба перед Ленинградским округом ставилась конкретная и не самая простая задача: «С первого дня мобилизации принять от Прибалтийского Особого военного округа северную часть Эстонии с находившимся там 65-м стрелковым корпусом в составе двух дивизий и обеспечить оборону побережья Эстонской ССР и полуострова Ханко совместно с Краснознаменным Балтийским флотом». В поездку Попов взял с собой командующего Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца.

Маркиан Михайлович свидетельствует: «В Таллине начальник штаба флота контр-адмирал Ю. А. Пантелеев подробно ознакомил нас с боевым составом флота, его дислокацией, с развертыванием и его задачами на военное время. Особо внимательно были рассмотрены вопросы взаимодействия с сухопутными войсками, выделяемыми для обороны побережья.

Затем мне была предоставлена возможность побывать в военном порту и познакомиться с некоторыми классами кораблей. Мы с В. Ф. Трибуцем выезжали на отдельные, наиболее характерные участки побережья, а также на одну из береговых батарей, которая была поднята по боевой тревоге и продемонстрировала свою слаженность и готовность к открытию огня в установленные боевым расписанием сроки.

Даже поверхностное ознакомление с состоянием и жизнью флота убеждало в том, что на Балтике идет напряженная боевая подготовка, а неоднократные беседы с командованием приводили нас к выводу о неизбежности войны в самом недалеком будущем.

В ближайшую ночь мы с В. Ф. Трибуцем пересекли Финский залив, а на рассвете в порту Ханко нас встречали командир базы генерал СИ. Кабанов и находившийся в его оперативном подчинении командир 8-й стрелковой бригады полковник Н. П. Симоняк.

В кабинете СИ. Кабанов доложил о составе, состоянии и дислокации морских сил, береговых батарей, ходе работ по их укреплению, наличии запасов и других вопросах, характеризовавших в той или иной степени состояние базы. Затем Н. П. Симоняк по аккуратно вычерченной схеме кратко доложил о состоянии сухопутной обороны, о составе и состоянии бригады, дислокации ее частей и о ходе оборонительных работ.

Весь следующий день мы с Н. П. Симоняком посвятили изучению сухопутной обороны.

Все это надо было видеть собственными глазами, чтобы по достоинству оценить тот гигантский труд, который был уже вложен бойцами в строительство противотанковых рвов и эскарпов, в сооружение каменных, деревянных или каменно-деревянных пулеметных и орудийных точек. Нелегко было вытесывать, а затем перетаскивать огромные глыбы, предназначенные для гранитных надолб. Много усилий также было вложено для отрывки в скальном грунте траншей, окопов и наблюдательных пунктов, для установки колючей проволоки.

Более детально мы познакомились с ходом строительства капитальных железобетонных долговременных сооружений. Строились они неподалеку от переднего края, поэтому тщательно маскировались; они должны были прикрывать огнем весь перешеек. Однако состояние работ было еще очень далеко от завершения, их графики, как правило, срывались то по вине строителей, то по вине штаба округа, несвоевременно подававшего необходимые материалы и оборудование».

Генерал Б. В. Бычевский свидетельствует: «Командующий округом генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов побывал на Ханко, осмотрел береговые укрепления и дал новые указания командиру базы генерал-лейтенанту С. И. Кабанову и командиру 8-й отдельной стрелковой бригады полковнику Н. П. Симоняку.

После этого, не дожидаясь, когда саперы закончат долговременные сооружения военно-морской базы, моряки-балтийцы и пехотинцы ускоренно стали создавать полевую оборону. Трехкилометровый перешеек па границе с Финляндией уже пересекал противотанковый ров, на наиболее опасных участках создавались дерево-земляные огневые точки.

Николай Павлович Симоняк, человек плотного сложения, на вид добродушный, но с приметной хитрецей в карих, узкого разреза глазах, говорил нам с П. А. Зайцевым:

– Так-то надежнее будет, когда еще дождемся вашего железобетона.

На северных участках границы с Финляндией, как и здесь, параллельно со строительством железобетонных сооружений войска

строили полевые позиции.

По возвращении с Ханко в Ленинград я сразу же выехал по заданию командующего на Выборгский участок границы, где также форсировались оборонительные работы.

В штабе округа в эти дни внешне все выглядело обыденным, спокойным».

Прибыв на место, командующий не просто отдал все необходимые распоряжения, но и лично сам контролировал их исполнение. Однако сверху поступали все новые задачи, которые росли как снежный ком: «В десятых числах июня была получена директива Наркомата обороны, которой назначалась большая комиссия под председательством командующего Ленинградским военным округом с возложением на нее задач выбора площадок для строительства аэродромов для базирования истребительной и бомбардировочной авиации по берегам Баренцева моря.

Подобное поручение никак не устраивало меня как командующего, не успевшего еще в должной мере изучить войска и приграничную территорию округа. Поэтому пришлось до работы комиссии провести намечавшуюся ранее по плану оперативной подготовки полевую поездку по частям 14-й армии для изучения вопросов и условий прикрытия и обороны мурманского и Кандалакшского направлений, на которых, по данным разведки, на территории Финляндии уже начали сосредоточиваться немецкие войска».

В ходе полевой поездки, генерал Попов непосредственно на местности должен был изучить всевозможные варианты вторжения противника на советскую территорию, а также отработать необходимые мероприятия по противодействию своих войск.

Б. В. Бычевский пишет: «Командующий войсками выехал на кандалакшско-мурманское направление, взяв с собой большую часть старших командиров. На Дворцовой площади многие кабинеты опустели. За командующего остался начальник штаба округа генерал-майор Дмитрий Никитич Никишев».

Свои впечатления Маркиан Михайлович зафиксировал в рабочей тетради: «Пребывание на границе лишней раз убедило меня в том, насколько откровенно немцы и финны подводят свои войска к нашим рубежам и готовят плацдармы для наступления. Так, например, при ознакомлении с пограничным участком в районе Куоляярви (Кандалакшское направление) по докладам командира 122-й стрелковой дивизии и начальника погранотряда было установлено, что в непосредственной близости от госграницы против Куоляярви несколько

дней тому назад началось сосредоточение и развертывание немецких войск, а немного южнее – финских частей. Белые ночи не позволили провести эти мероприятия скрытно, и они отлично наблюдались погранпостами, особенно с вышек и с наблюдательных пунктов, оборудованных на высоких деревьях.

С достаточной точностью были определены районы позиций некоторых батарей, рубежи подготавливаемых позиций, которые, как правило, из-за скального грунта возводились путем взрывов, участки ремонтируемых дорог, на которых царило оживление, ранее не свойственное этому району.

Да мы и лично наблюдали, поднимаясь на некоторые вышки пограничников, отчетливо видимые группы немецких офицеров, сновавшие непосредственно по линии госграницы, с биноклями и картами, группы солдат, передвигавшихся в равных направлениях, машины, носившиеся по дорогам, и много дымов – очевидно, от полевых кухонь, так как в жаркий июньский день вряд ли кто-нибудь разводил костры.

Дважды за время нашего пребывания в районе Куолаярви на средних высотах в сторону Кандалакши пролетали самолеты с опознавательными немецкими знаками.

Было над чем призадуматься под свежим впечатлением всего виденного и слышанного за эти дни. А опытный и боевой командир дивизии, пользуясь случаем, заметил: "Тут дело совершенно ясное и сомнению не подлежит. Наступать они будут наверняка. Как было бы хорошо и нам сесть в оборону, закрепиться и подготовиться к встрече врага".

Признаться, я и сам думал об этом, взвешивая в уме все "за" и "против". "За" – явная необходимость и целесообразность занятия и подготовки обороны. "Против" – отсутствие на этот счет твердых директив и опасение, что принятые нами меры могут быть использованы противной стороной для всевозможных провокаций.

Однако благоразумие брало верх, и, посоветовавшись с командующим 14-й армией генерал-лейтенантом В. А. Фроловым, я приказал 122-й дивизии немедленно перейти к обороне, прочно и хорошо закрепиться, но сделать это умело, не повторяя ошибок немцев и финнов, которые создавали свои группировки очень откровенно. Белые ночи и нам не гарантировали скрытности развертывания и ведения оборонительных работ.

Командир дивизии заверил, что он все прекрасно понимает и примет все меры к тому, чтобы свои мероприятия максимально скрыть от

немецкого наблюдения.

Я приказал командиру дивизии занимать оборону, закрепляться, ставить проволочные заграждения и мины.

По дороге в Мурманск мы с командармом обсудили во всех деталях обстановку на мурманском направлении, где в районе Петсамо, в непосредственной близости от границы, развертывались горнострелковые части немцев, недавно прибывшие сюда из Норвегии. В общих чертах это было известно из разведсводок Генштаба и пограничников, поэтому командарму оставалось только уточнить, что поведение немцев в районе Петсамо аналогично тому, что мы наблюдали в районе Куолаярви. То же сосредоточение войск, развертывание артиллерии на позициях, бесконечные, очень откровенные рекогносцировки немецких офицеров вдоль границы, большое оживление на всех путях, ведущих к нашей территории.

Полевая поездка подтвердила наши опасения, рождавшиеся в штабе округа, что на мурманское и Кандалакшское направления нацеливаются примерно по корпусу немецких войск, усиленных финнами, с очевидной задачей захвата весьма важных для нас пунктов – Мурманска, главной базы нашего Северного флота и единственного незамерзающего порта в этом районе, и Кандалакши, в результате чего врагу удалось бы перерезать Кировскую железную дорогу, по которой идет все снабжение Северного флота, 14-й армии и сравнительно большого населения Заполярья.

Мы считали совершенно необходимым распространить наше решение о переходе к обороне войск на Кандалакшском направлении на войска, предназначенные для прикрытия и обороны мурманского направления и побережий полуостровов Рыбачий и Кольский, о чем очень просил командарм и на что ему было дано разрешение.

В Мурманске мы подвели итоги нашей полевой поездки, внесли некоторые коррективы в разработанные ранее планы прикрытия, не меняя их основной сущности, – мурманское направление – две стрелковые дивизии, Кандалакшское – две стрелковые и одна танковая дивизии и, наконец, на кестеньгском направлении – один стрелковый полк.

Все мы отчетливо понимали, что для борьбы с создавшимися против нас группировками немецких и финских войск наших сил явно недостаточно, но никаких других возможностей мы не имели.

Мы могли полагаться на помощь, которую окажет нам Северный флот, на героизм, боевую выучку и стойкость наших воинов и в некоторой мере на тяжелый для наступающего характер местности.

Затем состоялось знакомство и первая встреча с командующим

Северным флотом вице-адмиралом А. Г. Головки, с которым установилась впоследствии настоящая дружба, продолжавшаяся до последних дней его жизни. Северный флот по вопросам сухопутной обороны оперативно подчинялся Ленинградскому военному округу, и нам обоим было о чем поговорить, несмотря на большую переписку между штабами округа и флота по оперативному взаимодействию на случай войны. Естественно, что в первую очередь посыпались вопросы ко мне, причем вопросы, связанные с оценкой общей политической и военной обстановки, так как в условиях того времени всякая дополнительная информация по волнующим вопросам представляла насущный интерес.

К концу нашей встречи А. Г. Головки сообщил, что миноносец, выделенный для комиссии по выбору аэродромов, на котором я должен был отправиться, к выходу в море готов, и предложил уточнить время этого выхода.

Не лежала душа, как говорится, к этому расставанию с сушей почти на месячный срок. Однако не выполнить директивы наркома, конечно, было нельзя».

Маркиан Михайлович долго колебался, прежде чем решил позвонить маршалу Тимошенко. И вот на проводе Москва.

– Товарищ нарком, командующий войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенант Попов... – представился он и кратко доложил обстановку. В конце доклада откровенно заявил, что в этих условиях выход в море нецелесообразен.

– Хорошо, что позвонил. Выход в море пока отложим. Немедленно возвращайся в Ленинград, – строго ответил маршал.

Главный маршал авиации А. А. Новиков хорошо запомнил ту поездку. В своих мемуарах он расскажет об одном примечательном эпизоде: «В мае – июне 1941 г. в штаб округа шли сообщения о развертывании немецких войск на мурманском и Кандалакшском направлениях. С 10 июня в Финляндии началась скрытая мобилизация и переброска войск к нашей границе. Население приграничных районов эвакуировалось в глубь страны. В первых числах июня у границы все чаще стали появляться группы финских и немецких офицеров.

Активизировалась деятельность вражеской агентуры. Захваченные нами лазутчики подтвердили наличие в Финляндии значительных сил фашистских войск. Немецкие самолеты все чаще и чаще нарушали воздушную границу СССР. Но пресечь их полеты мы не могли. Незадолго до войны начальник оперативного отдела штаба округа генерал П. Г. Тихомиров сказал мне, что специальной директивой Генштаба

запрещается выводить войска к границе и летать нашим самолетам в 10-километровой приграничной полосе.

Безнаказанность гитлеровских летчиков производила угнетающее впечатление. Иной раз рука сама собой тянулась к телефонной трубке, чтобы тут же вызвать командира той или иной истребительной авиадивизии и приказать ему немедленно сбить нарушителя.

Однажды я все же не стерпел. Случилось это во время полевой поездки ответственных работников штаба округа на северные участки советско-финляндской границы. Под Кандалакшей в Куолаярви Попов сделал остановку.

Я и сейчас, будто наяву, вижу тот июньский день, солнечный, тихий, почти безоблачный. С высоты, где мы находились, открывался великолепный вид на лесные, подернутые голубоватой дымкой дали. Все, у кого были бинокли, неотрывно смотрели в сторону государственной границы. Пограничники сообщили командующему о начавшемся выдвижении немецких войск к нашей территории. Действительно, над недавно безмолвными лесами там и сям висели полосы пыли. Это могло быть только от интенсивного движения больших масс людей и техники.

Прошло минут 15–20, и в полуденную тишину ворвался рокот мотора. Рокот, переходя в гул, быстро нарастал и приближался. И вот чуть в стороне от нас, четко фиксируясь на чистой лазури неба, показался воздушный разведчик со свастикой на плоскостях. Он летел на крейсерской скорости, и всем стало ясно, что немцы ведут фотосъемку приграничного района.

– Да что же это наконец! – воскликнул Маркиан Михайлович и резко повернулся ко мне. – Неужели мы ничего не можем предпринять и позволим этому наглецу совершить свое дело?

Я хотел было промолчать, ведь Попову и самому было известно, как велено поступать в таких случаях, но не сдержался.

– Конечно, можно, товарищ командующий! – быстро ответил я. – Нужно лишь ваше приказание посадить на ближайший полевой аэродром звено или эскадрилью истребителей и разрешить летчикам сбивать нарушителей границы. Наглецов как ветром сдует.

– Да-а! – с досадой протянул Попов и тяжело вздохнул.

По этому вздоху я понял, как даже командующий округом скован в своих действиях, и, подосадовав на свою бестактность, подумал, что в других западных приграничных округах положение, наверное, еще хуже, что и их командующие, вероятно, вот так же смотрят на наглые полеты немцев и только молча ругаются от собственного бессилия.

Тогда я, конечно, не только не знал, но даже не предполагал, как далеко зашли гитлеровцы».

В Ленинград командующий возвращался поездом «Полярная стрела». Весь день 21 июня прошел в вагоне. Маркиан Михайлович смотрел в окно: «На редких здесь полях мирно трудились колхозники, а по бесчисленным озерам и рекам сновали рыбацьи лодки и баркасы».

На всех крупных станциях в вагон командующего на доклад заходили коменданты. Но пока все было спокойно. А из головы никак не выходило: «Перед отъездом начальник Ленинградского торгового порта сообщил мне о том, что немецкие торговые суда, обычно в большом количестве стоявшие у стенок Ленинградского порта, начинают спешно покидать порт, не закончив грузовых операций.

Казалось очень подозрительным и поведение сотрудников германского консульства в Ленинграде. Как нам стало известно, днем они резали на мелкие части множество бумаг и документов, а по ночам, примерно между 24 и 1 часом ночи, когда в условиях белых июньских ночей относительно темнеет, жгли их, поливая керосином, в топках своей котельной. Более того, жены сотрудников консульства, обычно заказывавшие себе наряды у ленинградских портних, примерно в эти же дни всячески торопили портних с выполнением работ или просто забирали у них свой материал, не останавливаясь перед уплатой неустойки».

В Петрозаводск поезд прибыл 22 июня около 4 утра. На перроне генерала Попова ожидали генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко, секретарь ЦК Карело-Финской ССР и начальник Кировской железной дороги. Они сразу же «сообщили о полученном распоряжении из Москвы: вагон командующего от поезда отцепить и вне графика безостановочно доставить его в Ленинград, для чего выделить отдельный паровоз. Этот паровоз уже готов, и через несколько минут можно отправляться.

Распоряжение о срочной доставке вагона командующего в Ленинград, естественно, вызвало у них озабоченность и настороженность. Однако в тот час и в те минуты мы могли только предполагать, что назревают какие-то события, несомненно, связанные с войной. Мы ничего не могли объяснить товарищам, а так как маневровый паровоз уже тянул вагон по путям станции, пришлось наскоро рассказать об обстановке и решениях, принятых на севере, т. е. на участке 14-й армии, и предложить командарму Ф. Д. Гореленко, на участке которого финские части уже были выдвинуты к границе, срочно привести войска в боевую готовность и занять ими оборону по плану прикрытия.

Мы с членом Военного совета корпусным комиссаром

Н. Н. Клементьевым ломали головы в догадках, что означает это распоряжение о срочной доставке нас в Ленинград. Что это не случайно, а вызвано какими-то особыми событиями, сомнений быть не могло. Больше, конечно, не спалось, временами мы включали радио, но советские станции, как обычно, в это время молчали, а из-за границы передавалась легкая, преимущественно танцевальная, музыка. Это было в ночь перед началом войны».

Когда до Ленинграда оставалось половина пути, поезд сделал первую остановку. На часах было около 7 утра. В вагон командующего вошел комендант станции с противогоздом, который, представившись, доложил:

– Товарищ генерал, остановка вызвана необходимостью проверить буксы, и будет очень короткой, а дальше поезд проследует без остановок.

Маркиан Михайлович обратил внимание на заметную взволнованность коменданта. Как оказалось, «час тому назад по селекторной связи из Ленинграда передали только для сведения начальника станции и коменданта сообщение, что немцы около 4 часов утра отбомбили на западе ряд наших городов и железнодорожных узлов и после сильного артиллерийского обстрела перешли границу и вторглись на нашу территорию. Им обоим приказано приступить к проведению мероприятий по плану отомобилизования».

И вот поезд тронулся и гораздо быстрее, чем раньше, помчался к городу на Неве. Незаметно прошла самая короткая и самая светлая из белых ночей...

Было 10 часов, когда состав «Полярной стрелы» мягко подошел к вокзалу. Не успел поезд остановиться, как в вагон командующего вошел встречающий генерал-лейтенант Пядышев и доложил обстановку: «Около 1 часа ночи была получена директива наркома, предупреждавшая о том, что 22–23 июня возможно нападение гитлеровских войск на нашу страну. Директивой требовалось привести войска в боевую готовность и занять огневые точки в укрепрайонах на госгранице. Штаб округа тут же был собран по боевой тревоге, и войскам направлены были соответствующие указания. Около 5 часов утра стало известно, что после бомбардировочных ударов по ряду наших городов, портов, аэродромов и железнодорожных узлов, вслед за сильной артиллерийской подготовкой, немцы на западе перешли границу и вторглись на нашу территорию.

На всем протяжении финской границы пока было спокойно. В 4 часа утра немецкие самолеты летали над базой Северного флота – Полярный. Ленинград и другие объекты на территории округа бомбардировке не подверглись. Все войска приступили к выполнению задач по плану

прикрытия и от мобилизации. В штабе округа находился генерал армии К. А. Мерецков, прибывший утром как представитель наркома».

С вокзала сразу же выехали в штаб. Это был не просто воскресный, а солнечный и довольно жаркий день. На Невском проспекте царило вполне обычное оживление. И хотя о начале войны официально еще не было объявлено, слухи о ней среди горожан ходили полным ходом. Об этом рассказал Маркиану Михайловичу шофер, старый ленинградец, тут же добавив: «Хотя пока никто этому не хочет верить».

Как вспоминает генерал Б. Г. Бычевский, «Маркиан Михайлович Попов принял Ленинградский округ только в феврале 1941 г. Но до начала войны успел уже объездить всю его огромную территорию от Баренцева моря до полуострова Ханко. Командующий слыл непоседой, и мне всегда почему-то казалось, что служебный кабинет тесен для него».

Стоит лишь добавить, что молодого командующего любили, уважали и ценили. Он как-то особенно отличался от иных умом и человечностью. Большая редкость для генерала, военачальника и сегодня.

Часть вторая

Без добродетели нет ни славы, ни чести.

А. В. Суворов

Война – неотъемлемая часть конкуренции, такой же борьбы человеческих интересов и поступков.

Карл фон Клаузевиц

Командующий войсками Северного фронта

Прибыв в штаб на Дворцовую площадь, Маркиан Михайлович сразу же прошел в кабинет начальника штаба. Там уже находились сам хозяин кабинета, начальник оперативного отдела, начальник разведывательного отдела и другие генералы, и офицеры, склонившиеся над картами, разложенными на большом столе. Генерал армии К. А. Мерецков, прибывший из Москвы, говорил в это время по телефону.

Генерал Никишев доложил командующему: «...все идет по плану и войска выдвигаются в свои районы в соответствии с их задачами, и показал недавно полученную директиву наркома, требующую от всех приграничных округов активных действий, с тем чтобы уничтожить вражеские силы в районах, где они нарушили нашу границу. Далее директива требовала ударами нашей авиации "уничтожить авиацию на аэродромах противника и разгромить основные группировки его наземных войск", но на территорию Финляндии и Румынии налетов до особых указаний не делать».

Генерал Тихомиров докладывал следующим: ему «после больших трудов удалось связаться с операторами Северо-Западного фронта и получить от них некоторую информацию, из которой следовало, что войска 8-й и 11 – й армий под ударами превосходящих, преимущественно танковых, сил противника почти на всем протяжении оставили линию госграницы и отходят в глубь нашей территории».

Наконец закончил свой разговор Мерецков и, поздоровавшись, сказал: «Из Генштаба трудно добиться каких-либо данных о положении у наших соседей, но ясно одно: против Западного фронта противник развернул наступление также крупными силами и местами уже глубоко вторгся на нашу территорию, особенно на стыке с Северо-Западным фронтом. Везде идут упорные бои».

В 12 часов все присутствовавшие по приемнику услышали заявление правительства о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Начались непрерывные звонки: из армий, из Северного и Балтийского флотов, из Генштаба. Все требовали немедленных и исчерпывающих ответов. Но их не было...

Далее М. М. Попов рассказывает: «Наметив с Д. Н. Никишевым план работы на ближайшие часы, мы с К. А. Мерецковым спустились в мой кабинет, пригласив с собой начальника разведывательного отдела штаба

округа П. П. Евстигнеева для того, чтобы во всех деталях разобраться в обстановке на финской границе и прежде всего уточнить характер группировки, созданной финнами и немцами против нас.

Доклад П. П. Евстигнеева, подкрепленный целым рядом документов, убеждал в том, что на мурманском и Кандалакшском направлениях развернулись по одному немецкому корпусу, усиленных финскими войсками.

На петрозаводском направлении и против Карельского перешейка, как и предполагалось, развернулась главная группировка финнов в составе 12–14 пехотных дивизий и 4–5 пехотных дивизий и 4–5 отдельных бригад, из них более половины против Карельского перешейка.

Соотношение сил на любом из рассмотренных направлений и на всем театре военных действий складывалось явно не в нашу пользу.

Трудно было найти причины тому, что ни немцы, ни финны не начали сразу же наступления одновременно с развертыванием боевых действий на западных границах нашей страны.

Возможно, таков был план войны – начинать наступление против Ленинграда лишь после того, как обозначится значительный успех на западе, или же первоначальная пассивность противника объяснялась недостаточной готовностью финнов и гитлеровских корпусов на севере. В те часы было трудно найти ответы на эти вопросы, но следовало сделать только один вывод, что наступление на нашем участке фронта может начаться в любой день и даже в любой час. Соответственно этому следовало принять меры к усилению обороны...»

О том, в каком положении и состоянии война застала войска Ленинградского военного округа под командованием генерал-лейтенанта М. М. Попова, говорится в научном труде «1941 год – уроки и выводы»: «Все войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации и в лагерях, 1-я танковая дивизия перевозилась из района Пскова в район Алакурти. 11-я стрелковая дивизия начала передислокацию в состав 8-й армии Прибалтийского военного округа, 52-я стрелковая дивизия выдвигалась на мурманское, а 104-я стрелковая дивизия на Кандалакшское направления.

Активные действия наземных войск на границе с Финляндией начались только 29 июня, поэтому войска округа были в основном развернуты в соответствии с планом прикрытия.

Вместе с тем даже в этих условиях группировка войск начала создаваться с запозданием на 3 суток, так как имелось распоряжение Главного Командования: "Мероприятия по развертыванию не проводить и

не давать финнам повода для провокации". Явным просчетом Генерального штаба явилось также недостаточное прикрытие петрозаводского направления. Войска 23-й армии на Карельском перешейке заняли крайне невыгодный рубеж на государственной границе. Наиболее целесообразным рубежом для организации обороны, как показали последующие события, был рубеж в 15–30 км от границы.

В составе округа имелось 3 стрелковых и 2 механизированных корпуса: 15 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 1 стрелковая бригада».

Что же касается предвоенных планов обороны границы, то в Ленинградском военном округе она планировалась следующим образом: «... на фронте 1670 км по принципу прикрытия наиболее важных направлений. Оборона первого участка границы, от Баренцева моря до Ладожского озера, шириной около 1000 км возлагалась на 14-ю и 7-ю армии, второй участок, между Ладожским озером и Финским заливом, обороняла 23-я армия.

Войска округа организовывали 5 районов прикрытия (РП). РП № 1 обороняла 14-я армия во взаимодействии с 5 погранотрядами, силами Северного флота и его береговой обороной, прочно прикрывая направление на Мурманск. РП № 2 занимала 7-я армия, прикрывая ухтинское, ребольское, петрозаводское и оловецкое направления, 23-я армия, обороняла РП № 3, выполняла основную задачу войск округа, надежно прикрывая Ленинград. РП № 4 и 5, обороняемые 65-м усиленным стрелковым корпусом и 8-й отдельной стрелковой бригадой, совместно с силами Балтийского флота прикрывали северное побережье Эстонской ССР, полуостров Ханко и вход в Финский залив.

Все 5 районов прикрытия были разделены на 15 участков. Количество участков, их состав и задачи определялись размерами фронта обороны и важностью прикрываемого направления.

В непосредственном распоряжении командующего округом оставался 1-й механизированный корпус (без танковой дивизии), 70, 177 и 191-я стрелковые дивизии, а также 5 авиационных дивизий.

Всего для прикрытия границы в округе планировалось использовать: армий – 3, стрелковых корпусов – 4, механизированных корпусов – 2, дивизий – 23 (в том числе: стрелковых – 17, танковых – 4, механизированных – 2), авиационных дивизий – 8, артиллерийских пазков РК – 8, укрепленных районов – 7.

При благоприятных условиях обороняющимся войскам и резервам армий и округа предписывалось быть в готовности к переходу в

наступление».

Ночь с 22 на 23 июня 1941 г. для командующего стала второй бессонной и гораздо более напряженной. Одному Богу было известно, сколько он выкурил тогда папирос. Но на всех границах округа она прошла без происшествий...

Поздно ночью генералу Попову доложили, что войска округа почти везде заняли свои районы согласно плану прикрытия. И это была очень хорошая новость: «... в наших условиях было равносильно занятию обороны, причем без всяких помех со стороны противника». Не радовала только обстановка, складывающаяся у левого соседа, в которой смогли разобраться только утром 23-го: «...Северо-Западного фронта. Первый день войны был для него очень тяжелым. На рассвете 22 июня войска 8-й и 11-й армий, причем хорошие, кадровые, в должной мере обученные и подготовленные, не успевшие еще сосредоточиться и развернуться на границе и занять оборону, подверглись мощному удару танковых и моторизованных дивизий немцев, поддержанных массированными ударами авиации и артиллерии. Несмотря на героическое, а местами прямо-таки отчаянное сопротивление, наши войска были вынуждены отходить по всему фронту, в ряде случаев недостаточно организованно. Связь систематически нарушалась, поэтому штабу фронта трудно было определить положение большинства дивизий и даже штабов некоторых корпусов.

К исходу дня противнику удалось отбросить наши войска от госграницы, на отдельных участках выйти к Неману и даже переправиться через него, т. е. вторгнуться на нашу территорию на глубину от 20 до 45 км.

Тяжелая обстановка складывалась и на обоих флангах Западного Особого военного округа, где наши войска отступили примерно на такую же глубину.

Оценивая происходящие события, мы приходили к выводу, что первый день войны оказался для наших Вооруженных Сил, да и для всей страны очень тяжелым, что немало встревожило и нас, проведших этот день в относительно спокойных условиях».

В то же утро назначенный постоянным советником при Ставке Главного Командования генерал армии Мерецков порекомендовал Попову «приступить к выбору и рекогносцировке возможных оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом, с немедленным вслед за этим развертыванием на них оборонительных работ с привлечением свободных войск, а главное – местного населения».

Несмотря на опасения, «не вызовет ли это нездоровых и

упадочнических настроений», несмотря на необходимость тщательного согласования этого вопроса с руководителем Ленинградской городской партийной организации А. А. Кузнецовым, генерал Попов тут же отдал соответствующие распоряжения. Первым он вызвал генерала Пядышева, которому поручил подготовку рубежей на юго-западе Ленинграда. Следом был вызван окружной инженер Бычевский, которого генерал Попов предупредил: «Будем создавать дополнительные оборонительные рубежи на псковском направлении в районе Луги. Подробные указания получите у генерал-лейтенанта Пядышева». А 24 июня на базе управления, объединений, соединений, частей и учреждений Ленинградского военного округа, был сформирован Северный фронт...

Как вспоминал главный маршал авиации А. А. Новиков, тогда командующий ВВС ЛВО, поступающие в округ сообщения о бомбардировках немецкой авиацией Риги, Каунаса, Минска, Смоленска, Киева, Житомира и Севастополя, не стали для него неожиданными. Однако та легкость, с какой немцы глубоко проникали на советскую территорию, поражала и настораживала. По его мнению, следовало «принимать срочные меры, чтобы избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной бомбардировке в первые же часы войны». То есть требовалось проявить свою активность в воздухе, предупредив тем самым вероятные действия авиации противника и их последствия.

Когда соответствующий план был готов, Новиков доложил о нем командующему. Маркиан Михайлович согласился, но предупредил, что прежде этот вопрос нужно согласовать с Москвой. Очень скоро «добро» было получено.

А. А. Новиков свидетельствует: «Для ударов по вражеским аэродромам в Финляндии было выделено 540 самолетов. В операции участвовали ВВС всех общевойсковых армий Северного фронта – 14, 7-й и 23-й, морских флотов и фронтовая авиагруппа.

Впервые в истории наших ВВС к одновременным действиям привлекалось такое количество боевой техники, причем на всем фронте – от Выборга до Мурманска. В какие-то сутки предстояло увязать массу больших и малых вопросов, скоординировать действия сухопутной и морской авиации, частей и соединений по месту и времени, определить методику бомбоштурмовых ударов, их последовательность, выбрать маршруты и первоочередные цели. Операция была рассчитана на шесть суток.

Первый удар по вражеским аэродромам был нанесен 25 июня в 4 часа утра. Поскольку к операции привлекались значительные силы

истребительной авиации 23-й армии, что заметно ослабляло воздушный заслон на Карельском перешейке, то для защиты Ленинграда мы оставили весь 7-й истребительный авиакорпус ПВО и 39-ю истребительную авиадивизию.

Днем 24 июня командующий Северным фронтом М. М. Попов и член Военного совета фронта Н. Н. Клементьев утвердили план воздушной операции. На исходе суток мне доложили, что в большинстве частей и соединений подготовка к удару в основном закончена.

Рано утром 25 июня я был на узле связи, размещавшемся в полуподвальном помещении здания штаба округа. Последние приготовления, уточнение данных, короткие переговоры с командирами авиасоединений, и на аэродромах заревели моторы. Воздушная армада из 263 бомбардировщиков и 224 истребителей и штурмовиков устремилась на 18 наиболее важных аэродромов противника.

Налет длился несколько часов. Одна группа сменяла другую. Некоторые объекты подвергались 3–4 ударам. В итоге первого дня враг потерял 41 боевую машину. Успех был налицо, и операция продолжалась. За шесть суток ударам подверглось 39 аэродромов противника. В воздушных боях и на земле враг потерял 130 самолетов и был вынужден оттянуть свою авиацию на дальние тыловые базы – за пределы радиуса действий наших истребителей. Перебазировка эта, естественно, ограничила маневр неприятельских бомбардировщиков. А нам только это и требовалось.

Эта первая в истории советской авиации многодневная операция убедила нас, что массированные удары по глубинным аэродромам – надежное средство борьбы с вражеской авиацией. С тех пор такие налеты стали проводиться регулярно. Даже в самые трудные месяцы блокады и при острейшей нехватке бомбардировщиков мы систематически громили гитлеровскую авиацию на земле, широко используя для этой цели истребителей и штурмовиков.

Одновременно с налетами на аэродромы наша авиация бомбила железнодорожные узлы, станции и районы сосредоточения финских и немецко-фашистских войск, заканчивавших подготовку к наступлению на Мурманском, Кандалакшском и Выборгском направлениях».

Сегодня об этих бомбардировках пишут всякое. Однако не стоит забывать о том, что сразу же после Зимней войны руководство Финляндии втайне взяло курс на политическое и военное сближение с Германией. Германско-финские контакты стали особенно активными после ввода советских войск на территорию балтийских стран летом 1940 г. В итоге

Финляндия развернула военные приготовления к совместным операциям, целью которых стало возвращение территорий, утерянных в результате Зимней войны.

Как отмечает Карл-Фредерик Геуст, «еще 18–19 июня люфтваффе было разрешено использовать несколько финских военно-воздушных баз». «Одна из самых первых операций немецких ВВС в рамках "плана Барбаросса" – минирование подходов к портам Кронштадт и Ленинград ранним утром 22 июня – также была выполнена с использованием воздушного пространства Финляндии». «В ночь с 22 на 23 июня разведывательные рейды люфтваффе через финскую территорию повторились. На этот раз один Ju 88 из 3./KGr 806... был сбит советской зенитной артиллерией, трое членов его экипажа выпрыгнули с парашютами. Раненых авиаторов захватили в плен и поместили в военный госпиталь в Левашово, где их допросил командующий авиацией ЛВО генерал А. А. Новиков. Хотя война шла уже сутки, на все вопросы немцы отвечали, что "потеряли ориентацию в ходе тренировочного полета". Однако изъятые у них карты и письменные документы ясно говорили, что это ложь. Более того, на картах была обозначена главная цель разведки – Кировский завод в Ленинграде. Так командование ЛВО получило доказательство планов люфтваффе бомбить город. Тогда же советская радиоразведка получила подтверждения дислокации многочисленных немецких самолетов в Финляндии, что было воспринято как еще один довод, говорящий о неизбежности скорых бомбежек Ленинграда.

Чтобы предотвратить их, ранним утром 24 июня советское командование приступило к планированию превентивного удара по финским аэродромам».

Но вернемся на юго-западное направление... Создание оборонительного рубежа по реке Луга началось с рекогносцировки, проведенной с 23 по 26 июня начальником отдела боевой подготовки полковником Г. А. Вещезерским.

Утром 24 июня генерал Пядышев доложил командующему «о составе, порядке и сроках работ рекогносцировочных групп, о примерной организации и последовательности оборонительного строительства».

25-го Военный совет фронта утвердил принципиальную схему оборонительных рубежей, доложенную Пядышевым. Там же было принято решение немедленно начать инженерные работы на намеченных рубежах силами населения. Как вспоминал генерал Бычевский, «Пядышеву предстояло возглавить командование будущей Лужской группы войск. Он предложил сразу же перебросить на юг две-три дивизии с Карельского

перешейка. Командующий в принципе против этого не возражал, но хотел посоветоваться с наркомом обороны. Хотя на границе с Финляндией пока царила тишина, активных действий там можно было ожидать с часу на час».

27-го Военный совет фронта приостановил строительство Ленинградского метрополитена, линии электропередачи Энсо – Ленинград, Верхне-Свирской ГЭС, гидростанции Энсо. Таким образом, инженеры, рабочие, машины и материалы передавались войскам для строительства обороны.

28-го Военный совет фронта рассредоточил руководство оборонительными работами. Было создано специальное Управление строительства тыловых оборонительных рубежей, под руководством помощника командующего округом по укрепрайонам генерал-майора И. А. Зайцева.

3 июля Северным фронтом было организовано Управление военно-полевого строительства. Так началось сооружение Лужской укрепленной позиции, протяженностью около 300 километров, от Нарвского залива, по рекам Луге, Мшаге, Шелони до озера Ильмень с целью не допустить прорыва войск немецкой группы армий «Север» на северо-восток в направлении Ленинграда. Сам Маркиан Михайлович описал ее так: «Основным рубежом намечалась река Луга почти на всем ее протяжении и далее Мшага, Шимск до озера Ильмень, с развитым и укрепленным предпольем, бравшим свое начало от реки Плюссы. Второй рубеж обороны предполагалось создавать по линии Петергоф, Красногвардейск (Гатчина), Колпино. И, наконец, завершающий рубеж намечался по линии Автово, окружная железная дорога до ст. Предпортовая, Средняя Рогатка и поселок Рыбацкое на Неве». Далее он лишь пояснил: «При взгляде на карту с нанесенными на ней рубежами, конечно, бросались в глаза большие разрывы между ними. Однако отсутствие необходимого числа свободных войск и недостаточная уверенность в возможности массового привлечения населения на работы вынудили согласиться с предложенной схемой».

4 июля Военный совет Северного фронта получил директиву Ставки о создании Лужского оборонительного рубежа и немедленном занятии ее войсками. Словом, Ставка только задним числом одобрила меры, которые были приняты командующим Северным фронтом задолго до ее приказа:

«Ставка Главного Командования СССР

ДИРЕКТИВА

от 4 июля 1941 года № 91/НГШ

Военному совету Северного фронта о подготовке обороны на подступах к Ленинграду

В связи с явной угрозой прорыва противника в районе Остров, Псков немедленно занять рубеж обороны на фронте Нарва, Луга, Старая Русса, Боровичи.

На этом рубеже и на предполье глубиной 10–15 км создать сплошные заграждения и минные поля, оставив лишь пути для войск Северо-Западного фронта. Собрать больше противотанковых пушек и поставить их в качестве орудий ПТО. Разрешается снять часть дивизионов с противовоздушной обороны округа, включительно до снятия ее с Выборга и других объектов.

Иметь в виду возможность действий мехкорпусом с Ленинграда в южном направлении.

Донесите, какие оборонительные работы фактически проведены по р. Луга и какие части находятся на этом рубеже.

ЖУКОВ».

На следующий день Военный совет фронта принял решение о создании Лужской укрепленной позиции и образовании для ее обороны оперативной группы под командованием генерал-лейтенанта К. П. Пядышева.

6 июля приказом командующего Северным фронтом № 49 «в состав Лужской оперативной группы были включены: 70-я, 177-я и 191-я стрелковые дивизии, Ленинградское пехотное училище имени С. М. Кирова, три дивизии народного ополчения, четыре артиллерийско-пулеметных батальона, которые, как и дивизии народного ополчения, еще только формировались из добровольцев Ленинграда, 1 – я отдельная горнострелковая бригада, 262-й инженерный батальон. Кроме того, на Лужский рубеж были отправлены соединения, которые предполагалось использовать на Карельском перешейке и на юге Карелии. С Карельского перешейка, из резерва 23-й армии был передан в Лужскую оперативную группу 10-й механизированный корпус в составе 21-й и 24-й танковых дивизий, без 198-й мотострелковой, которая осталась на выборгском направлении, а с петрозаводского направления была снята 237-я стрелковая дивизия из состава 7-й армии. Штаб Лужской оперативной группы расположился в Красногвардейске (Гатчина). Следует отметить, что 70-я и 237-я стрелковые дивизии почти сразу же были переданы в состав 11-й

армии для проведения контрудара под Сольцами», – констатирует историк И. Хомяков.

26 июня Финляндия объявила войну Советскому Союзу, а рано утром 29-го командующему Северным фронтом доложили: «На мурманском направлении в 3 часа утра после сильных бомбовых ударов и мощной артиллерийской подготовки враг перешел в наступление».

К слову сказать, начало наступления финско-немецких войск с территории Финляндии намечалось одновременно с нападением Германии, но началось оно на неделю позже. При этом ни на одном из направлений, за исключением Петрозаводско-Свирского и Карельского перешейка, противнику так и не удалось добиться решающих успехов. Его продвижение на отдельных участках было незначительным. Например, войска 14-й армии во взаимодействии с силами Северного флота сорвали операцию немецкой армии «Норвегия» по захвату полуострова Рыбачий, Мурманска, военно-морской базы Полярный, Кировской железной дороги. Наступление же Юго-Восточной армии финнов, начавшееся в конце июля, было остановлено к 1 сентября войсками 23-й армии, силами Краснознаменного Балтийского флота, Ладожской военной флотилии и авиации Северного фронта у старой государственной границы (1939 г.) – в Карельском укрепрайоне. Только Карельская армия финнов, перешедшая в наступление 10 июля (захват немецкими войсками Острова и Пскова и продвижение их за реку Великую послужили финскому командованию сигналом для перехода в наступление главными силами на Онежско-Ладожском перешейке), в ходе упорных боев смогла продвинуться к р. Свирь, однако здесь она была остановлена войсками 7-й армии (3 дивизии Северного фронта против 7 дивизий и 3 бригад противника).

Таким образом, ход боевых действий на Крайнем Севере и в Карелии, несмотря на их ожесточенный характер, вызывал меньшие опасения у советского командования, чем на северо-западном направлении. И причин для такого беспокойства было более чем достаточно...

Как свидетельствует Маркиан Михайлович, «события, развертывавшиеся в Прибалтике, вынуждали нас действовать быстро. К началу июля немцы форсировали Западную Двину и продолжали развивать наступление теперь уже ярко выраженными группировками: одной, по всем данным главной, – на псковском направлении и другой – в глубину Эстонии, на Таллин. Угроза Ленинграду стала явной, и настала пора реализовать имевшиеся у Военного совета фронта соображения и наметки о выделении войск на Лужскую полосу обороны». Ненароком пришлось вспомнить и о 1 – м механизированном корпусе, «который перед войной

дислоцировался в районе Луга – Псков – Остров, а 1 – я танковая дивизия этого корпуса была переброшена на север, западнее Кандалякши. Распоряжением Генштаба 30 июня корпус был передан в состав Северо-Западного фронта. 1-я танковая дивизия была затем возвращена в конце июля под Ленинград (в район южнее Гатчины), а в начале августа направлена на усиление Кингисеппского участка обороны».

Однако и это было еще не самое страшное. Маркиан Михайлович вспомнит: «10 июля Государственный Комитет Обороны принял решение об образовании трех главных командований. Северный и Северо-Западный фронты объединялись главкомом Северо-Западного направления К. Е. Ворошиловым и членом Военного совета А. А. Ждановым. К. Е. Ворошилов немедленно прибыл в Ленинград с небольшим штабом, возглавлявшимся генералом М. В. Захаровым. Вскоре, к нашему большому огорчению, главком приказал обе стрелковые дивизии и одну танковую, снятые нами с северного участка и направленные на лужское направление, передать Северо-Западному фронту. Это его решение не обсуждалось на Военном совете и поэтому было для нас совершенно неожиданным. Мне пришлось поручить штабу изыскивать еще какие-либо возможности для усиления Лужской оперативной группы, а самому немедленно выехать туда с тем, чтобы внести необходимые поправки в организацию обороны. После всестороннего обсуждения с К. П. Пядышевым и его штабом был найден только один выход из положения – растянуть соответственно участки обороны имеющихся войск (с учетом подходящих ДНО), конечно, до разумных пределов, а на менее важных направлениях ограничиться наблюдением небольшими отрядами.

Я просил К. П. Пядышева, расставаясь с ним, все перегруппировки произвести как можно быстрее и оперативнее, так как между Псковом и рекой Плюссой никаких войск, кроме отходящих в беспорядке разрозненных групп Северо-Западного фронта, нет, а особенно полагаться на успешное сопротивление наших войск в предполье нельзя».

Командующий Северным фронтом и его штаб с первого дня войны внимательно смотрели за обстановкой у левого соседа – Северо-Западного фронта. А там последствия первых ударов противника оказались катастрофическими. Например, за первые три дня войны ВВС фронта потеряли 76 % всего состава. Уже к вечеру 24-го немцы захватили Каунас и Вильнюс. Система управления войсками была полностью нарушена. Штаб фронта ввиду понесенных потерь уже на 5-е сутки пришел к выводу, что не способен противостоять противнику. Среди командования начались раздоры. Зато противник действовал умело, и продолжал в том же духе. За

счет решительного массирования сил и средств на главных направлениях немецкое командование создало ударные группировки, которые позволили ему достичь 5—8-кратного превосходства на шауляйском и вильнюсском направлениях. В первые сутки противник двумя сильными ударами расколол оборону Северо-Западного фронта. Затем его танковые клинья (4-я и 3-я танковые группы) пробили бреши в советской обороне. Войска же Северо-Западного фронта, не успев завершить сосредоточение и не имея четко выраженной оборонительной группировки, оказались сосредоточенными на фронте более 200 км. Именно в таком положении противник их просто громил по частям: сначала дивизии прикрытия, потом мехкорпуса и, наконец, резервы.

Стоит отметить, что в первые три недели войны темпы наступления войск в Прибалтике были рекордными в сравнении с продвижением других групп армий. Так, 41-й моторизованный корпус 4-й танковой группы продвинулся на 750 км, 56-й мотокорпус – на – 675 км. Средний темп продвижения танковых соединений немцев составлял 30 км в сутки, а в некоторые дни они преодолевали даже более 50 км.

«Крайне тяжелая для нас обстановка, сложившаяся на юго-западе от Ленинграда, заставила пересмотреть и задачи авиации фронта, – вспоминал главный маршал авиации А. А. Новиков. – Главные силы ее мы перенацелили на помощь войскам Северо-Западного фронта. Полностью в интересах нашего соседа стали действовать три авиадивизии – 2, 41, 39-я и 1-й дальнебомбардировочный авиакорпус Главного командования, оперативно подчиненный командованию ВВС Северного фронта. Это решение было своевременным и правильным, так как угроза Ленинграду со стороны Пскова стала неизмеримо опаснее, нежели на Выборгском и Петрозаводском направлениях.

9 июля противник захватил Псков. Наша 11-я армия отошла за реку Череху. 8-я армия, отрезанная от главных сил Северо-Западного фронта, с тяжелыми боями отступала на север в полосе между Рижским заливом и Чудским озером.

В это время командование группы немецко-фашистских армий "Север" сочло основные силы Северо-Западного фронта, прикрывавшие путь на Ленинград, разбитыми. Генерал-фельдмаршал фон Лееб и его штаб рассчитывали окончательно разгромить наши войска на ленинградском направлении в течение месяца. Исходя из такой предвзятой оценки наших возможностей, Гитлер надеялся быть в Ленинграде в конце июля и потому всячески торопил фон Лееба. Еще до падения Пскова ОКВ (Верховное главное командование вермахта) на совещании 8 июля обязало группу

армий "Север" быстрее покончить с Ленинградом. С этой целью войска фон Лееба было решено усилить 3-й танковой группой, но переброска ее на ленинградское направление намечалась после выхода войск группы армий "Центр" в район восточнее Смоленска.

Согласно этому замыслу план наступления группы армий "Север" на вторую и третью декады июля был такой. Правофланговая 16-я полевая армия наносит поражение нашей 27-й армии и выходит на рубеж Великие Луки – Холм – Старая Русса. 4-я танковая группа правофланговыми соединениями захватывает Порхов, Новгород и Чудово, перерезает Октябрьскую железную дорогу и обходит Ленинград с юго-востока, а левофланговыми соединениями наступает на Лугу и с ходу врывается в Ленинград. Основные силы 18-й полевой армии, находившейся во втором эшелоне, развертываются севернее Пскова, подвигаются вдоль восточного берега Псковского и Чудского озер и овладевают Нарвой. Ее левофланговые войска захватывают Эстонию и по южному побережью Финского залива выходят в район Нарвы. Одновременно с гитлеровскими войсками действуют и финские. Карельская армия, наступавшая на петрозаводском и олонекском направлениях, отбрасывает нашу 7-ю армию на рубеж реки Свирь. Юго-восточная армия, развернутая на Карельском перешейке, врывается в Ленинград с севера.

Разумеется, в то время детально знать замыслы противника мы не могли, но в общих чертах предполагали, чего добивается враг, и представляли себе план его действий. После того, как противник форсировал Западную Двину и вырвался к Острову, основные сомнения относительно его дальнейших намерений исчезли, и Ставка стала принимать все зависевшие от нее меры для надежного прикрытия Ленинграда с юго-запада.

Однако сил у нас тогда на фронте было немного. (...)

Стремясь извлечь как можно больше выгод из ситуации, гитлеровцы сразу же после захвата Пскова утром 10 июля повели наступление во всей полосе действий 4-й танковой группы и 16-й армии – от Идрицы до Псковского озера. Основной удар враг нанес на Лугу и Новгород.

На Лугу двинулся 41-й моторизованный корпус в составе четырех полнокровных дивизий – двух танковых, моторизованной и пехотной. Под ударом его наша 118-я стрелковая дивизия была отброшена на северо-запад к Гдову. Дорога на Лугу оказалась неприкрытой, и подвижные части врага устремились на север. Переброшенная сюда 90-я стрелковая дивизия в районе Струги Красные, Лудони попала под сосредоточенный удар танков и авиации противника и отошла назад. К исходу 11 июля войска 41-го

моторизованного корпуса достигли реки Плюссы и завязали бои уже с частями прикрытия Лужской оперативной группы Северного фронта.

Начались бои в предполье Лужского оборонительного сектора. С небольшими паузами они длились до конца месяца. 30 июля противник восточнее Луги все же вырвался к реке, но дальше продвинуться не смог и остановился, чтобы перегруппироваться и подтянуть резервы.

Убедившись в трудности прорыва на Ленинград через Лугу, гитлеровское командование изменило план действий 41-го моторизованного корпуса, повернув основные силы его на северо-запад. Скрытно, воспользовавшись устойчивой сухой погодой, танковые и моторизованные части этого корпуса лесными и проселочными дорогами двинулись в сторону Кингисеппа, имея своей задачей пробиться к Финскому заливу через Копорское плато. Враг, предварительно проведший с воздуха тщательную разведку на юго-востоке от Кингисеппа, рассчитал верно. К тому времени на правом фланге Лужского оборонительного рубежа почти не было наших войск, не было закончено и строительство позиций. Между соединениями имелись незащищенные участки шириной до 20 км. Наспех сформированные дивизии народного ополчения находились еще на пути к фронту. Задерживался и 10-й механизированный корпус, предназначенный для Лужской оперативной группы войск. 14 июля противник в нескольких десятках километров юго-восточнее Кингисеппа вышел к реке Луге, с ходу форсировал ее и захватил на правом берегу два плацдарма – один в районе деревень Ивановское и Поречье, другой – западнее Большого Сабека. Плацдармы эти стали ареной ожесточеннейших боев, которые длились здесь без перерыва целую неделю. Враг пытался расширить плацдармы и вырваться к железной дороге Нарва – Ленинград. Бойцы 2-й дивизии народного ополчения и курсанты Ленинградского пехотного училища имени СМ. Кирова сдержали натиск фашистов, численно превосходивших их в несколько раз.

В это же время развернулись бои и с 56-м моторизованным корпусом 4-й танковой группы, наступавшим на Новгород. Имея подавляющее преимущество в живой силе и технике, гитлеровцы 11 июля заняли Порхов, 13 июля – Сольцы и на другой день вышли к Шимску. До Новгорода оставалось каких-нибудь 40 км. Трудная для нас обстановка сложилась и на севере от Ленинграда. Карельская армия финнов прорвалась к северо-восточному побережью Ладоги и расчленила надвое нашу 7-ю армию. Над Выборгской группировкой советских войск нависла угроза удара с тыла.

Вот в каком положении очутился Ленинград в середине июля. Оно оказалось настолько тяжелым, что 14 июля главное командование Северо-

Западного направления в своем приказе войскам заявило, что над Ленинградом нависла прямая угроза вторжения врага».

На рассвете 10 июля начальника инженерного управления подполковника Бычевского вызвал командующий генерал Попов:

– О падении Пскова слышали? Чувствуете, как сразу осложнилась обстановка? Так вот, немедленно отправляйтесь в лужское предполье. Надо во чтобы то ни стало ускорить там постановку минных заграждений. Кстати, где у вас рота специального минирования?

– В Красногвардейске, товарищ командующий. В полной готовности. Радиостанция укрыта в парке.

– Радиостанцию держите там, а команду с приборами возьмите с собой. Лично организуйте постановку крупных фугасов в районах Струги Красные, Городище, Николаево. Немецкие танки могут подойти туда завтра.

– Товарищ командующий, в предполье уже поставлено много минных заграждений, и меня сильно беспокоит, как бы на них не подорвались войска нашего левого соседа.

Генерал Попов выругался и резко спросил:

– Мы же сообщили штабу Северо-Западного фронта зоны минирования?

– Сообщили. Но штаб-то у них, по-видимому, не имеет связи со многими отходящими соединениями.

– Тем более вам надо поспешить туда. А я тем временем передам генералу Пядышеву, чтобы он незамедлительно принял все возможные меры предосторожности...

12 июля 1941 г. генерал М. М. Попов фиксирует: «Немецко-фашистские войска, наступавшие вдоль шоссе Псков – Луга, вышли к переднему краю нашего предполья на пеке Плюссе и завязали бои с прикрывавшими его войсками. Теперь Северный фронт вел борьбу на двух диаметрально противоположных направлениях – на севере и на юге от Ленинграда. С этого дня начинается самая напряженная боевая деятельность войск...»

Как вспоминал генерал Бычевский, «командующий фронтом ненамного ошибся. Через день несколько танков, мотоциклисты и бронетранспортеры с пехотой противника перед рекой Плюссой у переднего края предполья, 483-й полк 177-й стрелковой дивизии и часть орудий Особой артиллерийской группы готовились встретить передовой отряд врага.

К вечеру меня вместе с другими начальниками родов войск вызвали в

Ленинград. Командующий собирался на доклад в Смольный к А. А. Жданову и только что прибывшему Главкому Северо-Западного направления К. Е. Ворошилову. Перед этим он хотел уточнить обстановку. (...)

Вот и на этот раз ему никак не сидится за столом. Слушая доклады, он размашисто прохаживается из угла в угол, нагнув красивую светловолосую голову, и только ненадолго останавливается у карты.

Сведения, которыми мы располагаем, не очень конкретны и часто противоречивы.

Командующий Лужской группой генерал-лейтенант К. П. Пядышев утверждает, что, по его мнению, через предполье пробивается передовой отряд танковой дивизии силой примерно в две роты танков и до батальона пехоты. Бои с этим отрядом идут на реке Плюссе.

У начальника артиллерии фронта генерал-майора В. П. Свиридова несколько иные данные. Ему сообщили, что подразделения 483-го стрелкового полка не выдержали натиска танков и уже отошли за Плюссу. В бою артиллеристы подбили двенадцать вражеских машин.

Командующий военно-воздушными силами фронта генерал-майор авиации А. А. Новиков докладывает, что летчики обнаружили в районе Струг Красных скопление автомашин и танков общим числом до двухсот единиц. Отмечено большое движение войск по дорогам от Пскова на Гдов и на Порхов.

– Чего стоит такая разведка? – сердится командующий. – Ни одного пленного, никакой документации... Чьи танки в Стругах Красных? Кто движется на Гдов? Вы, Петр Петрович, можете уточнить? – обращается он к Евстигнееву.

Начальник разведотдела развертывает свою карту:

– Из Пскова на Гдов с боями отходит сто восемнадцатая стрелковая дивизия Северо-Западного фронта. Разведчики, которых мы выслали в район боев, радируют, что против нее действуют первая и пятьдесят восьмая пехотные дивизии немцев. Обе они значатся в составе восемнадцатой армии.

– Но соединения восемнадцатой армии отмечены и в Эстонии. Выходит, она наступает по обоим берегам Псковского и Чудского озер?

– Должно быть, так, товарищ командующий.

– А к Луге кто рвется? Видимо, четвертая танковая группа Геппнера? Какие именно дивизии?

– Не могу доложить, – отвечает Евстигнеев. Генерал Никишев высказывает предположение, что главный удар танковой группировки

следует ждать на Лугу, откуда открывается прямой и самый короткий путь на Ленинград. Командующий с этим соглашается, но выражает недоумение, почему часть танков противника на полпути от Пскова до Луги повернула к Гдову. Может быть, оттого, что там в лесах есть дороги не только на Гдов, но и на Кингисепп? Недаром под Кингисеппом все время висит воздушная разведка немцев.

– А когда будет под Кингисеппом вторая дивизия народного ополчения? – спрашивает М. М. Попов.

Начальник штаба заверяет, что первые эшелоны дивизии ополченцев должны уже завтра выгрузиться на станции Веймарн в десяти километрах от своих позиций. Не забывает он сказать и о пехотном училище имени СМ. Кирова, которое уже заняло оборону по реке Луге у деревни Сабек.

Попов нервно трет большое родимое пятно на подбородке:

– Пехотное училище, конечно, сила! Сколько у него сейчас пушек?

– Генерал Пядышев выделил полковнику Мухину два дивизиона из артиллерийского училища, – докладывает Свиридов. – Больше нельзя. Основные силы артиллерийской группы надо сохранить под Лугой, товарищ командующий.

Попов опять возвращается к своей карте. Слабость войск на правом фланге лужского рубежа очевидна, хотя путь туда от шоссе Псков – Луга кажется длинным и из-за плохих лесных дорог малоудобным для моторизованных частей противника.

– Надо все-таки прикрывать направление Нарва – Кингисепп, – принимает решение командующий. – Перегруппируем сто девяносто первую стрелковую дивизию из Кингисеппа фронтом на юг. Отведем ей полосу: южнее Сланцев до озер Самро и Долгое, – показывает он на карте. – Товарищ Никишев, отдайте соответствующее приказание генералу Пядышеву... И завтра же следует контратаковать в предполье на Плюссе. Задача – отбросить противника за реку...

С тем Маркиан Михайлович и ушел в Смольный. А возвратившись оттуда уже ночью, приказал мне взорвать три тяжелых фугаса, заложенных в Стругах Красных. По данным разведки, минированные нами здания и дворы были заняты вражескими частями».

Главный маршал авиации А. А. Новиков день 12 июля 1941 г. запомнил во всех подробностях: «В этот день, во второй половине его, мне на стол положили донесение, в котором говорилось, что воздушная разведка обнаружила... фланговый маневр 41-го моторизованного корпуса генерала Рейнгардта в сторону Кингисеппа. Части его были замечены в нескольких десятках километров на северо-запад от шоссе Псков –

Ленинград – в районе селения Ляды. Если бы я не знал, что собой представляет правый фланг Лужского оборонительного рубежа, то, наверное, это неожиданное известие встревожило бы меня не столь сильно. Я, конечно, немедленно доложил бы о нем командованию фронта, но этим бы и ограничился. Теперь же счел необходимым сам проявить инициативу: немедленно приказал установить за противником постоянное воздушное наблюдение и тотчас докладывать мне о данных разведки. Одновременно распорядился взять под контроль и дорогу Псков – Гдов, по которой отступала наша 118-я стрелковая дивизия.

Неожиданный выход двух танковых и одной моторизованной дивизий врага в район Кингисеппа ставил наши войска в очень трудное положение. Вечером 11 июля из разговора с начальником разведывательного отдела фронта комбригом Евстигнеевым я узнал, что правый фланг Лужской оперативной группы мы не успели подготовить к обороне.

Петр Петрович был очень озабочен и даже, как мне показалось, растерян.

– Опять скверные известия? – спросил я.

– Да уж куда хуже! – угрюмо ответил Петр Петрович. – Сегодня командующий вливание сделал. Всем досталось: и мне, и Никишеву, и Тихомирову.

– Да в чем дело? – заинтересовался я.

– Требуется точные сведения о противнике. А где их взять в такой обстановке? В направлении Гдова замечены какие-то танки, там же оказались 1-я и 58-я пехотные дивизии немцев. А они из 18-й армии. Почему они очутились в полосе 4-й танковой группы? Ведь 18-я армия наступает в Эстонии. Разведка ничего толком сообщить не может, и пленных нет. А на правом фланге Пядышева почти голо: только курсанты пехотного училища да под Кингисеппом одна стрелковая дивизия. 2-я дивизия народного ополчения еще в эшелонах, на подходе. Попову все это не нравится, да и мне, признаться. Откуда там танки и чьи они? Кстати, летчики ничего подозрительного в районе Гдова не замечали?

– Пока нет, Петр Петрович. В случае чего я тотчас сообщу вам.

– Вы скажите летчикам, чтобы они были повнимательнее, – сказал в заключение Евстигнеев.

Предчувствие, тревожившее Попова, оказалось не напрасным. Мы едва не проворонили стремительный бросок 41-го моторизованного корпуса на правый фланг Лужской оперативной группы. Вырвись противник на Копорское плато, вся наша 8-я армия оказалась бы запертой в Эстонии, а Ленинград – под угрозой прямого удара не только с юга, но и с

запада.

Узнав о появлении танков и мотопехоты гитлеровцев в районе села Ляды, Маркиан Михайлович охнул. И было отчего. Командование фронта никак не ожидало, что противник отважится на столь сложный маневр, как почти 150-километровый рейд целого корпуса по бездорожью и через лес. Все твердо считали, что враг будет пытаться во что бы то ни стало взломать нашу оборону на наикратчайшей прямой к Ленинграду – под Лугой.

Сперва Попов даже усомнился в данных воздушной разведки.

– А не напутали летчики? – спросил командующий. – Может, танки им только померещились?

– Вряд ли, – ответил я. – Сведения поступили сразу от двух экипажей. Летчики ясно видели колонны танков и мотопехоты.

– А снимки есть?

– Я уже распорядился произвести фотографирование. Завтра утром проведем доразведку и сделаем снимки.

Доразведка подтвердила первые сведения и дала нам в руки новые ценные сведения. Выяснилось, что противник от Ляды повернул на север: танки пошли в обход озера Самро с запада, а мотопехота – с востока. Сомнений больше не было: немцы стремились обойти Лужский оборонительный рубеж в районе юго-восточнее Кингисеппа, затем частью сил вырваться к Финскому заливу, а другие соединения повернуть в сторону Ленинграда на Гатчину. И то и другое было для нас одинаково опасно».

Днем 13 июля командующий Северным фронтом вместе с начальником штаба прибыли в Смольный. «К. Е. Ворошилов, заслушав краткий доклад о событиях, происшедших за сутки, обратился к нам с вопросом, – свидетельствует М. М. Попов, – как мы расцениваем обстановку у нашего соседа в связи с тем, что немцы овладели Псковом и Островом и вышли к реке Плюссе. Вопрос для нас не был нов. Мы не раз уже обсуждали с Д. Н. Никишевым положение и перспективы развития событий в Эстонии, где 8-я армия была полностью отрезана от войск фронта и по существу действовала самостоятельно. Ее надо было подчинить или командующему Балтийским флотом, или нам. К. Е. Ворошилов полностью согласился с нашими предложениями и тут же высказал соображения о целесообразности передачи 8-й армии в состав Северного фронта. Его поддержали А. А. Жданов и М. В. Захаров. Мы не возражали. Хотя это переподчинение 8-й армии и возлагало на нас дополнительные хлопоты и заботы, но другого, более логичного решения быть не могло. Одновременно было решено передать в состав войск нашего

фронта 41-й стрелковый корпус Северо-Западного фронта, который после боев за Псков оторвался от своей 11-й армии и сейчас сосредотачивался в районе Гдова.

Директивой главкома, отданной в тот же день, 8-я армия включалась в состав Северного фронта, и на нас легла ответственность за оборону территории Эстонии, в том числе островов Моонзундского архипелага. К этому времени 8-я армия своими шестью до предела обескровленными дивизиями, насчитывавшими в своем составе 2500–3000 человек, с мизерным количеством техники, вела бои на фронте протяжением до 180 км – от Пярну на побережье Рижского залива и до западного побережья Чудского озера. Частью своих сил армия держала оборону острова Эзель.

Уже в первом донесении командующий 8-й армией генерал-лейтенант Ф. С. Иванов докладывал, что ведет бои с превосходящими силами противника, малочисленные дивизии армии обороняются на широких фронтах и между ними имеются большие промежутки. Никаких резервов армия не имеет. Он настойчиво просил дать ему пополнение людьми и техникой. В сложившейся обстановке оборона хотя бы северной части Эстонии имела для нас огромное значение потому, что с ее потерей мы лишались военно-морских баз и открывали врагу новое, кратчайшее направление на Ленинград – через Нарву и Кингисепп. Вместе с тем противнику предоставлялась бы возможность создать свои военно-морские и воздушные базы в непосредственной близости от Ленинграда и Кронштадта. Все это мы прекрасно понимали, но оказать в ближайшие дни какую-либо практическую помощь 8-й армии были просто не в состоянии.

В районе Лужской полосы обороны обстановка продолжала обостряться с каждым днем. В завязавшихся с утра 13 июля боях в полосе нашего предполья южнее Луги вражеские атаки уверенно отражались героическим сопротивлением как частей прикрытия, так и контратаками отдельных отрядов, выдвигавшихся с главной полосы обороны».

Что же касается 41-го стрелкового корпуса, переданного в подчинение командующему Северным фронтом, то он находился практически в дезорганизованном состоянии. В книге «1941 год – уроки и выводы» он характеризуется следующим образом: «Его войска, понесшие потери в предыдущих боях, были деморализованы, штабы и командиры растерялись и показали несостоятельность в управлении войсками».

Рано утром 14 июля командующий Северным фронтом выехал в Веймарн, заранее договорившись с начальником штаба, Ворошилова не будить, а лишь позднее доложить главкому об обстановке и принятых мерах. Описывая тот день, Маркиан Михайлович, как всегда, будет

предельно точен: «Когда 191-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся до этого по реке Нарве фронтом на запад, совершила перегруппировку, чтобы прикрыть с юга направление на Кингисепп до подхода к реке Луге частей 2-й ДНО, гитлеровские танки и мотопехота вышли к реке у Поречья, переправились через нее и захватили плацдарм с большим селом Ивановским. Узнав о столь неприятном событии и обсудив с Д. Н. Никишевым наши возможности, мы решили срочно направить под Веймарн танковый батальон Бронетанковых курсов усовершенствования комсостава из района Красного Села (марш около 100 км), всемерно форсировать перевозки 2-й ДНО, потребовать от начальника инженерного управления подать в тот район как можно больше противотанковых мин и колючей проволоки, а также направить туда ближайший саперный батальон. Командующему ВВС мы приказали вести непрерывную и тщательную разведку всех маршрутов, ведущих к Кингисеппу и Веймарну с юга, и при обнаружении колонн противника немедленно высылать на них бомбардировщиков.

Проинформировав К. П. Пядышева о наших решениях, мы потребовали от него принятия всех мер для ликвидации этого первого немецкого плацдарма на реке Луге с привлечением имеющихся вблизи частей и первых эшелонов дивизий народного ополчения. (...)

По дороге мы с трудом обогнали танковый батальон, двигавшийся на очень больших скоростях, и вскоре въехали в Веймарн, где продолжались пожары, вызванные недавней бомбежкой, произведенной вражескими самолетами. Как выяснилось, гитлеровцы, очевидно заметив выгрузку эшелонов 2-й ДНО, бомбили станцию. На южной окраине небольшого города повстречались с уже прибывшим сюда К. П. Пядышевым и командиром дивизии ополченцев Н. С. Угрюмовым. Он в очень мрачных тонах обрисовал положение дел в дивизии. Из кадровых офицеров у него были только командиры полков и несколько командиров батальонов. Ротные и взводные командиры – в подавляющем большинстве призванные из запаса, прошедшие подготовку на военных кафедрах гражданских вузов, никакого опыта в командовании подразделениями не имели. Боевая слаженность частей и подразделений низкая, так как времени на обучение было очень мало. Первый эшелон дивизии при выгрузке попал под бомбежку, имеется много убитых и раненых, что отрицательно сказалось на настроении людей. Взвесив все эти данные и, конечно, подбодрив командира дивизии, мы решили начинать атаку только после прибытия танков и развертывания на огневых позициях заканчивавших выгрузку двух артиллерийских дивизионов. В то же время мы рекомендовали

К. П. Пядышеву немедленно возвращаться в свой штаб, так как еще неизвестно, что может принести сегодняшний день на других участках Лужской полосы обороны. Затем подождали, пока подойдут и развернутся танки и артиллерия, и, убедившись в том, что все готово и взаимодействие организовано, разрешили командиру дивизии начать наступление. Наблюдать за боем мы приготовились с небольшого бугорка, поросшего кустарником, откуда хорошо просматривалось Ивановское. В назначенное время бомбардировщики ВВС фронта и Балтфлота как будто хорошо "обработали" плацдарм, и после короткой артиллерийской подготовки наши танки пошли в атаку. Пехота же, сперва двинувшаяся за ними, встреченная пулеметным огнем, залегла недалеко от окраины села: сказались необученность и необстрелянность дивизии народного ополчения».

Под Кингисеппом подполковник Бычевский застал маршала Ворошилова и генерала Попова: «Они стояли за пригорком, всего в пятистах метрах от окраины села Ивановское, занятого противником. Ополченцы развернулись в цепь. Их первая попытка контратакой освободить село окончилась неудачей.

Теперь шел огневой бой. Наши снаряды ложились в центре Ивановского, избы горели. Ветер временами доносил оттуда клубы дыма. В бинокль можно было разглядеть, как за изгородями на окраине передвигаются вражеские танки. Вспышки выстрелов выдавали их. (...)

А Ворошилов в это время отчитывал Попова за плохую организацию артиллерийского огня:

– Какое же это обеспечение контратаки? Бьют по пустому месту, хаты жгут, а немцы уже на окраину вылезли!

– Из эшелонов только что выгрузились, товарищ маршал, – объяснял командующий фронтом. На случайных огневых позициях встали, разведки провести не успели.

– Так потрудитесь хоть теперь разобраться в обстановке. Выбить противника из села надо до ночи, пока еще он не закрепился. Сейчас там, видимо, только разведгруппа. Захватила броды на Луге и пустое село, пока вы дивизию выгружали. А ночью непременно подвоят главные силы.

Попов пошел к танкистам и вдруг сам решил боем разведать силы противника. Ворошилов не успел остановить его, только махнул рукой и выругался:

– Вот черт!..»

Командующий Северным фронтом остановил проходящий мимо танк, забрался в него через люк и вдоль опушки направился в сторону села

Ивановское. И чем ближе боевая машина подходила к опушке леса, тем все больше прояснялась картина: «Нашей пехоты между лесом и селом не было. Она отползла на опушку, откуда и вела огонь. Танки вели единоборство с вражескими противотанковыми пушками и танками. Несколько наших танков уже горело. Вдруг, совершенно неожиданно для себя, я ощутил сильный, какой-то металлический удар по башне танка, от которого посыпалась внутренняя краска. Вслед за этим последовал второй такой же удар. "Бьет бронейными", – закричал мне командир танка, сидевший на месте стрелка-радиста. "Давай задний ход", – ответил я ему. Но пока механик-водитель переводил рычаг скоростей и танк успел двинуться назад, мы получили еще третий снаряд в башню танка, так же как и первые два, не пробивший броню нашей тридцатьчетверки. Невдалеке от бугорка, где находился К. Е. Ворошилов, наша машина, продолжавшая двигаться задним ходом, попала в большую воронку от авиабомбы, мне пришлось покинуть танк и добираться до бугорка пешком».

Генерал Попов вылез из башни пошатываясь.

– Ты что, с ума спятил? Если в разведку ходить станешь, кто будет фронтом командовать? – сердито упрекнул его маршал Ворошилов.

«Трудно было предложить что-либо конкретное в данную минуту, – думал командующий фронтом. – Соседняя справа кадровая 191-я дивизия с минуты на минуту может подвергнуться удару. Слева пехотное училище обороняется на широком фронте и уже отражает попытки неприятеля захватить плацдарм у Сабека. Оставалось единственное решение – прекратить наши бесплодные атаки, отвести танковый батальон на опушку леса и, оставив при нем небольшое прикрытие из ополченцев, обязать его парализовать попытки противника к дальнейшему развитию плацдарма. Конечно, оборона танков ночью – это очень сложная для них задача, но пока другого выхода не было. Артиллерийский полк 2-й ДНО, к счастью, оказался наполовину кадровым, поэтому от него тоже можно было потребовать выдвижения отдельных орудий от каждой батареи для ведения огня прямой наводкой непосредственно на передний край, и тем самым относительно надежно прикрыть на ночь ополченцев, привести последних в порядок, а затем уже с командирами частей и подразделений подвести итоги первого боевого дня и решить, что делать дальше...»

Выслушав соображения генерала Попова, маршал Ворошилов уехал в Ленинград. Командующий же Северным фронтом остался для принятия решения на следующий день. Короткая, бессонная ночь, а под утро встреча с командиром 2-й дивизии народного ополчения. Из его доклада результаты

вчерашнего боя были очень неутешительными: «После небольшой артиллерийской подготовки, когда танки по условленному сигналу пошли в атаку на Ивановское, пехота 2-й ДНО поднялась и двинулась за ними, но, попав под сильный пулеметный и автоматный огонь, залегла. Потом, после повторных вызовов артогня, командирам удавалось еще несколько раз поднимать стрелков в атаку, но каждый раз она захлебывалась под непрекращавшимся огнем пулеметов и автоматов. В результате пехота отползла назад к опушке леса, забрав раненых.

Потери убитыми и ранеными были очень большими, и вряд ли сегодня дивизия смогла бы возобновить наступление».

Непривычно долго оценивая обстановку, генерал Попов принимает следующее решение: «командиру дивизии перейти к обороне по опушке леса», а подполковнику Бычевскому – «как можно плотнее заминировать этот участок и установить надежные проволочные заграждения». Затем он выезжает в Ленинград, до которого от Веймарна 120 км. Нужно было спешить на Дворцовую, в связи с резким обострением обстановки на петрозаводском направлении.

Пока войска Северного фронта отражали удары 41-го моторизованного корпуса противника под Кингисеппом и Лугой, 11-я армия Северо-Западного фронта 14 июля предприняла контрудар по сходящимся направлениям: с севера и с юга по 56-му моторизованному корпусу, наступавшему на Новгород. Для поддержки и прикрытия советских войск были привлечены три авиадивизии Северо-Западного фронта, одна дивизия Северного фронта и 1 – й дальний бомбардировочный авиакорпус. В результате контрудара противник понес значительные потери и был отброшен в западном направлении до 40 км. 8-я же танковая дивизия немцев попала в окружение, но с огромными потерями сумела вырваться из котла.

Не менее успешно сражались войска 8-й армии, переданной в состав Северного фронта только 13 июля. Обороняясь на таллинском направлении, ее соединения и части успешно отражали попытки врага прорваться вперед.

В результате больших потерь немецкое командование остановило наступление на Ленинград до подхода основных сил 18-й армии к Луге. Контрудар же 11-й армии Северо-Западного фронта лишь на время устранил угрозу прорыва противника к Новгороду. 19 июля советские войска перешли к обороне, а к 27 июля с боями отступили на подготовленные позиции Лужского рубежа.

«Это обстоятельство совершенно оголило левый фланг»

Уже на Дворцовой начальник штаба фронта доложил командующему: «Финны стремятся выйти к северо-западному побережью Ладожского озера, а находящиеся здесь наши части не в состоянии остановить этот натиск врага. 16 июля финны вышли к Ладожскому озеру и тем самым разрезали наши войска на две части».

Его решение было, как всегда, взвешенным: «Пришлось 168-ю сд 7-й армии... передать в подчинение командующего 23-й армией генерала П. С. Пшенникова, потребовав от него пристального внимания своему правому флангу».

Вспоминая пережитое, генерал Попов подчеркнет очевидное: «Итак, плацдармы под Веймарном и в районе Б. Сабека, разгоревшиеся бои в предполье на реке Плюссе, южнее Ленинграда, выход финнов к Ладожскому озеру севернее города ставили командование фронта в очень затруднительное положение». При этом резервов почти не было. А значит, нужно «было придумывать, комбинировать и изобретать, надо было на карту ставить все, чем мы располагали, чтобы отстаивать пока еще на дальних подступах Ленинград. В нашем распоряжении имелись отдельные части, заканчивавшие формирование и элементарное обучение: это противотанковый истребительный полк, отдельные механизированный и мотоциклетный и, наконец, запасный полк, которые мы бы могли перебросить на петрозаводское направление для помощи командующему 7-й армией. Могли бы мы, конечно, помочь ему в какой-то мере и авиацией, и кораблями Ладожской военной флотилии. Эти предложения я доложил К. Е. Ворошилову.

Между тем финские войска, прорвавшись к Ладожскому озеру и развивая свое наступление на Олонец и Петрозаводск, одновременно вели настойчивые атаки по правому флангу 23-й армии, оборонявшей Карельский перешеек, постепенно вытесняя ее с небольшого промежутка между госграницей и Ладожским озером. Здесь бои носили очень упорный характер.

Наши контрудары на петрозаводском направлении начались 23 июля и имели вначале некоторый успех, но затем войска выдохлись и после ряда безрезультатных атак стали закрепляться на достигнутых рубежах. Наступление финнов было тем не менее приостановлено, что позволило

нам после подхода из резерва Ставки 272-й сд и переброски в район боев из Ленинграда 3-й ДНО возобновить наши контрудары, которые нанесли большие потери финским войскам и ослабили их натиск».

Вряд ли мы сегодня можем даже представить себе, как трудно было командующему Северным фронтом в те жаркие летние дни 1941-го. Трудно и морально, и физически. Огромная ответственность, помноженная на бессонные ночи и бесконечный поиск наиболее верного решения в неимоверно сложных условиях военных действий на двух направлениях. Когда над тобой кроме Ворошилова еще и Ставка. А это значит – Генштаб и сам Сталин! Но именно в тех условиях командующий Северным фронтом всегда оставался самим собой. За это его и любили, и уважали. Факт, встречающийся на войне нечасто. Например, главный маршал авиации А. А. Новиков в своих мемуарах не однажды подтвердит эти слова: «Маркиан Михайлович, будучи командующим фронтом и одним из немногих руководителей, прямо ответственных за судьбу Ленинграда, даже в самые тяжкие времена был всегда выдержан, деловит, никогда не дергал людей. Это в нем нравилось мне, и потому все его устные приказы, большей частью выраженные в форме просьбы, я воспринимал не только умом, но и сердцем».

Пока решался вопрос о реорганизации Лужской оборонительной полосы в три самостоятельных участка (Кингисеппский, Лужский и Восточный), арестовали заместителя М. М. Попова – генерал-лейтенанта К. П. Пядышева. 21 июля ему предъявили постановление на арест, в котором говорилось, что он подозревается в преступной деятельности, предусмотренной ст. 58–10, ч. 1 УК РСФСР. А 17 сентября, на суде, Константин Павлович Пядышев будет признан виновным в том, что допускал в 1937 г. среди своих знакомых, а в 1940 – в письмах к жене, антисоветские суждения об отдельных мероприятиях партии и правительства. Талантливого военачальника осудят на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5.

Известно, что в конце июня 1943 г. маршалы Василевский и Воронов обратятся с ходатайством к прокурору СССР о скорейшем освобождении Пядышева, как ценного военачальника. Однако их обращение останется без ответа, а сам Константин Павлович скончается в лагере 15 июня 1944 г.

В своей биографической книге «Мой лейтенант» известный писатель Д. Гранин вспомнит добрым словом и генерала Пядышева: «Где-то посреди августа пришлось все же покинуть Лужские укрепления. От нашего полка осталось сотни полторы, может меньше. Укрепления были отличные. Когда их успели сделать, не знаю. Окопы в полный профиль обшиты досками. С

пулеметными гнездами. Землянки в три-четыре наката. Эти укрепления сберегли нам много жизней. Потом оказалось, что того, кто их построил, генерала Пядышева, отдали под трибунал...»

А тем временем время перехода в наступление группы армий «Север» откладывалось пять раз с 22 июля до 6 августа. Оценивая обстановку, командующий Северным фронтом считал, что «скоро следует ожидать сильного нажима противника на кингисеппском направлении; туда перегруппировываются главные силы 4-й танковой группы Геппнера, – пишет Бычевский. – А когда я поинтересовался, намечается ли усиление этого участка, он только нахмурился и пожал плечами. Начальник артиллерии фронта согласен с тем, что артиллерийских средств под Кингисеппом недостаточно, но ничего не добавляет: неоткуда взять – нет резервов».

И действительно, как свидетельствует главный маршал авиации А. А. Новиков, «к 8 августа гитлеровцы закончили перегруппировку своих сил. Для нового наступления на Ленинград были созданы три группы войск. В северную, наиболее мощную, вошли соединения 41-го моторизованного и 38-го армейского корпусов – две танковые, одна моторизованная и две пехотные дивизии. Эта группировка развернулась на участке Кингисеппского сектора. Лужская группировка состояла из трех дивизий 56-го моторизованного корпуса и 8-й танковой дивизии, находившейся, как выяснилось позже, в резерве командующего группой армий "Север". Она наступала на Ленинград с юга вдоль Лужского шоссе. Южная (28-й и 1-й армейские корпуса, всего шесть пехотных и одна моторизованная дивизии) действовала на новгородско-чудовском направлении. Ей была поставлена задача ворваться в Ленинград с востока. В Эстонии нашей 8-й армии противостояли пять дивизий 18-й немецкой армии.

В 10 утра 8 августа в Кингисеппском секторе загромыхали вражеские орудия. Первыми с плацдармов у Ивановского и Большого Сабека ринулись в наступление подвижные соединения – танки и мотопехота. Враг имел здесь 15-кратное превосходство в танках и полуторное в артиллерии. Но, несмотря на такое преимущество в боевой технике, немцы продвинулись вперед лишь на несколько километров.

На другой день Попов приказал отбросить врага за реку Лугу. Маркиан Михайлович понимал, конечно, что при почти полном отсутствии у нас танков и недостатке артиллерии задача эта невыполнима. Но нужно было продержаться на исходных рубежах до подхода резервов, спешно перебрасываемых в район боев. В тот день рано утром командующий

фронтом позвонил мне по телефону и спросил, какую помощь войскам Семашко могут оказать летчики.

– До подхода резервов, – сказал Попов, – вся надежда на авиацию. Нацельте на плацдарм все, что можете.

Но могли мы немного. ВВС 23-й армии в это время вели бои со 2-м армейским корпусом Юго-Восточной армии финнов, прорвавшим нашу оборону на Карельском перешейке. Главные силы 2-й бомбардировочной дивизии поддерживали войска правого крыла Северо-Западного фронта, морская авиация – 8-ю армию в районах Таллина и Нарвы. Кроме того, один бомбардировочный полк балтийцев для выполнения специального задания Ставки улетел на остров Сарема (Эзель) Моонзундского архипелага. Под рукой у нас были только 39-я иад и 7-й иак. Но полностью использовать авиацию ПВО мы не могли – нужны были силы для отражения вражеских налетов на Ленинград, прикрытия тыловых объектов и коммуникаций фронта.

Я задумался: как быть? И погода не благоприятствовала полетам, и авиации не хватало. Оставалось одно – так сманеврировать авиацией, чтобы и приказ Попова выполнить, и не ослабить прикрытия наших войск на других участках фронта. Но как и за счет чего сманеврировать? Логика подсказывала единственное решение: временно привлечь к сражению в районе плацдармов всю 2-ю и часть сил 5-й смешанных авиадивизий. Хотя решение было рискованным, но иного выхода я не видел. Правда, под Лугой и на новгородском направлении немцы пока молчали, но они могли нанести там удары в любую минуту. Однако не держать же бомбардировщики в бездействии, когда на другом участке немцы лезут напролом! Я позвонил полковнику П. П. Архангельскому и приказал ему немедленно готовить полки дивизии для нанесения удара по танкам и мотопехоте противника в районах Ивановского и Большого Сабека.

С 5-й сад полковника Е. Е. Ерлыкина дело обстояло сложнее. Его летчикам хватало своих забот на Карельском перешейке. Конечно, можно было изъять у него часть сил, но это вызвало бы справедливые протесты со стороны командования 23-й армии. Поэтому, образно говоря, я решил обезопасить свой тыл – связался с Поповым и сказал, что для усиления воздушных ударов по северной группировке противника придется перенацелить на кингисеппское направление один из авиаполков дивизии Ерлыкина, а именно 7-й иап, в основном выполнявший функции штурмового. Я сказал, что поскольку сама местность на перешейке способствует обороне, а танков у финнов очень мало и истребители там нужны главным образом для борьбы с вражеской авиацией, то временное

ослабление ВВС 23-й армии особых осложнений в ее положении не вызовет.

– Для Герасимова двадцать "чаек" не столь уж и существенная потеря, – сказал я в заключение, – а для Семашко – это сила. В 7-м иап, товарищ командующий, мастера штурмовых ударов. Они отлично дрались с танками на Лужской полосе в июле, не подведут и сейчас.

Попов согласился с моими доводами. Бомбо-штурмовыми ударами нам удалось приостановить вражеские танки. Тогда немцы бросили в район плацдармов крупные силы авиации. С 10 августа здесь начались настоящие воздушные сражения».

Сам командующий оценивал обстановку тех дней более критично: «Все, что только было можно, что было в какой-то степени боеспособно, мы направили в этот район боев. Однако наши контратаки и контрудары, безусловно задерживая противника, не могли решить основной задачи – полного его разгрома. Враг настойчиво рвался к Ленинграду, вводил все новые и новые войска, мы же ему противопоставляли наспех созданные дивизии народного ополчения».

Целых три дня части 90-й стрелковой дивизии, 2-й дивизии народного ополчения и остатки отряда курсантов пехотного училища, поддержанные артиллерией, сдерживали натиск 4-й танковой группы Геппнера. Начальник оперативного отдела штаба 6-й танковой дивизии в своем докладе наверх откровенно назовет причины неудачного наступления:

«1. Прочность вновь оборудованных русских позиций, масштаб которых оказался для нас неожиданным и неизвестным, причем основной их район лежал в полосе наступления дивизии. Несколько противотанковых рвов, заграждения всех видов, бесчисленные мины, ДОТы из толстых бревен или из бетона, часто вооруженные мелкокалиберными автоматическими пушками, связанные друг с другом колючей проволокой, превратили эту линию в заболоченном лесу в усиленную позицию вроде так называемой "линии Сталина". Эти позиции создавались все-таки с начала войны, как нам позже рассказали местные жители.

2. Неприятель полностью осознавал значение этой схватки. Дивизии противостояли войска, составленные отчасти из ленинградских гражданских лиц, которые компенсировали недостаточную обученность еще большим ожесточением.

3. Причину тактической неудачи наступления дивизии 8 августа следует искать, в первую очередь, в том, что, как было установлено впоследствии, противник в этот самый день в полуполуденные часы

намеревался провести мощное наступление на участке дивизии. В ночь с 7 на 8 августа противник был специально усилен артиллерией и пехотой и предпринял перегруппировку, о которой командование дивизии утром 8 августа еще не смогло узнать. Поэтому боевое применение дивизии уже не соответствовало в полной мере сложившемуся положению дел. Главный удар пришелся против главного удара. Шок от полученного отпора и от немалых потерь был чувствительным».

К слову сказать, наступление 4-й танковой группы с плацдармов на реке Луге у деревни Ивановское и Большой Сабек началось без поддержки с воздуха. Сложные метеоусловия и проливной дождь помешали немецкой авиации подняться в воздух.

Следующее наступление противника было проведено 11 августа...

А тем временем еще больше осложнилась обстановка в Эстонии. Командующий Северным фронтом зафиксировал в дневнике: «Прорвав оборону малочисленных сил 8-й армии, противнику удалось разрезать ее боевые порядки, выйти к Финскому заливу и вынудить 11-й корпус отойти на Нарву, а 10-й – на Таллин, еще не подготовленный к обороне.

Возникло естественное беспокойство за основную базу Балтфлота. (...)

Против Лужского участка обороны противник, постепенно накапливая силы, приступил к более активным и решительным действиям в полосе предполья, преодолел его и 11 августа прорвал оборону 177-й сд, оборонявшей основное направление – шоссе Псков – Ленинград. Этому направлению мы уделяли особое внимание. Мне пришлось бывать там не один раз, проверяя ход оборонительных работ. (...)

К счастью, бои под Лугой приняли упорный и затяжной характер. Части 177-й дивизии, которой командовал очень опытный и храбрый полковник А. Ф. Машонин, при поддержке 10-го мехкорпуса и сводной артиллерийской группы полковника Г. Ф. Одинцова изматывали и изнуряли противника, наносили ему большие потери и упорно удерживали рубежи в глубине своей обороны».

Тем не менее, как выразится генерал Бычевский, «оборона на этом фланге лужской полосы все еще напоминала тонкую нить».

«На плацдармах у Ивановского и Сабека по ночам слышен шум моторов, – свидетельствует начальник инженерного управления фронта. – Над кингисеппским сектором с рассвета дотемна идут воздушные бои. Гитлеровцы часто бомбят станцию Веймарн, где выгружаются надолбы и бетонные блоки.

Разведчики 2-й дивизии народного ополчения взяли в плен несколько

солдат с документами. Пленные показали: к плацдармам подошла 36-я моторизованная дивизия.

Все говорит за то, что пауза вот-вот кончится. 8-я армия разрезана на две части: одна ведет бои под Таллином, другая отходит к Нарвскому перешейку. Нам переподчинили ее в этот критический момент. Судя по донесению, которое прислал в штаб фронта новый командующий армией генерал-лейтенант П. С. Пшенников, его войска уже не в силах сдерживать противника. Слишком велики потери людей и техники.

Ознакомившись с этим донесением, командующий фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов приказал мне немедленно браться за создание оборонительных рубежей от Копорского залива на Кипень до Петергофа.

– Восьмая армия будет отходить? – спросил я.

– Пшенникову приказано держаться, – резко ответил Маркиан Михайлович. – Но надо быть готовым прикрыть с суши район береговых батарей Балтийского флота на южном побережье залива...

В связи с этим тридцать тысяч ленинградцев начали строить еще один рубеж – на Копорском плато».

Заново переживая накал страстей тех дней, главный маршал авиации А. А. Новиков напишет: «Сейчас, обращаясь к минувшему, я только диву даюсь, как в такой обстановке мы, авиаторы, выходили из положения! Удары сыпались на нас со всех сторон. Порой мы не знали, где в первую очередь отражать их, куда прежде всего нацеливать авиацию. Всюду, особенно на юго-западе от Ленинграда, положение наших войск было опасным и трудным».

«Командующий фронтом М. М. Попов и член Военного совета А. А. Кузнецов все время в войсках: то во 2-й дивизии народного ополчения, то у Мухина, то у командующего кингисеппским сектором генерал-майора В. В. Семашко, – вспоминает генерал Бычевский. – Еще 9 августа Попов решил остановить немцев контрударом. Для этого он усилил кингисеппский сектор только что сформированной 4-й дивизией народного ополчения и одним полком 1 – й танковой дивизии.

Но штабу сектора потребовалось около суток на подготовку контрудара, а к тому времени две танковые, две пехотные и одна моторизованная дивизии противника вклинились в нашу оборону и стали охватывать большой район. 4-я дивизия народного ополчения оказалась втянутой в тяжелый оборонительный бой вместе с училищем имени СМ. Кирова.

К вечеру 11 августа части перемешались, связь нарушилась, и началась та путаница, которая называется потерей управления войсками.

М. М. Попов и А. А. Кузнецов приехали к генералу В. В. Семашко ночью. Между ними произошло довольно тяжелое объяснение. Я застал уже конец этого неприятного разговора. Речь шла о вводе в бой еще одной только что сформированной 1-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Валентин Владиславович Семашко, худощавый генерал лет пятидесяти, был взвинчен до крайности, глаза воспалены. Нервничали и его собеседники. Кузнецов, видимо отвечая на какую-то реплику командующего сектором, резко выговаривал ему:

– Поймите, товарищ Семашко, это рабочие Ленинграда назвали дивизию гвардейской. От вас и вашего штаба зависит умелое использование ее, а драться рабочие будут насмерть, на это можете положиться.

– Алексей Александрович, – возражает Семашко, – я не хочу бросить тень на рабочих людей! Но эта дивизия сформирована всего три дня назад. Она не имеет ни капли боевого опыта, совсем не обстреляна. К тому же ей еще идти до нас сорок километров, а мне уже дают приказ осуществить контрудар. Да ее сразу разгромят танки. Так получилось с четвертой дивизией полковника Радыгина... Мы вводим в бой необученные дивизии с ходу и по одной.

Кузнецов нетерпеливо прерывает его:

– Необученные, необстрелянные... А кто же целый месяц сдерживает врага на лужской позиции, как не народные ополченцы? Кто за один сегодняшний день поджег полсотни танков? Братя Ивановы и другие рабочие с мясокомбината. Тоже необстрелянные, а бутылками с горючей смесью действуют, как заправские истребители. Так же и Фирсов, и Васильев, и Кочетов... Других дивизий, товарищ Семашко, нам взять неоткуда. Извольте управляться с теми, какие есть. Но дорогу Кингисепп – Волосово враг не должен перерезать. Это категорическое требование Военного совета.

Генерал Попов прекращает горячий разговор:

– Принимайте меры, товарищ Семашко, к локализации прорыва. Немедленно выдвигайте туда четырнадцатую артиллерийскую противотанковую бригаду Лебедева и вообще всю артиллерию. За этим заслоном поставьте танки Баранова. Ими и прикройте в бою первую гвардейскую дивизию. Кстати, сколько у Баранова осталось танков?

– Не больше пятидесяти, – отвечает Семашко. – А у немцев около двухсот. Баранов считает, что дня через два он может остаться вовсе без танков.

– Пусть танки дерутся из засад. Где выгодно, используйте танки как

неподвижные огневые точки... Поезжайте сами в войска и лично организуйте подготовку контрудара. Товарищ Кузнецов прав, упрекая штаб сектора в медлительности. А мы сейчас выедем навстречу дивизии Фролова, ускорим ее движение. Но имейте в виду, дивизию неизбежно придется вводить в бой завтра.

– Слушаюсь! – Семашко смотрит на часы и качает головой. – Скоро уже рассвет. – Потом одевается и выходит из землянки.

Попов шагает из угла в угол, нервно хрустит пальцами.

– Всю четвертую танковую группу стянули сюда, мерзавцы. Тут, пожалуй, два раза по двести танков будет.

Доходит очередь и до меня. Командующий фронтом и член Военного совета требуют форсировать строительство укреплений за железной дорогой на случай отхода войск за нее.

– Какие потери среди строителей? – спрашивает Кузнецов.

– Сегодня около тридцати убитых и раненых. На линии Керстово – Лялицы – Выбеги немцы проводят по несколько бомбардировок в день.

– Вся станция Молосковицы забита у нас бетонными надолбами и деталями, – недовольно замечает Кузнецов. – Быстрее надо вывозить их на рубежи.

Докладываю, что два крана разбиты бомбами, крановщиков ранило, замены пока нет, поэтому приходится работать вручную. Командующий показывает мне на карте:

– Выдвигайте вперед саперов, организуйте подвижные отряды заграждений, как под Лугой. Что у вас есть под руками?

– Только запасной батальон. Все саперные и даже понтонные части оказались втянутыми в бои.

– Берите людей, откуда хотите, а завтра чтобы здесь были подвижные отряды заграждений, – сухо приказывает командующий.

– Что сейчас делается в Кингисеппском укрепрайоне, товарищ Бычевский? – спрашивает Кузнецов.

– Там бойцы двух артиллерийско-пулеметных батальонов вместе с рабочими командами укрепляют оборону в промежутках между узлами сопротивления: роют окопы, ставят проволочные и минные заграждения.

– Да, – вспоминает Кузнецов и обращается к командующему: – Вчера у меня был разговор с комендантом укрепрайона майором Котиком. Артиллерии, говорит, мало, со связью плохо. Вооружение дотов слабое – одни пулеметы, и амбразуры неудачны – фронтом.

Только к Нарве, на запад. Просит пехоту для круговой обороны. Попов опять хрустит пальцами:

– Знаю, Алексей Александрович. Один полк ополченцев от Радыгина генерал Семашко уже послал туда. Если фашисты вздумают обходить Кингисеппский укрепленный район, пошлем на помощь бригаду морской пехоты. Сто девяносто первая стрелковая дивизия Лукьянова тоже остается там. Но сейчас главное – здесь сдержать удар».

Но пока сдерживали врага на одних участках, он настырно прорывался на других. Так, 13 августа немцы прорвали оборону 48-й армии Северо-Западного фронта на новгородском направлении. Причем решающую роль в этом сыграл подробный план обороны ее 128-й стрелковой дивизии (минные поля, ложные позиции, артиллерийские и пулеметные гнезда, основные узлы сопротивления и распределение сил между различными участками обороны), оказавшийся в руках противника. В ночь с 16 на 17 августа соединения 48-й армии начали отходить в направлении Ленинграда.

Командующий Северным фронтом фиксирует: «В дни тяжелых и напряженных боев на территории Эстонии, на кингисеппском и лужском направлениях, на Карельском перешейке немцам удалось прорвать оборону правого крыла Северо-Западного фронта (48-й армии) и 16 августа овладеть западными районами Новгорода.

Это обстоятельство совершенно оголило левый фланг Лужского участка обороны, а следовательно и всего фронта.

Понимая все значение для обороны Ленинграда кингисеппского направления, мы принимали все меры для усиления этого направления и сосредоточивали туда все, чем тогда располагали. Сюда откатывался 11-й корпус вместе с управлением 8-й армии. Надо было навести там элементарный порядок. Не один день вместе с А. А. Кузнецовым мы провели у командующего Кингисеппским участком обороны генерала В. В. Семашко, разбираясь в боевых делах, давая указания и распоряжения. Бои там носили исключительно ожесточенный характер. Но превосходство врага в силах, особенно в технике, обеспечивало ему преимущество. В результате многодневных боев нам удалось вывести оставшиеся части 8-й армии из Эстонии на побережье Финского залива и удержать за собой часть побережья Финского залива в районе Ораниенбаума, а войска Кингисеппской группы с боями отвести на Красногвардейскую оборонительную позицию, которая к этому времени была достаточно укреплена и в какой-то степени занята войсками».

Со слов главного маршала авиации А. А. Голованова, «последняя декада августа была драматической. События на фронте разворачивались в эти дни столь стремительно, были столь остры, что даже у самых крепких и

стойких людей не раз обрывалось сердце». Судите сами: «19 августа передовые части противника завязали бои на внешнем оборонительном обводе Красногвардейского укрепленного района. 20 августа фашисты ворвались в Чудово и перерезали Октябрьскую железную дорогу. Южная группировка гитлеровцев, усиленная вскоре 39-м моторизованным корпусом, двинулась вдоль шоссе на Ленинград. С воздуха ее поддерживал 8-й авиакорпус ближнего боя. В этот день немцы в районе Толмачево вышли к железной дороге Луга – Гатчина».

20 августа в Смольном прошло собрание партийного актива.

– В ближайшие дни вероятны крупные налеты вражеской авиации на городские кварталы, – с тревогой в голосе сказал на нем А. А. Жданов.

По свидетельству очевидца уходили с этого собрания «полные дум о спешных делах».

А 23-го директивой Ставки ВГК № 001199, в целях удобства управления, Северный фронт будет разделен на два: Карельский фронт и Ленинградский фронт, с подчинением последнего Ставке. Ленинградский фронт под командованием генерала Попова оставался в составе трех армий (23, 8-й и 48-й), а также Красногвардейского УР, Копорской и Южной оперативных групп и всех частей и учреждений в границах Ленинградского фронта.

Но и это не все. Неожиданно для командующего от работы освободили начальника штаба фронта вместе с заместителем. Говорят, они вызвали гнев маршала Ворошилова своей нерасторопностью. В этой должности генерала Д. Н. Никишева сменил полковник Н. В. Городецкий... Бывший начальник штаба 23-й армии, хоть и слыл хорошо подготовленным, эрудированным, с масштабным видением работником, тем не менее ему требовалось время, чтобы «врасти в обстановку» и сработаться с командующим. Но на это времени уже не было. Как свидетельствует Бычевский, «ему трудно было сразу охватить весь огромный объем работы. А ведь как раз в эти дни решалась судьба Лужской группы войск».

«В кабинете чуть-чуть пахло валерьянкой»

25 августа немцы возобновили свое наступление на Ленинград из района Чудово и в тот же день захватили железнодорожную станцию Любань, что находится в 83 км от северной столицы. Для командующего фронтом начинались самые напряженные дни за весь период обороны города. Об этом можно судить хотя бы по записи переговоров по прямому проводу (аппарат БОДО^[1]) генерала Попова со Сталиным, с Василевским и с Жуковым.

«26 августа 1941 г.

У аппарата СТАЛИН.

Скажите коротко, что у вас делается в районе станции Любань.

ПОПОВ. Докладываем:

1. Переданная несколько дней назад в мое распоряжение 48-я армия, несмотря на некоторую нашу помощь, вчера, 25 августа, утром на участке Чудово, Любань оставила Московское шоссе и отошла к северу. Вчера весь день небольшие подразделения 41-й горнострелковой бригады вели бой на южной окраине Любани и вчера к вечеру оставили Любань и отошли на запад 5–6 км, вернее, на северо-запад вдоль шоссе. В течение сегодняшней ночи мы вывели в район Ушаки, Тосно приводившиеся в этом районе в порядок и еще не являющиеся полноценными части 70-й дивизии, усилив их танками и саперами, и с рассвета сегодня организовали оборону, оседлав шоссе между Любанью и Тосно. Сил для активного противодействия наступающему в районе Любани противнику пока нет; все, что находится в составе 48-й армии, требует длительной работы по восстановлению, так как дивизии насчитывают по тысяче штыков, и только 70-ю дивизию при помощи маршевых батальонов довели до 9 тысяч человек. Наряду с создавшейся угрозой нашему городу со стороны Чудово создалась также угроза нашим северным коммуникациям. Рассчитывать на 48-ю армию не приходится; маршевыми батальонами в ней дело поправить трудно, на это потребуются большие сроки. Вот кратко, что происходит в эти дни в направлении Любань, Чудово.

Что мы делаем: 1. Как уже доложили, организуем оборону между Любанью и Тосно. 2. Временно усиливаем пульбаты слуцко-колпинского сектора нашего Красногвардейского укрепрайона. 3. Начали перевозку в район Слуцка 168-й дивизии, которую только что по Ладожскому озеру

перевезли в Шлиссельбург; она имеет около 7 тысяч человек и неплохую артиллерию. 4. Концентрируем действия авиации по танковым и мотопехотным колоннам, продвигающимся с рассветом сегодня от Чудово к Любани. 5. Выводим нашу лужскую группу войск в район Двинская, Сиверская. К сожалению, абсолютно ничем не можем помочь 48-й армии для создания прочной обороны по реке Тигода для обеспечения наших северных коммуникаций. Напряженная обстановка на остальных участках фронта не позволяет сейчас чем-нибудь реальным помочь 48-й армии. Все.

Имеем наши просьбы и предложения: 1. Считаем необходимым просить 292-ю дивизию, входящую в армию Клыкова и подошедшую головными эшелонами к станции Кириши, что на р. Волхов севернее Чудово 40 км, перевести на западный берег р. Волхов, включить в состав 48-й армии и использовать для обороны на р. Тигода и южнее с целью прикрыть направление на Кириши. 2. Одну из дивизий, подходящих на этом направлении в состав армии Клыкова, также перевести на западный берег Волхова с целью прикрыть направление от Любани на север. Это позволит создать фронт от Красногвардейска на Вырицу, Ушаки, устье реки Тигода и обеспечит приведение в порядок хотя бы некоторых дивизий 48-й армии за фронтом просимых дивизий. 3. Если можно, нам надо помочь автоматическим оружием, так как маршевые батальоны приходят только с винтовками. 4. Увеличить число занаряжаемых к нам маршевых батальонов, так как то, что намечено к нам, не покрывает и половины боевых потерь убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 5. Также, если можно, просим еще в течение нескольких дней передать нам бронетанковую продукцию наших заводов. Это перечень основных просьб, а не исчерпывающих всех наших нужд. Все.

СТАЛИН. Бронетанковую продукцию ваших заводов – трехдневную порцию мы уже передали вам. Можете взять еще 3-х или 4-дневную порцию. Хватит ли?

ПОПОВ. Большое спасибо за четырехдневную порцию сразу. Разрешите похвастать: бывают дни, когда мы бьем одними танками и артиллерией по 40–50 немецких танков. К сожалению, такие дни редкие. Все.

СТАЛИН. 1. Количество маршевых батальонов увеличим, но не могу сказать сейчас, на сколько. 2. Количество автоматов тоже увеличим. 3. Дивизий Клыкова передать не можем, они совершенно сырые, несколоченные, и было бы преступно бросать их на фронт, все равно разбежались бы, а технику сдали бы врагу. Недели через две, пожалуй, сумеем две сколоченные дивизии передать вам. Если бы ваши люди умели

работать по плану и недели две назад в порядке предвидения потребовали бы от нас 2–3 дивизии, сейчас они были бы готовы для вас. Но вся беда в том, что у вас любят жить и работать по-цыгански, изо дня в день не заглядывая вперед. Ввиду этого и получилось, что готовые дивизии уже распределены и втянуты в бой. 4. Я обязываю вас навести порядок в 48-й армии, особенно же в той дивизии, командир которой вчера трусливо отскочил с района Любани черт знает куда. Обязываю вас, чтобы Московское шоссе было минировано и чтобы по всему району севернее Любани была пущена в ход система минных заграждений. Обязываю, далее, чтобы основные силы авиации были использованы не для действий по тылам врага, а на помощь войскам. Считаю нужным, чтобы вы сосредоточили максимум авиации, особенно же штурмовиков, в районе Любани, на помощь нашим войскам. Наилучшее средство против танков противника – штурмовики Ил-2. Кстати, получили ли вы 4 полка авиации?

ПОПОВ. Отвечаю. Еще не получили, задерживает Москва из-за погоды. К приему все готово.

СТАЛИН. Вы их получите сегодня, должно быть, или в крайнем случае завтра, так как это ваши полки. Требую, чтобы любой ценой и какими угодно средствами район Любань, Чудово был очищен от врага. Возлагаю на вас лично ответственность за это дело. Все. До свидания. Желаю успеха. Ответьте коротко, Клим помогает или мешает?

ПОПОВ. Все ясно. До свидания, товарищ Сталин. Помогает. Искренне благодарим. Товарищ Сталин, маленькая просьба.

СТАЛИН. Пожалуйста. Слушаю.

ПОПОВ. Если сейчас свободен инженер Карбышев, были бы рады иметь его у себя.

СТАЛИН. Кто он такой? Я его не знаю.

ПОПОВ. Генерал-лейтенант инженерных войск, преподаватель Академии Генштаба.

СТАЛИН. Постараюсь удовлетворить вашу просьбу. Один вопрос. Скажите, в какой день кончится срок вашей порции по бронетанковой продукции, если считать, что у вас останется продукция за 7 дней всего?

ПОПОВ. Очень просим по 29 [августа] включительно, так как иногда на заводе бывают перебои.

СТАЛИН. Хорошо. Я только что получил сведения, что кроме 18 маршевых батальонов, уже прибывших к вам начиная с 15 августа, еще получите в ближайшие дни 43 батальона. Если этого мало, мы можем добавить еще 10 батальонов. Все батальоны вооружены.

ПОПОВ. Отвечаю – было бы очень желательно получение этих

дополнительных 10 батальонов; до сих пор прибывали все вооруженные, но без ручных и станковых пулеметов.

СТАЛИН. В пулеметах у нас нехватка. Недели через две будет лучше. Имейте в виду, что за август мы послали на фронты пополнения около двух миллионов человек. У меня все.

ПОПОВ. Тогда разрешите еще одну просьбу. Как только можно будет, то было бы желательно получить хотя бы один полк пикировщиков.

СТАЛИН. Я только что получил сведения, что полк штурмовиков уже прибыл к вам в район левее Тихвина, как просили ваши люди. Остальные три полка будут у вас завтра, они сейчас в Бологом. Полк пикировщиков можем послать вам на днях. Я хотел бы знать, в чье распоряжение поступает эта авиация персонально?

ПОПОВ. Всю прибывающую авиацию мы оставляем во фронтовом распоряжении, использовать ее будем по нашим общим планам. Воздушными силами командует Новиков.

СТАЛИН. Нужно вам сказать, что маршевые батальоны не вооружаются пулеметами, потому-то и нет у них пулеметов. Но я знаю, что у вас не хватает пулеметов в дивизиях, и мы постараемся восполнить этот пробел дней через 10. Ну, все у меня.

ПОПОВ. Не имеем права больше вас задерживать. Ваши указания ясны. За помощь благодарим. До свидания».

«27 августа 1941 г. 21 ч. 30 мин.

У аппарата генерал-майор ВАСИЛЕВСКИЙ.

ПОПОВ. Здравствуйте, тов[арищ] Василевский, у аппарата Попов.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Здравствуйте, тов[арищ] командующий, я вас слушаю.

ПОПОВ. Тов[арищ] Василевский! У меня за сегодняшний день произошли резкие изменения в обстановке на ряде участков, требующие немедленных решений. Главкома сейчас в городе нет, поэтому я хочу доложить вам для доклада Наркому некоторые вопросы и свои предложения, не доложив их предварительно главкому.

1. На Кар[ельском] перешейке противник, прорвав фронт 123-й дивизии, вышел отдельными частями на жел[езную] дорогу Выборг – Ленинград в районах ст. Лейпясую и ст. Кямьяря; в центре армии в перешейках между оз. Вуокси и оз. Муолан-Ярви – вышел на фронт Оравала, Ярила, Войпиала, Сормула. В сложившейся обстановке считаю целесообразным удерживать левое крыло армии в районе Выборга и считаю необходимым его немедленно отвести примерно на линию бывшей линии Маннергейма, если только левое крыло этой армии успеет туда

отойти и устроиться. Возможно, что в связи с прорывом в центре придется отвести левое крыло несколько южнее указанной линии, на рубеж неподготовленный. Кроме того, забыл доложить, что в районе от Сомме до 10 км южнее Выборга противник высадил десант и нарастил там силы до полка; попытка уничтожить десант успеха не имела – это первое, что я хотел вам доложить.

Командующий армией убедительно просит дать ему немедленно разрешение на перегруппировку.

2. Обстановка на участке 8-й армии, нараставшая за последние дни, сегодня значительно обострилась. Пр[отивни]к, развивая удар с юга на Котлы, потеснил левый фланг 8-й армии и сегодня в 17.30 вел бой непосредственно за Котлы. Кроме того, и в центре армии обозначился прорыв, изолировавший дивизии друг от друга и выведший части противника на фланге в тыл правофланговой дивизии армии. Совершенно необходимо части армии немедленно отвести на рубеж Косколово, Котлы. Армия уже в течение трех дней ведет упорные бои. На своем участке порядочно измотала противника, но измоталась сама. Я, тов[арищ] ВАСИЛЕВСКИЙ, убедительно прошу сейчас же доложить мои предложения и как можно скорее дать ответ. Командующие ждут меня на проводах, прошу сказать – как скоро могу ожидать ответа?

ВАСИЛЕВСКИЙ. У вас все? Сию минуту дадим ответ.

ПОПОВ. Я попрошу тогда не прерывать связь, я буду ждать у аппарата.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Поставленные вами вопросы изложены уже в докладе Главкома Наркому и находятся на разрешении последнего. Сейчас доложу начгенштаба, если есть решения по ним, немедленно передам вам.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Учитываете ли вы то исключительно тяжелое положение, [в] которое попадает Балтийский флот с отходом 8-й армии от Лужской Губы?

ПОПОВ. Конечно, учитываем, вопрос об отходе был поставлен командующим армией три дня назад, мы не разрешили и сделали попытку задержать противника.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Скажите, как дела на петрозаводском направлении?

ПОПОВ. Три дня велись упорные бои, и теперь настала пора совершить изложенную перегруппировку.

Отвечаю на ваш вопрос о петрозаводском направлении. Имею сведения по состоянию на утро, прошу подождать, посылаю за картой.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Тов[арищ] командующий, пользуясь случаем, прошу вас дать указания начальнику инженеров немедленно ликвидировать

оборонительные сооружения, если таковые были построены по западному берегу реки Волхов у Волховской пристани, фронтом на восток.

ПОПОВ. Вашу просьбу относительно инженерных сооружений обязательно выполню, распоряжения будут даны.

Тов[арищ] Василевский, направлена петрозаводского направления сейчас разыскивают. Прошу не ожидать, я доложу несколько позже. Могу сказать одно: в межозерном перешейке, где проходит железная дорога на Петрозаводск, противнику удалось оттеснить наши части и выйти на фронт значительно к востоку от Пески. Кроме того, несколько потеснена 71-я [стрелковая] дивизия.

На левом фланге без особых перемен.

ВАСИЛЕВСКИЙ. В чьих руках находится Эссойла?

ПОПОВ. Отвечаю. Эссойла в руках противника. К 14.00 части этого направления вели бой на рубеже больница, 2 км восточнее Эссойла, Корза, Плянка.

ВАСИЛЕВСКИЙ. У меня все. До свидания. Ответ передадим запиской или шифром.

ПОПОВ. Тов[арищ] Василевский, когда же примерно можно ожидать ответ, время буквально не терпит.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Сейчас же немедленно докладываю начальнику Генштаба. Иду».

«28 августа 1941 г. 02 ч. 35 мин.

У аппарата ВАСИЛЕВСКИЙ. Передаю ответ Ставки. Кто у аппарата? Скажите точнее, кто у аппарата?

ПОПОВ. Командующий фронтом генерал-лейтенант Попов.

ВАСИЛЕВСКИЙ. У аппарата Василевский. Передаю ответ Ставки на поставленные вами вопросы:

Командующему Ленинградским фронтом Попову.

Члену Военного совета Кузнецову.

Ваши сегодняшние предложения напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями. Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчет прорыва, обострения положения и прочее. Конечно, если вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а быть только статистом, передающим жалобы армии, нам придется тогда через несколько дней сдать Ленинград. Но Ставка существует не для того, чтобы помыкать шантажистским требованиям и предложениям. Ставка разрешает вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает вам, чтобы части ни в коем случае не

покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма. Ставка запрещает вам оголять Лужскую губу и отдавать ее противнику. Если даже придется 8-й армии чуточку отступить, то она все же во что бы то ни стало должна прикрыть Лужскую губу вместе с полуостровом. Ставка требует, чтобы вы, наконец, перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск.

Начальник Генштаба, кроме того, приказал обратить ваше внимание на подготовку тыловых рубежей и особенно на Карельском перешейке. У меня все. Прошу подтвердить получение.

ПОПОВ. Тов[арищ] Василевский, все ясно. Директиву Ставки получил за № 00354 в 2 ч. 40 мин. Генерал-лейтенант Попов.

ВАСИЛЕВСКИЙ. № директивы не 00354, а 001354. Исправьте.

У меня все. До свидания, но директиву подтвердите.

ПОПОВ. Директива 001354. До свидания».

Переживая за судьбу Ленинграда, Сталин направляет туда комиссию Государственного Комитета Оборона в составе В. М. Молотова (заместителя председателя ГКО), Г. М. Маленкова, А. Н. Косыгина, генерала Н. Н. Воронова, генерала П. Ф. Жигарева и адмирала Н.Г Кузнецова. Комиссия, безусловно, была наделена большими полномочиями. Председатель комиссии В. М. Молотов рассказывал Ф. Чуеву: «Мы самолетом летели. Со мной вместе Маленков летел. Кузнецов – военный моряк, Воронов – артиллерист. Большая группа. Военные. Это было в августе, наверное, сорок первого. Летом, да. Мы до Череповца на самолете летели, потом поездом поехали в Ленинград. Там недалеко. Но мы до Ленинграда не смогли добраться и поездом не смогли, потому что там уже был прерван путь. Мы на дрезине от станции Мга добирались до Ленинграда. А обратно я не мог уже поездом вернуться, кольцо замкнулось, и через четыре-пять дней полетел на самолете над Ладожским озером. Вот тогда было самое трудное время».

28 августа на вокзале комиссию встречали маршал Ворошилов и Жданов. А через два часа М. М. Попов был вызван в Смольный с картой обстановки и данными о составе фронта. Глядя в глаза комиссии, он откровенно назовет сложившуюся под Ленинградом обстановку малоутешительной: «Севернее и южнее Ленинграда бои приближались непосредственно к городу. Войск у нас, если судить по номерам дивизий, было как будто бы много, поэтому нам стоило большого труда доказать комиссии, что абсолютное большинство дивизий крайне истощено и по своей укомплектованности и оснащению имеет низкую боеспособность.

Пополнять же и восстанавливать их в бою невозможно. Когда позволяет обстановка вывести ту или иную дивизию в резерв, мы принимаем все меры к тому, чтобы их элементарно восстановить. Тем не менее, мы выслушали много упреков за состояние войск и медленное восстановление их боеспособности. Затем обсуждалась возможность создания в короткие сроки своеобразного укрепрайона, преимущественно из танков, для перехвата основных направлений на рубеже примерно Тихвин – Волхов, чтобы ни в коем случае не допустить соединения финнов с немцами, а также вопросы усиления Красногвардейского укрепрайона танками и артиллерией.

События между тем развивались очень стремительно, а танков было еще крайне мало, поэтому предложение о создании "бронетанкового укрепрайона" повисло в воздухе».

В этот же день немцы взяли Тосно, важный стратегический узел в 40 км от Ленинграда, и Сталин тут же телеграфирует своему соратнику:

«Совершенно секретно. Шифром. Молотову.

Только что сообщили, что Тосно взят противником. Если так будет продолжаться, то Ленинград будет сдан идиотски глупо... Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности... Откуда у них такая бездна пассивности и деревенской покорности судьбе? Что за люди?! Я их не пойму! В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации... Почему эти технические средства не действуют?... Что может сделать против немецких танков какой-то пехотный полк, выставленный командованием против таких технических средств?! Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке?.. Что за человек Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов? В чем выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования. Я думаю, что 29 ты должен выехать в Москву. Прошу не задерживаться».

В ответной телеграмме Молотов сообщил: «1. По приезде в Ленинград с Ворошиловым, Ждановым и членами Военного совета Ленинградского фронта, секретарями обкома и горкома подвергли критике ошибки, допущенные Ворошиловым и Ждановым... 2. В течение первого дня при помощи приехавших с нами товарищей мы занимались приведением в ясность дел в отношении имеющихся здесь артиллерии и авиации, возможной помощи со стороны моряков, особенно по морской артиллерии, вопросам эвакуации, выселения 91 тысячи финнов и 5 тысяч немцев, а также вопросами продовольственного снабжения Ленинграда. По этим

вопросам подробнее сообщим отдельно. 3. Мероприятия по созданию особого типа оборонительного рубежа на основе танков и броневиков к востоку от Красногвардейска сумеем представить 29 августа».

Этот день генерал Бычевский, по его собственному выражению, запомнит на всю жизнь: «Утром начальник штаба фронта предупредил, что части 48-й армии ведут бой на Октябрьской железной дороге между станциями Тосно и Ушаки. От имени командующего отдал приказание отправить к Тосно минеров».

29 августа, в связи с тем, что Ленинградский и Северо-Западный фронты были отрезаны друг от друга, Северо-Западное направление расформировали.

Утром подполковник Бычевский зашел к командующему: «На столе у генерала стоял стакан с крепким черным кофе. В кабинете чуть-чуть пахло валерьянкой.

Увидев меня, Маркиан Михайлович недовольно поморщился:

– Что вы хотите, Бычевский? Я собирался побриться. – Он с силой потер щеку рукой и опять поморщился, словно от зубной боли. – Обстановку знаете, решения все есть, работать надо!

– На Неву хочу ехать, товарищ командующий, – доложил я. – В районе Островки – Кузьминки есть исправный железнодорожный мост. Не захватили бы его немцы. Там ведь наших частей нет?

– Начальник погранвойск генерал Степанов получил задание машинами перебросить на правый берег Невы батальон народного ополчения. На левом берегу будут действовать сто шестьдесят восьмая дивизия полковника Бондарева и дивизия НКВД полковника Донскова.

– А с мостом как быть?

– Конечно, готовьте к взрыву. Пожалуй, действительно поезжайте туда сами, только быстрее возвращайтесь. Имейте в виду, необходимо проверить Карельский укрепленный район. Там нужно будет поставить электропрепятствия, подготовить плотины к затоплению.

Маркиан Михайлович помолчал, потом вдруг спросил:

– О перемещениях у нас знаете? Решением Государственного Комитета Оборона маршал Ворошилов назначен командующим фронтом, а я – начальником штаба... Это – к сведению...»

30-го немцы захватили станцию Мга, что в 50 км юго-восточнее Ленинграда, лишив город последнего железнодорожного сообщения со страной. На Шлиссельбург двигалась 20-я моторизованная дивизия противника. Словом, до установления полной блокады Ленинграда с суши оставались считанные дни. Как подчеркивает доктор исторических наук

Г. А. Куманев, «Не меньшее беспокойство вызвало у И. В. Сталина отсутствие информации об удержании нашими войсками ст. Мга... Штаб Ленинградского фронта умолчал о ее падении, надеясь быстро возвратить Мгу и восстановить движение поездов. Ничего не знавший об этом Председатель ГКО в 18 час. 00 мин. 31 августа по прямому проводу дал следующую телефонограмму: "Ленинград. Штаб Ленинградского фронта. Для Маленкова. Отвечайте: в чьих руках станция Мга?"

Пришлось доложить, что она в руках противника, но предпринимаются меры по ее освобождению. Действительно, 1 сентября наши войска выбили немцев из Мги. Однако на следующий день соединения Ленинградского фронта, не выдержав напора противника, оставили станцию Мга».

Со слов главного маршала авиации А. А. Новикова, «первая неделя сентября хотя и не была отмечена особенно сильными боями, тем не менее доставила нам немало тревог и переживаний. 1 сентября наша 23-я армия, действовавшая на Карельском перешейке, отошла на рубеж старой государственной границы. Здесь она заняла жесткую оборону и простояла, не уступив больше финнам ни пяди земли, до лета 1944 г.

В районе Красногвардейского укрепленного района враг большой активности не проявлял. Разведка, наземная и воздушная, отмечала лишь усиленное передвижение фашистских войск. Как вскоре выяснилось, немецкое командование проводило здесь перегруппировку, готовясь к новому броску на Ленинград. Наша 42-я армия получила небольшую передышку и, не теряя времени, укрепляла свою оборону.

Но на флангах фронта гитлеровцы вели себя очень активно – через Копорское плато рвались к Финскому заливу, а со стороны Мги пробивались к Ладожскому озеру. Не оставляли немцы и попыток форсировать Неву в районе Ивановского.

На синявинско-шлиссельбургском выступе противник усилил свои войска 12-й танковой дивизией и значительно увеличил поддерживавшую их авиагруппу. Противостоявшие здесь врагу стрелковая дивизия НКВД и отдельная горнострелковая бригада буквально истекали кровью. Вместе с ними мужественно сражался и личный состав нашего 47-го батальона аэродромного обслуживания. 30 августа, когда фашисты под селом Ивановским вышли к Неве, авиаторы первыми встретили врага и отразили все его попытки переправиться на правый берег. Лишь на другой день на помощь им подоспели стрелковые части.

Всю первую неделю не стихали бои и в полосе нашей 55-й армии. Наиболее напряженное положение было в районе Ям – Ижоры, где

противник пытался прорвать главный оборонительный рубеж Слуцко-Колпинского укрепленного района и захватить Колпино.

В эти дни мы провели небольшое, но принципиальное организационное мероприятие – за каждой из четырех армий закрепили определенное авиасоединение. 23-й армии оставили 5-ю сад, 8-я всецело перешла на попечение морской авиации, 42-ю стал поддерживать 7-й иак, 55-ю – 8-я иад. Но, разумеется, общее руководство авиацией оставалось в наших руках, и, когда требовала обстановка, мы главные силы перенацеливали на наиболее опасные участки фронта.

С отходом наших войск на старую государственную границу и прорывом немцев к Ладоге чрезвычайно осложнилось положение с аэродромами. Авиации на земле стало так тесно, что мы вынуждены были 2-ю бад и 39-ю иад перебазировать под Волхов и Тихвин. Эти соединения действовали по моим личным заданиям, поддерживая по мере надобности ту или иную общевойсковую армию, в основном 42-ю и 55-ю. Истребители 39-й иад к тому же прикрывали железную дорогу Волхов – Тихвин и водную и воздушную трассы через Ладожское озеро».

3 сентября 1941 г. генерала Попова вызывает на переговоры Василевский.

«У аппарата ПОПОВ, кто у аппарата.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Здравствуйте, тов[арищ] Попов, прошу для доклада Ставки ответить на следующие вопросы:

1) Кто будет занимать северный берег Невы? Маршал считает, что необходимо составить хотя бы из разных частей один-два стрелковых полка и занять северный берег Невы.

2) Установите точно и донесите нам, переправился ли противник у Ивановское?

3) Какой силы высажен десант противника у Шлиссельбурга и какие меры приняты по его уничтожению?

4) По вашим данным, 60 самолетов противника обрабатывали Пороги на канале. Что же делала ваша авиация, допуская такое безобразие?

5) Почему допустили прорыв противника на УР и что предпринимается по ликвидации этого прорыва?

Начальник Генштаба указывает, что у вас имеется много артиллерии и с этой артиллерией можно с успехом те значительные группы противника, которые прорываются к Ленинграду, уничтожить.

6) Почему не ищете с нами связи и не отвечаете на наши запросы по радио?

Прошу ответить на поставленные мною вопросы и после этого конкретно доложить обстановку у вас на фронте.

Все, прошу отвечать.

ПОПОВ. Здравствуйте, отвечаю:

1. В настоящее время северный берег Невы занимается следующими силами: 4 истребительных батальона, учебный б[атальон] запасного полка, зенитный артиллерийский дивизион, установленный для стрельбы по наземным целям. Одна полевая батарея 3 сентября 1941 г. выдвигается на северный берег Невы. [Также] 115 сд, насчитывающая около 3000 чел., командир которой подчинит все части. Имею в виду в ближайшие дни усилить его двумя-тремя маршевыми батальонами и артиллерией.

2. Попытки переправиться на северный берег р. Нева в районе Ивановское противник делал, но они отбиты. Никаких данных, никаких донесений о том, что противник переправился на северный берег, на данную минуту нет. Он делал попытку, кроме того, высадить парашютный десант еще 1 сентября 1941 г. Высадил 40–50 чел. примерно в районе Кузьминка. Из этого десанта 30 чел. уничтожены, остальные рассеялись по лесам; организованы поиски и облава. Данные о высадке десанта в Шлиссельбурге не подтвердились.

Относительно самолетов противника в районе Пороги докладываю: вчера 2 сентября 1941 г. в районе Ивановское, Ям – Ижора, Тосно нами сделано около 600 самолето-вылетов, в том числе и прикрытие истребителями. Все эти вылеты сопровождалось воздушными боями. Большой группе самолетов удалось прорваться на северн[ый] берег р. Нева и бомбить район Пороги и мост, что от Мги на северо-запад. Мосту нанесены некоторые повреждения. Ночью [на нем] велись восстановительные работы.

Отвечаю на пятый вопрос: относительно прорыва на УР. Как вам известно, на левом крыле 23-й армии на Карельском УР отходили расстроенные и дезорганизованные части, которые и заняли оборону по линии госграницы, используя имеющиеся там ДЗОТ. Вчера, после артподготовки [противник] перешел в наступление и прорвал линию старой госграницы. Как вам известно, на этом направлении железобетонный пояс УР занимается частями 291-й дивизии, перевезенной сюда из района южнее Ленинграда. Ее категорически запрещено использовать для операции перед железобетонным поясом, так как эта дивизия должна его прочно обеспечить.

Главком лично приказал командующему 23-й армией уничтожать предполье противника, прорывающего его силами частей, дерущимися [в]

предполье. И вообще мы считаем, что нашей основной задачей является вести борьбу в предполье, прочно занимать железобетонный пояс, чтобы не подвергать себя никаким случайностям. Распоряжения по этому вопросу все отданы, обо всем будет донесено в боевом донесении. Кстати сообщаю, что вчера из Койвисто в Ленинград прибыли транспорты, которые привезли разрозненные части 115, 43-й и частично 123-й дивизии. Об этом сегодня будет специально вам донесено.

Есть ли еще вопросы?

ВАСИЛЕВСКИЙ. Вопросов нет, но коротко прошу доложить обстановку, которая у вас сложилась к сегодняшнему дню. Так, докладывайте.

ПОПОВ. Докладываю: Кар[ельский] перешеек и в центре. Войска обороняются по линии госграницы, на левом фланге противник потеснил и вклинился в передовой рубеж, занял северную окраину Бол[ыное] Каллелово, выс. 109,8 и Ново-Алакюля.

Кингисеппское направление: части 8-й армии продолжают перегруппировку на рубеж р. Воронка. Противник продолжает активничать по направлению Копорье, Копорское Платто. Копорье занято противником. Одновременно противник продолжает концентрировать свои части против Красногвардейска и нашей 281-й дивизии. Следует отметить, что на путях отхода нашей Лужской группы везде вышел противник; для присоединения к нам ей приходится пробиваться. Сегодня организуем доставку ей необходимых боеприпасов, продовольствия и немного горючего.

В направлении Ленинградского шоссе противник контратакой потеснил к западу части 168-й дивизии, вышедшие на Ленинградское шоссе между Тосно и Саблино.

4 ДНО передовыми частями переправилась через р. Тосна и Покровское и ведет бой в районе Покровское. Дивизия НКВД своим правым флангом оттеснила [противника] на северо-восточную окраину Отрадное. Главными силами на левом фланге сегодня продолжает наступление на Мга. За последние дни перед всем южным участком нашего фронта противник заметно усиливается – появляются дивизии новые, которые, по показаниям пленных, участвовали в боях под Смоленском, Витебском. Кроме того, в районе Волосово вчера производилась выброска каких-то войск.

Вот все кратко, что могу доложить.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Спасибо за информацию.

В деталях положение своих частей и противника прикажу сейчас же передать полковнику Городецкому и нашему ОД [оперативному

дежурному] полковнику Ямщикову.

У меня все. Желаю успеха. До свидания.

ПОПОВ. Благодарю. До свидания».

В этот же день у М. М. Попова состоялся разговор с генералом армии Г. К. Жуковым.

«У аппарата генерал-лейтенант Попов.

ЖУКОВ. У аппарата Жуков. Здравствуйте. Доложите, что у вас происходит на участке Ребола и перед группой Антонюка?

ПОПОВ. На реболовском направлении действует наш 337-й стрелковый полк 54-й дивизии с 1-м и 3-м дивизионами 491 гап. В его тылы вышел противник, перерезал коммуникации и обозначил окружение. Запасы полка на исходе. Завтра ему поможем боеприпасами и продовольствием. Кроме того, на ст. Кочкома высылаем маршевый батальон для присоединения к полку. Все, что могу доложить о реболовском направлении.

ЖУКОВ. Вы не то докладываете. Я вас спрашиваю, что происходит в р[айо]не Ребола, т. е. перед группой Цветаева. Повторяю: я вас спрашиваю об олонецком направлении. Докладывайте снова, что происходит перед группой Цветаева?

ПОПОВ. На олонецком направлении действует группа Цветаева, которая сегодня весь день оборонялась на р. Тулокса и отражала атаки противника. Сегодня ей отгружены на помощь 3-я дивизия народного ополчения и один минометный батальон. Группа Антонюка, действующая [в] направлении Ведло-Озеро, имела незначительный успех и медленно продвигалась на запад. Вы понимаете мое положение. Сегодня эти группы усилить ничем не могу, хотя считаю, что, если на этих направлениях действует до двух-трех пехотных дивизий пр[отивни]ка, нам надлежит соответственно эти направления усилить.

ЖУКОВ. Вы доложили очень неясно. Доложите, какой противник перед Цветаевым и какой ваш план действий по уничтожению противника? Прошу доложить коротко, но ясно.

ПОПОВ. Докладываю. Пока перед Антонюком усиленный мотострелковый полк с артиллерией и минометами. Перед Цветаевым 165-я пех[отная] бригада и один мотополк неустановленной нумерации. План действий установлен следующий: группа Антонюка, активно действуя перед своим фронтом, должна уничтожить противостоящего противника, продвинуться на запад и оказать содействие группе Цветаева.

Цветаев, усиленный дивизией народного ополчения и обеспеченный

высаженным десантом на острове Лункулан-Сари, должен, уничтожая противника, продвигаться вперед на Сальми, взаимодействуя с 23-й армией, которая в это время развернет наступление в направлении реки Янгис-Йоки. Все ли вам понятно?

ЖУКОВ. Повторите после слов "высажены десанты", с этого слова. Имейте в виду снова захват Питкяранта. Выдвижение противника в район Ребола является следствием отсутствия надлежащего руководства частями, дерущимися на этом направлении, как со стороны командарма, так и вас.

Цветаев должен, уничтожая противника, продвигаться вперед на Сальми, взаимодействуя [с] 23-й армией, которая в это время развернет наступление в направлении реки Янгис-Йоки, и десантом, находящимся под Лункулан-Сари. Видимо, вы не учитываете этого, недостаточно руководите этим направлением и слабо организуете уничтожение противника.

Ставка от вас требует: под вашу личную ответственность, в кратчайший срок ликвидировать противника и, уничтожив его в этом районе нашими частями 7-й армии, отбросить противника за озеро Янис-Ярви.

ПОПОВ. Отвечаю. Десант высажен при помощи Ладожской флотилии в составе двух батальонов морской пехоты. Авиацию 7-й армии сегодня усиливаем больше чем на 60 самолетов. Относительно группы Антонюка. Ей приказано не топтаться на месте, форсировать наступление.

Я очень прошу вас иметь в виду и помнить об одном, что части этого направления, готовившиеся в мирное время, дерутся, распоряжением Генштаба, под Новгородом. Делаю все, что могу. Все понятно. Буду отвечать головой. Доложите: Военный совет Северного фронта сделает все, что от него зависит, чтобы выполнить приказание Ставки. Скажу откровенно и очень прошу доложить Ставке, что на петрозаводском и олонцеком направлениях действуют 3–4 пехотных дивизии финнов и немцев. Мы им противопоставили импровизированные отряды Антонюка и Цветаева.

Я считаю, туда нужно дать пару дивизий для того, чтобы надежно эти направления прикрыть и разгромить противника. Цветаеву мы отгрузили дивизию народного ополчения. Этого мало. Антонюку также надо дать дивизию. Тогда у нас будет перевес в силах и уверенность в разгроме. Это я прошу доложить Ставке. Все остальное импровизация и паллиатив.

ЖУКОВ. С вашим планом я согласен, доложу его Ставке. Но со своей стороны считаю, что группу Цветаева надо усилить штурмовиками и пикировщиками. Десант морской пехоты подкрепить одним-двумя

хорошими стрелковыми батальонами кадрового состава, взяв их за счет резерва на Карельском перешейке, где противник себя держит пассивно.

Ставка приказала предупредить вас: вы лично головой отвечаете за то, чтобы не пропустить противника на олонецком и петрозаводском направлениях и за успешную операцию по уничтожению противника в направлении Питкяранта и Ведло-Озеро.

Вы все ли докладываете? Мне кажется, вы что-то не договариваете, нет ли у вас сомнений в выполнении приказа?

ПОПОВ. Отвечаю. Группа Цветаева обороняется, отражая атаки противника. Группа Антонюка продвигается один километр в день. Или это неспособность начальников, или недостаток сил, или то и другое. Я считаю, что направление Антонюка необходимо усилить и после этого потребовать от него решительных действий, хотя этого я требую от него и при наличных силах. Прошу понять, что, когда по всем данным на Петрозаводск и Олонец действуют две-три дивизии противника с перспективой прироста усилий, уничтожить их импровизированными отрядами Антонюка и Цветаева вряд ли возможно.

Цветаева очень усилим завтра. К нему идет много эшелонов войск. Полагал бы целесообразным и нужным усилить Антонюка одним из тех соединений, которые собираются под Красногвардейском. Правда, они здесь нужны очень, но петрозаводское направление не менее важно, чем Красногвардейск. Судите сами, доложите Ставке и дайте ваше решение. Учтите, две [дивизии] собираются под Красногвардейском, одна завтра начнет выдвижение в этот район из Тихвина. Я бы лично ее направил в Петрозаводск для усиления Антонюка.

ЖУКОВ. Значит, вы считаете, что при наличии тех сил, которые вы бросили для уничтожения противника на олонецком направлении, ваш план выполнен не будет Антонюком и Цветаевым. Видимо, наши части переоценивают противника и, как следствие, под действием небольших частей, о которых вы упомянули, ваши части все время откатывались назад. Я доложу вашу просьбу Ставке, но вы обязаны и можете вполне уничтожить противника, если организуете настоящий бой, особенно действием авиации и действием десанта, который рекомендую усилить парой хороших батальонов.

ПОПОВ. Я доложил вам откровенно свои настроения, сложившиеся у меня в результате трех дней действий групп Антонюка и Цветаева. Но я прошу помнить, разведданные говорят о непрекращающемся подвозе и усилении противника на этом направлении. Вот почему я поставил перед вами вопрос о необходимости решительного увеличения группировки

Антонюка. Это прошу доложить Ставке.

ЖУКОВ. Продолжаю. Вы сильно преувеличиваете. При всех условиях приказ Ставки должен быть выполнен.

Как дела под Лугой, Сабском и Нарвой? Коротко.

ПОПОВ. Отвечаю: без перемен. Мы прочно держим [оборону]. Противник закапывает в землю танки и обороняется, продолжая продвигать войска.

Тов[арищ] Жуков, все совершенно ясно. Принимаем все меры. Прекрасно понимаю, что означает для нас это направление. На лужском направлении деремся с разведкой, перед передним краем обороны пока бьем здорово. Берем пленных, но это все преддверие, мы должны готовиться и готовимся к серьезным боям. У меня все.

ЖУКОВ. Всего хорошего. Будьте здоровы».

4 сентября немцы впервые произвели артиллерийский обстрел Ленинграда из 240-мм орудий с огневых позиций севернее Тосно. 6 сентября авиация противника произвела первый налет на город, на улицах которого разорвались первые фугасные авиабомбы. 8-го немецкие войска, прорвавшись через Мгу, вышли к Ладожскому озеру и овладели Шлиссельбургом. Таким образом, город на Неве был блокирован с суши, а сообщение с ним поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху.

Для защиты Ленинграда он сделал все

Листая личное дело генерала армии М. М. Попова, нетрудно заметить в его послужном списке следующие официальные записи:

«6.1941—8.1941 Командующий войсками фронта Северный фронт Дир. Ставки ВГК от 7.1941 г.». А вот следующая: «8. 1941—9.1941 Начальник штаба фронта Ленинградский фронт Указание Ставки ВГК от 8.1941 г.».

В автобиографии от 21 августа 1948 г. то же самое: «С началом Великой Отечественной войны был назначен Командующим Северным фронтом, а в августе 1941 года, по предложению Ставки Верховного Командования был назначен Начальником Штаба Лен. Фронта, в командование которым вступил Маршал Ворошилов».

Сомнений быть не может, назначенный на должность командующего войсками Ленинградского фронта директивой Ставки ВГК № 001199 от 23 августа 1941 г. генерал-лейтенант Попов продолжал оставаться в подчинении маршала Ворошилова. А после приезда и начала работы государственной комиссии все встало на свои места. 29 августа Северо-Западное направление официально было расформировано, но маршал Ворошилов продолжал руководить обороной Ленинграда. А так как двух командующих одним фронтом быть не может, то Маркиан Михайлович фактически стал первым заместителем Климента Ефремовича. То есть начальником штаба. О том, как это было, генерал Попов напишет следующее: «После этого нам было сообщено, что в связи с тем, что Ленинградский и Северо-Западный фронты теперь отрезаны друг от друга, Ставка считает целесообразным взять управление ими на себя. Принимая же во внимание все значение обороны Ленинграда, ГКО полагает необходимым в командование Ленинградским фронтом вступить К. Е. Ворошилову.

Он не возражал и полностью согласился с этими рекомендациями, а мне оставалось только поддержать его. В отношении моего дальнейшего использования было выдвинуто два предложения: остаться на посту заместителя командующего или же быть начальником штаба фронта. Я предоставил это решать К. Е. Ворошилову, и он высказался за мое назначение начальником штаба». И вот еще: «В соответствии с решением Государственного Комитета Обороны К. Е. Ворошилов вступил в командование Ленинградским фронтом, а я приступил к исполнению

обязанностей начальника штаба, но пробыл на этом посту очень недолго, так как перед началом решающего штурма противником Красногвардейского укрепленного района был отозван в распоряжение Ставки».

Косвенно это подтверждается свидетельством генерала Б. В. Бычевского, а также записью переговоров по прямому проводу Верховного Главнокомандующего и начальника Генерального штаба с командующим войсками и членом Военного совета Ленинградского фронта 4 сентября 1941 г.

«У аппарата Ворошилов, Жданов.

У аппарата Сталин, Шапошников. Здравствуйте.

ВОРОШИЛОВ, ЖДАНОВ. Здравствуйте, товарищ Сталин и товарищ Шапошников.

СТАЛИН. Я бы хотел, чтобы больше никого не было у аппарата, кроме вас.

ВОРОШИЛОВ, ЖДАНОВ. У аппарата, кроме нас и двух телеграфистов, никого нет.

СТАЛИН. 1. Нам не внушает доверия ваш начальник штаба как в военном, так и в политическом отношении. Найдите ему сегодня же замену и направьте его в наше распоряжение.

ВОРОШИЛОВ, ЖДАНОВ. Есть, будет сегодня же в точности выполнено».

Повторимся. Речь идет о генерал-лейтенанте Попове. Именно его в качестве начальника штаба маршала Ворошилова и имел в виду Сталин. Разговор происходит 4 сентября, а 5-го Климент Ефремович официально назначен командующим войсками Ленинградского фронта.

Про доверие и недоверие Сталина можно говорить долго, но факт остается фактом. Как известно, первые месяцы войны были катастрофическими для Красной армии. В ежеминутно порой меняющейся обстановке на фронтах и Генштаб, и сам вождь разбирались мучительно. Как писал генерал Д. А. Волкогонов, «Сталин подолгу заслушивал Жукова, Ватутина, Василевского, других генштабистов, молча стоял над картой, разложенной на его большом столе. Ему, сугубо кабинетному руководителю, было трудно, глядя на карту, читая донесения, уловить, услышать, почувствовать лихорадочное биение пульса истекающей кровью армии, грохот канонады сражений, стальной лязг гусениц прорвавшихся немецких танков, гул городских пожаров, предсмертные хрипы умирающих

бойцов... Тень сабельной гражданской войны как-то сразу отодвинулась далеко в прошлое. Это была совсем другая война». Далее следует очень важный и совершенно правильный вывод: «До Сталинградской битвы многие решения Сталина были импульсивными, поверхностными, противоречивыми, некомпетентными. Хотя и позже он нередко задавал окружению и штабам ребусы».

Точно таким же решением, принятым вождем, можно с полной ответственностью назвать и отстранение от должности генерал-лейтенанта М. М. Попова. И тут снова стоит вернуться к очень точному пояснению Д. А. Волкогонова: «Не проявляя тонкого понимания обстановки, знания всех скрытых пружин войны, особенностей организации оперативно-стратегической деятельности, конкретного содержания работы командиров и штабов, Сталин в первый период войны "нажимал" (и это, видимо, было вызвано обстановкой) на моральный фактор. Прочитав то или иное донесение о неудаче, критическом положении, Сталин прежде всего обращался к морально-политическому состоянию войск, а затем уже к оперативной обстановке. В то же время, как показывает опыт войн, эти два компонента боевой мощи не должны рассматриваться изолированно, один в ущерб другому».

Вот один из таких примеров: «Когда, например, обстановка под Киевом стала критической, начштаба фронта Тупиков доложил о ней без прикрас. Тупиков сообщал: "Положение войск фронта осложняется нарастающими темпами... Начало понятной Вам катастрофы – дело пары дней"».

Не надо было быть провидцем, чтобы оценить обстановку так, как это сделал начальник штаба. Вопрос в другом: все ли было сделано, чтобы избежать или по крайней мере уменьшить масштаб катастрофы?! Из телеграммы Тупикова этого не следовало. Сталин, почувствовав трагический надрыв в штабе Юго-Западного фронта, тут же продиктовал ответную телеграмму.

«Прилуки. Командующему Юго-Западным фронтом

Копия: Главкому Юго-Западного направления

Генерал-майор Тупиков номером 15614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход...»

Общеизвестно, что 9—10 сентября, после потери Шлиссельбурга,

Ленинград был окружен окончательно. В порыве отчаяния маршал Ворошилов лично возглавил атаку морских пехотинцев. Но что это могло изменить?

Как рассказывал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, Ворошилов сам обратился к Сталину с просьбой освободить его от должности и назначить командующим фронтом кого-либо помоложе: «Серьезный разговор на эту тему по телефону состоялся в моем присутствии, причем И. В. Сталин сначала не был согласен с этим. Но поскольку фронтовая обстановка вокруг Ленинграда продолжала осложняться, телефонный разговор с К. Е. Ворошиловым закончился решением Политбюро ЦК направить на Ленинградский фронт Г. К. Жукова».

По свидетельству главного маршала авиации А. А. Новикова, «у Климента Ефремовича была слабость к совещаниям. На совещания к маршалу, как правило, созывались все сколько-нибудь ответственные руководители. В большинстве случаев присутствие многих из нас вовсе и не требовалось, так как часто обсуждались дела, не имевшие даже отдаленного касательства к нашим ведомствам. Люди надолго отрывались от исполнения своих непосредственных обязанностей и нервничали. А время было такое, что мы дорожили каждой минутой. Сидишь, бывало, в переполненном кабинете главкома и не столько слушаешь выступающих, сколько поглядываешь на дверь и ловишь удобный момент, чтобы на минуту выскочить в приемную, быстро позвонить в штаб узнать последние новости и отдать необходимые распоряжения.

Я неохотно ездил на эти совещания и, если позволяли обстоятельства, избегал совещания у главкома. Предпочитал иметь дело с Поповым и его ближайшими помощниками. Тут все вершилось быстро, без лишних разговоров, и столь же быстро достигалось взаимопонимание».

Так и руководил маршал Ворошилов обороной Ленинграда, больше мешая командующему фронтом генералу Попову, чем помогая. Более того, находясь на своем посту, маршал лишал его необходимой самостоятельности в принятии каких-либо решений. Не говоря уже о Ставке, которая нередко ошибалась, и не однажды. И это обвинение не голословно.

По утверждению главного маршала авиации А. А. Новикова, накануне немецкого наступления Москва предупреждала о том, «что, по всей видимости, наиболее угрожаемым направлением станет новгородско-чудовское. Командование фронта было несколько иного мнения. Наличие на нашем правом фланге двух вражеских плацдармов, к которым

непрерывным потоком двигались фашистские войска, близость этих плацдармов к железной дороге Ленинград – Нарва и систематические удары немецкой авиации по основным станциям и перегонам на этой магистрали – все это свидетельствовало о силе готовившегося здесь удара. Отсюда ближе всего было и до Ленинграда, и до южного побережья Финского залива. Вырвись немцы к заливу, они не только отрезали бы наши войска, державшие оборону под Нарвой и Кингисеппом, но и создали бы угрозу непосредственно Кронштадту и морскому флоту.

Появление новых танковых частей противника в районе Большого Сабека свидетельствовало о том, что в оценке обстановки на юго-западных подступах к Ленинграду правым оказывалось командование Северного фронта, а не Ставка. Дальнейшие события полностью подтвердили наши предположения – в августе наибольшую опасность для Ленинграда создавала северная группировка. Лишь к 25 августа, когда фашисты убедились в невозможности с ходу одолеть оборону Красногвардейского укрепленного района, приостановили здесь наступление и начали перегруппировываться, острота положения под Гатчиной несколько уменьшилась и, напротив, увеличилась на участке, где действовала южная группировка, быстро надвигавшаяся на Ленинград по Московскому шоссе».

Это подтверждается и директивой Ставки ВГК от 17 августа 1941 г. за № 001029:

«ЛЕНИНГРАД, ГЛАВКОМУ СЕВЗАП ВОРОШИЛОВУ,
ЧЛЕНУ ВОЕНСОВЕТА ЖДАНОВУ

Ставка считает, что наиболее опасным направлением продвижения противника является восточное направление в сторону Новгорода, Чудово, Малая Вишера и дальше через реку Волхов. Если немцы будут иметь успех в этом направлении, то это будет означать обход Ленинграда с востока, перерыв связи между Ленинградом и Москвой и критическое положение Северного и Северо-Западного фронтов. При этом вероятно, что немцы сомкнут здесь свой фронт с фронтом финнов в районе Олонец. Нам кажется, что Главком СевЗап не видит этой смертельной опасности и потому не предпринимает никаких особых мер для ликвидации этой опасности. Ликвидировать эту опасность вполне возможно, так как у немцев сил здесь немного, а подброшенные нами на помощь новые три дивизии при умелом руководстве могли бы ликвидировать опасность. Ставка не может мириться с настроениями обреченности и невозможности предпринять решительные шаги, с разговорами о том, что уже все сделано,

и ничего больше сделать невозможно.

Ставка приказывает:

Первое. Собрать в кулак часть действующих и подошедших дивизий и вышибить противника из Новгорода.

Второе. Ни в коем случае не допускать перерыва Октябрьской железнодорожной линии и распространения противника на восточный берег Волхова, прочно удерживая за нами район Новгород – Чудово – Тосно.

И. СТАЛИН

Б. ШАПОШНИКОВ».

М. М. Попов был вполне современным военачальником, способным уверенно и с мастерством командовать таким крупным оперативно-стратегическим объединением, как фронт. В этом даже и не приходится сомневаться. Не зря говорят, талантливый человек талантлив во всем.

В отличие от иных военачальников, он неплохо разбирался и в вопросах применения авиации. Не говоря уже о танках и артиллерии. Например, главный маршал авиации А. А. Новиков утверждал: «Маркиан Михайлович был достаточно сведущ в авиационных вопросах». Но таких генералов, судя по всему, было мало. Вот что об этом расскажет в своих мемуарах бывший командующий ВВС Северного фронта: «Авиация – особый вид вооруженных сил. Она не терпит расчлененности своих сил и разобщенности в боевых действиях. Ее ударная мощь и результативность, а следовательно, и помощь наземным войскам тем выше, чем сосредоточеннее и целенаправленнее ее усилия. В войсках же эти аксиомы в то время только-только познавались. На авиацию многие общевойсковые командиры тогда все еще смотрели просто как на некую сопутствующую силу, обязанную действовать только в интересах наземных войск и преимущественно локально, то есть в границах, занимаемых этими войсками, и по вражеским объектам, находящимся в этих границах.

Такое в корне порочное понимание роли авиации приводило к явлениям подчас столь нелепым, что мы, авиаторы, только руками разводили. В первые недели войны нам нередко приходилось выслушивать такие, к примеру, просьбы: прочесать авиацией лес, разбомбить район, сжечь определенные кварталы в населенном пункте, уничтожить пулеметное гнездо на какой-нибудь горушке и т. п. Короче, ставились задачи, совершенно не свойственные авиации и потому нереальные. Конечно, все это можно сделать, но практический результат таких действий окажется весьма невелик, во всяком случае не будет эквивалентен

потраченным усилиям и средствам на выполнение подобных заданий.

Командиры, обращавшиеся с этими просьбами, никак не могли взять в толк, что пулеметное гнездо, да к тому же замаскированное, с воздуха почти невозможно обнаружить, а бить по площади эрессами и бомбами весьма накладно; что для бомбометания по названному району без указаний конкретных целей и их точного местонахождения нужен не один десяток бомбардировщиков; что один или два раза (на большее у нас в то время не хватало сил) пройтись по лесу, занятому противником, огнем бортового оружия или бомбами, – это лишь шумовой эффект, приятный для слуха нашего пехотинца, но по боевой результативности равный нулю; что, наконец, все это с большим успехом и с меньшими затратами можно проделать наземными средствами.

Разумеется, в отдельных случаях авиация должна оказывать наземным войскам и такую помощь. Тут надо исходить из конкретной обстановки. Кроме того, так использовать авиацию можно лишь, когда ее достаточно, и не в ущерб ее основной работе. И в войну летчики часто такими локальными мелкими действиями прокладывали путь пехоте и танкам. Но это лишь исключение из правил, а не сами правила. Со временем в войсках это стали понимать все лучше и лучше. Но в первые месяцы войны подобные случаи были очень частыми и отрывали немалые силы авиации на выполнение не свойственной ей работы».

В августе 1941-го у Новикова состоялся любопытный разговор с командующим.

– Как вы намерены обеспечивать новые армии поддержкой авиацией? – спросил Попов.

– За каждой армией будет закреплена группа определенных авиачастей, – ответил генерал авиации.

Маркиан Михайлович тут же предложил:

– Давайте, как и в 23-й армии, создадим в них свои ВВС. Новиков с удивлением посмотрел на командующего и, подумав, что эту идею Попову подало командование новых армий, твердо заявил:

– Создание армейских ВВС, тем более в условиях обороны, означает не только возврат к не оправдавшей себя многоступенчатой системе управления и применения авиации, но было бы просто губительно. Не для того мы потратили столько усилий на улучшение боевой работы авиации, чтобы вновь растащить ее по общевойсковым армиям и ослабить ее ударную мощь.

«Маркиан Михайлович в знак согласия кивнул и на минуту умолк.

– Дело-то вот в чем, Александр Александрович, – сказал Попов. – Я

говорил со Ставкой. Ставка считает, что мы не совсем правильно используем авиацию.

Я молчал, ожидая конкретных замечаний.

– Я не согласился с такой оценкой, – продолжал Попов. – Но, видимо, в какой-то мере упрек справедлив.

– Что именно Ставка имеет в виду? – спросил я.

– Ставка находит, что мы неоправданно много действуем по тылам и аэродромам противника и недостаточно помогаем своим войскам непосредственно на поле боя и подступах к нему.

Теперь мне стало ясно, почему вдруг Попов завел разговор об армейских ВВС. Он опасался, что усиление централизованного управления авиацией в какой-то мере оторвет ее от войск, что мы, авиационное командование, станем злоупотреблять своей автономностью. Раньше он так не думал, но замечание Ставки в адрес летчиков, видимо, насторожило командующего фронтом.

Настороженность Попова в его положении и при создавшейся под Ленинградом ситуации была естественной. Обстановка на фронте в конце августа и первых числах сентября обострилась еще больше. Немцы уже заняли Мгу, лишив тем самым Ленинград последнего железнодорожного сообщения со страной, и, обойдя с востока Слуцко-Колпинский укрепленный район, вырвались неподалеку от Отрадного к Неве. На Шлиссельбург быстро надвигалась 20-я моторизованная дивизия гитлеровцев. До установления полной блокады Ленинграда с суши оставались считанные дни. В такой ситуации каждый боевой самолет у нас был на счету, и, разумеется, Попов не мог не думать о том, как мы используем авиацию для решения главной задачи – оказания помощи наземным войскам непосредственно на поле боя.

Я не стал словесно заверять командующего, что действия над полем боя были, есть и остаются главными для летчиков, а просто привел итоги боевой работы ленинградской авиации в августе. Более половины самолето-вылетов, сделанных в августе, было совершено непосредственно по наступавшим войскам противника и по местам их сосредоточения. При наших весьма ограниченных возможностях и многочисленности задач, выполняемых авиацией на фронте и в тылу, это было более чем хорошо. Факты говорили сами за себя, и Попов успокоился.

– Я так и думал, – ответил Маркиан Михайлович, – и Москве сказал, что летчиками мы довольны. Не знаю, почему в Ставке сложилось иное мнение.

Это был последний разговор об авиации в таком плане».

Молодой, достаточно опытный и энергичный генерал, как никто другой, умел работать с подчиненными. Только поэтому он был всегда успешен и пользовался огромным авторитетом и уважением. Что касается опыта, то вспомним начало войны. По предвоенным планам Генштаба Ленинград предстояло оборонять от немецко-финских войск с севера (только поэтому все главные силы Ленинградского военного округа были сосредоточены на Карельском перешейке). Поэтому возможность удара противника с юга фактически не учитывалась.

Тем более что от государственной границы до города на Неве было более 700 км. Разве могли в Генштабе Красной армии тогда даже предположить, как легко немцы смогут преодолеть это расстояние летом 1941 года? Тем не менее Северный фронт под командованием генерала Попова, отражая наступление одной немецкой и двух финских армий в Карелии, сумел остановить противника в 20–30 километрах от границы к середине июля. Как констатирует доктор исторических наук, профессор Ф. Д. Свердлов, «в это время создалась угроза прорыва крупных сил противника к реке Луга, проявив решительность и отличные организаторские способности, М. М. Попов собрал семь стрелковых дивизий (в том числе три народного ополчения), объединил их с двумя ленинградскими военными училищами, рядом артиллерийских частей и выдвинул к реке. Они задержали противника почти на месяц. План гитлеровцев с ходу прорваться к Ленинграду был сорван. В конце августа Северный фронт был разделен на Карельский и Ленинградский. М. М. Попов стал командовать Ленинградским. Ему не удалось остановить дальнейшее наступление врага...».

Но мог ли генерал Попов остановить дальнейшее наступление противника на Ленинград? По мнению Леонида Млечина, «генерал Попов нравился Сталину, но оказался в тяжелейшем положении: его войска отступали, не в силах выдержать удары превосходящих сил противника. Попов был талантливым и умным военачальником, но ему не повезло. Он возглавил фронт в тот момент когда успех был невозможен.

Попов сообщал в Ставку о катастрофическом положении, требовал помощи, но в ответ слышал только приказ держаться».

Изучая документы и свидетельства очевидцев, а также учитывая сослагательное наклонение, которого не бывает в истории, можно предположить, что Маркиан Михайлович Попов вполне смог бы оттянуть еще на некоторое время полное окружение Ленинграда. Но только в том случае, если бы он де-факто был единственным и полномочным командующим войсками Северного (Ленинградского) фронта, а также

подчинялся только Ставке. То есть без маршала Ворошилова. А дальше, как показывает история, противник остановил свое наступление на Ленинград сам...

Генерал армии Г. К. Жуков вылетел в Ленинград 9 сентября, где и сменил маршала Ворошилова.

Однажды генерал А. А. Епишев в разговоре с Д. А. Волкогоновым высказал следующее предположение о Жукове: «Сталин видел в Жукове не только талантливого полководца, волевого исполнителя решений Ставки, но и человека в чем-то, как казалось Сталину, родственного себе в смысле решительности, силового напора, бескомпромиссности. (...)

Сталин считал своим главным представителем (а затем сделал и заместителем) Г. К. Жукова. Почему? Да потому, что Жуков, по мнению Верховного, был способен, невзирая ни на что, провести его, Сталина, решения в жизнь, способен на жесткие, а иногда и жестокие шаги, волевою бескомпромиссность. Я бы сказал, заключил Епишев, Жуков наиболее отвечал представлению Сталина о современном полководце. Затем, помолчав, Епишев добавил: конечно, все это, видимо, у Жукова было. Но Сталин в полной мере оценивал лишь волевою сторону полководца, а его умственную силу – увы, недостаточно».

О своей первой встрече с Жуковым генерал-лейтенант Б. В. Бычевский напишет буквально: «В ту же ночь Ворошилов и большинство работников штаба Главкома Северо-Западного направления вылетели в Москву.

А на другой день меня вызвал Г. К. Жуков. Выслушав мое обычное в таких случаях представление, вдруг резко спросил:

– Кто ты такой?

Вопроса я не понял и еще раз доложил:

– Начальник Инженерного управления фронта подполковник Бычевский.

– Я спрашиваю, кто ты такой? Откуда взялся? – В голосе его чувствовалось раздражение.

"Биографию, что ли, спрашивает? Кому это нужно сейчас?" – подумал я, не сообразив, что командующий ожидал увидеть в этой должности кого-то другого. Неуверенно стал докладывать, что начальником Инженерного управления округа, а затем фронта работаю почти полтора года, во время советско-финляндской войны был начинжем 13-й армии на Карельском перешейке.

– Хренова, что ли, сменил здесь? Так бы и говорил! А где генерал Назаров? Я его вызывал.

– Генерал Назаров работал в штабе Главкома Северо-Западного

направления и координировал инженерные мероприятия двух фронтов, – уточнил я. – Он улетел сегодня ночью вместе с маршалом.

– Ну и ладно. Что там у тебя, докладывай...»

Надо сказать, за дело Георгий Константинович взялся рьяно. Вот он 14 сентября напрямую обращается к Верховному с просьбой, и как:

«Товарищу Сталину.

На подступах к Ленинграду система артиллерийского огня организована очень плохо. Начальник артиллерии фронта Свиридов большой барин. Дело знает недостаточно. Прошу Вас срочно прислать самолетом Воронова и Говорова, так как без их помощи мне трудно быстро устранить недостатки.

Жуков».

В этот же день во время переговоров по БОДО с маршалом Шапошниковым он запросто просит две-три дивизии для Кулика, чтоб нанести мощный удар. А о принимаемых им пожарных мерах и наведении порядка в частях рассказывает: «Части 42-й армии дерутся исключительно плохо, и, видимо, в ближайшие дни наведем порядок и заставим драться как полагается. Если придется, не остановимся ни перед какими мерами...» При этом, когда из уст Георгия Константиновича звучит, что «Красногвардейск вчера сдан противнику, как я вам доложил», маршал Шапошников с удивлением отвечает: «У нас этого донесения не поступало. Было донесение только о занятии Большого Варева и выходе танков на дорогу Красногвардейск – Ленинград...» На что Жуков совершенно спокойно говорит: «Относительно донесения у Красногвардейска, то прикажу Хозину разобраться, видимо, что-то с шифровкой и расшифровкой». Словом, «что позволено Юпитеру, то не позволено быку»^[2].

Главный маршал авиации А. А. Новиков в своих мемуарах пишет, как твердую руку Жукова сразу почувствовали в войсках. А чуть ниже, как бы между прочим, добавляет: «И ничего, казалось бы, особенного при Жукове не случилось, просто изменился характер нашей обороны – она стала более активной. Возможно, то же самое сделали бы и без него. Обстановка все равно заставила бы. Но если бы произошло это позже, менее твердо и целенаправленно, без такой, как у Жукова, жестокости и смелости, и должный результат сказался бы не столь быстро, как тогда требовалось». И действительно, ничего особенного при Жукове не случилось, только изменился характер командования Ленинградским фронтом. И вот почему.

Как известно, в ходе кампании 1941 г. для группы армий «Север»

главной целью являлся Ленинград. Так, еще 8 июля начальник штаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер запишет в свой дневник: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае потом мы будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого следует использовать танки. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще».

Через неделю все тот же Гальдер сообщит начальнику штаба группы армий «Север» генералу Бреннеке: «Задача группы армий пока состоит не в овладении Ленинградом, а только в его блокировании».

По авторитетному мнению доктора исторических наук Н. Ломагина, «решение нацистского руководства заблокировать город было связано с провалом стратегии блицкрига. Как свидетельствуют материалы командования 18-й армии противника, в конце августа 1941 года немецкие войска несли существенные потери на подступах к Ленинграду. Особую тревогу немецкого командования вызывало то, что более трети унтер-офицеров выбыло из строя.

Осознание невозможности одновременно выполнить две задачи – взять Ленинград и продолжать развивать наступление на Москву побудило Верховное командование вермахта принять 28 августа 1941 года стратегическое решение, предопределившее судьбу Ленинграда. В нем, в частности, говорилось:

"... На основании указаний высшего руководства приказываю:

1. Окружить Ленинград кольцом как можно ближе к самому городу, чтобы сэкономить наши силы. Требование о капитуляции не выдвигать.

2. Для того чтобы избежать больших потерь в живой силе при решении задачи по максимально быстрому уничтожению города как последнего центра красного сопротивления на Балтике, запрещается наступать на город силами пехоты. После подавления сил ПВО и истребительной авиации противника подлежат разрушению водопровод, склады и электростанции, которые обеспечивают жизнедеятельность города и его способность к обороне. Военные объекты и вооруженные силы противника подлежат уничтожению артиллерийским огнем. Любая попытка населения выйти из кольца должна пресекаться, при необходимости – с применением оружия"».

Еще через неделю, а если точнее, то 5 сентября, Гитлер назвал район Ленинграда «второстепенным театром военных действий».

Вот только немецкие генералы до конца не понимали такого решения

фюрера. В связи с этим 11 сентября командующий 18-й армии генерал-полковник Георг фон Кюхлер сделал запрос командованию группы армий «Север» относительно снабжения русского населения продовольствием, на что получил вполне лаконичный ответ: «Это абсолютно не предусмотрено. Группа армий "Север" не заинтересована кормить целый город всю зиму».

В это время, по свидетельству Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, 10 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта в его присутствии рассматривал вопрос о мерах, которые следовало провести в случае невозможности удержать город. В результате обсуждения было решено защищать Ленинград до последней возможности.

Наконец наступает 17 сентября...

В этот день Военный совет Ленинградского фронта (Жуков, Жданов, Кузнецов, Хозин) отдает боевой приказ № 0064 Военным советам 42-й и 55-й армий:

«1. Учитывая особо важное в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верх. Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющим указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести шифром к 12.00 18.9.41 г...»

Навеки сохранился этот день и в памяти известного писателя Д. Гранина: «Уходили из Пушкина в пять утра 17 сентября. Немецкие автоматчики уже заняли парк. Было прохладно, солнце еще не вылезло, желто-красные полосы восхода наливались светом. Глухота проходила, он слышал, как зачирикали первые птицы. Мостовые поблескивали росой. Пустые улицы, гулкий шаг армейских сапог, но город спал, в окна никто не выглядывал. Висела афиша: "Анонс – кинокомедия „Антон Иванович сердится“ с 18 по 26 сентября.

Д. шел в конце колонны, говорили о том, не разбудить ли город, не объявить ли по радио, дать людям возможность бежать. Представитель штаба заявил, что никто не уполномочивал... произойдет паника, столпотворение, полк задержат...

Подошли к Пулкову, с высоты открылась равнина, вся усеянная фигурками людей. Сотни, тысячи солдат стекались с разных сторон в город. Спешили, пробирались через картофельные поля. По заросшим полям, исчерченным проселками, тянулись повозки с пулеметами, снарядами ящиками, телеги со скарбом беженцев, они везли детские коляски, велосипеды, увешанные узлами. То было наглядное зрелище всеобщего отступления, картина, которая напоминала огромное полотно Брюллова "Последний день Помпеи". Д. понял, что фронт рухнул. По крайней мере юго-западный участок прорван. Никто не останавливал эти массы отступающих. Кое-где выделялись группы солдат, сохраняющих строй, маленькие отряды, они шагали, не смешиваясь с этим муравейником.

Показались немецкие самолеты. Сперва несколько, потом небо загудело, их налетели десятки. В поле ровном, пустом укрыться было негде, ни окопов, ни строений, огромная гладкая зеленая плоскость тянулась до самого города, на ней был виден каждый человек. Сперва посыпались небольшие бомбы, затем свинцовые очереди, штурмовики били бесприцельно, оставляя на земле лежащих, ползущих.

Бежали кто куда, но все к городу, к горизонту, обозначенному каменными корпусами. С ревом, на бреющем полете, самолеты неслись прямо над головами, поливая свинцом бегущих».

Но пройдет каких-то двадцать лет, и Даниил Гранин расскажет про то, как Ленинград, казалось, остался открытым настезь: «Ни в книгах, ни в мемуарах – нигде ничего не упоминалось про этот день. Его уничтожили, вымарали из истории. Военным историкам все было ясно. Немецкие войска столкнулись с обороной Ленинграда, конечно, исторической, взять город не смогли и вынуждены были перейти к блокаде...

День 17 сентября у немецких историков тоже отсутствовал. Они стремительно домчались до Ленинграда... и что? И зарылись в окопы. У нас было 900 дней неприступной обороны, у них тоже было 900 дней неприступной осады города.

Никто не мог меня переубедить! 17 сентября 1941 года было! Ну хорошо, у нас творился бардак, но почему немцы, которые так рвались к Ленинграду, на полном ходу застопорили и не вошли в открытые ворота?»

«13 сентября немецкие войска заняли Красногвардейск, – пишет сын фельдмаршала Риттен фон Лееба Германн Лееб. – После этого группе армий "Север" было приказано пробиваться от внешней полосы окружения к так называемому "ближнему рубежу окружения": Ивановское – вниз по течению Невы – Александровская – перекресток дорог восточнее Урицка –

Урицк.

В этот период, точная дата неизвестна – один из немецких танков прорвался к предместью Ленинграда. По рации он доложил наверх: "Мы стоим на окраине города и можем без помех войти в него". Когда последовал приказ повернуть назад, то танкисты не захотели этому верить. Командир танковой роты вынужден был повторить экипажу танка приказ на отход и добавил: "Это распоряжение исходит от самых высоких инстанций". Генерал Бреннеке, начальник штаба группы армий "Север", подробно описал этот эпизод, когда в 90-х годах побывал в моем доме в Хоеншвангау.

Имеется фотография с датой 15 сентября, на которой изображены два немецких солдата, стоящие перед выкрашенным в ярко-красный цвет трамваем на шоссе под Урицком в 10 км от центра Ленинграда. Вагоновожатый явно не рассчитывал на эту встречу с немцами. Снимок опубликован в книге Хассо Стахова "Трагедия на Неве", стр. 65.

Фон Лосберг в своей книге "В штабе верховного командования вермахта" на стр. 132 описывает эпизод, имевший место 16 сентября под Ленинградом. Эту же сцену, но уже в красках, расписывает Хассо Стахов в упомянутой выше книге "Трагедия на Неве" на стр. 38: "Мы находимся на Дудергофских высотах на местности, оборудованной еще с царских времен для проведения маневров. Вдали проблескивает шпиль Адмиралтейства. У стереотрубы столпились генералы, среди них: Гепнер – командующий 4-й танковой группой и Райхардт – командир 41-го моторизованного корпуса. Райнхардт обращается к Гепнеру: "Дайте мне 8-ю танковую дивизию, и завтра к вечеру я доложу Вам о взятии города!" В ответ Гепнер бурчит: "Вы же ведь знаете, он этого не хочет!" Под этим "он" подразумевается Гитлер".

Был период, когда Гитлер планировал отвести 3-ю танковую группу от Москвы, направив ее против Ленинграда. Но теперь, поскольку кольцо вокруг Ленинграда сомкнулось, Гитлер посчитал, что на этом участке фронта танки больше уже не потребуются. Поэтому он распорядился вывести 4-ю танковую группу из состава группы армий "Север", направив ее на Москву. Адьютант фельдмаршала фон Лееба подполковник фон Грисенбек записал позднее в своем дневнике: "Захвату города, который охранялся лишь слабыми силами, препятствовал приказ свыше, согласно которому были отведены семь дивизий с целью их дальнейшей переброски на Москву. Предостережение Лееба, высказанное им в личной беседе с Гитлером, что таким образом не будут взяты ни Москва, ни Санкт-Петербург, подтвердились"». (Книга фон Лееба «Дневниковые заметки и оценки обстановки в ходе двух мировых войн». С. 66, примечание 152.)

29 сентября очередную директиву подписал начальник штаба ВМС Германии:

«Будущее города Петербурга

1. Чтобы иметь ясность о мероприятиях военно-морского флота в случае захвата или сдачи Петербурга, начальником штаба военно-морских сил был поднят вопрос перед Верховным главнокомандованием вооруженных сил о дальнейших военных мерах против этого города.

Настоящим доводятся до сведения результаты.

2. Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у ее новых границ.

3. Прежние требования военно-морского флота о сохранении судостроительных, портовых и прочих сооружений, важных для военно-морского флота, известны Верховному главнокомандованию вооруженных сил, однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду общей линии, принятой в отношении Петербурга.

4. Предполагается окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения.

5. Главное командование военно-морских сил в ближайшее время разработает и издаст директиву о связанных с предстоящим уничтожением Петербурга изменениях в уже проводимых или подготовленных организационных мероприятиях и мероприятиях по личному составу.

Если командование группы армий имеет по этому поводу какие-либо предложения, их следует как можно скорее направить в штаб военно-морских сил».

Замкнув плотное кольцо блокады, остановились у Ленинграда немцы. На прежних позициях стояли финны. Только поэтому Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в мемуарах абсолютно честно напишет: «Благодаря мерам, принятым командованием фронта, к концу сентября на северных,

южных и юго-восточных подступах к Ленинграду была создана прочная, глубоко эшелонированная и непреодолимая для врага оборона».

Правда, за его широкой спиной до сих пор не видно Маркиана Михайловича Попова, командующего войсками Северного фронта, который для защиты Ленинграда сделал все...

К слову сказать, следующая попытка захватить Ленинград будет планироваться немецким командованием только летом 1942 г.

61-я резервная армия

В распоряжении Главного управления кадров НКО СССР генерал-лейтенант Попов состоял с сентября по 2 ноября 1941 г...

В Ленинграде ему пришлось оставить огромную квартиру на Кронверкском проспекте, а жену Клавдию Ильиничну с маленьким сыном еще в начале июля, прямо с дачи в Левашово с запасом зимних вещей, отправить в эвакуацию в Челябинск. Провожая их на Московском вокзале, Маркиан Михайлович предупредил: «... Война будет затяжная». Одна лишь родная сестра Нина, с которой он за это время виделся дважды, категорически отказалась уезжать, оставшись работать в Ленинграде.

В Генштаб Попова вызвали неожиданно.

– Как вы, голубчик, смотрите на то, чтобы возглавить 61-ю армию? – спросил маршал Шапошников.

– Я согласен с этим назначением. Благодарю за доверие, – без тени сомнения ответил Маркиан Михайлович.

Прежде чем возглавить 61-ю резервную армию, ее требовалось сформировать. В состав армии согласно директиве Ставки передавались 7 стрелковых дивизий и 2 кавалерийские. К 9 ноября начальником штаба армии генерал-майором Глуховым совместно с начальником Генштаба должен быть сформирован штаб армии, который требовалось развернуть в Саратове к 10 ноября. А к 15 ноября – части связи и обслуживания. Решение и план обороны войск армии по р. Волга от Балаково до Никольское генерал Попов должен был представить на утверждение Ставки уже к 30-му числу.

25 ноября Ставка приказывает закончить сосредоточение 61-й резервной армии (в районе Рязск, Раненбург, Мичуринск, Старо-Юрьево) к вечеру 5 декабря. 26-го генерал Попов с оперативной группой уже переходит в район Старо-Юрьево (Старо-Юрьево – село в Тамбовской области, расположенное в 130 км от Тамбова на реке Лесной-Воронеж). Там он организует разведку и готовит размещение своих частей, в том числе обеспечивая их своевременную выгрузку. Доукомплектование частей армии Попова, доведение до норм боеприпасов, горючего, обеспечение бесперебойного снабжения продовольствием, фуражом и теплым обмундированием, возлагалось на начальника Главного управления формирования и комплектования войск, начальника тыла Красной армии и начальника Главного артиллерийского управления.

4—6 января 1942 г. войска 61-й армии (на правом фланге) Брянского фронта производили перегруппировку сил, стремясь использовать выдвинутое вперед положение 10-й армии (на левом фланге) Западного фронта, чтобы через ее расположение выйти во фланг и тыл болховской группировке противника. Армия генерала Попова оставив заслон с востока на рубеже Оки, перебрасывала свои дивизии на север, на западный берег Оки.

7 января, после завершения перегруппировки, войска 61-й армии перешли в наступление из района западнее и юго-западнее Белева, нанося удар во фланг и тыл болховской группировке противника, оборонявшей западный берег Оки.

Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, а тогда генерал-лейтенант, командующий 10-й армией, вспоминая события в борьбе за город Белев, свидетельствует: «Трудность в организации взаимодействия с 61-й армией заключалась в том, что командование Юго-Западного (потом Брянского) фронта с самого начала и до конца направляло главные силы этой армии в юго-западном направлении с задачей овладеть городами Мценск и Волхов. Таким образом, разрыв между 10-й и 61-й армиями все время увеличивался. Конечно, Генштаб и командование Западного фронта это прекрасно знали. Вот что сообщил мне по этому вопросу в письме от 3 сентября 1964 г. бывший командарм 61-й генерал М. М. Попов:

"61-я армия поворачивалась на юго-запад с задачей наступать в общем направлении на Волхов с целью овладения им. Давались очень жесткие сроки... Вот почему командарм вынуждается к изменению направления главной группировки армии на юго-запад, получает из штаба фронта аэрофотоснимки оборонительных рубежей противника по р. Ока и на подступах к Волхову и, руководствуясь ими, определяет участок форсирования р. Ока несколько севернее устья р. Зуша. Таким образом, все внимание командарма и усилия штарма были направлены на подготовку этого форсирования, прорыва обороны и развития и наступления на Волхов. И этот прорыв где-то в начале января состоялся и сперва имел некоторый успех. Войскам удалось продвинуться на глубину до 3—5 км, но под воздействием сильных контратак пехоты противника, поддержанной танками, они оставили захваченный плацдарм и отошли на восточный берег...

После нашей неудачи нам становится известным об овладении частями 10-й армии г. Белев и их успешном развитии наступления на запад. Становилось целесообразным использовать успех правого соседа и срочно перегруппировывать на белевское направление все свободные дивизии с

тем, чтобы уже оттуда наносить удар на юг, на Волхов.

Это решение одобряется комфронта, отдаются соответствующие распоряжения, а командование армии с оперативной группой штаба перемещается в Белев, который еще находился под артиллерийским и пулеметным обстрелом из районов южнее города.

Однако дивизиям армии сломить сопротивление немцев непосредственно южнее города не удалось, что затем и привело к поискам западного фланга противника, а в последующем к глубокому вклинению на ульяновском направлении, примерно на 50 км на юго-запад от Белева. Все попытки прорваться к Волхову, от которого передовые части армии находились в 20 км, успеха не имели, и в конце января – начале февраля 1942 г. перешли к обороне"».

13 января 61-я армия была передана в состав Западного фронта. Командующий 16-й армией генерал К. К. Рокоссовский не однажды будет рассказывать с улыбкой на лице, как соседом слева у него оказалась 61-я армия под командованием М. М. Попова, а справа 10-я армия, в командование которой вступил генерал В. С. Попов: «Таким образом, мы оказались между двумя Поповыми. В старину сказали бы: счастливое предзнаменование!»

Войсками Западного фронта тогда командовал генерал армии Г. К. Жуков. Константин Константинович не сможет «умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.

Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а "волевой" документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти "волевые" приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!».

«Боевые действия на фронте 61-й армии после включения ее в состав Западного фронта развернулись следующим образом: до 16 января армия производила перегруппировку, действуя против болховской группировки немецко-фашистских войск, состоявшей из 112-й, 167-й пехотных дивизий, – говорится в коллективном труде Генштаба под руководством маршала Б. М. Шапошникова. – Суть этой перегруппировки заключалась в

том, что правофланговые дивизии армии (91-я кавалерийская, 350-я и 387-я стрелковые) меняли направление своего наступления с западного и юго-западного на юго-восточное. Предварительно необходимо было во взаимодействии с центром и правым флангом армии разделаться с болховской группировкой противника, нависание которой над крайним левым крылом фронта лишало его возможности развивать удар в западном направлении, стесняло действия войск правого крыла Брянского фронта и оставляло открытым левый фланг 61-ф армии».

20 января 91-я кавалерийская дивизия армии овладела Ивановом, 350-я стрелковая с боем взяла Ягодную, а 387-я овладела населенными пунктами Ногай и Кирейково.

С 20 по 30 января армия генерала Попова сосредотачивала свои усилия против болховской группировки противника...

30 марта 1948 г., будучи командующим войсками Таврического военного округа, генерал М. М. Попов напишет письмо начальнику Главного управления кадров Министерства Вооруженных Сил СССР генерал-полковнику Голикову: «Проверив свой послужной список, установил в нем ряд неточностей и пропусков за период Отечественной войны.

1) С должности Командарма 61 по явному недоразумению отстранен приказом Ком. Зап. Фронта. Я обжаловал товарищу Сталину. Через 8—10 дней был восстановлен в должности, а генерал-полковник КУЗНЕЦОВ Ф.И., командовавший эти дни армией, как скомпрометировавший себя, был отозван в распоряжение Ставки В. К.

Решение о моем восстановлении в должности и об отзыве КУЗНЕЦОВА было изложено в одной шифровке за подписью тов. ЖУКОВА (примерно 8—10.2.42 г.).

Я не помню, когда Вы вступили в командование Брянским фронтом, но уверен, что Вы помните, что в феврале и марте я, командуя 61 А, проводил операцию на Волховском направлении...»

Такой факт действительно был. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский рассказывал: «В связи с неблагоприятной обстановкой, сложившейся на участке 10-й армии, которой командовал генерал Ф. И. Голиков, и нависшей из-за этого угрозой над левым флангом Западного фронта управлению и штабу 16-й армии 21 января 1942 года ком фронтом приказал: перейти в район Сухиничей, принять в свое подчинение соединения и части 10-й армии, организовать противодействие противнику и восстановить положение.

Подытожив все данные, собранные штабом о противнике, местности, а

также о своих силах и средствах, приняли решение в первую очередь приступить к проведению операции по овладению Сухиничами.

Нужно же было, чтоб в самый разгар подготовки операции приехал к нам заместитель командующего фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Расположившись в одном из домов со своей машинисткой (больше с ним никого не было), он вызвал меня к себе. Выслушав мой доклад, в повышенном тоне заявил, что все мероприятия никуда не годятся. Дескать, вместо того чтобы усиливать равномерно всю занимаемую нами полосу, мы, стягивая к Сухиничам силы, ослабляем другие участки, давая возможность этим воспользоваться противнику. С ним я не мог никак согласиться и счел своим долгом доложить о том командующему фронтом по телеграфу. Тот мое решение одобрил, а Кузнецову приказал выехать в 61-ю армию.

Задачу комфронтом мы выполнили и город Сухиничи освободили. После этого Г. К. Жуков сообщил мне, что на днях нам будет прислана директива фронта о задачах армии на ближайшее время... (...)

Тесная связь установилась у нас с соседом слева – 61-й армией. До меня дошли любопытные сведения относительно "дебюта" Ф. И. Кузнецова, о чем я уже рассказывал, после того, как он побывал у нас и был направлен Г. К. Жуковым в 61-ю армию. Ему так же, как и в 16-й, не понравились мероприятия, проводимые командармом М. М. Поповым. О своих претензиях он доложил по телеграфу комфронтом. Тот незамедлительно отреагировал на его доклад, приказав ему вступить в командование 61-й армией. Ф. И. Кузнецов, пытаясь избежать столь неожиданного назначения, доказывал, что М. М. Попов в состоянии выправить положение после полученных указаний, но его доводы не помогли ему избавиться от более ответственной самостоятельной должности. И пришлось ему вступить в командование 61-й армией. Но не повезло, оказывается, Кузнецову и здесь, так же не везло в Прибалтике и Крыму. Не прошло и недели, как противник перешел в наступление и продвинулся на одном из участков 61-й армии до 30 км. М. М. Попов опять вступил в командование армией, а Ф. И. Кузнецов вообще выбыл из состава Западного фронта».

«Цирк» с генералом Кузнецовым документально дожил до наших дней...

Директива Ставки ВГК № 170073 от 30 января 1942 г. 15 ч. 00 мин.:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования санкционирует освобождение генерал-лейтенанта Попова М. М. от должности

командующего 61-й армией и выдвижение на эту должность генерал-полковника Кузнецова Ф. И., как правильные по существу.

2. Ставка Верховного Главнокомандования в то же время указывает на незаконность подобных перемещений без специального приказа Ставки, ибо такие перемещения могут быть производимы лишь в порядке специального приказа Ставки Верховного Главнокомандования.

3. Генерал-лейтенанта Попова направить в распоряжение НКО...»

Директива Ставки ВГК № 170082 Главнокомандующему войсками Западного направления и командующему 61-й армией о назначении заместителя командующего армией от 7 февраля 1942 г. 14 ч. 15 мин.:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает назначить генерал-лейтенанта тов. Попова Маркиана Михайловича заместителем командующего 61-й армией...»

Директива Ставки ВГК № 170102 Главнокомандующему войсками Западного направления о смене командующего 61-й армией от 12 февраля 1942 г. 23 ч. 50 мин.:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказала, согласно представлению командования Западного фронта, освободить генерал-полковника Кузнецова от обязанностей командующего 61-й армией и направить его в распоряжение НКО.

Допустить к командованию 61-й армией генерал-лейтенанта Попова...»

Федор Исидорович Кузнецов был старше М. М. Попова на 6 лет. В Первую мировую воевал в чине прапорщика. В Гражданскую командовал ротой, батальоном, полком. Сумел отличиться. В 1919-м от ВЦИК был награжден серебряным портсигаром и двумя орденами Красного Знамени (1920,1921). В 1926-м окончил Военную академию им. Фрунзе, а в 1930-м – курсы усовершенствования высшего начсостава. С началом войны именно он командовал войсками Северо-Западного фронта (левый сосед командующего Северным фронтом М. М. Попова). Уже через неделю после начала войны, 30 июня, был снят с должности. До Прибалтийского округа Кузнецов командовал Северо-Кавказским. Начудил и там. Как вспоминал генерал-полковник артиллерии Н. М. Хлебников, при Федоре Исидоровиче они «несколько засиделись в учебных классах и тактических кабинетах»: «Кузнецов много лет преподавал в Военной академии имени М. В. Фрунзе общевойсковую тактику. Дело он это знал и любил, и постепенно

общевоинская тактика стала главенствующим предметом во всех частях округа. Причем тактикой занимались преимущественно в кабинетах и классах на ящиках с песком. В поле, на практические занятия, войска выводились редко». Отсюда и результат. Будучи командующим войсками 51-й Отдельной армии, фактически стал виновником слабой подготовки обороны перешейков Крыма, в результате чего войска 11-й армии противника быстро овладели Крымом и чуть было беспрепятственно не вошли в Севастополь. С февраля 1945 г. генерал Кузнецов командовал Уральским военным округом. Судя по свидетельству генерала армии А. С. Жадова, проспал все и там: «Много лет спустя, в 1948 году, если память мне не изменяет, когда Г. К. Жуков прибыл принимать Уральский военный округ, которым командовал Ф. И. Кузнецов, мне вновь пришлось встретиться с ним. Я был в составе приемопередаточной комиссии. Положение в ряде частей было не на высоте, и, строго говоря, мы обязаны были все недостатки отразить в специальном акте. Федор Исидорович уходил в отставку, и мне очень не хотелось этого делать. Выручил Георгий Константинович.

– Ничего не надо писать, – сказал он, – тут дело ясное, разберусь сам. Он сдает, а я принимаю. – Этим самым он взял всю ответственность за имевшиеся недостатки в округе на себя». А Федор Исидорович отправился в отставку.

350-я стрелковая дивизия входила в состав 61-й армии. С 25 сентября 1941 г. временно исполнял должность командира этого соединения полковник П. П. Авдеенко. И если бы в Интернете не появился «Сайт о командире 51-го стрелкового корпуса генерале Авдеенко Петре Петровиче» (на нем размещена книга его дочери Червинской В. П. «По дорогам войны и жизни»), то никто и никогда не узнал бы, что всего лишь однажды за годы войны Маркиан Михайлович Попов незаслуженно обидел своего подчиненного... Случай практически из области фантастики, но тем не менее факт, так сказать, налицо. И вот что Валентина Петровна пишет: «В феврале 1942 года дивизии 61 армии генерала М. М. Попова продолжают вести бои южнее Белева в направлении к Волхову. Гитлеровское командование перебрасывает на этот участок крупные танковые и моторизованные соединения. Под обстрелом вражеской артиллерии и авиации наши войска несут большие потери. Прокофий Митрофанович Ромас вспоминал, что в 70-е годы прошлого века бывший начальник артиллерии дивизии генерал Н. Н. Меренков при встрече с ветеранами дивизии рассказывал: "Когда мы в начале февраля 1942 года подошли к Волхову с северо-запада и остановились на подступах к городу, мы

непрерывно подвергались контратакам свежих сил противника".

Командующий 61 армией генерал Попов вызвал к аппарату командира дивизии полковника Петра Петровича Авдеенко и в резкой форме потребовал продолжать наступление на Волхов, а "не топтаться на месте".

Петр Петрович ответил ему в таком же резком тоне. Докладывая командующему армией обстановку, командир дивизии подчеркивал, что подразделения дивизии ослаблены, так как понесли большие потери в боях, осталось мизерное количество артиллерийских и минометных боеприпасов, нет поддержки артиллерии и танков, не действует авиация, в то время как авиация противника совершает полеты даже в плохую погоду, а для наступающих соединений дивизии действия с флангами не согласованы. Полковник Авдеенко настойчиво требовал пополнить дивизию личным составом, боеприпасами, а также усилить ее артиллерией и танками. Только в таком случае можно рассчитывать на успешное наступление.

Когда разговор с командующим армией был закончен, Петр Петрович, бросив трубку, сказал, что теперь с ним, скорее всего, будут разбираться на Военном совете армии».

Далее генерал Меренков говорил:

«Петр Петрович мог постоять за себя и был не из робких. На грубость мог ответить грубостью, невзирая на чины и ранги. Он не боялся ответственности и часто брал ее на себя, но при необходимости мог строго спросить и с подчиненных».

После вызова на Военный совет армии в Москву полковник Петр Петрович Авдеенко был снят с должности командира 350-й стрелковой дивизии с решением – «за бездеятельность».

Прокофий Митрофанович Ромас вспоминал:

«Понятно, что командующий 61-й армией генерал Попов отлично знал о действительном положении дел на фронте, но, если бы полковник Авдеенко не был таким прямолинейным, то его не обвинили бы в том, что дела на фронте идут плохо по вине 350-й стрелковой дивизии и ее командира».

Начнем с того, что у командующего армией генерал-лейтенанта Попова было счастливое сочетание: отличное образование, большой командный опыт, высокая военная культура и огромное личное обаяние. Какое счастливое сочетание было у временно исполняющего должность командира дивизии полковника Авдеенко, нам, к сожалению, ничего не известно. Однако из той же книги В. П. Червинской мы можем узнать, что сам ее отец, судя по всему, был большим мастером покричать на

подчиненных, но зато очень не любил, когда повышают голос на него. Такое бывает, к сожалению. Например, сама дочь Авдеенко пишет: «26 декабря полки дивизии форсируют по льду реку Ока в районе Городище и Кривцово. Овладев селом Кривцово, полки подошли к селу Багриново – в 10 км от Волхова.

Гитлеровское командование бросает на это направление свежие силы с танками, артиллерией и авиацией. Полковник Авдеенко просит подкрепление у командующего 61-й армии, сообщает ему, что дивизия без поддержки свежих сил, при отсутствии необходимого количества боеприпасов, артиллерии, танков, не в состоянии продолжить наступление. К великому сожалению, помощь не была оказана, и дивизия отступает, отражая атаки пехоты и танков врага.

Противник решает окружить и разгромить по отдельности сражающиеся полки дивизии. Подразделения частей дивизии с боями отходят к реке Ока, туда, где 26 декабря форсировали ее.

Прокопий Митрофанович Ромас лично рассказывал мне об отступлении полков дивизии на реке Ока, а позднее написал и передал мне запись, которая сохранилась у меня: "Наш 1 – й дивизион поддерживал бой 1176-го и 1180-го стрелковых полков с восточного берега реки Ока, 2-й дивизион вместе со стрелковыми подразделениями вел бои на западном берегу реки, отражая атаки вражеской пехоты и танков прямой наводкой. Так и вели бои от рубежа к рубежу. Наступающие немецкие пехота и танки все ближе и ближе подходили к реке, пытаясь с флангов отрезать наши подразделения и разгромить два стрелковых полка. Но воины стрелковых подразделений, поддерживаемые артиллеристами, отбивали вражеские атаки. Несколько залпов по немцам дали наши "катюши". Когда бой с противниками шел уже на подходе к реке, я видел командира 1176-го стрелкового полка подполковника И. А. Иванова – высокого, широкоплечего, с длинными руками и автоматом на груди. Он докладывал командиру дивизии П. П. Авдеенко обстановку. Разговор шел крупный, острый, с большим накалом нервов с обеих сторон. П. П. Авдеенко, человек крутой и решительный, требовал от командира полка остановить немцев любой ценой".

Таким образом, в марте 1942 г «за бездеятельность» полковник П. П. Авдеенко был отстранен от временного исполнения должности и состоял в распоряжении Военного совета Западного фронта до мая месяца. Казалось бы, чего только не было на войне, однако формулировка «за бездеятельность» никак не дает покоя дочери обиженного командира дивизии: «В отличие от командующего 61-й армии генерала Маркиана

Михайловича Попова, командующий 38-й армии генерал Никандр Евлампиевич Чибисов никогда не позволил бы себе обвинять в неудачах в действиях своей армии кого-нибудь из невиновных командиров, каким оказался полковник Авдеенко у командующего 61-й армии генерала М. М. Попова. Для командующего 61-й армии легче всего было обвинить командира 350-й стрелковой дивизии Авдеенко в неудачах 61-й армии, чем разобраться в действительном положении своих частей.

Доскональное тщательное изучение действий соединений 61-й армии позволяет сделать следующий вывод. Было очень тяжелое положение на всей линии наступающей 61-й армии, но заставляя наших красноармейцев просто погибать под огнем врага Петр Петрович Авдеенко не хотел и требовал от командующего необходимой, хотя бы минимальной, помощи в данной обстановке. Петр Петрович Авдеенко и в боях под Москвой, и в последующих боях всегда руководствовался единственной мыслью: все ли я сделал для того, чтобы избежать больших людских потерь?

В этом и заключалась "бездеятельность" командира 350-й стрелковой дивизии полковника Авдеенко, которая часто подчеркивается в его далеко не полных биографиях в системах Интернета».

В своей обиде за отца В. П. Червинская идет и дальше: «Приговор Военного совета "за бездеятельность" отразился в дальнейшем на некоторых моментах в боевой жизни полковника Авдеенко, а позднее генерала Авдеенко (с 4 февраля 1943 года). Так, за большие успехи в Воронежско-Касторненской операции 240-й стрелковой дивизии под командованием генерала Авдеенко, когда дивизия прошла с боями от Касторного до Суджи, освободив Тим, Солнцево, Марьино, Обоянь, Большое Солдатское, Коренево, Снагость, – генерал Авдеенко был представлен к награждению орденом Суворова 2-й степени.

Но, вспомнив наказание Военного совета 61-й армии, самое высокое командование решило воздержаться от такого награждения, заменив его орденом Красного Знамени. Справка о награждении генерала Петра Петровича Авдеенко сохранилась в архиве моей мамы, но орден Суворова 2-й степени генералу Петру Петровичу Авдеенко не вручили».

К слову сказать, орден Красного Знамени в Советском Союзе был выше по статусу ордена Суворова 2-й степени. Об этом, правда, не все обязаны знать. Важно другое – кто сменил полковника Авдеенко после его отстранения и как он с этой задачей справился.

Командиром 350-й стрелковой дивизии Маркиан Михайлович назначил «свою правую руку» – начальника штаба 61-й армии генерал-майора Глухова Михаила Ивановича. Это «пожарное» назначение было

временным, а потому и с оставлением в должности начальника штаба армии. Исправлял ошибки Авдеенко М. И. Глухов с 21 марта по 2 апреля 1942-го, пока командующий не нашел на дивизию достойную кандидатуру – полковника Грищенко Александра Павловича, к которому претензий, как при М. М. Попове, так и после него, не было. И еще. В 61-й резервной армии Маркиану Михайловичу не раз придется менять командиров дивизий, но чтобы отпускать на эту должность своего начальника штаба, такого больше никогда не будет.

Несколько слов о Глухове. Михаил Иванович (1893) – участник Первой мировой и Гражданской войн. За храбрость был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и орденом Красного Знамени (1921). С 1931-го командовал стрелковыми дивизиями. С 1937-го – командир 26-го стрелкового корпуса ОКДВА. С марта 1938 г. находился под следствием. В декабре 1939 г. реабилитирован. С началом войны выполнял специальные задания в группе генерала армии И. В. Тюленева. С сентября 1941-го – начальник штаба 61-й армии. Как сообщается в документальном военном биографическом словаре «Комкоры»

(Том 1), «участвовал в планировании ряда военных действий в ходе Московской битвы. До апреля 1942 г. армия провела успешные наступательные операции на болховском и орловском направлениях». В апреле 1942 г. был выдвинут на должность заместителя командующего 13-й армией Брянского фронта. С января 1944 г. генерал-лейтенант М. И. Глухов командовал 76-м стрелковым корпусом. Войну закончил в Праге.

Генерал-майору П. П. Авдеенко 51-й стрелковый корпус доверили в июне 1943 г., а в ноябре 1944 г. отозвали с фронта на учебу в Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова получить. Окончил он ее уже далеко после войны – в 1946-м.

Что же касается поставленного в пример генерала Чибисова, то он действительно отличался от генерала Попова в некотором роде флегматичностью. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский рассказывал: «Невольно вспоминаю случай во время горячих боев под Воронежем. Находясь в распоряжении 38-й армии, я узнал, что противник внезапной атакой потеснил наши части на одном из участков. Это меня крайне обеспокоило и вынудило отправиться на армейский КП. Командарма я застал за столом, на котором весело пел самовар. Чибисов был в весьма благодушном настроении. На мой вопрос, известно ли ему о положении у него на фланге, командарм спокойно ответил: он еще не выяснял обстановку, но уверен, что там ничего особенного не приключилось. И пригласил меня попить чайку.

Это поистине олимпийское спокойствие в столь тревожной обстановке возмутило меня до глубины души и вынудило повести разговор в резкой форме. Подействовало. Командарм энергично принялся за дело. На угрожаемый участок немедленно были выдвинуты войска. Противник был отброшен. Правда, и мне пришлось помочь Чибисову, выделить средства усиления из фронтового резерва».

Но мы отвлеклись... В мае 1942-го генерал К. К. Рокоссовский вернулся в свою армию из госпиталя, где находился на излечении после полученного тяжелого ранения. Как он напишет в мемуарах, в его отсутствие армия отбросила противника за реку Жиздра, и бои на этом участке временно прекратились. Далее он свидетельствует: «Приехав, я сразу окунулся в боевую обстановку. Она выдалась довольно горячей: по директиве фронта нашей армии совместно с 61-й на смежных флангах предстояло провести наступательную операцию.

Подготовившись к операции, мы с генералом В. И. Казаковым выехали к соседям для отработки взаимодействия. Еле разыскали командарма, забравшегося в глухую деревушку, куда мы попали пешком (проезжей дороги не было). Попов встретил нас тепло. Он оказался весьма приятным собеседником и здравомыслящим военным руководителем, произвел на меня очень хорошее впечатление. Обговорили деловые вопросы, вспомнили "набег" Ф. И. Кузнецова, а также фиаско, которое тот потерпел. Нет, не злорадствуя, а просто удивляясь его поведению. Распрощавшись и пообещав поддерживать тесную связь, мы добрались до дрезины и вернулись к себе. В соединениях 61-й армии так же, как и у нас, не хватало личного состава. Здесь тоже, готовясь к предстоящим боям, подобрали, как говорится, все, что было можно, – выписали из госпиталей и поставили в строй излечившихся раненых, "подчистили" армейские тылы, в частях и соединениях выискивали собственные резервы. Но это – капля в море... (...)

На войска 16-й и 61-й армий директивой фронта возлагалась задача разгромить болховско-брянскую группировку противника. Задача, явно не соответствующая силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Занимая широкий фронт обороны, мы не могли оголять его. Вместе с тем только созданием мощной группировки можно было рассчитывать на прорыв вражеской обороны и развитие успеха в глубину и на флангах прорыва.

Откровенно говоря, такие операции, можно сказать, местного значения, проводившиеся оторванно от общих на отдельных армейских участках, никогда себя не оправдывали и влекли за собой значительные

потери.

Плохо было еще и то, что командование фронта почему-то не всегда считало обязанностью посвящать командующего армией в свои замыслы, то есть не ставило в известность о том, какая роль отводится армии в данной операции во фронтовом масштабе. В данном случае это было так. После согласования с командармом 61 дня и часа наступления участвовавшие в нем войска нашей армии к установленному времени, ночью, скрытно заняли исходное положение».

С 5 по 12 июля 1942 г. армии М. М. Попова и К. К. Рокоссовского успешно действовали на Брянском направлении против 2-й танковой армии противника. Чтобы остановить их, немцам пришлось перебросить из резерва три дивизии.

Называя генерала М. М. Попова «человеком долга», доктор исторических наук, профессор Ф. Д. Свердлов написал очень точный портреткомандующего 61-й армией: «Под его руководством (61-я армия) участвовала в контрнаступлении под Москвой и в наступлении на болховском и орловском направлениях. Армия добилась значительных успехов благодаря умелым действиям М. М. Попова. На этой должности особенно ярко проявилось его военное дарование. Он умел быстро и глубоко оценивать обстановку, что позволило предвидеть характер действий противника, решать поставленные боевые задачи, проявляя при этом исключительную целеустремленность, самостоятельность и твердость, находить новые, неожиданные для противника формы борьбы. М. М. Попов снискал высокий авторитет не только благодаря личной отваге и мужеству. Он постоянно заботился о рядовых солдатах, часто бывая в дивизиях и полках, охотно беседовал с ними, а также младшими офицерами, стремился при первой же возможности облегчить их тяжелый фронтовой быт. Зимой он старался поочередно выводить дивизии первого эшелона во второй для доукомплектования и отдыха. Проявляя постоянную заботу о сохранении личного состава, Маркиан Михайлович избегал фронтальных атак, формировал и широко применял для обхода вражеских узлов обороны лыжные отряды, создавая сильные группы артиллерии для подавления противника на направлении главного удара. В частях командующий армией работал с полной отдачей, при этом умел заразить своей энергией и уверенностью в успехе подчиненных командиров соединений».

В автобиографии генерал М. М. Попов укажет: «Окончив формирование армии на Волге и передислоцировав армию в район Рязск, с 5.12.41 г. участвовал в Московской операции, пройдя с армией за декабрь

1941 г. – январь 1942 г. около 100 км».

40-я армия

На воронежском направлении группа армий «Б» под командованием генерала Максимилиана фон Вейхса 28 июня 1942 г. (по плану «Блау»^[3]) нанесла мощнейший удар в стык 13-й и 40-й армий левого фланга Брянского фронта под командованием генерала Голикова. Ставка оказала помощь фронту, перебросив на его левый фланг целых три танковых корпуса. Однако перешедшая через два дня в наступление из-под Волчанска главная ударная группировка немцев (армия Паулюса, танковый корпус и авиация) вместе с частями Вейхса замкнули котел в районе Старого Оскола. Через образовавшуюся брешь немцы вышли к Дону, угрожая захватить Воронеж. Над городом нависла в буквальном смысле смертельная опасность. В связи со сложившейся обстановкой Ставка ВГК 7 июля 1942 г. (из левого фланга Брянского фронта) создает Воронежский фронт в составе 60-й, 40-й и 6-й армий, четырех танковых корпусов и 2-й воздушной армии. А 9-го ставит ему задачу: не позднее 11 июля нанести решительный удар между р. Дон и р. Воронеж из района Севрюкова, Рамонь на юг, в направлении на Подгорное, Малышеве с задачей очистить восточный берег в районе Подклетное, Семилуки, Малышеве, Воронеж и все пространство между р. Дон и р. Воронеж.

О том, когда генерал Попов прибыл в 40-ю армию, можно узнать все из того же письма начальнику Главного управления кадров МВС СССР генерал-полковнику Голикову: «2) 48 Армией я ни одного дня не командовал. Сдав Армию 2 июля 1942 года, я явился к Вам в Воронеж и был назначен Командармом 40, в командование которой вступил 4 июля 1942 года».

Это был уже конкретный «вызов на пожар»...

С 5 марта 1942 г. 40-й армией Юго-Западного, а затем Брянского фронтов командовал Герой Советского Союза генерал М. А. Парсегов. Начальник штаба Брянского фронта генерал М. И. Казаков назовет его «человеком увлекающимся»: «... у него порой не хватало терпения на детальный анализ обстановки. Мне и сейчас помнится один его разговор с командующим фронтом.

– Как оцениваете свою оборону? – спросил Ф. И. Голиков.

– Мышь не проскочит, – уверенно ответил командарм».

Но немецкая «мышь» не только проскочила в районе городов Ливны и Волчанск, но и, окружив большинство частей 40-й армии, стремительным

броском устремилась к Воронежу. Находящийся в состоянии тяжелого психологического перенапряжения Парсегов 3 июля был отстранен от должности. Более ему армий не доверяли.

Сменил неудачного командарма Маркиан Михайлович Попов. Как раз в это время из Москвы прибыла комиссия для расследования положения дел в объединении.

Новый командующий начал с того, что вызвал члена Военного совета 40-й армии П. В. Севастьянова и по-человечески попросил:

– Тут эта комиссия приехала, суд вершить... Вам придется этим заняться, потому что сам я этим заниматься не могу, руки не доходят. Так вот, пожалуйста, сделайте так, чтобы она тут не очень дергала людей. Это теперь уже ни к чему, а нервы человеческие дорого стоят...

Маршал авиации С. А. Красовский с командующим Воронежским фронтом познакомился на командном пункте. Генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин сразу же потребовал от него установить деловую связь с командующим 60-й армией И. Д. Черняховским и 40-й – М. М. Поповым. Степан Акимович скажет потом: «Оба командарма – энергичные, деловитые – выглядели молодо. Черняховский казался строгим, немногословным. Попов, наоборот, держался непринужденно, шутил. Впоследствии мне представилась возможность убедиться в их замечательных полководческих способностях».

Маркиану Михайловичу действительно удалось многое. Во-первых, после того как западнее Старого Оскола три дивизии 40-й армии вместе с несколькими соединениями 21-й армии были окружены, он сумел отвести основные силы за Дон в район юго-западнее Воронежа, где, и организовал прочную оборону, которая держалась до 1942 г. Во-вторых, он буквально по крупицам собрал свою армию из окруженцев и маршевого пополнения, доведя ее численность до 20 тысяч. В-третьих, находясь в обороне, 40-я армия в последующих боях сумела измотать противника и перейти в контрнаступление.

Генерал-лейтенант Ватутин на Воронежский фронт был назначен с должности заместителя начальника Генштаба по Дальнему Востоку. До этого был начальником штаба Северо-Западного фронта и занимал исключительно штабные должности. По мнению генерала И. М. Чистякова, Николай Федорович удивительно просто и ясно излагал обстановку, предвидел развитие событий, вселял уверенность в успехе задуманного, умел слушать других и не давил своими знаниями и авторитетом. Маршал Г. К. Жуков вспоминал Ватутина как исключительно трудолюбивого, с широким стратегическим мышлением военачальника. С его слов, он был

«прекрасным штабистом, который обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк». Чувство ответственности за порученное дело у Ватутина было развито чрезвычайно...

Вот только войсками фронта он командовал впервые. При этом, как подчеркнет его начальник штаба генерал М. И. Казаков, «молодому командующему фронтом не сиделось в обороне. Человек энергичный, настойчивый, он не терпел пассивности. И Воронежский фронт с первых дней своего существования стал активным фронтом».

О том же рассказывал и маршал авиации С. А. Красовский: «Когда наступление вражеских войск приостановилось и немцы вынуждены были перейти к обороне, командующий фронтом Н. Ф. Ватутин организовал несколько мощных контрударов. Именно поэтому фашистское командование не решалось снимать из-под Воронежа части и соединения для использования их на других направлениях. Многие наши генералы и офицеры стали называть Ватутина "генералом от наступления". Он заставлял командиров всех степеней напряженно думать, искать уязвимые места в обороне противника и наносить контрудары».

Однажды командующий воздушной армией зашел в штаб 40-й армии: «Командарм М. М. Попов сидел, склонившись над большой картой, и сердито ворчал.

– Что случилось, Маркиан Михайлович? Он бросил на карту карандаш и проговорил:

– Николай Федорович приказал провести наступление. А как я буду наступать, если на фронте нашей армии солдат от солдата стоит на расстоянии ста метров?

Попов, конечно, шутил, однако по всему было видно, что он серьезно продумывает вариант нового контрудара.

– Степан Акимович, окажите мне помощь вот на этом участке, – Попов снова склонился над картой. – Для начала нанесите удар по каменному трехэтажному зданию на Чижовке. Там у противника наблюдательный пункт и штаб.

– Любопытная деталь, – заметил я. – С помощью немецкого КП в Чижовке мы недавно провели одну удачную операцию.

– Как это "с помощью"? – бросил он недоверчивый взгляд в мою сторону.

Я рассказал эту историю.

С берега реки Воронеж, где находился авиационный КП, я не раз наблюдал за пригородом, который расположен на возвышенности,

господствующей над окружающей местностью. На окраине Чижовки виднелось трехэтажное каменное здание школы. Лучшего места для КП и искать не надо: обзор на все триста шестьдесят градусов, и фашисты, конечно, не преминули воспользоваться школой.

Истребители из 207-й авиадивизии полковника М. Г. Мачина подтвердили мое предположение. Сопровождая наших бомбардировщиков и штурмовиков, они установили такую закономерность: стоило им появиться в пределах видимости Чижовки, как через пятнадцать – семнадцать минут небо уже кишело "мессершмиттами". Мы несли потери... Враг очень быстро наращивал силы, создавая численное превосходство.

Михаил Григорьевич Мачин понял, что где-то поблизости у немцев есть аэродромы подскока, а в Чижовке, видимо, авиационный пункт наведения. Но как найти аэродромы? Свои соображения командир дивизии доложил мне. Мы начали рассуждать:

– Немцы вызывают своих истребителей только в тот момент, когда увидят в воздухе наши самолеты. Для передачи команды на аэродромы нужно какое-то время, пусть одна-две минуты. Теперь прикинем: сколько минут уходит у немцев на взлет и полет по маршруту?

– Минимум минут десять – двенадцать! – подумав, сказал Мачин.

– Так вот, в радиусе десяти – двенадцати минут полета "мессершмиттов" и ищите немецкие аэродромы. Когда найдете, организуем удары по аэродромам.

Мачину сравнительно быстро удалось установить, где находятся немецкие аэродромы, о которых мы не знали ранее. И вот однажды вечером нанесли по этим площадкам бомбово-штурмовой удар и тем самым на некоторое время ослабили активность немецкой авиации.

– Ну а теперь надо уничтожить командный пункт в Чижовке! – выслушав меня, сказал командарм Попов. – Кто поведет группу?

– Обязательно Мачин! У него эта Чижовка в печенке сидит...

Для выполнения задачи выделили несколько эскадрилий бомбардировщиков Пе-2 и штурмовиков. Лидерами шли истребители Мачина. Они же обеспечили и надежное прикрытие. Самолеты появились над Чижовкой в сумерках и нанесли исключительно точный удар. Немецкий КП прекратил существование. Однако фашисты, видимо, все же успели передать команду на аэродромы. Прошло четырнадцать минут, и в воздухе появилось полтора десятка "мессершмиттов". Но было уже поздно: наступившие сумерки вынудили противника повернуть обратно...»

Накопив силы, штаб 40-й армии стал готовиться к наступлению на

Чижовку. Сам поселок и высоты за месяц были превращены в мощнейший опорный пункт. Через него и военный городок из центра города проходила главная полоса немецкой обороны. Несколько рядов траншей с ходами сообщений, блиндажами и дзотами опоясали эти господствующие высоты. Огневые точки там были всюду: в подвалах и погребах, в фундаментах домов. Узловыми центрами обороны являлись школа, училище, церковь, завод, казармы и водонапорная башня.

На этих укрепленных позициях в первой линии стояли пехотные полки двух дивизий. За ними – части танковой дивизии и минометного полка. Резерв противника включал четыре дивизии и несколько батальонов.

Оценивая обстановку, генерал Попов размышлял о том, как незаметно для врага сосредоточить у реки Воронеж ударные силы и переправить на правый берег танки, орудия и машины. Переправа на плотках и лодках – займет много времени. Построить мост – он сразу же будет уничтожен. Хороший совет дали инженеры: соорудить переправу под водой. Это обеспечит и скрытность, и быструю переброску любых машин. На том и остановились. Ее построили за ночь из обломков железобетонных конструкций.

10 августа командарм прибыл на свой наблюдательный пункт, оборудованный в здании электростанции, а в ночь на 12-е на противоположный берег пошла техника.

Наступление 40-й армии, начавшееся 12 августа, для немцев оказалось неожиданным. Командарм бросил в бой две стрелковых дивизии и три бригады (стрелковую, истребительную, танковую). И все это при поддержке двух артиллерийских полков, одного минометного полка, нескольких дивизионов «катюш» и авиации.

Бои были упорными и кровопролитными. Противник непрерывно бросался в контратаки, поэтому отдельные здания и рубежи неоднократно переходили из рук в руки. Однако нажим оказался такой силы, что немцы вскоре начали оставлять свои позиции. Оперативные сводки штаба 40-й армии свидетельствуют:

«14.8.42. 125-й и 33-й сп к 17.00 вели бои на фронте: перекресток улиц Софьи Перовской и Карла Маркса, перекресток улиц Веры Фигнер и Средней».

«15.8.42. Части 100-й сд сражались за здание школы связи».

«16.8.42. 454-й полк овладел еще несколькими домами на юго-восточной окраине Чижовки».

«17.8.42. 6-я сд, удерживая отдельные дома, закрепляется в 400–500 метрах севернее дамбы. К 5.00 возобновила наступление в направлении

улицы Б. Стрелецкая. Противник сильным огнем препятствует наступлению».

«18.8.42. 111-я отдельная стрелковая бригада вела бои с контратакующим противником в районе Чижовки. Враг отброшен в исходное положение».

К слову сказать, за первые дни наступления части 40-й армии генерала Попова совершили поистине чудо. Вопреки всему они сумели подняться на чижовские высоты и овладели важным стратегическим плацдармом в правобережной части Воронежа. А так как дальнейшее наступление стало невозможным, Маркиан Михайлович отдал приказ о переходе армии к обороне.

Что касается противника, то он не только лишился многих тактических преимуществ, но и оказался в весьма сложном положении. Его оборона была прорвана почти на всю глубину, а открытые фланги попали под удар наступающих советских войск.

Вспоминает Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: «Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и Н. Ф. Ватутина. Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа. Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помочь ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж. Я предложил иной вариант решения задачи: основной удар нанести не с восточного, а с западного берега Дона, используя удачное положение 38-й армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого надо только подтянуть сюда побольше сил, причем по возможности скрытно. При таком варианте удар по воронежской группировке наносился бы во фланг и выводил наши войска в тыл противнику, занимавшему город. Кроме того, этот удар неизбежно вынудил бы противника ослабить свои силы, наступавшие против Юго-Западного фронта. В той обстановке такой вариант, по моему глубококому убеждению, был наиболее правильным.

Но Ватутин упорно отстаивал свой план, а мои доводы, по-видимому, оказались недостаточно убедительными. Не подействовало и обещание, что, если будет принят мой вариант, Брянский фронт выделит в распоряжение соседа все войска, которые сможем собрать без ущерба для своей обороны. Сталин утвердил предложение Ватутина, обещав при этом

усилить Воронежский фронт дополнительными соединениями из резерва Ставки, а также гвардейскими минометными полками, вооруженными реактивными установками М-31.

На этом визит у Сталина закончился. Выйдя в соседнюю комнату, мы с Ватутиным оговорили все вопросы, связанные с действиями 38-й армии, которая на время операции переподчинялась Воронежскому фронту, и разъехались каждый к себе».

В общем, командующий Воронежским фронтом упрямо настоял на своем, и началась подготовка к новой наступательной операции. Начальник штаба фронта генерал М. И. Казаков пишет: «К сентябрю мы подготовили еще одну операцию, которая, правда, и по целям, и по количеству привлекавшихся сил уже трудно рассматривать как частную». В ней были задействованы две армии (60-я и 40-я), а также некоторые соединения 38-й армии, временно переподчиненной Воронежскому фронту. «В основе общего замысла операции лежало окружение и уничтожение всей группировки противника в районе Воронежа, – подчеркивает Казаков. – Осуществить это предполагалось концентрическими ударами из района Подгорное на Семилуки (60-я армия) и из района Придача, в обход Воронежа с юга, тоже на Семилуки (40-я армия). Войска же 38-й армии наносили вспомогательный удар в направлении Нижняя Верейка, Ольховатка».

Новое наступление было назначено на 9 сентября 1942 г. Предстоящие десять дней ушли на подготовку. Генерал Казаков рассказывает о ней в мемуарах: «С командармами и командирами дивизий Н. Ф. Ватутин сам проиграл на карте и на рельефном плане всю динамику предстоящих действий. После этого командармы лично провели занятия с командирами полков. Детально отработывались вопросы взаимодействия родов войск. Перемещались поближе к переднему краю обороны пункты управления. Командарм 40 оборудовал для себя наблюдательный пункт в здании электростанции Придача. НП командарма 60 разместился на опушке леса восточнее Подгорное. Вспомогательный пункт управления фронта обосновался в лесу, в двух километрах восточнее Новой Усмани». Но пока не знающий отдыха Ватутин отдавал последние распоряжения, Ставка приказала: «Четыре стрелковые дивизии, полученные для участия в наступательной операции, в передовую линию не вводить, а готовить немедленно к отправке в район Царицына (Сталинграда)... Операцию, которую вы готовите, разрешается временно отложить...» Когда об этом доложили командующему фронтом, он стал настойчиво убеждать Москву, что вполне справится и без четырех соединений. Подготовка

продолжилась, а начало операции перенесли на шесть дней. Казаков свидетельствует: «Он жил ею все это время и уже видел реальный успех».

Неудивительно, что главное значение в операции Ватутин придавал 40-й армии. Так, в период подготовки к ней была перегруппировка сил фронта, и армию Попова усилили одним танковым корпусом, одной стрелковой дивизией и одной стрелковой бригадой. Затем командующий фронтом, со всей тщательностью генштабиста, принялся выявлять недостатки. Они, безусловно, нашлись, и тогда не избежал выговора сам командарм. Причиной такого неудовольствия стало «крайне небрежное оформление столь важного документа», как план наступательной операции, в котором отсутствовали все необходимые приложения: план артиллерийского наступления, инженерного обеспечения, связи, материального обеспечения и т. д. Как известно, все это непосредственная работа штаба, но, так как Маркиан Михайлович утвердил план без приложений, вину возложили на него.

В 5.40 утра 15 сентября 1942 г. началась 55-минутная артиллерийская подготовка. А в это время войска 40-й армии переправлялись через р. Воронеж и по разным маршрутам выходили к переднему краю, готовясь к атаке. Примечательно, но еще при подготовке этого наступления Маркиан Михайлович снова решил воспользоваться подводными переправами. Для переброски войск на плацдармы теперь их было построено девять.

В 6.35 ударная группировка армии перешла в наступление. Так начался новый штурм Чижовки. И снова отчаянно сопротивляясь, противник контратаковал, вводил в бой резервы и отступал. Однако, несмотря на невероятные усилия и героизм советских бойцов и командиров, продвижение армии было незначительным.

По свидетельству начальника штаба фронта, «командующий фронтом да и командарм 40 не хотели примириться с неудачей. В течение еще целой недели они настойчиво добивались дальнейшего продвижения войск. В Чижовку был переправлен 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора П. П. Павлова. Переправа осуществлялась в сложных условиях – ночью, по каменной дамбе, покрытой слоем воды в 50–70 сантиметров. Этот своеобразный брод неподалеку от электростанции Придача оказался для нас настоящей находкой. Воздушная разведка противника не сумела обнаружить его, и появление в Чижовке наших танков было для гитлеровцев полной неожиданностью.

Вводом в бой танкового корпуса командующий фронтом рассчитывал сломить сопротивление противника на южной окраине города. Но, к нашему большому огорчению, расчеты эти не оправдались. С

наблюдательного пункта командарма 40 мы видели, как горят танки, пытавшиеся наступать в боевых порядках пехоты. Наши танкисты, равно как и пехота, находились в явно невыгодном положении. Они наступали снизу вверх по открытому пространству. Противник же в полной мере использовал свое господствующее положение на местности и прочие каменные постройки. Прицельным кинжальным огнем он наносил атакующим большой урон.

С каждым днем все острее чувствовалось, что операция затухает. Но признаться в этом не хотелось».

Сентябрьское наступление 40-й армии завершилось 30-го числа, когда директивой Ставки Воронежскому фронту было приказано перейти к обороне. При этом чижовский плацдарм был значительно расширен и углублен. На левом фланге он сомкнулся с Шиловским плацдармом.

За 25 дней ожесточенных боев за Чижовку советские войска уничтожили около 10 тысяч солдат и офицеров противника (68 танков). 40-я армия в итоге наступательной операции с 15 сентября по 3 июля потеряла 17 тысяч бойцов и командиров (162 танка).

Но не стоит забывать и о том, что наступление войск Воронежского фронта вызвало беспокойство в Берлине. Чтобы удержать чижовские позиции, немцам пришлось возвращать на передний край даже те части, которые были отведены в резерв.

В 1962 г. генерал армии М. М. Попов продолжал работать над своими мемуарами и периодически отправлял официальные запросы на поиск тех или иных боевых товарищей. В его личном архиве до сегодняшнего дня сохранились ответы на них, обычно от военкомов, и некоторые письма. Их совсем немного. Например, вот это Маркиану Михайловичу прислал из Минска (отправлено 27 декабря 1962 г.) бывший член Военного совета 40-й армии полковник запаса Маланин Матвей Петрович...

«Здравствуй дорогой друг Марк Михайлович!

Сердечный привет тебе и твоему семейству. Поздравляем с наступающим новым 1963 г. Все мы желаем Вам доброго здоровья и бодренько продолжить свое житье-бытье на благо нашей Родины. Первым долгом извини, что задержался с ответом – между прочим, ты угадал, действительно я был болен (меха поизносились). О себе: живем мы с женой неплохо, ребята уже вышли в люди, но все еще нам приходится им помогать. Верно, я еще в теплые времена работаю.

Марк Михайлович! Ты бываешь в Минске, как-нибудь бы заглянул на вечер воспоминаний, такая "самодеятельность" для нашего возраста бывает очень полезной. Теперь о твоей просьбе – я всей душой готов помочь тебе в

этом благородном деле, только до Нового года я это сделать не успею. Пришлю свои воспоминания после Нового года, у меня тут с женой случилось маленькое несчастье, и мне приходится по дому быть на все руки, даже нянкой. Как получил твое письмо, у меня столько всплыло в памяти и прекрасного и трудного, что я часа два не мог отвлечь свои мысли, а некоторые моменты даже решил тебе к празднику сообщить: мы стояли на горке и смотрели на Чижевку: Ватутин, Красовский, Дмитриев и я, а ты по рации разговаривал с Павловым (танкист). Ты доказывал – "зачем вам еще нужен второй член (член Военного совета. – *Примеч. авт.*), там у Анашкина уже находится Грушецкий, что же я останусь один без (члена)". Все мы, слушая тебя, как захохочем, что даже телефонисты, посыльные повыскакивали из блиндажей. На что покойник Ватутин был серьезным, он и то не выдержал, стал смеяться.

Второе. Ты помнишь, как наш Мехлис приказывал отправить в тыл Жмаченко и Грушецкого после их выхода из окружения. Мы все же на его перестраховку доказали Ватутину, что этого делать нельзя – пусть работают. Мы их знаем, и за их отвечаем. Мы оказались правы.

Да я вспомнил одного друга, генерала Гришина, он у нас командовал (я его знал еще по Полоцку). Один раз ты мне говоришь: "Матвей Петрович, съезди к Гришину, что такое получается, как ему не позвонишь, все его нет на КП, все больной, выясни, в чем дело".

Приезжаю к нему, нахожу его в медсанбате. Как увидели меня, сразу ему три грелки принесли, а виновница болезни в окно выпрыгнула. Я говорю ему, видно, этот врач сильно тебя "любит", а он не сообразил моего "ехидства", отвечает: "Да она без меня жить не может". А когда мы ее спросили, верно ли, что вы без его жить не можете, – она стала умолять, ради бога, отправьте меня куда-нибудь подальше от Гришина. Осенью я его видел в Москве, между прочим, спросил: "Ну как любовь?" "До сего времени ее забыть не могу. Это вы с Поповым меня с ней разлучили". Я посмотрел на него и подумал, что действительно такой вислоухий был в цене только во время войны. Он тогда был отстранен от командования, конечно, не за это, а за то. Вот, пожалуй, на сегодня хватит. Будь здоров, желаю успехов – с Новым годом. Телефон мой...

Остаюсь всегда твой Матвей...»

Заместитель командующего войсками Сталинградского фронта

Главный маршал авиации А. Е. Голованов в своих мемуарах генералу армии М. М. Попову посвятил целую главу. Факт бесспорно примечательный. И мы еще обязательно вернемся к его воспоминаниям. Однако, прежде всего, остановимся на одном случае, который, как утверждал Голованов, произошел в Ставке в связи с назначением Попова командующим войсками Брянского фронта и чему ему довелось быть непосредственным свидетелем.

А начинает свой рассказ главный маршал авиации так: «После завершения Сталинградской битвы, в ходе которой Попов в который уже раз проявил большие организаторские и боевые таланты, было решено назначить его командующим фронтом. Попова вызвали в Ставку. Непреложным и всеми хорошо усвоенным правилом являлось то, что всякое распоряжение Ставки выполнялось незамедлительно. Прибытие Попова ожидалось на следующий день. Однако день прошел, а Попова не было. Позвонили узнать, убыл ли. Получили доклад, что еще вчера вылетел в Москву... Лететь из-под Сталинграда в Москву требуется всего несколько часов, но прошли сутки, а Попов не появлялся. На другой день его тоже не было. Появился он лишь на третьи сутки! Как говорят, в полном здравии, но "застрял" где-то по дороге. Это было невиданное ЧП, и я, еще не будучи с этим генералом знаком, но слышав о нем немало хорошего, искренне его жалел».

А теперь немножко поправим вполне объяснимую забывчивость Голованова. Прошли годы. Память подвела. Бывает. Так как, по журналам записей лиц, принятых Сталиным в годы войны, что, по понятным причинам, никаким образом не может подвергаться сомнению, Голованов с М. Поповым могли пересекаться на приеме у вождя только лишь 12 октября 1942 г. В этот день Маркиану Михайловичу была предложена должность заместителя командующего войсками Сталинградского фронта (Директива Ставки ВГК № 994250 от 13.10.42 г. Приказ Сталинградского фронта № 0323 от 13.10.42 г.).

Все очень просто. 12 октября в 16.20 в кремлевский кабинет Сталина вошел А. Е. Голованов (вышел в 17.00). В 17.00, то есть следом, вошел генерал М. Попов (вышел в 18.55). Все это время у вождя находились Василевский (15.20–24.00), Боков (15.20–18.55), Голиков (15.20–19.35).

Жуков вошел в 18.20, а вышел в 19.35.

В следующий раз Маркиан Михайлович будет вызван к вождю почти через год: 8 октября 1943 г., уже будучи командующим войсками Брянского фронта.

Но вернемся к мемуарам командующего дальней бомбардировочной авиацией: «По рассказам товарищей, Маркиан Михайлович был огромного таланта и эрудиции человек, самородок, имевший блестящие способности в военном деле. Будучи совсем молодым человеком, он еще до войны командовал военным округом. Однако его слабость к "живительной влаге" и прекрасному полу всю жизнь, как говорится, вставала ему поперек дороги... Во время войны он командовал корпусом и армией и вот сейчас был вызван в Ставку для назначения на должность командующего фронтом. Что-то сейчас с ним будет?!»

Теперь уже сложно сказать, когда и какие «товарищи» поведали А. Е. Голованову о слабости М. Попова к «живительной влаге» и прекрасному полу (тогда или уже после войны), но хочется заверить читателя, что на фронте Маркиан Михайлович выпивал не больше других. Про прекрасный пол спорить не будем. Однако здесь, в отличие от иных известных военачальников, каких-либо фактов найти практически невозможно. Если Маркиану Михайловичу удалось это скрыть, то разве не стоит его за это уважать? Иные «безгрешные» и того не сумели сделать, оставив нам на рассмотрение не только свои ратные заслуги, но и амурные дела.

И еще маленький штрих. Александр Евгеньевич в своих воспоминаниях неправильно называет должности Маркиана Михайловича, что наводит только на одну мысль: писал Голованов по памяти, а она его подводила...

А что же было дальше? А. Е. Голованов рассказывает: «Однако, против ожиданий, Сталин, видимо уже проинформированный о том, где "пропадал" Попов, вместо того, чтобы воздать ему по заслугам, рассказал нам такой случай из Гражданской войны. В то время Троцкий потребовал снять с должности одного командира дивизии на Петроградском фронте, обвиняя его в пьянстве. Владимир Ильич поручил Сталину при его поездке в тот район разобраться с этим командиром дивизии и о результатах доложить ему. Сталин, прибыв в дивизию, вызвал к себе командиров частей и подразделений дивизии и прямо поставил вопрос: как они оценивают своего командира дивизии?»

Все в один голос заявили, что лучшего комдива они не видели, что он в бою впереди всех, что за ним бойцы идут, как говорится, в огонь и в воду

и не было еще случая, чтобы дивизия где-либо попятилась назад. Видя такое единодушное мнение всех присутствующих, Сталин сказал им:

– А вот Троцкий говорит, что он пьяница, и требует его снять.

Присутствующие запротестовали и заявили, что вовсе он не пьяница, а пьет только тогда, когда нет боевых действий, – от безделья. Сталин подробно доложил Владимиру Ильичу о проведенной беседе с командным составом дивизии, о боевых качествах комдива. В заключение Сталин поддержал товарищей, с которыми беседовал. Было решено оставить командира дивизии на месте, причем Владимир Ильич сказал, что нужно позаботиться о том, чтобы так загрузить этого комдива работой, чтобы у него не оставалось свободного времени для безделья. Так и продолжал командовать своей дивизией комдив, пока не погиб в бою.

Сталин нередко говорил, что можно мириться со многими недостатками человека, лишь бы голова была на плечах.

– С недостатками бороться можно и исправить их можно, новой же головы человеку не поставишь».

А голова на плечах у Маркиана Михайловича была, и в этом не приходится сомневаться. Вот только с «пьяницей» согласиться трудно. Под Сталинградом в том числе...

«Октябрь 1942 года, – свидетельствует Маркиан Михайлович. – Я только вступил в должность заместителя командующего Сталинградским фронтом и сразу окунулся в самую гущу ожесточенных боев. Из машины почти не вылезал: знакомился с войсками, контролировал организацию и проведение частных операций, проверял боевую деятельность артиллерийских групп, созданных на левом берегу Волги, восточнее Сталинграда».

Вспоминая осень 1942-го, командующий Сталинградским фронтом генерал А. Е. Еременко в мемуарах отметит: «Начались уличные бои в Сталинграде... Враг спешил. Приближалась русская зима, которая так страшила гитлеровцев, и они дрались с особенным ожесточением и упорством.

Бои по-прежнему шли в районах поселков сталинградских заводов: тракторного, "Баррикады" и "Красный Октябрь". Развертывались боевые действия непосредственно за территорию важнейших сталинградских заводов.

Ожесточение в борьбе нарастало с каждым днем. Часто обе стороны закреплялись на расстоянии 20–30 метров друг от друга, а иногда на разных этажах или в разных подъездах в комнатах одного и того же дома. Такое положение сохранялось вплоть до начала нашего контрнаступления 19

ноября».

И вот 15 октября трудная обстановка сложилась в 62-й армии у Чуйкова. Командующий принимает немедленное решение прибыть к нему, на самый угрожаемый участок обороны города: «Там действительно создалось тревожное положение. Дело в том, что противник, заняв господствующее положение на высотах, держал под огнем всю Волгу против Сталинграда. В его руках в это время находились Мамаев курган, высота 107.5, а также выходы к реке в районах тракторного завода и устья Царицы. Губительный огонь гитлеровцев парализовал движение по реке». Словом, поездка была опасной, но куда деваться, побывать в войсках было просто необходимо: «Первая попытка переправиться в район тракторного завода 15 октября успеха не имела, так как противник вел усиленный огонь по всем нашим причалам и переправам». Зато 16-го это сделать удалось: «... в 3 часа дня я прибыл на командный пункт Волжской военной флотилии, находившийся в непосредственной близости от берега. Здесь мы застали командующего флотилией контрадмирала Рогачева. Моряки угостили нас обедом. (Со мной находился и мой заместитель генерал-лейтенант М. М. Попов, который только что приехал на Сталинградский фронт из-под Воронежа.) После обеда я приказал приготовить "бронекатер" (бронекатерами мы называли небольшие железные катера, которые пробивались любой пулей)...»

Но не только со слов маршала А. Е. Еременко, кстати сказать, давнего знакомого Маркиана Михайловича, мы можем узнать о его прибытии под Сталинград. В частично сохранившемся архиве генерала армии Попова удалось найти и его собственные воспоминания об этом, неизвестные нам до сих пор: «... Только к исходу дня, из-за нелетной погоды, мы добрались до аэродрома... где уже много часов ожидал с машинами офицер штаба фронта. Поблагодарив экипаж самолета и побеспокоившись об его устройстве на ночлег, мы двинулись по разбитой дороге на запад к Сталинграду.

Где-то по дороге мы сделали остановку и вышли из машин. Далеко на горизонте виднелось красно-багровое зарево, и тишину ночи нарушал отдаленный гул боя.

– Сталинград, – пояснил сопровождающий офицер, – и так почти каждую ночь.

Вот он, наконец, многострадальный Сталинград. Закурив, мы долго, взволнованно и безмолвно всматривались в огнедышащий горизонт.

На КП фронта прибыли поздней ночью. Меня поджидал в своей полуземлянке, полублиндаже мой старый знакомый, бывший начштаба, а

теперь заместитель комфронта генерал Г. Ф. Захаров.

После недолгих разговоров и расспросов он предложил ужин, сообщив, что командующий примет меня только утром. После долгих разлук люди не умеют ужинать молча, несмотря на всю усталость. Так и на этот раз время проходило во взаимных расспросах Г. Ф. Захарова о новостях в Генштабе и в Ставке и моих, о положении под Сталинградом и на фронте вообще. Разошлись поздно, предварительно выяснив у дежурного адъютанта комфронта о намеченном на сегодня распорядке дня.

– Подъем назначен на 6 часов. Но он очень устал за последние дни, может, поспит и подольше, – слышалось в телефонной трубке. – Я доложу вам сразу же, как он встанет.

Не знаю, сколько пришлось поспать, но было еще абсолютно темно, когда тот же адъютант позвонил и сообщил, что командующий уже бреется.

Не ожидая вызова, я направился к "подземной квартире" комфронта и попросил адъютанта доложить обо мне.

– Проходите, пожалуйста, товарищ генерал. Наш командующий принимает заместителей и начштаба без доклада. Кроме того, я уже докладывал о Вашем приезде и он вас ждет.

А. И. Еременко я застал склоненным над картой, за крупным, как мне показалось, телефонным разговором. Он даже не заметил моего появления в этом полумрачном кабинете (лампочка освещала только стол), а мне не хотелось мешать ему.

Наконец, после резко отчеканенного – "доложите мне через два часа", командующий опустил трубку и, всмотревшись в мою сторону, поднялся из-за своего большого стола.

– Ну, здравствуйте! Прибыли? Как добирались?

Я не успел ответить на заданные вопросы и официально представиться, как был вовлечен в дружескую беседу. С А. И. Еременко мы были знакомы до войны еще по Дальнему Востоку. Я подробно рассказал о встречах и беседах в Москве и о положении дел на Воронежском фронте. Затем командующий ознакомил меня с обстановкой на фронте, особенно детально остановившись на ходе боев в Сталинграде, водя при этом остро отточенным карандашом по крупномасштабному плану города. Он совершенно точно знал положение войск в любом квартале города и не задумываясь называл фамилии командиров дивизий, Родимцева, Горишного, Битюкова, Гуртьева, Сахарова и других, сражавшихся на тех или иных участках Сталинграда.

Я в какой-то степени знал и представлял себе всю остроту положения наших войск в городе. Но то, что я увидел на этом плане, превзошло все

мои худшие предположения. Противник уже овладел значительной частью города, на его южной окраине вышел к Волге, вел бои непосредственно у Мамаева кургана, а на севере прорывался к Тракторному заводу.

Наша беседа все время прерывалась телефонными звонками. Командующий сдерживался, но заметно нервничал, а в его немного воспаленных от систематического недосыпания глазах улавливались возбужденность и напряжение.

Так я постепенно вращался в обстановку. В заключение нашей затянувшейся встречи А. И. Еременко порекомендовал мне представиться члену Военного совета Н. С. Хрущеву, познакомиться с начальниками родов войск и служб, а вечером зайти к нему для определения моих задач и функций на ближайшие дни.

Члена Военного совета фронта Никиту Сергеевича Хрущева я застал на скамейке, у входа в его полуподземное жилище, оживленно беседующим с двумя незнакомыми мне генералами. Как оказалось это были начальник Политуправления фронта... и начальник Медслужбы...

Я представился и получил приглашение присесть. Разговор о вывозе раненых за истекшую ночь из Сталинграда, видимо, подходил к концу. После ряда указаний генералы ушли и я смог доложить о своих московских встречах и о беседе с командующим. Отчетливо доносились гулкие разрывы, а над нами то и дело проносились на запад штурмовики и истребители. Иногда высоко в небе в том же направлении проплывали бомбардировщики.

Никита Сергеевич оживленно и несколько взволнованно рассказывал о Сталинграде.

– Шумилов и Толбухин нас сейчас пока не беспокоят. Немцам не до них. Весь фокус событий у Чуйкова. Здесь немцы увязли и сделают еще не одну попытку расправиться с 62-й армией. А мы не можем и не имеем никакого права оставить Сталинград. Надо во что бы то ни стало продержаться до тех дней, когда мы сами начнем бить врага.

Затем он порекомендовал мне при первом удобном случае побывать в Сталинграде, чтобы самому посмотреть и понять обстановку в городе.

– То, что там происходит, почти невозможно ни рассказать, ни описать никакими словами. Прямо диву даешься, насколько стоек простой наш советский человек.

Я совершенно искренне ответил, что просто мечтаю побывать в этом городе, поражающем всех, даже искушенных боевым опытом людей, своим героическим упорством. Мы и не предвидели тогда, что Константину Симонову в "Днях и ночах", а Виктору Некрасову в своих же "В окопах

Сталинграда", удастся со всей правдивостью отобразить, без всякого преувеличения, до предела накаленную обстановку осажденного города. Затем вспомнили Воронеж, где почти год назад я, поступая в распоряжение Юго-Западного фронта, с выдвигавшейся из резерва 61-й армией, представлялся его Военному совету Н. С. Хрущеву и С. К. Тимошенко. Никита Сергеевич с интересом выслушал мои рассказы о боях за этот город и о положении на Воронежском фронте в целом. И на прощанье высказал ряд удобных советов и пожелание "скорее приобщаться к нашему дружному Сталинградскому коллективу".

За этот день я успел побывать у недавно вступившего в должность начштаба фронта генерала И. С. Варенникова, командующего артиллерией генерала В. М. Матвеева, начинжа фронта генерала Петрова...

Остальные начальники родов войск и служб отсутствовали в этот день на КП. Да и те, с которыми я познакомился, были очень заняты или "висели на проводах", или принимали людей и отдавали какие-либо распоряжения. Мне было просто неудобно им мешать, хотя по заявлениям старожилов сегодня было затишье, правда, затишье, по их опыту, не предвещавшее ничего хорошего.

За обедом встретился со своим старым знакомым генералом Т. Т. Хрюкиным, командующим 8-й Воздушной армии. Он дополнил сложившееся у меня представление о делах фронта подробной информацией о воздушной обстановке, о той напряженности, в которой проводят все дни его славные летчики, подкрепив свои слова рядом интересных эпизодов и примеров.

Тем временем мой адъютант обзавелся незамысловатым фронтовым хозяйством, оборудовав отведенную мне хатку, добился установки телефонов и главное представил мне двух, по его словам, хороших, боевых шоферов выделенных мне "почти новых" "виллисов". Порученец, в свою очередь, приобрел карты разных масштабов, с обстановкой и чистых, позывные всех необходимых телефонных станций, рабочую тетрадь, пронумерованную, прошнурованную и скрепленную сургучной печатью и все это разложил в привычном порядке на новом для нас, "воронежцев", столе.

А поздно вечером, как это и предполагалось, я сидел за рабочим столом командующего. Он заканчивал разговор с Москвой и докладывал итоги дня. Он прошел относительно спокойно, если не считать отдельных частных атак противника. Чуйков успел произвести некоторые перегруппировки, несколько усилил оборону и на завтра готовится к контратаке. По-прежнему отмечается усиление немцев против Тракторного

завода. Там они, конечно, что-то замышляют.

– Ну, сориентировался в наших делах? – кладя трубку, спросил Андрей Иванович.

Я отвечал буквально двумя словами.

– Тогда я прошу пока помочь мне в следующем. Как известно, мы создали на восточном берегу фронтовую артгруппу. Она уже неплохо себя показала. Артиллеристы докладывают о ней хорошее. Я бы сам хотел посмотреть ее, да никак не выберу время. Так вот, прошу побывать в этой группе, тщательно и всесторонне ее изучить и проверить готовность вести огонь по любой цели, по вызову с того берега. Немцы что-то затевают, и чует мое сердце, что на этот раз они нажмут на Тракторный.

На этом мы и расстались, а на рассвете, в сопровождении офицера штаба артиллерии, я выехал на выполнение первого в моей новой роли задания.

Почти двое суток я провел в районе фронтовой артгруппы...»

В поездках прошли все эти осенние дни. А вечером 21-го в блиндаже командующего войсками фронта состоялось поистине историческое совещание: «... Этот вызов застал меня тоже на командном пункте одной из наших армий, – пишет Попов. – Я хорошо знал командующего фронтом А. Е. Еременко, по рекомендации которого, собственно, и очутился под Сталинградом, и сразу понял, что столь срочный вызов связан с чем-то весьма важным. В блиндаж командующего я зашел, успев только наскоро отряхнуть пыль с одежды и сапог. Здесь уже собрались начальники родов войск и служб фронта.

Будто только меня ожидая, открылась дверь, и Андрей Иванович пригласил нас к себе. Мы зашли в его рабочую комнату. Рядом с Еременко сидели представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский, начальник штаба фронта генерал И. С. Варенников. На стене висела крупномасштабная карта района боевых действий с нанесенными на ней стрелами».

На этом совещании генерал А. М. Василевский ознакомил командование фронта и командующих армиями «с замыслом Ставки на контрнаступление, предупредив, что в целях соблюдения тайны никаких письменных директив отдаваться не будет.

Замысел Ставки на разгром южного стратегического фланга немецких войск... обеспечивался мощными силами трех фронтов – Юго-Западного, Донского и Сталинградского, усиливавшихся необычно большим по тому времени количеством танковых и других подвижных соединений и частей.

Юго-Западный и Донской фронты получили задачу, наступая в общем

направлении на Калач и Вертячий, охватить сталинградскую группировку противника с севера и запада.

С востока и юга немецкие войска подвергались ударам армий и подвижных войск Сталинградского фронта, которые, наступая также на Калач, должны были со своей стороны завершить окружение противника и одновременно частью сил левого крыла выдвинуться на Абганерово, Котельниково, а также в степи на Элисту, обеспечивая операцию с юга».

Далее Маркиан Михайлович подчеркивает: «Уже с первых минут совещания мы почувствовали, что находимся в центре событий, которые по значению, масштабам и способам действий войск не имели себе равных в истории нашей армии. Когда же нам сообщили, что, разделившись с армиями Паулюса, войска нескольких фронтов будут развивать наступление в направлении Ростова и Донбасса с перспективой отрезать противника на Северном Кавказе, это чувство еще более окрепло и напомнило нас гордостью.

Командующий фронтом дал предварительные указания по плану операции и порядку ее подготовки. Основные усилия фронта направлялись на Советский. Главная группировка войск состояла из 64-й, 57-й армий, наносивших один удар смежными флангами из района Ивановки, ст. Тундутово, и 51-й армии, которая основными силами наносила удар с перешейка между озерами Цаца и Барманцак, а одной дивизией между озерами Сарпа и Цаца. После прорыва обороны противника общевойсковыми соединениями для развития успеха на главном направлении должны были вводиться два механизированных и один кавалерийский корпус.

Операция по окружению противника рассчитывалась на двое суток. За первый день наступления подвижные соединения должны были выдвинуться на рубеж Ракотино, Верхнецарицынский, Абганерово; к исходу второго дня – на рубеж Карповка, Советский, Зеленый; соединиться с войсками Юго-Западного фронта в районе Калача и тем самым завершить окружение противника. 4-й кавалерийский корпус выдвигался в направлении Аксай, Котельниково и обеспечивал операцию с юга.

Переход фронта в наступление ориентировочно намечался на 10 ноября. В последующем начало операции было перенесено на 19 ноября, поскольку подготовительные мероприятия по всем фронтам, участвовавшим в операции, к первоначально установленному сроку провести не удалось.

Руководство основными силами фронта – 62, 64 и 57-й армиями

непосредственно осуществлял генерал-полковник Еременко. На одного из его заместителей, генерал-лейтенанта Захарова Г. Ф., было возложено руководство силами, находившимися в районе Астрахани, в полосе 28-й армии. Мне же поручалось руководить войсками, действовавшими в полосе 51-й армии. Сюда входили войска этой армии и прибывавшие 4-й механизированный, 4-й кавалерийский корпуса и некоторые другие части.

Задача по руководству войсками фронта, действовавшими на его заходящем фланге, на мой взгляд, была весьма ответственной и достаточно сложной. Соединения 51-й армии, механизированный и кавалерийский корпуса будут наступать в расходящихся направлениях на большом удалении друг от друга. Плотности войск были небольшие. Средств связи не хватало.

Совещание закончилось перед рассветом. Мы расходились с новым чувством огромной ответственности за выполнение поставленной задачи».

После совещания началась подготовка к наступлению. Маркиан Михайлович отметит лишь самые важные ее моменты: «Скрытность подготовки наступления обеспечивалась, прежде всего, запрещением Ставки пересылать даже шифром какие бы то ни было соображения по плану операции, издавать и рассылать приказы и распоряжения по предстоящим действиям. Вся документация должна была изготавливаться только от руки и доставляться исполнителям ответственными командирами. От командармов требовалось задачи командирам дивизий ставить только лично, преимущественно на местности, с последующим уточнением на картах их действий вне просматриваемой глубине обороны противника. Какие-либо телефонные и другие переговоры, переписка или записи в журналы боевых действий во всех инстанциях по поводу готовившегося наступления запрещались. Предназначенные для создания ударной группировки войска перемещались только ночью. В светлое время они укрывались в оврагах, балках, населенных пунктах.

Большую сложность представляла собой подготовка на открытой местности исходных районов и позиций для наступления. Укрытия для танков, бронемашин и другой техники механизированного и кавалерийского корпусов отрывались ночью. На день они маскировались травой и камышом. Кроме того, мы группировали укрытия и оборонительные сооружения таким образом, чтобы создать видимость усиленной подготовки второй полосы нашей обороны. Огневые позиции перед наступлением занимались артиллерийскими частями не сразу, а побатарейно, пристрелка производилась только отдельными орудиями батарей одноименных калибров. (...)

Серьезные трудности мы испытывали при сосредоточении войск на правом берегу Волги. 4-й механизированный корпус под командованием генерал-майора Вольского В. Т., сформированный осенью 1942 года в районах Нижнего Поволжья, следовал по железной дороге только часть пути – до станций Камышин и Баскунчак. Затем войска своим ходом сосредоточивались в районе Ушаковка, Солодников, Каменный Яр на левом берегу Волги, имея только одну переправу у Светлого Яра. Большого количества переправ для механизированного корпуса фронт выделить не мог.

Такое положение вызывало особое беспокойство, так как корпус был вынужден в течение продолжительного времени находиться в районе переправы. Немцы, располагая мощным воздушным флотом, несомненно, были в состоянии большую часть самолетов одновременно бросить на корпус и значительно его ослабить. Мы делали все возможное, чтобы не обнаружить корпуса: рассредоточивали и укрывали войска, маскировали танки, в летние дни прикрывали районы их сосредоточения истребителями.

Нам удалось достигнуть своих целей. Были отдельные налеты небольших групп авиации по району сосредоточения и переправе корпуса, но массированных ударов противник не наносил.

Весьма сложным было положение и 4-го кавалерийского корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Шапкин Т. Т. Корпус был сформирован в Средней Азии из бойцов местных национальностей. Русским языком значительная часть их не владела или владела плохо. Одна из дивизий (61-я кд) перебрасывалась по железной дороге в район Камышина и далее следовала походным порядком в район сосредоточения по левому берегу Волги. Вторая дивизия (81-я кд) доставлялась по железной дороге до Красноводска, откуда по Каспийскому морю переправлялась до пристани Оля. Затем своим ходом по правому берегу Волги она перемещалась в район Солодняки, Ушаковка, Райгород.

И для основных сил кавалерийского корпуса мы могли выделить только одну переправу в районе Каменного Яра. Создавалось положение, подобное положению мехкорпуса Вольского. Однако и кавалеристы успешно выдержали предварительный экзамен, они умело маскировались в пути и в районе сосредоточения.

Генералу Шапкину приходилось в ходе подготовки к операции обучать людей действиям в конном и пешем строю и умелому применению оружия. Бойцы тренировались главным образом ночью. В ходе тренировок конники привыкали к суровому климату и тяготам военной жизни.

Много внимания уделялось разведке. Наши сведения о противнике,

особенно в полосе 51-й армии, были далеко не исчерпывающими. Некоторые начальники переложили разведку на плечи дивизий, где разведчики были менее опытными, чем в армиях, и допускали промахи. Пришлось буквально вытащить ответственных командиров-разведчиков из армейских штабов и послать их непосредственно в войска для улучшения на месте организации разведки и ее значительной активизации.

Чтобы скрыть наши намерения, разведка велась на широком фронте во всех армиях. На главных направлениях она была более сильной. В ночь на 14 ноября в 51-й армии проводилась успешная разведка боем. Наступающие роты сбили боевое охранение противника, захватили отдельные участки высот к западу от перешейка между озерами Цаца и Барманцак. 19 ноября 91-я стрелковая дивизия в районе Деде-Ламин (45 км южнее Мал. Дербеты) провела успешную разведку боем и установила наличие в этом районе 5-й кавалерийской дивизии румын.

В итоге разведывательных действий нам стало точно известно начертание переднего края обороны румын...»

16 ноября 1942 г. генерал-лейтенанту М. М. Попову исполнилось 38 лет, а по официальным документам – 40. По этому поводу в его архиве сохранилась лишь одна страница из исчезнувших воспоминаний: «А когда проезжали мимо моей хаты в Красном Яру, я попросил своих замерзших и очень голодных спутников заехать ко мне и пообедать. А спутники отказались, ссылаясь на необходимость скорее попасть в штаб фронта. Я был вынужден пойти со всех своих козырей и настойчиво заявил, что сегодня мой день рождения и что мне сегодня исполнилось ровно 40. Гости наконец согласились.

В тепло натопленной хате нас ждал по-фронтовому скромно накрытый стол, а затем пирог, изготовленный искусным поваром Ванюшей, и добротные, жирные щи. Так я справлял свое сорокалетие. Однако за столом не было праздничных речей. Весь разговор по-прежнему сводился к итогам нашей сегодняшней поездки и к перспективам нашей операции. Обед был очень кратким. Мои гости очень спешили, а я не имел никакого права их уговаривать еще остаться.

Проводив их до машин и убедившись в том, что шофера тоже накормлены и знают дорогу, я распрощался с ними, пожелав счастливого пути и самых больших успехов в задуманных начинаниях.

Значительно позже вечером, совершенно неожиданно для меня прибыл комкор кавалерийский Шапкин, поздравивший с днем рождения и подаривший бурку. Следом за ним и командир мехкорпуса Вольский, также с поздравлением по случаю моего дня рождения. Хотя в этой

осведомленности обоих комкоров о своем личном празднике я обвинял своего адъютанта, делать было нечего и после относительно короткого обсуждения наших служебных дел, а они всегда находились, я попросил снова накрыть, пусть по-фронтальному, скромный стол, чтобы не прослышать скупым и необщительным хозяином. Здесь мы уже посидели значительно дольше и, конечно опять вели беседы о предстоящих боевых делах.

Как в те дни у нас переплеталось все личное и заветное с детства, с теми большими и ответственными боевыми делами, которые нам предстояло решать в самые ближайшие дни.

Разошлись поздно, договорившись еще, в уже который раз о работах и задачах на последние дни перед большой операцией».

Внук полководца Дмитрий Валерьевич Баталеев до сих пор помнит ту бурку, подаренную деду командиром кавалерийского корпуса генералом Шапкиным. В детстве, на даче в Архангельском, его частенько накрывали этим теплым подарком из Сталинграда...

Утром 19 ноября весь руководящий состав фронта собрался на ВПУ (временном полевом управлении) на короткое совещание. «Командующий отбывал с Н. С. Хрущевым в 57-ю армию. С ними следовало и большинство начальников родов войск, – скажет М. М. Попов. – Я отправился в 51 – ю, куда должен был затем прибыть также и Н. С. Хрущев, чтобы с начала наступления и в течение решающих дней прорыва и окружения противника оставаться на этом направлении. Генерал Захаров несколько ранее выехал в 28-ю армию.

Во второй половине дня поступили первые сведения о том, что контрнаступление Юго-Западного и Донского фронтов разворачивается успешно. Эти известия от соседних фронтов ободряли и вселяли уверенность в общем успехе...

Короткий ноябрьский день подходил к концу, когда я выехал на наблюдательный пункт командующего 51-й армией в район Семкина. Нужно было успеть проскочить туда до того, как по дорогам пойдут войска 4-го механизированного и 4-го кавалерийского корпусов. (...)

На НП пришлось сразу же включиться в работу: нужно было проверить последние данные разведки, уточнить обстановку в полосах 15-й гвардейской, 126-й и 302-й стрелковых дивизий, сменивших к утру текущего дня части 38-й мотострелковой бригады, узнать положение на других участках фронта, удостовериться в создании проходов в минных полях противника. (...)

Последний день перед наступлением истекал. От генерала Вольского пришло сообщение – войска начали марш в исходный район Трудолюбие,

Сянгердык, Хомичев. До утра им предстояло преодолеть 60–80 км. Кавалерийский корпус двинулся на исходное положение еще ранее. 81-я кавалерийская дивизия выводилась в район Сянгердык, 61-я в район Харбуля. Командиры корпусов к утру 20 ноября должны были собраться на наблюдательном пункте 51-й армии.

Вечером 19 ноября на наблюдательный пункт прибыл из 57-й армии Н. С. Хрущев. Он сообщил, что там все подготовлено к удару».

Наступление Сталинградского фронта должно было начаться 20-го, на сутки позже начала действий Юго-Западного и Донского фронтов. Поэтому весь день прошел в проверках готовности соединений и частей, в выслушивании донесений, уточнении некоторых деталей и т. д. И только волнение перед решающим событием ни на секунду не покидало генерал-лейтенанта Попова: «Задолго до рассвета мы перешли в перекрытый маскировочной сетью окоп. Утро было морозное. Стояла редкая на фронте тишина. "Как и полагается перед боем", – пошутил кто-то из нас. Доложили, что дивизии заняли исходное положение для атаки без каких-либо помех со стороны противника: или он проглядел, или наши войска мастерски соблюдали маскировочную дисциплину».

«Назначить командующим 5-й ударной армией... с оставлением его в должности заместителя...»

Все началось по плану 20 ноября в 7 час. 30 мин. с артподготовки, несмотря на сильный туман. Маркиан Михайлович вспомнит: «Противник „огрызался“ слабо. Очевидно, артиллерия 51-й армии поразила цели хорошо. Оправдалась подготовка артиллерии в стрельбе ночью и в тумане, а также тщательная пристрелка целей.

В ходе артподготовки на НП прибыли почти одновременно генералы Вольский и Шапкин. Их, оказывается, также смущал туман, но уже в пути, услышав канонаду, они поняли, что все началось по плану. В 8.30 пехота и танки перешли в атаку. Бой все более и более разгорался. До окутанного туманом НП доносились звуки разрывов снарядов и отдаленные пулеметные очереди. Поля боя не было видно. Н. И. Труфанов принимал по радио донесения командиров дивизий и уточнял им задачи. Войска успешно шли вперед, преодолевая сопротивление противника. Мы знали, что донесения командиров дивизий основывались на докладах командиров полков, также не видевших поля боя. Поэтому достоверность этих донесений, естественно, вызывала некоторые сомнения. Шли очень тревожные минуты и часы наступления.

Наконец меня вызвали к телефону ВЧ. Командующий фронтом запрашивал о погоде и обстановке. Одобрив мой краткий доклад, А. И. Еременко напомнил, что нельзя опаздывать с вводом в прорыв корпусов Вольского и Шапкина. Вместе с тем он сообщил нам обстановку в полосах 64-й и 57-й армий.

Около 10 часов туман начал рассеиваться. Ясно обозначились холмы, ранее занимавшиеся румынами. В бинокль отчетливо просматривалась вые. 87. Наша пехота и танки НЛП вели бой уже западнее ее. Это действовали войска боевой 126-й стрелковой дивизии и 158-го танкового полка. Южнее части 302-й стрелковой дивизии вели бои в районе черневших развалин хутора Захарова. Кое-где на склонах высот догорали подбитые врагом танки.

Бой постепенно удалялся. Мы наблюдали, а вскоре подтвердили по радио и командиры дивизий, что рубеж, на котором намечался ввод в прорыв 4-го механизированного корпуса, уже достигнут нашей пехотой. Далеко справа достаточно отчетливо просматривались боевые порядки 15-й гвардейской стрелковой дивизии, успешно наступавшей на совхоз

Приволжский. В. Т. Вольский сосредоточенно наблюдал в стереотрубу за полем боя.

– Ну, что, Василий Тимофеевич, видите, как хорошо идут наши дивизии? Не пора ли и вашему корпусу начинать движение вперед? – спросил я.

Вольский колебался, продолжая изучать поле боя.

– Засидимся – все провороним, – поддержал меня Никита Сергеевич, – будут тогда танки плестись в хвосте у пехоты.

Решил начинать выдвигание корпуса. Около 11 часов В. Т. Вольский подал своим танкистам радиосигнал "Вперед!"»

В своих мемуарах Н. С. Хрущев тоже описал этот день: «Наши войска ворвались в окопы и повели рукопашный бой. Противник отходил. Мы приказали Вольскому вводить механизированный корпус в прорыв. Ждем, танков все нет да нет. Мы стали уже волноваться. Как же? Мы ведь теряем время. Враг может организовать и построить новую оборону на каком-то удалении в тылу, оставив передний край. Мы предполагали, что у него имеются там заранее оборудованные позиции. А танков нет. Что такое? Уже рассвело. Солнце сияет. Его самого не видно, потому что стоял туман, но все предвещало, что туман скоро рассеется. А механизированный корпус никак не может войти в прорыв! Мы с Поповым решили: сядем на машину и поедем к Вольскому. (...)

Когда мы с Поповым приехали в расположение танковых войск, то их организация произвела на меня неприятное впечатление, такой там был базар. Все хорошо видно, в поле ни кустика, и танки, и автомашины, и люди в открытую. Нам повезло, что стояла нелетная погода и самолеты врага не поднялись в воздух...

Там была просто Сорочинская ярмарка, базар какой-то. Ведь коня и обоз не зароешь в землю, все в чистом поле. Картина была, я бы сказал, ужасная. Приехали к Вольскому, Вольский все еще возился с командирами бригад, ставя им задачи. Мы начали его торопить – пора кончать, задачи следовало поставить раньше. Разъехались мы по частям, стали выталкивать в наступление механизированный корпус. Я тогда считал, что это недосмотр Вольского, что он не подготовил своих командиров бригад. Позже я понял, что там, видимо, дело заключалось в другом; комбриги уже были проинструктированы и каждый командир получил свою задачу вовремя.

Такое потом наблюдалось не только у Вольского, а и у других командиров танковых войск. Они нарочно медлили, выжидая, когда пехота расчистит путь, чтобы не подставлять танки под огонь и не терять их при

прорыве. Ждали, чтобы был развернут прорыв и легче было бы войти в него танковым войскам. К сожалению, такие рассуждения я потом слышал часто, да и не только слышал, а и сталкивался с ними у многих танкистов. Не буду называть фамилии. Сейчас эти люди занимают довольно высокое положение. Они прекрасно воевали и хорошо закончили войну. Но за многими мною замечался этот грех. Наконец Вольский сдвинулся. А мы все ходили по полю, по его базару. Смотрю, летают два самолета над передним краем противника и бомбят его. Я говорю: "Смотри, товарищ Попов, что же это такое? Чьи это самолеты? Вроде как наши. Да ведь там сейчас нет противника, он выбит, как же так? Может быть, это противник бомбит наши войска?" Мне было непонятно, Попову тоже. Конечно, в общем и целом мы радовались. Хорошее было настроение, что наша берет! Мы передний край прорвали, пошла в дело пехота. Но нас беспокоили эти два самолета. Потом, смотрим, эти самолеты поворачивают в нашем направлении и летят на бреющем полете над этим базаром, над танками и лошадьми. А все открыто как на ладони. Вот самолеты заметили наш "виллис" и летят прямо на него. Вроде бы наши самолеты? Попов: "Давайте-ка выскочим, разбежимся и заляжем. А то черт его знает, что получится". Выскочили из "виллиса", он в одну сторону, я – в другую. Самолеты прострочили по нам из пулеметов. Попов потом говорил, что очередь близко легла от него. Около меня – тоже, но не в непосредственной близости, потому что я не слышал чмоканья пуль о землю. Улетели самолеты. Я говорю: "Все-таки наши. Почему же они нас обстреляли? Как они могли спутать? Этот район обозначен на всех картах, какими могли пользоваться наши летчики, район сосредоточения танковых войск и кавалерии для броска в прорыв".

Вытолкнули мы корпус вперед и вернулись на командный пункт к Труфанову. И он нас уже порадовал первыми пленными».

С самолетами потом разобрались. Это были советские штурмовики, которые потеряли в облаках ориентировку и приняли своих за немцев. Генерал Попов приказал своему адъютанту связаться со штабом воздушной армии, сообщить о происшествии и найти виновных. Виновных установят через несколько дней:

«– Ну, что будем делать? – обратился ко мне Н. С. Хрущев.

– Наказать, конечно, нужно строго, – ответил я, – чтобы другим была наука. Да и приказ комфронта этого требует.

– Так в приказе-то о войсках сказано. А мы с вами не войска, – отшутился Никита Сергеевич. – Как-то несерьезно может получиться: подумайте только, обстреляли Хрущева и Попова и за это хороших, смелых

летчиков отстранили от полетов и еще строго наказать собираются. У меня есть предложение: давайте дадим генералу Хрюкину телеграмму, вместе подпишем – летчиков к полетам допустить, не наказывать, но строго предупредить, чтобы впредь были более осмотрительны и по своим не били. Ну как, согласны?

Я, конечно, согласился. Телеграмма была отправлена в воздушную армию, а вскоре в разговоре со мной по телефону тов. Хрюкин сообщил, что в штурмовом полку, где узнали об обстреле Н. С. Хрущева, было много переживаний. Наша телеграмма там просто подняла дух».

Передовые же войска 4-го мехкорпуса к исходу дня обогнали пехоту и вышли на подступы к Плодовитому. И хотя его танковый полк выполнил свою задачу, все-таки такой частный успех не восполнил времени, потерянного корпусом при вводе в прорыв. Именно этим Еременко выразил свое недовольство на ВПУ, однако распоряжения заместителя на ночные действия танковому и кавалерийским корпусам полностью утвердил.

Маркиан Михайлович не без огорчения отметит: «Корпусу так и не удалось совершить глубокий бросок в тыл противника. Более того, мы опасались, что противник сумеет за это время подтянуть свои резервы и особенно противотанковые средства.

В связи с медленным продвижением корпуса Вольского, усложнился и ввод в прорыв 4-го кавалерийского корпуса. Ввести его засветло в прорыв мы не смогли, так как все дороги были заняты тылами 4-го механизированного корпуса. Протолкнуть конницу нам удалось только в 22 часа. Обе кавалерийские дивизии вводились рядом. Сбив прикрытие противника, они к 10 часам 21 ноября вышли на подступы к Абганерово».

Вспоминает Н. С. Хрущев: «Помню, раз после проведенного наступления мы ехали поздно ночью. Степь. Дорог нет. Ездить было опасно, потому что всегда можно было наткнуться на шальную мину, закопанную в неожиданном месте. Вот едем мы и не уверены, что в правильном направлении. Нет никаких ориентиров, ни кустиков, ни населенного пункта. Голая степь. Ориентироваться надо по звездам. Но по звездам воевать даже в степи невозможно. Видим, мерцает какой-то огонек. Сейчас же взяли направление на этот огонек на своих "виллисах". Выскакивает из машины Попов. Он был человек с жизнерадостным характером и хохочет во все легкие: "Товарищ Хрущев, идите сюда, взгляните, живых чертей увидите".

Я вышел из "виллиса", подошел. Сидят наши солдаты, развели небольшой костер. Большой костер там не разведешь, нет дров. Они все, что могло гореть, собрали в степи. Достали где-то воду и кипятят чай,

склонившись над костром. Закоптились – просто страх. У них только, как у негров, сверкают зубы и глаза. Действительно, черти, да еще ночью! А молодые парни улыбаются, видят, к ним приехали генералы. Я тогда не имел еще воинского звания, но был в военной форме. Они-то сразу увидели, что приехала какая-то военная "шишка". Мы расспросили их. Что-то у них сломалось в машине, не то горючее кончилось. "Вот, ждем, когда нам помогут". Это были артиллеристы противотанковых орудий – одной или двух пушек. Мы с ними слегка пошутили. Нам же они что-либо толковое сказать не могли, сами не знали событий. Ответили лишь, из какой они воинской части.

На следующий день мы опять разъезжали по фронту и натолкнулись на другую забавную картину. Я о ней много раз рассказывал Сталину. Трясется арба. Сидят человек пять-шесть румынских солдат, один погоняет лошадей. Едут на восток. Попов спрашивает: "Куда едете? Кто такие?" Один румынский солдат сует нам записку в руки, Попов взял и читает: "При сем следует столько-то румынских солдат, лошадей и арба. Едут на восток, к Волге, для сдачи в плен". И подпись: лейтенант такой-то. Мы посмеялись. Румыны смотрят, что мы настроены незлобно, и тоже приободрились. Попов вернул им записку и сказал: "Езжайте в том же направлении, в каком едете", – и махнул рукой. И они отправились в путь».

Догоняя кавалеристов, ранним утром 21 ноября генерал Попов с Н. С. Хрущевым приближались к расположенному в балке Плодовитому. На одной из придорожных высот им бросилась в глаза умолкнувшая батарея с искореженными и перевернутыми орудиями. Остановились и, увязая в снегу, подошли к позиции. Не без удивления узнали немецкие противотанковые пушки, возле которых валялись трупы немецких артиллеристов. М. М. Попов внимательно всмотрелся в широкие следы гусениц наших танков, которые пересекали всю позицию и уходили вдаль: «Темневший поблизости подбитый танк свидетельствовал о разыгравшейся в тумане горячей схватке. Но как попала сюда немецкая батарея? Только позже мы установили, что за 10–12 дней до нашего наступления немецкое командование усилило оборону румын своей противотанковой артиллерией, перекрыв отдельными батареями основные направления нашего вероятного наступления. (...)

Заехали в Плодовитое и попали в хорошо известную фронтовикам "пробку". Нам доложили, что дальше следовать нельзя, потому что все село заполнено румынскими войсками.

Творилось что-то непонятное: впереди нас наступают механизированный и кавалерийский корпуса, на одной линии с нами

находятся стрелковые дивизии и вдруг – скопление румынских войск.

Мы сошли с машин и, сопровождаемые небольшой группой автоматчиков, двинулись вдоль хат и заборов к центру села. Вскоре нашим глазам открылось неожиданное зрелище: широкая улица была битком набита румынскими солдатами в характерных высоких бараньих шапках. Все они были без оружия, о чем-то говорили, кричали и курили. Мы переглянулись между собой. Надо было что-то предпринять. Взобравшись на сугроб, я громко объявил:

– Прошу всех, кто говорит по-русски, подойти ко мне!

Приблизился молодой, заросший румын и приложил руку к папахе. Оказалось, что он долго жил в Кишиневе и достаточно свободно владеет русским языком.

– Становитесь рядом и скажите, чтобы слышали все румыны, что русский генерал просит господ румынских офицеров подойти к нему.

Переводчик что-то громко объявил на своем языке, однако из толпы никто не вышел.

– Вы, вероятно, неточно перевели мои слова, – вновь обратился я к переводчику. – Повторите еще раз, только как можно вежливее.

После повторного обращения к сугробу стали осторожно проталкиваться отдельные лица, по облику похожие на офицеров, но без погон. Вскоре их собралось десятка полтора. Спустившись вниз, я жестом пригласил офицеров расположиться полуколосьем, достал коробку "Казбека" и предложил им закурить. Недоверчиво поглядывая, они потянулись к папиросам, и коробка мгновенно опустела. Закурив, офицеры о чем-то оживленно заговорили между собой. Их группа между тем понемногу разрасталась. Но папирос, к сожалению, у меня уже не было.

– Кто из вас старший по должности и званию? – спросил я. Началось шушуканье: никому из румын не хотелось быть старшим в этом тревожном и неясном для них положении.

Пока офицеры решали этот вопрос между собой, я заметил в общей толпе высокого, подтянутого и гладко выбритого румына в сравнительно чистой белой папахе и пригласил выйти вперед.

– Кто вы по должности? – спросил я его через переводчика.

– Командир 36-го артиллерийского полка 18-й пехотной дивизии, полковник Журка, – доложил он.

– Что это за войска, почему и для чего собрались они в этой станице?

– Вчера вы прорвали нашу оборону. Связь со штабом дивизии прекратилась во второй половине дня. До вечера мы еще удерживали некоторые участки фронта, но затем в наши тылы пошли советские

танковые колонны. Связаться с командиром дивизии и командирами полков я не мог. Все бежали. С наступлением темноты стало ясно, что произошла катастрофа и сопротивляться далее бессмысленно. Тогда я принял решение спасти все, что осталось от нашей дивизии, и отдал распоряжение: русским сопротивления не оказывать и следовать в Плодовитое, где мы утром организовано сдадимся в плен. Как видите, многие это распоряжение выполнили.

Своему полку я приказал сняться с позиций, выйти на западную окраину Плодовитого, выстроить пушки и сложить личное оружие. Помимо моего полка, здесь находятся много солдат 92-го, 5-го егерского и других полков дивизии.

Мы одобрили действия командира румынского полка.

– Принимаем вашу капитуляцию и считаем ее самым разумным решением в этой обстановке. Она спасает жизнь многих тысяч румынских солдат. Вам поручаем организовать их и вести к Волге в лагерь военнопленных».

Штаб кавалерийского корпуса генерал Попов нашел почти в центре дымившегося Абганерова. В просторной хате, за столом, заваленным картами, генерал Т. Т. Шапкин кратко доложил об обстановке. После заслушивания начальника штаба корпуса Маркиан Михайлович поставил кавкорпусу задачу: «...одной кавалерийской дивизией быстро выдвинуться в этот район с запада и нанести удар в тыл удерживающей наши войска 4-й пехотной дивизии противника. Действуя в направлении Уманцево, кавалеристы могли добраться до штаба этой дивизии, разгромить его и обеспечить возможность успешного наступления нашей пехоте.

Эта задача была возложена на 61-ю кавалерийскую дивизию».

Только поздно вечером генералу Попову удалось связаться с генералом Вольским из Плодовитого, куда уже подтянули ВЧ и прибыла группа офицеров ВПУ Командир мехкорпуса доложил: «За день боя его войска вышли основными силами в район Зеты, но Верхне-Царицынского, которым по плану операции надлежало овладеть еще в первый день наступления, они не достигли. Это не могло не вызывать тревоги, тем более что корпус не имел запаса боеприпасов и горюче-смазочных материалов». «Считая обстановку чреватой опасными последствиями», М. М. Попов «потребовал от генерала Вольского точных донесений через каждые два часа о положении частей и состоянии запасов. Чтобы улучшить положение корпуса, нужно было прежде всего ускорить доставку ему необходимых боеприпасов, горючего и других материальных средств.

На случай вероятных контратак крупных сил противника корпус

должен был теперь иметь свои войска собранными в кулак. Чтобы освободить Вольского от необходимости отвлекать часть сил на охрану своего левого фланга, были приняты меры для ускорения выдвижения частей 126-й стрелковой дивизии в направлении станции Абганерово».

23 ноября 1942 г. соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов встретились в районе города Калача. Окружение 6-й полевой и части 4-й танковой армий противника было завершено. Танкисты не подвели. 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта В. Т. Вольского и 4-й танковый корпус Юго-Западного фронта генерала А. Г. Кравченко встретились в районе хутора Советского, замкнув кольцо окружения сталинградской группировки противника в междуречье Дона и Волги. Только после этого 64-я, 57-я, 21-я, 65-я, 24-я и 66-я армии получили возможность развивать наступление в общем направлении на Сталинград, крепко сжимая кольцо окружения.

На следующий день, по хорошо накатанной снежной дороге, Маркиан Михайлович отправился к Вольскому. Его штаб уже находился в Советском: «Стройный, высокий и всегда подтянутый командир корпуса выглядел очень торжественно. Он был заметно взволнован. Долгое и теплое пожатие рук... Поздравления с успехом, затем краткий доклад о положении бригад: 59-я ведет бой за лагерь имени Ворошилова, 36-я, переправившись через речку Карповку, наступает на Платоновский, 60-я в резерве. Противник подтянул противотанковые средства, использует наши старые оборонительные сооружения и яростно сопротивляется. А снарядов у нас мало. На вопрос о встрече с 4-м танковым корпусом В. Т. Вольский ответил, что войска соединились вчера – 23 ноября около 16 часов, и несколько неохотно добавил: "Правда, при встрече мы не узнали друг друга и подбили несколько танков у Кравченко, за это он на меня в большой обиде. Но виноваты больше его танкисты – они задержались с условленным сигналом – зеленой ракетой. Конечно, наши тоже виноваты: не сумели узнать свои Т-34"».

По замыслу Ставки ВГК окружение под Сталинградом должно было перерасти в немедленное уничтожение окруженной группировки немцев силами Донского и Сталинградского фронтов, координацию действий которых осуществлял генерал А. М. Василевский. От быстроты этого разгрома зависело высвобождение нескольких армий, так необходимых для решения других задач. Однако в конце ноября, несмотря на активизацию наступательных действий фронтов, существенных результатов достигнуто не было. Как подчеркнет М. М. Попов, «решающая причина неудачи заключалась в разновременности действий фронтов и в некотором

приуменьшении сил окруженного противника.

Возникла сложная обстановка: нельзя было давать окруженному врагу передышки, но в то же время нашим войскам требовалось накопить силы – пополниться людьми, доставить боеприпасы, подтянуть артиллерию и авиацию. А для этого нужен был немалый срок.

Одновременно с наступлением против основных сил сталинградской группировки противника мы продолжали отодвигать на юго-запад внешний фронт окружения, но здесь, как и предполагалось, остановка становилась все более напряженной. Наши атаки на Котельниково не увенчались успехом. Противник ввел в дело значительное количество танков и отбил атаки 4-го кавалерийского корпуса с большими потерями для него. Пришлось спешно выводить сюда три стрелковые дивизии, но и эта мера не обеспечила нам дальнейшего продвижения. Бои в районе Котельникова уже в конце ноября позволили нащупать здесь группировку немецких войск Гота, нацеленную на соединение с армией Паулюса. Направление ее удара не вызвало сомнений.

Вторым вероятным направлением наступления противника на выручку Паулюса мы считали направление от станицы Нижне-Чирской на северо-восток. Здесь и к северу по реке Чир сосредотачивались значительные немецкие резервы, которые, как стало известно впоследствии, составляли часть оперативной группы Холлидта, тоже предназначенной для деблокирования окруженных войск. В районе хутора Рычковского противник упорно удерживал небольшой плацдарм и переправу через Дон, которые он мог использовать как для наступления деблокирующих сил, так и для отхода 6-й армии на западный берег Дона и Чира без их форсирования. То, что плацдарм находился на стыке Юго-Западного и Сталинградского фронтов и нависал над флангом 51-й армии, повышало его значение.

Наша задача заключалась теперь в том, чтобы не дать противнику объединить усилия котельниковской и ниже-чирской группировок, а также 6-й армии немцев.

Угроза ударов противника навстречу войскам Паулюса все время нарастала. Если 4 декабря 1942 года командующий Сталинградским фронтом сделал вывод о возможности наступления котельниковской группировки, то 8 декабря он был уверен, что это наступление развернется в ближайшие дни.

Чтобы расстроить планы противника и создать мощный танковый кулак для контрударов на случай попыток войск Паулюса прорваться из окружения, командование Сталинградского фронта к концу ноября вывело

основные силы 4-го механизированного корпуса на восточный берег Дона».

В личном архиве генерала армии М. М. Попова удивительным образом сохранились страницы мемуаров, названные «Совещание комфронттов у Василевского». Предваряя свое очередное назначение, Маркиан Михайлович подробнейшим образом пишет: «5 декабря позвонил А. И. Еременко и поручил мне подготовить на завтра место для совещания, на которое придут наши северные соседи и представители Ставки. Где-нибудь в районе Средне-Царицынский, то есть поближе к стыку наших фронтов. Ожидается 12–15 человек, некоторые из них могут прибыть на У-2, поэтому надо подобрать и расчистить площадку для их посадки. Кроме того, надлежит выставить регулировщиков. А также, на всякий случай, организовать хороший обед.

Выбирая предварительно место совещания по карте, я остановился на Ново-Ахтубинском, которое было в стороне от фронтовой магистрали с большим двухсторонним движением и поэтому периодически контролировавшейся "рамой", а иногда и подвергавшейся бомбежке. В этой станице мне уже приходилось бывать, она хорошо сохранилась, мне запомнились некоторые хаты, и поэтому я, не теряя времени, выехал туда, предварительно позвонив Вольскому с просьбой выслать туда же командира бригады, дислоцировавшейся в этом районе.

По прибытии в Ново-Ахтубинский я без особого труда подобрал просторный и светлый домик, занятый солдатами, и поручил комбригу его освободить, тщательно вычистить и вымыть полы, а также обставить соответствующей мебелью – столом на 15–17 человек и таким же количеством табуреток и стульев. Затем мы с ним выбрали посадочную площадку у ручья на западной окраине станицы и наметили мероприятия по ее расчистке и обозначению.

Уже после этого собрали хозяйственников и с ними всесторонне обсудили все вопросы, связанные с подготовкой обеда. Наш фронт не мог ударить лицом в грязь, и все надо было сделать безукоризненно, чтобы потом не получить упреков со стороны придиричивого комфронта.

Поздно вечером я докладывал А. Еременко о том, что удалось сделать по подготовке совещания, получил его одобрение, а рано утром следующего дня я уже был на месте. В домике, предназначенном для совещания, было очень тепло, полы вымыты и выскоблены добела, и даже на окнах висели белые занавески из позаимствованной в медпункте марли. Посередине комнаты стоял большой стол, покрытый скатертью (сшитой из серых солдатских одеял) и уставленный табуретками. Против старого кресла, предназначавшегося председателю, стоял графин с водой и

граненым стаканом. В маленькой прихожей на стене была прибита вешалка – свежеструганная доска, с вбитыми в нее большими гвоздями, а в боковушке рядом, на подставке висел умывальник, стазом под ним и вафельными полотенцами по бокам.

Затем мы проехали на посадочную площадку, убедиться в ее готовности. И здесь все было в порядке, снег расчищен, вчерашние сугробы сравнены и красное "Т" обозначало направление и место посадки.

С обедом тоже как будто налаживалось, и только выдавший виды начпрод бригады сетовал на то, что не удалось подобрать одинаковые тарелки, столовые приборы и рюмки.

Я успел вместе с начальником связи бригады проверить радиостанции замаскированно расположенные неподалеку от нашего домика, и поговорил с радистами. Вхождение в связь с КП Сталинградского и Донского фронтов было подготовлено, настройка проверена, и теперь они все время будут "на приеме".

Первыми приехали, как и полагается хозяевам, Н. С. Хрущев и А. И. Еременко. Они критически осмотрели и проверили все приготовления и, судя по тому, что упреков с их стороны не последовало, остались довольны. Соседи задерживались. Нелетная погода – низкая облачность и снег при порывистом ветре, очевидно, вынудили их выехать на автомашинах. Время текло, они не появлялись, а запрашивать по радио не хотелось, потому что работа раций могла привлечь внимание немецких пеленгаторов. Радиопереговоры предполагались только в случае особой нужды, связанной с какими-либо изменениями в обстановке на фронте.

Мы сидели в хате не раздеваясь, а только расстегнув шинели и делились мыслями о предстоящем совещании, необходимость которого, по нашему общему мнению, уже назрела. Командованию Сталинградского фронта уже несколько дней было ясно, что наличными силами одновременно решать две задачи – уничтожение окруженных войск Паулюса, не допуская в то же время его прорыва на юг, и отражать неизбежные попытки Манштейна прорваться через Котельниково на выручку к Паулюсу, явно не по силам. Требовались какие-то новые решения для завершения этой столь удачно начатой операции. Складывавшаяся обстановка уже не раз обсуждалась нами у командующего или Никиты Сергеевича в Райгороде, и, судя по их высказываниям, здесь в теплой хате в ожидании приезда соседей и представителей Ставки, можно было судить, что они тщательно все обсудили и взвесили. И еще раз готовы теперь выступить со своими конкретными предложениями по дальнейшему развитию и ходу операции.

"Едут", – доложил вбежавший в хату адъютант, и мы поспешили на улицу. Машины, запорошенные снегом, подходили одна за другой, и вылезавшие из них встречались крепкими рукопожатиями. Раздевшись в прихожей, прибывшие с А. М. Василевским товарищи отогревались у теплой печи, потирая руки и разминая ноги, затекшие за время почти стокилометрового пути по заснеженным фронтовым дорогам.

– Ну что, отогрелись немного, – спустя некоторое время спросил А. Василевский. – Может быть, начнем?

И так как возражений ни у кого не было, он предложил усаживаться за столом. Громче закрипели половицы и затарахтели передвигаемые табуретки, а я с некоторым беспокойством и опасением – хватит ли всем мест, – наблюдал за рассаживанием.

С представителем Ставки Василевским прибыли генералы А. А. Новиков, главнокомандующий ВВС, И. Т. Пересыпкин, начальник связи РККА, К. К. Рокоссовский, командующий Донским фронтом, член Военного совета фронта К. Ф. Телегин и несколько не знакомых мне генералов и полковников. Мест за столом хватило, и на нем не шурша раскладывались карты.

Совещание открыл Василевский, начав его сообщением о том, что оно проводится по личному указанию Верховного Главнокомандующего, с целью обсудить сообща сложившееся под Сталинградом положение и наметить план дальнейших действий. Затем он изложил свою оценку обстановки и возможные перспективы ее развития в ближайшее время. Попытки наступления, предпринятые фронтами за последние дни для сужения фронта окруженного Паулюса и частичного его уничтожения, как известно, успехом не увенчались. Причиной тому и разновременные действия фронтов и достаточно прочная организованная оборона Паулюса, опирающаяся на подготовленные нами же в свои дни рубежи, и что, пожалуй, самое главное, слабая укомплектованность наших войск, понесших значительные потери за время почти непрерывных пятнадцатидневных боев, недостаток танков, а также боеприпасов. Прогнозируя возможные варианты действий окруженных войск, А. Василевский считал вполне вероятными их попытки прорваться из кольца окружения на юг, на Котельниково, или на юго-запад, в направлении на Нижне-Чирскую, в Тормосин по западным берегам Дона. Если до конца ноября мы имели все основания ожидать самостоятельных попыток Паулюса прорваться из кольца окружения, то теперь, когда наш внутренний фронт окружения достаточно окреп, а внешний значительно отодвинулся, вряд ли немцы рискнут на подобные действия окруженных войск. По ряду

признаков нам следует готовиться к отражению немецких ударов извне, навстречу Паулюсу, с одновременным его прорывом из окружения. В этих новых условиях главной задачей Сталинградского фронта будет являться отражение этих ударов с юга на Котельниково и с юго-запада от Тормосина и Нижне-Чирской запрещение прорыва Паулюса на этих же направлениях. При этом Сталинградский фронт должен будет решать эти задачи своими силами, так как в ближайшее время Ставка не в состоянии помочь чем-либо фронту.

Основной и главной задачей Донского фронта будет уничтожение окруженных под Сталинградом немцев в самое ближайшее время. Очевидно, фронту трудно решать эту задачу своими силами, почему Ставка и намечает ряд мер по усилению т. Рокоссовского, о чем мы конкретно узнаем в недалеком будущем.

– Вот я бы и просил командующих и членов Военных советов высказать свои суждения по поставленным мною вопросам, – закончил свое выступление А. М. Василевский.

Первым взял слово командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко. Вначале он остановился на анализе и оценке немецких войск перед фронтом и высказал свои суждения о возможных их действиях в ближайшие дни. Он считал, что... (Здесь дается положение на Котельниковском направлении, их группировка, подход из глубины, возможные сроки готовности к решительным действиям, а также несколько слов о предполагаемых действиях Паулюса...)

Затем А. И. Еременко остановился на оценке состояния войск 51-й армии, 4-го кав. корпуса, 4-го мех. корпуса. Из его выступления явствовало... (Дается положение Шапкина, его боеспособность, положение и боеспособность дивизии Труфанова, кратко о Вольском.)

Упомянул он также и о Тормосинском направлении и высказал свои предположения о возможном ходе развития событий на этом участке, подчеркнув при этом необходимость скорейшей ликвидации плацдарма противника у Рычковского, и вообще о необходимости наведения порядка на стыке трех фронтов в этом районе.

В заключение он попросил Василевского усилить войска фронта в ближайшие же дни в первую очередь танками, свежими дивизиями, немедленно дать пополнение фронту личным составом, а также танками и самолетами.

Выступивший вслед за ком фронтом Н. С. Хрущев поддержал командующего и в свою очередь также подчеркнул всю угрозу, нависавшую с юга, и высказал в связи с этим предложения о

необходимости кардинальных мер по усилению левого крыла фронта.

А. М. Василевский слушал молча, записывая что-то в свой блокнот и только изредка перебивал выступающих уточняющими вопросами. По выражению лица и его тону было трудно определить его отношение к постановкам вопросов командованием Сталинградского фронта, но мне казалось, что он никак не может не придать значения хорошо аргументированным выступлениям командующего и члена Военного совета, в которых с глубокой силой убежденности давались перспективы наиболее вероятного развития хода событий.

Затем выступил командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский. После анализа обстановки и оценки возможностей окруженного Паулюса и состояния войск фронта, также достаточно обескровленных в результате многодневных боев, он изложил свои выводы и вытекавшие из них предложения.

Кратко они сводились к следующему. Окруженные войска оказывают упорное сопротивление, как говорил здесь т. Василевский, опираясь на наши оборонительные рубежи, и отражают наши атаки хорошо организованным огнем. Очевидно, запасы боеприпасов у них еще достаточные, а явных признаков упадка и разложения пока не отмечается. По показаниям пленных и перебежчиков, которых, кстати сказать, не так уж и много, окруженные верят в то, что их обязательно выручат, и что фюрер принимает все меры к их освобождению. Это помогает пропаганде противника поддерживать боевой дух у личного состава, и поэтому он проявляет достаточную стойкость. Какого-либо ослабления немецкой группировки против Донского фронта, в связи с предполагаемой подготовкой прорыва Паулюса на юг или юго-запад, не отмечается. Перед нами все те же дивизии, приводимые в порядок, очевидно, за счет каких-то внутренних ресурсов противника.

– Нам совершенно понятно стремление Ставки как можно скорее расправиться с окруженной группировкой, – продолжал К. Рокоссовский. – Однако наличными силами, при крайне мизерных запасах боеприпасов, скажем прямо, это не под силу. Нужно усилить нас свежими войсками, накопить боеприпасы и уже после этого приступить к решительному уничтожению врага.

Он также разделил мнение А. Еременко о необходимости наведения порядка на стыке фронтов и в первую очередь разобраться с войсками Юго-Западного фронта, которые до сих пор находятся рядом с нами, решают одни и те же задачи, что и мы, а продолжают подчиняться Н. Ватутину, удаленному от нас и решающем, в данное время, совершенно другие

задачи. Конкретно шла речь о левом фланге 5-й танковой армии, действовавшей на внешнем фронте окружения непосредственно по западным берегам Дона, о 21-й армии, действовавшей на правом фланге Донского фронта против окруженной группировки...

После этих выступлений еще долго продолжалось обсуждение выдвинутых командующими предложений и просьб и уточнение ряда вопросов. Эта часть совещания постепенно вылилась в непринужденную беседу, в которой все ее участники отстаивали свои точки зрения.

– Ну, так разрешите подвести некоторые предварительные итоги нашей встречи, – прерывая затянувшиеся разговоры, сказал А. Василевский.

Смысл его выступления сводился к тому, что он разделяет ряд высказанных здесь опасений и предложений, и что он сегодня же будет докладывать Ставке результаты совещания и сложившиеся здесь точки зрения Военных советов фронтов.

– Думаю, что мне удастся уже сегодня ночью или в крайнем случае завтра утром ориентировать командующих о принятых Ставкой решениях, – заключил А. Василевский, – а теперь, пожалуй, пора и по домам, сказал он, посмотрев на часы. На столе вновь зашуршали складываемые карты и задвигались с шумом табуретки.

– Александр Михайлович, – громко обратился к нему и остальным участникам совещания А. Еременко, – вы как хотите, а без обеда мы вас не отпустим. Путь у вас еще далекий, и к тому же не все время вам обедать у Константина Константиновича. Пора отведать и сталинградских харчей! – Присутствующие посматривали друг на друга, на часы и на Василевского и, судя по всему, против обеда не возражали. Почувствовав общее настроение, Александр Михайлович согласился и только попросил сделать все как можно быстрее и "ради бога" покороче, а мне шепнул – "прикажи, пожалуйста, покормить шоферов".

... Обед проходил обыденно, несколько торопливо, без всяких тостов, а разговоры велись вокруг вопросов, обсуждавшихся на только что закончившемся совещании...

Отказавшись от традиционного послеобеденного чая, гости, благодаря за внимание и за обед, несколько поспешно одевались и прощались... Я провожал уезжавших, но был приглашен к А. Василевскому (его генералом для особо важных поручений М. М. Потаповым). Около неубранного стола с ним беседовали Н. С. Хрущев и А. И. Еременко.

– Вот тут мы обсуждаем вопрос о 5-й Ударной армии. В случае если наши предложения о ее передаче Сталинградскому фронту будут Ставкой

приняты, ей предстоят тяжелые дела на стыке двух фронтов, – начал, обращаясь ко мне, А. Василевский. – Штаб у нее еще не сколочен, да и командарм Цветаев, к которому у нас никаких претензий нет, не имеет еще достаточного боевого опыта этой войны. Вот мы и думаем предложить вам вступить в командование этой армией, временно, пока не освоится Цветаев. Конечно с оставлением вас в должности заместителя комфронта. Каково ваше мнение на этот счет?

Предложение это было совершенно неожиданным для меня, однако, немного подумав, я дал согласие, высказав только опасение, что как бы это не обидело т. Цветаева, бывшего в свои годы преподавателем в академии, когда я там учился, и человека значительно старше меня по возрасту и по службе в армии.

Н. С. Хрущев на мои опасения заметил, что это нужно для дела, что Цветаев должен понять смысл этой временной перестановки и что, наконец, у меня найдется достаточно такта, чтобы не унижить и не обидеть этого заслуженного и пожилого генерала. А. Еременко полностью разделил высказанное Никитой Сергеевичем, и мне осталось только заверить их в том, что сделаю все от меня зависящее, командуя этой армией».

А 8 декабря 1942 г. Ставка ВГК отдаст соответствующий приказ:

«1. Образовать с 9 декабря 1942 г. в составе Сталинградского фронта 5-ю ударную армию, включив в нее 4 гв. сд, 258, 300, 315, 87-ю стрелковые дивизии, 4-й механизированный корпус, 7-й и 23-й танковые корпуса и 3-й гвардейский кк.

2. Установить между Сталинградским и Юго-Западным фронтами разграничительную линию: Старо-Максимовский, Тормосин, Апанаскино – все включительно для Сталинградского фронта. Разграничительную линию между 5-й ударной и 51-й армиями установить: для 5-й уд. армии – Ивановка (восточнее Громославки), (иск.) Верхне-Курмоярская и далее по реке Дон до Константиновской.

3. Ближайшей задачей 5-й ударной армии иметь:

а) во взаимодействии с 5-й танковой армией уничтожить нижне-чирскую и тормосинскую группы противника;

б) ни в коем случае не допустить прорыва противника из района Тормосин, Нижне-Чирская на соединение с окруженной группой противника в районе Сталинграда. В дальнейшем иметь в виду продолжение наступления севернее Дона в общем направлении на Усть-Быстрианскую.

4. Назначить командующим 5-й ударной армией – генерал-лейтенанта

Попова М. М. с оставлением его в должности заместителя командующего войсками Сталинградского фронта.

5. Назначить заместителем командующего 5-й ударной армией генерал-лейтенанта Цветаева В. Д.

6. Назначить начальником штаба 5-й ударной армии генерал-майора тов. Кондратьева А. К.

7. Штаб 5-й ударной армии развернуть на базе управления 10-й резервной армии. Штаб армии т. Ляпичев.

8. Обязать представителя Ставки тов. Василевского выделить из состава войск Сталинградского и Донского фронтов на усиление 5-й ударной армии 2 противотанковых артиллерийских полка, 2–3 полка АРГК, 2 гвардейских минометных полка.

9. Передачу из 5 ТА Юго-Западного фронта в 5-ю ударную армию 4 гв. сд, 258 сд и 3 гв. кк произвести в ночь с 11 на 12 декабря 1942 года...»

Вячеслав Дмитриевич Цветаев (1893 г.р.) свою службу начал еще в русской армии. Участвовал в Первой мировой войне, закончил которую в чине поручика командиром роты и батальона. В Гражданскую войну командовал ротой, батальоном, полком, бригадой и дивизией. С 1931-го – старший преподаватель в Военной академии им. Фрунзе. С 1937-го – командовал 57-й стрелковой дивизией. Был арестован в 1938-м и вскоре освобожден. В сентябре 1939 г. назначен старшим преподавателем, а в январе 1941 г. – начальником кафедры Военной академии им. Фрунзе. С начала войны командовал оперативной группой 7-й армии Северного фронта. В июле 1941 г. ее войска участвовали в оборонительных боях против финских войск в Карелии. Развернутые на широком фронте под ударами превосходящих сил противника войска группы были вынуждены отойти. Однако к началу августа соединения оперативной группы под командованием Цветаева остановили наступление противника северо-западнее г. Олонец. В начале 1942 г. он назначен заместителем командующего 4-й армией Волховского фронта. С декабря 1942-го – командующий 10-й резервной армией, которая была преобразована в 5-ю ударную армию.

Генерала Цветаева, деликатного и воспитанного, Маркиан Михайлович встретит в Ляпичеве, куда должен был прибывать штаб 5-й ударной армии: «Здесь меня уже поджидали генерал Цветаев и член Военного совета армии генерал-майор Булатов. Они оба уже знали о моем назначении, что избавило меня от лишних объяснений. По всем внешним признакам В. Д. Цветаев держал себя очень спокойно, и бодро, и

подчеркнуто дисциплинированно. Военному совету фронта они представились только по телефону и получили указания быстрее собирать штаб и ожидать моего приезда».

К слову сказать, первой боевой задачей армии являлось (во взаимодействии с 5-й танковой армией Юго-Западного фронта) уничтожить создаваемую противником группировку резервов на Нижнем Чире, а также не допустить прорыв немецких войск на соединение с окруженной в районе Сталинграда 6-й армией.

Сам Маркиан Михайлович, вспоминая боевые действия 5-й ударной армии, предпочел остановиться на ликвидации плацдарма немцев в районе Рычковского. Его новая «пожарная задача» осложнялась тем, что наступление ему пришлось готовить, когда армия только начинала формироваться: «Штаб армии прибывал по частям. Средств связи еще не было, и вся связь осуществлялась через соседние армии и за счет резервных средств фронта. Своих органов тыла не имелось, войска снабжались с помощью других объединений».

Очень скоро стало ясно, что имеющимися силами ликвидировать плацдарм не получится. Требовалось усиление свежими войсками, но в первую очередь танковыми. После доклада командующему фронтом долго ждать не пришлось. Ставка приняла решение передать в состав 5-й ударной армии совершенно свежий 7-й танковый корпус генерал-майора П. А. Ротмистрова. В двадцатые годы они в одной дивизии командовали ротами, поэтому крепко обнялись при встрече. Павел Алексеевич в мемуарах отметит: «Оба были взволнованы этой фронтовой встречей. Но предаваться воспоминаниям о довоенной службе времени не было. Я рассказал о разговоре с А. М. Василевским и поставленной корпусу задаче. Маркиан Михайлович в свою очередь сообщил, что Ставка и командующий войсками фронта возложили на него организацию всех мероприятий по разгрому противника в районе нижнего течения реки Чир, в том числе на рычковском плацдарме. Проведение их в жизнь начиналось для него в очень неблагоприятных условиях. Армия только начала формироваться... Но командарм был настроен оптимистически, считая, что уже были возможности взяться за выполнение ближайших боевых задач, особенно с завершением марша 7-го танкового корпуса. В частности, ему удалось ознакомиться с обстановкой в районе хутора Рычковский, правда, по докладам из переданных армии 4-й гвардейской и 258-й стрелковых дивизий, которые неоднократно, но безуспешно пытались выбить противника с плацдарма.

– Атаковали, – рассказывал Маркиан Михайлович, – вроде бы по всем

правилам военного искусства. Били днем и ночью по флангам, под основание плацдарма. Но немцы неизменно отражали все атаки.

Я доложил ему о состоянии 7-го танкового корпуса. Что все его части уже выходят в назначенные районы сосредоточения и проводят себя в порядок. Договорились, что М. М. Попов поедет на свой КП в Ляпичево, а я с командирами бригад проведу рекогносцировку района предстоящих действий корпуса и завтра доложу ему свое правильное решение».

«П. А. Ротмистров, тщательно изучив весь район предстоящих боев и повстречавшись с командирами действовавших против Рычковского дивизий и некоторых полков, решительно высказался за осуществление самого простого, но и самого сильного, по его мнению, решения – стремительного удара по плацдарму непосредственно с фронта значительными силами танков, – свидетельствует Маркиан Михайлович. – Это, конечно, обосновывал он свое предложение, противоречит некоторым догмам борьбы за плацдарм, но немцы натащили на фланги очень много средств, а с фронта оборону ослабили».

Уже 11 декабря на совещании, проходившем на КП 7-го танкового корпуса в присутствии А. М. Василевского, Н. С. Хрущева, П. А. Ротмистрова и командира 3-го кавкорпуса И. А. Плиева, генерал-лейтенант М. М. Попов доложил план предстоящего наступления, «в котором главная роль отводилась внезапному танковому удару с фронта силами 3-й тяжелой танковой бригады генерала Вовченко в направлении Рычковский. Внезапность достигалась атакой противника перед рассветом, без артиллерийской подготовки. 258-я и 4-я гвардейские стрелковые дивизии переходили в наступление только после того, как будет достигнут успех танковым корпусом. Они должны были, стремительно преследуя противника, очистить от него местность на плацдарме, выйти к Чиру и захватить плацдармы на его западном берегу, овладев в первую очередь станцией Нижне-Чирской.

3-й гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал генерал Плиев И. А., также получил задачу: используя успех танков, очистить левый берег Чира от противника, выйти к реке и захватить плацдарм. Ставить обескровленному корпусу большую задачу было бы бессмысленно.

Поскольку наш правый сосед (5-я танковая армия под командованием генерала Романенко) имел в районе Рычковского организованную ранее систему сильного артиллерийского огня и противотанковой обороны, было намечено использовать ее в интересах наступления наших войск. Всю оставшуюся подготовительную работу предполагалось закончить в течение

суток 12 декабря и с утра 13 декабря осуществить атаку».

Вечером 12-го еще раз собрались у генерала Ротмистрова, подвели итоги. Решили начинать, установив время атаки. Сам Ротмистров направился на свой НП раньше Попова, упросив его прибыть к нему немного позже, чтобы успеть уточнить обстановку и встретить уже с докладом. И вот Маркиан Михайлович у Ротмистрова: «НП Ротмистрова – окоп, врытый в древний одинокий курган, нам, доложили, что все идет по плану. Бригады к 4 часам заняли исходное положение и скоро начнут движение. Стрелковые дивизии также заканчивают занимать исходные позиции. Немцы ведут себя спокойно.

Тишину изредка нарушали разрывы одиночных снарядов, выпускавшихся, очевидно, больше "для порядка", чем для дела. Периодические вспышки осветительных ракет обозначали бледным светом линию фронта.

Бригады 7-го танкового корпуса выступали в указанное им время, по тщательно сверенным часам, не ожидая никаких сигналов. Сигнал с КП корпуса мог быть подан только в случае каких-либо особых изменений.

– Скоро услышим танки, – уверенно заявил П. А. Ротмистров. Он не ошибся – в морозном воздухе послышался глухой шум многих моторов: бригада тяжелых танков проходила мимо нашего НП. Местность была еще окутана мглой, и только то нараставший, то постепенно удалявшийся звук моторов да иногда пламя, вырывавшееся из глушителей, указывали на передвижение танков в непосредственной близости от нас.

Начало светать. Мы напряженно всматривались в сторону Рычковского, куда ушла бригада Вовченко и где по-прежнему тихо. Но вдруг как-то беспокойно заметались осветительные ракеты и послышались первые оружейные выстрелы, сперва немецких противотанковых пушек, а затем наших тяжелых танков. Бой начался. Первой вступила в него, как и было рассчитано, 3-я тяжелая танковая бригада. Когда бой разгорелся справа и слева от Рычковского, по нашему сигналу началась короткая артиллерийская подготовка, предварившая наступление 258-й и 4-й гвардейской стрелковых дивизий.

Прошло 50 минут. Уже достаточно рассвело, когда был принят радиосигнал Вовченко. "Танки ворвались в Рычковский. Продолжаю выполнять задачу".

Постепенно выяснилась обстановка: 258-я и 4-я гвардейская стрелковые дивизии своевременно подхватили успех 7-го танкового корпуса и перешли в наступление. К полудню наши войска пересекли железную дорогу и вели бой за Верхне-Чирский. Сомнений не было –

немецкие войска на плацдарме смяты и вряд ли будут пытаться его восстановить, обнаружив такую армаду танков».

Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих мемуарах не забудет сказать и М. М. Попове: «Чтобы сковать гитлеровцев на нижне-чирском направлении и обеспечить правый фланг 51-й армии от удара с запада, утром 14 декабря перешла в наступление 5-я ударная армия. К концу дня 7-му танковому корпусу совместно с 258-й и 4-й гвардейской стрелковыми дивизиям удалось сбросить вражеские силы с рычковского плацдарма и закрепить его за собой. На следующий день 4-й мехкорпус В. Т. Вольского, в котором оставалось всего до 70 танков, совместно с подошедшей из фронтового резерва 87-й стрелковой дивизией выбил противника из Верхне-Кумского и приостановил дальнейшее его продвижение на северо-восток. До войск Паулюса передовым отрядам Манштейна оставалось в тот момент пройти километров пятьдесят. 16 декабря в 1 час 50 минут М. М. Попов радиограммой сообщил мне: "Восточный берег р. Дон полностью очищен. Переправы исправные. Уточняю грузоподъемность наших монопонтонных. На рассвете 16.XII буду лично в Верхне-Чирской и все доложу"».

Заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта

В личном архиве генерала армии М. М. Попова сохранилось его воспоминание относительно нового и весьма неожиданного назначения после 5-й ударной: «Днем 24.12 позвонил А. М. Василевский и после обычных расспросов об обстановке задал совершенно неожиданный для меня вопрос:

– Как вы считаете, может т. Цветаев сейчас вступить в командование армией?

Немного собравшись с мыслями, я отвечал:

– Военная подготовка Цветаева ни у кого из нас не вызвала никаких сомнений. Он лично очень смелый и решительный человек и вместе с тем достаточно расчетливый. С обстановкой вполне освоился и понимает роль и место армии в нашей битве. Войска знает и постоянно стремится глубоко и конкретно вникать в дела. В штабе его все уважают, а он коллективом руководить умеет. Вы только не подумайте, что я стремлюсь уйти из армии и поэтому так нахваливаю Цветаева. Я изложил вам свою объективную оценку и считаю, что он с успехом справится с армией.

– Хорошо, я разделяю ваши соображения. Так и буду докладывать в Ставку.

– Тогда позвольте полюбопытствовать и о своей судьбе, на что я могу рассчитывать при назначении Цветаева командармом?

– Или вернетесь на свой старый пост, или получите другое назначение. Большого я вам сказать не могу.

В заключение нашего разговора я высказал пожелание остаться на Сталинградском фронте, но прямого обещания не получил.

Подобный разговор не мог не вызвать размышлений. Против Манштейна уже создана оперативная группа, которую возглавляет Г. Ф. Захаров. Единственно где я мог бы оказать помощь комфронта – это на участке наших армий на внутреннем кольце окружения. Другого своего применения было трудно и представить, а уходить сейчас с фронта, на таком переломном этапе операции и от такого дружного и слаженного коллектива, мне очень не хотелось.

Внутренне я очень радовался за Цветаева и представлял себе, с каким удовлетворением он воспримет свое восстановление в должности командарма, чего он вполне достоин. Я же сожалел о том, что мне, может

быть, придется расставаться с армией, к которой уже начал привыкать, а кроме того, что может быть лучше поста командарма, сейчас в условиях развивающейся дальше операции, в которой и на долю армии, бесспорно, еще выпадут большие и ответственные задачи. Нет, я нисколько не обманывал себя, когда приходил к выводу о том, что возврат на должность комфронта меня не особенно прельщает.

Однако размышлять и философствовать было некогда. Остаток дня прошел в текущих хлопотах, заслушиваниях неотложных докладов, в переговорах с фронтом и соседями, из которых один – правый, топтался на месте, а другой, левый, – 2-я Гв. А. своим успешным переходом в контрнаступление возвестил сегодня начало разгрома Манштейна и неизбежную теперь гибель Паулюса, с его окруженными под Сталинградом войсками...

Около 4-х часов утра 26.12 меня разбудил адъютант, и сообщил, что меня срочно просит к проводу из штаба фронта генерал Варенников.

На мое сонное ворчанье – почему нельзя переговорить по ВЧ тут же из моей хаты, вместо того чтобы тащиться на переговорную, последовал ответ, что ВЧ на "повреждении" и начтафронта уже ожидает на проводе БОДО.

Через несколько минут полусонная бодистка щелкала клавишами, а на выползавшей ленте... ПОПОВ У АППАРАТА... ПОПОВ У АППАРАТА...

Варенников действительно подждал меня на проводе и после взаимных приветствий приступил к передаче:

"Товарищ Попов, Михайлов мне передал, что 5 Ударная с 4.00 сегодня 26.12 переходит в подчинение Ватутина. Вы назначаетесь его заместителем. Командование 5 Ударной возлагается на Вашего заместителя Цветаева. Вы, как заместитель Ватутина, возглавляете руководство Романенко и 5 Ударной. Вам нужно немедленно быть на западном берегу, связаться с Ватутиным и возглавить руководство, повторяю, Романенко и 5 Ударной. Хозяйство Афонина и Шапкина передать со всеми средствами усиления Малиновскому. Пушкина с прибытием его в Ново-Максимовский немедленно передать в подчинение Романенко. Все. Передал Варенников..."

Я внимательно вчитывался в неторопливые строчки ленты, стремясь освоить и понять существо полученного распоряжения. На мои вопросы И. Варенников отвечал, что в штаб фронта мне заезжать не нужно и что письменного приказа или директивы ожидать не следует. На этом мы и закончили наши короткие переговоры, обменявшись на прощанье взаимными пожеланиями успехов.

Чего другого, но подобного назначения я не ожидал совсем. Оно поразило и просто ошарашило, и я еще долго сидел в переговорной, вчитываясь в сырую склейку ленты, и размышлял, и обдумывал необходимые мероприятия.

Позвонили на узел ВЧ. Там связь с Ватутиным на ближайшие часы не гарантировали. Я тут же набросал записку своему новому начальнику, в которой буквально пересказал все сообщенное мне Варенниковым и просил указаний, куда и когда мне выезжать. И поручил дежурному по связи офицеру проследить за ее передачей по БОДО в штаб Юго-Западного фронта.

Я тепло попрощался со всеми девушками-бодистками ночной смены, с которыми провел не один час в этой и в других переговорных, или у ленты, или просто дремля на скамейке в ожидании, когда наладится связь и вместо омрачающего – "земля на проводе", услышу наконец бодрое и радостное – "Тов. командующий! Абонент у аппарата..." Я даже пошутил с ними, как, наверное, шутили мы, покидая переговорную после бессонной ночи, желая хоть немного подбодрить этих незаметных, простых, но очень ответственных тружеников войны.

Дома, за стаканом горячего чая, я продолжал пытаться разобрать тот сложный клубок мыслей, вызванный коротким, но много изменявшим разговором с И. Варенниковым.

Передача 5-й Ж в состав Юго-Западного фронта, с изъятием из них соединений, действующих на восточных берегах Дона, говорила за то, что теперь, в связи с успешным началом контрнаступления 2-й Гв. А. Сталинградский фронт нацеливается на полный разгром Манштейна со стремительным наступлением на юго-запад, на Ростов. За все правобережье Дона ответственность возлагается на Ватутина, правое крыло которого успешно продвигается, а левофланговая 5 ТА уже много дней находится почти на одних и тех же рубежах и по существу обороняется. Объединением этих армий Ставка создает что-то вроде оперативной группы на стыке двух фронтов, с очевидной целью надежного обеспечения правого крыла Сталинградского фронта, при его успешном продвижении, а также ликвидации малейших угроз противника прорваться к Паулюсу по западным берегам Дона.

Совершенно ясно, что в данных условиях от этих двух армий будут требоваться активные наступательные действия, исключающие какое-либо отставание от соседей, а насколько они способны к этому, можно будет судить только после ознакомления с 5 ТА.

Других задач я себе представить в это утро не мог. Несмотря на всю

встряску и взволнованность, все же клонило ко сну, и я, не раздеваясь, решил продолжить свой прерванный сон, отдав оперативному дежурному распоряжение предупредить тт. Цветаева и Булатова воздержаться от намеченных ими на сегодняшнее утро выездов в войска...

А утром я узнал, что моя записка т. Ватутину, из-за отсутствия связи, передана только недавно и ответа еще не поступило. Поразмыслив, я решил сдавать командование армией Цветаеву, а самому готовиться к переезду в 5 ТА, откуда, как мне казалось, будет удобнее осуществлять управление.

Отдав необходимые распоряжения, я пригласил к себе командование армии и вскоре уже ориентировал пришедших ко мне тт. Цветаева, Булатова и... о моих ночных переговорах с Варенниковым и полученном мною распоряжении. Хотя приказа о назначениях еще не было, я поздравил Цветаева с его назначением и крепко пожал ему руку, что им было воспринято с нескрываемым удовлетворением.

Затем мы обсудили состояние и положение армии, а также возможный характер ее действий на ближайшее время. Цветаев прекрасно понимал, что в связи с продвижением 2 Гв. А. и выходом ее частей вчера к р. Аксай, на стыке армий, уже образовался разрыв около 40 км, и что при топтании 5 Ж на месте он будет неуклонно возрастать и все больше оголять фланг Сталинградского фронта. Мы прикинули возможные перегруппировки для создания хотя бы небольшой ударной группировки, что было нелегким делом в том составе армии, а о взаимодействии и помощи 5 ТА я еще ничего не мог сказать, не побывав в ее штабе.

Затем мы поручили А. К. Кондратьеву готовить приказ о сдаче и приеме армии и соответствующих донесений, на этот раз уже командующим двух фронтов.

Наши несколько колеблющиеся настроения были рассеяны начальником шифровального отдела, принесшего нам только полученную и расшифрованную директиву Ставки, узаконивавшую распоряжение, переданное Варенниковым по БОДО. Я еще раз, теперь уже с полным основанием, поздравил Цветаева и поторопил начштаба с подготовкой необходимых документов, и пригласил Военный совет армии отобедать со мной.

Тем временем мне удалось связаться по ВЧ с Н. С. Хрущевым и А. Е. Еременко, доложить о своем убытии и попрощаться с ними, получив хорошие, теплые напутствия и пожелания.

Уже во время нашего короткого прощального обеда мне вручили переданную по БОДО записку от начштаба Юго-Западного фронта С. П. Иванова, с приказанием Ватутина перебраться на КП 5 ТА, где уже

готовится небольшое ВПУ и откуда мне надлежит осуществлять координацию действий двух левофланговых армий фронта. Теперь все стало на свои места, и я мог со спокойной совестью уезжать».

Из директивы Ставки ВГК командующим войсками Сталинградского и Юго-Западного фронтов:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 5-ю ударную армию... с 12 часов 26 декабря 1942 г. передать из Сталинградского фронта в состав войск Юго-Западного фронта.

2. Генерал-лейтенанта Попова М. М. назначить заместителем командующего Юго-Западным фронтом по руководству действиями 5-й танковой и 5-й ударной армиями, освободив его от должности командующего 5-й ударной армией и заместителя командующего войсками Сталинградского фронта.

3. Назначить генерал-лейтенанта Цветаева В. Д. командующим войсками 5-й ударной армии...

4. 23-й танковый корпус включить в состав 5-й танковой армии.

5. Главной задачей Юго-Западного фронта на своем левом крыле считать ликвидацию противника в районе южнее Суровикино и в районе Чернышковского, овладение районом Тормосин, Обливская, Чернышковский.

6. Установить разграничительную линию между Сталинградским и Юго-Западным фронтами от Калача (Сталинградский) на юг по реке Дон...»

В автобиографии, датированной 21 августа 1948 г., генерал М. М. Попов укажет: «В сентябре 1942 года Верховным Главнокомандующим товарищем СТАЛИНЫМ мне была предложена должность Зам. Ком. Сталинградского Фронта и вслед за этим состоялось назначение. Октябрь – ноябрь провел в оборонительных боях и по подготовке перехода в контрнаступление.

При переходе в контрнаступление возглавлял левое крыло ударной группировки фронта (57 А, 4 мк, 4 кк), организовывал прорыв и ввод в бой подвижных войск.

Оставаясь в должности Замкомфронта, в декабре 1942 года временно командовал 5 уд. армией, прибывшей в состав фронта, но еще не обстрелянной.

В конце 1942 года был назначен Зам. Комвойсками Юго-Западного фронта по руководству действиями 5 танк, и 5 уд. армий.

В январе 1943 года, оставаясь в должности Зам. Комфронта, временно командовал 5 танк. армией, с которой провел наступательные бои до р. Калитва (около 200 км).

Февраль – март 1943 года возглавлял подвижную группу Ю. З. Фронта в составе 4-х мех. корпусов, с которой провел операции в тылах немецких войск, форсировал р. Донец, овладел городами Славянск, Краматорск и овладел ст. Красноармейская, перерезав все коммуникации немцев.

В связи с общей обстановкой на фронте с группой отошел за р. Донец».

Все именно так и было. Вот только, как и прежде, не обошлось без «пожарных» функций.

Назначенный заместителем к генералу Ватутину, Маркиан Михайлович должен был только руководить действиями двух армий. Примерно как и на Сталинградском у Еременко. Однако существующие трения командующего Юго-Западным фронтом с командующим 5-й танковой армией генералом Романенко к концу декабря обострились.

28 декабря Сталин в разговоре по прямому проводу с генералом Ватутиным сказал: «... Если Романенко плохо работает, мы можем его заменить генерал-лейтенантом Поповым, вашим заместителем, с тем, чтобы он командовал 5-й танковой армией и вместе с тем оставался вашим замом...»

Ватутин, в свою очередь, ответил на это следующее: «... Романенко на протяжении всего периода двух операций чаще всего не понимает общей обстановки и нередко действует вразрез с общим замыслом, стремясь достичь в лучшем случае частных интересов в ущерб общим. Кроме того, Романенко плохо организует бой и к тому же недисциплинирован, о противнике доносит явно преувеличенные данные, вводит в заблуждение, видимо, с целью получить то или другое усиление. Я считаю опасным иметь такого командующего и прошу его заменить. Можно, безусловно, возложить командование 5-й танковой армией на Попова».

И тут же следует приказ Ставки ВГК за № 00495:

«1. Освободить генерал-лейтенанта Романенко П. Л. от должности командующего 5-й танковой армией и направить его в распоряжение Наркомата обороны.

2. Назначить командующим 5-й танковой армией генерал-лейтенанта Попова М. М. с оставлением его в должности заместителя командующего войсками Юго-Западного фронта...»

Генерал П. Л. Романенко (1897 г. р.) начал свою службу еще в Первую

мировую войну, дослужился до чина прапорщика и был награжден четырьмя Георгиевскими крестами. В Красной армии учился на курсах усовершенствования начсостава, высшего комсостава, а в 1933-м окончил Военную академию им. Фрунзе. В Гражданскую командовал отрядом, эскадронам, полком. Был помощником командира кавалерийской бригады. До Великой Отечественной войны командовал кавалерийским полком, механизированной бригадой, механизированным корпусом, стрелковой дивизией и снова мехкорпусом. Воевал в Испании, участвовал в советско-финляндской войне.

Знавшие Романенко военачальники оценивают его неоднозначно. Но любопытно свидетельство генерала армии СП. Иванова: «Немного спустя Ватутину позвонил Прокофий Логвинович. Разговор был не из легких. Командующий 5-й танковой был обижен тем, что фронт, по существу, отобрал у него руководство танковыми корпусами. Он считал также, что кольцо окружения по праву должны замкнуть танкисты Филиппенко и мотострелки Филиппова.

Н. Ф. Ватутин при молчаливой поддержке А. М. Василевского ответил неожиданно для нас в самых резких тонах. Он обвинил командарма в том, что его нельзя заставить на армейском КП, что он непрерывно "прыгает" из соединения в соединение, поэтому его штаб предоставлен сам себе. Прокофию Логвиновичу был высказан также упрек в потере управления 1-м танковым и 3-м кавалерийским корпусами. На это обычно молчаливый Г. Д. Стельмах заметил, что армия в целом неплохо выполняет свою трудную задачу, а огрехи в управлении войсками при столь маневренных действиях неизбежны. Николай Федорович, однако, судя по его хмурому виду, остался при своем мнении. Так отношения командующего фронтом, да и представителя Ставки, с генералом П. Л. Романенко обострились до предела, хотя и до этого между ними довольно часто возникали трения. А вскоре произошел полный разрыв, и Прокофий Логвинович убыл от нас».

1 января 1943 г. войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, однако встретили упорное сопротивление противника. Для наращивания удара Ставка усиливает фронт Еременко четырьмя танковыми корпусами. Но те, совершая 300-километровые марши от станций выгрузки, доходили в назначенные районы, имея всего 50–60 исправных танков. Тем не менее 8 января генерал Н. Ф. Ватутин докладывает Ставке план продолжения операции в Донбассе. А именно: еще до прибытия новых соединений в состав фронта командующий Юго-Западным фронтом планировал окружить и уничтожить части противника севернее р. Северский Донец и восточнее р. Деркул, а также в районе Каменск, Красный Сулин, Усть-

Белокалитвенская, овладеть этим районом и к исходу 14 января выйти на рубеж р. Деркул, Кружиловка, Михайловка, Аникин, Красный Сулин.

Соответствующей директивой план операции Юго-Западного фронта был утвержден 11 января. В ней Ставка ВГК требовала нанести удар частью сил 5-й танковой армии с севера на юг во фланг противнику, атакующему части 5-й ударной армии.

Тем временем войска левого крыла Юго-Западного фронта 15–19 января вышли к Северскому Донцу. В самом центре фронта к Северскому Донцу севернее Ворошиловграда вышел 18-й танковый корпус. Части 4-го танкового корпуса овладели Старобельском и Нижней Астраханью. Но все они, встретив упорное сопротивление противника, временно перешли к обороне. Зато войска 6-й армии после ввода в сражение 3-го танкового корпуса, прибывшего из резерва, к исходу 25 января вышли на подступы к Покровскому, что создало условия для нанесения удара на Мариуполь и окружения донбасской группировки противника.

20 января в Ставку был представлен уточненный план дальнейших действий Юго-Западного фронта, где основным инструментом для его реализации должна была стать сильная подвижная группа генерал-лейтенанта М. М. Попова. Ей предписывалось нанести удар с участка Тарасовка, Старобельск в общем направлении на Краматорскую, Артемовск, Сталино (Донецк), Волноваху, Мариуполь с задачей «отрезать всю территорию Донбасса, окружить и уничтожить войска противника на этой территории».

Ввод в сражение подвижной группы генерала Попова намечался после прорыва фронта противника стрелковыми соединениями двух армий (1-й гвардейской и 6-й) правого крыла Юго-Западного фронта. Именно они после ввода в прорыв должны были обеспечить действия подвижной группы, наступая на запад и юго-запад. Однако изначально все пошло не так, как предполагал генерал Ватутин.

Начальник Оперативного управления генерал С. М. Штеменко спустя годы пояснит: «Для нанесения глубокого удара на Мариуполь создали подвижную группу во главе с заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом М. М. Поповым. Штаб этой группы наспех оснащался разнокалиберными радиостанциями и другими средствами управления. Сформировали его 27 января, а через два дня уже началась операция.

В состав подвижной группы входили четыре танковых корпуса (3-й, 4-й гвардейские, 10-й, 18-й) и три стрелковые дивизии (57-я гвардейская, 38-я и 52-я). Всего здесь имелось около 180 танков, обеспеченных в среднем одной заправкой горючего и одним-двумя комплектами боеприпасов. В

стрелковых же дивизиях обеспеченность боеприпасами и горючим была еще хуже. Командующий фронтом надеялся поправить это в ходе операции, однако надежды его не сбылись.

Как и следовало ожидать, операция, план которой разрабатывался на основе предвзятой оценки обстановки, развивалась неблагополучно. Подвижная группа на деле оказалась малоподвижной. Танковые корпуса, утопая в снегу, шли по разобщенным маршрутам, на значительном удалении друг от друга. Они часто подвергались ударам господствовавшей в воздухе авиации противника и контратакам его наземных войск. Временами танки останавливались из-за нехватки горючего».

В личном архиве генерала армии М. М. Попова сохранился лишь план написания главы, которая называется «На путях через Донбасс» (зима 1943 г.). Несмотря на сжатость, он чрезвычайно интересен изложенными в нем фактами. Например, в первом пункте плана, под названием «Развитие наступления Советской Армии зимой 1943 года. Краткая предыстория операции» говорится следующее: «Общее благоприятное для Советской Армии развитие стратегической и оперативной (в полосах Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов) обстановки. Некоторое преувеличение наших возможностей в Ставке и командованием Юго-Западного фронта (ген. Ватутиным Н. Ф.). Кратко о замысле командования ЮЗФ. Согласие Ставки на проведение операции. Ошибочная недооценка возможностей маневра противника резервами с других театров военных действий (из Франции) и фронтов. Предвзятость в оценке сил армий Манштейна и способов его действий (отход). Девиз: "Только вперед, противник отходит!"

Фактическое положение дела – противник не утерял организованности в ходе предыдущих неудач, концентрировал силы в Донбассе, подготавливал танковые дивизии к маневру по железной дороге из Франции и Германии, переходил к обороне. Некоторые факты, которые должны были быть взяты под особое наблюдение (сообщения о выдвигении тд противника с запада, работа радиостанций противника с Францией). Подтягивание вражеской авиации, завоевание противником господства в воздухе.

Положение и состояние войск Юго-Западного фронта. Одноэшелонное построение войск, обеспечивающее преследование, а не прорыв обороны противника. Порядок расположения армий. Отсутствие оперативных резервов и пополнений. Удаленность и неподготовленность резервов ВГК. Постепенная утрата преимуществ превосходства сил по мере выхода войск на рубеж предстоящей операции».

Второй пункт обозначен Маркианом Михайловичем, как «Подготовка

операции Юго-Западного фронта и подвижной группы»: «Оценка операции командованием фронта и "Ставкой", как "решающей судьбу Германии". Ожидались широкие перспективы в результате разгрома группы "Дон" ("Юг") Манштейна. Некоторые сведения по истории возникновения замысла и решения на операцию в Ставке; требования Ставки к фронту. Краткие данные по взаимодействию фронтов (цели действий, направления и время ударов Брянского, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов) в операции.

Создание подвижной группы. Мое назначение Командующим подвижной группы.

Личные указания Ватутина Попову по предстоящей операции (примерно 20–21.1.43 г.). Замысел Ком. фронта на окружение и полное уничтожение противника в Донбассе:

"Армии ЮЗФ, нанося главный удар с фронта Покровское, Старобельск на фронт Краматорская, Артемовск и далее в направлении Сталине, Волноваха, Мариуполь, а также нанося мощный удар из р-на юго-зап. Каменск в направлении Сталино, отрезают всю группировку противника, находящуюся на территории Донбасса и в р-не Ростова, окружают ее и уничтожают, не допуская выхода ее на запад и вывоза какого бы ни было имущества".

Данные по размаху операции.

Состав группы (3, 4 гв., 10 и 18 тк, 57 гв., 52 и 38 сд, 9 гв. и 11 тбр, 5, 7 и 10 лыжн. бр., спецчасти и др.). Некоторые данные, характеризующие войска (большой некомплект танков, автомашин и др. боевой техники, некомплект личного состава в пехоте – пример, 57 гв. сд, где во всех батальонах вместе взятых было около 500 чел.; слабая снабженность горючим и некоторыми видами боеприпасов; отсутствие опыта преодоления позиционной обороны противника и др.). Влияние этих элементов обстановки на действия войск – недостаток пехоты к началу наступления, спешенная мотопехота в танковых корпусах, связанность маневра войск из-за снежных заносов.

Задача войск группы: в тесном взаимодействии с 6 и 1 гв. армиями прорвать фронт противника на участке Покровское, Тарасовка и в р-не Старобельск, используя для прорыва сд, арт. и части РС, совместно с частями 6 и 1 гв. армий, как только обозначится успешная атака стрелковых войск и будет подавлена ПТ оборона противника, незамедлительно, и не допуская опаздывания, ввести в прорыв танк, корпуса и далее, стремительно развивая наступление на фронт Краматорская, Артемовск, а затем на Сталино, Волноваха, Мариуполь, разгромить противника,

находящегося на территории Донбасса, в р-не Ростова, уничтожить его вместе с другими войсками фронта, не допустив отхода на запад и вывоза материальных ценностей. Обеспечить действия 1 гв. тк и 25 тк (резерв Ставки) в оперативной глубине противника в направлении Днепропетровск, Запорожье.

Овладеть: на 3 день операции районами Славянск, Краматорск, Константиновка, Никитовка, Дебальцево, Артемовск. На 4 день – р-ном Сталино, Макеевка, не позже 7-го дня – районом Мариуполь.

Способы выполнения задач: маневренными действиями выйти на Сев. Донец, разобщить группировку противника, отходящего на северо-запад и запад из р-на Донбасса, окружить и уничтожить по частям противника в районах Краматорская, Красноармейское, Константиновка.

Вытекающая отсюда преднамеренная разобщенность войск группы и широкий фронт действий.

Спешное комплектование штаба. Штабные офицеры (НШ полковник Кулешов Ф. Д. и др.). Член ВС – полковник Чурсин. "Зам." – генерал-майор Панфилов.

Неодновременность прибытия войск группы на фронт: одни соединения уже действовали, другие только прибывали в районы выгрузки (9 и 11 тбр, все лыжн. бр.). Переброска войск по воздуху (одна лыжн. бригада, Старобельск).

Крайний недостаток средств связи. Мои просьбы об их выделении. Неслаженность радиосетей, слабая подготовка связистов.

Авиационное обеспечение. Господство противника в воздухе. Не имеем плана действий 17 ВА. Отставание аэродромов от войск. Отсутствие горючего у авиации. Генерал Златоцветов – зам. ком. 17 ВА.

Слабость тыла группы и других армий. Мало дорог. Очень большой (до 500 км) отрыв войск группы от станций снабжения (Калач).

Неизбежность последовательного ввода сил группы в сражение в условиях господства авиации противника, слабости пехотной поддержки, перебои в снабжении, скованности маневра из-за воздействия авиации противника и снежных заносов.

Решение на операцию группы. Его особенности – широкий фронт наступления; наличие нескольких вариантов действий; обеспечение внезапности путем удара без артподготовки. Недостаток пехоты. Самостоятельный прорыв обороны противника.

Направление главного удара. Группировка сил и средств по направлениям.

Характеристика противника. Его цели. Переход к обороне. Большие

маневренные возможности немцев по широко разветвленной сети шоссейных и железных дорог Донбасса. Близость их тыла к войскам. Сильная авиация. Возможность превращения многочисленных городов Донбасса в сильно укрепленные опорные пункты обороны».

Третий пункт рассматривает «Наступление подвижной группы»: «Работа на командном пункте группы в Донцовке. Личная постановка задач командирам танковых корпусов. Затруднения со связью.

Совещание с командирами соединений 28 января (с 21.00) в штабе 10 тк в Старобельске (о готовности к наступлению).

Характеристика готовности группы к действиям. Занятие исходного положения. Фактическая обеспеченность войск – ГСМ, боеприпасы, продовольствие, состояние техники. Организация управления. Растяннутость войск и отсутствие охраны коммуникаций.

Взаимодействие с войсками 6 и 1 гв. армий.

Изменения в погоде: ненастье сменяется холодной погодой с бурным снегопадом.

Переход в наступление 29 января – начало действий на рубеже Меловатка, Кабанье силами 57 гв. и 52 сд без артподготовки. Дивизии утопают в снегу.

30 января – на других участках фронта группы. Невозможность ввода 3 тк генерала Синенко по намеченному ранее маршруту из-за неудачи пехоты под Дуванкой. Посылаю генерала Панфилова проталкивать 3 тк. Обходной маневр корпуса. Медленность продвижения из-за заносов. Переходим в стрелковых дивизиях на воловью тягу артиллерии (31.1). Отставание артиллерии. Нарушение подвоза боеприпасов. Недочеты связи с войсками и со штабом фронта.

Развитие наступления к Сев. Донцу. Преодоление Донца. Маневр 10 тк. Наталкиваемся на организованную оборону противника, успевшего занять подготовленные ранее позиции на рубеже Славянск, Рай-Александровка, Черногоровка, Лисичанск. Характеристика немецкой обороны (в населенных пунктах, перехват узлов дорог, подготовленный и обеспеченный маневр противника в населенных пунктах и др.).

Успехи войск ЮЗФ и других фронтов (Воронежского, Южного). Стремительность наступления 6-й армии южнее Харькова.

Затяжка боев за Славянск. Важное значение Славянска в общей системе обороны немцев. "Полоса" городов (Славянск, Краматорская, Константиновка, Артемовск). Особое упорство противника в этом районе. Наши силы связаны. Необходимость восстановить свободу маневра, чтобы стремительно наступать на главном направлении. Борьба за Лисичанск на

левом фланге.

Обход Славянска с запада силами 3 тк и с востока силами 14 гв. тбр 4 гв. тк. Коротко характеризовать мероприятия в 14 гв. тбр (все танки 4 гв. тк свели в одну тбр). Захват Краматорское.

Неудача наступления на Константиновку и Артемовск.

Причины неудачи: опора противника на заранее подготовленные к обороне каменные строения, городские комплексы и позиции, подход значительных немецких сил с большим количеством танков, артиллерии; широкий маневр по заранее подготовленным маршрутам, высокая и безнаказанная активность большой численно вражеской авиации, обеспеченный подвоз в достаточном количестве всего необходимого и др.

Предвзятая оценка действий противника, как отхода за Днепр, данная командованием ЮЗФ. Задача группы подтверждается. Требования ускорить наступление войск группы и перехватить пути отхода противника на запад.

Группа продолжает выполнять задачу. Необходимость наращивания сил. Поступление резервов и пополнений пачками, а танков россыпью. Симптомы значительного роста противника.

Наши затруднения с горючим и боеприпасами, переходящие в бедствие. Задача захвата и удержание Красноармейское при изменении соотношения сил в пользу противника и особой активности его авиации. Смысл этих действий, организация наступления.

Ночной маневр на Красноармейское 4 гв. тк. Захват этого ж.д. узла и бои за его удержание. Ожесточенный характер боев. Героизм войск. Командир корпуса Полубояров П. П. Удары противника по коммуникациям корпуса и группы. Проталкиваем оставшиеся силы на помощь 4 гв. тк. Борьба в районе Краматорское, Черкасское, Красноармейское. Дальнейший рост сил противника, особенно бронетанковых. Появление тд СС "Викинг". Особая активность немецкой авиации.

Развитие наступления советских войск в районе Харькова, Белгорода, Ново-Московска, Запорожье. Ввод резервов Ставки (1 гв. и 25 тк). Трудности наступления на Южном фронте. Категорические требования Ставки развивать успех.

Действия противника. Завершение его отхода на Миус(17.2.1943 г.) и переход к позиционной обороне. Окончание перегруппировки его сил (1 и 4 ТА) в полосе группы армий "Юг". Подход резервных тд на рубеж Днепра с запада.

Юго-Западный фронт ставит группе задачу наступать из района Красноармейское на Сталино, Макеевку и на Волноваху. Истощение сил группы. Опоздание лыжных бригад. Переброска 5 лыжн. бр. по воздуху в

Старобельск и ее пеший марш к фронту.

Катастрофическое состояние наших войск с горючим и боеприпасами. Невозможность маневра при отсутствии горючего и под ударами авиации противника. Мои предложения об отрыве от противника. Командование ЮЗФ подтверждает задачу на продолжение наступления.

Контрнаступление противника с утра 20.2. Пленение генерала Павлова (ком. 25 тк). Развитие успеха противника в районе Харькова. Отход из Красноармейское войск подвижной группы».

Что касается генерал-майора Петра Петровича Павлова, то командир 25-го танкового корпуса, который с февраля 1943 г. в составе 6-й армии Юго-Западного фронта участвовал в Донбасской наступательной операции, форсировании Днепра и захвате плацдарма на западном берегу южнее г. Запорожье, в ходе этих боев был ранен, но продолжал руководить боевыми действиями. Несмотря на то что в этой операции корпус в течение 13 суток действовал в отрыве от главных сил армии, ведя тяжелые бои с превосходящими силами противника, Павлов сумел организовать прорыв своих частей из окружения в районе г. Запорожье, но при этом сам попал в плен.

К слову сказать, генерал Павлов был ранен дважды и от эвакуации отказался в пользу раненых подчиненных. Ситуация была очень сложной, ведь окружившие 22 февраля корпус немцы имели семикратное превосходство в танках. Когда самолет перевез всех раненых, сам командир корпуса был уже пленен.

Был освобожден в мае 1945 г., затем проходил спецпроверку. После учебы на Высших академических курсах, с мая 1947 г., служил заместителем командира 36-го гвардейского стрелкового корпуса по бронетанковым войскам. С июня 1950 г. в отставке. Умер в Москве 4 сентября 1962 г.

Четвертым пунктом Маркиан Михайлович выделил «Отход войск группы на сев. берег Сев. Донца»: «Противник режет коммуникации группы во многих местах. Борьба на коммуникациях. Героизм наших войск. Удар противника по штабу группы в Степановке (утро 22.2.43 г).

Оборона Барвенково (с 24.2). Оперативный смысл обороны в прикрытии фланга войск в районе Харькова. Собираение сил и средств. Задерживаем противника на рубеже Барвенково.

Отход главных сил подвижной группы за Сев. Донец (к 1.3.43 г.). Стабилизация фронта».

Пятый пункт «Некоторые итоги операции и выводы. Причины незавершенности операции», к сожалению, оказался утерян...

С одной стороны, немецкий фельдмаршал Эрих фон Манштейн в «Утерянных победах» подтверждает, хоть и в своем репертуаре, вышесказанное: «В южном прибрежном районе действий группы начало уже таять. Поэтому в конце февраля противник на рубеже Миуса стал вводить на участках прорыва вместо танковых и подвижных соединений стрелковые дивизии. Противник явно намеревался овладеть плацдармами западнее Миуса еще до наступления периода распутицы. После того как его наступление на широком фронте в этом районе провалилось, оно превратилось в серию безуспешных местных атак.

2 марта группа могла уже выявить результаты своего первого контрудара, проведенного ею силами 4 танковой армии и левым флангом 1 танковой армии по группировке противника, расположенной между Донцом и Днепром. В результате этого удара, а также в результате успешной обороны группы Голлидта на Миусе, вражеские армии Юго-Западного фронта были настолько сильно потрепаны, что они уже не были способны к наступлению. Особенно ослаб натиск частей противника на левый фланг 1 танковой армии и в стык между нею и группой Кемпфа: 6 армия противника, группа Попова, действовавшая у Гришино, и 1 гвардейская армия. Можно было полагать, что мы уничтожили 25 тк и три стрелковые дивизии, разгромили 3 тк и 4 гвардейский тк, 10 тк, одну отдельную танковую бригаду, одну механизированную бригаду, одну стрелковую дивизию и одну лыжную бригаду. Значительные потери понесли 1 гвардейский тк и 18 тк, 6 стрелковых дивизий и 2 лыжные бригады».

С другой стороны, как совершенно правильно констатирует историк А. В. Исаев, «поредевшая группа М. М. Попова удерживала одну из основных коммуникаций немецких войск в Донбассе. В целом засевшие в Красноармейском танкисты, мотострелки и лыжники выполняли типичную для маневренной войны задачу – удержание важного пункта в глубине построения войск противника».

Заслуживает внимание и оценка, данная генералу Попову, начальником Оперативного управления Генштаба Красной армии генералом СМ. Штеменко: «В тяжелейших условиях обстановки Маркиан Михайлович использовал всю полноту власти заместителя командующего фронтом, проявил личную храбрость, настойчивость и умение организовать отпор врагу. В районе Барвенково была создана стойкая оборона, о которую разбились все попытки немецко-фашистского командования прорваться к Харькову через Северский Донец».

Что еще оставалось добавить фельдмаршалу Эриху фон Манштейну:

«Но нам не удалось перерезать Донец в тылу противника, так как река все еще была скована льдом и ее легко преодолевали солдаты с легким оружием». И снова оставалось пенять на мороз!

А как же героизм и мужество советских бойцов и командиров? Например, 57-я гвардейская стрелковая дивизия в подвижную группу генерала М. М. Попова вошла 30 января. Она наносила удар из района Старобельска в общем направлении на Красноармейское, Волноваха, Мариуполь. 17 февраля принимала участие в освобождении Красного Лимана. Освобождала Славянск. Затем вышла к городу Краматорск. А с 19-го, приняв позиции у войск 3-го танкового корпуса по фронту: на южной и юго-западной окраине Краматорска, вела ожесточенные оборонительные бои под городом. Затем 28-го оставила его и отходила к Славянску. С 1 по 3 марта вела арьергардные бои и только затем скрытно отступила через Райгородок, заняв позиции за Северским Донцом.

Или вот 52-я стрелковая дивизия, которая 19 января разгрузилась на станции Калач и тут же была переброшена в Старобельск, куда ее основные части прибыли 27-го. Направленная на Мариуполь, с боями форсировала Северский Донец, а 25 февраля заняла Барвенково. Затем попала в окружение, но сумела выйти из него к Изюму. С марта по июль 1943 г. держала оборону по реке Северский Донец, южнее Белгорода.

«Также ярко проявился его полководческий талант»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1943 г. заместитель командующего войсками Сталинградского фронта генерал-лейтенант М. М. Попов был награжден только что учрежденным орденом Суворова 1-й степени (№ 32) «За умелое руководство боевыми действиями фронта по окружению и разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом». К слову сказать, этим указом впервые были отмечены 23 человека из числа генералов и маршалов Советского Союза: представители Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, генерал армии А. М. Василевский, маршал артиллерии Н. П. Воронов; командующие фронтами генерал армии К. А. Мерецков, генерал-полковник Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, Ф. И. Голиков, А. И. Еременко, К. К. Рокоссовский, генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский; командующие армиями генерал-лейтенант П. И. Батов, В. И. Кузнецов, Д. Д. Лелюшенко, И. И. Масленников, К. С. Москаленко, П. С. Рыбалко, Ф. И. Толбухин, И. М. Чистяков, В. И. Чуйков, М. С. Шумилов и другие.

Антонин Александрович Попов в 1943 г. был помощником начальника разведотдела штаба 5-го гвардейского стрелкового корпуса. Однажды он докладывал очередную разведсводку командиру корпуса генералу А. П. Белобородову, который после доклада вдруг сказал: «Моте привалило: назначен командующим Резервного фронта...»

И действительно, в апреле 1943-го генерал-лейтенант М. М. Попов был назначен командующим войсками Степного военного округа (штаб округа в Воронеже). Этот округ был сформирован только что, в апреле, и включал территории Воронежской, Курской, Тамбовской и Ростовской областей. 9 июля округ преобразовали в Степной фронт.

О важности такого назначения можно узнать из книги В. О. Дайнеса «Маршал Конев»: «Степным военным округом, созданным 15 апреля на базе полевого управления и войск Резервного фронта, командовал генерал-полковник М. М. Попов, которого 5 июня сменил генерал-полковник М. А. Рейтер. Однако его кандидатура не устраивала И. В. Сталина. При подготовке Воронежско-Касторненской операции Рейтер, командовавший Брянским фронтом, предлагал отсрочить ее начало на день. Это не понравилось Сталину, который лично контролировал подготовку операции. Он тогда резко отчитал Рейтера.

Как показали дальнейшие события, командующий Брянским фронтом был прав. Нехватка времени на подготовку операции, затруднения со снабжением и сосредоточением войск привели к тому, что противник успел подтянуть резервы и упорной обороной сумел избежать разгрома. Но Сталин не простил Рейтеру его спор по поводу начала операции, а потому решил сместить Макса Андреевича с должности.

23 июня Сталин принял в своем кремлевском кабинете Конева.

– Вы, товарищ Конев, назначаетесь командующим Степным военным округом – нашим главным резервом, – сказал Иосиф Виссарионович. – Он должен сыграть важную роль в контрнаступлении».

Назначенный к М. М. Попову помощником командующего по формированию и укомплектованию войск генерал М. И. Казаков в начале апреля на машине выехал в сторону Воронежа. Когда-то это был «красивый благоустроенный город с множеством старинных зданий, сработанных на века, – напишет он в мемуарах. – А теперь на их месте громоздились закопченные развалины, груды битого кирпича, скрюченные железные балки. В пустых проемах окон гулял ветер».

Боевой генерал с трудом представлял себе характер предстоящей работы на Резервном фронте, но со временем все встало на свои места: «Завершая зимнюю кампанию 1942/43 года, Ставка уже вела подготовку к летнему периоду. Проводилось значительное усиление войск в тех районах, где предвиделись наиболее активные действия. Такими районами являлись прежде всего Орел, Курск, Харьков, Воронеж. Именно здесь накапливались грандиозные оперативно-стратегические резервы Ставки. И нам довелось стать участниками этого огромной важности, очень трудного дела.

Название нового фронта в полной мере соответствовало его назначению. В состав его были включены шесть общевойсковых армий (5-я и 4-я гвардейские, 27, 53, 46 и 47-я) и одна танковая (5-я), а также несколько отдельных танковых, механизированных и кавалерийских корпусов.

В начале апреля все эти войска, строго говоря, не являлись боеспособными. Дивизии и полки нуждались в восстановлении – пополнении личным составом, вооружением и техникой. Несколько лучше других выглядели две армии – 4-я гвардейская, сформированная из полнокровных воздушно-десантных частей, и 5-я танковая. В остальных же армиях дивизии насчитывали лишь по 1000–1500 человек личного состава, не имели автотранспорта и артиллерии.

Пожалуй, в наиболее тяжелом состоянии находились кавалерийские дивизии. Они нуждались не только в пополнении людьми и лошадьми, но и

в продолжительном отдыхе. За зимние месяцы уцелевший здесь конский состав был измотан и истощен до предела.

Главное управление по формированию и укомплектованию войск ежедневно направляло к нам тысячи людей. За один месяц мы сумели полностью укомплектовать многие дивизии 5-й гвардейской армии, которой командовал в то время генерал-лейтенант А. С. Жадов, и 53-й армии, которую возглавлял Иван Мефодьевич Манагаров.

Чуть позже началось укомплектование 46-й и 47-й армий. А вот 27-я армия оказалась своего рода падчерицей. Ею мы занялись в последнюю очередь. Вооружение для нее поступило только в мае».

Тем не менее весь руководящий состав фронта работал с огромным напряжением, а вся организационная работа проводилась в высоких темпах. Генерал М. И. Казаков вспоминает: «В начале мая нормальное течение жизни в войсках Резервного фронта несколько нарушилось. Пришлось в некоторых армиях прервать боевую учебу и переключить усилия личного состава на подготовку оборонительных рубежей. Дело в том, что от пленных и перебежчиков стало известно о готовности немцев к большому наступлению на Курский выступ. На основании этих данных командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник Н. Ф. Ватутин обратился в Ставку с предложением вывести войска Резервного фронта на рубеж Ливны, Касторное, Старый Оскол. Предложение Ватутина было принято, и вскоре мы получили соответствующую директиву. Выводить нужно было 5-ю гвардейскую, 27-ю и 53-ю армии.

Сразу же приступили к выполнению своих новых задач войска 53-й армии. По отношению к другим нашим дивизиям им отводилось центральное положение, западнее Касторного, примерно на рубеже Быковского водораздела. 5-я гвардейская армия также организованно заняла оборону западнее Старого Оскола. В обеих этих армиях дивизии уже представляли собой неплохие боевые организмы, и за них мы могли не беспокоиться.

Иное положение было в 27-й армии. Вследствие запоздалого прибытия пополнения и техники, дивизии ее следовали в район Ливны несколькими эшелонами. Вначале шел малочисленный костяк частей, состоявший в основном из офицеров и сержантов. За ним следовали маршевые подразделения, которые вливались в боевые части на привалах и в местах ночлегов. Офицерский состав тут же принимал это пополнение и во время последующих переходов занимался сколачиванием взводов и рот. Техника и вооружение направлялись отдельно и тоже догоняли армию уже в пути».

Словом, за два-три месяца своего существования Резервный фронт вырос в реальную грозную силу. Не отставала и подготовка руководящего состава: «В начале мая у нас состоялся учебный сбор командующих армиями. Завершился он полевой поездкой по местам сентябрьского наступления 40-й армии. Маркиан Михайлович Попов, командовавший этой армией в ту пору, очень содержательно разобрал на местности все детали операции, все ее сильные и слабые стороны, а заодно раскрыл и подлинные причины нашего тогдашнего неуспеха. Мне помнится, что участники этой поездки хорошо отзывались о ней.

Несколько позднее проводились сборы командиров кавалерийских корпусов и дивизий. В составе нашего фронта сосредоточилась тогда почти вся конница Красной армии, и эти сборы представляли несомненный интерес для всех кавалерийских начальников. Там от начала до конца присутствовал Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный.

Всему руководящему составу фронта и армий были показаны общевойсковые учения с последующим подробным разбором их. Общевойсковые командиры побывали на учении по теме "Действие передового отряда бронетанковых войск при вводе в прорыв танковой армии". Оно проводилось в 5-й гвардейской танковой армии под руководством заместителя командарма Н. И. Труфанова.

Запомнилось мне и другое показательное учение, на которое были приглашены кавалерийские начальники. Там отработывалась тема "Боевые действия передового отряда при вводе в прорыв кавкорпуса"».

Постановлением Совета министров СССР от 23 апреля 1943 г. Маркиану Михайловичу Попову было присвоено звание генерал-полковника, а в июне последует новое назначение на должность командующего войсками Брянского фронта.

Начальник штаба фронта генерал Л. М. Сандалов, предваряя это назначение, в своей замечательной книге «На московском направлении» рассказывает: «В майские дни развернулась всесторонняя подготовка к наступлению на Орел. Основное внимание уделялось войскам, предназначенным для наступления на направлении главного удара. В войсках же 61-й армии генерал Рейтер и я смогли побывать всего два раза. В это время прибыл новый заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И. И. Федюнинский, обладавший большим опытом в проведении операций. Его направили для оказания помощи в подготовке к наступлению 61-й армии.

С целью маскировки штабы всех степеней переместились в леса или в маленькие, находящиеся на отшибе деревеньки. Штаб фронта перешел в

небольшое селение Юрьево, в 2–3 км севернее Плавска. В начале июня туда прилетел на самолете А. М. Василевский. Самолет подрулил к самому дому, где должен был разместиться Александр Михайлович. Сразу после прибытия он напомнил мне, что еще 13 марта по решению Ставки командование Брянского фронта должно было вступить в командование Резервным фронтом. Но это перемещение тогда отложили.

– А вот теперь Ставка нашла возможным осуществить свое решение, – сказал Василевский. – Рейтер, Сусайков и вы возглавите Резервный фронт, который переименован в Степной военный округ, а его командование – генерал-полковник М. М. Попов, генерал-полковник Л. З. Мехлис и генерал-лейтенант М. В. Захаров – возглавят Брянский фронт.

Видя мое огорчение, Василевский дополнил свое сообщение:

– Для преемственности и управления Брянским фронтом я и новый командующий фронтом генерал Попов считаем целесообразным оставить лично вас на месте. Если вы не возражаете против этого предложения, то договоритесь об этом с Поповым.

7 июня генерал-полковник М. М. Попов прибыл в Юрьево и вступил в командование фронтом. Мне прежде не приходилось с ним встречаться. Однако я знал, что генерал Попов накануне войны командовал Ленинградским военным округом... (...)

Таким образом, новый командующий фронтом обладал богатым опытом в проведении крупных наступательных операций. Мы быстро договорились с ним, и я остался на прежней должности.

Молодой, энергичный, очень подвижный, Маркиан Михайлович сразу же включился в подготовку Орловской операции. Огромную помощь оказал нам в ее подготовке Александр Михайлович Василевский. Он на продолжительный срок остался при нашем фронте».

Как известно, в ходе большого летнего наступления 1943 г. на советско-германском фронте противник надеялся разгромить главные силы Красной армии, захватить стратегическую инициативу и добиться изменения хода войны. Самым удобным участком для решительного удара немецких войск являлся выступ в районе Курска – Курская дуга. С севера над выступом нависали войска группы армий «Центр», а с юга его охватывали войска группы армий «Юг». Таким образом, немецким командованием делался расчет на то, чтобы срезать под основание выступ и разгромить действовавшие там соединения Центрального и Воронежского фронтов. Разработка плана наступательной операции «Цитадель» немецким командованием была завершена в первой половине апреля. Ее общий замысел сводился к следующему: двумя

одновременными встречными ударами в общем направлении на Курск – из района Орла на юг и из района Белгорода на север – окружить и уничтожить на Курском выступе войска Центрального и Воронежского фронтов. Последующие наступательные операции вермахта ставились в зависимость от результатов сражения на Курской дуге.

Находившийся по заданию Ставки в районе Курского выступа Г. К. Жуков докладывал: «Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника». И 12 апреля на совещании в Ставке было принято решение о преднамеренной обороне, которая не была пассивной. В предвидении немецкого наступления были проведены крупные воздушные операции...

По свидетельству Маршала Советского Союза А. М. Василевского, «принимая непрерывное и самое активное участие в подготовке войск фронтов курского направления к отражению удара врага и к переходу их в контрнаступление, Генеральный штаб продолжал заниматься одновременно разработкой другой операции, тесно связанной с планом действий на курском направлении и получившей условное наименование "Кутузов". Ее цель заключалась в том, чтобы усилиями левого крыла Западного и всего Брянского фронтов (50-я, 11-я гвардейская, 61, 3,63-я армии) в тесной увязке с действиями Центрального фронта, в наиболее выгодный для нас момент нанести удар по орловской группировке противника, овладеть городом Орел.

Верховный Главнокомандующий придавал операции "Кутузов" важное значение. В середине мая он дал мне указание выехать на Брянский и левое крыло Западного фронта, чтобы на месте проверить, правильно ли понимают войска поставленные перед ними задачи и как идет подготовка к их выполнению».

После детального изучения плана операции и внесения в него принципиально важных корректив командующий Брянским фронтом вместе с начальником штаба и представителем Ставки направились в войска. Когда ехали по Орловскому шоссе к Мценску, то обратили внимание на указатель с надписью «На Спасское-Лутовиново».

– В этом году исполняется 125 лет со дня рождения И. С. Тургенева, – сказал А. М. Василевский, – давайте заедем в бывшую усадьбу его родителей, где он сам жил долгое время, почтим память выдающегося русского писателя.

Как запомнит Л. М. Сандалов, «погода стояла солнечная, было сухо.

Ехать можно было по всем грунтовым дорогам. Через несколько минут мы въехали в Спасское-Лутовиново».

Генерал-полковник (1944) Леонид Михайлович Сандалов (1900–1987) свою службу в Красной армии начал в 1919 г. И, нужно сказать, от иных отличался хорошим образованием и опытом. Он окончил курсы комсостава (1920), Киевскую объединенную школу командиров (1926), Военную академию им. Фрунзе (1934) и Академию Генштаба (1937). Принимал участие в Гражданской войне. С 1920-го: врид 2-го помощника начальника штаба бригады, инструктор для поручений при батальоне и адъютант батальона. 1921–1924 гг.: командир взвода, помощник командира роты, командир роты, помощник начальника мотчасти и помощник начальника оперчасти штаба дивизии. 1926–1931 гг.: помощник командира роты, помощник комбата, помощник командира роты, комроты и начальник полковой школы. 1934–1936 гг.: начальник штаба 1-го механизированного полка 1-й кавалерийской дивизии, помощник начальника 1-го отделения 1 – го отдела штаба Киевского военного округа. В сентябре 1937 г. Леонид Михайлович назначен начальником оперативного отдела штаба Белорусского военного округа. Принимает участие в походе в Западную Белоруссию. С 1940-го – начальник штаба 4-й армии. С 30 июня по 23 июля 1941 г. временно исполняет обязанности ее командующего. В августе – ноябре – начальник штаба Центрального и Брянского фронтов. С декабря – начальник штаба 20-й армии. С сентября 1942 г. – начальник штаба Брянского фронта.

С новым командующим войсками фронта у Леонида Михайловича сложатся самые добрые отношения. Воспитание, образование и боевой опыт армейского и фронтового масштаба сыграют здесь свою особую роль. Они недолго будут присматриваться друг к другу. Очень скоро Маркиан Михайлович Попов оценит своего первого заместителя один раз и навсегда. И, нужно сказать, это мнение более не изменится ни на йоту: «Тов. Сандалов, старый штабной командир, принял действенное участие в подготовке войск, штабов и фронтового аппарата к Орловской операции. В ходе операции умело организовывал и обеспечивал управление войсками, а также много и добросовестно работал над проведением в жизнь решений командования и умело мобилизовал и подготовил на это штаб фронта на всех этапах операции. Оказывал конкретную систематическую помощь штабам армий и соединений».

Достоин награждения правительственной наградой – орденом Кутузова 1-й степени».

Но вернемся в «Спасское-Лутовиново». Сам музей-усадьба был создан

осенью 1922 г. В 1937-м он стал филиалом Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева, а в 1939 г. в связи со 120-летием со дня рождения писателя был переведен в разряд государственных. Незадолго до войны сюда были завезены материалы для восстановления главного усадебного дома, но работы остановились. Около трех месяцев усадьба и село были под немцами, которые перед своим отступлением в декабре 1941 – го сожгли село и усадебные строения. Затем, в течение полутора лет, на территории усадьбы расположились наши воинские части и медсанбат. И только летом 1944 г. тургеневский заповедник открыли для посетителей снова.

Генералы тогда осмотрели саму усадьбу, ее окрестности и домик, в котором жил русский писатель. Уже перед отъездом Маркиан Михайлович, обращаясь ко всем, сказал:

– А помните слова Тургенева: «Если у Вас есть атлас, отыщите в нем карту России и проведите пальцем от Москвы по направлению к Черному морю; на Вашем пути – немного севернее Орла – Вы обнаружите город Мценск. Так вот! Моя деревня находится в 10 километрах от этого места с довольно труднопроизносимым, как видите, названием. Это совершенная глушь... тихая, зеленая, печальная».

Генералы заулыбались...

– А ведь хорошо в глуши-то, хорошо... – договорил Попов и перевел разговор на другую тему...

Леонид Михайлович начал готовиться к предстоящей операции еще с генералом Рейтером. Их разговор навсегда врезался в память:

– Как только немцы уткнутся в оборону Центрального фронта, увязнут в ней, Западный и Брянский начнут операцию, – уточнил Рейтер.

– А какие силы примут участие, каков замысел? – поинтересовался Сандалов.

– Ставка намечает разгромить орловскую группировку противника и ликвидировать его орловский выступ концентрическими ударами трех фронтов. Но удары в Орловской операции придется наносить только тремя армиями нашего фронта, да левофланговой армией Западного фронта. Смотрите. Центральный будет крепко связан наступательной группировкой противника, сдерживая натиск. А мы нанесем только два удара: один – правофланговой 61-й армией с севера, на Волхов, Орел; другой – главный удар – совместно наносят на Орел с востока 3-я и 63-я армии. Третий удар наносит с севера левофланговая армия Западного фронта. Она во взаимодействии с нашей правофланговой армией уничтожает немцев в районе Волхова, а затем вместе с ней будем наступать на Орел, охватывая

его с запада.

План предстоящей операции генерал Сандалов в Москву повез на машине. Сталин одобрил его быстро, а когда вернулся, пришлось пояснять: «...план Орловской операции не предусматривал решительных действий ударных группировок с целью окружения войск противника на орловском плацдарме. Почему же Ставка и командование Брянского фронта не воспользовались весьма выгодной конфигурацией советских войск для проведения операции на окружение орловской группировки? Дело в том, что в то время все внимание Ставки было обращено на подготовку войск Центрального и Воронежского фронтов к предстоящим оборонительным боям, на сосредоточение стратегических резервов в район Курска. Поэтому для Орловской операции выделялись относительно ограниченные силы, для которых задача окружения орловской группировки противника была бы непосильной. Одной из основных задач Орловской операции явилось отвлечение части вражеских сил, которые противник бросит на Курск».

В июне 1943-го командующим 3-й армией Брянского фронта назначили опытного военачальника генерала А. В. Горбатова. Он сменил генерала П. П. Корзуна, который показал себя храбрым и энергичным командиром, однако ни наступательных, ни оборонительных армейских операций никогда не проводил.

Генерал Горбатов первым делом заехал представиться командующему фронтом М. М. Попову и члену Военного совета Л. З. Мехлису: «Командующий фронтом принял меня очень хорошо. Договорились, что утром я выеду в армию с его заместителем генералом И. И. Федюнинским». И если к Мехлису он шел настороженным, то командующий расположил его сразу: «Познакомься за обедом с командующим фронтом несколько ближе, я, к моей радости, увидел в нем молодого, но хорошо знающего военное дело генерала, находчивого и жизнерадостного человека. Об армии, которую мне предстояло принять, он сказал:

– Врылась в землю, засиделась в обороне, в прошлом провела ряд неудачных наступательных операций. Но все это в прошлом, – подчеркнул он. – Не буду характеризовать командиров сейчас, чтобы не привязывать вашего мнения к своему. Скажу одно: безнадежных нет. Нужна работа и работа – и с генералами, и с солдатами».

За новое дело генерал Попов взялся с присущим ему энтузиазмом. Так, вернувшись из Москвы с совещания, на котором был утвержден план летней кампании, Маркиан Михайлович провел фронтовую оперативную игру на картах. Л. М. Сандалов рассказывает: «Для занятий с

командованием и штабами армий, с командирами соединений ударной группировки фронта и с командирами специальных соединений, обеспечивающих наступление, были оборудованы на небольших участках земли специальные полигоны. На них в уменьшенном масштабе был изображен рельеф местности полосы наступления, показаны укрепления орловского плацдарма и вражеские войска, их занимающие. На этих полигонах генералом Поповым и командармами неоднократно проигрывались всевозможные варианты боевых действий при наступлении на Орел.

Войска в это время тренировались попеременно в прорыве специально оборудованных в тылу оборонительных полос.

К середине июня под руководством моего заместителя генерала Сидельникова был подготовлен в дер. Дерюжинки фронтовой КП. Он был умышленно развернут не на направлении главного удара, а в стороне от него, на второстепенном мценском направлении. Одновременно в районе Новосиль строился фронтовой НП.

Погода в то время установилась по-настоящему летняя. Почва и дороги просохли даже в низинах рек Оки и Жиздры. Командующий фронтом стал выезжать для подготовки к наступлению войск и в 61-ю армию, которой год назад он командовал. Несколько раз он съездил и в левофланговую 11-ю гвардейскую армию Западного фронта. В последней генерал Попов детально увязывал предстоящие совместные действия как с командующим армией генерал-лейтенантом И. Х. Баграмяном, так и с командующим Западным фронтом генерал-полковником В. Д. Соколовским и его начальником штаба генерал-полковником А. П. Покровским».

Троюродный брат полководца Антонин Александрович в книге о родственнике отметит по существу: «М. М. Попов обращал внимание на взаимодействие частей и соединений, на тщательность оперативной маскировки. Не обходил вниманием и службы тыла, в частности материально-технического снабжения, медико-санитарную, госпитализацию легкораненых, как источник пополнения резервов. Особенное внимание уделял разведке, на собираемые ею данные о противнике, нацеливая разведуправление армии, разведотделов корпусов на скрупулезную проверку и анализ поступающих с низов боевых донесений, разведсводок о составе частей неприятеля, его потерях, в которых нередко много преувеличений, а то и просто вранья, перепроверя их опросом пленных, захваченных документов».

Неслучайно кто-то из членов Военного совета зло пошутил: «Если суммировать все потери противника по наградным листам, то окажется, что

фрицев перед нами и вовсе нет». Он потребовал от разведчиков всех рангов при проведении разведки обращать внимание на, казалось бы, незначительные мелочи, которые могут иметь важное значение. По этому поводу генерал СМ. Штеменко отмечает: «Генеральный штаб волновала орловская группировка, противостоящая Западному и Брянскому фронтам, она могла явиться ближайшим источником пополнения гитлеровских сил при наступлении на Курск. Не было никаких признаков изменения в группировке врага. Как вдруг назначенный командующий Брянского фронта М. М. Попов доложил по телефону, что в этой группировке произошли изменения, которые ему пока неизвестны».

Оказывается, один бывалый солдат при посещении командующим передовой сказал, что у немцев произошла пересменка частей. На вопрос М. М. Попова, почему он сделал такое предположение, солдат ответил: «Фриц не тот, товарищ генерал. Раньше-то он ходил в рост, стреляя в свое время по назначенным районам, перерывы делал в семь утра и в час дня. Видать, завтракали и обедали. Все чин чинком. А этот, по всему заметно, новый, стреляет бестолково, в рост не ходит, а бегом да ползком все прячется. Перерыв на завтрак и на обед делает в другое время».

Проведенные несколько поисков языков из этого соединения подтвердили правильность суждений солдата. Было установлено, что часть ослабленных своих дивизий противник вывел на отдых и пополнение, но не под Курск.

5 июля началось немецкое наступление на Курск, а у же 12-го севернее Орла полным ходом пошла операция «Кутузов». По свидетельству генерала Штеменко, «наступление Брянского фронта развивалось относительно медленно, а через пять дней, 17 июля, на глубине в 22 километра у тылового рубежа по реке Олешня совсем затормозилось. Здесь сидели войска так называемой мценской группировки противника, составлявшей как бы клин между главными силами Западного и Брянского фронтов. Этот клин серьезно осложнял межфронтное взаимодействие. Особенно трудно приходилось Брянскому фронту, который являлся своего рода связующим звеном в системе трех фронтов. Наступая на Орел с востока, он должен был своим правым флангом совместно с войсками Западного фронта громить врага под Волховом. В то же время главными силами ему надлежало содействовать Центральному фронту, который с 15 июля приступил к уничтожению противника в районе Кромы. Силы раздваивались и постепенно иссякали. Создалась угроза нарушения плана разгрома противника под Орлом. Чтобы преодолеть кризисное положение, Брянскому фронту нужна была помощь».

Начальник Оперативного управления Генштаба поясняет: «Еще при подготовке операции остро стоял вопрос об усилении Брянского фронта танками. Оборона противника была здесь очень сильной, с большим количеством долговременных огневых точек. Пехота никак не могла одолеть ее без непосредственной поддержки бронесредств.

Как ни подсчитывали, менее чем двумя танковыми корпусами было не обойтись. Г. К. Жуков, лично выезжавший на место, доложил об этом Сталину, и фронт такое усиление получил. Однако для развития успеха танков опять не хватало. Тогда-то и заговорили о 3-й гвардейской танковой армии. Она формировалась в полосе фронта неподалеку от Плавска. В состав ее входили два танковых и один механизированный корпуса да плюс еще отдельная танковая бригада. Командовал армией генерал-лейтенант П. С. Рыбалко».

Вот тут про армию Рыбалко и вспомнили. Генерал Штеменко продолжает свой рассказ: «Доложили И. В. Сталину. Он согласился передать туда 3-ю гвардейскую танковую армию, одобрил предложения Генштаба по части ее задач. Тем не менее директива пока не отдавалась.

– Нужно узнать мнение командующего фронтом, – сказал Сталин и сам позвонил по телефону генералу М. М. Попову.

В разговоре с ним Верховный Главнокомандующий, оценивая положение под Орлом, подчеркнул, что важнейшей задачей Брянского фронта является разгром мценской группировки противника и выход 3-й общевойсковой армии А. В. Горбатова на реку Ока. Затем он сообщил свое решение о передаче фронту 3-й гвардейской танковой армии, которая должна была нарушить устойчивость обороны врага сначала в полосе наступления 3-й общевойсковой, а потом и 63-й армии В. Я. Колпакчи. Ввести танки Рыбалко в сражение Верховный рекомендовал как можно скорее, чтобы не дать врагу укрепиться. Но в то же время предостерег:

– Их можно погубить, если двинуть прямо на Орел. В уличные бои в таком крупном городе танковую армию втягивать не надо. После того как будет обеспечено продвижение главных сил фронта, лучше направить ее на Кромы в интересах левого соседа.

М. М. Попов принял эти указания к немедленному исполнению, и мы тут же по телефону отдали приказ П. С. Рыбалко о передаче его армии в состав Брянского фронта.

3-я гвардейская танковая армия умело и скрытно совершила марш и сосредоточилась в тылах Брянского фронта. Днем 19 июля, сразу же после того как пехота прорвала оборону противника, начали действовать передовые ее части, а затем и главные силы. Представитель Ставки

И. Н. Воронов доложил, что ввод 3-й гвардейской танковой армии в прорыв осуществлен своевременно и достаточно организованно.

Бой подтвердил сведения, добытые разведкой: в полосе действий нашей танковой армии оборонялись части 2-й и 8-й танковых, 36-й моторизованной и 262-й пехотной дивизий противника. Они оказали ожесточенное сопротивление. Несмотря на это, к исходу дня войска П. С. Рыбалко форсировали реку Олешня и, углубившись на 10–20 километров, успешно преодолели тыловой оборонительный рубеж немцев. Создались выгодные условия для удара в тыл мценской группировки. Отход неприятеля из-под Мценска и по всей линии нижнего течения реки Олешня, можно сказать, был предрешен.

В ночь на 20 июля об этом докладывалось Ставке. Мы в Генштабе очень опасались, что танковой армии не удастся сохранить организованность действий, поскольку маневр предстоял сложный и сопротивление противника пока не ослабевало. Взвесив, однако, все "за" и "против", положились на искусство и опыт П. С. Рыбалко и М. М. Попова. В 2 часа была подписана и отправлена весьма срочная директива. Адресовалась она представителю Ставки маршалу артиллерии П. Н. Воронову и командующему Брянским фронтом генерал-полковнику М. М. Попову. Привожу ее в выдержках.

"Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Ближайшей задачей Брянского фронта иметь разгром мценской группировки противника и выход 3-й армии на р. Ока.

Для этого 3-й танковой армии Рыбалко с утра 20.7 нанести удар в направлении Протасове, Отрада, к исходу дня 20.7 перерезать шоссейную и железную дороги Мценск – Орел и, развивая в течение 21.7 наступление на Мценск с юга, совместно с 3-й армией Горбатова завершить уничтожение мценской группировки противника и освободить город Мценск.

2. После выполнения этой задачи 3-ю танковую армию Рыбалко направить на юг с целью перерезать железную дорогу Моховое – Орел и содействовать 63-й армии Колпакчи в выходе ее также на р. Ока.

3. В дальнейшем 3-й танковой армии Рыбалко перерезать железную дорогу Орел – Курск в районе по решению командующего фронтом и при благоприятных условиях овладеть городом Орел.

Если овладение городом Орел не будет соответствовать обстановке, 3-й танковой армии Рыбалко двигаться дальше на запад в направлении Кромы".

В этой основной части директивы точно воспроизводились указания И. В. Сталина, отданные по телефону еще 17 июля. Выполнение их уже

началось и протекало вполне успешно.

В ночь на 20 июля противник оставил Мценск. Прикрывая свой отход, он бросил с утра против главных сил Брянского фронта, в том числе против танковой армии, большое количество авиации. Но наступление не останавливалось. К 17 часам того же дня танковая армия перерезала в районе Каменево шоссе Мценск – Орел, выдвинулась к железной дороге и реке Оке. Войска 3-й общевойсковой армии вышли к Оке на следующий день, сменили здесь танкистов и завязали бои за овладение переправами.

21 июля, выполняя директиву Ставки, 3-я гвардейская танковая армия повернула к югу, на Становой Колодезь, в полосу 63-й армии. Для наступления на новом направлении П. С. Рыбалко использовал свой второй эшелон: 12-й танковый корпус и 91-ю танковую бригаду. Корпуса же, наступавшие до того в первом эшелоне танковой армии, встали вслед за ними. Такая перегруппировка сил была разумной и по своему характеру вполне нормальной. Кстати сказать, П. С. Рыбалко неоднократно практиковал это и позже при одновременных действиях войск на нескольких иногда противоположных направлениях. В данном случае, правда, армия действовала на противоположных направлениях не одновременно, а последовательно, но перегруппировка все-таки требовалась, и командующий осуществил ее правильно, хотя и в трудном варианте.

Танкисты успешно справились со своей новой задачей. Они сломили сопротивление противника в районе Станового Колодезя и на всем южном фланге Брянского фронта, после чего 3-я гвардейская танковая армия была переподчинена Центральному фронту и направилась под Кромы.

Таков фактический ход событий».

В первом часу 22 июля генерал Сандалов узнал, что командующего вызывает Москва: «Он был в войсках. Примерно через полчаса позвонили мне и сообщили, что со мной будет говорить Иванов (псевдоним Сталина при переговорах по телефону). Его вопросы и распоряжения я почти дословно тогда записал:

Иванов: Почему Рыбалко еще не занял Становый Колодезь?

Не дослушав до конца моих пояснений, Иванов сказал мне:

– Передайте командующему фронтом, что я недоволен управлением танковой армией.

Пока я разыскивал по телефону генерала Попова, Москва, по-видимому, уже нашла его. Он позвонил мне сам и продиктовал для передачи Рыбалко приказание Верховного Главнокомандующего 22 июля овладеть Становым Колодезем. Командующий фронтом вновь потребовал

направить мехкорпус И. П. Корчагина через Моховое на Становый Колодезь для того, чтобы совместным ударом с 12-м корпусом М. И. Зиньковича уничтожить противостоящего противника.

В течение двух дней войска Брянского фронта производили на главном направлении перегруппировку, подвозили боеприпасы, разведывали тыловой оборонительный рубеж противника, готовились к его прорыву и форсированию рек Ока и Оптуха».

28 июля стал последним днем существования болховской группировки противника. А «30 июля – армии генералов Баграмяна, Федюнинского и Баданова, а также группа генерала Крюкова в составе кавалерийского корпуса и нескольких стрелковых дивизий были переданы Ставкой в состав Брянского фронта. Для удобства управления войсками фронтовой КП пришлось переместить в район Мценска.

С этого времени Брянский фронт стал развивать два сосредоточенных удара: с юга – армиями правого крыла на Хотынец и с востока – армиями Горбатова и Колпакчи на Орел».

Вспоминает генерал И. И. Федюнинский: «...30 июля, решением Ставки 11-я армия была передана в подчинение командующего войсками Брянского фронта.

Генерал-полковник М. М. Попов при первой же встрече спросил:

– Иван Иванович, скажите, в чем причина неудачи прорыва на кцыньском направлении? Ставка поручила мне разобраться в этом.

– Я уже докладывал Ставке по требованию командующего Западным фронтом. Могу только повторить, что не следовало вводить армию по частям, – ответил я и высказал соображение, что сейчас, на мой взгляд, нужно использовать 11-ю армию на правом фланге фронта для нанесения удара на Карачев, а в последующем на Брянск.

– Сколько времени вам требуется на подготовку к дальнейшему наступлению? – спросил Попов.

– Не меньше восьми суток.

Генерал Попов, человек опытный, с большим оперативно-тактическим кругозором, ответил не сразу. Он прошелся по комнате, склонился над картой.

Я терпеливо ждал ответа. Наконец командующий выпрямился, опершись ладонями обеих рук на карту, и сказал:

– Хорошо. С вашими доводами согласен. Но восемь суток – это слишком мало. Даю вам двенадцать.

Мы постарались использовать это время с наибольшей пользой».

Утром 3 августа войска 3-й армии генерала Горбатова и 63-й армии

генерала Колпакчи прорвали немецкую оборону на подступах к Орлу. А уже вечером 380-я стрелковая дивизия 3-й армии и 5-я стрелковая дивизия 63-й армии опрокинули противника под Орлом и в 4 часа 40 минут 4-го ворвались на восточную окраину города.

По свидетельству начальника штаба фронта, именно «за успешное проведение Орловской наступательной операции командующему Брянским фронтом М. М. Попову было присвоено звание генерала армии, а командующему 11-й гвардейской армией И. Х. Баграмяну – генерал-полковника.

Поздравляя по телефону М. М. Попова с присвоением ему нового звания, И. В. Сталин пошутил:

– А свои генерал-полковничьи погоны вместе с моим поздравлением передайте Баграмяну».

Звание генерала армии Маркиану Михайловичу было присвоено Постановлением Совета министров СССР от 26 августа 1943 г. А на следующий день Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден вторым орденом Суворова 1-й степени...

«5 августа был освобожден Орел, и в этот же день был занят Белгород, – констатирует доктор исторических наук Е. Е. Щекотихин. – Орел – это ключ от ларца, в котором хранились ключики от побед, одержанных нашими войсками летом и осенью 1943 года. В приказе по поводу Первого салюта город Орел обозначен первым, а Белгород вторым, и поэтому имя командующего Брянским фронтом стоит в приказе Верховного Главнокомандующего первым. Сталин, подписывая приказ, все и всех расставил по своим местам. Кто до того знал имя генерал-полковника Маркиана Михайловича Попова? В основном оно было известно в узких кругах военных. Теперь имя полководца генерала Попова – у всех на устах. Именно войска Брянского фронта внесли самый существенный вклад в победу, увенчавшуюся Первым салютом. (...)

Виднейший английский военный историк и теоретик военного искусства Лиддел-Гарт в своей книге "Вторая мировая война" написал: "С 1941 года Орел был одним из важнейших и сильно укрепленных бастионов немцев. Не меньшее значение имел и тот факт, что, пока Орел находился в руках немцев, они могли угрожать Москве. Стратегическое положение Орла и мощь его укреплений были настолько велики, что овладение этим городом сыграло огромную роль в ходе дальнейших боевых действий". Провал в этой крупнейшей наступательной операции означал – позор, а победа – триумф. Так генерал Попов и останется в веках и исторических анналах как автор Первого победного салюта».

По приказу Верховного Главнокомандующего № 2 от 5 мая 1943 г. в этот день в Москве был дан артиллерийский салют войскам, освободившим Орел и Белгород. Самый первый салют за время Великой Отечественной войны. Именно по этой причине за Орлом и Белградом закрепилось название «город первого салюта».

К слову сказать, приказ начинался со слов «Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орел».

А чуть выше шли фамилии отличившихся военачальников: генерал-полковник Попов, генерал-полковник Соколовский, генерал армии Рокоссовский, генерал армии Ватутин, генерал-полковник Конев. И если в приказе Верховного № 1 от 24 июля («Вчера, 23 июля, успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белграда в сторону Курска») первым в списке отличившихся шел генерал армии Рокоссовский, вторым – генерал армии Ватутин и только потом генерал-полковник Попов, то теперь, судя по установленной иерархии самим вождем, наиболее отличившимся был признан Маркиан Михайлович Попов.

По мнению Ф. Д. Свердлова, в этой операции «также ярко проявился его полководческий талант: смелый и решительный маневр крупных сил во фланг и тыл группировки противника, упреждение врага в осуществлении замыслов, внезапные удары по уязвимым местам, решительное, параллельное преследование врага, навязывание ему своей воли». При этом войска под командованием генерала М. М. Попова сыграли в Орловской стратегической наступательной операции решающую роль, освободив такие значимые города, как Мценск, Волхов, Орел и Карачев. У других фронтов успехи были гораздо скромнее.

Почерк и стиль полководца

Размышляя о труде полководческом, Сергей Матвеевич Штеменко пишет: «Итак, кто же такой полководец?»

Русская военная энциклопедия времен Первой мировой войны дает такое определение:

"Военный начальник, стоящий во главе крупного отряда войск, предназначенного для самостоятельных и широких операций. Хотя это понятие и не имеет определенного содержания и невозможно установить точной границы, за которой военный начальник приобретает или теряет звание полководца, тем не менее наличность стратегических действий в деятельности военного начальника является обязательным условием для придания ей характера полководчества..."

Большая Советская энциклопедия (2-е изд.):

"Полководец – военный деятель, военачальник, руководящий вооруженными силами государства или крупными оперативно-стратегическими объединениями войск, владеющий искусством подготовки и осуществления стратегических операций и творчески использующий опыт боевых действий для развития военного искусства. Значение полководца определяется его способностью найти и применить в определенной исторической обстановке такие способы ведения войны и военных действий, которые приводят к победе".

Из этих определений явствует, что полководец – это не должность и не чин. Полководцем становится тот военачальник, личные качества которого позволяют войскам под его руководством содейть подвиги, одержать большие успехи и сделать заметный вклад в общую победу. Каждый полководец вносит что-то свое, присущее его характеру, дарованию, знаниям и опыту, в организацию и ведение сражений, операций и боев.

В годы Великой Отечественной войны выдвинулась целая плеяда замечательных военных руководителей. Широко известны имена таких выдающихся военачальников, как товарищи И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Н. Ф. Ватутин, К. А. Вершинин, Н. Н. Воронов, Л. А. Говоров, А. Г. Головкин, С. Г. Горшков, А. А. Гречко, А. И. Еременко, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, И. С. Исаков, И. С. Конев, Н. И. Крылов, Н. Г. Кузнецов, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. С. Москаленко, А. А. Новиков, Ф. С. Октябрьский, И. Е. Петрова, М. М. Попов, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, Ф. И. Толбухин, В. Ф. Трибуц,

И. Д. Черняховский, В. И. Чуйков, Б. М. Шапошников, И. С. Юмашев и многие другие».

Что же касается почерка полководца, то это скорее относится к его владению основополагающими принципами военного искусства, обладанию даром творчества, новаторства и оригинальностью мышления...

Маркиан Михайлович Попов был скромным человеком, и неудивительно, что когда он решил написать про свой фланговый удар на Брянском фронте (1959 г.), то написал соответственно, без всякого пафоса: «Брянская наступательная операция, проведенная в сентябре 1943 года, до сих пор не освещалась в литературе. По своему характеру и результатам она не принадлежит к числу выдающихся операций Великой Отечественной войны и является одной из обычных фронтовых операций, которые во множестве осуществлялись нашими войсками. Эта операция была проведена после того, как Брянский фронт, которым я в те дни командовал, в тесном взаимодействии с Западным и Центральным фронтом закончил ликвидацию Орловского выступа».

Только через девять лет в журнале «Огонек» полководец признается: «Но я вспоминаю об этой операции с особенной гордостью. Ведь Брянск был освобожден при помощи хитрого маневра, реализованного нашим фронтом. И врагу, заглотившему подsunутую наживку и не сумевшему разгадать замыслы советского командования, не оставалось ничего другого, как спешно убраться из Брянска, даже не успев подорвать подготовленные к взрыву здания и предприятия города».

А начиналось все так: «В ходе напряженных боевых действий по ликвидации Орловского выступа, длившихся с 12 июля до середины августа, войска фронта, несмотря на большие потери, не снижали темпы преследования. В частях и соединениях наблюдался высокий моральный подъем. (...)

Немецкому командованию было крайне важно, используя выгодные для обороны массивы брянских лесов, отходящими силами остановить перед ними войска Брянского фронта, не допустить их выхода на удобную для маневра местность к западу от Брянска и к Днепру. Нам было важно сорвать эти намерения противника.

16 августа Ставка Верховного Главного Командования, в связи с продвижением наших войск на рославльском и брянском направлениях, приказала Брянскому фронту, продолжая наступление, не позднее 26–28 августа выйти на Десну на фронте Жуковка, Брянск, Трубчевск, а подвижными частями захватить переправы через Десну и прочно удерживать их до подхода главных сил. В дальнейшем форсировать Десну

северо-западнее и южнее Брянска, овладеть брянским плацдармом в излучине этой реки и развивать наступление на Гомель. Направление основных усилий фронта северо-западнее и южнее Брянска объяснялось тем, что Ставка, зная о прочности обороны противника непосредственно на брянском направлении, предупреждала командование фронта о нецелесообразности лобовых ударов через леса, тем более что город Брянск расположен на западном, очень высоком, крутом и укрепленном берегу Десны.

Новая задача Брянского фронта была составной частью общего плана наступления наших вооруженных сил, развернувшегося в конце лета 1943 года. Брянский фронт находился на стыке двух основных взаимодействующих группировок советских войск: одна из них, состоявшая из пяти фронтов, наносила главный удар на Украине в основном против армий "Юг"; вторая группировка из двух фронтов наступала на смоленском направлении против левого крыла группы армий "Центр". Брянский фронт во взаимодействии с Центральным фронтом расчленял силы групп армий противника, разрывал их сообщения и связь, нарушал взаимодействие между ними. Действия фронта во многом должны были способствовать достижению целей Советской Армии на западном и юго-западном стратегических направлениях.

Наш правый сосед – Западный фронт под командованием генерал-полковника Соколовского В. Д. 7 августа начал и к середине августа уже завершал Спас-Деменскую наступательную операцию. В последующем ему предстояло овладеть Ельней и наступать на Смоленск. Войска левого крыла Калининского фронта, которым командовал тогда генерал-полковник Еременко А. И., вели наступление в районе Духовщины. Действовавший слева Центральный фронт под командованием генерала армии Рокоссовского К. К. получил задачу наступать в юго-западном направлении.

В Брянской операции наибольший интерес представляют: выработка решения на ее проведение, перегруппировка сил и средств фронта на новое направление в результате неуспеха на ранее избранных направлениях, а также методы внезапного для противника создания новой ударной группировки...

При подготовке решения на операцию мы прежде всего учитывали особые условия лесисто-болотистой местности во всей полосе наступления фронта. Влияние такой местности на боевые действия войск хорошо известно, а брянские леса в этом отношении исключительно характерны. Они сильно затрудняли действия всех родов войск, особенно артиллерии и

танков. Возможности маневра были крайне ограничены. Отдельные малолесистые коридоры находились к юго-западу и к западу от Кирова за пределами полосы фронта и отчасти на его левом крыле.

Серьезным препятствиями являлись многочисленные реки с высокими и укрепленными противником западными берегами, текущие с севера на юг, особенно такие как Болва, Десна, Беседь, Сож и, наконец, могучий Днепр. Естественный подъем местности с востока на запад предоставлял противнику командные высоты.

Крайнее беспокойство вызывало состояние железных и шоссейных дорог, которых в полосе фронта имелось очень мало. В ходе наступления мы уже оторвались от своих баз почти на 200 км. Грузы приходилось подавать очень изношенным автотранспортом, потреблявшим много горючего, по разбитым фронтовым дорогам. С продвижением войск фронта на запад положение с дорогами еще более осложнялось, ибо все имевшиеся дороги сходились в районе Брянска, а к западу от него железных дорог, на которые можно было бы базировать фронта на всю глубину его задачи, не имелось. Железная дорога Карачев – Брянск – Гомель лишь частично могла обеспечить наши потребности. Такое положение очень осложняло снабжение войск.

В то же время наличие в тылу у противника брянского железнодорожного узла давало ему возможность маневрировать войсками вдоль фронта и в глубину через Рославль и Гомель. Кроме того, несколько шоссейных рокад, проходивших от Брянска на север через леса, использовались командованием для скрытых и быстрых маневров войсками. Наконец, в районе Брянска располагался значительный аэродромный узел противника.

Все это вместе взятое позволяло предвидеть, что противостоявшая фронту 9-я немецкая армия будет упорно отстаивать район Брянска и брянских лесов. Скоро мы убедились в этом.

В состав Брянского фронта в это время входили: 11-я, 11-я гвардейская, 3-я и 63-я общевойсковые армии, 4-я танковая и 15-я воздушная армии. Одновременно с постановкой задачи на овладение Брянском Ставка передала нам из Западного фронта 50-ю армию, состоящую из трех дивизий. Кроме того, в состав фронта входил 2-й гвардейский кавалерийский корпус, два (2-й и 8-й) артиллерийских корпуса прорыва, 2-я гвардейская минометная дивизия, 8-я гвардейская минометная бригада и одиннадцать отдельных гвардейских минометных полков. Помимо этих средств, фронт располагал несколькими отдельными танковыми полками, одной танковой бригадой, инженерными,

химическими и другими частями. (...)

Хотя число наших соединений превосходило количество дивизий противника, фактического превосходства в силах мы не имели. По штатной численности немецкие пехотные дивизии в 1,5 раза превосходили наши. К тому же в ходе непрерывных наступательных боев, продолжавшихся свыше месяца, численность личного состава в ряде наших дивизий, особенно в 3-й армии, сильно уменьшилась и дошла до 3–4 тысяч человек. Материальная часть также была в большом некомплекте: в 4-й танковой армии, с уходом 11-го танкового корпуса в распоряжение Ставки, осталось около 50 танков. Вследствие резкого недостатка снарядов преимущества над противником в огне в полосе фронта практически не имелось.

Изучая и оценивая обстановку, мы убедились, что подготовленная в труднопроходимых лесах оборона противника совершенно исключает возможность добиться успеха путем лобовых атак. Наступая в лесу, войска фронта будут вынуждены действовать вдоль немногочисленных дорог и растекаться отдельными ручейками, путь которым очень легко преградить. Вследствие малой емкости направлений, обеспеченных дорогами, наступающим войскам пришлось бы глубоко эшелонировать свои силы, и они лишались возможности одновременно их использовать для быстрого наращивания удара. В то же время противник, имея хорошие условия для скрытого маневра и маскировки своих войск, наблюдения и ведения огня, мог бы бить наши войска по частям, экономить силы и выигрывать время, т. е. выполнять свои замыслы. При самой благоприятной обстановке мы могли рассчитывать лишь на медленное, последовательное прогрызание вражеских позиций, что позволило бы немецким войскам организованно отойти на подготовленные в глубине оборонительные рубежи.

Все эти обстоятельства требовали от нас решения стоящих перед фронтом задач на флангах брянской группировки противника или на одном из них. Фланговый удар позволял лишить противника сильных сторон его обороны, уже налаженной по лесам и рекам, и вывести основные силы фронта в тыл противника. Развивая удар в глубину, мы могли разорвать железнодорожную связь и нарушить взаимодействие войск группы армий "Центр".

Первоначально мы считали, что в сложившихся условиях будет наиболее правильным наступать на обоих крыльях фронта сильными фланговыми группировками войск по сходящимся направлениям. Наши соображения на операцию Брянского фронта, разработанные к исходу 16 августа, предусматривали действия на двух основных направлениях: на северном крыле фронта в направлении Дядьково, Шамордино должны

были наступать главные силы 50, 3 и 11-й армий, поддержанные всей авиацией фронта, а на южном крыле, из района Ревны на Орменку, должны были прорывать оборону противника 11-я гвардейская и 63-я армии.

Но провести этот план в жизнь не удалось. Боевые действия в период с 17–26 августа убедили нас в том, что войска фронта не могут преодолеть хорошо подготовленной и плотно занятой обороны противника. Ее первый рубеж проходил по восточной опушке брянского лесного массива, местами выдвигаясь к востоку. Второй оборонительный рубеж противника шел по лесистому западному берегу реки Болва и далее на юг на Локоть. В оперативной глубине по правому берегу Десны имелся еще один рубеж. Как стало известно впоследствии, войска Брянского фронта находились перед заранее подготовленной обороной противника, получившей наименование рубежа "Хаген".

При наступлении наши соединения и части испытывали большие трудности, особенно в организации артиллерийской подготовки и поддержки. Из-за плохих условий и недостатка снарядов не удавалось подавить огневую систему противника даже на переднем крае. Прорвавшиеся в лес войска не только оказывались перед неподавленной обороной противника, но и не могли применить танки в непроходимых дебрях. Командиры, лишённые возможности наблюдать свои войска, теряли управление боем. Анализ результатов боевых действий войск показал, что прорвать оборону противника без солидной артиллерийской подготовки и значительных резервов не удастся. В этом крылась важнейшая причина того, что войска фронта уже десять дней оставались почти на прежних рубежах».

Командующий 50-й армией генерал И. В. Болдин прекрасно запомнит, как войска его армии, выйдя на рубеж к исходу 18 августа, встретили упорное сопротивление подошедших резервов: «Вражеский огонь был таким мощным, что мы оказались не в состоянии преодолеть его. Предложил командирам 108-й и 110-й стрелковых дивизий произвести разведку боем. В ходе ее выяснилось, что перед нами занимают глубоко эшелонированную, заблаговременно подготовленную оборону 296-я и 134-я пехотные дивизии противника. Оборона усилена минно-взрывными и проволочными заграждениями перед передним краем и перед второй полосой, проходящей по западному берегу реки Болва.

Данные разведки доложил по телефону командующему фронтом генералу армии М. М. Попову. Напомнил ему, что после месяца непрерывных изнурительных боев армия имеет большие потери. На исходе снаряды и мины.

– С теми силами, какими располагаю, – сказал я в заключение, – трудно рассчитывать на успех при прорыве крепкой вражеской обороны. Прошу вашей помощи.

Командующий сказал, что сам приедет к нам и все решит на месте. Приехал он уже на следующий день. Молча выслушал меня и объявил:

– Так вот, товарищ Болдин, я решил создать ударную группу под командованием моего заместителя генерал-лейтенанта Казакова. В нее войдут три ваши дивизии и кавалерийский корпус. Группе предстоит прорвать оборону немцев на улемльском направлении и проложить вашей армии дорогу к Десне.

– Значит, забираете половину армии? – спрашиваю Попова. Он молчит.

– Тогда мне здесь делать нечего. Я не намерен плестись в хвосте группы Казакова. Вы лишаете меня доверия, а в таком случае продолжать командование армией не считаю возможным. Кроме того, товарищ командующий, ваше решение является незаслуженной обидой пятидесятой армии. Она достойна лучшего отношения.

Будучи глубоко убежден в ошибочности решения командующего, я очень волновался, говорил повышенным тоном. Генерал Попов ничего мне не ответил, встал и предложил всем, кто находился в палатке, тут же выехать на мой наблюдательный пункт.

Когда мы прибыли туда, командующий выслушал доклады нескольких командиров дивизий и командира 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора В. В. Крюкова. Затем немного подумал и обратился ко мне:

– Решение о создании ударной группы отменяю. Приказ о переходе войск пятидесятой армии в наступление оставляю в силе. Главный удар нанесете на Улемль, Ивот. – Командующий с укоризной посмотрел на меня и, улыбнувшись, добавил: – Полагаю, товарищ Болдин, теперь вы снимете с меня тяжкий груз обвинений в несуществующих грехах?

– Товарищ командующий, будь вы на моем месте, тоже, наверное, нервничали бы.

– Как сказать. Откровенно говоря, Иван Васильевич, я не стал бы делать поспешных выводов. Отношу это за счет экспансивности вашего характера. Малость погорячились, а в итоге наговорили много лишнего. Ну да ладно, на этом поставим точку и забудем.

Затем командующий обратился к генералу Крюкову:

– Как только у Болдина наметится успех, сразу же вводите в бой свою кавалерию.

Крюков повторил приказание и взял под козырек.

– Что ж, товарищи, поехали дальше, – обратился к нам командующий.

Все мы направились в лес юго-восточнее Жиздры. Остановились на большой лесной поляне, где четкими рядами выстроились подразделения 2-й инженерно-саперной штурмовой бригады Резерва Верховного Главнокомандования. У большинства из них грудь украшают ордена и медали. Член Военного совета фронта обращается к командующему:

– Чудо-хлопцы! Убежден, эти смогут открыть Болдину путь к Десне.

А я слушаю и не могу понять, к чему это он говорит. Командующий фронтом поздоровался с бригадой. В ответ послышалось громовое "Здравия желаем!". Затем бойцы начали надевать на себя стальные нагрудники. Командир бригады генерал Шестаков пояснил, что эти панцири они получили несколько дней назад.

Через несколько минут бойцы начали имитировать атаку. С нескрываемым любопытством следим, как слаженно они действуют, как мастерски владеют оружием. Когда программа была исчерпана, генерал Попов спросил у меня:

– Как, Иван Васильевич, хороши хлопцы?

– Что говорить. Конечно, хороши.

– Вот и замечательно. Штурмовая бригада теперь подчиняется вам. Это и есть наша помощь.

Я сказал командующему, что рад новому пополнению, но даже оно будет бессильно, если нам не дадут снарядов и мин.

– Как только подойдут эшелоны с боеприпасами, немедленно получите. А пока, товарищ Болдин, приступайте к выполнению приказа, рассчитывая на собственные силы. Учтите, каждая минута дорога.

22 августа наша армия начала наступление на улемльском направлении, стремясь прорвать вражескую оборону и выйти к реке Болва. Преодолевая упорное сопротивление противника, нам удалось на отдельных участках овладеть первой линией его траншей. Но сильный артиллерийский огонь, который мы не могли подавить из-за недостатка снарядов, и удары гитлеровской авиации по боевым порядкам наших войск вынудили остановить наступление.

На моем наблюдательном пункте тогда находились командующий, член Военного совета фронта и я со своими заместителями. С болью в сердце наблюдали мы, как таяли цепи атакующих. Генерал Попов приказал ввести в бой кавалеристов Крюкова. Но и это не изменило положения, тем более что противник бросил против конников танки.

К 24 августа мы совсем выдохлись».

В связи с тем, что сил и средств фронта для одновременного ведения

операции на обоих флангах явно не хватало, 27-го генерал армии Попов доложил в Ставку, «что считает целесообразным главные усилия сосредоточить на правом крыле фронта и только на одном направлении, где следовало ввести дополнительно к 50-й армии еще 3-ю армию, использовать всю авиацию и имевшиеся боеприпасы. Наступление в такой группировке сил фронт мог начать 1–2 сентября.

На левом крыле фронта предлагалось ограничиться ударом 63-й, а также части сил 11-й гвардейской и 4-й танковой армий в общем направлении на Локоть с целью содействовать наступлению Центрального фронта.

Ставка согласилась с нашими соображениями, и примерно по этому варианту развернулись боевые действия левого крыла Брянского фронта. 63-й армия под командованием генерал-лейтенанта Колпакчи В. Я. в 4 часа 1 сентября прорвала оборону противника и успешно приступила к очищению территории от Трубчевска. Поскольку лесные массивы здесь контролировались партизанами, которые создали угрозу тылу противника, ему пришлось выводить свои войска из-под ударов армии за Десну на подготовленные позиции.

К этому времени Центральный фронт достиг значительных успехов на черниговском направлении. Возобновили успешное наступление и войска Западного фронта на ельненском направлении. Противник был вынужден ослабить свою артиллерийскую группировку в полосе наступления Брянского фронта и перебросить отсюда часть своих оперативных резервов. Используя некоторое ослабление огня артиллерии противника и успех 63-й армии, войска 11-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника Баграмяна И. Х. 2 сентября перешли в наступление своим левым флангом и в последующие дни стали развивать удар в направлении Навли и далее к Десне.

Что касается событий на правом крыле фронта и в центре, то уже в ходе подготовки наступления у нас появились соображения о возможности проведения флангового удара фронта из района юго-западнее Кирова, который находился в полосе Западного фронта.

По условиям местности фланговый удар из этого района позволял обойти основные массивы брянских лесов, избежать форсирования реки Болвы и выйти на безлесные просторы западнее Брянска. Здесь могли развернуться наши танки, конница и артиллерия...

Чтобы определить возможность организации здесь действий, еще 26 августа мы связались с командующим 10-й армией генерал-лейтенантом Поповым В. С., который со своей стороны считал, что удар войск

Брянского фронта из района Кирова вполне возможен.

Для наступления мы наметили использовать 50-ю армию под командованием генерал-лейтенанта Болдина И. В., непосредственно примыкавшую к этому району, и приступили к разработке плана операции и ее подготовке. Вся основная работа была закончена к исходу 28 августа.

Сущность нового решения на операцию состояла в том, чтобы нанести массированный удар на правом крыле фронта из района Кирова в общем направлении на юго-запад с захватом плацдарма на западном берегу Десны. На левом крыле фронта, как было сказано раньше, готовился удар 63-й армии на Локоть.

29 августа по нашему докладу Ставка изменила разграничительную линию фронта. В этой связи следует вспомнить известное положение, что разграничительные линии не могут рассматриваться как что-то незыблемое. Опыт Брянской операции, как и многих других, подтверждает это. Старшие начальники должны всегда своевременно уточнять разграничительные линии, создавая тем самым войскам более благоприятные условия для действий и стимулируя таким образом принятие инициативных решений подчиненными.

Во времени мы были очень ограничены. Нужно было увязать действия с 10-й армией и Западным фронтом, произвести перегруппировку войск, которая и началась в ночь на 30 августа».

30 августа, после проведения на правом фланге рекогносцировки и посещения левофланговой армии Западного фронта, Маркиан Михайлович вызвал к себе генерала Болдина:

«— Я пригласил вас, Иван Васильевич, — начал генерал Попов, — вот по какому делу. Думаю, согласитесь, что не к лицу нам сидеть, выжидая манны небесной. Вам предстоит произвести быструю и скрытную перегруппировку войск в район Кирова.

Командующий приказал к утру 2 сентября перебросить туда 413, 324, 238 108, ПО и 369-ю стрелковые дивизии с частями усиления.

— Армия должна быть готова пятого сентября прорвать оборону противника южнее и юго-западнее Кирова, — продолжал генерал Попов. — В дальнейшем наступать на Бучино, Рековичи и выйти на рубеж Дубровка — Жуковка.

Развивая свою мысль, командующий показывал на карте путь планируемого наступления.

— Временно вам будут переданы двести двенадцатая и шестьдесят четвертая стрелковые дивизии десятой армии Западного фронта. Кроме того, вам подчиняются второй гвардейский кавалерийский корпус и

артиллерийская дивизия прорыва.

Задача показалась мне заманчивой, и я с радостью принял за ее решение. Признаюсь, тревожило только то, что район сосредоточения совпал с местом, по которому в течение двух лет проходила вражеская полоса обороны. Здесь было еще много неразведанных и необезвреженных минных полей, имелись проволочные награждения, завалы. Все это должно было затруднить движение, привязать войска к немногим очищенным от заграждений дорогам.

Чтобы читатель представил себе трудности предстоявшей рокировки, скажу лишь, что почти на всем более чем 100-километровом пути нам предстояло проложить пять маршрутов, снять тысячи мин, построить мосты и гати. Артиллеристы и кавалеристы получили только по одному маршруту. А ведь длина колонны артиллерийского корпуса составляла 150 и кавалерийского корпуса с боевыми обозами – ПО километров.

Штаб армии разработал детальный план смены частей, составил подробные графики движения. Я издал приказ, которым обязал командиров корпусов и дивизий соблюдать на марше строжайшую дисциплину, а на участках скрещивания маршрутов беспрекословно выполнять все требования регулировщиков. Для строгого контроля за точным выполнением войсками графика и плана марша, а также правил маскировки командировал во все стрелковые дивизии и танковые полки офицеров штаба армии. Там, где скрещивались маршруты, было организовано специальное дежурство офицеров, наделенных особыми полномочиями. Кроме того, группа офицеров контролировала марш с самолетов У-2.

Движение войск производилось только ночью. Большая нагрузка выпала на инженерные подразделения. Они были распределены по маршрутам, двигались впереди войск, вели инженерную разведку, разминировали минные участки, ремонтировали мосты, прокладывали колонные пути, делали обходы.

Пока шла перегруппировка, мы с несколькими офицерами штаба армии выехали на восточную окраину Кирова и начали планировать наступательную операцию. После принятия решения я выехал в 212-ю и 64-ю стрелковые дивизии, только что переданные нам.

4 сентября в полосе намеченного прорыва шесть усиленных стрелковых батальонов от шести дивизий начали разведку боем. Результаты боя, как и показания захваченных пленных, имели для нас большое значение. Оказалось, оборона противника глубиной до 15 километров состояла из двух полос и имела сильно развитую систему полевых сооружений. Несколько линий траншей были прикрыты

проволочными заграждениями, а противопехотные и противотанковые минные поля занимали свыше 60 процентов всей линии фронта.

В тактической глубине на рубеже Заседский – Шубартов – Барсуки – Мал. Желтоухи – Бол. Желтоухи – Косичино враг построил отлично оборудованный рубеж с отсечными позициями, противотанковым рвом, "волчьими ямами". Все деревни и высоты гитлеровцы превратили в опорные пункты, создали там систему фланкирующего и косоприцельного огня всех видов. Передний край обороны противника в лесу был прикрыт сплошной бревенчатой стеной метровой толщины и двухметровой высоты с земляной прокладкой. К этому следует добавить, что гитлеровское командование подтянуло сюда с других участков фронта много пехоты, танков и артиллерии.

В то же время перед левым крылом Западного фронта гитлеровцы свои войска ослабили. Этим не преминула воспользоваться 10-я армия, начавшая активные боевые действия. Наш сосед справа – 38-й стрелковый корпус – установил, что участок в районе Дубровка не только слабо обороняется, но и в инженерном отношении плохо оборудован».

К утру 3 сентября крупные силы войск были перегруппированы к северу на расстояние в 80—100 км. Поиски наиболее выгодных способов достижения успеха на этом не прекратились. Напротив, они стали еще более напряженными из-за недостатка времени. Ставка назначила начало операции на 6 сентября. Противник же со своей стороны провел ряд мероприятий по усилению обороны.

Приняв решение, рокировав силы и развернув полным ходом подготовку операции, мы непрерывно изучали обстановку и проводили интенсивную разведку, направленную на выявление характера обороны, группировки и задач противника в полосе фронта, и главным образом к югу и юго-западу от Кирова.

Особое внимание обращалось на проведение разведки боем на широком фронте, которая и осуществлялась 3, 4 и 5 сентября. Разведка дала новые важные данные о противнике в районе Кирова. Нам стало ясно, что немцы обнаружили перегруппировку войск Брянского фронта, повысили боевую готовность своих войск и ожидали наших атак. При этом особое значение имела одна деталь: при движении войск, особенно автомашин, по песчано-подзолистуому грунту в дни перегруппировки, когда стояла исключительно сухая погода, создавались огромные облака пыли, которые до утра не успевали осесть. Противник, как показали впоследствии пленные, наблюдал их с далеких расстояний. Проверив свои предположения по другим данным наблюдения, он правильно определил

характер и цель наших перегруппировок. Таким образом, внезапность нашего наступления была утеряна.

Находясь на одном из наблюдательных пунктов и лично наблюдая почти весь день за ходом боя разведывательных батальонов, я убедился в том, что наступление будет сопряжено с большой затратой материальных средств, которых явно не хватало, и крупными потерями в людях и боевой технике. Правда, для сомнений в конечном успехе предстоящего наступления фронта как будто не имелось оснований. Командиры батальонов, проводивших разведку боем, созванные вечером 4 сентября для подведения итогов их действий, заверяли, что оборона противника может быть прорвана. К этому же склонялся и Военный совет 50-й армии.

После этого совещания с комбатами всю ночь на 5 сентября я изучал обстановку. Перед фронтом армий она не изменилась. Только сведения из 10-й армии Западного фронта за 4 сентября поразили меня необычным фактом: при недостатке боеприпасов сильно ослабленные войска левого фланга этой армии овладели двумя важными командными высотами в районе Дубровки, перед которыми они стояли много дней, не имея сил преодолеть сопротивление противника. Теперь же высоты оказались в их руках, причем в плен были захвачены главным образом нестроевые немецкие солдаты.

Напрашивался вывод, что прочной обороны на участке соседа, непосредственно примыкающем к полосе Брянского фронта, противник не имеет. Видимо, здесь он не рассчитывал на какие-либо крупные действия с нашей стороны. Эти на первый взгляд не особенно существенные данные привлекли наше внимание. Их нужно было срочно выяснить и уточнить».

На рассвете 5 сентября генерал армии Попов тут же выехал на командный пункт В. С. Попова: «В. С. Попов подтвердил все мои догадки. Вместе с ним мы выехали в район Дубровки, ознакомились с обстановкой. Было ясно: именно отсюда следует наносить удар. Для прорыва слабой обороны врага в этом районе много войск не потребуется. За одну-две ночи можно подтянуть две-три дивизии, 2-й гвардейский кавкорпус и полки ГМЧ. С этими силами вполне можно начинать наступление... Что касается авиации, она в перегруппировках не нуждается. А ствольную артиллерию командарм-10 согласился предоставить свою, разумеется, при условии, что мы обеспечим ее снарядами. На обратном пути я соображал, как лучше обмануть противника, убедить его, что мы не меняем своих намерений и готовим наступление в районе Кирова. Ствольную артиллерию нашего фронта, думал я, чтоб не привлекать внимания противника к перегруппировке, оставим под Кировом. Пусть ведет огонь по прежним

целям!

Командующему 3-й армии поставим задачу всемерно сковывать противника под Кировом и перейти в наступление, как только враг ослабит свою оборону и начнет перебрасывать подкрепления в район Дубровки... А дивизии, которые будут наступать под Дубровкой, возьмем из 50-й армии.

Словом, еще по дороге домой у меня зародился план, который, как мне казалось, мог сбить врага с толку...

Вернувшись на командный пункт, я прежде всего созвонился с командующим Западным фронтом генералом В. Д. Соколовским. Он согласился с моими соображениями и не стал возражать против временной "аренды" полосы 10-й армии войсками нашего фронта.

Более трудный разговор по телефону мне предстоял со Ставкой: неприятно во второй раз просить изменить направление удара. Тем более, что в Военном Совете фронта мнения по поводу изменения сроков и района прорыва разделились, кое-кто из членов Военного совета, в частности Л. З. Мехлис, высказался против такого решения.

Но я был убежден, что именно здесь, под Дубровкой, мы быстро добьемся успеха, а главное – не понесем больших потерь. Совесть подсказывала: надо звонить в Ставку.

Заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов, которому я доложил свои соображения, ответил, что утверждение нового решения требует санкции И. В. Сталина. Пока я ждал окончательного ответа, штаб фронта приступил к подготовке и планированию операции у Дубровки.

Около 13 часов 5 сентября позвонил И. В. Сталин.

– Ручаетесь ли вы за успех под Дубровкой? – спросил он.

– Ручаться полностью трудно, – отвечал я. – Но это наиболее целесообразное решение. Приложим все усилия, чтобы перехитрить немца.

– Ну что ж, действуйте. Постарайтесь начать наступление не позже седьмого сентября...

Дальнейшие события показали, что нам удалось обмануть врага. Наступление под Дубровкой, которое началось в 11 часов 7 сентября после мощного удара бомбардировочной авиации и основательной артподготовки, в которой главную роль играли полки ГМЧ, наша пехота, поддерживаемая танками и штурмовиками, устремилась в атаку, не встречая организованного сопротивления. В самое короткое время и почти без потерь оборона врага была прорвана. Командарм-3 доносил, что под Кировом на стороне противника никаких передвижений не отмечается. Это означало, что наш удар был для врага полной неожиданностью.

Я отдал распоряжение ввести в прорыв 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Мимо КП 50-й армии, с которого я наблюдал за ходом боя, крупной рысью, вздымая пыль, промчались конники.

В небе над Дубровкой появилась десятка "юнкерсов", но, встреченная мощным огнем зенитчиков, повернула вспять. Один из "юнкерсов" был сбит. Взятый в плен гитлеровский летчик, увешанный железными крестами, фашистский ас, который, как выяснилось, был командиром этой десятки, растерянно рассказал, что он готовился к вылету на Киров, как вдруг, перед самым стартом, его десятке приказали лететь на Дубровку...

Около 14 часов позвонил генерал А. И. Антонов. Слышимость была хорошая, и я подробно доложил ему, как развиваются события.

– Значит, я могу порадовать командование? – спросил А. И. Антонов.

– Конечно, можете. Дело идет хорошо, мы немцев тут наверняка обыграем.

Лишь днем 8 сентября противник разобрался, что к чему, понял, какая угроза нависает над ним с тыла, и под прикрытием дымовых завес начал отвод своих войск из-под Кирова. Третья армия генерала Горбатова начала настойчивое преследование отступающего врага.

Конечно, не обошлось и без осложнений. Воспользовавшись тем, что конники 2-го гвардейского кавкорпуса, быстро продвигаясь вперед, оторвались от наших наступающих стрелковых дивизий, враг по образовавшемуся коридору начал отводить свои войска из Брянских лесов на запад, за Десну. Таким образом, кавкорпус оказался отрезанным. Действительно конфуз. Кавкорпус в упорных боях, в которых он израсходовал большую часть боеприпасов, пробился к Жуковке, переправился через Десну, захватил плацдарм на ее западном берегу и продолжает его удерживать. Такой успех! И вдруг мы дали врагу отрезать кавкорпус! Это очень беспокоило и нас и Ставку, и мне пришлось выслушать резкие замечания Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Я заверил Верховного, что принимаются все меры, что подтянуты новые стрелковые дивизии и полки ГМЧ, что здесь сосредоточены удары авиации.

– Словом, – заключил я, – с Крюковым завтра-послезавтра мы соединимся. Прошу вас не беспокоиться.

– Ну, смотрите, – последовал ответ.

13 сентября генерал Крюков донес, что на линию его КП вышли стрелковые дивизии и что он направляет их на плацдарм, который его конники отстояли в упорнейших, ожесточенных боях.

Словом, конница в этой операции сыграла важную роль. Мне по этому поводу позвонил СМ. Буденный.

– А еще говорят, что конницу нельзя использовать в современной войне! Присваиваю тебе звание буденновца!

Успех войск 50-й армии и 2-го кавалерийского корпуса вынудил гитлеровское командование поспешно отвести свои войска, противостоящие 3-й и 11 – й армиям Брянского фронта. Преследуя врага, войска 11-й армии с боями преодолели Брянские леса, 17 сентября форсировали Десну, вышли на подступы к Брянску и Бежице и овладели этими городами. Враг, над тылами которого нависала теперь смертельная угроза, под ударами быстро наступающих советских войск не смог их удерживать и, как я уже говорил, поспешно бежал, не успев уничтожить подготовленные к взрыву заводы, фабрики и дома. Жители торжественно встретили освободителей. Вечером столица нашей Родины вновь салютовала воинам Брянского фронта.

А Брянский фронт, не давая врагу передышки, продолжал наступление».

Комментируя эту операцию, начальник Оперативного управления Генштаба генерал СМ. Штеменко подчеркнет: «Ставка не сразу дала тогда согласие на проведение операции из-за ее рискованности. Предстояло, в частности, перегруппировать вдоль фронта значительную массу войск и действовать через полосу соседа. Такого рода перегруппировки, проводимые в непосредственной близости от противника (а в данном случае было именно так), очень опасны. К тому же на успех операции можно было надеяться только в случае внезапности действий. Чтобы обеспечить последнюю, нельзя было на той местности перетягивать в другой район артиллерию Брянского фронта и приходилось рассчитывать только на удары авиации и "катюш". Комфронта решил использовать артиллерию соседа – 10-й армии Западного фронта, но ее было мало, а боеприпасов и того меньше. Поэтому снаряды для орудий соседа приходилось нести на руках тем войскам, которые перегруппировывались для задуманного флангового удара. Конечно, все передвижения предстояло проводить только ночью, при строжайшей маскировке, а перегруппировку сил выполнить всего за 40 часов на расстояние 80—100 км. Не было сомнений, что даже при самых благоприятных обстоятельствах коннице предстояли в тылу противника чрезвычайно тяжелые бои.

Не один раз Верховный Главнокомандующий задавал тогда Генеральному штабу вопрос: какая вероятность успеха есть у этой операции? Ответ был однозначным – все были убеждены в успехе замысла

командующего Брянским фронтом. По настоянию М. М. Попова днем 5 сентября 1943 г. А. И. Антонов доложил И. В. Сталину еще раз по поводу флангового удара Брянского фронта и высказался за проведение операции. Верховный Главнокомандующий, однако, сам позвонил тогда командующему фронтом и спросил, ручается ли тот за успех.

Командующий поручился. Начало наступления здесь же наметили на утро 7 сентября.

Подготовка операции проходила при самом жестком контроле со стороны командования за соблюдением мер сохранения тайны. Фланговый удар был осуществлен с большим искусством. Поставленный под угрозу разгрома с тыла, противник бросил полосу Брянских лесов и быстро откатился за Сож и Днепр».

К слову сказать, войска под командованием генерала армии М. М. Попова за 30 суток своего наступления смогли продвинуться на Запад на 250 км и освободить оккупированную территорию Брянского промышленного района и части Белоруссии (около 40 000 квадратных километров). При этом потери войск Брянского фронта в этой операции были минимальными: общие менее 57 000 чел., а безвозвратные чуть более 13 000, или менее 2,5 % от численности войск к началу операции (530 000 чел.).

17 сентября 1943 г. Верховный Главнокомандующий подписал приказ № 15 «Генералу армии М. М. Попову», в котором говорилось: «Войска Брянского фронта, продолжая развивать наступление, успешно форсировали реку Десна и одновременным ударом с севера и востока сегодня, 17 сентября, сломив сопротивление противника, овладели важнейшими опорными пунктами обороны немцев на рубеже этой реки, крупными промышленными центрами – городами Брянск и Бежица.

В боях за города Брянск и Бежица разгромлены 339, ПО, 707, 95, 299, 134-я пехотные дивизии немцев.

Таким образом, в результате умело проведенного обходного маневра по труднодоступной, лесисто-болотистой местности войска Брянского фронта пробили вторую брешь в обороне немцев по реке Десна».

Следующий приказ И. В. Сталина № 24 «Генералу армии М. М. Попову» датирован 23 сентября 1943 г.: «Войска Брянского фронта, продолжая стремительное наступление, сегодня, 23 сентября, с боем овладели важнейшим железнодорожным узлом и сильным опорным пунктом обороны немцев на гомельском направлении городом Унеча».

А вот положенных при таких успехах орденов почему-то не последовало. Видимо, сам «хозяин» решил, что для молодого полководца

пока достаточно. Вот только после войны фланговый удар М. М. Попова вошел во все учебники по оперативному искусству.

Доктор исторических наук Ф. Д. Свердлов не однажды будет повторять своим слушателям: «Как рассказывал нам в Военной академии имени М. В. Фрунзе сам М. М. Попов, принять такое ответственное решение помимо умения предусмотреть характер действий противника ему помогла интуиция, которая, как известно, верно служит лишь подлинному полководцу».

Главный маршал авиации А. Е. Голованов за несколько дней до начала наступления Брянского фронта лично побывал у М. М. Попова вместе с Г. К. Жуковым. И вот что ему запомнилось: «Присутствуя при докладе Попова Жукову о положении дел на фронте и наметках предварительного решения на предстоящее наступление войск фронта, слушая его ответы на задаваемые Жуковым вопросы, я увидел человека необычного склада ума. Попов отлично знал свои войска, не задумываясь, со знанием дела, коротко и ясно отвечал на любые вопросы Жукова, не являвшиеся для него неожиданностью. Для ответа командующему Брянским фронтом не требовалось времени и каких-либо уточнений, предельно ясный, немногословный доклад шел без бумаг или записей.

Все это показывало, что перед нами недюжинных способностей человек, не только отлично знающий дело, на которое он поставлен, но и прекрасно образованный в военном отношении. В то же самое время доклад Попова носил, я бы сказал, какой-то несколько театральный, показательный характер. Мне не приходилось видеть до этого ни одного командующего, который столь свободно, я не говорю здесь развязно (это слово хотя и вертится на языке, однако применимо здесь быть не может, но грань эта все же где-то близко), держался бы и говорил таким тоном, который необычен в общении подчиненного со старшим начальником. Положительного впечатления такой тон на меня не произвел, хотя и каких-либо претензий предъявить было нельзя.

Присутствуя не один раз при докладах различных командующих Жукову, я по его поведению и выражению лица совершенно отчетливо видел удовлетворенность как докладом, так и ответами Попова. Когда мы остались одни, я сказал Жукову о том необычном впечатлении, которое у меня осталось от знакомства с Поповым. Георгий Константинович улыбнулся и сказал:

– Это кажется поначалу, когда его как следует еще не знаешь. В действительности это дисциплинированный, образованный и очень способный командующий. Таких не особенно много. Узнаешь его ближе, и

впечатление у тебя о нем будет совсем другое.

Во время обеда, за дружеской беседой я увидел перед собой очень простого, добродушного и веселого собеседника. Находясь некоторое время в штабе Брянского фронта как во время подготовки операции, так и в ходе ее, я отметил и то, что Маркиан Михайлович Попов резко отличался от некоторых командующих в своем общении с подчиненными. Даже во время наступления, когда, встречая упорное сопротивление, войска не на всех участках фронта могли полностью выполнить поставленные перед ним задачи, несмотря на нажим сверху, Попов не переносил имевшую место некоторую нервозность на своих подчиненных. Он весьма вежливо разговаривал со своего командного пункта с командующими армиями, поддерживал у некоторых из них необходимую бодрость, когда не все получалось так, как было предусмотрено. Такая моральная поддержка, на мой взгляд, ценнее иной раз любой награды».

Александр Евгеньевич особо отмечал, что генерал Попов своим поведением и общением с подчиненными очень походил на К. К. Рокоссовского. «Нечего греха таить, – напишет он, – были у нас и такие, прямо надо сказать, неплохие командующие, но которые во время боя проявляли неуравновешенность, нервозность. Я знал таких командующих армиями и других командиров, которые не один раз побывали на том свете при разговоре по телефону с командующим фронтом, а после проведения той или иной операции получали награды вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза...

У каждого свой стиль работы, но в глазах подчиненных безусловно непоколебимый авторитет и доверие имеют тот командующий или командир, которые не теряют присутствия духа и уравновешенности даже в наисложнейших обстоятельствах. За таким командиром солдат пойдет, как говорится, в огонь и в воду. В этих вопросах авторитет Маркиана Михайловича Попова в войсках был на высоте».

Командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта

Осень 1943 г. запомнилась начальнику штаба Брянского фронта сухой и погожей. «На порыжевшей, поникшей траве тончайшими нитями поблескивали на солнце кольца паутины, – свидетельствует Л. М. Сандалов. – Заметно поредевшие Брянские леса поражали глаз буйством красок: оранжевых, коричневато-охристых, бледно-оливковых. И когда эта смесь цветов и оттенков вместе с бирюзовым простором неба отражалась в каком-нибудь лесном озерке, то дух захватывало от такой щедрой красоты. Стояла удивительная тишина. Даже обычного приглушенного гула канонады не было слышно. И как-то не верилось, что еще несколько дней назад здесь шли тяжелые бои. Шум боя сменился глухим шепотом вековых могучих деревьев, и только торчавшие по обе стороны дорог расщепленные и обгоревшие деревья да видневшиеся то тут, то там присыпанные опавшими листьями края воронок напоминали о том, что совсем недавно по этим лесным дорогам прогремела война».

В один из таких погожих октябрьских дней генерал Сандалов возвращался на «виллисе» из войск первого эшелона. Очень хотелось привести себя в порядок перед заседанием Военного совета фронта. Но не успел он войти в свое временное пристанище и приготовить бритвенный прибор, как раздался стук. Ординарец командующего фронтом сообщил о срочном вызове: «Стерев с лица мыльную пену, выхожу из избы и сажусь в машину, стараясь угадать, зачем так срочно понадобился командующему».

До заседания Военного совета еще часа три. Стало быть, что-то другое, тоже, видимо, важное и срочное. Это предположение превратилось в уверенность, когда я переступил порог хорошо знакомого сборного деревянного домика и увидел Маркиана Михайловича, мрачно шагавшего из угла в угол.

– Вот почитайте! – Попов ткнул рукой в бумагу, лежавшую на просторном столе, покрытом картой с нанесенной на ней обстановкой в полосе фронта.

Это была телеграмма из Ставки Верховного Главнокомандования. Я торопливо пробежал взглядом по строчкам. Нам предписывалось большую часть войск передать соседнему слева Центральному фронту генерала армии К. К. Рокоссовского, а фронтовому управлению Брянского фронта с 11 – й гвардейской армией генерал-полковника И. Х. Баграмяна, 15-й

воздушной армией генерал-лейтенанта авиации Н. Ф. Науменко, фронтовыми танковым и артиллерийским корпусами, а также со значительной частью артиллерийских, танковых, инженерных и других специальных соединений, частей и учреждений срочно передислоцироваться в район севернее Великих Лук.

– Ну как вам это нравится? – спросил Попов.

– Пока понимаю мало, – озадаченно ответил я.

– Я тоже, – сказал Маркиан Михайлович.

Мы молча смотрели на карту, стараясь вникнуть в причины решения, принятого Ставкой. Оно поступило к нам в те дни, когда войска Брянского фронта неожиданным для противника фланговым ударом из района Кирова разгромили оборонявшуюся в Брянских лесах сильную немецкую группировку и освободили Брянск. Знаменитые, раскинувшиеся на сотни километров леса, свидетели легендарной двухлетней героической партизанской войны, были целиком очищены от фашистов. Из искусно замаскированных лесных убежищ вышли и соединились с войсками многочисленные партизанские отряды. Наши войска пробились на открытую ровную местность и, используя солнечную, сухую погоду, безостановочно погнали врага на запад, к Днепру. В первых числах октября 1943 года армии Брянского фронта овладели городами Унеча, Кричев, Новозыбков и подошли к рекам Проня и Сож. Командующий фронтом уже готовил прорыв вражеской обороны на Соже и нацеливал удар на Рогачев. Штаб фронта планировал сроки выхода войск к Днепру.

Конечно, все наши мысли были об этом, и смысл решения Ставки мы как следует поняли несколько позже.

– Ну что ж... Приказ есть приказ. Приступим к его выполнению, – произнес после долгого молчания Маркиан Михайлович. – По-видимому, у Ставки есть веские основания для переброски нашего фронта на север...

Слушая командующего, я размышлял о том, что следовало немедленно предпринять штабу фронта. Работа предстояла большая и сложная. Требовалось, прежде всего, спланировать переброску большого количества людей и техники, произвести расчеты потребных транспортных средств, времени, составить четкие графики движения, дать необходимые заявки и организовать контроль их выполнения. Кроме того, мы должны были в самые сжатые сроки передать часть войск Центральному фронту.

Времени терять было нельзя, поэтому, согласовав с командующим необходимые распоряжения, я направился в помещение штаба».

Лишь спустя некоторое время представитель Ставки генерал Н. Н. Воронов пояснил:

– Намечается крупная наступательная операция нескольких фронтов на северо-западе. В этой операции вашему фронту отводится важная роль.

«В первых числах октября 1943 года фронтовое управление Брянского фронта, – продолжает свой рассказ генерал Сандалов, – и переброшенные на новое направление его войска вместе с силами, принятыми от Северо-Западного и Калининского фронтов, получили название Прибалтийского фронта. В его состав вошли 1-я и 3-я ударные, 6-я и 11-я гвардейские, 22-я и 15-я воздушная армии. После моего прибытия на фронтовой КП – 11 или 12 октября – командующий фронтом собрал всех руководящих работников штаба и фронтовых управлений на совещание. Показывая на большую, повешенную на стене карту с нанесенной на ней обстановкой, М. М. Попов сказал:

– От Ставки и Генерального штаба я получил разъяснение, что нас перебросили сюда с ближайшей задачей ударами на Идрицу, на Пустошку и Остров помочь Ленинградскому и Волховскому фронтам в наступательной операции по разгрому главных сил немецко-фашистской группы армий "Север" и по окончательному, полному снятию блокады с Ленинграда. В последующем вместе с этими фронтами мы будем освобождать Прибалтику. Во второй половине января, – продолжал командующий, – войска Ленинградского и Волховского фронтов одновременным ударом соединились в районе севернее Синявино и создали южнее Ладожского озера коридор шириной 8—11 километров. Кольцо вражеской блокады было прорвано. Через образовавшийся коридор войска, обороняющие Ленинград, и его жители получили прямую сухопутную связь со страной. Стало быстро улучшаться обеспечение войск боевой техникой и боеприпасами, а героического населения Ленинграда – продовольствием. Однако противник несколько раз проводил операции с целью закрытия этого узкого коридора...

– Каково же будет наше участие в этом деле? – спросил начальник политуправления фронта генерал-майор А. П. Пигурнов.

– Против войск нашего фронта действует 16-я немецкая армия, – стал пояснять М. М. Попов. – Имеются данные, что из этой армии намечается переброска нескольких пехотных дивизий и бригад к Ленинграду для участия в операции по закрытию пробитого нашими войсками коридора в кольце блокады. Поэтому Ставка предложила нам немедленно провести несколько частных наступательных операций, чтобы сковать главные силы 16-й немецкой армии и не допустить переброску ее войск под Ленинград... По телефону из Ставки мне сказали, что она учитывает богатый опыт фронтового управления бывшего Брянского фронта в подготовке крупных

операций, в частности успешное руководство Орловской и Брянской наступательными операциями. Кроме того, мне напомнили о том, что накануне войны я был командующим Ленинградским военным округом, а в первые ее месяцы командовал Ленинградским фронтом и знаю местные условия, что тоже принято во внимание. Наш Прибалтийский фронт, – продолжал командующий, подходя к висевшей на стене карте, – имеет в первом эшелоне от озера Ильмень до Невеля три армии: на правом фланге 1-я ударная, в центре – 22-я и на левом фланге – 3-я ударная. За последней сосредотачивается из полосы Калининского фронта 6-я гвардейская армия. Туда же выдвигается с юга 11-я гвардейская армия Баграмяна с 5-м танковым корпусом, а также танковые и артиллерийские силы бывшего Брянского фронта.

– Не забудьте, что за правобланговой армией фронта сосредоточился двухдивизионный 8-й эстонский стрелковый корпус генерал-майора Пэрна, – подал реплику Пигурнов. – При нем находится группа членов ЦК Компартии и правительства Эстонии. А в тылу 22-й армии расположена 43-я латышская гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Бранткална. Бюро ЦК Компартии и правительство Латвии внесли предложение в Ставку развернуть дивизию в латышский стрелковый корпус...

Последним на этом совещании выступил со справкой начальник связи фронта генерал-майор Панин. Он сообщил, что с Москвой, соседями и армиями установлена связь телеграфная и по телефону ВЧ, а также и по радио.

– Средствами связи нам очень помог штаб Северо-Западного фронта, – сказал он в заключение.

В тот же день командующий фронтом и я с группой офицеров штаба и фронтовых управлений выехали в армии.

* * *

С 20 октября 1943 года наш фронт стал называться 2-м Прибалтийским, а Калининский фронт генерала армии А. И. Еременко был переименован в 1 – й Прибалтийский».

В связи с особой важностью предстоящей операции Маркиана Михайловича вызывают к Сталину дважды. 8 октября 1943 г. он входит в его кремлевский кабинет в 19.15 и находится там до 20.30 в присутствии генералов Антонова и Штеменко. 23-го он заходит к вождю, уже как командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта в 20.05 вместе с

Молотовым, Ворошиловым, Щербаковым, Маленковым, Берией и генералами Антоновым, Штеменко, Вороновым. Выходит вместе с Антоновым, Штеменко, Вороновым в 23.25.

Преклоняющийся перед полководческим талантом М. М. Попова Ф. Д. Свердлов (полковник, фронтовик, доктор исторических наук, профессор Военной академии им. Фрунзе) оставит нам о генерале Попове следующее воспоминание: «Первая встреча с генералом армии М. М. Поповым состоялась в конце октября 1943 года. Управление Брянского фронта, которым он командовал, было переброшено в район Великих Лук. Фронт стал именоваться 2-м Прибалтийским. Тут же из района Брянска была направлена наша 11 – я гвардейская армия. Дивизии двигались эшелонами, а командующий армией генерал-полковник И. Х. Баграмян с небольшой оперативной группой, в состав которой входил и я, на двух автомашинах выехали вперед, на командный пункт фронта. М. М. Попов встретил И. Х. Баграмяна и всю группу очень радушно, сразу пригласил к обеду. За столом поддерживал непринужденную беседу, много шутил.

– На фронте, – говорил он, – сейчас ударная и три гвардейские армии. Следовательно, и фронт должен именоваться гвардейским!

Затем он пригласил И. Х. Баграмяна к карте, ввел в курс обстановки, дал задание на предстоящую наступательную операцию, сообщил о средствах усиления, дал ряд указаний по взаимодействию с соседними армиями и авиацией.

И все это четко, ясно, коротко, без каких-либо записей. Видно было, что он тщательно продумал замысел операции и задачу войск. Произвели впечатление уверенность, с какой ставилась задача, и внешний вид командующего фронтом. Он был высокого роста, стройный и подтянутый, форма сидела на нем, как влитая.

Красивое, благородное лицо, четкая речь подчеркивали его волю и решительность. (...)

По дороге на новый КП армии И. Х. Баграмян много рассказывал о М. М. Попове:

– Он очень интересный человек, – говорил Иван Христофорович. – Хорошо с ним познакомился, когда вместе учились в Военной академии имени М. В. Фрунзе в начале тридцатых годов, правда, я на курс старше. Учеба давалась ему легко: большой командирский опыт, неплохое образование. Он ведь из дворян – голубая кровь. Правда, отец его учитель.

Маркиан Михайлович был известен в академии не только как старшина курса, не только своими острыми выступлениями на семинарах и

заседаниях военно-научного общества, но и как душа всех наших слушательских вечеров отдыха...»

Ценные слова...

Генерал В. М. Шатилов был командиром 182-й стрелковой дивизии, когда их армию передали 2-му Прибалтийскому фронту. В своих мемуарах о новом командующем он напишет только теплые слова: «Оставшиеся войска Северо-Западного фронта подчинили вновь образованному 2-му Прибалтийскому фронту, командующим которого был назначен генерал армии Маркиан Михайлович Попов.

Мы слышали много хорошего об этом военачальнике, обладавшем большим боевым опытом, глубоким знанием оперативного искусства, решительном и смелом в любой самой тяжелой обстановке. Генерал армии Попов был прост и внимателен в обращении с подчиненными и не стеснялся посоветоваться, расспросить командиров дивизий и полков».

Командующий 11-й гвардейской армией генерал Баграмян от Москвы до Великих Лук добирался трудно: «До Торжка мы ехали по Ленинградскому шоссе, а затем свернули на запад и пробирались по дорогам, проложенным в заболоченных лесах. Лишь на следующий день мы добрались до деревни Крупошево, недалеко от которой, на берегу озера Псово, расположился штаб армии». На следующий день он выехал к М. М. Попову: «Оценивая сложившуюся обстановку, генерал М. М. Попов сказал, что гитлеровское командование, как видно, не только будет упорно удерживать выгодные для него рубежи на подступах к Невелю, но обязательно попытается встречными ударами перехватить горловину и уничтожить наши войска, выдвинувшиеся сюда. После обмена мнениями о возможных контрмерах Маркиан Михайлович, обращаясь ко мне, сказал:

– Чтобы разрядить обстановку в районе Невеля, вам, Иван Христофорович, надо продумать вопрос об организации сильного удара на Новосokolьники, чтобы во взаимодействии с шестой гвардейской и третьей ударной разгромить нависающую с севера над Невелем группировку противника.

Это решение я счел вполне целесообразным.

Во время этой беседы М. М. Попов, рассказывая о своей поездке в 3-ю ударную армию, не поспешил на похвалы ее командующему генерал-лейтенанту К. Н. Галицкому, являвшемуся, по его словам, стойким, мужественным и всесторонне эрудированным военачальником.

На следующий же день в наш штаб поступил приказ о выдвигании армии к линии фронта для прочной обороны полосы от села Островки до озера Большой Иван и о подготовке удара на Новосokolьники. Началась

будничная фронтовая работа по подготовке к боям на новом направлении».

А теперь попробуем представить, с какими трудностями пришлось столкнуться Маркиану Михайловичу на новом направлении. Для начала это переброска всех сил и средств фронта на расстояние свыше 500 км. Притом что маршруты его войск проходили по тылам двух фронтов (Западного и Калининского). Трудно себе даже представить, каких трудов стоило перевезти массы людей и боевой техники, чтобы не помешать снабжению этих фронтов, ведущих бои. Но это было еще только начало...

Как вспоминал заместитель командующего 2-м Прибалтийским фронтом М. И. Казаков, «в октябре нас терзали противоречивые соображения. С одной стороны, Ставка Верховного Главнокомандования ставила перед фронтом глубокие задачи, что требовало предварительного сосредоточения всех сил, тщательной организации тылов. А с другой – слабость неприятеля, каким он нам представлялся, побуждала к немедленным действиям. К этому же обязывала и директива Ставки от 8 октября. В ней недвусмысленно говорилось: "Войскам Прибалтийского фронта, не ожидая окончательного сосредоточения всех сил, не позже 15 октября перейти в наступление".

Генерал армии М. М. Попов со штабом и командующими родами войск прибыли в новый район 11 октября. К 15–20 октября под Великими Луками сосредоточились уже 22-я и 3-я ударная армии, в районе Торопца и Селижарова находилась 20-я армия, туда же прибыли три дивизии 6-й гвардейской армии.

Из этих войск такой энергичный командующий, как М. М. Попов, мог, конечно, создать ударную группировку и начать наступление если не 15-го, то наверняка 25 октября. К этому сроку 6-я гвардейская армия завершала перевозку остальных дивизий и частей.

Однако жизнь опять внесла свои коррективы. (...)

Стремясь поскорее разгромить врага, мы начали проводить частные операции, не связанные общим замыслом и планом.

28 октября 22-я армия развернула боевые действия севернее Новосокольников, имея целью разгромить 205-ю пехотную дивизию гитлеровцев. Однако эта цель достигнута не была, операция успеха не имела.

Затем активизировалась 3-я ударная армия. Силами четырех стрелковых дивизий, трех танковых бригад и армейской артиллерии она предприняла удар по невельской группировке противника. 2 ноября после непродолжительной артиллерийской подготовки 28-я и 146-я стрелковые дивизии, наступавшие в первом эшелоне, сравнительно легко прорвали

вражескую оборону в районе станции Новохованск и стали развивать успех в северо-западном направлении. 46-я гвардейская стрелковая дивизия, находившаяся во втором эшелоне, направилась в обход Турки-Перевоза и Усть-Долыссы на Пустошку.

Для противника это оказалось неожиданным и опасным. Командование немецкой 16-й армии, не имея здесь резервов, не смогло в первые дни организовать серьезного сопротивления. За несколько дней 3-я ударная армия сделала большую вмятину в неприятельской обороне и создала реальную угрозу перехвата коммуникаций.

Я в это время по распоряжению командующего фронтом находился в 46-й гвардейской стрелковой дивизии. Преодолевая сопротивление слабых групп противника, она продвигалась по 25–30 километров в сутки. Кроме разрозненных боевых частей на пути дивизии встречались полицейские формирования, боровшиеся до того с партизанами. Мне казалось, что все идет очень хорошо и в ближайшие дни Пустошка будет в наших руках. В штабе фронта уже планировали ввод в бой войск 6-й гвардейской армии для развития наступления в общем направлении на Идрипу.

С командного пункта 46-й дивизии, расположившегося на северном берегу озера Жадро, я видел дым над пустошкинским железнодорожным вокзалом, и это внушало большие надежды. Мы не сомневались, что, потеряв Пустошку, противник незамедлительно начнет отход из Новосokolьников, Маева, Невеля.

Однако все обернулось иначе. Подкрепления неприятеля подошли раньше, чем мы рассчитывали, и наше продвижение застопорилось. К 6 ноября пришлось закрепиться на рубеже: Великое Село, Турки-Перевоз, Усть-Долыссы, озеро Уцо, Паново, Васютино, озеро Березно, западный берег озера Неведро, озеро Явно. Южнее, на озеро Неведро, Краснополье, озеро Неключ, озеро Мелкое, выдвинулись войска 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта.

Положение невельской группировки врага, конечно, осложнилось. Важные ее коммуникации оказались перехваченными. У немцев оставался здесь теперь только один железнодорожный выход на запад и одно шоссе через Идрипу.

Но и нашим двум армиям, действовавшим в выступе западнее Невеля, нельзя было завидовать. С главными силами их соединяла горловина шириной всего в 12–13 километров. Она простреливалась артиллерией и минометами. Снабжение войск общей численностью до пятнадцати дивизий, а также эвакуация раненых и поврежденной техники осуществлялись под огнем.

Разграничительная линия между 3-й и 4-й ударными армиями проходила примерно по центру горловины (она же являлась границей между 2-м и 1-м Прибалтийскими фронтами). Ответственность за горловину несли обе армии. Это, разумеется, затрудняло управление движением транспорта. Давала знать о себе и осенняя распутица: она так испортила проселки, что по ним могли двигаться только автомобили-вездеходы, да и то с половинной нагрузкой и со скоростью не более 5–8 километров в час.

Оценив остроту обстановки, М. М. Попов подтянул к горловине часть соединений 6-й гвардейской армии, а в самой горловине, в деревне Дубище, через которую протянулось шоссе Невель – Полоцк, разместил ВПУ фронта под моим руководством. Конечно, ВПУ – это не боевая часть, но присутствие его в таком месте укрепляло в войсках уверенность, что наши дела неплохи.

Дубище – чистенькая деревушка. Все дома и постройки в ней были целы, только жителей не оказалось: их эвакуировали в тыл. Вечером 6 ноября меня навестил здесь командующий фронтом. Он на месте ознакомился с обстановкой, затем мы обменялись соображениями о возможных вариантах продолжения наступления и поздно вечером разошлись на отдых. А с утра 7 ноября гитлеровцы начали сильный артиллерийский обстрел Дубища. Мы потеряли нескольких офицеров, и я уговорил Маркиана Михайловича покинуть ВПУ.

Огневое нападение противника повторялось многократно. Потом он атаковал нашу горловину и, несмотря на упорное сопротивление, сузил ее еще на три-четыре километра. Материальное обеспечение и управление боевыми действиями 3-й и 4-й ударных армий совсем затруднились. Вместо продолжения наступления они вынуждены были отбиваться. Но и это удавалось не всегда. Пришлось задействовать дополнительные силы, в том числе танковую бригаду. Лишь после этого положение стабилизировалось. Выполнение же задач, ради которых был создан 2-й Прибалтийский фронт, получило дальнейшую оттяжку.

Активное противодействие противника не прошло мимо внимания Ставки. Директивой от 12 ноября она обязала нас приостановить наступление и прочно удерживать занятые позиции. Одновременно с этим из состава 6-й гвардейской армии изымались две стрелковые дивизии и корпусное управление, а из резерва фронта забиралась 5-й танковый корпус и отдельная танковая бригада. Все это передавалось 1-му Прибалтийскому фронту для наращивания удара в направлении Полоцк, Городок.

Невельская операция не прошла бесследно. Она дала понять противнику, что 2-й Прибалтийский фронт серьезно угрожает его глубоким тылам, его войскам под Ленинградом, Псковом и Новгородом. Чтобы укрепить свое общее положение в Прибалтике, командование группы армий "Север" вынуждено было перебрасывать к Невелю, Идрице и Пустошке все новые и новые подкрепления. За октябрь, ноябрь и декабрь 1943 года против нашего фронта появились 290, 81,239, 218, 24, 30, 132 и 31-я пехотные дивизии, снятые с других прибалтийских направлений.

И все-таки такими результатами мы не могли быть довольны. Нам удалось лишь оттянуть на себя значительные силы противника, но не разгромить их и даже не создать выгодного оперативного положения для последующих наступательных действий. Войска 3-й ударной и 6-й гвардейской армий крепко завязли в лесисто-болотистой и озерной местности на юго-востоке Псковской области, а также под Новосokolьнаками и Пустошкой. 20-й армии не стало совсем: ее дивизии еще в октябре – ноябре действовали в составе 3-й ударной, а управление было выведено в резерв Ставки. 11-я гвардейская в конце ноября тоже ушла от нас на 1 – й Прибалтийский фронт. Лишились мы и многих превосходных генералов: убыли, в частности, генерал-полковник И. Х. Баграмян, назначенный на пост командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта, и генерал-лейтенант К. Н. Галицкий, принявший от Баграмяна 11-ю гвардейскую армию.

Все это, естественно, снизило возможности 2-го Прибалтийского фронта».

И. Х. Баграмяна в Ставку вызвали неожиданно для всех. И это в самый разгар подготовки его армии к наступлению. От предложения занять должность командующего войсками Прибалтийского фронта он, естественно, не отказался. Но за этим последовали совсем неприятные неожиданности...

– Мы решили передать одиннадцатую гвардейскую армию в состав войск Первого Прибалтийского фронта и возложить на вас задачу разгромить городокскую группировку войск противника и в последующем овладеть Витебском, – весело сказал Сталин.

– Приложу все свои силы для выполнения поставленной задачи, – заверил вождя Баграмян и добавил: – Но дело в том, что генерал Попов изъял из одиннадцатой гвардейской первый танковый корпус генерала Буткова и восемнадцатую гвардейскую стрелковую дивизию генерала Завадовского.

– Что касается танкового корпуса, то я вас вполне понимаю, и мы

поправим товарища Попова, а о дивизии не стоит и говорить. Ведь в ней сейчас наверняка не больше половины штатной численности...

Но генерал-полковник И. Х. Баграмян продолжает просить Верховного вернуть 18-ю гвардейскую, так как она в составе армии сражается давно и речь идет о заслуженной дивизии...

– Слышите, как дерется новый командующий фронтом за каждую дивизию и за гвардейские традиции! Это, по-моему, похвально, – обращается к присутствующим Сталин и тут же приказывает соединить его с генералом армии Поповым, у которого буквально потребовал вернуть в 11-ю гвардейскую армию 1-й танковый корпус и 18-ю гвардейскую дивизию.

Вся эта сцена происходила в кремлевском кабинете вождя 17 ноября 1943 г. Среди присутствующих, кроме Сталина и Баграмяна, В. М. Молотов, а также генералы А. И. Антонов (генерал армии, 1 – й заместитель начальника Генерального штаба) и СМ. Штеменко.

О том, что было дальше рассказывает сам И. Х. Баграмян:

«– Есть ли у вас пожелание, – обратился ко мне Сталин, – относительно кандидатуры на должность командарма одиннадцатой гвардейской? Мы здесь, в центре, подумали и пришли к выводу, что неплохо было бы на эту армию назначить опытного командующего – Героя Советского Союза генерал-полковника Чибисова. Как вы смотрите на это назначение?»

Предложение кандидатуры Н. Е. Чибисова было для меня несколько неожиданным, и я не торопился с ответом, чтобы лучше его обдумать.

– Что же вы не отвечаете? – спросил Сталин. – Или имеете что-либо против Чибисова?

Собравшись с мыслями, я ответил, что если вопрос еще не решен окончательно, то я порекомендовал бы другую кандидатуру. Чибисов, безусловно, опытный командующий. Однако надо иметь в виду, что, когда он после финской кампании стал генерал-лейтенантом, я был всего-навсего полковником. Чибисов об этом, конечно, знает, и это в какой-то мере может усложнить наши взаимоотношения.

– А у вас есть кто-нибудь на примете? – спросил Сталин, не теряя благодушного тона.

– Я предлагаю генерала Галицкого, нынешнего командарма Третьей ударной.

– А вы давно его знаете? – снова спросил Сталин.

– Нет, – ответил я, – видел всего несколько раз, присутствуя на его докладах генералу Попову, но он произвел на меня очень хорошее

впечатление своей собранностью, твердостью, умением быстро вникать в боевую ситуацию, точно сориентироваться в ходе боевых событий. Вместе с тем этот генерал хорошо знаком с обстановкой в районе Невеля, так как именно его войска сыграли основную роль в овладении этим пунктом.

– Что же, – ответил Верховный Главнокомандующий, – ваши доводы заслуживают внимания.

Сказав это, Сталин о чем-то задумался, раскуривая трубку, а затем энергично нажал на кнопку звонка. Сейчас же в кабинет вошел Поскребышев.

– Подготовьте проект Постановления Совета Народных Комиссаров о присвоении товарищу Баграмяну звания генерала армии, – повернувшись к вошедшему, сказал Верховный и спросил: – Кто-то еще из командующих фронтами ходит в генерал-полковниках?

– Командующий Ленинградским фронтом Говоров, – не задумываясь, ответил А. Н. Поскребышев.

– Включите в проект Постановления и товарища Говорова, – распорядился Сталин и обернулся к Алексею Иннокентьевичу: – Как вы думаете, товарищ Антонов, присвоение звания генерал-полковника товарищу Штеменко поможет ему в работе?

– Конечно, – ответил генерал Антонов.

Тогда, вновь обращаясь к Поскребышеву, Верховный сказал:

– Включите в проект Постановления товарищей Баграмяна, Говорова и Штеменко.

Спустя десять минут документ был подписан, и Сталин сердечно поздравил меня и СМ. Штеменко с новыми высокими воинскими званиями и моим назначением на пост командующего фронтом, пожелал успехов в проведении предстоящей операции.

На должность командующего 11-й гвардейской был назначен генерал-лейтенант К. Н. Галицкий, а вместо него на пост командарма 3-й ударной генерал-полковник Н. Е. Чибисов.

На следующий день я отправился к новому месту службы...»

Вот именно при таких обстоятельствах возможности 2-го Прибалтийского фронта были снижены.

А тем временем действия 3-й ударной армии были успешными. Воспользовавшись теплой и сухой погодой, ее соединения освободили огромный лесисто-болотистый район западнее Невеля. Как свидетельствует офицер штаба этой армии Г. Г. Семенов, «сделали мы это без особых трудов, так как этим районом владели в основном партизаны, а немцы занимали лишь отдельные населенные пункты. Оттеснив противника, 3-я

ударная вышла на подступы к городу Пустошка. Действовавшая левее нас 4-я ударная армия, тоже втянувшаяся в партизанский край, приблизилась к Полоцку. Для противника это было неприятным сюрпризом. Но и наши ударные армии оказались в очень трудном положении».

Начальник штаба фронта генерал Сандалов пишет об этом более скрупулезно: «В первых числах ноября нанесла удар из района Невеля в направлении на северо-запад, на Пустошку, левофланговая 3-я ударная армия генерал-лейтенанта Кузьмы Никитовича Галицкого. Эта армия в течение первой недели октября блестяще провела в составе Калининского фронта Невельскую наступательную операцию, разгромила вражеские части под Невелем и освободила город. И вот теперь силами четырех дивизий и трех танковых бригад, поддержанных всей армейской артиллерией, она неожиданно для противника возобновила наступление от Невеля, успешно прорвала вражескую оборону и стала быстро продвигаться к Пустошке. Воспользовавшись успехом нашей левофланговой армии, перешла в наступление и примыкавшая к ней правофланговая 4-я ударная армия 1 – го Прибалтийского фронта. Она стала продвигаться на запад, к озеру Нещердо, и частью сил на юго-запад, к Полоцку.

Уже через три дня после начала наступления войска этих армий продвинулись свыше 30 километров в глубину и расширили прорыв более чем на 40 километров по фронту. Такое удачное наступление наших войск к западу от Невеля обуславливалось в значительной мере тем, что этим лесисто-болотистым районом владели в основном партизаны, а немецкие части, главным образом военно-полицейские отряды по борьбе с партизанами, занимали лишь отдельные опорные пункты. В результате успешного продвижения в районе Невеля войска фронта охватили 16-ю немецкую армию с юга.

Немецкое командование было серьезно обеспокоено возможностью глубокого прорыва наших войск от Невеля. Ведь здесь и у него был один из самых уязвимых участков, так как тут проходил стык групп армий "Север" и "Центр". Поэтому оно в самом начале наступательных действий нашего фронта стало использовать все имевшиеся возможности для усиления 16-й армии, снимая войска с других участков и из резерва. На невельское направление, например, были направлены дивизии, подготовленные к отправке под Ленинград.

Эти данные о противнике мы получили через агентурную разведку штаба Северо-Западного фронта, вся сеть которого к тому времени была передана штабу нашего фронта. Еще активнее снабжали нас сведениями о

тыловых районах противника и его войсках действовавшие там партизаны».

К 10 ноября фланговые ударные армии двух Прибалтийских фронтов продвинулись более чем на 50 километров и расширили прорыв в глубине обороны противника до 60-ти. Но тут, по свидетельству генерала Л. М. Сандалова, «поставив врага в опасное положение, наши войска оказались растянутыми по 60-километровой дуге, причем на некоторых участках между частями образовались разрывы».

Оказывается: «...образованная горловина прорыва наших войск, которая вначале достигала 10 километров, в результате нескольких вражеских контрударов с севера и юга подброшенными сюда свежими дивизиями сузилась в два раза. По этой тесной, методически обстреливаемой артиллерией противника горловине, по одной относительно проезжей дороге, и шел подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия для армий обоих фронтов. Транспортная нитка была слишком тонкой, и войска во всем ощущали недостаток. Прибывавшие в армии резервы и пополнение преодолевали горловину только в ночное время, двигаясь по колено в грязи по обе стороны дороги, по которой беспрерывно шли транспорты. Это был период осенней распутицы. Зачастили мелкие, морозящие дожди, иногда с мокрым снегом. Большое число меридиально текущих речек и ручейков, бесчисленные озера и озера, многочисленные болотистые районы, покрытые мелким лесом и кустарником, крайне затрудняли не только боевые действия и подвоз, но и передвижение частей и подразделений. Мы ездили в войска на вездеходах, а чаще верхом. Сумерки наступали рано, особенно в ненастные дни».

После одной из таких поездок командующий фронтом делился впечатлениями с начальником штаба:

«— Проскочил через горловину под неприятельским огнем, как заяц, несколько раз "виллис" застревал, бойцы помогали вытягивать его из грязи. Да, воевать на этой земле потруднее, чем было на Орловщине или на Брянщине!

И. В. Сталин очень интересовался в то время обстановкой на нашем фронте и не раз звонил генералу М. М. Попову по телефону ВЧ. В частности, он беспокоился:

– Не думаете вы, что противник заткнет горловину и наши войска западнее Невеля очутятся в кольце?

Командующий фронтом заверил Верховного, что он и командующий 1-м Прибалтийским фронтом усилили оборонявшие горловину войска артиллерией и инженерными средствами, что не позволяет врагу

перерезать горловину. А как только подойдет армия И. Х. Баграмяна, он ее и 6-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта И. М. Чистякова с двумя танковыми корпусами введет для развития прорыва на Идрипу.

И. В. Сталин, по словам Попова, согласился с ним.

16 ноября А. И. Антонов позвонил по ВЧ М. М. Попову.

– Верховный приказал вам и 1-му Прибалтийскому перейти временно в невелиском выступе к обороне, – сообщил он. – А на участках других армий вашего фронта продолжать частные наступательные операции. Директиву об этом получите. Имейте в виду, что 1-й Прибалтийский фронт в ближайшие дни начнет наступательную операцию в направлении на Городок. Освобождение этого города откроет нашим войскам выгодную возможность обхода Витебска и всего левого фланга группы армий "Центр" с севера. К тому же при ударе на Городок южная половина горловины невелиского выступа будет ликвидирована и опасность ее закрытия противником исчезнет.

– А какие задачи лягут на наш фронт для помощи соседу в этой операции? – спросил генерал Попов.

– Наступательной задачи вам поставлено не будет, – ответил Антонов. – Но должен вас огорчить: на время этой операции ваш фронт несколько "раскулачат". В командование 1 – м Прибалтийским фронтом вступает вместо Еременко Иван Христофорович Баграмян. Ему присвоено звание генерала армии. Вы передаете Баграмяну один стрелковый корпус из 6-й гвардейской армии. На должность командующего 11-й гвардейской армией уйдет от вас генерал Галицкий, а вместо него вашу 3-ю ударную армию примет генерал-полковник Чибисов. Перед межфронтной наступательной операцией по деблокированию Ленинграда к вам придет новая, равноценная передаваемой Баграмяну армия. Вместо танкового корпуса на ваш фронт в ближайшее время будет направлен кавалерийский корпус. В тех условиях, в которых вы действуете, он найдет лучшее применение, чем танковый корпус. Кроме того, вам занаряжено пополнение людьми, танками, боеприпасами и горючим...»

Все это, безусловно, огорчало Маркиана Михайловича.

Командующий 6-й гвардейской армией генерал И. М. Чистяков своего командующего фронтом знал хорошо: «На редкость уживчивый с людьми, Маркиан Михайлович как-то откровенно, если можно так сказать, любил своих товарищей, и они платили ему тем же».

А в первых числах ноября Попов посетил 6-ю гвардейскую и ввел ее командующего в обстановку, «... сложившуюся перед 2-м Прибалтийским фронтом. Он рассказал:

– Немецкое командование сконцентрировало свои силы южнее, юго-западнее и западнее Невеля, у так называемой невельской бутылки. Образовалась эта "бутылка" в октябре сорок третьего года, когда войска Первого Прибалтийского фронта под командованием генерала А. И. Еременко наступали на город Пустошка, что в семидесяти километрах западнее Невеля. Соединения третьей ударной армии продвинулись до шестидесяти километров. Противник контратаковал их во фланги, пытаясь окружить вклинившиеся соединения, но сделать этого не смог. Северо-западнее Невеля остался коридор, "горлышко бутылки", шириной пятнадцать – двадцать километров. Ныне враг беспрестанно держит его под артиллерийским и минометным обстрелом, стремится замкнуть кольцо. В "бутылке" обороняются войска третьей ударной армии и Третий кавалерийский корпус.

Через несколько дней после приезда М. М. Попова мы получили директиву фронта, в которой излагался замысел операции. 6-я гвардейская армия должна была прорвать оборону противника северо-восточнее Невеля, разгромить войска 43-го армейского корпуса, обороняющегося в дуге Новосokolьники – Невель, а затем выйти на соединение с 3-й ударной армией генерала К. Н. Галицкого, которая должна была нанести удар из района Невеля в общем направлении на северо-восток. Конечная цель армейской операции – расширение горловины "бутылки". В директиве командующего фронтом было указано, что НП командующего 6-й гвардейской армией должен быть севернее Невеля. Это означало, что мне предписывалось въехать в эту самую "бутылку". Такое решение мне показалось не совсем правильным, и я постарался доказать М. М. Попову, что командарму не следует въезжать в "бутылку", так как основные силы армии оставались вне ее. Мне же, находясь внутри, будет трудно управлять войсками.

Однако Маркиан Михайлович со мной не согласился, и я с оперативной группой отправился через горловину в "бутылку".

Сопровождавший меня майор воевал в этом районе не один день и досконально знал повадки фашистов. Он рассказывал:

– Немцы – народ пунктуальный и налеты делают всегда строго по графику, в одни и те же часы и минуты, точно соблюдая положенный интервал.

И действительно, время от времени майор предупреждал:

– Стойте, сейчас будет налет. Теперь можно ехать. Остановитесь...

Ознакомившись с обстановкой, я принял решение втянуть в "бутылку" четыре дивизии. Задача эта была нелегкая, поскольку горловина

простреливалась артиллерийским и минометным огнем насквозь. Мы приняли все меры предосторожности. Батальоны переходили по горлу "бутылки" только ночью, бросками, и артиллерию для контрбатарейной борьбы, понятно, мы держали наготове. Все прошло у нас благополучно. После того как я втянул эти дивизии в "бутылку", почувствовал, что сижу, как говорится, крепко. Но меня сильно беспокоило то, что мы плохо знали противника. Поэтому решили провести разведку боем. Для этого было выделено от каждой стрелковой дивизии по одному усиленному батальону. Перед началом этой силовой разведки к нам приехал М. М. Попов. В назначенный час он приказал провести тридцатиминутную артиллерийскую подготовку. Я сказал Г. А. Макарову:

– Ну, Георгий Андриянович, покажи противнику, на что способны наши степные артиллеристы в лесу!

И вот наша артиллерия ударила. Бьет две, три, пять минут, а ответа противника нет. В чем дело? Не успели мы высказать свои предположения, как противник открыл огонь куда посильней нашего и хлестал нас еще дольше, чем мы его. Я так и ахнул! Только через несколько дней нам стало известно, что противник на этом же направлении сосредоточил для наступления группировку в составе семи дивизий, усиленных большим количеством танков. Мы опередили его на 30–40 минут и тем самым оказались в невыгодном положении. Нам было бы, конечно, легче, если бы он раньше нас начал активные действия. Мы бы измотали гитлеровцев в оборонительном бою, а затем сами перешли в наступление.

Тем временем противник продолжал поливать нас огнем. М. М. Попов приказал снова открыть огонь на 15 минут и быть готовыми к отражению атак врага. Но тот почему-то прекратил огонь. Проходит 20–30 минут. Противник не наступает. Тогда М. М. Попов приказал начать разведку боем. Батальоны двинулись хорошо, и нам казалось, что вот-вот ворвутся они в траншеи противника, до них оставалось пробежать совсем немного. Но тут гитлеровцы открыли такой сильный ружейно-пулеметный и минометный огонь, что наши подразделения вынуждены были залечь. Положение становилось критическим: помочь своим мы уже не могли ни артиллерийским, ни минометным огнем, так как неминуемо побили бы их. И в то же время расстояние не позволяло нашим достать врага гранатами. Поняв это, гитлеровцы сами выскочили из траншей и атаковали наши батальоны. До самой темноты продолжалась жаркая схватка, однако сбить батальоны с их необорудованных позиций противник так и не сумел.

Этот бой помог нам более полно вскрыть оборону противника. М. М. Попов сделал вывод, что враг тут достаточно силен и в состоянии

сам перейти в наступление, чтобы полностью окружить войска, находящиеся в "бутылке". Он приказал мне привести соединения в полную боевую готовность и не допустить прорыва. Действительно, через несколько дней предвидение командующего фронтом сбылось: противник на нескольких участках севернее и северо-восточнее Невеля после сильной артиллерийской и авиационной обработки наших боевых порядков атаковал их. С 30 ноября восемь дней круглые сутки вели мы тяжелые бои с противником, пытавшимся прорвать нашу оборону, замкнуть коридор и окружить наши войска. Мы не могли отодвинуть противника, но и он, имея явное превосходство в силах и средствах, не смог потеснить нас».

И тем не менее в декабре 1943-го войска 2-го Прибалтийского фронта продолжали активными действиями сковывать 16-ю армию противника. Генерал Сандалов по этому поводу скажет кратко: «Оборонявшаяся в невельском выступе 3-я ударная армия периодически тревожила противника то на одном, то на другом участке. В последние дни эти частные операции предпринимались одновременно с началом наступления войск 1 – го Прибалтийского фронта на Городок. Поэтому противник не без основания ожидал удара крупных сил на идрицком направлении и вел большие работы по подготовке оборонительного рубежа, который проходил по линии река Нарва, Чудское озеро, Псков, Остров, Идрица. Ни одной дивизии из 16-й армии перебросить к Ленинграду гитлеровское командование не смогло, хотя наступления наших войск против своей 18-й армии, несомненно, ожидало со дня на день».

К середине декабря после неудачных наступательных действий юго-западнее – западнее Невеля и юго-восточнее Пустошки немцы начали отходить. Причем перед левым флангом 6-й гвардейской армии. Как уточнит генерал Чистяков, «гитлеровцам стала серьезно угрожать группировка 1-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Г. П. Короткова и 22-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. А. Юшкевича». Теперь 6-й армии предстояло во взаимодействии с войсками 3-й ударной и 22-й армий прорвать оборону северо-восточнее Невеля, наступать северо-западнее Идрица, Опочка.

Вот только где ее прорывать, вопрос был далеко не праздный: «Оборона противника на нашем участке шла по высотам и холмам между озерами Малый Иван, Большой Иван и Каратай. Ширина озер 100–200 метров, а местами и более. Правый берег, где был противник, выше, обрывист и позволял ему хорошо наблюдать нашу сторону. Нам было известно, что озера эти даже при хороших морозах глубоко не промерзают, лед их непрочен, а протоки, которыми они связаны, не замерзают и вовсе.

Так что на танки рассчитывать не приходилось.

Долго мы ломали голову, где же лучше наступать. В межозерных пространствах? Но там, по нашим сведениям, противник организовал сильную оборону, так как сидел в этих местах более двух лет. После тщательной оценки местности противника, его огневых средств все мы пришли к одному выводу – наступать через озера по льду. Переправляться по льду, к тому же ночью, нам приходилось впервые. Поэтому штабы разработали особо детальные планы и немедленно приступили к усиленным тренировкам подразделений, выделенных в передовые отряды. Для этого оборудовали специальный полигон, где создали условия, подобные тем, в каких придется действовать во время атаки. На полигоне пробивали двухметровые полыньи, через которые учили бойцов переправляться с помощью матов, палок, жердей. Очень тяжелое это дело – ночью обнаружить полынью и преодолеть ее. Важно также было научиться не потерять в темноте направление, а то выйдешь раньше товарищей и не на том месте, где следует! Днем во время тренировок офицеры завязывали себе глаза и шли вслепую. В лесу хоть можно привлечь к себе внимание воинов, подражая крику птицы – сорокой покричать или филином, а на льду не покричишь! Правда, потом многие научились подражать звуку оседающего льда: бву-бву-бву...

Все эти дни противник методично освещал лед прожекторами и ракетами. Если летит ракета, легче: сразу сильного света она не дает, можно успеть лечь. Хуже, если осветит прожектором. Тут хоть в полынью ложись сразу! Красноармейцы учились бесшумно забираться по склонам высокого берега. Это тоже сложно: нога скользит по ледяной корке, то и дело едешь назад. Тренировались каждую ночь до пота, с полной отдачей сил. Каждый воин понимал, что, если провести всю операцию бесшумно, уничтожить противника будет легко. Артподготовку мы решили не проводить – пусть противник спит, не станем будить его».

По окончании подготовки командующий фронтом приказал организовать и провести учения передового отряда и вскоре приехал: «В назначенный день М. М. Попов ознакомился с планом на предстоящую операцию, в основном остался им доволен и сказал:

– В 22 часа поедem на командный пункт обозначенного "противника".

Пригласил поехать вместе с ним меня, командиров корпусов и дивизий, передовых отрядов. Когда прибыли на место, руководитель учений командир 71-й гвардейской дивизии генерал И. П. Сиваков доложил:

– Отряды к учению готовы.

– В полночь начинайте учения.

Все мы, наострив слух, стали ждать наступающего "противника". Периодически местность вокруг нас освещалась прожекторами и ракетами. Наготове были слухачи, и мы, командиры, смотрели во все глаза. М. М. Попов курил еще отчаяннее, чем обычно, прикуривая одну папиросу от другой. Проходит час – "противника" нет. Командующий фронтом спросил:

– Иван Михайлович, идут они у тебя или не идут?

– Должны идти.

– Наверно, далеко еще. Пошлите узнать.

Прошло еще несколько минут, и вдруг метрах в десяти от нас тихое "ура-а-а!".

М. М. Попов даже привскочил, воскликнул в восхищении:

– Черт возьми, так можно и в плен угодить!

Генерал И. П. Сиваков, понятно, был очень доволен. Все произошло так, как он приказал: подползти на десять метров и тихо – "ура!".

М. М. Попов всему личному составу объявил благодарность, а особо отличившихся на учениях красноармейцев и офицеров приказал наградить ценными подарками. Эти учения я хорошо помнил и позже, в войне с Японией, применил этот способ подготовки специальных отрядов для внезапного действия.

После учений генерал М. М. Попов приказал мне:

– В ночь на 1 января, в канун нового, 1944 года, когда гуляки эти будут веселиться, под шумок занять исходное положение на своем левом фланге и пустить по льду передовые отряды. На рассвете они должны ворваться в расположение противника.

Потом еще раз переспросил:

– Значит, артподготовку решили не проводить?

– Артиллерия готова для открытия огня. По мере надобности на том или ином направлении можем ударить".

Пока командующий фронтом находился в войсках, начальник штаба по вызову из Москвы успел слетать туда и обратно на У-2. В Генеральном штабе его немедленно принял генерал армии Антонов, рассказав об окончательном замысле предстоящей операции: "По решению Ставки Ленинградский и Волховский фронты должны были разгромить 18-ю немецкую армию, в то время как на 2-й Прибалтийский фронт возлагалась задача сковать войска 16-й армии и часть сил группы армий "Север", составлявших ее оперативный резерв. После этого все три наших фронта должны были перейти в наступление в направлении на Нарву, Псков,

Идрипу, разгромить 16-ю армию, полностью освободить Ленинградскую область.

Наступление 2-го Прибалтийского фронта планировалось первым.

В соответствии с решением Ставки нам предписывалось сначала разгромить войска противника в районе севернее Невеля, затем ударить на Идрипу и севернее Новосокольников для того, чтобы лишить врага возможности пользоваться рокадными железными дорогами, не допустить переброски его войск из состава 16-й армии под Ленинград и Новгород.

– На 2-й Прибалтийский фронт во второй половине декабря придёт с Западного фронта 10-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Сухомлина, – сказал генерал А. И. Антонов. – Несколько позже к вам подойдёт 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Осликовского».

После доклада начальника штаба Военному совету фронта о полученных указаниях Ставки генерал армии М. М. Попов вместе с ним и начальниками родов войск немедленно приступил к разработке плана операции.

«За ряд допущенных ошибок»

Главный удар 2-го Прибалтийского фронта намечался на его левом фланге силами двух армий. 3-я ударная должна была наступать на Пустошку, Опочку, а прибывающая 10-я гвардейская – на Идрицу, Зилупе. Армии же правого крыла фронта, силами двух-трех дивизий, в наступление должны были перейти на сутки раньше, приковав к себе противостоящие войска противника.

Однажды, выслушав доклад начальника штаба о ходе подготовки войск к предстоящей операции, генерал армии М. М. Попов сказал:

– Все это хорошо. Больше всего меня сейчас беспокоит одно: прибудет ли своевременно 10-я гвардейская армия...

Генерал М. И. Казаков свидетельствует: «Ставка Верховного Главнокомандования разработала новую крупную наступательную операцию, конечной целью которой являлся разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом. 2-му Прибалтийскому фронту предстояло содействовать выполнению этой задачи отвлечением противника на себя. Для того нам и дали 10-ю гвардейскую армию.

5 января, когда войска этой армии еще маршировали в район Невеля, ее командующий генерал-лейтенант А. В. Сухомлин, а также новый командарм 3-й ударной армии генерал Н. Е. Чибисов на совещании у М. М. Попова уже получили указания готовиться к наступлению. Обеим армиям были поставлены только ближайшие задачи: 3-й ударной – овладеть районом Пустошки, 10-й гвардейской – районом Идрицы. Для 3-й ударной армии готовность к наступлению устанавливалась на 9 января. Для 10-й гвардейской – днем позже.

Последнюю планировали вводить в действие частями, по мере подхода дивизий. 1 января намечалось наступление 7-го гвардейского стрелкового корпуса, в состав которого входили 312,207 и 171 – я стрелковые дивизии. За ним предполагалось задействовать 19-й и 15-й гвардейские корпуса. Их прибытие ожидалось через несколько дней».

Рано утром 30 декабря командующий 3-й ударной армией доложил командующему фронтом, что разведка боем установила ослабление обороны северной части горловины невельского выступа. По воспоминаниям генерала Л. М. Сандалова: «Главные силы противника отошли оттуда к северу для усиления обороны 43-го армейского корпуса 16-й армии на подступах к железной дороге Новосокольники – Идрица.

– У меня подготовлены на правом фланге три стрелковые дивизии с танковой бригадой для наступления на ослабленные в горловине выступы войска противника, – заявил Н. Е. Чибисов. – Разрешите мне этими силами ударить по врагу Нового года?

Командующий фронтом, посоветовавшись со мною, утвердил это предложение. Неожиданный удар войск 3-й ударной 31 декабря застал противника врасплох и у венчался у спехом. Первая позиция врага была прорвана. Новогодним вечером гитлеровцы под покровом темноты стали отходить в северном направлении. Правофланговые войска армии Чибисова начали преследование противника и всю ночь громили отступающие вражеские войска. Темнота, крепкий мороз, начавшаяся вьюга и заминированные дороги чрезвычайно затрудняли преследование врага. В деревнях пылали пожары – фашисты, уходя, сжигали дома. За ту новогоднюю ночь правофланговые дивизии 3-й ударной прошли около 10 километров. Утром 1 января наши войска приблизились к заранее подготовленному оборонительному рубежу. Попытки с ходу его преодолеть не удались».

Точно так же в Новый год отряды войск 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова, «бесшумно преодолев ледяное поле, ворвались по проделанным проходам в минных полях в траншеи противника. После короткой рукопашной схватки он был уничтожен и пленен». А дальше Чистяков рассказывает: «Обстановка диктовала нам: надо немедленно наращивать успех передовых отрядов. Я принял решение ввести в бой главные силы 51, 52, 67 и 71-й гвардейских стрелковых дивизий поэшелонно в расчлененных предбоевых порядках. Войска тоже благополучно перешли через лед, имея при себе только легкие минометы и пушки. За передовыми отрядами через лед двинулись вторые эшелоны. Противник был настолько ошеломлен, что почти не оказывал нам сопротивления. Нет, никак не ожидало немецкое командование, что мы пойдем по льду главными силами!

Теперь нам необходимо было переправить через лед танки, артиллерию, в которых так нуждалась ушедшая вперед пехота. Саперы приступили к наведению мостов через протоки. Ночь. Ветер. Мороз 25–30 градусов. Я видел, нет-нет да и соскользнет сапер в воду с бревна. Выберется, бежит к кострам, просушится и опять на мост! (...)

2 января войска армии, перейдя всеми силами в наступление, продвинулись на 6–10 километров. За два дня мы освободили около 30 населенных пунктов. Можно даже сказать, бывших населенных пунктов, потому что все деревни и села фашисты полностью разрушили. О том, что

на этом месте было человеческое жилье, напоминали лишь закопченные печные трубы, торчащие из-под снега, безмолвные символы народной беды. Не только людей, но ни одной собаки или кошки на пепелищах, все мертво.

Мы предполагали, что местные жители прячутся по лесам, поэтому, как делали это уже не раз, разбросали с самолета в лесах листовки, где сообщали местным жителям, что мы заняли такие-то населенные пункты и они могут возвращаться домой. Смотришь, через день-другой начинают выходить люди из лесу, строить на пепелищах землянки».

Словом, успехи 2-го Прибалтийского фронта пока были только небольшими. 11-го начались частные наступательные операции армий правого крыла, а 12-го в наступление перешли главные силы. Начальник штаба фронта генерал Сандалов запишет тогда: «К сожалению, опасения командующего фронтом подтвердились: соединения 10-й гвардейской армии подошли поздно, и в первый день наступления армия смогла ввести в бой с ходу только один стрелковый корпус. Лишь на другой день в сражение вступила вся армия генерала А. В. Сухомлина. По силе сопротивления вражеских войск становилось ясно, что наше наступление не явилось неожиданным для противника. Поэтому продвижение армий левого крыла фронта шло медленно, не более 2–3 километров в сутки. Особенно тяжело, со значительными потерями, наступали корпуса 10-й гвардейской армии. И это неудивительно. Ведь они только что пришли на эту незнакомую однообразную лесисто-болотистую местность. Были случаи, когда части и подразделения сбивались с заданных направлений, теряли связь со штабами и соседями.

Тем не менее армии Н. Е. Чибисова и А. В. Сухомлина в течение недельного наступления продвинулись вперед на 15–18 километров и нанесли войскам противника большие потери. Права, мощный оборонительный рубеж, созданный противником в районе городов Пустошка и Идрица, прорвать тогда не удалось.

Ударами армий левого крыла и частными наступательными операциями на правом крыле фронта мы крепко сковали войска 16-й немецкой армии. Однако разгромить группировку противника севернее Невеля мы к намеченному ранее сроку не смогли. Это, конечно, вызвало недовольство со стороны Ставки и Генерального штаба».

Недовольство Ставки, безусловно, понятно. Задача не выполнена. Цели не достигнуты. Но в чем вина командующего 2-м Прибалтийским фронтом, если путь 10-й гвардейской армии, обещанной и переданной ему Ставкой, до начала наступления был чересчур тяжелым?

Вот, например, как рассказывает об этом сын командующего 10-й гвардейской армии генерал-лейтенанта А. В. Сухомлина Владимир Александрович: «...в начале декабря 1943 г. 10-я гвардейская армия выводится из состава Западного фронта и получает задачу на перегруппировку своих войск в район Великих Лук. Она, сосредоточившись в районе Горбатово, Шеки, Шорино, Портасова, приводит себя в порядок, готовясь к маршу в район западнее г. Невель, где должна была поступить в боевой состав 2-го Прибалтийского фронта.

Марш совершался по одной дороге через Любавичи, Рудня, Демидов, Велюн, Козлово, Чурилово, Сапроново. Армия сосредоточилась в районе Мартьяново, Сапроново, Аннино, Шутово, Плаксина – все пункты южнее и юго-восточнее г. Великие Луки.

Стрелковые дивизии, полки и подразделения, имеющие автотранспорт и конную тягу, в новый район двигались походным порядком, а все средства усиления (тракторная тяга) – по железной дороге.

Марш начался 8 декабря, и в дни с 23 по 26 декабря вся армия была в новом районе, где получила пополнение людьми и перевооружилась новой техникой. С 27 декабря все соединения армии приступили к боевой подготовке.

Организация, обеспечение и проведение подобного марша, протяженностью до 250 км в зимних условиях, было не простым делом.

Трудности в организации марша состояли еще и в том, что маршрут: резал коммуникации всех армий 1-го Прибалтийского фронта; пролегал по территории, недавно освобожденной от оккупантов, на которой практически все населенные пункты были полностью или частично разрушены;

проходил через протяженные минные поля, которые расчищались только на 50—100 метров по обеим сторонам пути следования.

В этой обстановке существенно осложнялась организация отдыха, питания и медицинского обеспечения войск. Невзирая на все трудности, армия успешно справилась с поставленной задачей по передислокации на новое место назначения.

Поступив в новом районе в распоряжение 2-го Прибалтийского фронта, В. А. Сухомлин получил указание командующего фронта о предоставлении армии месячного срока для получения пополнения, новой материальной части и приведение частей в полную боевую готовность. Однако этот срок не был выдержан, и полностью программа боевой подготовки не была осуществлена, так как уже 6-го января 1944 г. армия выступила из занимаемого района тремя эшелонами.

В первом эшелоне двигался 7-й гвардейский стрелковый корпус, во втором эшелоне – 19-й гвардейский стрелковый корпус и в третьем – 15-й гвардейский корпус. Предстояло совершить марш на 80—100 км. Армия занимала полосу на стыке 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов.

7-й гвардейский стрелковый корпус, идущий в голове армии, в течение двух-трех суток готовил наступление на участке озеро Нещедро – озеро Гусино. 11 января 7-й гвардейский стрелковый корпус перешел в наступление, прорвал передний край обороны противника и успешно развернул борьбу в ее глубине. Однако к концу второго дня операции стало очевидным, что сил 7-го гвардейского стрелкового корпуса недостаточно. Пришлось вводить в прорыв постепенно подходившие дивизии 19-го и 15-го гвардейских стрелковых корпусов, что являлось крайне невыгодным с военной точки зрения делом.

К исходу 16-го января прорыв по фронту был расширен до 14 км, а вглубь доведен до 8—10 км. Однако дальнейших успехов армия не добилась, и перешла к обороне на достигнутых рубежах».

16-го же Сталин с генералом Антоновым подписывают директиву Ставки ВГК № 22008, в которой говорилось: «За 5 дней наступательных боев 10-я гв. армия Сухомлинова продвинулась вперед лишь на 5—10 километров; 3-я уд. армия Чибисова не достигла никаких результатов; 6-я гв. армия Чистякова бездействует.

Такие действия войск фронта Ставка Верховного Главнокомандования считает неудовлетворительными и требует намеченный план действий проводить в жизнь с максимальной настойчивостью и решительностью.

Особенно не удовлетворяют Ставку действия 10 гв. А, которая командармом не управляется. Предупредите об этом командующего 10 гв. А т. Сухомлина...»

Именно по этому поводу 20 января 1944-го Леонид Михайлович Сандалов долго разговаривал по телефону «...с начальником штаба Ленинградского фронта генерал-лейтенантом Д. Н. Гусевым. Сообщил ему об обстановке на нашем фронте и просил информировать о боях под Ленинградом.

– Об этом вам хочет рассказать командующий фронтом, – ответил он.

В трубке послышался глуховатый голос Леонида Александровича Говорова, хорошо знакомого мне по совместной службе в войсках и учебе в академии в довоенные годы.

– Как вы знаете, главный удар наш фронт наносит при содействии Балтийского флота двумя армиями: 2-й ударной генерала Федюнинского с ораниенбаумского плацдарма на Рошпу и 42-й генерала Масленникова из

района южнее Пушкина в направлении Красное Село, Ропша. Наступление вначале развивалось медленно. За три дня армии продвинулись на 10 километров. Только с вводом в бой подвижных групп и резервов 18 января наступил перелом. Противник начал отводить свои изрядно побитые войска. Вчера наши соединения овладели Ропшей и освободили Красное Село, а сегодня начали наступление на Кингисепп, Нарву и Гатчину...

Вечером того же дня мне позвонил начальник штаба Волховского фронта генерал-лейтенант Федор Петрович Озеров, мой однокурсник по Военной академии Генерального штаба и близкий друг. Он радостным голосом известил меня:

– Сегодня утром войска нашей 59-й армии генерал-лейтенанта Коровникова соединились западнее Новгорода, освободили город и завершили окружение части сил противника западнее его. Командующий фронтом генерал Мерецков, который сидит рядом со мной, советует вам создать сильную группировку на правом фланге и совместно с нашими соединениями развивать достигнутый успех. А то, как нам известно, наступление на идрицком направлении у вас застопорилось.

К концу суток я позвонил начальнику штаба 1-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенанту Владимиру Васильевичу Курасову и ознакомил его с обстановкой на нашем фронте. Он сказал, что командующий фронтом хочет высказать в связи с этим свое мнение. В трубке послышался голос генерала армии И. Х. Баграмяна.

– Почти целый год соседние армии наших фронтов наступают в направлении Пустошка, Идрица, – сказал Иван Христофорович. – Противник настроил здесь столько оборонительных позиций и скопил столько войск, что продолжать наступление на этом направлении, на мой взгляд, бесполезно. Надо бы изменить направление главного удара вашего фронта.

– Этот вопрос командующий фронтом уже поставил перед Ставкой, – заметил я.

– Вот это я и хотел вам посоветовать! – закончил разговор Баграмян.

Здесь уместно сказать, что таким откровенным разговором между Баграмяном, его начальником штаба Курасовым и мной был главным образом потому, что все трое были однокурсниками первого набора Военной академии Генерального штаба, близкими товарищами. Кстати, нашими однокурсниками – а слушателей тогда было немногим больше ста – являлись А. М. Василевский, А. И. Антонов, ряд других командиров, ставших командующими и начальниками штабов фронтов, армий и флотов».

Только ночью начальник штаба фронта зашел к командующему и доложил «о своем докладе Антонову и о разговоре с начальниками штабов и командующими соседних фронтов. Выслушав меня, Маркиан Михайлович сказал:

– А мне звонил товарищ Сталин. Верховный высказал недовольство слабыми результатами наступления фронта. Предложил заменить командующего гвардейской армией Сухомлина.

– Кого же вы предложили вместо него? – спросил я.

– Своего заместителя Михаила Ильича Казакова, – ответил Попов. – Верховный согласился. Я уже известил об этом Казакова, и он уехал принимать армию. Просил назначить начальником штаба армии вашего заместителя генерала Сидельникова.

– Тогда я буду просить генерала Штеменко прислать на его место одного из руководящих работников Оперативного управления Генштаба, – сказал я.

– Сталин разрешил прекратить наступление на Идрицу, – уведомил меня Попов. – Разрешил перегруппировать 10-ю гвардейскую армию к центру для совместного с 22-й армией наступления на Опочку. На перегруппировку гвардейской армии и подготовку к наступлению дается неделя сроку...».

Принимая армию, генерал Казаков поблагодарил командующего фронтом за доверие и попросил только об одном: «... не производить у нас никаких смен руководящего состава, а начальником штаба назначить хорошо известного мне по работе в управлении фронта генерал-майора Николая Павловича Сидельникова.

– Быть по сему, – согласился М. М. Попов».

И, нужно сказать, новый командующий 10-й гвардейской армией достаточно энергично взялся перегруппировывать свои войска к Новооскольникам: «10-я гвардейская армия включала в себя девять дивизий, объединенных тремя корпусными управлениями. Она сложилась в основном из соединений Западного фронта. Все соединения имели сработавшиеся штабы. Армейский штаб был тоже многоопытен, он создавался на базе штаба 30-й армии, отличившейся в контрнаступлении под Москвой. Январскую неудачу гвардейцев следовало рассматривать лишь как частность, не характерную для них.

В двадцатых числах января развернулась подготовка к новой операции, и с этого, по существу, началось мое командование 10-й гвардейской армией, службой в которой я горжусь до сих пор.

Первые два дня с момента приезда сюда я всецело занимался

организационными вопросами. Их была уйма. Состав армии значительно изменился: от нас изымались 171, 207 и 312-я стрелковые дивизии, а вместо них нам передавались 7-я гвардейская дивизия из резерва фронта и 119-я гвардейская из 22-й армии. После этого армия становилась однороднее: все стрелковые соединения – гвардейские. В то же время к нам поступило пополнение в виде маршевых рот; командующий обязан был позаботиться и о нем – о его приеме, правильном распределении. Много хлопот доставляли подвоз боеприпасов, накопление горючего.

Днем 25 января вместе с другими командармами меня пригласил М. М. Попов для ознакомления с замыслом новой операции. Как известно, в это время войска Ленинградского и Волховского фронтов продолжали наступление. В этой обстановке очень важно было максимально активизироваться и нам. 2-му Прибалтийскому фронту предстояло разгромить новосокольническую группировку противника и главными силами трех армий выдвинуться восточнее озер Ущо, Але, Большой Вяз. Таким маневром, обойдя Пустошку и Идрипу, мы получали возможность развить наступление на Опочку, где местность более доступна.

10-я гвардейская армия выполняла в этой операции главную задачу и потому усиливалась еще двумя стрелковыми корпусами двухдивизионного состава, 29-й и 78-й танковыми бригадами и тремя отдельными танковыми полками, 2-м артиллерийским корпусом, 6-й гвардейской противотанковой бригадой, одной бригадой и четырьмя отдельными полками гвардейских минометов. Всего в армии насчитывалось теперь четырнадцать стрелковых дивизий, шесть специальных соединений, не считая отдельных частей. Большинство соединений было неплохо укомплектовано.

Директива, полученная вечером 25 января, конкретизировала указания командующего фронтом. В качестве ближайшей задачи для 10-й гвардейской армии ставилось: прорвать вражескую оборону на участке Шишерино, Антоново (южнее шоссе Новоскольники – Маево) и выйти на рубеж совхоз Минкино, Яковцево, Ситьково, Руново.

Удаленность этого рубежа от переднего края неприятельской обороны составляла 35–40 километров. Южнее Насвы навстречу нам планировалось наступление нескольких дивизий 22-й армии, а на Маево нацеливалась 6-я гвардейская армия.

На перегруппировку войск и все другие работы по подготовке к наступлению нам давалось только пять-шесть суток. Справиться в такой срок было не просто. Ведь большинству соединений предстояли перемещения на 50–70 километров».

Перед началом очередного наступления командующий 10-й

гвардейской армией прибыл на свой наблюдательный пункт: «Поспел туда до начала артподготовки. Одновременно заговорили орудия и в полосе левого соседа – 6-й гвардейской армии. Наше артиллерийское превосходство сказалось быстро. Неприятель понес серьезные потери в живой силе и технике. Его огневые средства были надежно подавлены. Особой похвалы заслуживала контрбатареинная группа. Командовал ею полковник Касперский, имевший в своем распоряжении около 200 стволов калибра 152 и 122 мм. За три огневых удара на каждую вражескую батарею обрушилось в среднем по 150–160 снарядов, и они замолчали. Такой эффектной контрбатареинной стрельбы мне не случалось видеть ни до, ни после этой операции. В последующие дни наступления наши войска захватили 135 орудий – практически всю артиллерию врага в полосе 10-й армии.

31 января лучшего результата добились 30-я и 85-я дивизии 15-го гвардейского стрелкового корпуса. Они продвинулись на шесть километров и вышли к шоссейной дороге Новосokolьники – Маево. Несколько медленнее наступали 7-й и 19-й гвардейские стрелковые корпуса, но первая позиция неприятельской обороны оказалась прорванной и там.

К исходу третьего дня операции 15-й корпус достиг второй оборонительной полосы и на ряде участков выбил с нее гитлеровцев. Левый же фланг продолжал отставать. Это в значительной мере объяснялось тем, что войска соседней 6-й гвардейской армии не смогли продвинуться вперед.

Особенно неблагоприятно сказалось это на действиях 19-го гвардейского стрелкового корпуса. Его левофланговые части вместо удара строго на север вынуждены были все больше разворачиваться в западном направлении.

7 февраля 29-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием энергичного генерал-майора А. Т. Стученко, развивая успех первого эшелона 15-го корпуса, совершила рывок навстречу правому соседу – 22-й армии и соединилась с ее передовыми частями, овладев совхозом Минькино. Согласованные действия 22-й и 10-й гвардейской армий заставили противника поспешно очистить Новосokolьнический выступ. Главные силы нашей армии вышли севернее дороги Новосokolьники – Маево, выполнив, таким образом, свою ближайшую задачу.

На этом следовало бы прервать операцию и приступить к подготовке новой: действия по прежнему плану становились бесперспективными.

К этому же времени закончилось наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов. Следовательно, отпала одна из главных целей

операции 2-го Прибалтийского – сковать силы 16-й немецкой армии.

Тем не менее командующий фронтом настойчиво требовал от нас продолжать наступление. Оно было прекращено лишь 16 февраля. Тогда всем уже стало ясно, что 10-я гвардейская в одиночку не сможет добиться крупных оперативных результатов».

Только в ходе февральского наступления было уничтожено до четырех фашистских дивизий, однако явного успеха не было. Об этом подчеркнет в своих мемуарах Леонид Михайлович Сандалов: «17 февраля, когда наступление главной группировки нашего фронта совсем иссякло, мы неожиданно получили приказание Ставки готовить армии левого крыла фронта к новому наступлению на Идрицу, Резекне. Вспомогательные удары, как прежде, надлежало готовить на Остров и Опочку. На себежском направлении, примыкающем с юга к идрицкому, планировалось наступление двух армий правого крыла 1-го Прибалтийского фронта.

На другой день для планирования взаимодействия межфронтной операции на наш фронт прибыло командование соседнего фронта во главе с И. Х. Баграмяном. Мы уточнили намеченные для каждой армии задачи, в каких направлениях они будут наступать главными силами. Определили ориентировочно начать операцию 28 февраля.

Надо откровенно признаться, что командование обоих фронтов без особого оптимизма занималось подготовкой этой операции. Особенно это касалось нашего фронта – сказывалось то, что на идрицком направлении нам долго не удавалось достичь необходимого успеха.

– Во время только что проведенной операции мы израсходовали большую часть боеприпасов и горючего, численность личного состава в дивизиях уменьшилась до трех с половиной и даже до трех тысяч человек, – говорил М. М. Попов. – Исправных танков и грузовых автомобилей осталось мало. К тому же начинается весенняя распутица. А нам снова предстоит наступать на Идрицу... (...)

В конечном счете значительное продвижение соединений Ленинградского фронта в направлении на Псков и Остров и настойчивость в наступлении нашего фронта на Идрицу вынудили немецкое командование отвести свои войска. Решающую роль в этом сыграла угроза окружения, нависавшая над 16-й немецкой армией.

Должен сказать, что разведка нашего фронта вскрыла отход вражеских войск с запозданием. Это явилось одной из причин, помешавших нашему фронту воспрепятствовать организованному отходу противника на заранее созданные оборонительные рубежи. Анализируя допущенный просчет, я пришел к выводу, что разведуправление фронта и штаб в целом за массой

мероприятий по организации в войсках тактической разведки ослабили внимание к вопросам разведки в оперативном масштабе, что не позволило точно и своевременно раскрыть замысел вражеского командования о таком маневре, как отход крупной группировки. Это было тяжелым уроком, который все мы, генералы и офицеры штаба фронта, глубоко прочувствовали. Особенно сильно переживал неудачу начальник разведуправления полковник Маслов. К чести Михаила Степановича следует подчеркнуть, что позже в его служебной деятельности подобных ошибок не было.

Преследующие противника соединения нашего фронта были остановлены восточнее городов Остров, Пустошка. Для объективной оценки событий тех дней следует отметить, что сил, необходимых для успешных действий по прорыву обороны противника и преодолению его сопротивления, у нас тогда не было.

Однако частные неудачи, о которых сказано выше, не должны заслонять главного: упорное продвижение войск наших трех фронтов не только освободило Ленинград от блокады, но и основательно подорвало силы стратегической группировки вражеских войск на северо-западе».

В середине февраля 1944-го Ставка ВГК расформировала Волховский фронт и 2-му Прибалтийскому была передана его 1-я ударная армия. А 29 февраля 26-я стрелковая дивизия этой армии освободила от немцев родной город Маркиана Михайловича Попова – Новоржев. Только двадцать лет спустя он расскажет об этом так: «Мне довелось побывать в Новоржеве вскоре после его освобождения, куда я проехал через Воронкову Ниву, к этому времени занятую нашими войсками и далее через Оршу.

Оставив машину за искалеченным собором, я пешком прошел по главной улице города абсолютно разрушенной и неузнаваемой. С трудом в нагромождении битого кирпича и камня угадывались знакомые с детства здания.

Вот лежит в руинах наше бывшее Высшее начальное училище, а после Октябрьской революции, школа 2-й ступени, а вот развалины большого и красивого особняка, называвшимся в прошлом всеми новоржевцами "Львовским" домом, так как он принадлежал Львову, крупнейшему помещику и предводителю дворянства Новоржевского уезда. После революции в нем размещались сперва уездные, а затем районные партийные и советские руководящие органы.

Совсем нетрудно было убедиться, что эти руины и развалины отнюдь не результат бомбежки и артиллерийского обстрела. Нет, это, конечно, дело рук опытного варвара-подрывника.

Добрались до площади, где когда-то было пожарное депо с высокой каланчой, на котором побывало много мальчишек, сверстников тех далеких дней, пользуясь знакомством с дежурными пожарниками. И здесь только груды камня, и остовы сгоревших домов, и одинокие трубы на пепелищах.

Далее идти становилось опасным, потому что немцы держали центр города под непрерывным огнем со стороны Бородино и Рубачево. Мы свернули направо и по таким же разбитым и сожженным улицам, вернее по оставшимся от них следам, добрались до больницы, по какому-то случаю разрушенной меньше, чем другие здания города.

Лежавший в руинах Новоржев как будто вымер. Только изредка встречались люди с изможденными и измученными лицами. Изредка попадались и знакомые, фамилии которых память, к сожалению, не сохранила. Они подробно рассказывали о всех пережитых ими ужасах за все эти черные годы немецко-фашистской оккупации.

Я, воевавший с первых дней войны, повидал уже много разрушенных городов и ко многому успел привыкнуть. И тем не менее развалины и руины родного города производили тяжелое и потрясающее впечатление».

В конце февраля на КП 2-го Прибалтийского фронта Спичино прибыл для координации действий фронтов (1-го и 2-го Прибалтийских) представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. В качестве начальника штаба его сопровождал генерал СМ. Штеменю. Генерал армии М. М. Попов создал для них максимально возможные в тех условиях удобства. Им была отведена хата с вырытыми возле нее щелями. А 1 марта после артиллерийской подготовки войска генералов И. Х. Баграмяна и М. М. Попова перешли в наступление.

Называя результаты первого дня боев неудовлетворительными, СМ. Штеменю поясняет: «Весь этот день мы находились на фронтовом НП и своими глазами видели, как яростно оборонялись немцы, насколько плотным оказался их артиллерийский и пулеметный огонь. Он буквально не давал ходу нашей пехоте.

На 1 – м Прибалтийском вначале было наметился некоторый успех, но дальнейшего развития он тоже не получил. Допросом захваченных пленных удалось установить, что противник знал о нашем наступлении и готовился к нему. Систему огня он организовал с учетом наших ударов и многое сумел скрыть от глаз советской разведки. В ходе артподготовки нам не удалось надежно подавить неприятельскую оборону. Не выручила пехоту и авиация, действия которой ограничивала плохая погода. На следующий день повторные наши удары тоже оказались малоэффективными.

Продолжать наступление не было смысла, и его временно прекратили. Нужно было до конца выявить причины неудач и подумать, как лучше организовать дело в будущем. С этой целью утром 3 марта опять все собрались на КП 2-го Прибалтийского фронта.

Работали долго и пришли к общему выводу: прорыв очень сильной обороны противника на идрицком направлении не может дать желаемого и скорого результата без большого перевеса над противником в силах и средствах. Здесь были неизбежны значительные потери и огромный расход боеприпасов. Разведка доложила о переброске неприятелем в район Идрицы еще трех пехотных и одной танковой дивизий.

Решено было отсрочить операцию на 8—10 дней. За это время предполагалось пополнить войска, поднакопить боеприпасов и дожждаться подхода 3-го кавалерийского корпуса, выделенного по нашей просьбе для 2-го Прибалтийского фронта.

Все сошлись также на том, что следует отказаться от прорыва на узком участке фронта в лоб идрицкой группировке. Целесообразнее, казалось, расширить фронт наступления, с тем чтобы выбрать более выгодное обходное направление севернее Идрицы. Свои соображения мы оформили в виде предложений, сопроводили конкретным планом действий и в тот же день направили в Ставку. Главный удар 2-го Прибалтийского фронта силами двух армий намечался севернее железной дороги Пустошка – Идрица прямо на запад. Сюда стягивались почти все силы и средства с второстепенных направлений. В частности, на стыке с Ленинградским фронтом оставлялись всего одна дивизия и одна бригада. Удар 1-го Прибалтийского фронта планировался вдоль той же железной дороги из района западнее Невеля и тоже силами двух армий.

Через несколько часов из Москвы последовал ответ. Нам предписывалось основной задачей считать выход главными силами 2-го Прибалтийского фронта на левый берег реки Великая севернее Идрицы и разгром общими усилиями двух фронтов идрицкой группировки противника. Ни в коем случае не разрешалось ослаблять стык с Ленинградским фронтом. За 1-м Прибалтийским фронтом оставался по-прежнему удар на Себеж.

Ставка, следовательно, опять привлекала наше внимание главным образом к району Идрицы.

С. К. Тимошенко оказался в очень деликатном положении. Ему было известно, что Военный совет 2-го Прибалтийского фронта еще в январе 1944 года высказался против сосредоточения усилий на идрицком направлении. Доказывалось, что операция здесь не имеет перспектив

вследствие плотной группировки войск противника, подвижности его резервов, особенностей местности и ряда других обстоятельств. Военным советом фронта предлагался менее глубокий удар на Новоржев, где можно было затем объединить усилия нескольких армий. И. В. Сталин с этим тогда согласился. Прошло более месяца. Обстановка изменилась. Но мнение у командующего и ряда других руководящих работников фронта осталось прежним. С. К. Тимошенко не мог не считаться с этим, тем более что он сам в какой-то мере солидаризировался с ними на совещании 3 марта. И в то же время ему, как представителю Ставки, надлежало неукоснительно проводить в жизнь ее требования.

Имелась и другого рода сложность. Некоторые командующие армиями долгое время находились в плену предвзятой идеи, будто противник неизбежно сам отойдет за реку Великая. А раз так, зачем губить людей и тратить снаряды? Не лучше ли подождать с наступлением?»

Как свидетельствует командующий 10-й гвардейской армией М. И. Казаков, «в ходе новой операции 2-му Прибалтийскому фронту во взаимодействии с левым крылом Ленинградского фронта надлежало разгромить островскую группировку врага. В дальнейшем 10-я гвардейская армия должна была наступать на Валгу и владеть железной дорогой Рига – Остров.

Началась перегруппировка».

Отметим лишь, что расформирование Волховского фронта в феврале 1944-го, по предложению командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова (в интересах единства управления войсками на псковском направлении) впоследствии оказалось ошибкой. Очень скоро реальные события потребовали создать 3-й Прибалтийский фронт и примерно на том же участке...

Генерал М. И. Казаков в мемуарах отмечает, как из Кашина перед ним «открылись пушкинские места. По своей красоте они изумительны. Но и их мы рассматривали тогда лишь с военной точки зрения. Наше внимание сразу приковала важная топографическая деталь: на картах масштаба 200 000 и 100 000 горизонталь у надписи "Пушкинские Горы" была отмечена цифрой "160". На этой же горизонтали лежали и Вороницы и Михайловское, а рубеж, занятый 1-й ударной армией, не подымался выше отметки 60–80.

Оборону врага хорошо маскировали большие хвойные леса. Нас же он видел как на ладони. С занятых немцами высот просматривались не только боевые порядки наших передовых частей, но и наши вторые эшелоны, даже тылы местами на 20–30 километров.

При всем том в районе Пушкинских Гор гитлеровцы располагали крупной артиллерийской группировкой.

Дальнейшее, более углубленное изучение плацдарма и подходов к нему окончательно убедило меня, что он не годится для большого наступления. К такому же выводу пришел и новый командующий 1 – й ударной армией генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, перемещенный на эту должность из 3-й ударной. Вместе мы доложили свои соображения генералу армии М. М. Попову, но он ждал от нас совсем другого.

– Что же вы предлагаете? – раздраженно спросил Маркиан Михайлович. – Не проводить операцию?»

10 марта 1944 г. наступление возобновилось. Несмотря на его энергичность, результаты снова оказались малоутешительными. Генерал Штеменко свидетельствует: «Результатом были лишь две вмятины в обороне противника – одна в 25, другая в 20 километров по фронту и по 7–9 километров в глубину.

18 марта с утра С. К. Тимошенко еще раз созвал совещание командующих фронтами, членов военных советов и начальников штабов. Проходило оно на командном пункте Н. Е. Чибисова, в 3-й ударной армии, на стыке двух фронтов, 1-й Прибалтийский представляли И. Х. Баграмян, Д. С. Леонов и В. В. Курасов, от 2-го Прибалтийского присутствовали М. М. Попов, Н. А. Булганин и Л. М. Сандалов. Предстояло обсудить содержание итогового доклада в Ставку и договориться о плане дальнейших действий.

По поручению маршала я сделал краткую информацию о положении на фронтах (больше, как говорят, для порядка, ибо обстановку все прекрасно знали и без того), а затем доложил соображения на будущее, по которым Семен Константинович хотел выслушать мнение фронтового руководства. Высказались оба командующих. В принципе их взгляды не расходились с нашими. Да иначе и быть не могло – ведь мы не раз обменивались мнениями, так сказать, в рабочем порядке. Дело свелось главным образом к уточнению отдельных деталей и дополнительным просьбам, удовлетворить которые могла только Ставка.

После этого Курасов, Сандалов и я ушли в другую хату и сели за донесение И. В. Сталину. Часа через два оно было готово. Зачитали его вслух и подписали.

Верховному Главнокомандующему докладывалось о скромных результатах наступления и наших потерях. Достаточно подробно излагались причины постигшей нас неудачи. При этом указывалось, в частности, что на идрицкое направление противник сумел перебросить с

Ленинградского фронта 24-ю пехотную, 28-ю легкопехотную и 12-ю танковую дивизии, а с других участков Прибалтийских фронтов – 132, 290 и 83-ю пехотные дивизии. Не скрывалось и то, что в сложных условиях Прибалтики требовались более тщательная подготовка к наступлению и несколько лучшая организация боя. Для подготовки новой операции на том же идрицком направлении у Ставки испрашивался месячный срок. В числе других просьб наиболее существенными были две: пополнить фронты боеприпасами и довести численность дивизий до пяти-шести тысяч человек».

Командир 182-й стрелковой дивизии В. М. Шатилов вспоминает: «Во второй половине марта на нашем фронте развернулась активная подготовка к наступательной операции. Войска выходили на исходные рубежи, создавались ударные группировки. Артиллерия занимала огневые позиции, танки сосредоточивались на главном направлении, строились новые наблюдательные пункты для оперативных групп. Офицеры проводили тщательную рекогносцировку переднего края противника.

Командующий фронтом генерал армии М. М. Попов объезжал один за другим корпуса и дивизии. Беседовал с офицерами, расспрашивал о противнике, о состоянии наших войск, давал советы и указания. С ним мы делились буквально всем. Очень энергичный, всегда подтянутый, доброжелательный, М. М. Попов любил и уважал подчиненных.

Главные события происходили в то время на других участках советско-германского фронта, но и на Северо-Западном тоже усердно готовились к наступлению.

Задачу нашего фронта генерал армии Попов видел в том, чтобы прорвать сильно укрепленный рубеж обороны врага на берегу реки Великая и, не давая противнику передышки, разгромить ближайшие его резервы, наступая в направлении Карсава, Резекне.

Войск и боевой техники для проведения этой операции было явно недостаточно. Плохо было с боеприпасами. К сожалению, Ставка не имела возможности в сложившейся тогда общей обстановке на фронтах выделить в распоряжение нашего фронта необходимые силы и средства, особенно танковые соединения. Все свои резервы и технику Ставка направляла на главные направления. Генерал армии Попов об этом знал и надеялся имеющимися силами добиться успеха.

Открывая заседание Военного совета фронта, на которое были приглашены командующие армиями, командиры корпусов и дивизий, командующие артиллерией, генерал армии Попов предупредил, что операция предстоит очень сложная. Левый берег реки Великая сильно

укреплен. Враг готовил линию "Пантера" тщательно. Построены дзоты, бункера соединены глубокими траншеями и ходами сообщения. Все оборонительные сооружения тщательно замаскированы. Ни одного дерева не было срублено. Немецкие солдаты настроены драться весьма воинственно...

Докладывали командиры дивизий по порядку расположения своих соединений – слева направо. Мне пришлось докладывать вторым. Начал с изложения характера обороны противника.

– На первой позиции путем тщательного наблюдения разведки, а также по сообщениям пленных, в полосе наступления обнаружено 18 бункеров, связанных между собой траншеями полного профиля с пулеметными площадками.

Попов прервал мой доклад и обратился к командующему армией:

– Почему об этих бункерах неизвестно мне?

– Требуется уточнение. Там очень много естественных холмов, и их можно принять за замаскированные бункера.

– А ваше мнение? – обратился ко мне Попов.

– Я докладываю о проверенных фактах.

Попов приказал командующему артиллерией фронта генерал-лейтенанту П. Н. Ничкову:

– Петр Никитич! Завтра уточните и доложите!

Меня этот разговор не испугал, а наоборот, обрадовал. Появилась надежда получить дополнительные орудия для разрушения бункеров».

Однако и «апрельское наступление в Прибалтике с рубежа реки Нарвы и восточных подступов к Пскову, Острову, Идрице, Полоцку и Витебску снова оказалось малорезультативным. Фронты продвинулись незначительно, и поражения противнику, на которое мы рассчитывали, нанести не удалось. На всех действовавших здесь фронтах установилась пауза. Длилась она до июля 1944 года. За это время вопрос о разгроме прибалтийской группировки противника, а также об изоляции всей группы армий "Север" от Восточной Пруссии был рассмотрен в Генштабе заново», – отмечает СМ. Штеменко.

Генерал Сандалов дополняет начальника Оперативного управления Генштаба так: «В последних числах марта и в начале апреля наш и Ленинградский фронты предприняли несколько частных наступательных операций. Противник, занимавший мощную систему оборонительных сооружений, сопротивлялся искусно и с большим упорством. Достичь решительных успехов наши войска не смогли.

При такой обстановке командованию Ленинградского фронта

управлять своими многочисленными армиями, растянувшимися на огромном пространстве (на правом крыле – перед войсками Финляндии, а в центре и на левом крыле, от Финского залива до Острова, – против немецко-фашистских войск группы армий "Север"), становилось день от дня труднее. И Ставка по предложению Генерального штаба решила создать в полосе бывшего Волховского фронта новый фронт, передав ему армии левого крыла Ленинградского фронта.

20 апреля был образован 3-й Прибалтийский фронт. В командование им вступил генерал армии И. И. Масленников, а начальником штаба стал хорошо знакомый мне генерал-лейтенант В. Р. Вашкевич.

На нашем фронте к этому времени тоже произошли изменения в командовании. Генерал М. М. Попов, при котором войска фронта испытали ряд неудач, был освобожден от должности. На его место Ставка назначила генерала армии А. И. Еременко...»

В автобиографии Маркиана Михайловича о своем освобождении от должности только и всего: «В октябре того же года с управлением фронта был переброшен на Великолукское направление, где командовал 2-м Прибалтийским фронтом. Фронт провел ряд наступательных операций, не получивших, однако, завершения. За ряд допущенных ошибок с должности Комфронта был снят, снижен в звании до генерал-полковника (с генерала армии) и был назначен начальником штаба Ленинградского фронта в апреле 1944 года».

«Пожертвовав двумя-тремя дивизиями»

В постановлении Государственного Комитета Обороны № 5689сс от 20 апреля 1944 г. «О недостатках в работе командования 2-го Прибалтийского фронта» говорилось:

«2-й Прибалтийский фронт под командованием генерала армии Попова М. М. за полгода своего существования с 12 октября 1943 года по 12 апреля 1944 года провел 14 армейских и фронтовых операций.

Все проведенные за эти полгода операции, несмотря на превосходство в силах над противником и затраты на них большого количества боеприпасов, существенных результатов не дали и 2-й Прибалтийский фронт задач, поставленных перед ним Ставкой Верховного Главнокомандования, не выполнил.

Операция по преследованию противника, отходившего со Старо-Русского направления, в результате успешного наступления войск соседнего Ленинградского фронта, также была проведена неудовлетворительно. Отход противника своевременно обнаружен не был, соприкосновение с ним было утеряно, преследование велось вяло и медленно, что дало противнику возможность отходить планомерно, вывести свою технику, живую силу и укрепиться на заранее подготовленном рубеже.

Такое положение на 2-м Прибалтийском фронте явилось результатом неудовлетворительного руководства фронтом со стороны командующего фронтом генерала армии Попова и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Булганина.

Генерал армии Попов и генерал-лейтенант Булганин не справились с руководством фронтом.

Командование фронтом, и в первую очередь командующий фронтом генерал армии Попов, не организует тщательной разведки противника. Только этим объясняется неожиданный, для командования 2-м Прибалтийским фронтом, и беспрепятственный уход противника из Старая Русса и Новосokolьники.

Командование фронтом не знает степени готовности и возможностей своих войск и вследствие этого неправильно определяет возможные сроки начала операций, что приводит к неоднократным изменениям этих сроков, или же операции начинаются при явной неподготовленности войск.

В работе артиллерии 2-го Прибалтийского фронта имеют место крупнейшие недочеты, аналогичные отмеченным в докладе комиссии по Западному фронту, утвержденном Постановлением ГКО от 12 апреля 1944 года за № 5606сс.

Командование 2-го Прибалтийского фронта зазналось, критически к своим недостаткам и ошибкам не относится и уроков из этих ошибок не извлекает. Правдиво о положении дел на фронте Ставке Верховного Главнокомандования не докладывало и не докладывает, а своими неправдивыми докладами и постановкой задач войскам, не соответствующих директивам Ставки, по существу, вводит Ставку в заблуждение.

Командование фронтом критики не терпит. Указания представителей Ставки и Генштаба на недостатки в работе командования фронтом встречает в штыки.

Исходя из вышеуказанного Государственный Комитет Оборона ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Генерала армии Попова М. М. снять с должности командующего 2-м Прибалтийским фронтом, как не справившегося с командованием фронтом, и снизить его в звании до генерал-полковника.

2. Генерал-лейтенанта Булганина отстранить от должности члена Военного совета 2-го Прибалтийского фронта как не справившегося со своими обязанностями...»

О дальнейшей судьбе Маркиана Михайловича было указано в приказе Ставки ВГК № 220087, подписанном Сталиным и Антоновым в тот же день: «Генерал-полковнику Попову М. М. по сдаче фронта, в присутствии представителя Ставки генерал-полковника Штеменко, прибыть в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО...»

Но вернемся к злосчастному постановлению ГКО, у которого, в сущности, было два автора. Один – Сталин, а второй – генерал армии Антонов.

Что и греха таить, именно А. И. Антонов, будучи начальником Оперативного управления, начиная с весенне-летней кампании 1943 г., принимал участие в разработке всех важных кампаний и стратегических операций Вооруженных Сил. А с мая 1943 г. под его непосредственным руководством, уже как 1-го заместителя начальника Генерального штаба, велась разработка летней кампании 1944 г.

Как мы помним, по плану Генштаба, а значит, плану Антонова, войскам 2-го Прибалтийского фронта предстояло сковать силы 16-й армии

группы армий «Север» и не допустить переброски ее частей под Ленинград и Новгород. Далее фронту следовало нанести лобовой удар по Идрице, с выходом на Ригу. Однако М. М. Попов был категорически против сосредоточения усилий на Идрицком направлении. И трудно не согласиться с Антонином Александровичем, который разговаривал на эту тему с Маркианом Михайловичем, а потом написал: «Там были очень плотная оборона, подвижность резервов. Выполняя первую задачу, предложили, во избежание громадных потерь, менее глубокий удар на Новоржев, где можно было объединить усилия нескольких армий. И. В. Сталин с этим тогда согласился. Соединения фронта атаковали врага юго-западнее и севернее города Новосокольники. Девять дней и ночей не затихали бои, в результате которых захвачена была станция Насва, перерезана железнодорожная линия Новосокольники – Дно, и 18-я армия, блокировавшая Ленинград, не только лишилась помощи со стороны 16-й армии, но по этой дороге не могли поступать и подкрепления из резерва группы армий "Север".

Эти успехи способствовали наступательным действиям Ленинградского и Волховского фронтов, начатые 14 января, которые привели к ликвидации блокады города на Неве, и их войска, ломая сопротивление, устремились к Луге, а затем к Псковско-Островскому укрепленному району и Нарве.

29 января войска 2-го Прибалтийского фронта овладели крупным железнодорожным узлом и городом Новосокольники и продолжали бои в направлении Идрицы, однако в глубокий прорыв они не переросли, но создали реальную угрозу окружения левого крыла 16-й армии, где южнее Старой Руссы перешла в наступление и 1 – я ударная армия фронта. Поэтому германское командование предприняло отход на широком фронте своевременно, не замеченное частью войск 2-го Прибалтийского фронта. Запоздалое продвижение за отходящим врагом помешало энергичному преследованию и позволило ему занять заранее подготовленные рубежи.

В то же время по предложению первого заместителя начальника Генерального штаба генерала А. И. Антонова, Ставка предписала командованию фронта вернуться к ранее отвергнутому плану нанесения главного удара на Идрицу, с привлечением к этому уже и правого крыла 1 – го Прибалтийского фронта и вспомогательных ударов на Новоржев, Опочку и Остров.

После такого решения командующий фронтом М. М. Попов уже не находил взаимопонимания с Генеральным штабом (с Антоновым) и обязан был выполнить волю Ставки, хотя и отчетливо представлял себе, чего будут

стоять эти бои. Они принесут ничем не оправданную гибель множества людей! Но не выполнить эту волю Ставки он не мог. Приказ – есть приказ!»

И это одна из причин совершенно несправедливого понижения Маркиана Михайловича. Он «столкнулся» и был не согласен с самим Антоновым, который в феврале 1945 г. стал начальником Генерального штаба.

Алексей Иннокентьевич был старше М. М. Попова на 8 лет. Сын капитана русской армии (татарин-кряшен) и домохозяйки польского происхождения. Окончил Санкт-Петербургскую гимназию, учился на физико-математическом факультете университета, прошел ускоренный курс обучения в Павловском военном училище. В чине прапорщика участвовал в Первой мировой войне. Был ранен в голову и награжден орденом Святой Анны. В Красной армии занимал исключительно штабные должности. Участвовал в Гражданской войне. В 1931-м окончил основной факультет Академии им. Фрунзе, а в 1933-м ее оперативный факультет.

По свидетельству очевидцев, обладал завидной усидчивостью и настойчивостью в учебе...

В Академии Генштаба Антонов проучился всего год, так как был назначен Ворошиловым начальником штаба Московского округа. С 1938-го по 1941-й он преподавал в Академии им. Фрунзе. Там же получил ученое звание доцента и воинское звание генерал-майора. С начала Великой Отечественной войны Антонов – начальник штаба ряда фронтов, а с декабря 1942 г. в Генштабе (до него начальники Оперативного управления сменялись 7 раз). Несколько месяцев 1943-го находился в распоряжении 18-го отдельного стрелкового корпуса в качестве представителя Ставки, а после возвращения с фронта и первого доклада в Ставке стал бывать у Сталина по нескольку раз в день. Известно, что только кремлевский кабинет Сталина (за период с 1943 по 1945 г.) Антонов посещал не менее 238 раз. Это гораздо больше кого-либо из руководящего состава Красной армии и больше всех командующих фронтами за все время войны, вместе взятых.

По свидетельству генерала Штеменко, Антонов пользовался у Сталина большим авторитетом, его мнением по вопросу проведения стратегических операций Верховный главнокомандующий интересовался почти всегда и никогда не пренебрегал. Более того, Алексей Иннокентьевич проводил с вождем долгие часы, обсуждая положение на фронтах и планируя будущие операции. Он любил музыку, поэзию, театр, кино, живопись, много читал и т. д.

Казалось бы, что мешало такому умному и культурному генералу, как

Антонов, найти общий язык с таким же умным и культурным генералом Поповым? Но все дело в том что, несмотря на некоторую схожесть, они были разными на этажах военной иерархии. Один был до мозга костей командиром, а другой до мозга костей штабным работником. Один командовал людьми в поле, а другой из генштабовского кабинета по карте. И как бы это ни обидно звучало, все было именно так.

Один – 1-й заместитель начальника Генерального штаба, незаменимый для Василевского и для Сталина. Другой – всего лишь командующий войсками фронта, дальше стереотрубы не видящий, уже пониженный однажды, затем прощенный, «случайно» отличившийся, на место которого всегда можно найти замену. Один был человечным, открытым, душевным, другой – скупым на поощрения и официально сухим. Словом, разные они были. И каждый считал себя правым на все сто процентов. Но только за одним стоял Сталин, а за другим не было никого!

Поэтому, когда они сошлись в споре, победил Антонов. И это не удивительно. Антонова считали человеком исключительным. В нем отмечали высокую эрудицию и военную культуру в особенности. Например, генерал Штеменко ни разу не видел Антонова «вышедшим из себя», всплывшим, обругавшим кого-то. Зато уравновешенность и задушевность Антонова сочетались с редкой твердостью и настойчивостью. Вот именно о твердость и настойчивость 1-го заместителя начальника Генштаба и споткнулся командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта. Алексей Иннокентьевич не простил Попову выступления против его плана сосредоточения усилий на Идрицком направлении.

В связи с этим мнение Ф. Д. Свердлова, которое он изложил в своей книге «Неизвестное о советских полководцах», нельзя назвать верным: «ГКО в своем постановлении отметил недостатки М. М. Попова в руководстве войсками в этом случае. Ведя преследование, соединения фронта продвинулись на 110–160 километров, форсировали реку Великую, но дальше ввиду отсутствия достаточных резервов продвинуться не могли, хотя должны были вступить в восточную Латвию.

Ставка не простила М. М. Попову этой неудачи, считая, что он сам заранее должен был создать достаточные резервы».

Снятие с должности и понижение в звании до генерал-полковника Свердлов объясняет тем, что «Сталин хотел, чтобы из этого извлекли урок и другие командующие фронтами». Однако это было нечто другое, напоминающее личную месть вождя. Тем более, в армии никогда не наказывали и снятием с должности, и понижением в звании одновременно.

Все это чисто сталинский почерк, всегда пренебрегающий законом.

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов был представителем Ставки на 2-м Прибалтийском фронте, и вот что он пишет в своих мемуарах: «Мы понимали, почему враг здесь сопротивляется с отчаянным упорством: отсюда ближе всего к фашистской столице. Но этого никак не хотел учитывать Сталин. Он требовал и требовал продвижения вперед и в то же время более чем скромно помогал этим трудным фронтам. Все силы направлялись на южные фронты, гигантскими шагами продвигавшиеся на запад, и под Ленинград, где готовился сокрушительный удар по фашистским войскам – первый из серии сталинских ударов 1944 года.

Во время Городокской операции развернул активные действия и 2-й Прибалтийский фронт под командованием генерала М. М. Попова. К 7 января 1944 года его войска, развивая наступление, достигли очередного оборонительного рубежа противника, расположенного южнее железной дороги Новосокольники – Идрица. Однако все попытки преодолеть это новое препятствие были безуспешны. Продвижением в западном направлении фронт, безусловно, оказал немалую помощь своему левому соседу и в то же время отвлек внимание противника от Ленинградского и Волховского фронтов, где шла деятельная подготовка к наступательной операции, которая должна была снять блокаду с города Ленина и освободить от немецко-фашистских захватчиков Ленинградскую и Новгородскую области.

Ставка поставила перед командованием 2-го Прибалтийского фронта новую задачу: 12 января двумя армиями – 3-й ударной и 10-й гвардейской – прорвать оборону противника западнее Новосокольников, а 14 января начать наступление войсками 22-й армии севернее этого населенного пункта. Операция, развернувшаяся за двое суток до начала наступления под Ленинградом, имела главной целью отвлечь на себя основные силы 16-й немецкой армии и не допустить их переброски в район Ленинградского и Волховского фронтов.

Несмотря на то что командование фронта проявило много изобретательности в подготовке и проведении операции, противник все же сумел своей упорной обороной свести наше наступление к затяжным боям. Войскам 2-го Прибалтийского фронта удалось лишь овладеть станцией Насва и перерезать железную дорогу Новосоколышки – Дно. Враг вынужден был перебросить сюда дополнительно три свои дивизии, и только это позволило ему остановить продвижение наших войск.

Активные действия 2-го Прибалтийского фронта не только ввели в заблуждение противника, но и заставили его расходовать свои резервы на

данном направлении. Таким образом, войска фронта оказали большое содействие успеху соседей справа».

В общем, даже представитель Ставки на 2-м Прибалтийском фронте главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов каких-либо ошибок не увидел. Тогда в чем же дело?

Подполковник П. Г. Григоренко в 10-й гвардейской армии был назначен на должность заместителя начальника штаба по Вспомогательному пункту управления. Как выпускник двух академий (Военно-инженерной и Генштаба), всегда отличался умом и сообразительностью. К любому делу подходил в соответствии с полученным образованием. В его широко известной книге «В подполье можно встретить только крыс...» много страниц посвящено войне. Есть там и про неудачи 2-го Прибалтийского фронта. И вот свидетельство от первого лица: «Боевая деятельность 10 гв. армии, в период моего пребывания в ней (январь – февраль 1944), была действительно необычной. Прибыл я перед самым началом наступательной операции, которая, как я уже писал, полностью провалилась. После этого были проведены еще две операции, почти столь же неудачные. Убывал я на исходе еще одной операции (четвертая при мне), которая имела небольшой частный успех. Каждая из этих операций проводилась после перегруппировки на новое направление. Поэтому наступательные бои перемежались продолжительными маршами. Времени для отдыха не было. Да еще и погода. Ударит мороз, выдадут валенки, отберут ботинки – оттепель. И бредут воины армии в промокших тяжелых валенках по жиже, в которую превратились зимники. Никогда не забуду эти дороги и бредущих по ним измученных, подавленных, ко всему безразличных людей. Только раздадут ботинки, отберут валенки – ударят 20—30-градусные морозы. Затем снова валенки и распутица и т. д. Люди вымотаны до предела, простужены, а многие озноблены и обморожены. А тут еще эта странная осведомленность немцев.

Операции армии рассчитаны на внезапность. Фронт (2-й Прибалтийский, бывший Калининский) действует на второстепенном направлении. Поэтому у него нет ни боеприпасов на фронтовую наступательную операцию, ни необходимого пополнения. В подобных условиях другие фронты зарываются в землю и готовят войска к отражению возможного наступления противника. Маркиан Михайлович Попов – человек умный, предприимчивый, инициативный, избрал иной образ действий. Он посадил в оборону весь фронт... За исключением одной армии – 10-й гвардейской. Этой армии было отдано все поступающее

пополнение, основная масса поступающих фронту боеприпасов. Предполагалось, что она, скрытно сосредоточившись на каком-то направлении, наносит внезапный удар с частной целью – нанести противнику потери, разорвать его оборону и развить успех в глубину, привлекая тем самым к этому району вражеские резервы. Потом армию незаметно оттянуть, сдав завоеванный рубеж соседям, и скрытно перебросить на новое направление.

Очевидно, что главное этого плана – внезапность перегруппировок и ударов 10-й гвардейской армии. Но именно внезапности у 10-й гв. армии и не получалось.

Накануне первой из намеченной серии наступательных операций немцы разбросали в исходном положении войск армии листовки:

– 10-я Гвардейская! Вы пришли сюда наступать? Ну что ж, пожалуйста, бритесь! Завтра мы вас побреем!

И побрили. Единственный результат первой наступательной операции 10-й гв. армии – огромные потери.

Следующая операция тоже была предварена немецкими листовками, чуть измененного содержания:

– 10-я, ты сюда пожаловала? Ничего, побреем тебя и здесь! Попов приказал отложить эту операцию на сутки и в течение дня демонстрировать перегруппировку на другое направление. Результат получше. Потери несравненно меньше и небольшое продвижение вперед – от двух до восьми километров.

В исходном положении для третьей операции немцы снова встретили нас листовками. Среди личного состава возмущенные разговоры:

– Где-то в штабе сидит предатель.

В штабе армии разговоры те же, но пункт, где находится шпион, указывается более точно. Операторы почти в открытую говорят:

– Сведения утекают из булганинского окружения.

Таково, очевидно, мнение и командующего армии и фронта – Михаила Ильича Казакова и Маркиана Михайловича Попова.

Каждая операция готовилась примерно следующим порядком. Фронт шифром сообщал исходное положение для предстоящей операции и маршруты для движения из района сосредоточения в исходное положение. По этим данным штаб армии сразу же приступал к разработке плана перегруппировки. Одновременно командующий армией вызывался к командующему фронтом. С ним должен был ехать нач. штаба или один из двух его заместителей. При мне готовилось три операции. В первой ездил с командующим Малиновский, а я руководил разработкой плана

перегруппировки. В остальных двух было наоборот: я ездил с командующим, Малиновский занимался планом перегруппировки. У командующего войсками фронта, когда прибывали мы с командармом, собирались начальник штаба фронта, начальник оперативного управления, начальник разведки, командующий артиллерией фронта и командующий фронтовой авиацией – и прорабатывался разработанный штабом фронта план предстоящей операции армии. Когда проработка заканчивалась, если не было члена Военного совета фронта Булганина, который извещался о проработке заранее, но мог не прийти на нее, Маркиан Михайлович звонил ему и он либо приходил, заставив нас изрядно подождать, либо повелевал принести ему на подпись в его резиденцию. Во время первой моей поездки с командующим Булганин изволил повелеть принести ему. И мы с начальником оперуправления фронта выполнили эту миссию. Документы уже числились за мной. Я расписался за них сразу после проработки.

Процедура похода к Булганину впечатляющая. Совершив полукилометровый маршбросок, мы услышали приглушенное: "Стой!" Остановились. Из кустов вышел офицер в форме НКВД. В кустах угадывался другой или даже двое, державших, по-видимому, нас на прицеле.

– Удостоверение личности! – потребовал НКВДист, у которого в руках была какая-то бумажка. Он проверил удостоверения, сличив наши фамилии с написанным в бумажке.

– Следуйте за мной. Строго по моим следам. Отклоняться опасно. И мы пошли. Вскоре новое: "Стой!" и новая проверка документов.

Наш провожающий исчез.

– Проходите.

И проверяющий показал нам на дом. Эдакий передвижной дворец. Пошли. У входа еще одна проверка удостоверений. И, наконец, нас завели в приемную. Полковник, видимо, для поручений, указывая на стол у стены, распорядился:

– Развертывайте карты здесь!

В это время, вертя задочком, вошла девушка, видимо, из того булганинского гарема, о котором говорил весь фронт. Она мило улыбнулась и поставила на стол в центр поднос с печеньем и сахаром.

– Я здесь развертывать карты не имею права.

– А в чем дело?

– Сюда имеют доступ посторонние лица.

– Больше никто не зайдет! – И полковник прикрыл дверь.

– Вы для меня тоже посторонний. В этом доме я имею право показать

план только члену Военного совета.

Полковник явно опешил. Начальник оперативного управления предупреждающе подмигивал, остерегая меня от скандала. Наконец, он сказал, как бы извиняясь перед полковником:

– Товарищ подполковник не знает вас в лицо, товарищ полковник! И обращаясь затем ко мне, произнес:

– Полковник – для поручений Военного совета!

Но останавливать меня было уже поздно. И я ответил генералу сдержанно, но твердо:

– Я и сам понял, кто это. Но полковника нет в списке допущенных к плану операции.

Вышел Булганин. Он был, как мне показалось, трезв, хотя о его постоянном пьянстве ходили буквально легенды. Я представился. Он приветливо поздоровался с нами обоими и произнес:

– Ну что ж, раскладывайте свои карты.

– Я не могу этого сделать, пока в помещении есть посторонние.

– Кто же здесь посторонний? – улыбнулся он.

– В списке допущенных к плану операции нет полковника.

– Ну я его допущу. Что, вам написать это?

– Нет, мне достаточно и вашего устного распоряжения. Я разверну карты и сделаю полный доклад, но по окончании этого обязан буду донести в Генштаб, что произошло разглашение плана операции.

– Ну, если такие строгости, не будем нарушать. Законы надо уважать всем. Даже и члену политбюро. – Он подчеркнул последнее слово.

– Оставьте нас одних, – обратился он к полковнику. И тот вышел.

Когда мы возвратились в домик к командующему, он встретил нас смехом. Меня он знал еще с Дальнего Востока и сейчас, смеясь, сказал:

– Ну, что, Дальневосточник, поучил нас, как относиться к законам? Звонил Булганин. Он, кажется, не очень доволен, но на словах хвалит.

Эта операция тоже была, по сути, безуспешной. В первый день продвинулись максимально около десяти километров. На второй и третий день успеха тоже не было. Но особенность... листовки, обращенные к 10-й гв. армии, появились только на второй день операции. Это, безусловно, указывало на утечку информации из окружения Булганина. Урок был учтен. Последняя при мне операция готовилась с особо строгим соблюдением тайны.

Во время проигрыша у Попова пришел Булганин – пьяный "до положения риз". Лицо сизо-красное, отечное, под глазами мешки. Подошел к Маркиану Михайловичу, сунул руку и свалился на стул рядом. А

остальным не сделал даже общего поклона.

Командующий увидел подход булганинской своры в окно и закрыл карту и другие документы. Когда все улеглось, Попов сказал Булганину:

– Николай Иванович, попроси всех пришедших с тобой перебраться в приемную.

– Я не могу оставлять члена политбюро одного, – резко и с явным вызовом произнес громил в НКВДистской форме.

– Николай Иванович, я еще раз прошу. Я не могу продолжать работу, пока здесь будет хоть один посторонний.

– Вот вы как все заразились подозрительностью. Нужно же понять и товарища – начальника моей охраны. Он тоже имеет инструкции и не вправе их нарушать. Я ему дам распоряжение, а он сейчас же донесет, что я мешаю ему нести службу.

– Не знаю, не знаю, Николай Иванович, но я при посторонних рассматривать план операции не буду.

Они еще посперечались немного. И в конце концов Булганин приказал всем своим выйти. Всю остальную часть проигрыша он продремал. В конце подписал все, не глядя.

Эта операция была самой успешной из упоминавшихся четырех. Продвинуться удалось более чем на тридцать километров и расширить фронт прорыва до двадцати километров. Был занят районный центр Калининской области – город Пустошка. Это положение, сложившееся на третий день операции – на 28 февраля 1944 года. Больше в этой операции я не участвовал, но знаю, что она развивалась еще и в глубину и по фронту».

С июля по декабрь 1943 г. членом Военного совета Брянского и 2-го Прибалтийских фронтов был широко известный Л. З. Мехлис (1889–1953). Складывается такое впечатление, что к молодому командующему фронтом Сталин специально назначал такого типа соглядатаев. На всякий случай.

Родившийся в еврейской семье, Лев Захарович закончил 6 классов еврейского коммерческого училища. В русской армии служил в чине фейерверкера (унтер-офицер в артиллерии). В Гражданскую войну – на политической работе в армии. С 1921 – го – управляющий административной инспекцией в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции в подчинении Сталина. С 1922 по 1926 г. – помощник секретаря Сталина и заведующий бюро секретариата ЦК. В 1926–1930 гг. учился на курсах при Коммунистической академии и в Институте красной профессуры. Затем – заведующий отделом печати ЦК, член редколлегии и главный редактор «Правды». В 1937–1940 гг. – заместитель наркома обороны и начальник Главного политуправления

Красной армии. Армейский комиссар 1-го ранга (генерал армии). С 1942-го – представитель Ставки ВГК на Крымском фронте.

Находясь на этом посту, Мехлис занимался тем, что писал доносы на старших офицеров и генералов. Например, вот как он отзывался о командующем 44-й армией генерале Черняке: «Черняк. Безграмотный человек, не способный руководить армией. Его начштаба Рождественский – мальчишка, а не организатор войск. Можно диву даваться, чья рука представила Черняка к званию генерал-лейтенанта». С июля 1942 г. – член Военного совета 6-й армии, а затем член Военного совета ряда фронтов. В декабре 1942 г. ему присвоено звание генерал-лейтенанта, а в июле 1944-го – звание генерал-полковника.

Биограф Льва Захаровича Ю. Рубцов в книге о нем пишет: «Брюзжать, выражать недовольство, подчас вовсе без оснований для этого, было своего рода привычкой Льва Захаровича. Весьма возможно, таким образом он подчеркивал свою принципиальность, взыскательность, что эти качества присущи ему независимо от поворота его карьеры. Генерал армии Хрулев, начальник тыла Красной армии, немало повидавший со стороны Мехлиса несправедливости, вспоминал, как держали себя члены военных советов фронтов в случае каких-то недостатков в работе тыловых органов. Большинство из них, в том числе члены Политбюро ЦК партии Хрущев и Жданов, имевшие прямой выход на Сталина, не обращались к вождю по каждому поводу, а стремились разобраться в ситуации сами. Но вот двое – Булганин и Мехлис – отличались иными "талантами": зная, насколько болезненно Верховный реагирует на подобную информацию, не упускали случая первыми преподнести ему "сенсационную" весть. Правда, нередко попадали при этом впросак.

Хрулев приводит пример, когда на одном из совещаний с участием командующих и членов ВС фронтов Сталин задал вопрос, есть ли у кого претензии к материальному обеспечению? Промолчали все. "Только Мехлис сказал, – вспоминает мемуарист, – что тыл очень плохо работает, не обеспечивает войска полностью продуктами..." Гневный Сталин тут же вызвал на совещание Хрулева, предложил объясниться. Начальник тыла осмелился поинтересоваться, кто жалуется и на что. "А как вы сами думаете?" – последовал встречный вопрос.

Хрулев пишет далее: "Отвечаю: «Скорее всего, это Мехлис». Как только я произнес эти слова, в кабинете раздался взрыв хохота". Он еще более усилился, когда по требованию Верховного Главнокомандующего Мехлис изложил суть претензий: "Вы все время нам не отпускаете лавровый лист, укус, перец, горчицу"». Тут и Сталину стала ясна

вздорность претензий Льва Захаровича.

Складывается впечатление, что Мехлису подчас нечем было заняться. «Я знал его давно, – пишет Давид Ортенберг, – человек с бешеной энергией, неутомимый. А здесь, на фронте, он был другим. Бывало, я заезжал на КП фронта, вижу, он отдыхает: заводит пластинку с одной и той же песней раз десять! Это ли Мехлис?!»

Что действительно увлекало его, так это перетягивание каната власти с командующими и другими высокопоставленными должностными лицами фронтов. Это малодостойное занятие, словно своеобразная лакмусовая бумажка, показывает видение Мехлисом тех функций, которыми наделялся такой политический институт, как члены военных советов. При этом речь, прежде всего, идет о функциях неписанных, в руководящих документах не зафиксированных, но на практике бытовавших при активной поддержке партийной верхушки.

Военные советы как коллегиальные органы военного руководства действовали в годы войны обычно в составе трех лиц: командующий войсками фронта (армии) – председатель, первый и второй члены совета. Первый член Военного совета – а именно на этом посту находился Мехлис – должен был заниматься оперативными вопросами, вместе с командующим подписывать все оперативные документы, приказы и донесения в Ставку. Он также непосредственно руководил политическим управлением (отделом), контролировал деятельность военной прокуратуры и трибунала. Второй член Военного совета курировал тыловые структуры.

На поверку выходит, что многие функции носили формальный характер. Подпись под оперативными документами была для членов военных советов скорее символическим актом, поскольку отсутствие должной военной квалификации (бывшие партийные функционеры, они не являлись профессионалами военного дела) не позволяло им плодотворно участвовать в отработке оперативных документов. В этих условиях наиболее реалистично мыслившие и самокритично оценивавшие себя члены ВС хотя бы не вмешивались в функции командующих, самонадеянные же (Мехлис, как неоднократно показано выше, был из их числа) – пытались самостоятельно управлять войсками и, в абсолютном большинстве случаев, неудачно.

Оставалось сосредоточиться на руководстве политической работой. Но во фронтовом, армейском звене имелась самостоятельная должность начальника политуправления, политотдела, который на практике и возглавлял работу этого органа. На долю члена ВС оставался, таким образом, лишь общий надзор, необходимость которого чаще всего

оказывалась сомнительной. На практике наблюдался вредный для дела параллелизм, дублирование функций (не случайно после войны член ВС военного округа стал одновременно и начальником политуправления). Военная прокуратура и трибунал также имели своих руководителей, и здесь роль члена ВС сводилась, по сути, к отдаче общих директив.

Разумеется, любые положения, инструкции определяют лишь общую линию. Конкретное наполнение пунктов и параграфов дает живая практическая деятельность. А на практике, несмотря на то, что военными советами по положению руководили командующие, Лев Захарович пытался брать эту функцию на себя. Ему с трудом удавалось преодолевать соблазн, как еще после финской кампании метко выразился Сталин, «класть командующего к себе в "карман" и распорядиться им, как вздумается».

По свидетельству бывшего министра здравоохранения СССР Е. И. Смирнова, после войны он предложил Сталину поставить министра Государственного контроля Мехлиса во главе одной из правительственных комиссий. На это Сталин «начал хохотать, схватившись за живот и вытирая слезы»: «Да разве Мехлиса можно назначать на созидательные дела? Вот что-нибудь разрушить, разгромить, уничтожить – для этого он подходит».

И все-таки Лев Захарович в 1943 г. был уже не тот, что в 41-м. Пообломал его вождь, пощипал ему перья. Да и Маркиан Михайлович умел находить общий язык со всеми, используя свой юмор.

Зато с Булганиным, как видно из воспоминаний Григоренко, было куда сложнее. К Сталину этот персонаж оказался гораздо ближе...

Николай Александрович Булганин (1895–1975), по официальным данным, происходит из семьи служащих. Но существуют источники, которые указывают на то, что его отец был выходцем из мещан и работал приказчиком на заводах известного хлебопромышленника Н. А. Бугрова. Сам Н. А. Булганин получил незаконченное среднее образование. В 1915-м начал свою трудовую деятельность учеником электротехника, а затем работал конторщиком. С 1918-го – в органах ВЧК. С заместителя председателя московской Нижегородской железнодорожной ЧК за несколько лет он поднимается по карьерной лестнице до заместителя начальника информационного отдела по транспорту ГПУ РСФСР (1922). В 1922–1927 гг. Булганин – помощник председателя электротехнического треста Центрального района, председатель государственного электротехнического треста ВСНХ СССР. В 1927–1931 гг. – директор Московского электрозавода им. Куйбышева. В 1931–1937 гг. – председатель исполкома Моссовета. С июля 1937-го – председатель Совнаркома РСФСР, а с 1938-го – заместитель председателя Совнаркома СССР. Одновременно

возглавлял правление Госбанка СССР. С июля по сентябрь 1941 г. и с февраля по май 1942 г. – член Военного совета Западного направления. С июля 1941-го – член Военного совета Западного фронта, с декабря 1943-го – член Военного совета 2-го Прибалтийского фронта.

По мнению маршала Г. К. Жукова, «Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, ничего не смыслил в оперативно-стратегических вопросах». А командир стрелковой дивизии В. М. Шатилов только и отметит, как Булганин не мог самостоятельно нанести на свою рабочую карту готовые данные о расположении своих войск и войск противника.

Один из руководителей советской разведки П. А. Судоплатов увидел Булганина таким: «Внешность Булганина была обманчива. В отличие от Хрущева или Берии Булганин, всегда прекрасно одетый, имел благородный вид. Позже я узнал, что он был алкоголиком и очень ценил балерин и певец из Большого театра».

Что касается певец из Большого, то достаточно почитать мемуары Галины Вишневской, чтобы удостовериться в этом. Пьянство же Николая Александровича никаких сомнений не вызывает.

Существует байка, а может быть, и вполне реальный документ (из доклада И. Сталину Л. Берии) о том, как «маршал Булганин в ночь с 6 на 7 января 1948 года, находясь в обществе двух балерин Большого театра в номере 348 гостиницы "Н", напившись пьяным, бегал в одних кальсонах по коридорам третьего и четвертого этажей гостиницы, размахивая привязанными к ручке от швабры панталонами фисташкового цвета одной из балерин и от каждого встречного требовал кричать: "Ура Маршалу Советского Союза Булганину, министру Вооруженных Сил СССР!" Затем, спустившись в ресторан, Н. А. Булганин, поставив по стойке смирно нескольких генералов, которые ужинали там, потребовал от них "целования знамени", т. е. вышеуказанных панталон. Когда генералы отказались, Маршал Советского Союза приказал метрдотелю вызвать дежурного офицера комендатуры со взводом охраны и дал команду прибывшему полковнику Сазонову арестовать генералов, отказавшихся выполнить приказ. Генералы были подвергнуты арестованию и увезены в комендатуру г. Москвы. Утром Маршал Булганин отменил свой приказ».

Когда в декабре 1943 г. генерал-лейтенанта Н. А. Булганина на посту члена Военного совета Западного фронта сменил генерал-лейтенант Л. З. Мехлис, уже можно было заподозрить неладное. Такая рокировка Сталина (Булганина он направил на 2-й Прибалтийский) у многих вызвала недоумение. Но секрет вождя оказался прост. Очень скоро от Мехлиса поступил необходимый донос, и на Западный фронт тут же выехала

чрезвычайная комиссия Ставки во главе с членом ГКО и секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым. А 11 апреля 1944 г. доклад Комиссии ГКО (№ М-715) был доложен товарищу Сталину. В нем говорилось:

«По приказу Ставки Верховного Главнокомандования Чрезвычайная Комиссия в составе члена ГКО тов. Маленкова (председатель), генерал-полковника Щербакова, генерал-полковника Штеменко, генерал-лейтенанта Кузнецова и генерал-лейтенанта Шимонаева провела работу штаба Западного фронта и на основании этой проверки установила следующее:

НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА

Начиная с 12 октября 1943 года по 1 апреля 1944 года Западный фронт под командованием генерала армии Соколовского на оршанском и витебском направлениях провел одиннадцать операций, а именно:

Оршанская операция 12–18 октября 1943 г.

Оршанская операция 21–26 октября 1943 г.

Оршанская операция 14–19 ноября 1943 г.

Оршанская операция 30 ноября – 2 декабря 1943 г.

Витебская операция 23 декабря 1943 г. – 6 января 1944 г.

Богушевская операция 8—24 января 1944 г.

Витебская операция 3—16 февраля 1944 г.

Частная операция на оршанском направлении 22–25 февраля 1944 г.

Витебская операция 29 февраля – 5 марта 1944 г.

Оршанская операция 5–9 марта 1944 г.

Богушевская операция 21–29 марта 1944 г.

Все эти операции закончились неудачно, и фронт поставленных Ставкой задач не решил. Ни в одной из перечисленных операций не была прорвана оборона противника, хотя бы на ее тактическую глубину, операция заканчивалась в лучшем случае незначительным вклиниванием в оборону противника при больших потерях наших войск.

Наступление на оршанском направлении 12–18 октября закончилось вклиниванием на 1–1,5 километра. Наши потери: убитых – 5858 человек, раненых – 17 478 человек. Всего – 23 336 человек.

Наступление на оршанском направлении 21–26 октября – продвижение от 4 до 6 километров. Наши потери: убитых – 4787 человек, раненых – 14 315 человек. Всего – 19 102 человека.

Наступление на оршанском направлении 14–19 ноября – продвижение от 1 до 4 километров. Наши потери: убитых – 9167 человек, раненых – 29 589 человек. Всего – 38 756 человек.

Наступление на оршанском направлении 30 ноября – 2 декабря –

вклинение от 1 до 2 километров. Наши потери: убитых – 5611 человек, раненых – 17 259 человек. Всего – 22 870 человек.

Наступление на витебском направлении 23 декабря – 6 января – продвижение на 8—12 километров. Противник отошел на ранее подготовленный рубеж. Наши потери: убитых – 6692 человека, раненых – 28 904 человек. Всего 35 596 человек.

Наступление на богушевском направлении 8—24 января – вклинение на 2–4 километра. Наши потери: убитых – 5517 человек, раненых – 19 672 человека. Всего – 25 189 человек.

Наступление на витебском направлении 3—16 февраля – продвижение на 3–4 километра. Наши потери: убитых – 9651 человек, раненых – 32 844 человека. Всего – 42 495 человек.

Частичная операция на оршанском направлении 22–25 февраля никакого результата не дала. В эту операцию части 52-го Укрепленного района сами попали в окружение, и с большими потерями было восстановлено первоначальное положение. Наши потери: убитых – 1288 человек, раненых – 4479 человек. Всего – 5767 человек.

Наступление на витебском направлении 29 февраля – 5 марта – продвижение от 2 до 6 километров. Наши потери: убитых – 2650 человек, раненых – 9205 человек. Всего – 11 855 человек.

Наступление на оршанском направлении 5–9 марта – успеха не имело. Наши потери: убитых – 1898 человек, раненых – 5639 человек. Всего – 7537 человек.

Наступление на богушевском направлении 21–29 марта – вклинивание от 1 до 3,5 километра. Наши потери: убитых – 9207 человек, раненых – 30 828 человек. Всего – 40 035 человек.

В этих безрезультатных операциях в период с 12 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г. только на участках активных действий фронт понес потери убитыми – 62 326 человек, ранеными – 219 419 человек, а всего убитыми и ранеными – 281 745 человек. Если к этому добавить потери на пассивных участках фронта, то за период с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт потерял – 330 587 человек. Кроме того, за это же время из войск Западного фронта в госпитали поступило – 53 283 человека больных.

В указанных выше операциях с октября 1943 по апрель 1944 г. Западный фронт израсходовал очень большое количество боеприпасов, а именно: 7261 вагон. За год же, с марта 1943 г. по март 1944 г., фронт израсходовал 16 661 вагон боеприпасов. За это же время, т. е. за год. Белорусский фронт израсходовал – 12 335 вагонов, 1-й Украинский фронт – 10 945 вагонов. 4-й Украинский фронт – 8463 вагона, и каждый из

остальных фронтов израсходовал боеприпасов меньше перечисленных фронтов. Таким образом, Западный фронт израсходовал боеприпасов гораздо больше любого другого фронта.

Безуспешные действия Западного фронта за последние полгода, большие потери и большой расход боеприпасов объясняются не наличием сильного противника и непреодолимой обороны перед фронтом, а исключительно неудовлетворительным руководством со стороны командования фронта. Западный фронт при проведении всех операций всегда имел значительное превосходство в силах и средствах перед противником, позволяющее безусловно рассчитывать на успех. (...)

В результате застойного положения на Западном фронте и продвижения соседних фронтов создано крайне невыгодное для нас начертание линии фронта на смоленско-минском направлении. Противник на этом направлении имеет выступ в нашу сторону глубиной до 150 километров.

Такое положение оказывает неблагоприятное влияние на соседние фронты, дает возможность противнику иметь в треугольнике Лепель, Могилев, Минск свою авиацию и воздействовать ею по кратчайшим направлениям по тылам Прибалтийских и Белорусского фронтов. Со стороны Западного фронта противник находится ближе всего к Москве.

II. Крупные недостатки в работе артиллерии

В проведенных операциях наша артиллерия, несмотря на сосредоточение ее в больших количествах и превосходство над артиллерией противника, не подавляла, как в период артиллерийской подготовки, так и в процессе боя, огневую систему противника. Зачастую артиллерия вела огонь по пустому месту, не выполняла заявок пехоты, теряла с ней взаимодействие, иногда вела огонь даже по своей пехоте. Пехота шла в атаку на неподдавленную огневую систему противника, несла громадные потери и не продвигалась вперед. Огневая деятельность нашей артиллерии, и особенно контрбатареями, во всех периодах боя была неполноценной и не отвечала предъявляемым к ней требованиям.

В 33, 31 и 5-й армиях были неоднократные случаи, когда артиллерия вела огонь по районам (квадратам), данным штабами артиллерии армии, а на самом деле в этих квадратах целей не было и артиллерия вела огонь по пустому месту, а нашу пехоту расстреливали огневые точки противника из других районов.

В операции 33-й армии 23 декабря 1943 г. на наблюдательных пунктах некоторых артполков были не офицеры, а рядовые бойцы. Не везде были наблюдатели в первом эшелоне пехоты. В результате этого 199-я стрелковая

дивизия была обстреляна своей артиллерией. В этой же дивизии дело доходило до того, что орудия прямой наводки вели огонь по своей пехоте.

При наступлении 33-й армии 3 февраля с.г. в ряде дивизий не было организовано взаимодействие артиллерии с пехотой. Так, например, 144 сд наступала на Павлюченки, а поддерживающая ее артиллерия вела огонь западнее Павлюченки. В это же время при наступлении 222 сд поддерживающая ее артиллерия молчала.

О неудовлетворительной работе артиллерии Западного фронта свидетельствуют многие показания пленных немцев.

Командующий Западным фронтом генерал армии Соколовский, бывший член Военного совета фронта генерал-лейтенант Булганин и командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии Камера повинны в том, что они не вскрыли крупных недостатков и ошибок в работе артиллерии. Среди артиллеристов царит самоуспокоенность, чванство и зазнайство. Артиллеристы своих ошибок и недостатков не вскрывают, не изучают, а пытаются замазать их. Фронт и армии до последнего времени не издавали приказов по недочетам в действиях артиллерии и не указывали мер по устранению их. В результате такого неправильного отношения командования фронта к делу руководства артиллерией в каждой операции повторялись грубые ошибки и недостатки в действиях артиллерии.

В период подготовки операции артиллеристы во всех звеньях исключительно плохо ведут разведку целей и не вскрывают огневой системы противника. Вследствие незнания целей артиллерия не может вести прицельного огня по конкретным целям, а, как правило, ведет малоэффективный огонь по площадям. В этот же период артиллеристы медленно развертывают разведывательные органы, разведку ведут пассивным наблюдением, мало применяют подвижные и выдвинутые к переднему краю обороны противника наблюдательные пункты. Старшие артиллерийские командиры и их штабы лично разведку почти не ведут и свои функции в этом важнейшем вопросе ограничивают сбором и фиксацией сведений от нижестоящих и менее квалифицированных инстанций, к тому же поступающие сведения не проверяются. Особенно плохо ведется разведка во время наступления пехоты. Разведорганам не нарезаются конкретные полосы и сектора наблюдения, а поэтому внимание разведчиков рассеивается по всему полю и они занимаются беспредметным наблюдением картины боя, а не розыском огневых точек противника. Во многих артиллерийских частях разведывательные подразделения содержатся в некомплекте, при полной штатной укомплектованности

небоевых подразделений. Для целей разведки и корректировки огня плохо используется авиация и совсем не используются аэростаты наблюдения.

Огонь артиллерии, как правило, планируется в высших штабах, без учета конкретных данных об огневой системе противника, вследствие этого он планируется не по целям, а по площадям. Исполнителям огневые задачи на местности ставятся очень редко. Во многих случаях командиры батарей и дивизионов получают схемы, которые не отвечают действительному положению целей. Такое планирование и доведение задач до исполнителей приводит к стрельбе по пустому месту и тем самым не обеспечивает подавление огневых точек противника. В период подготовки операции высшие артиллерийские штабы для своей работы по планированию забирают большую часть времени, отведенного на подготовку. В результате этого низшим артиллерийским звеньям почти не остается времени, особенно светлого, для отработки задач на местности и организации взаимодействия.

Артподготовка проводится по шаблону. Начало артподготовки обозначалось залпом РС, затем проводился период разрушения и в конце – налет артиллерии по переднему краю. Противник привык к этому шаблону и, зная порядок огня, умело сохранял свою живую силу в укрытиях. Вследствие же того, что в период артподготовки наша артиллерия, как правило, вела огонь по площадям и не подавляла огневую систему противника, наша пехота встречалась противником организованным огнем всех видов, несла большие потери и во многих случаях с самого начала не могла продвигаться вперед.

С начала наступления плохо организуется сопровождение пехоты артиллерией. Как правило, связь и взаимодействие пехоты с артиллерией и минометами в этот период теряется. Обнаруженные и мешающие нашей пехоте цели или совсем не подавляются, или подавляются с большим опозданием. Чрезмерная централизация артиллерии при продвижении пехоты вперед в руках командиров стрелковых дивизий и выше лишает командира батальона средств подавления и возможности реагировать на обстановку. Особенно плохо воспитаны минометчики, в ряде случаев они просто уклоняются от связи с пехотой, задерживаются в тылу, вследствие чего минометы бьют куда попало. Радиостанций в низовом звене мало, и питанием они не обеспечены, хотя во фронте радиостанций достаточно для того, чтобы обеспечить наступающие войска. Орудия прямой наводки, несмотря на обилие их в боевых порядках пехоты, используются плохо и неумело. Подчиненность этих орудий не определена, конкретных целей они зачастую не имеют. От пехоты орудия прямой наводки часто отстают и

вследствие этого иногда бьют по своим. Самоходные орудия используются неумело и должного эффекта не дают. Борьба с самоходными орудиями противника не организована и никем не планируется. Управление огнем в динамике боя осуществляется слабо. Вследствие незнания целей старший начальник бессилён в определении огневых задач подчиненным. Штабы артиллерии, как правило, находятся на большом удалении от наблюдательных пунктов, а следовательно, выключаются из управления огнем артиллерии.

Особенно плохо организуется контрбатарейная и контрминометная борьба с артиллерией и минометами противника как в период артподготовки, так и при продвижении пехоты вперед. Наши контрбатарейные и контрминометные группы не подавляют артиллерию и минометы противника, вследствие чего продвижение пехоты сдерживается сильным артиллерийским и минометным огнем противника и она несет большие потери, о чем свидетельствует тот факт, что в некоторых операциях процент осколочных ранений доходил до 70–80 %. Огонь контрбатарейных артгрупп вследствие плохого знания целей и отсутствия корректировки малоэффективен. Артиллерия дальнего действия привыкла стрелять по площадям, по знакам разрыва стреляет плохо, не умеет быстро и точно переносить огонь. Контрминометные группы подавлять минометные батареи противника не умеют, стреляют плохо и не метко.

Контроль за выполнением огневых задач почти не осуществляется. С исполнителя не спрашивают результатов огня, на него возлагается ответственность только за своевременное его открытие. Такое положение порождает безответственность у офицерского состава артиллерии.

III. Недостатки в планировании и подготовке операций

При планировании операций имели место факты неправильной группировки войск фронта, о чем командованию фронта указано директивой Ставки от 15.10.43 г. за № 30225. В этой директиве говорилось:

"Войска Западного фронта не выполнили поставленную им задачу – овладеть к 12.10. г. Орша – и ведут затяжные, безрезультатные бои, приводящие к потере времени, сил и средств. Происходит это вследствие неправильной группировки войск фронта.

Основная группировка, до половины всех стрелковых дивизий фронта с большей частью средств усиления, создана в центре фронта.

Эта группировка, в случае ее успешного продвижения, упрется в р. Днепр и, таким образом, дальнейшее развитие ее наступления будет ограничено. В то же время правое крыло фронта может наступать без форсирования р. Днепр и имеет возможность очистить Днепр путем удара

во фланг и тыл войскам противника, обороняющимся на Днепре".

Вопреки сложившемуся опыту войны командование Западного фронта в некоторых операциях организовывало прорыв на очень узких участках: в Витебской операции 23 декабря – на фронте 6 км, в Оршанской операции 5 марта – на фронте 5 км. Это позволяло противнику сосредоточить губительный фланкирующий огонь и в сочетании с контратакующими небольшими резервами исключить возможность продвижения нашей пехоты и нанести ей большие потери.

Штаб фронта от планирования операций был отстранен и фиксировал только ход событий, развивающихся по армейским планам. Никаких планирующих оперативных документов по проведенным операциям штаб фронта не имеет. Все проведенные операции планировались только в армиях и устно утверждались командующим фронтом. Вследствие этого штаб фронта не вносил своих предложений командованию по планированию и проведению операций и не осуществлял надлежащего контроля за выполнением решений командования.

Что касается подготовки операций, то и здесь были крупнейшие недостатки, отрицательно влияющие на исход операции.

Перегруппировка войск и подготовка к операциям проводились без должной скрытности и дезинформации противника, в результате чего почти во всех операциях внезапность была потеряна и операции протекали в условиях готовности противника к встрече нашего наступления, хотя формально фронтом и не издавалось никаких документов и все хранилось, якобы, в строжайшей тайне.

В некоторых операциях стрелковые дивизии и пополнение вводилось в бой с хода. В операции 5-й армии 22–25 февраля 184 сд в ночь на 21 февраля сдала свой участок обороны 158 сд и к утру 22 февраля вышла на исходное для наступления положение и с 8.00 этого же дня, после 10-ти минутного артналета, перешла в наступление и, конечно, успеха не имела. В операции 33-й армии 3—16 февраля 222, 164, 144 и 215-я стрелковые дивизии накануне наступления получили по 1500 человек пополнения и на следующее же утро ввели его в бой. Офицерский состав, прибывший на пополнение, принимал свои подразделения на исходном положении, а через несколько часов повел их в наступление.

При подготовке операций высшие штабы забирают для своей работы большую часть времени, отведенного на подготовку, а для производства рекогносцировок, отработки задач низшим звеньям на местности и на организацию взаимодействия времени почти не остается.

IV. О неправильном построении боевых порядков при наступлении

В большинстве операций, проведенных фронтом, армии, особенно 33-я армия, наступали, глубоко эшелонируя свои боевые порядки, и создавали излишнюю плотность живой силы, нарушая тем самым приказ Ставки № 306. Такое построение боевых порядков приводило к тому, что в дивизии атаквало 2–3 батальона, а остальные батальоны стояли в затылок. При этих условиях ударная сила дивизии использовалась не одновременно, а расходовалась по частям и огневые средства замораживались. Все это приводило к большим потерям еще до вступления войск в бой, а понеся такие потери и находясь под непрерывным огневым воздействием, части теряли свою боеспособность еще до боя.

V О недостатках в использовании танков

Как известно, опыт войны показал, что крупные танковые соединения должны использоваться для развития успеха после прорыва основной оборонительной полосы противника.

Вопреки опыту войны и указаниям Ставки по вопросу использования танковых соединений, командование Западного фронта имеющийся у него 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус бросало на нерасстроенную оборону противника, вследствие чего танковый корпус не мог продвинуться вперед и нес большие потери. В операции на оршанском направлении 14–19 ноября танковый корпус был введен в бой, когда пехота на фронте 3 км едва вклинилась в оборону на глубину 2–3 км. В операции 33-й армии на витебском направлении 23 декабря ввод танкового корпуса в бой планировался после овладения пехотой р. Лучеса (18 км в глубине обороны). На этом основании танковый корпус при продвижении пехоты в первые три дня наступления на глубину до 8–10 км в бой не вводился, а когда пехота была остановлена организованным огнем противника с заранее подготовленных рубежей и впереди продолжала оставаться р. Лучеса, танковый корпус бросается в бой и после потери 60 танков, не добившись успеха, отводится за боевые порядки пехоты. В операции на богушевском направлении 8 января танковый корпус был введен в бой, когда по существу никакого успеха пехота не имела. Понеся до 70 % потерь, танковый корпус продвинулся вместе с пехотой на 2–4 км и после этого был выведен из боя.

Таким образом, постоянное стремление командования фронта добиться прорыва обороны посредством преждевременного ввода в бой танкового корпуса не дало результатов и привело к тому, что в танковом корпусе в настоящее время осталось два танка.

В танковых бригадах, действующих непосредственно с пехотой, во всех боях наблюдаются исключительно большие потери. Основная причина

этих потерь заключается в том, что противотанковые средства противника не подавляются нашим артиллерийским огнем и отсутствует взаимодействие между танками, поддерживающей артиллерией и пехотой.

VI.

Штаб Западного фронта не выполняет своей роли. Штаб обезличен, оторван от командования фронта и от насущных задач, решаемых войсками, и по существу является каким-то статистическим бюро, собирающим только данные по обстановке и то с опозданием. Вопросы планирования операций, организации боя и контроля за выполнением принятых командованием решений на деле изъяты из функций штаба. В течение 4 месяцев начальник штаба и весь штаб находятся на расстоянии около 100 километров от расположения командования фронта, и за это время командующий и начальник штаба встречались не более 3–4 раз. С командующим на ВПУ (хотя в данном случае это название не подходит) находится от штаба один полковник, выполняющий по существу обязанности адъютанта. Такое невиданное в практике положение командующий фронтом тов. Соколовский считает вполне нормальным.

На такое положение низвел штаб не только командующий фронтом, но в этом повинен и начальник штаба генерал-лейтенант Покровский, который боится ответственности и не может самостоятельно принять решения даже по мелкому вопросу. Покровский не принимает никаких мер к выправлению создавшегося ненормального положения со штабом, работает формально и бюрократически. Начальник оперативного отдела генерал-майор Чирков безынициативный работник и на роль руководителя оперативного отдела фронта не годится.

VII.

Разведка на Западном фронте ведется совершенно неудовлетворительно. Добываемые ею данные зачастую являются недостоверными. Разведотдел штаба фронта не руководит деятельностью разведывательных органов армий, корпусов и дивизий и развалил агентурную разведку. Начальник разведотдела полковник Ильницкий сомнительные и преувеличенные сведения о противнике выдавал за достоверные.

Войсковая разведка не организована, ведется беспланово. Разведывательные операции подготавливаются и проводятся плохо. При больших потерях разведчиков, в среднем до 5 человек на одного захваченного пленного, войсковая разведка нужных для командования данных не добывает.

Разведка боем ведется нецелестремленно и проводится без

тщательной подготовки и организации, часто не обеспечивается огневой поддержкой, вследствие чего большая часть всех разведывательных действий войск фронта заканчивалась неудачно и с большими потерями.

Крупные недостатки имеют место в подготовке и проведении поисковых разведывательных операций и особенно в тылу у противника. Основная задача поиска – захват контрольных пленных – во многих случаях не выполняется. Так, в декабре месяце в 192 сд проведено 23 разведоперации с целью захвата «языка». Ни одного пленного в этих операциях не захвачено, а потери наших разведгрупп составили 26 человек убитыми и ранеными. В 192, 247 и 174 сд с 1 января по 15 февраля проведены сотни поисковых разведоперации и не захвачено ни одного пленного. В 331 и 251 сд разведчики неоднократно подрывались на своих минных полях, так как им не было указано их расположение.

Служба наблюдения в войсках фронта организована формально. Этим видом разведки никто не руководит, наблюдение ведется необученными людьми и зачастую превращается в беспредметный обзор местности, а конкретное наблюдение за противником отсутствует.

Указания Ставки, запрещающие использование в бою разведывательных подразделений, как обычной пехоты, на Западном фронте систематически нарушаются. Так, в январе 1944 г. в 33-й армии все разведывательные подразделения соединений и частей участвовали в наступлении как линейные подразделения и почти полностью были уничтожены.

Особенно крупные недостатки имеют место в агентурной разведке. Агентурная разведка на Западном фронте засорена сомнительными людьми, ведется примитивно и шаблонно. Добываемые этим видом разведки сведения зачастую не подтверждаются и нередко являются источником дезинформации.

Вербовка агентуры производится без достаточной проверки, не индивидуально. Агентура часто набирается группами из лиц, не проверенных и не имеющих жизненного опыта. В число агентов нередко попадали люди политически сомнительные, ненадежные, перевербовываемые немцами тотчас же после их выброски.

Подготовка агентов проходит неорганизованно и наспех, без надлежащего обучения. Многие агенты, не получая достаточной подготовки, быстро проваливались. Элементарные правила конспирации нарушались. Большие группы агентов общались между собой и хорошо знали друг друга. Так, разведгруппы Христофорова, Юрченко, Калниболотского и Ситникова, предназначенные для работы в тылу у

противника в разных районах, общей численностью в 28 человек, в течение всей подготовки размещались вместе, в одном помещении. Экипировка агентов, отправляемых в тыл противника, нередко являлась стандартной и позволявшей легко раскрывать нашего агента. На территорию, оккупированную немцами в 1941 г., посылались агенты в 1942 и 1943 гг. в одежде с пометкой о производстве ее Москвошвеем в 1942 и 1943 гг. Стандартность же их одежды, в случае провала одного агента, позволяла легко раскрыть и других наших агентов.

Разведотдел фронта не стремился к внедрению своей агентуры в штабы и воинские учреждения противника. Работа агентов протекала по линии наименьшего сопротивления и ограничивалась простым наблюдением и сбором слухов среди местного населения. Связь разведотдела со своими агентами, работавшими в тылу, находится в очень плохом состоянии. Многие агенты перестали присылать донесения исключительно потому, что нет питания для радиостанций. Разведывательный отдел, имея все возможности к бесперебойному снабжению агентов питанием для раций, относится к этому важному делу халатно и безответственно.

Авиационная разведка хотя формально и проводится, но данные, получаемые от авиации, своевременно не обрабатываются, не сверяются с другими источниками и зачастую не доводятся до войск. Фотосхемы и фотопланы застревают в высших штабах и в войска своевременно не направляются.

Радиоразведка, несмотря на большое количество радиосредств, работает плохо, очень часто дает абсолютно неправильные данные и вводит наши штабы в заблуждение.

Разведывательный отдел штаба Западного фронта с возложенными на него задачами не справляется. Переоценка сил противника, бесплановость в разведке, оторванность от войск, неумение добывать своевременно нужные сведения, отличить ложное от достоверного, таковы характерные черты в работе разведотдела штаба Западного фронта.

Начальник разведотдела полковник Ильницкий, при попустительстве командования фронта и начальника штаба фронта, систематически преувеличивал силы противника перед Западным фронтом. Это выразилось в увеличении количества дивизий и численного состава дивизий противника перед Западным фронтом.

VIII. О положении в 33-й армии в период командования генерал-полковника Гордова.

33-я армия во многих операциях на Западном фронте занимала

центральное место, ей придавались значительные средства усиления, командование фронта уделяло армии большое внимание и считало командира Гордова лучшим командующим армии. Однако факты показывают обратное. Нигде так плохо не был организован бой, как в армии Гордова. Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, вместо правильного использования артиллерии Гордов стремился пробить оборону противника живой силой. Об этом свидетельствуют потери, понесенные армией. Общее количество потерь, понесенных 33-й армией, составляет свыше 50 % от потерь всего фронта.

Вопреки указаниям Ставки, запрещавшим использование в бою специальных подразделений как обычную пехоту, Гордов нередко вводил в бой разведчиков, химиков и саперов.

К числу наиболее тяжких проступков Гордова следует отнести факты, когда Гордов весь офицерский состав дивизии и корпуса направлял в цепь.

В своем приказе от 4 сентября 1943 г., адресованном командиру 173-й стрелковой дивизии полковнику Зайцеву и командирам полков подполковнику Милованову, подполковнику Сизову, майору Гуслицер, Гордов требовал:

"Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд".

И дальше Гордов в приказе писал: "Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу".

4 сентября 1943 года Гордов приказал начальнику штаба 70 ск генерал-майору Иконникову:

"Немедленно все управление корпуса отправить в цепь. Оставить в штабе только начальника оперативного отдела".

Такие недопустимые действия Гордова приводили к дезорганизации управления боем и ничем не оправдываемым потерям в офицерском составе. За последние полгода в 33-й армии под командованием Гордова убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и начальников штабов дивизий, 38 командиров полков и их заместителей и 174 командира батальона.

Гордов преступно нарушил приказ Ставки о запрещении прибегать к расстрелам командиров без суда и следствия. Так, 6 марта по приказу Гордова без суда и следствия был расстрелян майор Трофимов, якобы за уклонение от боя. На самом деле, как установлено следствием, майор Трофимов не был виноват.

Во время боевых действий управление со стороны Гордова сводилось

к ругани и оскорблениям. Гордов часто прибегал по отношению к своим подчиненным к угрозам расстрела. Так было в отношении командира 277 сд генерал-майора Гладышева и командира 45 ск генерал-майора Поплавского. По заявлению ряда командиров, работавших с Гордовым, нечеловеческое отношение к людям, сплошная истерика так издергала их, что были случаи, когда командиры не могли командовать своими соединениями и частями.

Командование фронта проходило мимо всех этих безобразий в действиях Гордова, не поправляло его и продолжало считать его лучшим командующим армией.

IX. О командовании фронта

Главной причиной неудач операций на Западном фронте является неудовлетворительное руководство войсками со стороны командования фронта.

Командование Западного фронта, вместо изучения недостатков и их устранения, проявляло самодовольство, зазнайство, не вскрывало недостатков, не учитывало ошибок, не учило людей, не воспитывало кадры командиров в духе правдивости. Крупнейшие недостатки и ошибки повторялись во всех операциях. Причиной этого является тот недопустимый факт, что разборы операций, издания итоговых приказов по недостаткам и результатам боевых операций на Западном фронте не практиковались.

Несмотря на то, что одним из крупнейших недостатков при проведении операций была плохая работа артиллерии, этот недостаток не изживался и продолжал повторяться. Артиллерия во всех операциях, проводимых фронтом, не подавляла огневую систему противника и, следовательно, не обеспечивала продвижения пехоты. Командование фронта знало о больших потерях в людях вследствие плохой работы артиллерии, о громадном расходе боеприпасов и, однако, мер к выполнению работы артиллерии не принимало.

Командование фронта критики не терпит, попытки критиковать недостатки встречаются в штыки. Характерными в этом отношении являются резолюции генерала армии Соколовского на докладе офицера Генштаба, в котором освещались недостатки подготовки и руководства операцией, проводившейся 31-й армией 29 октября 1943 г. Резолюции эти следующие:

"Цена документа очень ничтожная, даже в хороший базарный день".

"Подполковник Некрасов, видимо, не думал, что писал. Человек, видимо, привык болтать вообще".

"Вранье!"

"Глупое вранье".

"Вранье".

"Писатель совершенно не понимает боя по прорыву обороны".

"Слова и не больше!"

Во фронте создана такая атмосфера и люди так воспитаны, что боятся ставить перед командованием фронта вопросы о недостатках. Со стороны отдельных командующих родами войск были робкие попытки указать на недостатки в действиях родов войск и разобрать их в приказе, но командующий фронтом отклонял такие попытки.

Указания командования по устранению недостатков носили характер устных, семейных наставлений, никого ни к чему не обязывающих. Так, например, положение в армии Гордова не изменилось вплоть до его отстранения Ставкой с должности командарма 33-й, хотя т. Соколовский и заверяет, что он давал устные указания Гордову о ликвидации творящихся в армии безобразий.

Командование фронта не представляло докладов в Ставку о недостатках и причинах провала операций и тем самым правдиво не вскрывало ни для себя, ни для Ставки причин невыполнения фронтом задач, поставленных Ставкой. Замалчивание действительных причин провала операций являлось в данном случае не чем иным, как формой обмана Ставки.

Командование фронта плохо разбиралось в людях, некритически относилось к их недостаткам. Этим объясняется тот факт, что генерал-полковник Гордов совершенно необоснованно считался лучшим командующим армии, а генерал-полковник артиллерии Камера считается хорошим артиллеристом, несмотря на то, что артиллерия не выполняла своих задач, полковник Ильницкий считается хорошим разведчиком, а на самом деле работа разведотдела фронта находится в разваленном состоянии.

Командующий фронтом т. Соколовский оторван от своих ближайших помощников – командующих родами войск и начальников служб, по много дней не принимает их и не решает их вопросов. Некоторые заместители командующего не знали о задачах своих родов войск в связи с проводившимися операциями, не говоря уже о том, что они не привлекались к разработке операций. Например: командующий БТ и МВ генерал-лейтенант танковых войск Родин заявил: "Меня ни разу не спрашивали, как лучше использовать танки. Я только диспетчер и посылаю танки то в одну, то в другую армию. Задачи танковых войск я узнавал в

армиях или от подчиненных танкистов".

Командование фронта оперативно не реагирует на нужды войск. Вследствие этого, например, в некоторых наступающих дивизиях, особенно в 33-й армии, на ручные пулеметы приходилось по одному диску, на станковый пулемет по одной ленте. Это приводило к тому, что в разгар боя пулеметчики не могли поддерживать пехоту, а большую часть времени занимались набивкой дисков и лент. В ряде операций артиллерия отставала от пехоты, вследствие отсутствия тяги к орудиям. Между тем во фронте имеется достаточное количество тяги для того, чтобы полностью обеспечить артиллерию наступающих войск, надо было только командованию фронта реагировать на нужды армии и своевременно маневрировать средствами фронта. В низовых звеньях артиллерии и пехоты не хватало раций, вследствие чего нарушалось взаимодействие между пехотой и артиллерией. А между тем в тылах и штабах фронта и армий раций имелось в достаточном количестве для обеспечения наступающих войск. По вине командования фронта в ноябре и декабре 1943 г., т. е. в разгар операций, во многих дивизиях имели место серьезные перебои в питании. По некоторым основным продуктам (мясо, рыба, хлеб, крупа) обеспеченность была не больше 5–7 суточных дач, с учетом имеющегося наличия продуктов в дивизиях, армиях и фронте.

Х.

1. С октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт, несмотря на превосходство в силах над противником и большой расход боеприпасов, продвижения вперед не имел. Все проведенные за эти полгода операции по вине командования фронта провалились. Западный фронт не выполнил задач, поставленных перед ним Ставкой Верховного Главнокомандования, и ослаблен в результате тяжелых потерь в людях и технике, явившихся следствием неумелого руководства командования фронта.

Западный фронт в настоящее время требует укрепления и помощи.

2. Такое положение на Западном фронте явилось результатом неудовлетворительного руководства командования фронта и, следовательно, в первую очередь неудовлетворительного руководства со стороны командующего фронтом генерала армии Соколовского, бывшего члена Военного совета Западного фронта генерал-лейтенанта Булганина и работающего ныне членом Военного совета фронта генерал-лейтенанта Мехлиса.

Командование Западного фронта зазналось, критически к своим недостаткам и ошибкам не относилось и не относится. Несмотря на провал в течение полгода одиннадцати больших и малых операций, командование

фронта уроков из этого не извлекло и не докладывало правдиво Ставке о положении на фронте.

Генерал армии Соколовский оказался, как командующий фронтом, не на высоте положения.

Тт. Соколовский и Булганин прежде всего несут ответственность за то, что на Западном фронте не было должного воспитания командных кадров в духе правдивости и непримиримости к недостаткам.

Ошибкой ныне работающего членом Военного совета Западного фронта генерал-лейтенанта Мехлиса является то, что он не докладывал в Ставку об истинном положении дел на фронте.

3. Особенно крупные недостатки имеют место в действиях артиллерии. Артиллеристы на Западном фронте ошибок своих не вскрывают, не исправляют их, в то время как плохая работа артиллерии явилась основной причиной неудач наступательных операций. В этом помимо командования фронта, в первую очередь, повинен командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии Камера. Ошибкой Главного маршала артиллерии т. Воронова является то, что он, находясь на Западном фронте, не вскрыл крупных недостатков в артиллерии и не доложил Ставке о плохой работе артиллерии на Западном фронте.

4. Штаб Западного фронта обезличен, оторван от командования и от войск и требует укрепления. Нынешний начальник штаба генерал-лейтенант Покровский не справляется со своими обязанностями.

5. Совершенно неблагополучно является положение в разведывательном отделе штаба фронта. Начальник разведотдела полковник Ильницкий требует специальной проверки и его необходимо заменить.

6. В интересах дела необходимо:

а) снять генерала армии Соколовского с должности командующего Западным фронтом как не справившегося с командованием фронтом и назначить его начальником штаба одного из фронтов. Назначить на Западный фронт нового командующего, способного выправить положение дел на Западном фронте:

б) объявить выговор генерал-лейтенанту Булганину за то, что он, будучи длительное время членом Военного совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте;

в) укрепить штаб Западного фронта и предупредить начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Покровского, что если он не исправит своих ошибок, то будет снижен в звании и по должности;

г) снять с должности командующего артиллерией фронта генерал-

полковника артиллерии Камера с понижением по должности. Назначить на Западный фронт нового командующего артиллерией, способного устранить недостатки в работе артиллерии. Обязать Главного маршала артиллерии Воронова немедленно заняться делом устранения крупных недостатков в артиллерии Западного фронта;

д) снять полковника Ильницкого с поста начальника разведотдела штаба Западного фронта с понижением по должности и снизить его в звании до подполковника. Назначить на должность начальника разведотдела штаба фронта опытного и проверенного командира. Обязать начальника Разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенанта Кузнецова принять все необходимые меры к выправлению положения дел в разведотделе штаба Западного фронта;

е) учитывая крупные ошибки генерал-полковника Гордова в командовании 33-й армией, а также ряд его неправильных действий, за что он был отстранен от командования 33-й армией, предупредить Гордова, что при повторении допущенных им ошибок в 33-й армии, он будет снижен в звании и должности.

Сообщить о недостатках Гордова командующему 1 – м Украинским фронтом маршалу Жукову, где Гордов в настоящее время работает в качестве командующего 3-й гвардейской армией.

Г. Маленков

А. Щербаков

С. Штеменко

Ф. Кузнецов

А. Шимонаев

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Постановление ГКО о недостатках в работе командования и штаба Западного фронта от 12 апреля 1944 г.

2. Приказ Ставки ВГК от 12 апреля 1944 г.» (Архив ЦК КПСС. Ф. № 2 —44 г. Л. 87—116).

12 апреля 1944 г., то есть на следующий день, Ставка ВГК (Сталин и Антонов) подписывает приказ «Постановление ГКО о недостатках в работе командования и штаба Западного фронта», в котором черным по белому написано: «Одобрить доклад от 11 апреля 1944 г. Комиссии...». И в этот же день следует еще один приказ Ставки ВГК № 220076: «На основании постановления ГКО от 12 апреля 1944 г. о работе командования и штаба Западного фронта Ставка Верховного Главнокомандования

ПРИКАЗЫВАЕТ:

I.

1. Генерала армии Соколовского снять с должности командующего Западным фронтом, как не справившегося с командованием фронтом и назначить его начальником штаба 1-го Украинского фронта.

2. Генерал-лейтенанту Булганину объявить выговор за то, что он, будучи длительное время членом Военного совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте.

3. Генерал-лейтенанта Покровского, начальника штаба Западного фронта, предупредить, что если он не исправит своих ошибок, то будет снижен в звании и должности.

4. Генерал-полковника артиллерии Камера снять с должности командующего артиллерией Западного фронта и направить его в распоряжение командующего артиллерией Красной армии.

5. Полковника Ильницкого снять с должности начальника разведотдела штаба Западного фронта, снизить в звании до подполковника и назначить на другую работу с понижением в должности.

6. Генерал-полковника Гордова, отстраненного от должности командующего 33-й армией, предупредить, что при повторении ошибок, допущенных им в 33-й армии, он будет снижен в звании и должности...»

(Архив ЦК КПСС. Ф. № 2—44 г. Л. 83—86).

Но что интересно, за вышеуказанные ошибки командующего войсками Западного фронта (февраль 1943 г. – апрель 1944 г.) генерала армии (27 августа 1943 г.) В. Д. Соколовского понижают только в должности, назначив начальником штаба 1-го Украинского фронта (апрель 1944 г. – апрель 1945 г.). Звание ему сохраняют. В апреле 1945-го он назначается заместителем командующего войсками 1 – го Белорусского фронта к маршалу Г. К. Жукову, а 3 июля 1946 г. ему присваивают звание Маршала Советского Союза (!).

Булганин после 2-го Прибалтийского назначается членом Военного совета 1-го Белорусского фронта (май – ноябрь 1944 г.), затем он – заместитель наркома обороны СССР, поднявшись в армии сразу же до уровня Г. К. Жукова и А. М. Василевского. В июле 1944-го Сталин присваивает ему звание генерал-полковника, а в ноябре 1944-го – генерала армии. В общем, цирк, да и только.

Зато с генерал-полковником артиллерии И.П. Камерой (1897–1952) поступили совершенно по-свински. К моменту этого приказа Иван Павлович тяжело болел и был вынужден уйти в отставку. Главный маршал

артиллерии Н. Н. Воронов хорошо знал этого военачальника: «Этот опытнейший артиллерист-практик отличался феноменальной памятью и отлично знал всех своих подчиненных командиров. Он обладал редкой особенностью очень деловито, с удивительными подробностями рассказывать о состоянии частей и подразделений, которые находились под его началом. Человек чуткой души и доброго сердца, но вместе с тем строгий и требовательный начальник, генерал Камера пользовался большим авторитетом среди подчиненных. Был у него один недостаток: не любил штабы, которые обычно называл унижительным словом "контора". Правда, зная мое отношение к штабам артиллерии, он избегал при мне произносить это слово, а если оно и вырывалось, всегда просил извинения».

Начальник разведывательного отдела полковник Я. Т. Ильницкий после снятия с должности и понижения в звании до подполковника был заместителем командира ряда стрелковых дивизий. В марте 1945-го его назначили начальником штаба 2-го гвардейского корпуса.

На фоне таких наказаний наказание Маркиана Михайловича Попова выглядит не просто несправедливым, но и весьма жестоким. Ведь, по сути, он был наказан один, да еще и с понижением в звании. В этом случае не пострадал ни начальник разведывательного отдела фронта полковник М. С. Маслов, ни командующий артиллерией фронта. Налицо был явный перебор. Более того, на 2-м Прибалтийском фронте не было никаких комиссий ГКО. За основу для соответствующих выводов Ставки было взято всего лишь донесение Верховному Главнокомандующему о скромных результатах наступления и потерях, подготовленное генералами Курасовым, Сандаловым и Штеменко совершенно с другой целью.

В личном архиве генерал-полковника Л. М. Сандалова сохранились письма тех лет. Например, в одном из них Леонид Михайлович пишет: «Сейчас время горячее, ежжу (вернее летаю) по частям.

Рейтера у меня уже нет, пошел по наклонной и почти исключительно благодаря своему семейству, которое старалось вмешиваться вплоть до командования и наезжали для этой цели сюда, сея кругом негодование.

У меня новый Хозяин – Попов, человек культурный и очень хороший».

И вот еще одно: «Еще раз поздравляю вас с первым мая и целую вас обоих.

Я много имею новостей...

Попова и Булганина у нас нет.

Они очень печально отсюда уехали, причем Попов получил уже место, такое же как у меня.

На его место назначен Еременко, из кабинета которого я говорил по телефону с тобой...

Очень жалко Попова и Булганина.

Замечательные люди.

Много им повредила жена моего начопер Антропова, необыкновенно вредная женщина, мировая сплетница и трепачка по всем вопросам, начиная с бытовых и кончая оперативными. Подхалимка и самая мерзкая тварь.

За это ее мужа, к ее изумлению, также убрали и приказали к штабам близко не подпускать».

Но нужно думать, что сплетни этой женщины также сыграли свою роковую роль. Они дошли до Генштаба и до Сталина.

Как рассказывал Главный маршал авиации Голованов, «пословица: "Кто старое помянет, тому глаз вон" – всегда дополнялась Сталиным: "А кто старое забудет, тому оба долой"».

Летом 1944 г. под Нарвой Маркиан Михайлович, еще по свежим следам, поведаёт своим родственникам историю своего смещения. Описывая ее, Антонин Александрович Попов вспомнит все до деталей: «Последовательно изложил все события, в том числе и освобождение города нашего детства и юности Новоржева, развалины которого сфотографировал адъютант, который сейчас в отлучке, а он не знает, где они хранятся, чтобы показать их мне.

Маркиан Михайлович целенаправленно акцентировал внимание на таких фактах и частностях, когда менялся взгляд на всю ситуацию. Это, прежде всего, относится к характеристике генерала А. И. Антонова. По его словам, это очень умный, крайне осторожный человек, обладающий эрудицией и высокой общей и военной культурой, с сильно развитым самолюбием; не допускающий критику в адрес Генштаба. Сказал о близости его к Сталину – почти то же самое, что позднее скажет выдающийся авиаконструктор, Герой Советского Союза генерал-полковник А. С. Яковлев, хорошо знавший "кухню" правительственного Олимпа. "Антонов был очень близок к Сталину, который считался с его мнением, питал к нему явную симпатию и доверие, проводил вдвоем с ним долгие часы, обсуждая положение на фронтах, планировал будущие операции".

Отсюда становится ясным почему Антонов "переиграл" (по выражению Маркиана) план Военного совета фронта, в свое время одобренного Сталиным. И далее. Оказывается, Попов после начавшего малорезультативного апрельского наступления имел крупный разговор с Антоновым: "Я сказал ему, что успеха можно добиться только при

обходном, севернее Идрицы, наступлении, при одновременной поддержке с юга армий Баграмяна и действий Говорова на Псковско-Островском направлении". Это было уже принципиальное расхождение, порочащее замысел Генштаба и диктовавшее новый подход к решению проблемы освобождения Прибалтики. Позднее стало известно, что Генштаб работал над этой проблемой, исправляя допущенную ошибку, 18 апреля создал 3-й Прибалтийский фронт. Нелады с Антоновым и предвзятые высказывания члена Военного совета Булганина, бывшего председателя Совнаркома РСФСР, подлили масла в огонь! "Не виноват, – продолжал он, – а в вину ставят мне ошибки другого. Отход части армий противника на участке 1 – й ударной армии генерала Короткова не был замечен его разведкой, утверждают же – войсками 2-го Прибалтийского фронта. – Тень... на весь фронт, значит виноват Попов! Хотя в условиях лесисто-болотистой местности концентрация их в армейских подвижных группах была более чем разумным актом. Мне-то эти места с детства знакомы.

Антонов обвинил меня в том, что, якобы обладая превосходством в силах над противником, я не выполнил задач, поставленных Ставкой. В действительности только одну: не захватил Идрицу, но в этом повинен Генштаб, сам Антонов. В дивизиях тогда едва насчитывалось по 2–3 тысячи человек – какое уж тут превосходство!

Далее пошли уже булганинские размышления: что я зазнался, не терплю критики, встречаю в штыки предложения, исходящие из Генштаба, не знаю истинного положения войск, отсюда – неподготовленность операций". Правда, сказанное он относил и на себя, говоря: "мы... – оба" и т. п. – для камуфляжа этого провокационного словоблудия. В итоге, – и он, пододвинув большую коробку с папиросами, угостил нас излюбленным "Казбеком". После фронтовой махорки, дрянных немецких сигарет и своих третьесортных папирос, я с удовольствием затянулся приятным дымком "Казбека" – он же после глубокой затяжки с надрывом сказал: "В итоге: решением Государственного Комитета Оборона я был снят с командования фронтом, понижен в звании и переведен сюда – и он рукой указал на блиндаж с тремя отделениями явно немецкого происхождения, – а Булганин, вскоре с повышением в звании, назначен замнаркома обороны"».

Далее троюродный брат полководца делает любопытный вывод: «Начальник его штаба Сандалов остался на месте, а член Военного совета фронта Булганин пошел наверх, назначен замнаркома обороны.

Следовательно, побудительным мотивом отстранения Попова явились даже не столько принципиальные расхождения с Антоновым (что весьма существенно), сколько происки, оговор Булганина, при прямом или

молчаливом согласии первого и недоброжелательности самого Верховного. Недаром Хрущев считал, что "Булганин был стукачом у Сталина, который за это сделал его маршалом". К тому же все, что Маркиан рассказал нам, хорошо было известно брату Петру, сестре Валентине, его родителям, которые в разное время с теми или иными нюансами напоминали об этом автору».

Нашлись и те, кто подтвердили сказанное: «Много позже, когда я занимался составлением биографии М. М. Попова, все им сказанное подтвердил генерал армии А. П. Белобородов, одно время занимавший пост начальника Главного управления кадров Министерства обороны. И надо полагать, хорошо знавший историю смещения генерала Попова по документам, хранившимся в его личном деле, и подоплеке их возникновения. Это же подтвердили и генералы П. Н. Бибиков, сославшийся на мнение генерала армии И. Х. Баграмяна, и Н. П. Духанов, опиравшийся на высказывания руководящих сотрудников штаба Ленфронта».

В конце этого разговора, поясняя причины неудачи на Идрицком направлении, Маркиан Михайлович сказал: «Я захватил Новоржев, в районе Пундровки, помните такую деревеньку по дороге на Пушкинские горы, немцы меня остановили. Правда, пожертвовав двумя-тремя дивизиями, можно было их оборону прорвать, но на эти жертвы я не пошел».

Начальник штаба фронта

Приказом Ставки ВГК от 28 апреля 1944 г. генерал-полковник М. М. Попов был назначен начальником штаба Ленинградского фронта. Это была самая настоящая трагедия в жизни одаренного военачальника и состоявшегося полководца. Но он держался, никому и никогда не показывая свои переживания, прекрасно понимая, что, значит, так Богу угодно...

По подсчетам Ф. В. Симонова из 24 маршалов и генералов, которые были назначены на должность командующих фронтами в 1941 г., 9 человек в 1942-м в этих списках не значились. Как подчеркивает автор книги «Они командовали фронтами», «...маршал К. Е. Ворошилов, генералы И. А. Богданов, Ф. И. Кузнецов, Д. И. Рябышев, П. П. Собенников, И. И. Федюнинский до конца войны уже не назначались на эти должности». Вывод Ф. В. Симонова категоричен: «Это еще раз подтверждает, что Сталин, Ворошилов и нарком обороны СССР маршал Тимошенко, который лучше всех должен был знать деловые качества старшего командного состава Красной армии, не имели ясного представления о его профессиональной подготовке и умении руководить оперативными объединениями и соединениями на поле боя. (...)

Однако отбор кандидатов на роль первых командующих фронтами, которые должны были решить главную задачу по разгрому врага, вызывает недоумение.

Они не были элитой среди старших военачальников Красной армии, к тому же опыт командования оперативными объединениями у них был явно недостаточный».

Все это очень близко к истине. Но, как известно, всегда и во всем бывают исключения. В том числе это касается и Маркиана Михайловича Попова.

Но вернемся к статистике: «Даже самому талантливому, быстро продвинувшемуся во время войны генералу И. Д. Черняховскому потребовалось 2 года 9 месяцев и 25 дней, чтобы пройти путь от командира дивизии до командующего войсками фронта.

Из числа 24 человек, которые назначались командующими войсками фронтов в 1941 г., только 5 человек оказались в числе командующих на завершающем этапе Великой Отечественной войны: Еременко, Жуков, Конев, Малиновский, Мерецков».

Не оспаривая заслуг каждого из вышеперечисленных полководцев,

сегодня можно с уверенностью сказать, что место одного из них вполне мог занять и Маркиан Михайлович Попов. Но, как мы знаем, везение отворачивалось от него дважды.

К сожалению, а может быть и к счастью, генерала Попова не отличали ни обстоятельность, ни предусмотрительность по отношению к Ставке. Весьма важные черты в военной карьере. Согласовывая свои решения с Генштабом, он не всегда выяснял мнение «высшей инстанции», а будучи уверенным в своей правоте, чаще всего, и вполне объективно, настаивал на своем. И это помешало ему занять предназначенное ему место в плеяде самых первых советских полководцев.

До сих пор мы можем услышать или прочитать совершенно другие причины, помешавшие генералу Попову подняться гораздо выше. Но это не более чем личное мнение тех, кто позволил себе «по-дружески» оскорбить Маркиана Михайловича.

Если внимательно посмотреть на возраст всех командующих войсками фронтов, а это 43 генерала и маршала, то самыми молодыми из них можно назвать генерала армии Н. Ф. Ватутина (1901), Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова (1900), генерала армии П. А. Курочкина (1900), генерала армии И. И. Масленникова (1900), генерала армии М. М. Попова (1902, а фактически 1904), генерала армии И. И. Федюнинского (1900) и генерала армии И. Д. Черняховского (1906). Словом, самыми молодыми командующими фронтами в годы войны были М. М. Попов и И. Д. Черняховский. Вот только генерал Черняховский вступил в командование войсками 3-го Белорусского фронта в 37 лет, а генерал Попов командовал Северным фронтом в 36. И что очень важно, один на заключительном этапе войны, а второй, как и в ее начальном периоде, так и на заключительном.

В своей записке, датированной 22 августа 1944 г., Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал начальнику Главного управления кадров Наркомата обороны Ф. И. Голикову: «При разработке плана использования и создания кадров Красной армии после войны нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны. Чему нас учит полученный опыт? Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Буденный, Черевиченко, Тюленев, Рябышев, Тимошенко и др.). На армии ставились также малоизученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии

и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат Оборона в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих – командовать фронтами и армиями. Еще хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры. Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

Вывод: Если мы не хотим повторить ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Затраченные средства окупятся успехами войны. Видимо, в мирное время нужно иметь два-три комплекта командиров дивизий и полков, которые бы обеспечили полное развертывание армии и трех-четырёхмесячное ведение войны. Каждому командующему фронтом и армией иметь заранее отобранного и подготовленного заместителя».

Примечательно, что, называя Голикову имена командующих фронтами, якобы проваливших одно дело за другим, Жуков без зазрения совести указывает имя своего бывшего шефа (наркома обороны) Тимошенко, а также имя талантливого, непонятно что провалившего, генерала Попова. Причем писал эти строки полководец Победы тому, кто сам крайне неудачно руководил армиями и фронтами, терял управление войсками, а посему с марта 1943-го возглавил кадры Красной армии и на фронт более не допускался. Георгий Константинович прекрасно это знал, ибо сам однажды был направлен Ставкой на Воронежский фронт, которым командовал генерал Голиков. Для исправления ситуации ему даже пришлось срочно принимать на себя непосредственное управление войсками.

Известный военачальник генерал-лейтенант М. Ф. Лукин в интервью писателю К. М. Симонову так оценил маршала Тимошенко: «Я считаю, что Тимошенко в это время был настоящим командующим Западным фронтом. Смотрите, с ничтожными силами, когда прежний Западный фронт потерпел поражение, то есть фактически развалился, он создал сплошной фронт, правда, с помощью Верховного командования. Он противника два с половиной месяца не пускал к Москве. Покажите мне того командующего, который мог! Покажите! Кто? Где, на каком участке фронта? А он сумел. Говорят, у него были хорошие командующие – Лукин, Конев, Курочкин. Но ведь и у других тоже были командующие. Почему только именно у него? Я считаю, что это большая заслуга его и Военного совета, что он именно на

этом направлении держал противника, не пустил к Москве. Я считаю, что он был в то время на высоте. Он никогда не мешал, не вмешивался в мелочи».

О сути отношений М. М. Попова с Г. К. Жуковым в своей книге откровенно поведаёт его троюродный брат: «... для них характерно определение генерала Симоняка: "Не сошлись характерами". Г. К. Жуков знал М. М. Попова ещё по Дальнему Востоку, через него и Шапошникова (Генштаб – 1940–1941 гг.) проходило награждение Попова и присвоение звания генерал-лейтенант за деятельность на Дальнем Востоке. В своих "Воспоминаниях и размышлениях" он четыре раза упоминает фамилию Попова, рассказывает о встрече с ним, но не подчёркивает своего личного, человеческого к нему отношения: благорасположение, приязни или наоборот – со знаком минус, и то и другое во множестве имеет место в отношении других командиров, с которыми он сталкивался по службе или в частной жизни. Но есть одна фраза, поражающая своей лаконичностью, чёткостью мысли и слова, ставшая, как уже упоминалось, ключевой в судьбе Попова. Эта фраза – повторение известной реплики Сталина: "мало, что честный, одной честности недостаточно. Дураки тоже честными бывают. Нам важно, что он был не только честен, но чтобы он дело знал". Г. К. Жукову она врезалась в память на всю жизнь, став критерием оценки деловых качеств командира.

"Работает неплохо и дело свое знает", – сказано им о Попове. Эта краткая формулировка включала в себя, в его понимании, емкое содержание: гибкий ум и верный глаз, волю и упорство, организаторские способности, знания и умение хорошо разбираться в оперативно-стратегических вопросах и добиваться их воплощения в жизнь... В своем окружении он не терпел бездельников, мастеров показухи. Людей же дела поддерживал и продвигал.

Тем же платил ему и М. М. Попов – относился с уважением за огромный вклад в дело Победы над фашизмом, считая его первым среди советских полководцев и военачальников, подлинным народным маршалом, с присущими ему человеческими слабостями и недостатками, которые с лихвой покрывались его делами. В полном соответствии с умным высказыванием, не помню чьим, великие люди оцениваются не по их недостаткам, а по их достоинствам. Он старательно выполнял его приказы, указания, реализуя их с наименьшими потерями. Он не разделял расхожие тогда взгляды некоторых известных уже генералов о достижении победы "любой ценой", из числа так называемых "пожирателей дивизий", девиз которых: "за ценой не постоим!"

Люди не без таланта, вот – поди ж ты, способные на пренебрежение человеческими жизнями ради карьеры, личного благополучия. В его сознании, в дни суровых и жестоких испытаний войной – это никак не уместалось, казалось противоестественным, преступным... (...)

Однако относился он к маршалу без малейшей угодливости, к слову сказать, – без "чего изволите", распространенного тогда в армии».

Словом, отношения Попова и Жукова были непростыми. Один славился крутым нравом и грубостью. Другой корректностью и внимательностью. Не зря же сам Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский напишет: «Что касается Г. К. Жукова, то его большой вклад в дело нашей победы бесспорен. Однако в отношениях с товарищами и подчиненными он был неоправданно жестоким». Что тут добавить?

Если только слова однокашника М. М. Попова по академии генерала Н. Н. Симоняка: «Сложный человек, умный, храбрый. Но мы, знаешь, с ним натурами не сошлись. Он покрикивать любит, оскорбить может... А меня ведь мать тоже характером не обидела... Отправил шифровку в Ставку... с просьбой о переводе на другой фронт»...

С Московского вокзала генерал Попов сразу же направился в Смольный. В окно автомобиля он видел, как быстро восстанавливается город, израненный непрерывными немецкими обстрелами и бомбежками.

Внешний вид города действительно заметно менялся. Впервые за годы войны в Ленинграде начали ремонт и окраску фасадов зданий. Из центра города стали исчезать огороды, а газоны приводились в порядок. На улицах и пустырях, возникших после разборки завалов, сажали саженцы деревьев и кустарники. Пятнадцать трамвайных маршрутов связали пассажирским сообщением все районы города. У Смольного появились голуби. В Ленинград возвращались и возобновляли свою деятельность все новые и новые высшие учебные заведения. Работали издательства и библиотеки. А буквально со дня на день должна была открыться выставка «Героическая оборона Ленинграда».

29 апреля 1944 г. генерал-полковник М. М. Попов представился командующему фронтом Л. А. Говорову...

Генерал армии Леонид Александрович Говоров родился в крестьянской семье в д. Бутырки (1897) ныне Богородского района Кировской области (Вятской губернии). После окончания сельской школы блестяще окончил Елабужское реальное училище и поступил в Петроградский политехнический институт. Но мечта стать инженером не сбылась. В 1916-м его направили в Константиновское артиллерийское училище, из которого подпоручик Говоров вышел в 1917-м.

После демобилизации он вернулся в Елабугу, но вскоре был мобилизован в армию Колчака. Ровно через год (октябрь 1919 г.) Говоров с частью своей батареи ушел в Томск, где в составе боевой рабочей дружины участвовал в восстании против белогвардейских войск.

В Красную армию вступил в январе 1920-го, получил блестящее образование. Окончил артиллерийские курсы усовершенствования (1926), Высшие академические курсы (1930), Военную академию им. Фрунзе (1933), Академию Генштаба (1938).

В годы Гражданской войны воевал на Восточном и Южном фронтах против войск адмирала Колчака, генерала Врангеля и повстанцев на Украине. Был командиром отдельного легкого артиллерийского дивизиона и помощником начальника артиллерии 51-й стрелковой дивизии. Был дважды ранен: в районе Каховки – осколком в ногу, а в бою под Антоновкой получил пулевое ранение в руку. За храбрость был награжден самим председателем Реввоенсовета республики Л. Д. Троцким красными революционными шароварами. С будущей женой Леонид Александрович познакомился в 1923 г. в Одесском оперном театре. Все точь-точь, как в знаменитом фильме «Офицеры»...

Только вместо Испании за его плечами была советско-финская война, где он участвовал в подготовке и осуществлении артиллерийского обеспечения при прорыве «линии Маннергейма».

В межвоенный период Говоров проходил службу на должностях: начальника артиллерии стрелковой дивизии (1923), начальника артиллерии Рыбницкого укрепрайона (1931), начальника артиллерии стрелкового корпуса (1934), начальника 1-го отделения артиллерийского отдела Киевского военного округа (1936), старшего преподавателя (1937) и доцента (1938) кафедры тактики артиллерии Военной академии им. Дзержинского.

С марта 1940-го Л. А. Говоров – заместитель генерал-инспектора артиллерии Главного артиллерийского управления Красной армии, а с мая 1941-го – начальник Военной академии им. Дзержинского.

В годы войны Л. А. Говоров (с августа 1941 г. генерал-лейтенант артиллерии) – начальник артиллерии войск Западного направления. Затем – начальник артиллерии войск Западного направления, начальник артиллерии Резервного фронта, заместитель командующего войсками Можайской линии обороны, начальник артиллерии Западного фронта. С октября 1941-го командовал 5-й армией этого фронта на можайском направлении, войска которой в январе 1942-го освободили города Можайск и Гжатск. С апреля командовал Ленинградской группой войск

Ленинградского фронта, а с июня 1942 г. Ленинградским фронтом.

15 января 1943 г. Л. А. Говорову присвоено звание генерал-полковника, а 17 ноября – генерала армии. Маршалом Советского Союза он станет 18 июня 1944 г.

В семье Говоровых до сих пор хранится миниатюрная модель танка-чернильницы Т-34 из латуни с надписью «Маршалу Советского Союза Сталину от гвардейцев 5-й танковой армии». По словам В. Малышева, история ее такова: «В разгар подготовки операции по прорыву блокады Ленинграда Сталин вызвал Говорова и спросил, нет ли у него каких-либо просьб к Ставке. Видя хорошее расположение вождя, тот заявил, что накануне наступления хотелось бы иметь побольше танков.

Сталин нахмурился, потом сказал: "Нет у меня сейчас для вас танков". А затем устало добавил: "Возьмите, товарищ Говоров, хоть этот". И показал на стоящий у него на столе танк-чернильницу.

Говоров принял это за шутку, поблагодарил и ушел. А потом с удивлением увидел на сиденье своего автомобиля сверток. Там был танк со стола Сталина. А настоящие боевые машины все-таки поступили в распоряжение Ленинградского фронта к началу наступления»...

Выслушав короткий рапорт нового начальника штаба, Леонид Александрович сразу же предупредил о необходимости немедленно включиться в работу и просил начать ее с тщательного изучения директивы Ставки о наступательной операции по разгрому финнов на Карельском перешейке, которая была получена накануне. Затем командующий попросил не затягивать с приемом дел. Генерал Д. Н. Гусев, бывший до Попова начальником штаба, был уже назначен командующим 21-й армией, и ему требовалось как можно скорее приступить к исполнению своих новых обязанностей.

«С Д. Н. Гусевым, – вспоминал Маркиан Михайлович, – мы были знакомы еще с довоенных времен, и поэтому никаких процедур взаимного представления и знакомства не потребовалось. Мы смогли сразу же перейти к делу.

Ровно в 18 часов мы с Гусевым были у Говорова. В его кабинете уже находились члены Военного совета фронта А. А. Жданов и А. А. Кузнецов.

По принятому порядку, Гусев четко отрапортовал о сдаче штаба, а я следом за ним – о приеме, и тут же положили на стол Говорову наши рапорты и проект приказа по фронту. Командующий их внимательно прочитал, расписался на рапортах и подписал приказ. После этого Говоров и члены Военного совета пожали нам руки. Комфронта жестом пригласил нас сесть и спросил, что нам удалось сделать за сегодняшний день.

Мы кратко доложили. После этого мы коснулись состава и задач 21-й армии, которая дислоцировалась в районе Ропши. Оказывается, данная дислокация армии указана была Ставкой. Противник должен был так рассуждать: раз Ленинградский фронт в условиях полной блокады сумел организовать и успешно провести большое зимнее наступление, то уже летом он, конечно, бездействовать не будет. Однако враг не знал, куда Ленфронт нанесет свой удар – по направлению на Эстонию или на Финляндию. Поэтому, чем дальше наша 21-я армия будет находиться в районе Ропши, тем дольше фашистское командование будут раздирать сомнения. Таким образом, эта дислокация была одним из звеньев нашей оперативной маскировки, но только одним. Общий план оперативной маскировки надлежало разрабатывать уже мне вместе со всеми начальниками родов войск и служб.

В 20 часов наше заседание закончилось».

Немного отдохнув, Маркиан Михайлович приступил к изучению директивы Ставки. На часах было ровно 23.00: «Директива, как всегда, была составлена в исключительно лаконичном стиле. Мы знали, что ее писал первый заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов – очень эрудированный и высокой культуры человек, с большим опытом штабной службы. Нам было известно, и как создавался этот документ.

Задолго до его написания Л. А. Говоров вместе с начальником разведуправления фронта П. П. Евстигнеевым тщательно обсуждал все накопившиеся у нас данные о финнах и их обороне. Так же тщательно была изучена по крупномасштабным картам местность на всем Карельском перешейке и особенно перед передним краем его оборонительных полос. После личных указаний Верховного Главнокомандующего о задачах фронта и средствах, выделяемых на его усиление, Говоров уже конкретно, на основе имевшихся у него данных, принял решение на проведение операции и доложил его И. В. Сталину. Затем комфронта принял участие в разработке директивы Ставки фронту.

В директиве указывалось, что Ленинградский фронт во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом должен подготовить и не позже первой половины июня с. г. провести Выборгскую операцию с нанесением главного удара вдоль побережья Финского залива в общем направлении Старый Белоостров – Выборг – Лаппенранта. Задачей этой операции являлось уничтожение основных сил финских войск на Карельском перешейке, а также выход наших войск северо-западнее и западнее Выборга, с тем чтобы создать реальную угрозу важнейшим жизненным центрам Финляндии на юге страны.

Карельский фронт, находившийся справа от Ленинградского, войсками своего левого крыла должен был наступать вдоль побережья Ладожского озера с целью разгромить основные силы финской группировки "Олонец", очистить от противника Южную Карелию и создать условия для вторжения в глубь Финляндии.

Далее следовали указания о сроках овладения некоторыми рубежами и, я бы сказал, самые интересные и ценные параграфы – о выделении фронту средств усиления из резервов Ставки. Директива также предусматривала выделение фронту пополнений рядового состава, офицеров и всевозможной техники для полного укомплектования соединений и частей фронта».

Только в 4 часа Маркиан Михайлович отпустил своего помощника, чтобы поспать до 8-ми, а уже в 9 часов к нему в кабинет входили начальники разведывательного и оперативного управлений.

Первым докладывал разведчик генерал-майор П. П. Евстигнеев: «К концу апреля 1944 г. на Карельском перешейке финны создали четыре оборонительные полосы с промежуточными и отсечными позициями, которые наряду с полевыми сооружениями были достаточно насыщены железобетонными, броневыми и дерево-земляными сооружениями и всевозможными препятствиями (противотанковые рвы, гранитные надолбы, завалы, минные поля, проволочные заграждения и др.). Здесь противник сосредоточил 5 пехотных дивизий, одну танковую и 4 бригады (в том числе одну кавалерийскую, одну пехотную и две береговой обороны)». Следующим докладывал начопер генерал-майор А. В. Гвоздков: «На р. Нарве держали оборону 8-я, 2-я ударная и 59-я армии с далеко не полными дивизиями. За ними – 8-й эстонский корпус с полнокровными дивизиями. В резерве комфронта юго-западнее Ленинграда были 30-й гвардейский и 109-й стрелковые корпуса.

На Карельском перешейке оборонялась 23-я армия.

Решение командующего на прорыв обороны финнов на Карельском перешейке сводилось к следующему: привлечь к прорыву 21-ю, 23-ю общевойсковые и 13-ю воздушную армии, а также Краснознаменный Балтийский флот и Ладожскую военную флотилию. Кроме того, на этом же направлении сосредоточить сильные резервы фронта – 2 стрелковых корпуса и 4 отдельные стрелковые дивизии. Главный удар нанести из района северо-восточнее Сестрорецка в общем направлении на Выборг частями 21-й армии (3 стрелковых корпуса) с задачей прорвать оборону финнов в полосе примерно 20 км (левым флангом вдоль Финского залива), уничтожить противостоящие силы противника и, развивая наступление, к

исходу 9—11-го дня операции овладеть Выборгом».

Следующими посетителями стали начальники родов войск. Когда они собрались, Маркиан Михайлович оглядел всех и с присущим только ему юмором сказал:

– Что ж, товарищи, знакомые все вижу лица!

Генералы заулыбались...

«Заслушав доклады... я убедился, что многие из них ничего не знают о предстоящей операции, – зафиксировал в своей рабочей тетради М. М. Попов. – Тем лучше. Однако некоторые из начальников по существу уже приступили к непосредственной работе по ее подготовке, отнюдь о ней не догадываясь. Так, например, отдел укомплектования подсчитывал распределение пополнения, прибывшего на фронт, а начальник топографического отдела готовил справку начальнику штаба фронта об обеспечении картами по перешейку, по Финляндии в целом, а также и по всей Эстонии. Б. В. Бычевский, начальник инженерных войск, ознакомил меня с предварительными наметками плана инженерного обеспечения операции.

Очень большая работа предстояла еще до начала операции. Между передовыми траншеями противника и нашими расстояние достигло местами 500–600 м и более. Это ставило в очень невыгодное положение наш исходный для наступления плацдарм. Необходимо было вырыть новые траншеи на удалении 150–200 м от переднего края противника, ходы сообщения, оборудовать огневые площадки, наблюдательные пункты и хотя бы подбрустверные блиндажи. Все эти работы следовало выполнять силами 23-й армии при максимальной маскировке, на которую трудно было рассчитывать в условиях белых ночей. Надлежало разработать и провести ряд больших мероприятий, чтобы убедить финнов, что мы здесь просто усиливаем свою оборону.

Я согласился с этим предложением Бычевского, после чего у нас завязалась длительная, но очень интересная и содержательная беседа по поводу предстоящей операции. Подготовка ее только в самом зародыше, а у Бычевского уже возникало много вопросов и предложений. Я давно знал его пытливым и очень изобретательным ум, поэтому многое взял на заметку и внес в свою рабочую тетрадь. Расстались мы поздно, довольные этой встречей.

Вскоре позвонил В. Ф. Трибуц. Договорились встретиться завтра, и 1 мая я провел с Владимиром Филипповичем. Встреча была очень приятной и полезной, так как мы обстоятельно поговорили об участии флота в предстоящей операции.

На другой день, 2 мая, мы с Гвоздковым составили проект директивы фронта.

Мы "считывали" каждый ее параграф, делая заметки на полях, а затем обсуждали их, еще и еще раз возвращаясь к картам, чтобы предусмотреть все могущие возникнуть у исполнителей неясности и вопросы.

Затем мы разошлись по своим кабинетам, чтобы еще раз уже совершенно самостоятельно и без всяких помех вчитаться в подготовленный проект директивы. Поздно вечером ко мне собрались все операторы и начальники родов войск и служб, которым был роздан окончательный проект директивы с предложением изучить его и подготовить свои замечания. К счастью, замечаний было немного, и часть из них была принята.

3 мая около 11 часов утра мы были у А. А. Говорова с картами и проектом директивы. Мне уже было известно, что командующий исключительно придирчив ко всем оперативным документам, ко всем формулировкам и не терпит неясностей, недомолвок. Л. А. Говоров очень внимательно читал директиву, возвращаясь к некоторым параграфам по нескольку раз и делая какие-то пометки. После внесения некоторых поправок директива была подписана. Теперь предстояло в самые кратчайшие сроки направить ее в войска.

Под вечер я был приглашен к командующему, у которого находились уже А. А. Жданов и А. А. Кузнецов. Без всяких предисловий Л. А. Говоров изложил основные пункты подготовленной директивы.

Далее Леонид Александрович указал на необходимость проведения оперативно-тактических игр с руководством 21-й и 23-й армий на крупномасштабных макетах местности и боевой тренировки войск. Особое внимание было обращено на последнее».

И вот командующий и начальник штаба остаются наедине. Первым заговорил Говоров:

– Скажите как участник операций под Москвой, под Сталинградом, на орловско-брянском направлении и в Прибалтике. Только со всей искренностью скажите. Верите ли вы в успех предстоящей операции?

– Да, Леонид Александрович, лично я в это верю, – немного подумав, ответил Попов.

Всю серьезность слов начальника штаба фронта подтверждает и Б. В. Бычевский: «За разработку плана операции на Карельском перешейке М. М. Попов взялся с увлечением.

– Красивая будет операция, – заметил он как-то при обсуждении общего замысла».

К ней и готовились по всем правилам, как никогда красиво! И если план фронтовой операции был отработан в установленные сроки, то с планом оперативной маскировки пришлось повозиться. В особенности с конкретными мероприятиями для войск нарвского направления. Начальник штаба фронта, как свидетельствует генерал Б. В. Бычевский, «решил использовать нарвский участок одновременно и для оперативной маскировки наступления на Карельском перешейке.

– Не сокращать перевозок туда переправочных средств, – приказал Попов. – Все равно и лодки, и понтоны там скоро понадобятся. Надо думать, Маннергейм пристально следит за тем, что у нас делается. Пусть думает, что мы и сейчас поглощены Нарвой и Эстонией.

Начальник штаба много внимания уделял и плану скрытой переброски армии Гусева на Карельский перешеек. Шутка ли, перевезти "втихую" десять дивизий, около трех тысяч орудий, танковые части, тылы! Задача тем более хитроумная, что почти все переброски надо делать именно с нарвского направления, в том числе и через Финский залив от Ораниенбаума на Лисий Нос. Как раз обратно тому, что делалось полгода назад. А теперь – белые ночи.

Попов немедленно повесил "замок молчания" на все телефонные и радиосредства частей 21-й армии. Запрещены полеты над Карельским перешейком новых авиационных частей, стрельба прибывших артиллерийских полков и дивизионов. А на нарвском участке ведутся непрерывно разведывательные бои. Саперы делают пятьсот деревянных лодок, ведут их к самой реке, прячут там. Ни во Второй ударной, ни в 8-й и 59-й армиях не знают, что пока все это ложная подготовка».

Начало предстоящей операции было назначено Ставкой на первую половину июня. И поэтому, как отметит генерал Бычевский, «переброски частей 21-й армии Д. Н. Гусева на Карельский перешеек шли без особой спешки почти три недели.

Первыми тихо пришли и разместились в подготовленных районах тыловые части, штабы корпусов, саперы. Все боевые запасы сосредоточивались на складах 23-й армии по распоряжению начальника тыла фронта генерал-майора Г. М. Савоненкова. Снабженцам армии не приходилось много разъезжать. На дорогах, ведущих к фронту, выросли шлагбаумы – проезд туда находился под строгим контролем. Молчали телефоны, радиостанции.

Внешне прифронтовая полоса выглядела так мирно, что командиры и солдаты, прибывающие на Карельский перешеек с нарвского и псковского участков, вначале удивленно переглядывались. Жители днем спокойно

работали на огородах. Вечерами не ухали снаряды, слышны были гармонь и топот плясунов. Девушки из строительных отрядов пели такие задорные частушки, что так и подмывало солдат одернуть гимнастерку, заломить набекрень пилотку и пуститься в пляс.

Через неделю под ночным покровом пошла тяжелая артиллерия корпуса Н. Н. Жданова. Шла разными маршрутами в обход Ленинграда на заранее разведанные позиции и растворялась, пряталась в лесных массивах. Потом двинулась легкая артиллерия, за ней автотранспорт и танки. Наконец настала очередь и пехоты занимать ближние позиции. Вот когда сыграли свою роль огромные оборонительные работы, сделанные 23-й армией за годы ее вынужденного сидения.

Особенно четко соблюдался график при перевозке шести дивизий 30-го гвардейского и 109-го стрелковых корпусов из Ораниенбаума на Лисий Нос через Финский залив. Эти корпуса должны были наступать на главном направлении, примыкающем к заливу. Белые ночи оставляли лишь два-три часа легких сумерек. Но балтийские моряки очень аккуратно провели свою операцию. Небольшие дымовые завесы создавали впечатление тумана. Натренированные роты и батальоны быстро выгружались из трюмов самоходных барж, тендеров и скрывались среди сосен, жавшихся к пирсам. Когда солнце, чуть окунувшись за горизонт, снова поднималось, на берегу уже было пустынно.

Разведотдел очень внимательно следил за поведением финнов, но там ничего не изменилось. А один из взятых пленных показал, что солдаты ждут приказа Маннергейма о разрешении увольнять до десяти человек из роты в отпуск на сельскохозяйственные работы. Составляются уже списки.

М. М. Попов был доволен таким наглядным свидетельством скрытности сосредоточения нашей ударной группировки.

В последние дни перед операцией были проведены весьма значительные организационные мероприятия в инженерных частях».

Генерал Е. Е. Мальцев тогда был членом Военного совета 21-й армии и очень хорошо запомнил Маркиана Михайловича: «Общительный, мягкий, тонкого юмора человек, М. М. Попов быстро сходился с людьми, находил с ними общий язык.

– Проведем, Дмитрий Николаевич, операцию по перегруппировке красиво, – начал Маркиан Михайлович. – Сделаем так: в масштабе фронта начнем демонстрировать подготовку первоначального удара на Нарву, по немецкой группировке. Сосредоточим там переправочные средства, повысим авиационную и артиллерийскую активность.

Все равно ведь рано или поздно, но придется нам прорваться через

Нарву. А здесь между тем будем осуществлять подготовку наступления так, чтобы и в наших частях не знали истинного замысла.

Операция по перегруппировке была не только задумана, как выразился М. М. Попов, красиво, но и проведена в жизнь последовательно, четко. Под носом у Маннергейма колоссальное перемещение войск удалось осуществить совершенно скрытно».

Правда, даже самый тщательный поиск дополнительных обходных путей восточнее Ленинграда не давал никаких результатов. Как отметит сам начальник штаба фронта: «Их просто не существовало. Вот тогда и возникло намерение провезти 4 стрелковых дивизии (напомним, что 5 перевозились морем) прямо через город, мелкими подразделениями, по максимально большому числу маршрутов, определявшемуся наличием мостов через Неву. Оживленная жизнь в городе, непрерывное движение трамваев, троллейбусов, автобусов, большое движение автотранспорта всех видов, систематическое передвижение во всех направлениях войсковых частей и подразделений местного гарнизона привели нас к твердому убеждению, что вариант проведения через город 4 дивизий мелкими подразделениями при твердом графике и строгой дисциплине гарантирует нам полную маскировку подобной перегруппировки. При этом следует отметить, что в связи с белыми ночами мы были вынуждены дневные передвижения планировать более интенсивными, чем ночные, когда в городе замирала жизнь и движение войск как бы "обнажалось".

Забегая несколько вперед, скажем, что вся эта очень сложная перегруппировка войск осталась скрытой от противника, и он ничего не предполагал о готовящемся наступлении на перешейке вплоть до дня прорыва».

Последние три дня и три ночи перед началом операции были особенно напряженными. В условиях белых ночей на исходные для наступления позиции выдвигались части, сменяющие находившиеся в обороне войска. И тем не менее противник ничего не заметил.

Находившийся на командном пункте начальник штаба фронта задумчиво сидел перед стратегической картой европейского театра войны и подсчитывал количество немецких дивизий во Франции, которые будут скованы союзниками в начавшемся наступлении.

– К Берлину они, естественно, теперь поторопятся, – уверенно сказал он. – А крупных событий надо ждать скоро и на наших центральных направлениях...

Выборгская операция при содействии Балтийского флота и Ладожской военной флотилии началась точно по намеченному плану в 8 часов 9 июня

1944 года. Как свидетельствует Б. В. Бычевский, «утром 9 июня не было привычной за два с половиной года вялой перестрелки. Внезапно на передний край обороны финнов обрушился ливень пулеметного огня. За несколько минут он сбрил перед окопами и амбразурами траву и кустарники.

Расчет оправдался: в траншее быстро прибежали солдаты и офицеры противника. И вот тогда поднялся настоящий ураган. Плотность артиллерийского и минометного огня – до ста стволов на каждый километр!

Этот внезапный пятиминутный налет был лишь краткой увертюрой. А затем началось методическое разрушение инженерных сооружений огнем тяжелой артиллерии. Каждая батарея, каждый орудийный расчет знали свои собственные одну-две цели. Если дым и пыль мешали наблюдателям, то солдаты у орудий терпеливо ждали лучшей видимости, и неумолимый расстрел продолжался до тех пор, пока не взлетали обломки бревен.

Рыбальченко выпустил с утра около трехсот бомбардировщиков и штурмовиков. Одинцов считал, что у нас четырехкратное превосходство в артиллерии, а авиация вообще безраздельно господствовала на Карельском перешейке.

Сейчас финские солдаты, вжав головы в плечи, сидели в щелях и ждали конца этого ада. Но он все не наступал. Никто из них не знал, что уничтожение траншей, дотов и дзотов, минных полей и колючей проволоки будет продолжаться весь день, вечер и белую ночь. Прорыв будет завтра».

9-го Маркиан Михайлович вместе с командующим 23-й армией генералом А. И. Черепановым побывал на наблюдательных пунктах некоторых командиров дивизий, откуда они наблюдали за огнем: «День был солнечный, видимость хорошая, и артиллеристы вели достаточно меткий, прицельный огонь.

В 18 часов, после короткой артиллерийской подготовки, войска начали разведку боем. А. И. Черепанов и я наблюдали за ходом боевых действий одного батальона, который после артподготовки дружно поднялся в атаку и, поддерживаемый несколькими танками, ворвался в первую траншею противника. Там были захвачены несколько пленных 2-й пехотной дивизии финнов. Батальону было приказано закрепляться на захваченном рубеже, а я решил дожидаться доставки пленных на НП, с которого мы наблюдали ход боя.

Допрошенные по отдельности пленные показали, что им о нашем наступлении ничего не известно, что, наоборот, "русские ожидают нашего наступления".

На этом я расстался с командармом и поспешил к себе на КП. Сразу же по приезде я направился к командующему, где застал членов Военного совета и генералов Одинцова и Рыбальченко. По картам и схемам, лежавшим на столе, было похоже, что идет подведение итогов разрушениям и разведки на участке 21-й армии и что сами они только недавно вернулись из своей поездки. Заслушав мои очень краткие сообщения о ходе дел у Черепанова (дела эти были только подсобными), особо поинтересовавшись показаниями захваченных пленных, они продолжали свою работу.

Из всего мною услышанного я мог понять, что в полосе 21-й армии удалось разрушить более 200 целей (хотя намечалось немного больше), в результате разведки боем уточнена огневая система противника, а на ряде участков войска улучшили свое положение. Как и на участке 23-й армии, противник "огрызался" очень слабо. Через некоторое время разговор был закончен и в комнату были приглашены ожидавшие в приемной синоптики. Развернув перед командующим все свои сводки и бланки прогнозов, они заверили присутствующих, что на завтра ожидается ясная, безоблачная и солнечная погода с очень слабым ветром.

К 4 часам утра 10 июня 21-я армия заняла исходное положение, авиация и флот также были готовы к боевым действиям. Противник никакой активности, нервозности не проявлял. Из этого мы могли заключить, что он и не подозревает о начале нашего наступления. В 5 часов Говоров вместе с оперативной группой выехал на специальный наблюдательный пункт, а я был оставлен на КП для поддержания связи со штабами армий и с Москвой.

Ровно в 6 часов началась наша артиллерийская и минометная подготовка, причем началась она 5-минутным огневым налетом всех артиллерийских и минометных батарей. Творилось что-то неопишное. Впереди буквально все ревело и грохотало, а через наши головы пролетали тяжелые снаряды корабельной артиллерии. Через 5 минут огонь как бы ослаб. На самом же деле теперь начался методический прицельный огонь на разрушение всей системы первой полосы обороны финнов. В зависимости от предназначения артиллерийские группы разрушали все три траншеи, вели контрартиллерийскую и контрминометную борьбу, группа реактивной артиллерии обстреливала опорные пункты в некотором удалении от переднего края, а артиллерия КБФ вела огонь по узлам связи, перекресткам дорог и некоторым железнодорожным станциям.

После 7 час. над нашими головами прошли штурмовики и бомбардировщики, спешившие на поле боя.

При плотности 200 и больше стволов на километр фронта на направлениях главных ударов длившаяся 2 ч. 20 м. артиллерийско-авиационная подготовка закончилась мощным огневым налетом, после чего пехота с танками перешла в атаку, а артиллерия и авиация – к ее поддержке.

Вскоре Гвоздков, сопровождавший Говорова, доложил мне, что артподготовка прошла очень результативно и что сейчас пехота, поддержанная танками, дружно поднялась в атаку и уверенно продвигается вперед, несмотря на сопротивление финских войск. Об этом свидетельствовали и доклады штаба 21-й армии. Около 13 час. я позвонил командиру 30-го ск генералу Н. П. Симоняку, моему старому другу, действовавшему на главном направлении армии вдоль Выборгского шоссе. Он доложил, что 45-я дивизия уже прорвала первую полосу, остальные дивизии корпуса также пошли вперед.

Бои продолжались весь день. В результате к его исходу первая полоса обороны была прорвана на всем 20-километровом фронте и наши войска продвинулись на 10–15 км. Несколько хуже обстояли дела у правофлангового 97-го ск, который хотя и прорвал оборону врага, но продвинулся за день всего на 5 км. В целом же этот прорыв обороны противника и глубокое вклинение наших войск являлось уже большим оперативным успехом и создавало выгодные предпосылки для развития дальнейшего наступления на Выборг.

Стремительное наступление советских войск сорвало попытки финнов ликвидировать прорыв и вынудило их командование уже в середине дня 10 июня принять решение на отход на вторую полосу.

11 июня, на второй день нашего наступления, войска выполнили поставленные перед ними задачи, увеличив глубину продвижения до 23–26 км и значительно расширив фронт наступления.

Вечером 11 июня, после очередного доклада Л. А. Говорова Верховному Главнокомандующему, была получена директива Ставки, в которой давалась положительная оценка действиям войск фронта и указывалось на необходимость продолжать наступление и преследование противника и не позднее 18–20 июня овладеть Выборгом.

Командующий фронтом лично отдал соответствующие распоряжения командармам, и 12 июня войска продолжали вести наступление, встречая возрастающее сопротивление врага. К исходу дня 21-я армия по всему фронту своего наступления вплотную подошла к переднему краю второй (главной) полосы обороны финнов, но нигде преодолеть ее с ходу не смогла. 23-я армия, наступавшая в северо-восточном направлении, продвинулась на отдельных участках всего на 2–6 км.

Три дня упорных и тяжелых боев на Карельском перешейке продемонстрировали все возрастающее мастерство советских воинов и ознаменовались массовым героизмом.

К вечеру 12 июня я получил приказание прибыть на НП к Говорову с группой офицеров и генералов. На мой вопрос к Гвоздкову, чем вызвано это приказание, он ответил, что командующий принимает, кажется, новое решение, так как на НП вызваны командарм 21-й и командир 3-го артиллерийского корпуса прорыва генерал Н. Н. Жданов.

Действительно, командующий ознакомил нас со своим решением перенести главный удар с Выборгского шоссе на левый фланг 21-й армии – в полосу Приморского шоссе. Такое решение диктовалось усилением сопротивления финнов вдоль Выборгского шоссе и сулило больше шансов на успех».

Генерал Б. В. Бычевский рассказывает: «В ночь на 12 июня командующий фронтом принял решение о резком маневре – массовой рокировке тяжелой артиллерии из района центрального Выборгского шоссе на приморский фланг 21-й армии. Перекантовывался весь 3-й артиллерийский корпус прорыва генерала Н. Н. Жданова. Такое решение возникло после получения из Москвы директивы Ставки.

В первоначальном плане предусматривалось трое-четверо суток подготовки для прорыва долговременной полосы обороны. Но теперь Ставка, основываясь на крупном успехе первых двух дней наступления, потребовала, чтобы Выборг был взят не позднее как через шесть-семь суток.

А до него и по прямой линии птичьего полета еще около девяноста километров!

Информируя нас о директиве и о решении командующего на маневр главных сил прорыва из центра к левому флангу, М. М. Попов рассказал некоторые детали. После получения директивы Л. А. Говоров позвонил в Москву и доложил, что собой представляет вторая оборонительная полоса финнов. Тогда ему было предоставлено право самому решить, прорывать ли ее с ходу или проводить основательную подготовку, то есть делать паузу.

Ставка в своих первых указаниях о сроках овладения Выборгом назвала даже конкретные дни – 18–20 июня. Почему именно эти дни? Говоров и Жданов полагали, что это не плод механического подсчета темпа операции. Видимо, учитываются и военно-политические соображения. Это, может быть, связано с исполняющейся 22 июня третьей годовщиной начала войны, с ходом развернувшихся операций союзников во Франции. Готовятся крупные операции и на других наших фронтах. Командование

фронта не могло не считаться со всем этим, хотя ему и было дано право решать самому.

После напряженных раздумий и анализа обстановки на Карельском перешейке Говоров решил не делать оперативной паузы, а осуществить максимально быструю переброску главных сил на приморское направление.

Какие для этого были основания, в чем смысл такого маневра?

Маркиан Михайлович Попов делится с нами некоторыми соображениями, как бы приоткрывая дверь в лабораторию, где анализируется обстановка, рождается новый оперативный план...

Маннергейм уже знает, что в центре у нас наступают самые сильные части – гвардейские дивизии корпуса Симоняка. Слава о них далеко пошла. Видит он и то, что здесь же нами создана наиболее мощная артиллерийская группировка. Следовательно, у него есть все основания считать, что и при прорыве второй оборонительной полосы направление нашего главного удара остается в центре. Уже заметно, как он собирает к центру свои резервы. В районе Кивеннаппа против Симоняка вышла 18-я пехотная дивизия – резерв Маннергейма. Части танковой дивизии "Лагус" тоже здесь появились. Генерал Евстигнеев получил сведения о 4-й пехотной дивизии, переброшенной с медвежьегогорского направления тоже в район центрального Выборгского шоссе.

А что если снова использовать фактор внезапности, изменив для этого направление нашего главного удара, – перебросить тяжелую артиллерию на приморский фланг и ввести в бой резервы фронта – 108-й и 110-й стрелковые корпуса? Здесь можно в полной мере использовать и Балтийский флот для ударов по островам Койвисто, парализуя резервы противника на приморском направлении...

М. М. Попов, так же как и Л. А. Говоров, был за такой решительный и быстрый маневр. Адмирал В. Ф. Трибуц и его помощники тоже уже давно вынашивали планы боевых операций на островах.

Так рождалось новое решение.

Как только оно было окончательно принято, немедленно заработали все механизмы управления войсками в штабе фронта, армиях, корпусах, дивизиях.

На перегруппировку артиллерийского корпуса прорыва Н. Н. Жданова командующий фронтом дал одни сутки».

И в ночь с 12-го на 13-е в лесах севернее Приморской железной дороги все вокруг загудело. Это двигался поток орудий на прицепах с мощными тягачами и за автомашинами. В полосе маневра работали 24 инженерных

батальона, восстанавливая мосты, прокладывая колонные пути, делая объезды.

Генерал Говоров находился на своем командном пункте, а генерал Попов отправился в 30-й гвардейский корпус. По свидетельству генерала Б. В. Бычевского, «предстоящий прорыв долговременного укрепленного района с ходу и стремительный удар на Выборг создали атмосферу особого накала, быстроту в решении проблем: в штабах – своих и в войсках – своих.

Где-то родился новый термин: вожаки атаки. Он сразу облетел 21-ю и 23-ю армию. Даже в спешных заявках на нехитрое штурмовое оснащение для пехоты появились пометки: "кошек" с веревками и дымовых гранат столько-то для вожаков атак».

Борис Владимирович лично видел, как «Маркиан Михайлович Попов изучал и решал проблемы обеспечения быстроты удара.

– У Маннергейма сейчас шесть дивизий на второй полосе. Что будет через двое суток? – спрашивал он у Евстигнеева.

– Еще одна, а может быть, и две.

– Откуда?

– Думаю, что быстрее перебросить их из северной части Финляндии...

– А еще через двое суток? И перед Выборгом?

– Могут со свирского участка подать, если Карельский фронт не начнет наступления.

– Начнет. Но тогда, когда мы к Выборгу подойдем, не раньше. Значит, смогут перебросить и оттуда.

– Ну, а сколько суток надо финнам, чтобы создать зону оперативных заграждений перед Выборгом? – задал он мне вопрос.

– Суток двое. Между первой и второй полосой они ничего не успели сделать, только несколько мостов взорвали.

– Двое суток... Двое суток... – Маркиан Михайлович ходит по комнате, курит, отмечает на карте задачи первого и второго дней операции...»

Позднее он запишет в рабочую тетрадь: «В назначенное время 14 июня началась артподготовка, а за ней и атака пехоты и танков. Финны всемерно стремились не допустить прорыва своей второй полосы и встречали наши войска организованным огнем и сильными контратаками. Однако и в этих упорных боях, носивших исключительно ожесточенный характер, 109-му и 108-му стрелковым корпусам удалось овладеть тремя сильными опорными пунктами противника и этим по существу начать взлом второй полосы обороны. Атаки остальных опорных пунктов вначале

успеха не имели.

Командующий фронтом неоднократно предупреждал командармов, а иногда и командиров корпусов, что каждый потерянный час дает финнам возможность усиливать свою оборону. Он лично ставил командующему 13-й воздушной армией вновь возникавшие в ходе боя задачи. Так, например, в ходе боев 109-го ск за опорный пункт Кутерселькя по нему были сосредоточены действия всей штурмовой авиации фронта, что дало возможность частям корпуса быстро им овладеть. Введенная в бой 1-я танковая бригада 109-го ск перехватила Приморское шоссе и тем самым перерезала пути отхода противника перед 108-м ск, что облегчило ему прорыв второй полосы с утра 15 июня».

14-го командующий вместе с начальником штаба выехали в 21-ю армию к генералу Д. Н. Гусеву. Так как, со слов Бычевского, «и эта ночь оставалась такой же кризисной, как и весь день.

А на рассвете 15 июня стали поступать вести, что противник еще до утра начал отход из Мятсякюля. Прорыв стал фактом.

1-я танковая бригада перерезала Приморское шоссе в десяти километрах в тылу за Мятсякюля. Танки разгромили колонну противника, отходившую в сторону Выборга. Затем сведения о резком переломе обстановки на всем приморском участке прорыва посыпались как из рога изобилия. Дивизии корпуса М. И. Тихонова утром пересекли рубеж на речках Ваммелсун-йоки и Райволан-йоки. Ерундовы речонки, всего 15–20 метров ширины, а сколько крови приняли в свои воды... Днем Гуляницкий сообщил, что построил три тяжелых моста. Артиллерия, самоходки, машины идут потоками. Петр Петрович Евстигнеев сделал вывод, что Маннергейм решил оттянуть весь 4-й армейский корпус к Выборгу для его обороны.

– На нее теперь он делает ставку, – сказал Маркиан Михайлович, показывая на Вуоксу – голубую ленту широкой реки, разрезавшей шестидесятикилометровый перешеек от Ладожского озера в сторону Выборга. – До Яюряпя Маннергейм может в два-три раза сократить плотность войск. А на остальных тридцати километрах сожмет отходящий сейчас 4-й корпус. У нас все будет зависеть от быстроты преследования. Кстати, – добавил он, – 30-й гвардейский корпус выводится в резерв фронта.

– Для новой задачи? Опять будет где-то таран?

– Разве мало старых? Сейчас трудно сказать, как обернется дальше дело с Финляндией. Речь идет ведь о полном выводе ее из войны. Может быть, придется с нарвского направления еще подбрасывать дивизии.

Судьба Выборга решилась на четвертые сутки после прорыва второй оборонительной полосы.

До него оставалось 70 километров, но борьба носила уже характер преследования противника, отходившего с арьергардными боями».

В своих воспоминаниях о последующих днях операции Маркиан Михайлович скажет кратко: «Упорные бои продолжались и весь день 15 июня, когда противник пытался сильными контратаками остановить продвижение 109-го ск. И все же, несмотря на эти контратаки и упорное сопротивление, войска 21-й армии к исходу этого дня прорвали вторую полосу на 12-километровом участке и продвинулись от ее переднего края на 13–15 км. Войска 23-й армии вышли ко второй полосе на всем ее протяжении.

В последующие дни наши войска на Карельском перешейке продолжали наступление и добились значительных успехов.

18 июня, когда прорыв третьей полосы обороны финнов уже резко обозначился, по радио были объявлены Указ Президиума Верховного Совета СССР и постановление Советского правительства о присвоении звания Маршала Советского Союза Л. А. Говорову и звания генерал-полковника А. А. Жданову и Д. Н. Гусеву. Тем самым было высоко оценено полководческое искусство военачальников, руководивших разгромом финских войск на Карельском перешейке.

К концу дня 19 июня 21-я армия завершила прорыв третьей полосы обороны на 70 км фронта и продвинулась в сторону Выборга до 14 км.

Если за все предшествующие 10 дней упорных и тяжелых боев воины Ленинградского фронта продемонстрировали массовый героизм, то в боях за Выборг они, казалось, сделали просто невозможное. Финские войска, понимая все значение важнейшего опорного пункта на Карельском перешейке – Выборга, подхлестываемые призывами Маннергейма и своих начальников, оборонялись особо упорно и яростно, пытаясь удержать чуть ли не каждый дом и перекресток улиц этого города, не говоря уже о борьбе на обводах. Несмотря на это, советские воины, советское военное искусство победили и здесь. К 19 часам 20 июня Выборг был полностью освобожден нашими войсками.

На следующий день своим приказом Верховный Главнокомандующий объявил благодарность войскам, участвовавшим в боях за Выборг, а столица нашей родины Москва торжественно им салютовала. Тогда же Ставка приказала Ленинградскому фронту продолжать наступление на перешейке для вторжения в глубь Финляндии: создание угрозы жизненно важным центрам страны должно было вынудить финское правительство

выйти из войны против Советского Союза.

Эта задача, как известно, в основном была выполнена. Под мощными ударами наступавшей Красной армии система финской обороны была сломлена. Тем самым был сломлен боевой дух финских войск. Результаты этого скоро сказались».

24 июля началась Нарвская наступательная операция войск Ленинградского фронта, которую осуществляли 2-я ударная и 8-я армии при поддержке 13-й воздушной армии и при содействии Балтийского флота. В книге «Маршал Говоров» В. Л. Телицын пишет: «Марш и переправу 2-й Ударной армии Федюнинского на западный берег Чудского озера Говоров взял под свой личный контроль, придавая исключительное значение скрытности.

План дезинформации был прост, но в этой простоте заключался успех замысла. Предполагалось часть автотранспорта и тыловые части направить на юг до Пскова, и через Псков в район 3-го Прибалтийского фронта. Эти колонны должны были пройти мимо переправ. Воздушная разведка противника, естественно, увидит машины и сделает вывод, что осуществляется переброска частей и соединений от Нарвы на 3-й Прибалтийский фронт через Псков. На самом деле главные силы 2-й армии (три стрелковых корпуса с боевой техникой, артиллерийская дивизия, гвардейские минометные соединения и две танковые бригады) пройдут к Теплому озеру – к переправам – по четко определенному и выверенному графику и переправляться будут только ночью, а затем – "растворяться" на местности. Ударную группировку армии Федюнинского составили 30-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н. П. Симоняка, 108-й стрелковый корпус генерала М. И. Тихонова, 23-я артиллерийская дивизия, 1-я и 152-я танковые бригады и еще ряд артиллерийско-минометных соединений. В ударную группировку вошел и 8-й Эстонский стрелковый корпус генерал-лейтенанта Л. А. Пэрна, сформированный еще в 1942 г.

26 июля войска Ленинградского фронта освободили Нарву. (Сталин требовал от Говорова занять Нарву еще 17 февраля, однако маршал не выполнил указания Верховного, но сберег людей, так как в феврале противник был силен, не отступал на всех направлениях, что отмечалось летом 1944-го.)

К 30 июля войска Ленинградского фронта вышли на рубеж Муммассааре, Кирикукюла, Сиргала, Мустайыэ, расширили плацдарм на левом берегу Нарвы, нанесли поражение нарвской группировке противника. 8 августа войска 2-го Прибалтийского фронта освободили город Крустпилс. Через день завершилась и Выборгско-Петрозаводская

наступательная операция».

4 сентября 1944 г. правительство Финляндии заявило о разрыве отношений с Германией и прекращении военных действий. А 5-го по приказу Ставки ВГК войска Ленинградского и Карельского фронтов, Балтийский и Северный флоты с 8 часов утра прекратили военные действия против Финляндии.

К слову сказать, в результате Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции (10 июня– 9 августа 1944 г.) войска правого крыла Ленинградского и левого крыла Карельского фронтов при содействии Балтийского флота, Ладужской и Онежской военных флотилий освободили территорию Карело-Финской ССР, северные районы Ленинградской области и нанесли сокрушительное поражение финской армии. Успешные действия наших войск существенно изменили обстановку на северном участке советско-германского фронта, предопределили выход Финляндии из войны, создали условия для освобождения советского Заполярья и северных районов Норвегии.

22 июня 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР генерал-полковника М. М. Попова за Выборгскую операцию награждают орденом Кутузова 1-й степени...

Как раз в это время Антонин Александрович Попов после второго тяжелого ранения демобилизовался и вернулся в Ленинград.

Его брат Леонид, прокурор железнодорожных войск фронта, по служебным делам собирался к Нарве и предложил ему поехать вместе, рассчитывая на встречу с Маркианом Михайловичем. И он не ошибся. «Когда мы приехали в Нарву, – вспоминает троюродный брат М. М. Попова, – она еще горела. Кругом вместо домов торчали бесформенные каменные коробки без крыш. Все население угнали или оно разбежалось. Пусто. Только солдаты. Справив свои дела, брат поинтересовался у командира железнодорожной бригады, восстанавливающей мост через реку Нарву, где сейчас находится штаб фронта. Тот назвал какое-то местечко, выразив опасение, что штаб уже на колесах.

Леонид, посмотрев на карту, приказал шоферу вовсю гнать машину, несмотря на объезды, воронки, и мы успели. Маркиан Михайлович встретил нас радушно, особенно меня после стольких лет разлуки».

По словам Антонина Александровича, «он заметно постарел, казался порядком замотанным...»

Но быстро подсуетился адъютант, и родственники сели за наскоро сооруженный стол.

Говорили долго, но больше слушали Маркиана Михайловича: «Помолчав, он предложил выпить за нашу общую победу над врагом. И с одобрением отозвался о моем вступлении в партию еще в тяжелейший 1943 год, когда я, тогда дивизионный разведчик, как и многие, верил в светлое будущее социализма и коммунизма. И вдруг поинтересовался здоровьем нашего отца: "Скажите ему, что собор разбил я". А узнав, что он вышел в заштат, как-то неопределенно улыбнулся и отреагировал так: "И в наши дни вера на большие дела поднимает людей, – продолжал. – Командовал я 5-й ударной армией. Дивизия, которая вела бои в направлении главного удара, встретила упорное сопротивление в одном населенном пункте на господствующей высоте с церквушкой. Я поехал в низы и во избежание излишних жертв принял решение: специальной группой попытался ночной атакой взять село, но для этого требовался инициативный, энергичный командир. Комдив доложил – есть у меня такой боевой капитан. Только, – тут он подзамялся, – набожный очень, перед каждым боем крестится.

Вызвали. Поставили задачу – бесшумно, без огневой поддержки, в бронежилетах захватить село. Сказав при этом: насколько мне известно, человек вы верующий, ваша задача освободить и храм, превращенный черт знает во что. От бронежилетов он отказался, попросил лишь после броска открыть огонь по путям отхода противника.

Группу отобрал он сам, подготовил ее и ночью повел в атаку с возгласом "С богом, за Родину".

Путь был открыт. Я распорядился наградить этого капитана. Как-то после доклада начальник-особист возмущенно говорит мне:

– Товарищ командующий, известно ли вам, что в некоторых частях офицеры поднимают солдат в атаку с криком не «За Сталина», а с "Богом", как вам это нравится?

Я догадался, о ком идет речь и осадил: "А мне хоть с чертом, только бы задача была выполнена!"

Потом эту фразу, там... наверху, мне как-то припомнили... – доставив ему, надо полагать, немало горьких минут. Вот почему он быстро переключил разговор.

Справился у меня, как обстоят дела с ногой.

– Цела, и, пожалуй, благодаря тебе.

– При чем здесь я? – удивился он, предлагая выпить по последней.

– А вот при чем. Начальник Разведотдела 5-го Гвардейского стрелкового корпуса, у которого я был помощником, отправляя меня с письмом в госпиталь, просил врачей оказать внимание "брату" командующего Брянским фронтом. И бумажка эта подействовала, ногу

сохранили. Маркиан Михайлович улыбнулся.

– Получилось, как с комвзвода Моисеевым, помнишь, и то ладно... Прощаясь, спросил у нас: как в Ленинграде? Будучи новичком, я ответил: "Разрушений многовато".

– Не то слово, жертв много. Когда в начале 41-го года Сталин назначил меня в Ленинградский округ, то пообещал голова с плеч, если хоть один волос упадет с головы ленинградцев, а вот как все обернулось... Не этим ли объясняется его "особое отношение" ко мне? Это как зарубка на сердце...

С улыбкой очень уставшего человека он простился с нами, крепко пожав руки. Я попросил через Леонида передать мне фотоснимки уничтоженного Новоржева. Он пообещал».

Уже уходя, Антонин Александрович посмотрел на рабочий стол начальника штаба фронта в блиндаже: аккуратно сложенные карты, папки, стопки газет «На страже Родины», фотография сына Саши и... томик Эриха Марии Ремарка «Возвращение» (1931) в русском переводе.

К слову сказать, в этом романе рассказывается о жизни простых немецких солдат, вчерашних школьников, вернувшихся с войны. Из-за душевных травм они не могут найти себе места в мирной жизни и вынуждены искать свое новое предназначение. Кто-то из них возвращается обратно в армию, другие уходят в революцию, некоторые кончают жизнь самоубийством...

«Прошлого не вернешь»

Новая директива Ставки ВГК, адресованная командующему Ленинградским фронтом, была получена им 2 сентября 1944 г. Как подчеркивает В. Л. Телицын, «командарму Федюнинскому предписывалось в предельно сжатые сроки: 3 сентября передать нарвский участок фронта 8-й армии, 4–5 сентября совершить переход (около 150 километров) и рекогносцировки, 6—10 сентября осуществить переправу, 14-го – сосредоточиться в исходном положении для прорыва под Тарту, а еще с готовностью форсировать сразу в бою реку Амме.

14 сентября началась Прибалтийская стратегическая наступательная операция войск Ленинградского, 3, 2 и 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского фронтов и сил Балтийского флота. 17 сентября началась Таллинская наступательная операция левого крыла Ленинградского фронта (2-я Ударная и 8-я армия) при поддержке Балтийского флота. 2-я Ударная армия прорвала фронт обороны противника в районе Тарту, за сутки прошла с боями 28 километров.

Поняв, какую угрозу представляют вышедшие в тыл главным силам оперативной группы "Нарва" части 2-й армии Ленинградского фронта, командование вермахта отдало приказ об отводе своих войск: на Раквере – к Таллину и на Пярну – к Риге. 8-я армия генерала Ф. Н. Старикова в ночь на 19 сентября двинулась вперед, преследуя противника. На следующий день дивизии армии, продвинувшись на 90 км, освободили Раквере. За эти два дня 2-я Ударная армия отбросила противника на 50 км: Говоров стремился отсечь нарвской группе пути к побережью Рижского залива в районе Виртсу, Пярну, откуда противник мог уйти морскими путями. Но для успешного решения данной задачи необходимы были крупные танковые соединения. Ленинградский фронт танковыми армиями похвастаться не мог, и немцам удавалось выскользывать из-под клещей 2-й и 8-й армий.

После взятия 8-й армией Раквере отпала необходимость дальнейшего наступления 2-й Ударной армии в северном направлении. По распоряжению Говорова дивизии последней развернулись всем фронтом на юго-запад и повели наступление на Пярну, а 8-й эстонский корпус, переданный в состав 8-й армии, устремился на Таллин».

Это было 20 сентября 1944-го, когда наступавшие от Тарту к Раквере войска 2-й ударной армии генерала Федюнинского соединились с частями

8-й армии...

«Войска находились в непрерывном движении, связь с ними была неустойчива, командующий фронтом приказал командарму и его заместителям выехать в корпуса первого эшелона и изменить направление их движения, – рассказывается в книге "Генерал Симоняк". – К Симоняку маршал Говоров направил Маркиана Михайловича Попова.

На рассвете генерал Попов добрался до штаба корпуса. Он застал Симоняка за завтраком в просторном помещичьем доме. За столом кроме Симоняка сидели Трусов, Иванов, Морозов.

– Какими судьбами? – Обрадовался комкор. – Подсаживайтесь к столу.

– Потом... потом, – махнул рукой Попов. – Вы получили распоряжение изменить движение корпуса?

– Нет, – ответил Симоняк.

– Тогда давайте карту.

И Попов карандашом показал, куда надо держать теперь курс.

– Этот поворот на девяносто градусов нужно сделать немедленно и перейти к параллельному преследованию противника.

– Но ведь наши дивизии выслали разведку и авангарды в другом направлении на север. Их быстро не повернешь, – заметил Трусов.

– Ничего, – решительно сказал комкор. – Пускай дивизии высылают и новую разведку и новые авангарды в западном направлении и сразу двигают полки. А с теми разведывательными отрядами, которые высланы раньше, надо связаться по радио... Я так решаю. Правильно?

Симоняк повернулся к Попову, и тот согласно кивнул головой. После короткого раздумья Симоняк, обращаясь к начальнику штаба фронта, добавил:

– Писать приказы некогда. Разрешите нам повторить ваш прием. Я поеду к Щеглову, Иванов – к Романцеву, а Трусов – к Путилову, на месте и распорядимся. Ну а замначальника штаба сядет к рации и попытается до нашего приезда ориентировать комдивов. Вы не возражаете?

– Одобряю и прошу сделать как можно быстрее.

– Тогда по коням. – Симоняк поднялся и накинул на плечи походную куртку. Перед уходом комкор напомнил ординарцу:

– Без завтрака генерала отсюда не выпускать. Попов улыбнулся:

– Не беспокойся, Николай Павлович. И сам так не уеду. Со вчерашнего вечера ничего не ел».

22 сентября войска Ленинградского фронта освободили столицу Эстонии – Таллин, а через четыре дня началась Моонзундская десантная операция...

Дело в том, что часть сил противника отошла к Риге и на острова Моонзундского архипелага, где укрепились и блокировала Финский залив, с севера прикрывая прибалтийскую группировку. Ставка приказала освободить острова.

Командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц, прибыв в Таллин, сразу же направился в штаб фронта, который разместился в одном из уцелевших домов, где-то на окраине: «Командующий войсками маршал Л. А. Говоров, страдавший гипертонией, чувствовал себя очень плохо. Сказывалось напряжение минувших дней. Зато начальник штаба генерал-полковник М. М. Попов был полон энергии. Он шутливо нападал на меня по поводу отсутствия наших кораблей в Моонзунде, и мне приходилось отбиваться. Мы обсуждали предстоящую операцию по освобождению островов.

– Что вы дадите для высадки и перевозки дивизий генерала Старикова? – спрашивал Попов.

– Ночью мы заняли остров Вормси, а теперь... начали сосредотачивать в Хаапсалу... и других пунктах на побережье торпедные катера, катерные тральщики, «охотники» и морские бронекатера. Надеюсь, что через два-три дня мы сможем высадить одновременно десанты и на Хиума, и на Муху. – Хотел бы знать, Леонид Александрович, – обратился к маршалу, – Какое вы примите решение по организации командования в операции?

– Командование поручим генералу Старикову, а заместителем к нему по морской части – контр-адмирала Святова. Авиация фронта и флота будут тесно взаимодействовать...

Маршал посоветовал нам с М. М. Поповым выехать в штаб командующего 8 армией генерала Старикова в Хаапсалу».

В Хаапсалу совещание провел Маркиан Михайлович, где они вместе с Трибуцем «ознакомили присутствовавших с последними данными флотской разведки. Разговор был коротким и деловым. В нем участвовали все заинтересованные стороны, они быстро договорились о главных моментах.

Во-первых, были подтверждены сроки и очередность высадки наших войск, намеченные маршалом Л. А. Говоровым и подтвержденные Ставкой Верховного Главнокомандования.

Во-вторых, определены пункты сосредоточения войск, десантно-высадочных и транспортных средств. Это были прежде всего пристани Рохукюла и Виртсу.

В-третьих, мы договорились о выделении тылом фронта дополнительных транспортных средств, необходимых для ускорения

переброски топлива со складов Кронштадта и Ораниенбаума.

Наиболее трудной задачей являлось, конечно, ускоренное сосредоточение торпедных катеров, катерных тральщиков, сторожевых катеров, морских бронекатеров и их обеспечение всеми видами довольствия».

Начальник штаба эскадры кораблей Балтийского флота контрадмирал И. Г. Святлов вспоминал: «Координация взаимодействия всех сил, участвующих в десанте, осуществляли генерал-полковник М. М. Попов и командующий флотом адмирал В. Ф. Трибуц, которые 30 сентября прибыли на командный пункт командующего 8 армией. Десанту предстояло форсировать водную преграду шириной 22 км. К вечеру 30 сентября погода засвежела, ветер достиг 6–7 баллов от зюйд-веста, вследствие чего высадка десанта на катерах стала невозможной. Генерал-полковник М. М. Попов приказал отложить высадку до улучшения погоды, а в это время использовать для производства разведки пунктов высадки и огневых средств противника, а также для тренировки личного состава десанта и катеров по посадке на посадочные средства и высадки.

Размещение в Хаапсалу оперативной группы штаба фронта имело положительное значение. С улучшением погоды успешно была осуществлена высадка на остров Муху и Хиума и войска овладели ими. 5 октября началась операция по десантированию на центральный остров Сарема. К исходу 8 октября остров Сарема, за исключением полуострова Сырве – ключа к Финскому заливу, – был очищен от противника. Бои за него не прекращались ни днем, ни ночью. В наших войсках остро ощущалась нехватка артиллерии, танков, боеприпасов и личного состава. Полное освобождение острова затягивалось».

Только 18 ноября 1944 г., «после артиллерийской и авиационной подготовки, советским войскам удалось прорвать оборону противника на полуострове Сырве (юго-западный выступ острова Эзель), – продолжает свой рассказ В. Л. Телицын. – Советская пехота, поддержанная танками и САУ, стремительно двигалась вперед, сметая на своем пути все малые и большие укрепленные точки вермахта.

Обер-ефрейтор Юнг писал своему другу: "Милый Ганс! Остров для нас стал мышеловкой".

23 ноября начался последний штурм. Главный удар наносился в районе Аде-Генга. К утру 24-го числа на полуострове оставались только разрозненные группы войск противника. На полуострове Сырве были разгромлены 23-я, 218-я и 215-я пехотные дивизии, 531-й и 532-й артиллерийские дивизионы береговой обороны, 583-й охранный батальон и

другие. Противник потерял до 7 тысяч человек убитыми и около 700 пленными. Корабли Балтийского флота потопили или повредили около 100 судов противника. Моонзундская десантная операция завершилась».

К слову сказать, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1944 г. генерал-полковник М. М. Попов за освобождение Эстонии был награжден орденом Красного Знамени...

В феврале 1945-го командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта генерала армии А. И. Еременко был отозван в Ставку, а затем назначен командующим на 4-й Украинский фронт. Новым командующим, по совместительству, стал Маршал Советского Союза Л. А. Говоров.

Начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал Л. М. Сандалов, вспоминая сложившуюся обстановку, писал: «Общее соотношение сил в Курляндии к тому времени было для нас не совсем благоприятное. И несмотря на то что Верховное Главнокомандование было заинтересовано в скорейшей ликвидации вражеской группировки, войск и особенно средств усиления для этого оно нам выделить не могло. Они были нужнее в Восточной Пруссии и Западной Польше. Поэтому боевые действия наших армий носили ограниченный характер.

То на одном, то на другом участке по-прежнему проводились только частные наступательные операции. Степень активности соединений чаще всего зависела от наличия снарядов. Как только их накапливалось более или менее достаточно, мы предпринимали новый нажим на неприятеля.

Говоров, оставшийся по совместительству и командующим Ленинградским фронтом, часть сил оттуда перебросил в Прибалтику. Однако и эта мера не помогла.

Говоров очень переживал, когда дела шли не так, как хотелось бы. Может быть, от этого у него резко ухудшилось и без того плохое здоровье. Его постоянно мучили бессонница, сильные головные боли, пошаливало сердце. Кровяное давление нередко подскакивало до двухсот и выше. Как только заходил острый разговор, лицо Говорова начинало заметно дергаться. Генерал армии А. И. Антонов от имени Ставки приказал мне ежедневно в 24 часа переключать все телефоны на себя, брать управление войсками в свои руки, чтобы Говоров мог спокойно отдыхать до утра.

Когда я сообщил об этом Леониду Александровичу, он махнул рукой: – А!.. Если бы можно было отключать мозг... Я от разных дум не могу заснуть».

1 апреля 1944 г. наконец-таки 2-й Прибалтийский фронт был расформирован, а все его войска с тыловыми учреждениями были включены в состав Ленинградского фронта.

Доктор исторических наук, а в годы войны офицер оперативного отдела штаба Ленинградского фронта, В. М. Ганкевич в одной из своих книг расскажет о том, как маршал Говоров, «не спешил с уничтожением окруженной и прижатой к морю еще очень сильной группы армий "Норд". Немцы сопротивлялись отчаянно, они понимали, что ждать от победителей милости им не приходится. Добавим к этому: ранняя весна и распутица, сдобренная мокрым снегом, препятствовали проведению крупной и серьезной наступательной операции. Говоров делал ставку на блокаду, и был в этом абсолютно прав: положение почти трехсоттысячной армии вермахта, заблокированной с трех сторон советскими войсками, а с четвертой – отрезанной морем, с каждым днем все ухудшалось и ухудшалось. Это и понятно: запасы продовольствия и боеприпасов, медикаментов, топлива у противника все таяли, а пополнять их становилось все труднее и труднее. (...)

По данным, полученным штабом фронта, гитлеровцами с 1 марта по 1 мая 1945 года было съедено более 47 тысяч строевых лошадей.

С каждым днем становилось все более очевидным, что война нацистской Германии проиграна. Потерпели крах и все расчеты командования вермахта, связанные с группой армий "Норд". "Удалось" лишь одно – оттянуть на себя значительную советскую группировку, группировку, которой так не хватало в Центральной Германии, в период боев за Берлин. (...)

... когда армии группы "Норд" оказались заблокированными, Гитлер сместил генерал-полковника Рандулича и командующим группой назначил генерала пехоты Гильперта.

Гильперт считался одним из самых преданных Гитлеру немецких генералов. В войсках группы "Норд" он командовал корпусом и долгое время 16-й армией. В начале 1943 года Гильперт командовал группировкой немецких войск в районе Синявина. Хотя нашим войскам и удалось тогда прорвать блокаду, неприятель удержал Синявинское плато, имевшее большое значение для судеб всей группировки немецко-фашистских войск под Ленинградом. За это Гильперт получил награду и повышение в чине.

Начальником штаба окруженной в Курляндии группировки "Норд" был генерал-лейтенант Ферч, ранее занимавший тот же пост в 18 армии. (...)

Гильперт и Ферч поддерживали непрерывную радиосвязь со Ставкой Гитлера, все еще рассчитывая на благоприятное изменение обстановки. Но сообщения из Берлина становились все мрачнее».

Наступил май... Как подчеркнет генерал Бычевский, «опьяняюще

пахло черемухой, чувствовалось дыхание зеленеющих полей, слышались торжествующе-звонящие утренние трели жаворонков. И все это было наполнено ожиданием. Шли последние дни, а может быть, часы и минуты войны.

Ждали солдаты, ждали и маршалы.

На рассвете 7 мая в одном из маленьких домиков литовского городка-поселка Мажейкяй, где размещался командный пункт Ленинградского фронта, маршал Л. А. Говоров, член Военного совета генерал-лейтенант В. Н. Богаткин и начальник штаба генерал-полковник М. М. Попов тоже ждали чрезвычайных сообщений.

Леонид Александрович только что подписал ультиматум командованию Курляндской группы немецко-фашистских войск, прижатых к морю, и приказал передать его в эфир на волне вражеской радиостанции.

Тогда Военному совету фронта еще не было известно, что примерно в те же часы (2 часа 41 минута 7 мая) в агонизировавшей фашистской Германии, в городе Реймсе, заканчивался последний акт войны. Главнокомандование германскими вооруженными силами в лице Йодля уже поставило подпись на предварительном протоколе о капитуляции. Военному совету фронта не было известно и то, что в эти же часы в Ставке гроссадмирала Деница, преемника покончившего с собой Гитлера, оставшиеся в живых фашистские главари лихорадочно искали возможность выиграть хотя бы сутки для сдачи максимального количества своих войск в плен американцам и англичанам.

Через несколько часов из Ставки Верховного Главнокомандования сообщили о происшедших событиях всем командующим фронтами. И о том, что начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов передал главам английской и американской военных миссий в Москве письмо, содержащее требование о подписании 8 мая в Берлине Акта о безоговорочной капитуляции взамен временного акта, подписанного Йодлем в Реймсе.

Немедленно по получении этого сообщения Говоров и Богаткин решили написать и сбросить над позициями врага краткую листовку. Вскоре десятки тысяч красных листовок разлетелись над всем Курляндским полуостровом. В них излагалось требование к немецко-фашистским частям повсеместно сложить оружие и сдаться в плен.

Одновременно Говоров приказал всем командующим армиями иметь в готовности танковые и моторизованные группы для быстрого выхода в район портов Либавы (Лиепая) и Виндавы (Вентспилс). Для такого решения были основания. На Курляндском полуострове еще шли бои. Здесь

находилось более двадцати дивизий 16-й и 18-й армий бывшей группы армий "Север", именуемой теперь группой "Курляндия" и насчитывавшей около двухсот тысяч солдат и офицеров. Войска Говорова продолжали расчленять и дробить их в районе Тукумса, Салдуса. Но разведывательные данные говорили о том, что командование группы "Курляндия" еще не оставило надежды ускользнуть, хотя бы частью сил, морем в Северную Германию. Бежать от страшной встречи с советскими судьями, от возмездия за злодеяния на советской земле.

...Шли часы. В домиках, занимаемых различными управлениями и отделами штаба фронта, генералы и офицеры, поставленные в известность о последних событиях, продумывали организацию приема огромного количества пленных.

В нескольких километрах от командного пункта, в покинутой населением деревушке, оборудовали лагерь – сборный пункт для пленных фашистских генералов и офицеров. По подсчетам начальника разведотдела Евстигнеева генералитет Курляндской группы должен был составлять свыше сорока человек. Петр Петрович ошибся на несколько человек в меньшую сторону. И еще он ошибся в одном: командовал этой группой уже не генерал-полковник Рендулич, а генерал пехоты Гильперт, бывший командующий 16-й армией. "Игральная колода карт" Гитлера продолжала тасоваться до последних дней. И Рендулича, и его предшественника фельдмаршала Шернера, оказывается, перебросили в Чехословакию и Австрию, где они возглавили остатки германских войск.

Говоров вызывал штабных офицеров, проверяя подготовку к финальному акту. Кроме организации процедуры приема огромного количества капитулировавших солдат и офицеров со всей их боевой техникой, его интересовали и некоторые другие моменты. Командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант Одинцов доложил, что в составе пленных будут и те, кто непосредственно возглавлял осадную артиллерию, пытавшуюся превратить Ленинград в развалины.

– Теперь вы имеете возможность лично "познакомиться" с ними, – усмехнулся Леонид Александрович, когда Одинцов назвал фамилии командующего артиллерией 18-й армии генерала Фишера, командиров специальных осадных групп генералов Томашки, Бауэрмайстера.

– Конечно, взглянуть, как они будут выглядеть теперь, небезынтересно, Леонид Александрович, – улыбнулся Одинцов. – Боюсь только, не зачешутся ли у меня руки во время такого знакомства... А рука у меня тяжелая.

– Ничего, выдержите и это испытание. Подготовьте заранее перечень

вопросов. Кстати, в последних боях немецкая самоходная артиллерия была очень активна во взаимодействии с танками при маневрах с рубежа на рубеж. Тактика оборонительных действий этим методом представляет определенный интерес. Это своеобразный броневой пояс при активной обороне. И очень маневренный. (...)

Шли часы. Временами Маркиан Михайлович Попов звонил в штабы армий, в разведотдел, где внимательно слушали эфир. Отовсюду докладывали: на фронте вялая стрельба, почти тихо. Тихо было и в эфире.

Как показал дальнейший быстрый ход событий, а также допросы пленных генералов, причина молчания весь день 7 мая заключалась в том, что в штабе группы "Курляндия", в штабах ее армий и дивизий спешно уничтожали важнейшие оперативные документы. На это ушли почти сутки. Гильперт отмалчивался, хотя уже 7 мая знал о событиях в Реймсе. На рассвете 8 мая, когда истекало время, обусловленное ультиматумом, Говоров собирался отдать приказ о нанесении сильного бомбового удара по скоплениям немецко-фашистских войск в районе Либавы и Виндавы. Наши корабли и подводные лодки надежно блокировали побережье Балтийского моря и потопили уже немало транспортов, пытавшихся пробиться из Курляндии. Скопление в этих портах судов свидетельствовало, что Гильперт все еще хватается за соломинку.

В 7 часов утра станции радиоперехвата в Мажейкяй наконец услышали то, что ждали целые сутки:

"Главкомандующему 2-м Прибалтийским фронтом.

Всеобщая капитуляция принята. Устанавливаю связь и спрашиваю, на какой волне возможна связь с командованием фронта...

Командующий войсками группы «Курляндия» Гильперт, генерал пехоты".

Начальник разведотдела генерал Евстигнеев немедленно доложил об этом Леониду Александровичу. Бомбовый удар был отменен.

Теперь эфир ожил. Немного времени спустя Евстигнеев положил на стол Говорова еще одну перехваченную радиограмму:

"...Циркулярно. Всем, всем... Всем военно-морским силам Востока.

Ввиду принятия капитуляции седьмого мая сорок пятого года в 16.00 всем военным и торговым кораблям причалить к берегам, флаги спустить. Существующую до сих пор форму приветствия отменить. Штаб военно-морских сил Востока".

Говоров приказал послать Гильперту радиограмму следующего содержания: "Прекратить все военные действия во всех подчиненных войсках и выставить белые флаги к 14 часам. Выслать немедленно своего

уполномоченного в пункт Эзере для подписания протокола о порядке сдачи в плен немецких войск".

В 14 часов 35 минут пришел ответ Гильперта:

"Господину маршалу Говорову.

Подтверждаю прием Вашей радиogramмы. Я приказал прекратить враждебные действия в 14.00 по немецкому времени. Войска, на которые распространяется приказ, выставят белые флаги. Уполномоченный офицер находится в пути по дороге Скрудна – Шомпали".

Небезынтересно, что в эти же примерно часы 8 мая в предместье Берлина Карлсхорст для подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии были под охраной доставлены из Фленсбурга представители главного немецкого командования во главе с фельдмаршалом Кейтелем. Церемонию подписания Акта в Берлине открывал Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Исторический документ был подписан ровно в полночь 8 мая.

К этому моменту в Курляндии весь передний край в полосе двадцати двух немецких дивизий был усеян белыми флагами».

О встрече уполномоченного Гильперта начальника тыла Курляндской группы генерала Раузера с начальником штаба фронта генералом Поповым свидетельствует В. М. Ганкевич: «Маркиан Михайлович стоял у домика в окружении нескольких генералов и старших офицеров и с усмешкой смотрел на приближающихся парламентариев.

– Генерал-майор Раузер – уполномоченный главнокомандующего группой армий "Курляндия" для подписания условий капитуляции перед командующим Вторым Прибалтийским фронтом, – отдавая честь, произнес на ломаном русском языке немецкий генерал.

Одновременно козырнули два сопровождавших его подполковника.

– Генерал-полковник Попов – уполномоченный маршала Говорова, командующего войсками Ленинградского фронта, – просто ответил Маркиан Михайлович.

С большим интересом мы наблюдали за выражением лица Раузера. Гитлеровский генерал, начальник тыла группы армий, вдруг занервничал и с тревогой спросил:

– Войсками какого фронта командует господин маршал Говоров?

– Маршал Говоров, – ответил Маркиан Михайлович, – командует войсками Ленинградского фронта.

В церемонии встречи произошла непредвиденная заминка. Генерал Раузер опешил. Все еще держа в левой руке документ, он посмотрел по сторонам и быстро заговорил по-немецки со своим офицером. Потом он

круто обернулся и, щелкнув каблуками, вручил генерал-полковнику Попову свое удостоверение.

Там говорилось:

"Уполномочиваю генерал-майора Раузера, подполковника Лизонга, подполковника Кона подписать безусловную и безоговорочную капитуляцию группы армий «Курляндия» перед маршалом Говоровым – главнокомандующим 2-м Прибалтийским фронтом. Генерал пехоты – Гильперт".

На бланке главнокомандующего группой армий "Курляндия" стояла печать группы "Норд".

Снова взаимный обмен воинскими приветствиями. Лицо Раузера немного светлеет. Он явно доволен встречей. Маркиан Михайлович приглашает парламентариев к столу.

– Ваш командующий, – говорит Маркиан Михайлович, – избрал правильный путь. Он сохранил жизни сотням тысяч ваших соотечественников!

Наш офицер сразу же переводит эти слова немецкому генералу. Раузер козыряет и садится за стол.

Понемногу парламентариев оставляет прежняя холодность и настороженность, а первые рюмки водки развязывают им языки. После банальных слов о широкой известности русской водки они высказывают особое удовлетворение по поводу тишины, установившейся над полями сражения.

Маркиан Михайлович согласно кивает головой и тут же добавляет:

– Но ведь если бы Германия не напала на СССР, наши и ваши поля не были бы окутаны дымом войны ни на одну минуту!

Раузер подал Маркиану Михайловичу конверт:

– Вот личное послание генерала Гильперта маршалу Говорову. Гильперт писал:

"Многоуважаемый господин маршал!

Настоящим письмом, переданным Вам через моего уполномоченного офицера, я заверяю Вас, что группа армий "Курляндия", находящаяся под моим командованием, готова принять Ваши условия капитуляции и лояльно их выполнить. При Вашем решении прошу Вас, господин маршал, оценить сохранившуюся до последней минуты храбрость моих войск и предоставить им возможность свободно и честно возвратиться в Германию с сохранением личного оружия.

Если Вы, господин маршал, не можете удовлетворить мою просьбу, то я прошу Вас доложить ее Верховному главнокомандующему...

С выражением глубочайшего внимания генерал пехоты Гильперт. 8 мая 1945 года"».

В такой ситуации недопонимания начальнику штаба фронта пришлось объяснить, что если не будут выполнены условия капитуляции, то войскам Ленинградского фронта придется немедленно применить силу.

В 22 часа 6 минут 8 мая 1945 года генерал Раузер подписал протокол о порядке сдачи в плен частей немецкой группы армий «Курляндия»...

В 10 часов 40 минут 9 мая 1945 г. в Пелчи, где размещался штаб группы армий «Курляндия», вступили передовые части Ленинградского фронта, а на следующий день Маркиан Михайлович встретился с бывшим его начальником генерал-лейтенантом Ферчем.

Между ними произошел любопытный неофициальный разговор: «... М. М. Попов поинтересовался самочувствием Ферча.

– Я морально подавлен и совершенно убит, – ответил Ферч. – Берлин пал. Что будет с нами, не знаю. Не знаю, есть ли у меня еще дом, семья.

– Вы помните, что Бисмарк не раз предупреждал немцев: не ходите на Россию.

– Прекрасно помню!

– И что же? Зачем пошли на этот раз?

Ферч явно нервничал – ответил уже хорошо знакомой нам формулой:

– Во всем виноват Гитлер!

– Расстанетесь вы теперь, наконец, с мыслью о "жизненном" пространстве на Востоке?

– О, разумеется! – воскликнул Ферч. – Не только себе, но даже и детям своим мы, немцы, запретим думать о походах на Россию...»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. генерал-полковника Попова наградят вторым орденом Кутузова 1-й степени. Как писал сам Маркиан Михайлович, «за операции в Курляндии».

В одной из своих статей, посвященных 90-летию генерала армии Попова, доктор исторических наук Ф. Д. Свердлов так оценит Маркиана Михайловича в должности начальника штаба Ленинградского фронта: «В этой должности он пробыл до окончания войны. Фронт провел несколько успешных наступательных операций, разгромил противника на Карельском перешейке и в Эстонии. Во всех этих операциях его роль как начальника штаба была чрезвычайно велика. Командующий фронтом Л. А. Говоров всю работу по руководству войсками осуществлял через штаб. Попов возглавлял не только планирование наступательных операций, но и управление войсками. Ежевечерне обобщал сложившуюся обстановку и докладывал командующему войсками фронта свои предложения по

дальнейшему ведению наступления. Он сумел так организовать работу штаба фронта, что тот постоянно работал, как хорошо отлаженный механизм. Л. А. Говоров очень ценил Маркиана Михайловича, доверял ему отдавать распоряжения войскам от своего имени, в том числе и весьма ответственные. Конечно, и М. М. Попов в этих условиях работал с полной отдачей. В ходе активных действий сам отдыхал очень мало, но режим отдыха и взаимозаменяемости офицеров штаба поддерживал неукоснительно. Его авторитет среди командующих армиями и командиров соединений был очень высок. Со всеми вопросами они всегда обращались сначала к начальнику штаба фронта, а затем уже к командующему. Но, как правило, М. М. Попов большинство вопросов, даже не относящихся к функциям штаба (например, снабжения), успешно разрешал. Ну а разведка, связь, информация, управление войсками в штабе фронта, конечно, были на высоте».

9 июля 1945 года Ленинградский военный округ был восстановлен. Теперь он включал территории Ленинграда, Ленинградской, Псковской, Новгородской областей и Эстонской ССР. Началась мирная жизнь...

«По возвращении из Прибалтики начальник штаба фронта вместе с политработниками и своими помощниками вплотную занялся организационными вопросами – подготовкой летних лагерей для частей Ленинградского фронта и организацией в них боевой и политической подготовкой воинов. Для этого уже 28 мая проведено было первое послевоенное батальонное тактическое учение для командиров полков и батальонов. Опыт войны в основе обучения войск. А 27 мая уже открылись летние лагеря. И газета "На страже Родины" от того же числа извещала читателей: "В подразделениях N-части впервые после четырех лет войны началась нормальная лагерная и политическая учеба".

Наряду с этим готовились к демобилизации старших возрастов», – напишет троюродный брат полководца.

24 мая Верховный Главнокомандующий приказал для участия в параде в Москве в честь победы над Германией выделить от каждого фронта сводный полк. Это пять батальонов двухротного состава по 100 человек в каждой роте. Кроме того, 19 человек командного состава и 36 человек знаменщиков с 4-мя ассистентами офицерами. Всего шесть рот пехоты, одна рота артиллеристов, одна рота танкистов, одна рота летчиков и одна сводная – кавалеристы, саперы, связисты (1059 человек в сводном полку и 10 запасных). На парад сводный полк от каждого фронта должен был прибыть в Москву 10 июня. Вместе с ним в столицу прибывал командующий фронтом и все командующие армиями, включая

командующих воздушными и танковыми армиями. Начальник штаба фронта, согласно директиве, оставался на месте за командующего.

Командиром сводного Ленинградского фронта Маршал Советского Союза Говоров назначил генерал-лейтенанта А. Г. Стученко. Командир 19-го гвардейского стрелкового корпуса Андрей Трофимович Стученко впоследствии расскажет о параде в своих мемуарах: «Утро 24 июня 1945 года выдалось хмурое. Свинцовые облака затянули все небо. Но, несмотря на это, у всех было приподнятое настроение. Построились. Яркие знамена, блестящие мундиры. Ордена и медали на груди прославленных воинов. Идти нам пришлось далеко. Но этот путь показался недолгим из-за радостного волнения. По обеим сторонам улицы тесной толпой стояли москвичи. Цветы. Радостные крики:

– Родные вы наши!..

– Слава вам!..

– Ура-а!..

Народ славил своих воинов, пришедших в столицу с победой. Некоторые улыбались, махали приветственно нам руками, а глаза были полны слез: видимо, вспоминали своих близких, не доживших до этого светлого дня.

Площадь Дзержинского. Пошел мелкий морозящий дождь. Он все-таки прорвался и больше уж не переставал весь день.

Вот и Красная площадь – украшенная кумачом, праздничная, ликующая.

– Парад, смирно!

Командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, приняв рапорт начальника гарнизона, величаво застыл на коне в ожидании выезда принимавшего парад Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Рокоссовский изредка бросал теплые взгляды на четкие колонны войск, только что пришедших со славой с полей войны. На груди участников Парада Победы и на знаменах, которые их осеняли, блестели ордена и медали.

Взоры всех присутствующих на Красной площади обратились к дорогим лицам стоявших в строю воинов и к одному из славных полководцев армии победителей. Зрители с восхищением смотрели на красивую фигуру всадника, как бы слившегося с конем и державшего в руке обнаженную шашку.

Константин Константинович был внешне спокоен, и ничто не выдавало его внутреннего волнения в эти торжественные минуты, а его

конь нетерпеливо бил ногами о камни мостовой.

Нескрываемое любопытство и уважение было написано даже на лицах военных атташе – представителей армий иностранных государств, стоявших у правого крыла Мавзолея.

Гром аплодисментов, прокатившийся по площади, возвестил о появлении на крыле Мавзолея руководителей партии и правительства.

Кремлевские куранты отбивают десять ударов.

Из Спасских ворот выезжает прославленный в боях за Родину Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Площадь замерла. Рапортует маршал Рокоссовский. Начался объезд войск, об окончании которого возвестили громкие торжествующие крики "ура". И вот раздались мощные, тысячетрубные звуки "Славься!". Глинка как бы воплотил в эти величественные звуки все, что характерно для нашего великого народа: широкую душу, богатырскую мощь, готовность на беспримерные подвиги во имя Родины, человечность и в то же время беспощадность к врагам родной земли.

Начался торжественный марш победившего народа, именно народа, ибо мы воплощали в себе весь советский народ, без помощи которого войска не могли бы победить.

Пошел Карельский фронт. Подал и я команду на поворот направо и потом на ходу – налево. Уже близко трибуна, а оркестр Чернецкого все играет марш для карельцев. Что делает дирижер? Когда мы возьмем ногу?.. От волнения меня начинает прошибать пот. Так и есть: Чернецкий запоздал перейти на "Марш энтузиастов". Запоздал, видимо, потому, что на тренировках привык играть марши для колонн семибатальонного состава, а карельский сводный парадный полк насчитывал пять батальонов. Чернецкий спохватился, поспешно перешел на наш марш, когда я уже поднял шашку для салюта. Впереди идущий маршал Говоров и следовавшие за ним командармы начали менять ногу, принаравливаясь к сменившемуся такту.

Что делать? Менять ногу всей колонне? Нельзя! В этом случае половине батальонов придется менять ногу уже перед трибуной... Опозоримся!

Нет! Шага менять не будем. Люди натренированы, уговор помнят, пройдут... Я выдерживаю прежний шаг, на меня равняется вся колонна – так мы договорились на тренировках.

Так и прошли: маршал Говоров с командармами под одну ногу, а я с колонной – под другую. Эту деталь можно заметить при просмотре кинокадров "Парад Победы"».

По свидетельству Антонина Александровича, маршал Говоров, отправляясь в Москву, обещал Маркиану Михайловичу «прозондировать почву о возвращении ему звания генерала армии». Но, судя по всему, ничего не вышло. М. М. Попова наградили вторым орденом Кутузова 1 – й степени. На этом и была поставлена жирная точка.

«А он так мечтал о реабилитации... от пережитого горечью наполнялась душа и приходило прозрение: кто есть кто, – отметит А. А. Попов. – При зам. наркома обороны Булганине и начальнике Генштаба Антонове рассчитывать на их ходатайство перед Сталиным не приходится. И, несомненно, прав был Василевский, много лет общавшийся со Сталиным, говоря: "Как трудно было к нему вновь войти в доверие. Резкость и суровость Сталина в таких случаях не знали предела"».

Но, как говорится в одной из известных русских поговорок, «беда не приходит одна»...

На 11 декабря 1944 г. Маркиан Михайлович вместе с адмиралом Трибуцем были вызваны в Ставку. В 19.55 они вошли (вышли в 23.10) в кабинет вождя вместе с генералами Булганиным, Штеменко, Антоновым и наркомом ВМФ Кузнецовым. Это была последняя встреча генерала Попова с вождем. Из Кремля М. М. Попов позвонил на Арбат, где жили его родители и семья. Никто не ответил. Как свидетельствует Антонин Александрович, тогда «по дороге на аэродром заехал на полчаса к родителям и сестре Вале и встретил там Алика. От него узнал, что "мама вчера уехала в Ленинград" и услышал ответ отца на свои вопросы, обнаруженные мною в письме к Михаилу Петровичу (хранившемся в его дневнике): Почему вы съехали с арбатской квартиры на Гончарную набережную? В чем причина охлаждения ваших отношений с Клавой? И услышал такое... от чего кровь ударила в голову (по словам Вали, отец рассказал ему о полковнике из Генштаба, который катал Клаву на машине), и помчался на аэродром. Вопреки договоренности с адмиралом о полете в Ленинград настоял на возвращении в Хаапсалу. С головой ушел в дела, нетерпеливо ожидая звонка из Ленинграда. Разговор состоялся, но был немирным, взрывным. Это не была размолвка, ссора, а нечто большее, имевшее печальные последствия... С той поры он общался только с сыном».

Впервые после начала войны семья навестила Маркиана Михайловича в Юрьево, когда он уже был командующим Брянским фронтом. Клавдия Ильинична с сыном приехала из Челябинска, где они жили в эвакуации. А. А. Попов расскажет в книге о своем родственнике: «Без предупреждения, хотя разговор о приезде имел место, правда, сроки не

оговаривались. После двухлетней разлуки эта встреча обрадовала и раздосадовала Маркиана Михайловича. Уж слишком он занят и еле-еле выкраивал время для свиданий с женой и любимым Аликом. Услужливые связистки мигом сшили сынишке военный костюмчик, соорудили сапожки и фуражку, и штабной фотограф не раз заснял его в таком виде с отцом.

– Пребывание наше было недолгим, – вспоминает Клавдия Ильинична, – хотя и урывками все же я пыталась восстановить подобие семейной жизни. Даже грибы сушеные захватила, но адъютант Блинов раздобыл свежие, чтобы сварить Марку любимую им еще с детства грибную похлебку. Вдруг через адъютанта Марк предупредил – приехал Жуков, будет у нас ужинать. Засуетились мы с поваром и вторым адъютантом Языковым, но подготовились так, как надо. Я уже принимала начальника Генерального штаба А. М. Василевского.

Вечером явился и сам маршал и еще несколько генералов и среди них ленинградский знакомец, теперь тоже маршал Александр Александрович Новиков (у нас он авиацией командовал). За столом мне пришлось немного побыть, разговор шел о делах. Маршал ушел в сопровождении Маркиана Михайловича и генералов. Через некоторое время воротился Новиков и сказал мне:

– Клавдия Ильинична, собирайтесь! Больше вам здесь оставаться нельзя. Завтра утром моим самолетом летите в Челябинск.

Позже вернулся Марк и подтвердил сказанное. Не знаю, дела ли так требовали или маршал так решил... Словом, утром мы были на аэродроме. Прощаясь, Марк сказал, что нас скоро перевезут в Москву, туда же переедут и его родители».

Осенью 1941-го, когда генерал-лейтенанта М. М. Попова сняли с должности, досталось и семье: «Когда слухок о его снятии дошел до эвакуированных жен, "ответственных" Бумагина, Кузнецова и др. – заговорили чуть ли "как не о враге народа". Жену Клавдию с сыном сняли со снабжения военторга. Все отвернулись, за исключением Клементьевой Агриппины Сергеевны, которая, обремененная тремя детьми, делилась продуктами, большую часть которых приходилось покупать на обменные вещи. Узнав об этом, Маркиан Михайлович, будучи командармом 61-й, вынужден был обратиться в Челябинский обком партии, чтобы помочь семье. В свете сказанного многое из прошлого Маркиана Михайловича проясняется, в частности, его скоропалительный отзыв в резерв Ставки с поста начальника штаба Ленфронта в сентябре 1941-го. Так же, как и задержка с назначением командармом 61-й».

А для устройства личных семейных дел Маркиан Михайлович все же

время нашел. А. А. Попов пишет: «Все они, и дети, и родители, оказались разбросанными кто куда. Один Петр, служивший в Артиллерийском управлении Наркомата обороны, прочно обосновался в Москве. Отец и мать не захотели эвакуироваться и остались в Бологом, где он учительствовал. Недалеко от него жила сестра Валя. Старшая Нина в блокированном Ленинграде, младшая Лида где-то воюет. Его семья в Челябинске, словом, кто где! Будучи в Москве, договорился о выделении ему квартиры с семьей и родителями, которые помогут опекать Алика и освободят время для учебы Клаве, не оставаться же ей с семилеткой! Теперь надо реализовать эту возможность. О том, как все это произошло, свидетельствуют факты, открывшиеся полвека спустя.

1994 год. Я сижу в квартире Клавдии Ильиничны на Каменноостровском проспекте Петербурга. Хозяйке 89 лет, гостю – 86. Седая, с короткой стрижкой, сухонькая, но еще проворная, с поблекшим лицом, почти не тронутым морщинами. Перед нами груда фотоснимков, разбираем, рассматриваем давно ушедших людей, здесь же – полных жизни, надежд. Рядом стопочка писем Маркиана Михайловича. Бисерно-каллиграфическим почерком написаны эти маленькие листочки, по объему текста каждый из них равен машинописному листу. Некоторые приходилось читать с помощью захваченной мною лупы. Во многих содержатся теплые слова в адрес жены и сына. И вдруг нахожу большой лист, вырванный из служебного блокнота командующего Брянским фронтом. Дата: 30.10.43., а он уже 10 дней как командует 2-м Прибалтийским фронтом, видно, не было другой бумаги для письма, даже не письма, скорее записки. Почерк здесь броский, крупный, читаю вслух: "Здравствуйте, мои дорогие Клава и Алик! Вот и явился за вами мой Языков. Раньше никак не удавалось. Думаю, что с ним доедете благополучно. Он же вас устроит и в Москве. О себе не пишу. Языков все вам расскажет. Я жив и здоров, чувствую себя неплохо. Поздравляю вас с праздником Октябрьской революции, вы, очевидно, эти дни проведете в вагоне. Крепко, крепко вас целую. Привет Михайловым, Клементьевой. Ваш Марк г. В.Л."

Неразборчиво, видимо, Великие Луки. Клавдия Ильинична встрепелась.

– Точно, праздники встретили в поезде. Ехали долго, намучились. На вокзале Языков куда-то позвонил, приехала эмка, погрузились и прямо на Арбат. У дежурного он получил ключи. Поднялись на девятый этаж, квартира трехкомнатная, громадная, со всеми удобствами, отдельная ванная. И, главное, уже обставленная: а то у нас ни стола, ни стула, одни

чемоданы. Одна комната для родителей, они вскоре и объявятся, не помню, может, Языков за ними и ездил. Приехали с внучкой Таней, дочкой Нины. Она в начале войны отправила ее к ним, а та там и осталась. Прожили они у нас что-то около года, потом переехали на Гончарную набережную, там же и Валя поселилась. Самая большая комната была то ли столовая, то ли гостиная, пианино еще там находилось. Марк-то хорошо играл, по стопам отца и Алик пошел. С началом учебного года поступил он в музыкальную школу, Таня в первый класс пошла.

– А вы как?

– А что я? Завертелась, как белка, ему-то на фронте хорошо: повар, ординарец, адъютанты, а тут семья – изготовить, убрать, обшить. Алика отвести и привести. Дел хватало!

При скромности Маркиана Михайловича, повар для его нужд привлекался лишь при наезде высоких проверяющих. А так обычно пища в термосах доставлялась из штабной столовой Военного совета. Бывало и такое, когда ординарец и адъютант отлучались по его заданию, то и самому генералу приходилось жарить любимую им картошку с тушенкой ("вторым фронтом").

К месту сказать, что у меня есть такой снимок, где генерал "на досуге" чистит картошку. (...)

В напряженные дни продолжающихся боев Маркиан Михайлович все же находит время написать семье письмо.

"Действующая армия. 20.10.44 г.

Здравствуй, мои дорогие Клава и Алик.

Ждал, ждал я от вас письма, так и не дождался, хотя считал, что вы поздравите меня с награждением. Наверно обиделись, что я не послал посылочку. Звонил как-то Петр, но переговоры не состоялся по причине повреждения связи. Узнал, что вы здоровы, и даже узнал, что Алик дрынкает на пианино. Я здоров, если не считать насморка. В городе я так и не был с июня, когда проезжал мимо. В августе был буквально пару часов. Предложенную квартиру Языков забраковал, сейчас ремонтирует новую.

Вы сможете приехать ко мне на пару дней во второй половине ноября.

Целую. Ваш Марк". (...)

Координируя действия 6-й гвардейской и 51 – й армий Маркиан Михайлович с трудом находил время написать сыну.

"Действующая армия. 24 марта, 45 г.

Здравствуй, дорогой Шурик!

Прости, что долго не отвечал на твои письма, которые ты мне прислал через Ленинград. Я снова на фронте воюю и бью немцев, гоним их в шею,

берем в плен, уничтожаем, добьем совсем.

Стихотворение твое мне очень понравилось. Если сочинишь что-нибудь еще, присылай обязательно. Буду очень и очень рад. Погода у нас не совсем хорошая. Жив и здоров. А вот как ты себя чувствуешь, как твое здоровье? Как твои музыкальные успехи? Ты мне обо всем напиши. Буду ждать твое письмо.

Крепко, крепко целую, твой папа!"

Ни звука, ни слова о матери, словно отрезанный ломоть. Ведь понятно, что за двумя этими письмами восьмилетнего мальчика стоит она, пытается как-то восстановить отношения, не случайно письма направлены на ленинградскую квартиру. И как она дальше настроит ребенка, будет зависеть, – сохранит он или утратит сына. Это была саднящая рана, не дававшая ему покоя, и его охватывало чувство вины».

Пытаясь разобраться в семейных неурядицах Маркиана Михайловича, Антонин Александрович добавит к сказанному немного: «Это взаимные наскоки за нарушения супружеской чести, после того, как Клавдия Ильинична в Ленинграде, на новой квартире, застала в ванной некую особу, посчитав ее за пэ-пэ-жэ Маркиана, и позвонила ему в Хаапсалу Взаимные обвинения давали выход нерастраченным эмоциям, пусть и несколько в примитивной форме.

– Марк, как мужчина, все-таки винил себя меньше, больше жену, как-никак, а та является хранительницей семейного очага, – уточняет золовка Валентина Михайловна.

Кто прав, кто виноват – разобраться трудно. А не дают ли повод к размышлению слова племянницы Татьяны Петровны Яремчук, которая еще девчуркой жила у бабушки с дедушкой в Москве и слышала, как тот не раз говорил тете Клаве: "Поезжай к Моте на фронт, а не то потеряешь мужа". А та неохотно покидала Москву – тут весело было, привольно, особенно после приема в Кремле, куда ее как-то пригласили.

А теперь развод... Правда, разошлись без шума, благородно, всю обстановку он выкупил и оставил им, а вот расставание с Аликом являлось тяжелым испытанием...»

6 сентября 1945 г. Маршал Советского Союза Л. А. Говоров подпишет очередную аттестацию на своего начальника штаба, которая аккуратно подшита в его личном деле:

«В должности Начальника штаба Ленинградского фронта с апреля 1944 года по июль 1945 года.

Обладает хорошей оперативно-тактической подготовкой и большим личным боевым опытом.

Во всех операциях фронта штаб вполне обеспечивал Управление войсками.

К недочетам в работе следует отнести недостаточную глубину и поспешность в выводах по обстановке.

Дисциплинирован, энергичен, работоспособен.

Опытный Начальник штаба фронта.

Вполне справится с работой по должности Командующего войсками округа...»

Назначение командующим войсками Львовского военного округа состоялось в июле 1945-го. Судя по всему, выбора особого не было, и Маркиан Михайлович согласился. Все же это была самостоятельная работа, по которой он уже давно соскучился...

На центральном аэродроме в Москве генерал-полковника Попова провожали брат Петр с сестрой Валентиной и жена с сыном. По понятным причинам, взять их с собой он наотрез отказался. Только бывшей жене на прощание сказал: «Прошлого не вернешь. Береги Алика. Воспитавай человеком».

Часть третья

Я люблю правду без украшений.

А. В. Суворов

В каждом человеке – солнце. Только дайте ему светить.

Сократ

Львовский военный округ

Львовский округ был образован 16 мая 1944 г. на освобожденной от немецких оккупантов территории Западной Украины. Включал в себя Волынскую, Ровенскую, Тернопольскую, Черновицкую, и по мере освобождения от врага – Львовскую и Дрогобычскую области. Сначала управление округа находилось в Ровно, а с августа 1944-го во Львове.

Сразу же после окончания войны, 9 июля 1945 г., нарком обороны СССР генералиссимус Сталин подпишет приказ № 0139 «об организации новых военных округов и об изменении границ существующих военных округов». По поводу Львовского округа там будет указано:

«Существующие остальные округа иметь в следующем составе:

1. Львовский военный округ – Львовской, Волынской, Ровенской, Житомирской, Дрогобычской областей и Берездовского, Полонского, Шепетовского, Изяславского и Славутского районов Каменец-Подольской области.

На формирование управления округа по новому штату обратить полевое управление 31-й армии и управление Львовского военного округа.

Назначить:

Командующим войсками Львовского военного округа – генерал-полковника Попова М. М., освободив его от должности начальника штаба Ленинградского фронта.

Членом военного совета округа – генерал-майора Батракова П. К.

Начальника штаба округа – генерал-майора Городецкого Н. В.

Управление округа – гор. Львов...»

Город Львов был основан галицким князем Даниилом Романовичем в середине XIII века. Около 1272 г. стал столицей Галицко-Волынского княжества. Был он и в составе польского государства (XIV–XVIII вв.), названный на латинский манер – Леополисом. Затем в составе Австро-Венгерского государства (XVIII – нач. XX в.) стал Лембергом. После окончания Первой мировой войны Львов на целых 20 лет становится польским городом. А в 1939-м, на основе соглашений между СССР и Германией, входит в состав Украинской ССР.

Сегодня на Украине по численности населения Львов занимает седьмое место в стране (720 тысяч человек). А тогда, после войны, в нем проживало более 230 тысяч человек в жилом фонде и более 5 тысяч в нежилом.

Если верить современным исследователям, то местные поляки вспоминали Львов 1945-го грязным городом: «Не убран снег на улицах. Их удивляли посыпание песком грязи на улицах, автомобили на клумбах, перепаханные газоны, побеленные до половины фонари и столбы, не выкорчеванные пни деревьев. Базарные... и центральные площади и улицы города своевременно не убирали, они превратились во временные свалки мусора, как и внутренние дворы домов» (Г. Боднар).

В связи с деятельностью бандеровцев, так называемой Украинской повстанческой армии, то до 1948 г. в городе действовал комендантский час – зимой с 8 часов вечера до 6 утра. По этой причине многие руководящие партийные, военные и административные работники во Львове в первые послевоенные годы боялись селиться далеко от вокзала. Как пишут авторы «Львов послевоенный», «были даже случаи, когда они отказывались от фешенебельных вилл рядом со Стрыйским парком и от жилых помещений в Профессорской колонии. (...) Вокруг Львова была организована 30-километровая зона усиленного паспортного режима. На подъездах к городу тщательно проверяли документы».

После войны во Львове насчитывалось более 9500 жилых домов, 6 барачных и 295 нежилых домов. Но только 98 % всей жилой площади имело электрическое освещение, 89 % – водопровод, 88 % – канализацию, 75 % – подведенный газ, 4,3 % – центральное отопление...

Престижным районом города был его центр. Районы же улиц Т. Шевченко и особенно Б. Хмельницкого считались рабочими кварталами. А все худшее, по свидетельству жительницы Львова, находилось за Оперным театром...

И тем не менее город жил...

Сразу же после освобождения во Львове начал свою работу Государственный драматический театр имени Марии Заньковецкой, а через несколько месяцев туда переехал Республиканский драматический театр имени Максима Горького. В июле 1945-го открылась Львовская картинная галерея, и в 1946-м – начал действовать областной театр кукол. Постепенно расширялась государственная торговля, вытесняя частную. Работали военторги, а также целый ряд закрытых продовольственных и промтоварных спецмагазинов для военнослужащих. В одном из таких магазинов «нужным людям» продавали даже бананы, апельсины и лимоны.

С лета 1945 г. по трем маршрутам было возобновлено трамвайное движение, связывавшее центр с вокзалом и окраинами. Правда, все трамваи были переполнены, а посадка в вагон обычно сопровождалась потасовкой. В 1946-м по улицам Львова ездили 1600 автомобилей. При этом в первые

послевоенные годы роль такси выполняли извозчики.

«Это был "воюющий округ": то и дело взлетали в воздух мосты, разрушалось полотно железных дорог, совершались нападения на советские и партийные органы, убивались активисты, чему мы с женой стали свидетелями, – свидетельствует Антонин Александрович. – В составе военного округа были учебные полки, полки и батальоны учебных заведений, запасные части, прибывающие с фронтов и других военных округов.

Ежедневно на стол командующего ложилась сводка "боевых" действий, так как наряду с частями НКВД к борьбе с бандитами-националистами привлекались и части округа. Совместно с руководством области и органами НКВД планировались и осуществлялись операции по очистке территории от бандеровцев, пользовавшихся поддержкой некоторой части населения.

М. М. Попов много уделял внимания внедрению опыта Великой Отечественной войны в боевую и политическую подготовку слушателей военно-учебных заведений, частей и соединений округа».

Вокруг себя Маркиан Михайлович собрал сильную команду. Например, начальник штаба генерал-лейтенант (1946) Н. В. Городецкий был хорошо знаком еще по Ленинграду. С академическим образованием. В 1941-м – начальник штаба 23-й армии, затем начальник штаба Северного (Ленинградского) фронта. Прибыл с должности начальника штаба Южно-Уральского военного округа. До этого возглавлял оперативный отдел штаба Волховского фронта. С большим опытом, хорошо подготовленный, с масштабным видением...

Генерал-майор (1942) П. К. Батраков – член Военного совета Львовского округа с мая 1944-го. В Гражданскую – военный комиссар полка, оперативный уполномоченный особого отдела дивизии. Дважды ранен. После войны проходил службу в политических отделах стрелковых и кавалерийских дивизий. С 1930-го преподавал партийно-политическую работу в Военной академии им. Фрунзе. Великую Отечественную встретил членом Военного совета 27-й армии Северо-Западного фронта. С осени 1942-го – член Военного совета Карельского фронта.

1 января 1946 г. новый командующий войсками Львовского военного округа генерал-полковник М. М. Попов выступает в окружной газете на ее первой полосе с большой статьей: «За ведущий округ в Красной армии»: «Надо помнить и никогда не забывать, что боевой опыт всегда служил основой развития тактики и оперативного искусства в послевоенный период. Чтобы еще выше поднять мощь Красной армии, еще с большим

успехом решать военные задачи будущего – необходимо извлечь все уроки из боевой практики и полностью освоить богатейший опыт Великой Отечественной войны... (...)

Перед нами стоит боевая задача – изо дня в день подниматься на ступени выше в своем военном мастерстве, чтобы еще лучше овладеть искусством побеждать в современном бою.

Почетнее этой задачи у нас нет ничего более. В зимний период нового учебного года мы обязаны всесторонне отлично подготовить подразделения к ведению огня. Это означает, что мы должны создать отлично слаженные подразделения. Наши роты, батальоны, батареи, дивизионы, эскадроны и эскадрильи должны уметь в любых сложных условиях обстановки местности и погоды вести бой на уничтожение противника как во взаимодействии с другими родами войск, так и самостоятельно.

Эта общая задача решается в рамках взаимодействия всех родов войск.

Особые, ответственные задачи ложатся на пехоту. За период учебы она должна в совершенстве овладеть ближним боем, научиться преодолевать позиционную оборону противника.

Главное, на что должно быть обращено внимание при обучении пехоты ближнему бою, – это научить каждого пехотинца огнем открывать себе дорогу вперед. А для этого требуется добиться того, чтобы боец в совершенстве овладел всем оружием, состоящим на вооружении взвода.

Необходимо научить пехотинца технике передвижения в ближнем бою – технике переползания под огнем, технике самоокапывания, являющейся элементом того же движения в ближнем бою, технике перебежек и броска в атаку.

Далее, на что должно быть обращено внимание при подготовке пехоты к ведению ближнего боя, – это на ее умение самостоятельно преодолевать всякого рода препятствия, встречающиеся при прорыве обороны противника: минных полей, проволочных заграждений, траншей, противотанковых рвов и т. д.

В первой главе Боевого устава пехоты указано, что пехота "сильна своим огнем в сочетании с движением вперед, завершаемым решительным штыковым ударом". Эти три основы, на которых зиждется сила пехоты, должны быть освоены в совершенстве. Без их освоения нельзя вести современный ближний бой».

И это были не просто задачи на новый учебный год, а конкретные задачи для личного состава «воюющего округа»...

Например, автор книги о повстанцах УПА А. Гогун дает такую картину: «В июле 1945 г. в Западной Украине было образовано 2 военных

округа: Прикарпатский и Львовский. На начало 1946 г. на их территории дислоцировались, в частности, следующие армии: 52-я (генерал Коротеев) – Львовская, Дрогобычская, частично Каменец-Подольская области – 28 тыс. бойцов, 13-я армия (генерал Пухов) – 25 тыс. бойцов.

Все они принимали участие в так называемой "большой блокаде" в первые четыре месяца 1946 г. – операции, после которой борьба УПА стала угасать.

В то время как часть солдат спала по деревьям и таким образом не пускала повстанцев к источникам продовольствия, местам ночлега и лечения, другие солдаты вместе с чекистами без устали прочесывали леса и горы Западной Украины.

Из-за таких мероприятий новой власти партизанам пришлось в буквальном смысле этого слова уйти под землю».

Или вот еще такой документ: «Начальник Политуправления Прикарпатского ВО генерал-майор Лисицын 31 июля 1946 г. отмечал: "Войска округа за время нахождения в сельских гарнизонах в период подготовки и проведения выборов в Верховный совет УССР и позже по приказанию Генерального штаба Красной армии по 15 апреля на территориях Львовского и Прикарпатского округов были проведены плановые операции по уничтожению вооруженных банд украинско-немецких националистов, УПА и оуновского подполья.

На территории округа в нынешних границах было расположено более 3500 наших мелких сельских гарнизонов. Этими гарнизонами и подвижными отрядами от соединений уничтожено 3295 бандитов, захвачено 12 000 бандитов и более 5000 бандпособников...

За последние месяцы после отвода войск из сельских гарнизонов и с наступлением лета оставшиеся банды украинско-немецких националистов и оуновское подполье вновь заметно активизировалось...

В течение июня и июля на территории округа, по данным штаба ПрикВО, зарегистрированы 114 бандпроявлений...

Бандитами за указанный период убиты десятки военнослужащих Красной армии и МВД, советских, партийных работников, местных жителей – активных участников в проведении мероприятий советской власти"».

Буквально на себе испытал все прелести отдыха на Западной Украине и троюродный брат командующего Львовским округом Антонин Александрович: «В конце октября 1946 года я, как инвалид Отечественной войны, получил путевки на себя и жену на знаменитый бальнеологический курорт Трусковец, но в Киеве в республиканском управлении курортов

должны были указать санаторий. По счастливому стечению обстоятельств нам был определен санаторий ЦК партии Украины "Хрустальный Дворец". От Львова ночью пришлось до места назначения добираться на грузовой машине, попали под обстрел террористов, все обошлось благополучно, но было страшновато. "Хрустальный Дворец" весьма уважаемый санаторий, в нем когда-то отдыхал Гитлер, охранялся ночью взводом автоматчиков, днем "секретами" в парке и у входа несколькими милиционерами. Соседний военный санаторий охраняли два танка. Отдыхающих или лечащихся в нем было всего человек 30, среди них и секретарь Львовского Обкома партии Николаев с женой, с которыми мы близко познакомились.

Нередко по ночам слышалась перестрелка, а однажды ночью у нашего санатория был убит полковник, потом оказалось, что это переодетый бандеровец. 7 ноября мы с женами направились на почту, чтобы телеграфно поздравить родственников. Вдруг на улице, где находилась почта, затрещали выстрелы, засвистели пули, так что нам пришлось нырнуть в ворота ближайшего дома. Нелепо – на войне не убили, а тут... Отряд бандеровцев пытался захватить почту, а там помещалась и сберкасса. Атака была отбита. Так что отдых был еще тот! Лечился в санатории один из секретарей райкомов, фамилию забыл, так с ним приключилась такая история. Бандиты напали на райком, большинство сотрудников перебили, а его, как первого, оставили в живых, но что сделали? В связанные руки закрепили желто-блакитное знамя и, поставив во главе небольшого отряда, повели по району, чтобы люди видели своего секретаря райкома, несущего знамя как победу их идеологии.

Жив он остался – и за это получил выговор от ЦК партии Украины. Смешно и печально. В санатории имелся телефон правительственной связи. Я хотел позвонить Маркиану Михайловичу и спросил номер его телефона у Николаева. Он, узнав, что мы родичи, разговорился.

– А его у нас, пожалуй, месяца три как нет, улетел в Таврический округ, – и рассмеялся, – и не один, увез с собой красавицу Серафиму Алексеевну, жену генерала, – не помню, какую он назвал фамилию, – прихватив и ее сынишку.

Симпатичнейший человек, которого ненавидели бандеровцы и не раз покушались на него. Осмелились даже во Львове устроить засаду, когда он вечером выгуливал своего любимца – чудесного сеттера Талса. Ох, и собака же была! Нюх необыкновенный! В узком кругу любил, как говорится: "Руси веселие есть питие", но в меру. Приезжали к нему родители, так те почтенные люди. А вот Серафима Алексеевна увлекла генерал-полковника

и по-серьезному вскружила ему голову...

Тапс? Кстати, у меня хранится фотография, подаренная Валентиной Михайловной, где Маркиан Михайлович заснят с родителями и Тапсом и как раз во Львове. Знакомая кличка, так в Новоржеве звали сеттера наших соседей Альбрехт, в юную владелицу которого немножко был влюблен Маркиан. Воспоминание о юности или случайное совпадение?»

Родина Серафима Алексеевна со своим «фронтовым мужем» во Львове оказалась в феврале 1945-го. О ней известно немного. Уроженка Калининской области Старицкого района д. Алаево, русская, 1919 года рождения. На фронтах Великой Отечественной войны с 6 июля 1941 г. Общее образование: 10 классов. Военное: курсы младших лейтенантов 33-й армии. Воинское звание – старшина. На тех же курсах работала начальником секретной части, затем заведующей делопроизводством во 2-м гвардейском Краснознаменном истребительно-противотанковом артиллерийском полку (приказ 0222 от 13.6.43 г. 33-й армии Западного фронта). Полк был преобразован из 296-го артиллерийского полка ПТО 8 января 1942 г. В действующей армии находился по 9 мая 1945 г. Но самое главное, Серафима Алексеевна была очень красивой женщиной. Очевидцы утверждают, что даже гораздо красивее, чем на самых своих лучших фотографиях.

О ее «фронтовом муже» известно гораздо больше, но у него сложилась своя жизнь, а потому обойдемся без лишних деталей. Звали его Александр Константинович (1902–1986). До войны в звании полковника командовал авиационной дивизией в Киевском особом военном округе. В начале войны участвовал в Киевской оборонительной операции. Затем воевал на Западном фронте, участвовал в битве под Москвой. С весны 1942-го командует ударной авиагруппой Ставки ВГК и штурмовой авиадивизией. Летом того же года исполнял должность заместителя командующего 1 – й воздушной армии. И вот в феврале 1945-го Александру Константиновичу, долго засидевшемуся в полковниках, предложили генеральскую должность во Львове. Знал бы он, какую цену ему придется заплатить за это назначение! Но такова жизнь.

Серафима Алексеевна влюбилась в холостого и еще молодого командующего Львовским округом с первого взгляда. И он ответил ей взаимностью. Она первая красавица. Ей 26 лет. Он первый красавец. Ему еще 41 год. С известным именем, командовал различными фронтами, кавалер четырех полководческих орденов. Умный, благородный, образованный. Боевой генерал фронтового масштаба. Полководец. Словом, самый лучший, какая женщина устоит? Да и ему пора было обзавестись

семьей...

В ноябре 1945-го генерал-майора авиации переведут в другой округ. А в мае 1946-го начнет собираться к новому месту службы и чета Поповых. Теперь их ждал послевоенный Крым...

Таврический военный округ

«Крым – благодатное место, в котором нашей семье никогда раньше не приходилось бывать. Столица Крыма – Симферополь – представляла собой небольшой областной город, в основном с домами старой застройки. Поражало не столько обилие фруктов, сколько многочисленность приезжего люда. Все отдыхающие в крымских здравницах, как правило, добирались до Симферополя железной дорогой или самолетами, а далее автобусами и троллейбусами до санаториев и курортов Алушты, Ялты, Судака и других. Исключение составлял Севастополь, связанный железной дорогой с Симферополем и, следовательно, с крупнейшими городами страны», – именно так охарактеризует Крым генерал армии СИ. Постников.

А еще Крым – это самая настоящая жемчужина. И чистейший воздух, и обилие солнечных дней. Речные долины, ущелья и водопады, приморские пляжи и горные леса, богатая и разнообразная растительность (более 2400 видов). Огромное количество памятников культуры...

Таврический военный округ был образован 9 июля 1945 г. на территории Крымской области РСФСР, Запорожской и Херсонской областей Украинской ССР. Управление округа сформировали на базе полевых управлений Отдельной Приморской армии и 22-й армии. В апреле 1956 г. округ будет расформирован, а его территорию и войска передадут в состав Одесского военного округа.

Маркиан Михайлович отдал этому округу самую большую часть своей службы – с мая 1946-го по сентябрь 1954-го. Более восьми лет!

Памятью о полководце в столице Крыма осталась только улица. В начале прошлого века в Феодосийскую улицу (ныне часть проспекта Кирова за мостом через Салгир рядом с Куйбышевским рынком) упиралась Немецкая улица, которая позже стала Липовой, а с 1969-го – улицей генерала Попова. Чтобы помнили...

На посту командующего войсками округа генерал Попов сменил генерал-лейтенанта К. С. Мельника. Правда, сам Мельник никуда не уехал, а был немножко «подвинут» до заместителя командующего войсками округа. В феврале 1947-го он станет начальником штаба и 1-м заместителем командующего войсками округа. А в Москву за новым назначением отправится только в 1951 г. Словом, решили все без всяких обид.

По свидетельству Антонина Александровича Попова, перемещение

Маркиана Михайловича «в Крым не обошлось без участия Г. К. Жукова в период кратковременного пребывания маршала на посту главнокомандующего всеми сухопутными войсками. В июне 1946 года по проискам Булганина, ставшего невесть за что маршалом, поддержанного Берией и Молотовым, Жуков был направлен в ссылку во второстепенный Одесский военный округ. Примечательна характеристика, которую Г. К. Жуков дает на Булганина: "Булганин стал правой рукой Сталина по Наркомату обороны. Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, ничего не смыслил в оперативно-стратегических вопросах. Но, будучи человеком интуитивно развитым, хитрым, он сумел подойти к Сталину и втесаться к нему в доверие... Сталин знал, что Булганин лично для него может пойти на все". "Моим злым гением, как в первом случае (отдача под суд и разжалование в контрадмирала), так и во втором (уход в отставку) был Н. А. Булганин... Его пакости", – пишет в своих воспоминаниях адмирал флота Н. Г. Кузнецов. Полагаю, что под этими характеристиками обеими руками подписался бы и опальный генерал Попов».

В 1951 г. на должность начальника штаба округа будет назначен генерал-майор И. И. Леднев. Весьма образованный генерал. Выпускник Военно-педагогического института (1921), Военной академии им. Фрунзе (1930) и Академии Генштаба (1939). А еще Иван Иванович был, что называется, с характером, за который Маркиан Михайлович не мог не уважать своего первого заместителя.

«В воспоминаниях Федора Давыдовича Свердлова, бывшего сотрудника оперативного отдела штаба 11-й гвардейской армии, ставшего впоследствии профессором кафедры оперативного искусства Военной академии М. В. Фрунзе и доктором исторических наук, приводится случай, произошедший с полковником И. И. Ледневым. Полковник Леднев, незадолго до начала войны окончивший Академию Генерального штаба, в 1942 году был назначен начальником оперативного отдела штаба 4-й ударной армии на Северо-Западном фронте. По словам Ф. Д. Свердлова, произошло следующее. В один из дней гитлеровцы внезапно атаковали левофланговую дивизию на стыке с соседней армией. Оттуда доложили об этом начальнику штаба фронта Н. Ф. Ватутину. Он позвонил в штаб 2-й ударной, чтобы уточнить обстановку.

Командующий армией генерал А. И. Еременко был в это время в войсках, начальника штаба генерала В. В. Курасова быстро не нашли, и к телефону подошел полковник Леднев, который до этого отдыхал. Донесения от командира атакованной дивизии он еще не получил и об атаке противника не знал. За незнание обстановки Ватутин приказал отдать

его под суд военного трибунала, который и приговорил Леднева за потерю управления войсками к расстрелу. Две недели сидел он в блиндаже, ожидая исполнения смертного приговора. Весь поседел. Спас его В. В. Курасов, который позвонил в Москву и добился отмены приговора. Расстрел был заменен разжалованием в рядовые.

И вот в папаше и касторовой шинели прибыл в один из полков 16-й гвардейской дивизии рядовой И. И. Леднев. Воевал он хорошо. Скоро его взяли писарем в штаб полка, потом назначили начальником штаба полка. Командир дивизии полковник П. Г. Шафранов ходатайствовал о восстановлении звания Ледневу, но ему присвоили только звание майора.

Гордый Леднев дал в управление кадров наркомата обороны телеграмму: "От майора отказываюсь". В итоге спустя несколько месяцев, приказом НКО от 14 мая 1942 г. И. И. Леднев был восстановлен в воинском звании полковника.

В апреле 1945 года полковник Леднев был назначен начальником штаба 11-й гвардейской армии («Из ГУЛАГа – в бой»).

Как пишет троюродный брат Маркиана Михайловича, в Таврическом округе и «воинский порядок и служба стояли не на должной высоте». И новый командующий «сразу взялся за перестройку политической подготовки воинов. Продолжил начатое Мельником разминирование территории. Много внимания уделял восстановлению народного хозяйства, помогая обустройству понаехавших русских, украинцев, после депортации татар. В феврале 1946 года избирается депутатом Верховного Совета СССР 2-го созыва. Немало хлопот доставляли ему приезжавшие на отдых члены Политбюро и правительства».

Подытоживая выборную деятельность Маркиана Михайловича в партийных и советских органах, можно сказать, что была она достаточно значимой, ответственной и долгой. Судите сами...

1939 – депутат и член Краевого исполкома – Приморский крайсовет;

1946 – депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва;

1949 – член ЦК и член Ревкомиссии КП(б) Украины;

1950 – член бюро Крымского обкома;

1950 – депутат Верховного Совета СССР 3-го созыва;

1951 – депутат Крымского областного Совета депутатов трудящихся;

1954 – депутат Верховного Совета СССР 4-го созыва;

1958 – депутат Верховного Совета СССР 5-го созыва;

1962 – депутат Верховного Совета СССР 6-го созыва.

А хлопоты доставляли ему не только приезжавшие на отдых члены Политбюро и правительства, но и многочисленные полководцы и

военачальники с семьями. Маркиан Михайлович не только их встречал, но и потчевал, и размещал, и т. д. И это помимо всех обязанностей и неотложных дел командующего войсками округа.

На некоторых фотографиях генерала Попова нетрудно заметить и усталость, и напряжение от таких встреч.

И тем не менее он во всем и всегда оставался самим собой...

«В 1951 году на Украине проводились большие штабные учения с участием ряда округов, где М. М. Попов, возглавляя "синих", так и не дал возможности "красным", несмотря на их значительное превосходство, одержать победы, вновь блеснув своим полководческим талантом», – подчеркнет в своих мемуарах главный маршал авиации Голованов.

Другой случай, рассказывающий о его умении абсолютно при любых обстоятельствах взять ответственность на себя, поведал известный писатель И. Ф. Стаднюк: «В начале 1947 года я брал для газеты интервью у командующего войсками нашего Таврического военного округа генерала Попова Маркиана Михайловича. Шла речь о задачах боевой подготовки войск на летний период. Маркиан Михайлович, светлейший из советских военачальников, рассказывал мне о предстоящих задачах, посматривая в какие-то документы. Я старательно записал все, а через несколько дней отвез ему на визу двухполосную статью за его подписью. Виза была получена, но при запуске номера газеты в печать воспротивился военный цензор: в статье якобы вскрывались планы секретного характера. Я по телефону доложил об этом командующему. Он потребовал передать трубку цензору и сказал ему, что берет публикацию статьи под свою ответственность, на что имел право.

Вышла газета. Все мы радовались статье генерала Попова, удостоились похвалы начальника Политуправления округа. Посланный Маркиану Михайловичу гонорар он через своего адъютанта передал в конверте мне... А вскоре поступил приказ то ли начальника Генерального штаба, то ли наркома обороны, в котором нашему командующему объявлялся выговор за вскрытие секретного плана боевой подготовки войск на очередной год...

Это был удар по всей редакции и особенно по мне, как главному соучастнику допущенной оплошности. Но никакого возмездия не последовало. Всю ответственность Маркиан Михайлович взял на себя».

В личном архиве полководца сохранились некоторые совершенно уникальные документы крымского периода.

Например, удостоверение № 213698, выданное квалификационной комиссией Госавтоинспекции Управления милиции УМВД Крыма на

основании протокола № 6 от 14 января 1948 г., где указано: «Попов Маркиан Михайлович имеет право управления мотоциклами всех марок».

А вот удостоверение «на право ношения нагрудного знака для окончивших полный курс академии (факультета) в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1950 года», подписанное Маршалом Советского Союза Василевским 2 ноября 1951 г.

Сохранился и отпускной билет, датированный 30 сентября 1948 г.: «Генерал-полковник ПОПОВ Маркиан Михайлович уволен в очередной отпуск сроком на 30 суток с 1 октября 1948 года по 1 ноября 1948 года с пребыванием в городе Вене, курорт Карлы-Вары (Карлсбад)», подписанный временно исполняющим обязанности командующего войсками округа гвардии генерал-лейтенантом К. Мельником. Однако в своей автобиографии, написанной им 21 августа 1948 г. в Симферополе, Маркиан Михайлович напишет по этому поводу следующее: «За границей был на излечении в Карлсбаде – август 1947 года. За время лечения посетил Вену, Будапешт, Берлин». То есть поездка за границу по каким-то причинам была перенесена на более ранний срок.

Наладилась и семейная жизнь. А. А. Попов рассказывает: «...с пасынком Мишей сложились хорошие отношения. Через год родилась дочурка Иринка, к которой он все больше и больше привязывался, испытывая со стороны Шурика уже некоторую отчужденность, раза два до переезда Клавдии Ильиничны в Ленинград, приезжая в Москву, они встречались у бабушки с дедушкой, на нейтральной, что ли, почве. Все родные осуждали его за развод. И мальчик был уже не тот, не бросался на шею с криком – "Папуля!"».

А летом 1952 года Клавдия Ильинична собралась с сыном отдохнуть в Крыму, приобрела или получила путевку. Остановилась в Москве у стариков Поповых, не порывавших с нею связи, которым она сообщила адрес санатория. После недельного там пребывания неожиданно появился Маркиан Михайлович, не иначе как родители известили об их приезде.

– Сына он не узнал, – рассказывала она. – 14-летней подросток вытянулся, красив, лицом весь в отца, попросил отпустить его на день, чтобы показать достопримечательности Крыма.

– Я согласилась, и он увез его на машине. Через день сам доставил, и парня не узнать: сердитый, злой. Я уже каялась, что отпустила. Наверное, наша с ним жизнь показалась убогой в сравнении с тем, что увидел в Гурзуфе на даче отца. Но потом отошел... но рассказывал о том, как его принимали, неохотно.

В том же 1952 году состоялась и моя последняя встреча с Маркианом

Михайловичем, последний же разговор, правда, по телефону, будет уже в 1965 году. Встреча произошла не в Крыму, а в Москве. Я и брат как-то приехали в столицу: он в Главную военную прокуратуру, я в Академию педагогических наук. Остановились, как всегда, у родственников. И вечером брат сообщил, что Маркиан в Москве и мы рано утром должны быть на Курском вокзале в его вагоне. Вагон нашли сразу, но встреча оказалась краткой. Со времени прошлого свидания минуло 8 лет. Внешне он несколько изменился: глубже запали глаза, резче обозначились морщины, но не было и следа той замотанности, что под Нарвой, наоборот, – бодрость, какая-то жизненная сила исходила от его немножко располневшей, но все еще ладной фигуры, о которых говорят – мужчина в соку!

На нем была какая-то яркая из среднеазиатского шелка пижама в обтяжку и пахло тонким приятным, неизвестным мне, одеколоном. Но по-прежнему простой и радушный. Протягивая нам руки, сказал: "А я уже заждался, пошли скорее к легкому завтраку". В салоне стол уже был накрыт. Но завтрак на самом деле был далеко не легким. Яичница с беконом, колбаса, сыр, зернистая икра, рыбы горячего копчения и целая батарея массандровских вин. Он оказался, чего за ним ранее не водилось, знающим толк в хороших винах, от которых мы наотрез отказались: необычно как-то начинать утро. А гостеприимный хозяин непрерывно потчевал: "Попробуйте еще, таких рыбок у вас в Ленинграде не сыщешь". Затем кокетливая проводница в белом фартучке принесла горячий черный кофе. А Маркиан Михайлович тут же наполнил рюмки коньяком и буквально приневолил выпить на редкость ароматный напиток и предложил закурить. И вместо привычного и любимого им "Казбека" появились сигары и черная с зеленым обводом коробка с золотистой надписью "Герцоговина флор" с необыкновенно душистыми папиросами экстра-класса.

За столом шли общие расспросы о близких и знакомых, новостях, о городе на Неве, двух-трех вопросах о "ленинградском деле" и связанных с ним моих неприятностях, о чем рассказал ему брат, отдыхая в Крыму. Разговора же, как ранее бывало, на отвлеченные темы, когда он отзывался на самые жгучие глубокие вопросы современности, не состоялось. Он торопился в Генштаб к генералу Штеменко, о чем уже два напоминал франтоватый адъютант. Он поднялся, надел китель с большим набором колодок, и что характерно, так это опять-таки его обязательность: напомнил о фотографиях Новоржева, о чем я уже забыл.

– Фотографии у мамы, Марии Алексеевны.

Потом их передала мне сестра Валя. Мы вышли из вагона, сопровождаемые адъютантом, с двумя свертками, не иначе как с винами.

– Кутейник-то, говорят, плоховат... – На ходу обронил Маркианн Михайлович, обращаясь к Леониду.

У вокзала мы расстались с ним.

– У меня создалось впечатление, – сказал я в раздумье, – что Маркиана вроде подменили с его вкусами и привычками. – На что брат, слегка усмехаясь, со знанием дела ответил:

– Все это влияние его подруги. Дама она, конечно, культурная, но своеобразная, с амбициями. Ей представляется, что положение мужа обязывает их иметь свой модус вивенди – образ жизни и соответственно оформленный. Отсюда эта пижамы, эти сигары и деликатесные вина. Я на многое насмотрелся у них в Крыму. Случись Маркиану стать маршалом – к ней не подступиться бы... Хорошо, что сама натура Маркиана не меняется, и он все тот же добрый малый.

– А что это он упомянул насчет кутейника. Кто это? Леонид поспешно оглянувшись, полушепотом ответил:

– Сталин... намек на его несостоявшуюся духовную карьеру. Тогда это выражение покорило меня».

Кутейник – человек, происходящий из духовного звания...

6 марта 1953 г. Сталин умер, а уже 3 августа того же 1953-го, Постановлением Совета министров СССР Маркиану Михайловичу Попову присвоили, или, точнее, вернули, отобранное вождем девять лет назад звание генерала армии. На этом опала закончилась.

«Желаем Вам, чтобы у вас все было хорошо!»

В Москве Маркиан Михайлович долгое время находился в распоряжении Министерства обороны СССР, ожидая нового назначения. Фактически с сентября 1954 г. по январь 1955-го. Приказ министра обороны № 0197 состоялся 12 января 1955 г. Новый пост заместителя начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск он занял с удовольствием.

По словам А. А. Попова, «с возрастанием роли Н. С. Хрущева, хорошо знающего его по Сталинградскому и Юго-Западному фронтам, и усилением влияния Г. К. Жукова после ликвидации в июле заговора Берии вновь начинается восхождение М. М. Попова по служебной лестнице.

Тем более что пост начальника Главного Управления кадров в Министерстве обороны занял его бывший подчиненный по Дальнему Востоку генерал-полковник Афанасий Павлантьевич Белобородов, ставший к тому времени генералом армии, дважды Героем Советского Союза».

Все это похоже на правду, но с одной лишь поправкой. Новое назначение М. М. Попова в январе 1955-го произошло еще при министре обороны СССР Маршале Советского Союза Н. А. Булганине. Маршал Г. К. Жуков сменил Булганина только в феврале...

Как известно, маршальские семьи Жуковых, Василевских, Буденных, Тимошенко, Рокоссовских, Коневых, Малиновских, Мерецковых, Голиковых и Чуйковых жили в доме № 3 по улице Грановского. Это бывший доходный дом Шереметова в Романовом переулке. Другие военачальники, кто уже до войны работал в Москве, жили на улице Серафимовича, в «Доме на набережной». Например, Жуковы провели там только несколько месяцев. Маршал Конев жил в этом доме перед войной, а после развода возвращаться туда не соизволил. На Грановского же заселялись они постепенно. Г. К. Жуков начал жить там с 1946 г. В начале 50-х в этот дом въехали Коневы. А Малиновские поселились только осенью 1956-го, когда из квартиры № 95 в особняк на Ленинских горах переехали Хрущевы. Маршал Рокоссовский въехал в квартиру адмирала Кузнецова, снятого с поста главкома ВМФ еще позже, в 1957 г., после возвращения из Польши. Но это известные Маршалы Советского Союза. Для генерала армии М. М. Попова свободного жилья там даже и не предполагалось. Тем не менее не обидели и его. Квартиру он получил в новостройке (1954) на Смоленской набережной, в большом жилом доме № 5/13. Пять комнат в

элитном доме ему хватило вполне.

Но вот в 1957-м началось возведение генеральских и маршальских дач в подмосковном Архангельском. Серафима Алексеевна, узнав о такой удаче, начала уговаривать Маркиана Михайловича строиться. Но тот категорически отказывался. Долго отказывался, однако красавица-жена все-таки уговорила. Благо получал тогда генерал армии приличное денежное содержание. Можно было позволить себе и скопить...

Как пишет Е. Жирнов, «приобрести или построить собственные хорошие дачи могли лишь люди, зарплата которых многократно превышала среднюю по стране: видные актеры, светила науки и медицины, высший генералитет, министры и их заместители. Но в сталинские времена те, кому полагался служебный загородный дом, обзаводиться собственной дачей не могли – это считалось грубейшим нарушением норм партийной этики и могло повлечь самые серьезные меры воздействия, вплоть до исключения из партии и изгнания с руководящих высот.

Послабления начались вскоре после кончины отца всех народов. Причем пример этой элите подало высшее руководство страны. Хрущев вспоминал, что Берия говорил ему: "Все мы ходим под Богом, как говорили в старое время, стареем, все может случиться с каждым из нас, а у нас остаются семьи. Надо подумать и о старости, и о своих семьях. Я предложил бы построить персональные дачи, которые должны быть переданы государством в собственность тем, кому они построены". Берия предлагал возвести такие дачи в Сухуми. Идею, как утверждал Хрущев, поддержал Молотов, но просил построить ему дачу не на Кавказе, а под Москвой. "Берия форсировал строительство, – рассказывал Хрущев, – но до его ареста так ничего и не было сделано по существу. Когда же его арестовали, мы тотчас все отменили".

Тем не менее это решение многие представители советской элиты, прежде всего генералитет, восприняли как руководство к действию».

Примечательно, что солдаты-строители, занятые на возведении генеральских и маршальских дач в Архангельском, усмотрели в этом «нанесение вреда движению вперед, строительству социализма» и написали самому Н. С. Хрущеву письмо: «Мы, солдаты – строители Архангельской строительной площадки при военном санатории "Архангельское" Красногорского района Московской области, строим сейчас дачи маршалам Василевскому, Гречко, генерал-полковникам Желтову, Смирнову, Неделину и др. Всего предполагается строить в районе санатория "Архангельское" около двух десятков дач. Кроме того, уже построены ранее дачи маршала Конева, Мерецкова, Тимошенко и др., около

десяти дач. Дачи все большие, двухэтажные, каменные. Участки отведены большие, по 2–3 гектара земли. Они огорожены высокими заборами, за ними собаки-овчарки. Окружающее население – колхозники и рабочие – говорят: вот раньше здесь была одна усадьба князя Юсупова, а сейчас сколько стало "юсупят", советских помещиков. Мы считаем, что так концентрировать дачи не следует. Ведь сюда приезжают экскурсии, видят все, видят бывшую юсуповскую усадьбу, ныне музей, и видят десятки новых построенных и строящихся усадеб маршалов и генералов с домами для прислуг, гаражами, птичниками и др. хозяйственными постройками и большими садами. Кроме того, здесь же много дач министров, построенных ранее.

Второе. На днях мы наблюдали такую картину: жена маршала Гречко приказала заменить стекла в дверях строящейся им дачи. Мы сняли двери с петель по распоряжению прораба и приготовились к замене стекол. Вставленные стекла были разноцветные, супруга маршала Гречко подошла к дверям и стала ногой выбивать эти разноцветные прекрасные стекла и все выбила. Кроме того, она дала нам сто рублей и приказала вскопать на усадьбе огромную площадь земли, и мы подчинились. На что это похоже, это, мы считаем, люди не советские... Мы гуляем с девчонками и от прислуг министров слышим многое, об их жадности, скопидомстве и издевательствах. Например, жена министра культуры т. Михайлова за два года сменила десятки прислуг, все ей никак не угодят, не нравятся, она заставляет их даже туфли себе надевать и часто вспоминает, что вот когда мы были за границей, в Польше, там не такое обслуживание, вам надо пример с них брать. Мы могли бы много еще рассказать, но и этого считаем достаточно, чтобы Вы сделали нужные выводы».

Кроме этой жалобы Хрущеву, некий осведомленный товарищ по фамилии Петров, возмущенный тем, что дачи для маршалов и генералов строятся за государственный счет, а не за их собственный, напишет в ЦК еще одно послание: «Умер маршал Воробьев (Михаил Петрович, маршал инженерных войск, умер 12 июня 1957 г.) из-за его дачи идет спор между его женами, но это дело суда, он разберется и примет решение. Но ведь эта дача строилась за счет государства, и она обошлась, как говорят строители, более 400 тыс. руб., а покойный Воробьев едва заплатил за нее 30 % ее фактической стоимости.

А дачи т.т. Белокоскова, Конева, Хрулева, Москаленко, во что они обошлись государству, и каждый заплатил за нее едва 20–30 % от фактических затрат. Дело в том, что строительством дач занимались их подчиненные, а они в порядке получения повышения по службе старались

угодить начальству».

Но, несмотря на это, как подчеркивает Е. Жирнов, «ссориться со всем генералитетом сразу Хрущев не стал».

По всей видимости, все так и было. Однако нельзя не отметить, что Маркиан Михайлович заплатил все как положено, до копейки. И в этом можно не сомневаться, ибо это был очень честный и справедливый человек. После реформы 1961 г. он получал 600 рублей, а за строительство дачи он отдал 15 000. Огромные по тем временам деньги.

Несмотря на большой участок, его дача считалась скромной. Два этажа: один каменный, а второй деревянный. Небольшие комнаты и угольное отопление. Но это так, к слову.

Теперь появились и соседи по даче. Невестка Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова Слава Андреевна рассказывает: «М. М. Попов стал нашим соседом по даче в подмосковном поселке Архангельское. Мой муж Игорь, относившийся к Маркиану Михайловичу с большим уважением, после его первого визита к нам сказал мне:

– Знаешь, кто это?! Очень талантливый военачальник, храбрый человек! Во время войны он командовал фронтом, а ходил в атаку на танке в первых рядах. Сталин вызвал его и отчитывал: "Солдат много, а командующий один! Вы что – генерал «атака»?" После этого Попова так и прозвали: "Генерал Атака". А он все равно участвовал в боях, только стал садиться для маскировки в какой-нибудь другой танк.

Очень простой, добрый, невероятно обаятельный, он был азартен, в каждое дело погружался с головой».

В характеристике на генерала армии М. М. Попова, исполняющего обязанности начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск от 13 июня 1956 г., говорится скромно: «В январе 1955 года назначен заместителем начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск. С апреля 1955 г. исполняет обязанности начальника этого управления. С работой справляется».

В июне этого же года приказом министра обороны СССР № 03042 его утверждают в должности начальника Главного управления, а уже в августе назначают первым заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками – начальником Главного штаба (Приказ МО СССР № 03788 от 4.8.56 г.).

В аттестации от 6 ноября 1959 г., подписанной главнокомандующим Сухопутными войсками Маршалом Советского Союза А. Гречко, все куда серьезнее: «...показал себя с положительной стороны. Уделяет много внимания разработке планов оперативной и разведывательной подготовки

штабов, развитию военной техники и оснащению вооружением и боевой техникой Сухопутных войск. Руководит разработкой мобилизационных планов. На него возложено, кроме того, руководство Управлениями начальников войск ПВО Сухопутных войск, Вневойсковой подготовки и Управлением коменданта по охране Министерства обороны.

Тов. ПОПОВ имеет хорошую общую и военную подготовку. На проводимых командно-штабных учениях и военных играх показал высокие организаторские способности, трудолюбие, глубокие знания природы современного общевойскового боя, а также вопросов оперативного искусства и тактики высших соединений. На этих учениях он проявил себя опытным военачальником, исключительно работоспособным, энергичным и требовательным.

По своему характеру тов. ПОПОВ общительный, корректный, скромный и отзывчивый генерал. Пользуется заслуженным авторитетом у начальников и подчиненных».

Как подчеркивает в своей статье Ф. Д. Свердлов, М. М. Попов, «в течение шести лет возглавлял штаб Сухопутных войск, умело руководил разработкой и проведением крупных оперативных учений войск, их оснащением новой боевой техникой, освоением ее в частях и соединениях».

Дважды Герой Советского Союза генерал армии А. С. Жадов тоже скажет добрые слова о своем товарище к одному из его юбилеев: «Не раз мне довелось быть на командно-штабных учениях и военных играх, которые проводил начальник штаба сухопутных войск. Всегда поражала оригинальность мысли, умение схватывать главное, глубокое знание природы современных операций и общевойскового боя».

Немало повидавший на войне в качестве командира танковых соединений Маршал Советского Союза и дважды Герой Советского Союза И. И. Якубовский (отличался на фронте выдающимся личным мужеством, мастерством принятия нестандартных решений, умением действовать самостоятельно) ничуть не слукавит, написав о генерале Попове: «Покоряли его широкая эрудиция, солидный боевой опыт... Большой военачальник, он умел активно поддержать и развить инициативу подчиненных командиров, дать ей простор в рамках возможного при планировании и проведении операции. Он был рьяным противником шаблонного применения войск, стремился предусмотреть наиболее вероятные варианты их использования».

Осенью 1956 г. в Венгрии произошло антикоммунистическое восстание. В страну были введены советские войска. Разработка плана

ввода войск поручалась Жукову. Эта операция называлась «Вихрь». По приказу министра обороны генерал армии М. М. Попов участвовал в разработке этой операции. Но не более...

В период с 13 по 20 мая 1957 г. Министерством обороны была проведена военно-научная конференция Вооруженных Сил, основной целью которой являлось: обсуждение состояния военного дела в современных условиях, направления дальнейшего развития советского военного искусства и определение важнейших задач военно-научной работы. К работе конференции было привлечено более двухсот человек из руководящего состава армии и флота, военных академий и центрального аппарата Министерства обороны. С докладами тогда выступили: начальник Генерального штаба В. Д. Соколовский, командующий войсками Киевского военного округа В. И. Чуйков, начальник Академии бронетанковых войск Ф. И. Голиков, начальник Главного штаба ВВС С. И. Руденко, начальник Главного штаба ВМФ В. А. Фокин, начальник штаба войск ПВО страны П. К. Демидов. Блестящий доклад был сделан и начальником Главного штаба сухопутных войск М. М. Поповым.

Но, несмотря на оттепель, хрущевские времена не были спокойными. Периодически власть делала очередную встряску, организовывая расправы над опасными и неугодными конкурентами. Так, 29 октября 1957 г. Пленум ЦК КПСС, посвященный улучшению партийно-политической работы в Советской армии и Военно-морском флоте, постановил, что Г. К. Жуков «нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над армией и Военно-Морским Флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства...» Этим же постановлением Маршал Советского Союза был выведен из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС, а затем освобожден от должности министра обороны СССР и отправлен в отставку.

Тот Пленум собрался 28 октября и работал два дня. С основным докладом тогда выступил секретарь ЦК М. А. Суслов, указав на «серьезные недостатки и извращения в партийно-политической работе», порожденные «грубым нарушением партийных ленинских принципов руководства Министерством обороны и Советской Армии со стороны товарища Жукова». Автор статьи про генерала армии М. М. Попова, некто Д. Дьячков, именно в связи с этим событием делает любопытное умозаключение: «На этот же период придется и самый, пожалуй, неблагоприятный поступок генерала. Попов станет тем самым человеком, который в октябре 1957 года донесет Хрущеву о словах Жукова».

О чем идет речь? А речь идет о заявлении генерала армии М. М. Попова следующего содержания:

«1-му секретарю ЦК КПСС т. Хрущеву Н. С.

Прослушав и перечувствовав Ваши выступления на партактиве Московского гарнизона 22–23 октября с.г., считаю своим партийным долгом сообщить следующее:

После июньского Пленума ЦК КПСС т. Жуков Г. К. в своем докладе о его итогах на собрании коммунистов аппарата руководства командно-штабными учениями в г. Борисов сказал:

"...Тогда на Президиуме ЦК я заявил этой антипартийной группировке – если Вы не подчинитесь и будете упорствовать – я обращусь к народу, к армии, и они меня поддержат..."

Это заявление было встречено бурными аплодисментами. Теперь же, после партактива, возникают сомнения – было ли действительно заявлено т. Жуковым Г. К. что-нибудь подобное на заседании Президиума?

Об этих своих и моих товарищей-коммунистов – сомнениях и хотел поставить Вас в известность. Член КПСС ПОПОВ М.

25 октября 1957 г.».

Был ли это донос? Абсолютно нет. Маркиан Михайлович никогда в жизни не марался такого рода подлыми делишками. Это заявление больше походит на подтверждение факта сказанных слов Г. К. Жуковым.

Ведь обратите внимание, как он подписал заявление: «Член КПСС ПОПОВ М.».

Например, заявление, которое сделал начальник Политического управления Сухопутных войск генерал-лейтенант М. М. Пронин, выглядит уже иначе:

«В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

3-го июля 1957 года в гор. Борисове состоялось партийное собрание коммунистов, принимавших участие в учениях.

Это партийное собрание было посвящено итогам июньского Пленума ЦК КПСС. На собрании было зачитано письмо ЦК КПСС к партийным организациям, ко всем членам и кандидатам КПСС "Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.".

После этого выступил министр обороны тов. Жуков. В речи, посвященной итогам Пленума, когда он касался своего выступления на Президиуме ЦК КПСС, он заявил следующее: когда (точно не помню) Маленков или Каганович бросил т. Жукову: Ты что – тоже хочешь окружить Кремль танками, я (т. е. Жуков) ответил: Я обращусь к народу и армии и они меня поддержат. Эти слова были встречены партсобранием

аплодисментами. В свете последних фактов поведения т. Жукова, вскрытых в решении ЦК и на партийных активах, эти его слова на партийном собрании приобретают определенную политическую направленность, о чем считаю необходимым довести до сведения Президиума ЦК КПСС.

Член КПСС с 1919 года, п/б 01776508

Нач[альник] политуправления

сухопутных войск ПРОНИН

26/Х-57 года».

Сегодня мы не можем точно сказать, сам ли написал это заявление Маркиан Михайлович, или его «попросили» это сделать. Однако можно допустить, что, не будучи товарищем Г. К. Жукова, а также зная его как импульсивного и жестокого человека, он вполне мог написать это по совести: «Об этих своих и моих товарищай-коммунистов – сомнениях и хотел поставить Вас в известность» (!). Ведь собрание партактива Московского гарнизона и центрального аппарата Министерства обороны проводилось в Кремле 22 и 23 октября, где докладчиком был начальник Главного политического управления СА и ВМФ. Вслед за ним, гораздо дольше, говорил и сам первый секретарь ЦК Хрущев, с которым у Маркиана Михайловича сложились очень теплые отношения еще с фронта. Пленум состоялся 28 октября, а заявление М. М. Попова датировано 25-м. То есть между этими двумя событиями что-то произошло. Может, и действительно под впечатлением услышанного, или чего-то такого, известного только ему одному (члену партии с 1921 г., п/б № 01195555), у него возникли сомнения. Но в любом случае Маркиан Михайлович Попов **ДОНОСОВ НИКОГДА НЕ ПИСАЛ**.

Нельзя забывать и о том, что выступающих с разоблачениями маршала ПК. Жукова среди его коллег и боевых товарищай на Пленуме было немало. Например, Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов сказал следующее: «...С момента прихода тов. Жукова на пост министра обороны в министерстве создались невыносимые условия... У Жукова был метод – подавлять... Кто ты такой? Кто тебя знает? Я с тебя маршальские погоны сниму!...

Лично я по этой причине вынужден был просить его освободить меня от занимаемой должности. Дело не во мне, одном человеке, но ведь в таком положении находились и другие...

Товарищ Жуков ни с чьим мнением не считался. Я приведу один из примеров игнорирования не только отдельных лиц, но и всех крупных военачальников. По заданию министра Генеральным Штабом был разработан проект наставления по проведению крупных операций и

разослан в округа, а затем было созвано совещание все командующих округами и отдельными армиями. С докладом выступил начальник Генерального Штаба. Два дня обсуждался этот вопрос, и почти все единодушно высказали мнение о необходимости издания такого наставления. Тов. Жуков заявил, что все это несерьезно, что крупному военачальнику, а их может быть только единицы, не нужно никакого наставления, так как такой полководец является гениальным, а если это так, то они могут ему мешать, вырабатывая у него шаблон.

Так на этом закончилась творческая разработка такого крупного вопроса».

Когда на трибуну вышел Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский, который не просто вместе с Жуковым был на фронте, но и в некотором роде считался обязанным ему, Георгий Константинович заволновался. И не зря. Боевой товарищ его не пожалел: «Вы помните, когда в 1946 году Жуков попал в опалу, то по существу в защиту Жукова выступили только два человека – Конев и я. Причем, я выступил последним, когда выступили уже все члены Главного Военного совета, а в Совете были Берия, Маленков, Молотов, который выступал.

Возьмите коллегия Министерства обороны. Тов. Бирюзов выступал по этому вопросу, но сказал очень мало. По существу, коллегия Министерства обороны была ширмой, что хотел Жуков, то и проводил. Спрашивается, зачем коллегия Министерства обороны? Зачем она, для кого нужна? Только если для того, чтобы на коллегия собрать кого надо и кого не надо и отлаять. Для этого не нужна коллегия, ибо любой вопрос, который стоял на коллегии, как только получал иное направление, сейчас же поправлялся Жуковым. По сути дела, Жуков заставлял говорить так, как он хотел. Какая же это коллегия?

Подбирались и расставлялись кадры, угодные Жукову. Если бы это дело не было вскрыто ЦК, если бы не были приняты своевременные меры, то не знаю до чего мог бы дойти Жуков».

Не пощадил боевого товарища и Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Словом, на этот раз у Георгия Константиновича защитников не нашлось. Видать, и правда, будучи министром обороны, он перебарщивал в отношениях с людьми. Война-то давно закончилась...

Известный советский актер кино, исполнитель и композитор Борис Михайлович Стычкин в годы войны работал в ансамбле песни и пляски. Эта служба дала ему возможность еще и познакомиться с нашими великими полководцами. В своей книге он отмечает, что Г. К. Жукова отличала любовь к искусству: «Жуков сам прекрасно танцевал русские

танцы. Его "дробушки", которые я выучил и потом показывал профессиональным танцовщикам, сложны для профессионал. Жуков любил петь, но всегда с удовольствием слушал певцов и певиц, которые обладали хорошими голосами. Он также играл на баяне. Великолепный баянист ансамбля Ризоль в резиденции маршала в Потсдаме помогал Георгию Константиновичу совершенствоваться».

А еще Борис Михайлович рассказывал, что «Жуков любил петь кабацкие русские песни. Самая любимая его песня была "Не за пьянство, не за буянство и не за ночной разбой. Ах ты, доля моя доля..."».

Георгий Константинович боготворил Лидию Андреевну Русланову: «...смотрел на нее влюбленными глазами, как на икону. Из-за любви к гениальной певице Руслановой он терпел ее мужа, который очень настырно и не смешно шутил. Георгий Константинович все время просил Лидию Андреевну спеть. Пела она с душой, голос ее разливался колокольчиками... Это было великолепно.

Когда пела Русланова, я получал большое удовольствие, глядя на маршала. Какое у него было одухотворенное лицо! Он получал от ее пения истинное наслаждение, был в эти минуты самым счастливым человеком».

Любимым поэтом Маркиана Михайловича был А. Н. Апухтин (1840–1893). Многие его стихи в узком кругу генерал армии читал наизусть.

А читал он красиво...

Я ждал тебя... Часы ползли уныло,
Как старые, докучные враги...
Всю ночь меня будил твой голос милый
И чьи-то слышались шаги...

Я ждал тебя... Прозрачен, свеж и светел,
Осенний день повеял над землей...
В немой тоске я день прекрасный встретил
Одною жгучею слезой...

Пойми хоть раз, что в этой жизни шумной,
Чтоб быть с тобой, – я каждый миг ловлю.
Что я люблю, люблю тебя безумно...
Как жизнь, как счастье люблю!..

Необычный был генерал. Не похожий на генерала. В сугубо штатской

компании его можно было принять за артиста. Слог речи, образование...

Безотрадные ночи! Счастливые дни!
Как стрела, как мечта пронеслись они.
Я не год пережил, а десятки годов,
То страдал и томился под гнетом оков,
То несбыточным счастьем был опьянен...
Я не знаю, то правда была или сон.

Мчалась тройка по свежему снегу в глуши,
И была ты со мной, и кругом ни души...
Лишь мелькали деревья в серебряной мгле,
И казалось, что все в небесах, на земле
Мне шептало: люби, позабудь обо всем...
Я не знаю, что правдою было, что сном!

И теперь меня мысль роковая гнетет:
Что пошлет он мне, новый, неведомый год?
Ждет ли светлое счастье меня впереди,
Иль последнее пламя потухнет в груди,
И опять побреду я живым мертвецом...
Я не знаю, что правдою будет, что сном!

Ведь Маркиан Михайлович разговаривал на их языке, языке артистов...

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрез леса да реки, по степям, по нивам,
Все бежит куда-то шагом торопливым,
И чудес так мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид ее убогой.
Утро ли займется на небе румяном —
Вся она рососою блещет под туманом;
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный;
Все молчит, все дремлет, — в утреннем покое
Только ржи мелькает море золотое,

Да куда ни глянешь освеженным взором,
Отвсюду веет тишью и простором.
На гору ль въезжаешь – за горой селенье
С церковью зеленой видно в отдаленьи.
Вот и деревенька, барский дом повыше...
Покосились набок сломанные крыши...

К слову сказать, наибольшую известность Апухтину принесли романсы. Многие из них были положены на музыку П. Чайковским и другими известными композиторами («Забуть так скоро», «День ли царит», «Ночи безумные» и т. д.). Известны и прозаические произведения Апухтина. Такие, как «Неоконченная повесть», «Архив графини Д.», «Дневник Павлика Дольского». Его высоко ценил сам М. А. Булгаков...

Кроме Апухтина генерал армии Попов читал наизусть лирику Фета, Тютчева, Пушкина и Лермонтова. Он очень любил поэтов Серебряного века... Любовь же к музыке, привитая с детства, выражалась не только в прекрасном пении генерала армии, но и в его замечательной игре на рояле и аккордеоне. Кто хорошо знал Маркиана Михайловича, говорили, что он походил на актера, который всю жизнь играл роль генерала. А потому в армейской среде он был генералом творческим с актерским талантом...

Маркиан Михайлович еще с Дальнего Востока дружил с народным артистом СССР (1947) Николаем Константиновичем Черкасовым (1903–1966), известным по таким фильмам, как «Депутат Балтики» (1936), «Иван Грозный» (1944–1945), «Все остается людям» (1963). Дружил и с выдающимся советским актером, режиссером, народным артистом СССР (1948) Борисом Николаевичем Ливановым (1904–1972), известным по таким фильмам, как «Минин и Пожарский» (1939) и «Крейсер Варяг» (1946). Борис Николаевич был человеком с большим чувством юмора. На «ты» с юмором был и Маркиан Михайлович. Очевидцы помнят дружбу генерала армии и с народным артистом СССР (1952) Сергеем Федоровичем Бондарчуком (1920–1994), большой успех к которому пришел после фильма «Тарас Шевченко» (1951). Но особо ценной и трогательной была дружба семьи Поповых с народной артисткой СССР (1950) Любовью Орловой (1902–1975) и советским кинорежиссером, актером, сценаристом, народным артистом СССР (1948) Григорием Васильевичем Александровым (1903–1983). Она – первая советская кинозвезда с мировой известностью. Он – автор и режиссер первой советской музыкальной «джаз-комедии», прогремевшей впоследствии на весь мир под названием «Веселые ребята»

(1934). Пара с любимым местом на земле – дачей во Внуково, где они жили практически всегда, когда не требовалось постоянного присутствия в Москве.

В архиве Маркиана Михайловича сохранилось вот это письмо:

«Уважаемая Серафима Алексеевна и Марк Михайлович!

Пользуясь оказией и любезностью Петра Андреевича, посылаем Вам несколько цветных фото, снятых в прошлом году.

Очень сожалеем, что болезнь Любови Петровны, отчаянная занятость моя и занятость Ваша не позволили нам хорошенько повидаться в Москве. Когда у нас выбиралось время, звонили Вам, но не заставляли.

Но так как жизнь еще впереди, то мы непременно должны повидаться.

Желаем вам, чтобы у вас все было хорошо!

Сердечный привет!

Любовь Орлова (подпись)

Гр. Александров (подпись)

14 августа 1950 года.

Г. Москва».

Чужой среди своих

В январе 1961 г. согласно директиве Генштаба ВС СССР № ОРГ/8/61759 от 19 ноября 1960 г. наименование должности Маркиана Михайловича изменилось с точностью до оборот. Если с августа 1956-го он был первым заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками – начальником Главного штаба, то теперь стал начальником Главного штаба – первым заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками. Это только от перемены мест слагаемых сумма не меняется. А здесь Москва, большие генералы и маршалы, придворные интриги. Не математика вовсе, не кибернетика тем более. Все гораздо сложнее.

Достаточно вспомнить слова генерала П. Г. Григоренко о М. М. Попове, и тогда становится хоть чуть-чуть понятно, о чем речь: «Закончил службу и жизнь под началом самого бездарного, бестактного и грубого военачальника Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова. Думаю, что это значительно сократило жизнь Маркиану Михайловичу. С ним я после Дальнего Востока встречался неоднократно. Во время войны служил в составе войск 2-го Прибалтийского фронта, которым командовал Попов. После войны, работая в академии им. Фрунзе, часто встречался с Маркианом Михайловичем как начальником штаба сухопутных войск, в состав которых входила и наша академия. К этому человеку сохранилось у меня самое большое уважение».

И действительно, в 1960 г. (до 1964 г.) главнокомандующим Сухопутными войсками назначили Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова. А начальником Главного штаба Маркиан Михайлович стал при Маршале Советского Союза Р. Я. Малиновском, который в 1957-м был назначен министром обороны. С 1957-го по 1960-й, более или менее спокойно, он служил при своем однокашнике по Академии им. Фрунзе Маршале Советского Союза А. А. Гречко, которого потом назначили первым заместителем министра обороны СССР – главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств – участников Варшавского договора. Но вот пришел Чуйков, и все пошло наперекосяк.

С одной стороны Василий Иванович был действительно заслуженным человеком. Только во время Гражданской войны он был четырежды ранен и дважды контужен. За храбрость и мужество заслужил два ордена Красного Знамени, именные золотые часы и золотое оружие. В мае 1919-го, в девятнадцать лет, на поле боя заменил раненого командира и с этого дня

командовал полком (до 1921 г.). Под Сталинградом 62-я армия генерал-лейтенанта Чуйкова прославилась героической шестимесячной обороной Сталинграда в уличных боях в полностью разрушенном городе, сражаясь на изолированных плацдармах, на берегу широкой Волги.

8-я гвардейская армия под командованием генерал-полковника Чуйкова весьма умело вела уличные бои и в Берлине.

Это на его командном пункте 2 мая 1945-го начальник Берлинского гарнизона генерал Вейдлинг подписал капитуляцию немецких войск. Чуйкову дважды за годы войны было присвоено звание Героя Советского Союза (за освобождение Правобережной Украины и за штурм и взятие Познани).

С другой стороны – все образование Василия Ивановича до 1918 г. включало 4 класса церковно-приходской школы, ученичество в шпорной мастерской и юнги в отряде минеров в Кронштадте. И хотя потом он и закончил 1-е Московские военно-инструкторские курсы (1918), Военную академию им. Фрунзе (1925), восточный факультет этой же академии (1927) и академические курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА (1936), высокой образованностью не отличался, так и оставшись в душе крестьянином села Серебряные Пруды.

Воевать Чуйков начал только в 1942-м, вернувшись из Китая, где занимал должность военного атташе. И до окончания войны, несмотря на свои заслуги, больше армии не получал. С 1946-го он уже заместитель, а затем первый заместитель главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии и заместитель начальника Советской военной администрации в Германии. С 1949-го – главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии и т. д. В общей сложности Чуйков прослужил там восемь лет. Его резиденция с 1949 г. по 1953 г. располагалась в берлинском районе Карлсхорст, где ныне музей.

После окончания войны артист Б. М. Сичкин оказался свидетелем большого банкета для иностранных делегаций, где присутствовал и генерал Чуйков: «Французский министр подошел к Жукову и предложил тост. Жуков отказался пить и, передав генералу Чуйкову свой бокал вина, поручил ему выпить с французом. Но Чуйков не признавал вина. Пришлось заменить его более крепким. Он налил себе тонкий граненый стакан водки, чокнулся с французом и влил в себя содержимое стакана. Я человек пьющий и могу выпить много, но, глядя на это, пришел в восторг. Француз остался стоять с широко открытым ртом и не мог понять, как можно выпить квартальную норму спиртного за один раз.

Герой Сталинграда генерал Чуйков был легендарной и незаурядной

личностью. Несмотря на свою славу, в жизни это был простой, жизнерадостный человек. Он не признавал условностей. Помню, на том банкете он расстегнул китель, из-под которого показалась тельняшка.

Начались танцы. (...)

Жуков пригласил на танец генерала Чуйкова. Чуйков в матросской майке, огромный, с железными зубами, напоминал обаятельного медведя. Он вышел на танцплощадку и вдруг неожиданно сделал "перемет" – переднее сальто. Очень сложное движение! Тем более на скользком паркетном полу, плюс – после двух литров выпитой водки. Это походило на смертельный трюк, но генерал сделал его безукоризненно и вызвал бурю аплодисментов.

Дальше Чуйков показал себя с лучшей стороны в присядках и под аплодисменты зала закончил танец. Позвал меня, и мы пошли за стол допивать».

После смерти Сталина Василий Иванович еще семь лет командовал войсками Киевского военного округа, став Маршалом Советского Союза в 1955 г. И вот в 1960-м – он главком Сухопутных войск – заместитель министра обороны.

Нетрудно догадаться, почему Маркиану Михайловичу оказалось непросто служить под руководством Василия Ивановича. Попов еще до войны командовал отдельной армией на Дальнем востоке и Ленинградским военным округом. В течение войны командовал фронтами, был заместителем командующего фронтами и начальником штаба фронта. А это огромный опыт в руководстве крупными оперативно-стратегическими объединениями войск вооруженных сил государства. Такого опыта у Василия Ивановича Чуйкова, при всем уважении к этой личности, не было. Зато после войны он стал маршалом. Прибавилось власти и амбиций. Что и говорить, если сам маршал Г. К. Жуков, будучи командующим 1 – м Белорусским фронтом, в боевой характеристике на В. И. Чуйкова написал: «Лично храбрый, смелый, решительный и требовательный командир. По характеру вспыльчив. В работе инициативен...» Словом, стиль руководства Чуйкова был своеобразный, чуждый генералу армии Попову. Да и люди они были разные, разного масштаба.

Подполковник В. Брюхов, прежде чем быть назначенным старшим офицером для особых поручений, был наслышан о «крутом и необузданном нраве» В. И. Чуйкова. Вспоминает он и один любопытный случай, когда в 1952 г. строилась прямая подземная линия связи Москва – Берлин: «За ее прокладку и работу на территории ГДР отвечал лично Главком. 31 декабря начальник войск связи Группы доложил Чуйкову о том, что все работы

завершены. Чуйков доложил министру обороны и в Генеральный штаб. Поздно вечером, за несколько часов до Нового года, раздался звонок "ВЧ":

– Товарищ Чуйков, Хозяин выражает вам свое недовольство. Он хотел лично переговорить по прямой связи с Вильгельмом Пиком, но связь не работала...

Чуйков побледнел, потом побагровел от бешенства. По резкому, продолжительному треску вызова я понял, что случилось что-то неладное, и вбежал в кабинет. Впервые я увидел столь разъяренного Главкома. В приступе буйства он орал, перемежая слова потоком нецензурной брани:

– Срочно! Немедля! Сию же минуту ко мне генерала К...!

Я бросился выполнять приказ. Позвонил на квартиру начальника связи группы.

– Товарищ Брюхов, – с трудом услышал я ответ, – передайте Главкому, что я болен. У меня высокая температура, и врачи уложили меня в постель.

Я доложил Чуйкову, но ответ еще больше взбесил его:

– Я же приказал! Живого или мертвого доставить ко мне!

Я выскочил за дверь, как ошпаренный, и по телефону предупредил генерала, что выслал за ним машину. Вскоре этот сильно больной человек появился на пороге приемной. Лицо его пылало, пот градом катился по лицу.

– Что случилось? – чуть слышно проговорил он.

– Я не в курсе. Проходите в кабинет.

Даже через закрытую дверь было слышно, как беспощадно Чуйков распекал генерала, оскорбляя и унижая его. Выплеснув злобу, Главком выгнал начальника связи из кабинета. Убеленный сединами боевой генерал, тяжело шаркая ногами по ковру, еле двигался к выходу. Я помог ему добраться до кресла. Сев в него, он безжизненно откинулся на спинку; голова свалилась набок, по морщинистым щекам вместе с потом текли слезы. Я подал ему стакан воды. Смочив губы, генерал отстранил его и, посидев минут десять, с трудом встал и, отказавшись от моей помощи, побрел к выходу. Мне было жаль этого человека...

Вскоре раздался звонок из Москвы, который я переключил на Главкома:

– Василий Иванович, спасибо, связь работает. Хозяин переговорил с немецкими товарищами...

Оказалось, что работы по установке оборудования были выполнены в срок, о чем генералу доложил его заместитель. Тот, лично не проверив, доложил Главкому, но на одной из подстанций связисты замешкались и чуть позже включили линию. Тем не менее участь начальника связи группы

была predetermined. Вскоре на его место прибыл другой генерал».

«Грубость и хамство удивительным образом уживались у Чуйкова с добротой и простотой», – делает вывод приближенный к будущему маршалу офицер.

Пройдут годы, и маршал Чуйков всерьез возьмется за мемуары. К литературной записи он привлечет писателя, участника войны И. Г. Падерина. Вскоре в записи Падерина появятся книги В. И. Чуйкова «Начало пути» («Сражение века»), «Закалялась молодость в боях», «Конец Третьего рейха». Объем написанного составил более 70 печатных листов. И хотя по авторскому праву писателю полагалась половина гонорара, он не получил за свой труд ни копейки.

Со временем у писателя стало ухудшаться зрение. Он перенес три операции. Писал очень мало, да и с деньгами было трудно. И вдруг В. И. Чуйков просит его написать к своему 80-летию итоговую книгу. А как известно, просьба маршала приравнивается к приказу. Падерин согласился, но впервые заикнулся о договоре. Маршал, не понимая, что это вопрос о гонораре, дал добро. Но когда работа была закончена и книга «От Сталинграда до Берлина» объемом 41 печатный лист (более тысячи машинописных страниц) вышла в свет, встал вопрос и о положенном гонораре. Только теперь до маршала В. И. Чуйкова дошло наконец, что ему необходимо расстаться с солидной суммой в твердых рублях. И он «взмахнул шашкой...» Сначала объявил писателя крохобором, а потом настоял, чтобы Падерина исключили из Совета ветеранов 8-й армии, где он долгое время был заместителем маршала. Но и дальше у писателя проблем не стало меньше.

И это также для Маркиана Михайловича было чуждо до конца дней его...

А в июле 1962 г., задолго до 15 ноября, когда ему официально должно было исполниться 60 лет, генерала армии Попова, приказом министра обороны № 01224, переводят в Группу генеральных инспекторов – военным инспектором советником.

Эту Группу не без иронии, а то и сарказма, называли «райской». Согласно секретному постановлению Совета министров СССР от 30 января 1958 г., она создавалась «в целях использования опыта и знаний маршалов, адмиралов, генералов армии, генерал-полковников и некоторых генерал-лейтенантов и вице-адмиралов, достигших такого возраста, когда по состоянию здоровья и перспективам на дальнейшее использование они не могут продолжить работу с полной нагрузкой».

По представлению министра обороны в эту группу зачислялись лица

из числа бывшего высшего руководящего состава с большим практическим опытом, а также другие бывшие крупные военачальники и специалисты на должности генеральных инспекторов, военных инспекторов-советников и военных консультантов.

Работа включала выезды в войска на маневры и учения, чтение лекций и руководство экзаменационными комиссиями в военных академиях и училищах.

Распоряжением председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева от 20 июля 1960 г. в Группу генеральных инспекторов стали зачислять только со звания генерала армии и лишь в отдельных случаях – генерал-полковников «за особые заслуги» перед Родиной.

Как правильно пишет А. Тимофеев, «за Группой генеральных инспекторов следующих назначений для военачальников не следовало. Все знали, что это финал...

Основной комплекс Министерства обороны расположен на Арбатской площади, но и здесь, на тихой набережной, – главное командование сухопутных войск, ракетных войск и артиллерии. На пятом и шестом этажах – Группа генеральных инспекторов... (...)

В Группе – лишь две должности: генеральный инспектор, на которую мог быть назначен Маршал Советского Союза, адмирал флота Советского Союза и Главный маршал родов войск. А также военный инспектор – советник, соответственно генералы армии и маршалы родов войск. Не нашлось места в Группе опальному Г. К. Жукову... (...)

В немилости оказалась и авиация, двух Главных маршалов военных лет А. А. Новикова и А. Е. Голованова также оставили в отдалении...»

В разные годы в группу входило от 30 до 40 военачальников, практически все Маршалы Советского союза, все маршалы родов войск и генералы армии, уволенные с высоких постов по возрасту. Группа была упразднена указом президента России Б. Н. Ельцина № 13 от 11 января 1992 г. Согласно ему в отставку отправили 53 человека – главных маршалов родов войск, маршалов родов войск, генералов армии, адмиралов флота, генерал-полковников и адмиралов. Всего же через Группу с 1958 г. по 1992 г. прошел 181 военачальник ВС СССР.

В законе «О всеобщей воинской обязанности» от 12 октября 1967 г. есть 7-я глава «О военной службе офицерского состава». В статье 57, где указан порядок прохождения военной службы офицерским составом Вооруженных Сил СССР, оговаривается предельный возраст действительной военной службы для генералов армии, маршалов родов войск, адмиралов флота: 60 лет и 65 в запасе третьего разряда.

Тогда почему генерала армии М. М. Попова перевели в Группу аж за четыре месяцев до 60-летия? Министром обороны все еще был маршал Р. Я. Малиновский, хорошо относившийся к Маркиану Михайловичу, и который, кстати сказать, наградил его 16 ноября 1962 г. высшей правительственной наградой – орденом Ленина «За заслуги перед Советской армией и в связи с 60-летием со дня рождения». А это хороший знак. Но причина была. Нужно было срочно пристроить находившегося в опале генерала СМ. Штеменко. Под него и освободили должность начальника Главного штаба Сухопутных войск. Сам Маркиан Михайлович, понимая не лучшее положение Сергея Матвеевича, с легкостью согласился. ОН УСТАЛ БЫТЬ ЧУЖИМ СРЕДИ СВОИХ!

СМ. Штеменко – выпускник Военной академии механизации и моторизации РККА (1937) и Военной академии Генштаба (1940). После выпуска был назначен старшим помощником начальника отдела Оперативного управления Генштаба. В августе 1941-го – заместитель начальника направления, в июне 1942-го – начальник направления, в апреле 1943-го – первый заместитель начальника Оперативного управления, в мае 1943-го – начальник Оперативного управления Генштаба.

После войны – начальник Главного управления и заместитель начальника Генштаба (1946). С ноября 1948 по июнь 1952 г. – начальник Генштаба, заместитель министра Вооруженных Сил СССР (военного министра СССР). Затем начальник штаба Группы советских войск в Германии и заместитель начальника Генштаба.

Но арест Л. П. Берии в июне 1953-го ломает карьеру СМ. Штеменко. Его понижают в звании с генерала армии до генерал-лейтенанта (первый раз) и назначают начальником штаба Западно-Сибирского (Сибирского) военного округа.

В 1956-м Сергея Матвеевича реабилитируют. Ему присваивают звание генерал-полковника и назначают начальником Главного разведывательного управления Генштаба. Однако уже осенью 1957-го, за то что он предупредил находившегося в командировке в Югославии Министра обороны маршала Г. К. Жукова о готовящемся его смещении, снова понижают в звании до генерал-лейтенанта (второй раз) и назначают первым заместителем, сначала командующего войсками Приволжского военного округа, а затем в 1961-м – Закавказского. Когда в 1964 г., в ходе проводимой Хрущевым реформы армии, Главкомат Сухопутных войск будет ликвидирован, Штеменко вернут в Генштаб – начальником Главного организационно-мобилизационного управления – заместителем начальника

Генштаба. А в феврале 1968-го вернут и звание генерала армии.

Маркиан Михайлович мог только порадоваться за товарища, с которым сложились весьма хорошие отношения. Сам же довольствовался малым. На Фрунзенскую набережную его привозили на машине ровно к 10 часам три дня в неделю: в понедельник, в среду и в пятницу. И продолжал служить: выезжал в войска на инспекторские проверки, вел депутатскую и военно-научную работу, не спеша работал над своими воспоминаниями.

Когда в преддверии 150-летия Бородинской битвы начались съемки фильма «Война и мир», Маркиана Михайловича назначили главным консультантом картины. Этот фильм, который создавался С. Бондарчуком шесть лет (1961–1967), стал известен благодаря масштабным батальным сценам и применению новаторской панорамной съемки полей сражений. В том заслуга и генерала армии Попова...

Известно, что работа над сценарием началась в 1961 г., а в феврале 1962-го генеральной дирекцией студии Мосфильм был принят литературный сценарий четырех серий. Съемки же начались 7 сентября 1962 г. со сцены расстрела французами поджигателей города. В декабре съемочная группа со 150 вагонами оборудования отправилась в экспедицию в Закарпатье. В Мукачево вылетел и Маркиан Михайлович, где помогал режиссеру своими консультациями при съемке эпизодов Шенграбенского и Аустерлицкого сражений 1805 г. Тогда в распоряжении военачальника находилось 3000 солдат Прикарпатского военного округа (2500 во французской униформе и 500 в русской).

К слову сказать, для съемок фильма были использованы коллекции 40 музеев страны, свыше 40 предприятий производили вооружение и экипировку, от табакерок до телег. Было изготовлено 9 тысяч костюмов, 12 тысяч киверов, 200 тысяч пуговиц, точные копии русских и французских наград, оружия.

В августе 1963-го Бондарчук начал снимать центральную панораму Бородинского сражения, в день его 151-й годовщины. Теперь уже в массовке, изображавшей две армии, было занято около 15 тысяч человек пехоты, сформирован полк кавалерии в 950 сабель. У каждого из них было оружие, исторический костюм. Только на постановку «боя» было израсходовано 23 тонны взрывчатки и 40 тысяч литров керосина, 15 тысяч ручных дымовых гранат, 2 тысячи шашек, 1500 снарядов. В общем, работы хватало и для полководца.

В этот период Маркиан Михайлович стал все чаще заходить в гости к Шапошниковым. Невестка маршала Шапошникова Слава Андреевна вспоминает: «Хотел поговорить с "профессионалами" (моя мама была

известным режиссером-монтажером на "Мосфильме", да и я окончила театральное училище). Маркиан Михайлович увлеченно рассказывал, как идут съемки, о постановке масштабных батальных сцен. Министерство обороны предоставило для съемок лошадей и целые воинские подразделения. Был сформирован отдельный кинематографический кавалерийский полк (около 1500 всадников). Как-то Маркиан Михайлович поинтересовался у меня:

– Вам нравится американский фильм "Война и мир"? Я честно призналась, что нравится:

– Там такие интересные актеры играют Пьера и князя Андрея!

– Зато в нашем фильме – все настоящее, русское! У нас уж если действие зимой происходит, видно, как на морозе пар изо рта идет!»

На широкий экран картина вышла 14 марта 1966 г. Генерал армии М. М. Попов вместе с супругой был приглашен на премьеру 1-й серии фильма, которая состоялась в кинотеатре «Россия». Впоследствии картина получила премию «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке (1969) и главный приз Московского международного кинофестиваля 1965 г. 1-я серия («Андрей Болконский») – лидер проката в СССР в 1966 г. (58 миллионов зрителей).

О том, как Маркиан Михайлович работал, находясь в Группе, рассказывают чудом сохранившиеся письма. Например, вот в этом он пишет (без даты):

«... Я уж не обижаюсь на тебя за то что ты мне никогда не пишешь о своей жизни, что ты не поздравил меня с большим событием в моей летописи, о чем ты конечно прочитал в газетах от 17 ноября. Но дело не в этом. Может, ты не знаешь моего адреса, а тогда все простительно. Правда, я получил не один десяток писем и телеграмм, адресованных непосредственно на Министерство Обороны.

Ну, бог с ним. Нас все же связывает многолетняя, причем хорошая дружба.

Я обращаюсь к тебе по следующему вопросу. По просьбе редакции "Военно-исторического журнала" – я сейчас работаю над статьей о боевых действиях подвижной группы Юго-Западного фронта в январе – феврале 1943-го года.

Ты тогда был со мной и играл очень большую роль в деле обеспечения связи и управления войсками этой группы.

Вот я и прошу тебя прислать мне твои, хотя бы и отрывочные воспоминания о тех днях или более серьезное, если таковое у тебя имеется.

Я очень хочу в предстоящей статье правдоподобно показать всю

героическую работу связистов, в том числе и твою. Прошу найти время и выполнить мою просьбу. Если у тебя найдется какая-либо фотокарточка тех или более поздних дней, прошу выслать и ее. Я думаю, что статья должна получиться не плохой и когда она выйдет – я обещаю прислать ее тебе.

Заодно хочу просить тебя сообщить мне что-нибудь и о 5-й Танк. Арм. за время моего короткого командования ею. Это мне нужно для другой моей работы. За это также буду очень благодарен. Конечно опиши и свою жизнь. Как живешь. Над чем работаешь?

Прошу учесть – до конца декабря – мой адрес: Московская область, Красногорский район, почтовое отделение Архангельское. Корпус 1 – й. С началом января – Москва Смоленская набережная...

С дружеским приветом тебе и всей твоей семье. Твой (Попов)».

И в следующем письме, датированном 8 декабря 1962 г., он также обращается к бывшему своему подчиненному: «...Только сегодня из газет узнал о Вашем новом избрании и новом назначении. От всей души поздравляю и желаю всемерных успехов на новой большой партийно-государственной работе.

Прекрасно понимая всю Вашу занятость на новой работе, я все же позволяю себе беспокоить Вас одной просьбой. Дело в том, что я уже более года работаю над книгой своих мемуаров. Конечно в них я не могу обойти и нашу родную 40-ю армию, хотя я и недолго ею командовал.

В архивах мне удалось найти много материалов о боевых действиях армии, но это преимущественно приказы. Приказания, распоряжения, донесения и разного рода сводки, за которыми не видно людей, живых, думающих и вкладывающих все свои силы на дело разгрома врага.

Я обратился с письмами к ряду товарищей по армии и хочу верить, что они откликнутся.

Поскольку вы в своей работе уделяли особое внимание армейскому тылу, мне думается, что в Вашей памяти сохранились воспоминания о руководящем составе нашего тыла, например о его начальнике, начальнике медицинского отдела, и о других работниках тылового аппарата армии.

Я прекрасно помню, какую большую работу вел наш тыловой аппарат в те тяжелые и напряженные боевые дни – июля, августа, сентября и октября 1942-го года. Был бы не прав, если бы не сказал о них самых теплых слов. А в этом нужна мне Ваша помощь и я на нее очень рассчитываю.

Пусть ваши воспоминания будут не совсем систематизированы, без всякой литературной отделки – я за все буду очень Вам признателен и благодарен...»

Очередное письмо, неизвестному нам Николаю Александровичу, интересно по многим причинам. Во-первых, оно в очередной раз подчеркивает воспитанность Маркиана Михайловича, его уровень образования, его человечность. Словом, в нем совершенно другой генерал! Во-вторых, в этом письме любопытны некоторые детали его работы, его отношения к истории Великой Отечественной войны, в которой он принимал самое непосредственное участие. В-третьих, в нем его отношение к своему начальнику – Маршалу Советского Союза Л. А. Говорову:

«...Я получил Ваше письмо от 2.12.62. и благодарю Вас за поздравление. Вместе с тем мне очень не понравились отдельные места Вашего письма, где Вы позволяете себе недопустимые и непривычные для меня выпады по моему адресу. Чего, например, стоит Ваша фраза – "Если рассуждаете: сами напишем и напечатаем. Видите во мне какого-то конкурента..."

Даже из-за одной этой фразы я имею полное моральное право Вам вообще не отвечать и не вести с Вами никакой переписки. Я думаю, что Вы, поразмыслив, согласитесь со всей нетактичностью, мягко говоря, такой формулировки. Да будет Вам известно, что я состою в переписке с очень большим числом людей, обращающихся ко мне за помощью в написании тех или иных воспоминаний или по отдельным, конкретным вопросам войны. Да и дома у себя, а иногда и в служебном кабинете мне приходится принимать авторов тех или иных трудов, для дачи им консультаций или советов по их работе. Я, не хвастая, заявляю Вам, что, как правило, от этих товарищей получаю только теплые благодарности.

И если я до сих пор ничего не написал Вам о т. Говорове, с которым я провел последний год войны, то это лишь только потому, что я еще не дошел до разработки этого этапа своей деятельности и своих воспоминаний, не копался в архивах, а писать что-нибудь о войне, полагаясь только на свою память, я не имею никакого права. Если хотите знать, после похорон Л. А. Говорова у Кремлевской стены я был на так называемых поминках. Было очень много народа, в том числе и Маршалов Советского Союза. Было, как и полагается в таких случаях, высказано много теплых слов в адрес покойника. И вот вдова – Лидия Ивановна подзывает меня к себе и просит обязательно выступить мне, как человеку, знавшему Говорова лучше и ближе, чем большинство выступавших. Я попросил дать мне пять минут, для того чтобы собраться с мыслями. И я выступил и привел несколько эпизодов боевой деятельности покойного. Я говорил не долго, на поминках не полагается, но когда я закончил, вдова

подошла ко мне и крепко поцеловала, потому что я сказал не формально, а от души показал Говорова, как полководца на критических и очень ответственных, поворотных этапах некоторых операций. А потом ко мне обращались многие сидевшие за столом, даже маршалы, и спрашивали – неужели так было на самом деле. Они этого не знали, да и не могли знать, потому что в это время не были рядом с Говоровым, и рекомендовали мне написать об этом. Но одно дело выступление в относительно узком кругу на поминках и выступление в печати, где нужны точные даты, да не только даты, а в ряде случаев и часы. И я, как Вам известно, до сих пор не выступал в печати, потому что последние годы был занят другими делами.

Если Вы читаете Военно-исторический журнал, то Вам должно быть известно, что периодически я печатаю там свои статьи по отдельным операциям, причем эти статьи не могли вызвать и не вызывают ни малейшей придирки со стороны даже самых требовательных читателей. Я и до сих пор продолжаю получать заказы от редакции журнала и, признаюсь, в большом долгу перед ней.

Вот почему мне так трудно сесть и написать вам некоторые свои воспоминания. Я просто не готов к этому, не располагаю архивными материалами. Тем не менее, обещаю Вам кое-что написать с условием, что Вы в своей работе не будете ссылаться на меня или же ссылаться в очень осторожной форме.

Это будут действительно личные воспоминания. С опусканием точных дат и часов. Поймите, что нашему брату не так просто выступать со своими воспоминаниями, потому что вы отвечаете за каждое сказанное вами слово. А раз так – каждое слово должно быть взвешено. Причем не один раз и подкреплено, в нужных случаях ссылками на № архивного документа.

Вот и все, что я могу ответить вам на ваше письмо...»

А статью о Маршале Советского Союза Л. А. Говорове Маркиан Михайлович все же написал...

Последняя должность Леонида Александровича (главнокомандующий войсками ПВО СССР) стала для него роковой. Как рассказывал его сын Сергей Леонидович, «в один из теплых дней весны 1954 г. отец вернулся раньше обычного. Выйдя из служебного ЗИСа, он, немного помолчав, сказал маме: "Назначение состоялось. Отказаться не имел права. Но это конец..."

Дело в том, что к этому времени отец был серьезно болен тяжелой формой гипертонии – сказала и блокада Ленинграда, и так называемое «ленинградское дело», по которому в 1948–1950 гг. из-за ложных обвинений были расстреляны люди, работающие вместе с ним и

руководившие обороной...»

Первый удар случился этим же летом, а в ночь на 19 марта 1955 года полководца не стало.

Судя по всему, свои «Некоторые воспоминания о Маршале Советского Союза Л. А. Говорове» генерал армии Попов написал в 1966 г. Ознакомимся лишь с несколькими отрывками из них:

«Первое, что бросалось в глаза человеку, впервые сталкивающемуся с Говоровым, это исключительно скрупулезная, буквально филигранная работа при подготовке операции. Она, как правило, начиналась с самого детального изучения противника, начиная с его переднего края и кончая оперативными резервами. От разведки требовалось до малейших деталей установить систему обороны, начертание всех его оборонительных сооружений и расположение огневых точек. Здесь не жалелось ни сил, ни средств для непрерывных разведывательных поисков войсками, систематическими аэрофотосъемками, радиоперехватам и своевременной засылки агентуры. Это добавлялось систематическими выездами в войска самого Л. А. Говорова, для личного изучения обороны противника и для встреч и бесед непосредственно с командирами, и особенно разведчиками соединений и частей переднего края. Он терпеть не мог "белых пятен" в расположении врага и жестко, в точно установленные сроки требовал освещения и уточнения всего неизвестного или не совсем ясного».

«Подготовленную штабом оперативную директиву войскам фронта Л. А. Говоров очень тщательно правил, добиваясь полной ясности и конкретности, особенно в части постановки задач армиям. К директиве в виде отдельных документов прилагались указания по маскировке и по боевой подготовке войск к предстоящей операции. Этим вопросам Говоров всегда уделял особое внимание.

Еще хочется упомянуть одну из характерных черт в стиле работы Говорова. Перед тем, как заслушивать решения командармов, он брал на себя одну из армий, а начальнику штаба и оперативного управления поручал принять решение за остальных командармов. После этого мы собирались у комфронта и докладывали свои решения. Они тщательно и всесторонне обсуждались, так же как и изучались возможные другие варианты в решениях командармов. Естественно, что после такой подготовки Говоров заслушивал решения командармов, имея свои точки зрения, почему его замечания или несогласия носили совершенно обоснованный характер».

«Вспоминается такой случай. В июльской наступательной операции 1944 года на Карельском перешейке, войскам фронта предстояло после

прорыва первой полосы обороны финнов, добротной оборудованной деревоземляными и каменно-деревянными сооружениями, прорвать новую линию Маннергейма, оборудованную железобетонными и броневыми сооружениями и удаленную от первой полосы на 25–40 км. Ставкой указывалось эту полосу обороны прорвать с ходу, но одновременно готовить и силовой прорыв. Это на тот случай, если прорыв с ходу не удастся. Силовой же прорыв требует время для его подготовки, связанный с неизбежными перегруппировками, а главное подвозом большого количества боеприпасов.

Первый штурм этой полосы, начавшийся утром 14 июня, был неудачен. Поднявшиеся дружно в атаку войска вскоре залегли перед проволочными заграждениями противника, под его пулеметным и минометным огнем. У Л. А. Говорова, как мы тогда шутили, в кармане лежал "вексель" Ставки. Он имел все основания отказаться от повторных атак и приступить к подготовке силового прорыва. Но Говоров, внимательно следивший за ходом боя, почувствовал, что огонь у противника не организован и просто слаб, а наши войска, вернее всего, остановила некоторая "бетонобоязнь".

Комфронта знал также, что специальных войск для обороны 2-й полосы финны не имели и намеревались оборонять ее войсками, отходящими с первой полосы. Оттуда могли отойти только неорганизованные и очень потрепанные части. Следовательно, делая хотя бы несколько дней перерыв, мы позволим противнику значительно усилить свою оборону, чем в большой степени затрудним наш прорыв и прольем много крови.

И Л. А. Говоров решил после нескольких часов перерыва повторить атаку с привлечением всей артиллерии, бомбардировочной и штурмовой авиации. Соответствующие распоряжения и разъяснения были даны командарму и непосредственно командирам корпусов.

Верховного Главнокомандующего еще в Ставке не было, и Говорову пришлось это решение взять на свою личную ответственность. Позже это решение было утверждено.

Повторная атака увенчалась полным успехом, и вторая полоса обороны, на которую Маннергеймом возлагались такие большие надежды, была прорвана сначала на узком участке и вскоре закончилась полным взломом всей полосы.

Я не случайно привел этот маленький штрих и деталь, характеризующую характер, волю и предвидение Л. А. Говорова. Кстати, об этой детали умалчивают все историки, пишущие историю по архивным

документам, в то время, как все события 14 июня 1944 года разворачивались по распоряжениям, отдававшимся по телефонам или при личных общениях с подчиненными».

В 1964 г., в связи с 20-летием освобождения Новоржева от немецких оккупантов, районный военный комиссар Румянцев обратился к генералу армии М. М. Попову с просьбой поделиться своими воспоминаниями о боях за его родной город Новоржев.

Любопытно, как откликнулся на это полководец. В своем письме от 19 апреля 1964 г., подлинник которого хранится в Музее истории Новоржевского края, Маркиан Михайлович написал следующее:

«... Только сейчас я могу откликнуться на Вашу просьбу о присылке материалов, связанных с освобождением Новоржева от немецко-фашистских захватчиков 29 февраля 1944 года. Ваше письмо было получено в тот момент, когда я был в длительной командировке, почему и не мог реагировать на него немедленно. Ваша же просьба о присылке материалов, связанных с освобождением Новоржева, для меня оказалась не такой простой. Дело в том, что в дни освобождения нашего города я командовал не армией, как Вы об этом пишете, а был командующим 2-м Прибалтийским фронтом, в состав которого входила 22-я Армия, части которой и брали Новоржев. Вот почему я никакого непосредственного участия в боях за этот город, естественно, принимать не мог, и никакие детали боев за него мне были неизвестны. Чтобы восстановить в какой-то степени интересующие Вас вопросы, мне пришлось выбрать время и съездить в Архив Министерства Обороны, перерывать там уйму дел, с тем чтобы найти документы по которым можно было бы разобраться в событиях тех дней.

И вот теперь по точным документам мною восстановлены основные моменты хода боев за Новоржев.

Я посылаю Вам краткое описание этих боев с приложением схемы, на которой показаны по дням развитие событий.

Все это абсолютно точно и согласовано с бывшим командиром 26-й стр. дивизии, бравшей Новоржев, и который сейчас жив и здоровствует, проживая в Москве... Он, генерал-майор запаса Черепанов Корнилий Георгиевич, при разговоре со мной высказал согласие на переписку с новоржевскими товарищами, интересующимися событиями тех дней.

Теперь в свою очередь и у меня просьба к Вам. Как видите, названные мною выше материалы прилагаются в двух экземплярах. Так вот я Вас и прошу одну схему, описание боев за Новоржев и мою фотокарточку передать директору Новоржевской Средней Школы, комсомольская

организация которой еще в прошлом году обратилась ко мне с просьбой прислать им все имеющиеся у меня материалы, связанные с боями за Новоржев.

Я, к сожалению, не знаю ни фамилии директора этой школы, ни ее адреса, почему и прошу Вас лично вручить директору школы прилагаемые материалы для передачи их школьной комсомольской организации с моим приветом и наилучшими пожеланиями всемерных успехов в учебе и труде.

Одновременно прошу Вас ознакомить директора школы и секретаря комсомольской школьной организации с данным письмом, потому что они просили меня сообщить им адреса лиц, с которыми можно было бы завязать переписку по вопросам боев за Новоржев.

Вот, пожалуй, и все, что я могу написать Вам и что я могу переслать. Никаких других материалов о тех днях у меня не имеется. Несмотря на то, что Новоржев является для меня очень родным городом, в февральские дни 1944 года боевые действия 2-го Прибалтийского фронта, которым мне тогда доверено было командовать, простирались на фронте примерно от Невеля до Дно, то есть на участке свыше 200 километров, главные события разворачивались на других направлениях, и я, естественно, не мог пристально заниматься Новоржем. Признаюсь одновременно, что я был очень тронут, когда примерно в полдень 29 февраля я получил телеграмму от командующего 22-й армией генерал-лейтенанта Юшкевича, ныне покойного, в которой он поздравил меня и радостно доносил о том, что войска его армии "... сегодня на рассвете освободили от немецко-фашистских захватчиков Вашу родину город Новоржев..."

Уже в первых числах марта я выбрал время, чтобы побывать в Новоржеве, о чем я и пишу в прилагаемом описании боев за этот город.

Примите мой привет и наилучшие пожелания. Не стесняйтесь мне писать и попросите об этом также и комсомольскую организацию Средней Школы».

Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Н. П. Симоняк был не только однокашником Маркиана Михайловича, но и его подчиненным. В начале войны Николай Петрович командовал 8-й отдельной стрелковой бригадой на полуострове Ханко, а в конце – 67-й армией. В отставку он вышел рано – в 1948 г., а через восемь лет умер.

Участие в трех войнах и тридцатилетняя служба в армии (от курсанта кавалерийских курсов до командующего армией и командира гвардейского стрелкового корпуса) подорвали здоровье этого мужественного человека. Прожил он всего-то 57 лет.

Осенью 1962 г. к Маркиану Михайловичу обратились писатели

М. П. Стрешинский и И. М. Франтишев, собирающие материал для книги о его боевом товарище. Как всегда, генерал армии Попов откликнулся на их просьбу мгновенно. К огромному сожалению, полностью его ответ (на 17 листах) не сохранился. До нас дошел лишь самый последний лист, где он писал:

«...И когда после войны СИМОНЯК задумал жениться, его уже взрослые дочери, которых он очень любил, категорически протестовали против женитьбы, считая ее оскорблением памяти покойной матери. СИМОНЯК и это тяжело переживал, о чем не один раз делился со мной.

Вот и все, что я мог вкратце сообщить вам о своих встречах и о своей дружбе с СИМОНЯКОМ.

От всей души желаю Вам всемерных успехов в написании книги об этом исключительно хорошем и честном человеке. Если по ходу вашей работы возникнут какие-либо вопросы ко мне, – я с удовольствием откликнусь...»

Документальная повесть «Генерал Симоняк» выйдет в Лениздате в 1964 г. А ее второе, исправленное и дополненное, издание увидит свет в 1971-м. Маркиан Михайлович сам напишет предисловие к этой книге: «Когда меня попросили написать это предисловие, я охотно согласился. Николая Павловича Симоняка, которому посвящена книга, я знал много лет, и о нем у меня сохранились самые светлые воспоминания.

Познакомились мы в начале тридцатых годов. Учились на одном курсе в Военной академии имени Фрунзе. Встречались ежедневно, были не просто товарищами, а добрыми друзьями. И сейчас, хотя с той поры прошло уже три десятилетия, передо мной встает Николай Симоняк, хмурый на вид, чуть скуластый, со слегка сощуренными, усмешливыми глазами.

Учиться ему было труднее, чем многим другим, имевшим большую общеобразовательную подготовку. Меня всегда поражали его исключительное трудолюбие, усидчивость, упорство. Он не только не отставал, но зачастую шел впереди. Хорошо учиться помогали ему пытливый ум, природные способности, практический опыт, полученный за многие годы службы в Красной армии...

Окончилась учеба в академии. В разные уголки страны разъехались выпускники. Снова встретился я с Симоняком спустя четыре года на полуострове Ханко. Он командовал 8-й отдельной стрелковой бригадой. Я снова увидел, что люди, которые окружают Николая Павловича, относятся к нему тепло и сердечно.

Меня, командующего войсками Ленинградского военного округа,

интересовали, естественно, все стороны жизни бригады. И во всем чувствовались строгая продуманность, хозяйская заботливость полковника Симоняка. Особенно меня порадовало умелое строительство оборонительных укреплений на полуострове.

В те дни уже пахло грозой, но никто из нас не подозревал, что война буквально на носу. Предусмотрительность Симоняка сыграла немалую роль в героической обороне Красного Гангута.

Николай Павлович Симоняк провел Великую Отечественную войну в основном на Ленинградском фронте. Он стал здесь командующим армией, участвовал во всех решающих операциях по разгрому фашистских войск под Ленинградом и в Прибалтике.

Симоняк получил много наград, в том числе Золотую Звезду Героя Советского Союза. Когда мы встретились с ним в апреле 1944 года, он был, как говорится, в ореоле славы. Его называли "генералом прорыва", корпус, которым он командовал, почти всегда действовал на направлении главного удара. И гвардейцы, которых вел генерал Симоняк, дрались умело, с дерзкой отвагой и одерживали одну победу за другой... Николай Павлович остался верен себе, был по-прежнему скромным, простым. Гвардейцы называли его "батькой", верили в него, шли за ним в огонь и воду.

В Симоняке сосредоточились все лучшие черты славной плеяды советских военачальников, юность которых совпала с началом гражданской войны. Боевое крещение они принимали в битвах с белогвардейцами и интервентами. В мирные дни они учили молодых красноармейцев и сами учились. В суровой войне – Великой Отечественной – в полной мере раскрылись их преданность народу, партии, их мужество, стойкость, военное дарование. Авторам удалось создать правдивый, запоминающийся образ генерала-солдата Симоняка. Он – главный герой книги. А рядом с ним действуют, борются люди, с которыми он шагает в одном строю: командиры корпусов, дивизий и полков, батальонов и рот, рядовые бойцы. Героические дела многих из них навсегда вошли в историю битвы за Ленинград. Это бессмертные подвиги стрелка Петра Сокура, связиста Дмитрия Молодцова, сапера Ивана Приступы, автоматчика Тимофея Пирогова... Со страниц книги встают перед нами образы искусных, мужественных командиров-гвардейцев – двадцатидвухлетнего комбата Дмитрия Зверева, командира роты автоматчиков Владимира Массальского, командира полка Александра Ивановича Шерстнева...

Книга "Генерал Симоняк" – документальная повесть. И хотя она посвящена генералу Симоняку и главным образом ленинградской гвардии, – это произведение о советском человеке, негибаемом бойце за

великие идеи революции. Он разбил полчища врагов в годы гражданской войны. Он отстаивал свободу и независимость своей Родины во время фашистского нашествия...

Такие книги, как "Генерал Симоняк", рассказывая о недалеком прошлом, зовут к новым подвигам и свершениям.

Герой Советского Союза
генерал армии М. Попов».

Удивительным образом звучали эти теплые слова полководца, два года спустя после его смерти, словно неожиданно явившиеся с того света...

Последнее уважение

7 мая 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР генералу армии М. М. Попову будет присвоено звание Героя Советского Союза:

«Заумелое руководство войсками, мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда":

1. Генералу армии Батицкому Павлу Федоровичу.
 2. Главному маршалу артиллерии Воронову Николаю Николаевичу.
 3. Генералу армии Гетману Андрею Лаврентьевичу.
 4. Адмиралу флота Горшкову Сергею Георгиевичу.
 5. Адмиралу флота Советского Союза Исакову Ивану Степановичу.
 6. Генералу армии Курасову Владимиру Васильевичу.
 7. Генералу армии Попову Маркиану Михайловичу.
 8. Главному маршалу бронетанковых войск Ротмистрову Павлу Алексеевичу.
 9. Вице-адмиралу Холостякову Георгию Никитичу.
- Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
А. МИКОЯН
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ».

Безусловно, это было огромным событием в жизни Маркиана Михайловича. Наконец-то его вклад в Великую Победу оценили по достоинству, забылись прошлые несправедливости.

В эти майские дни 1965-го он не скрывал своей радости и был поистине счастлив. Сохранились кадры кинохроники, на которых А. Микоян вручает М. Попову две красные коробочки с высокими наградами родины.

Вместе с ним Героями Советского Союза стали еще восемь известных военачальников.

Генерал армии (Маршал Советского Союза– 1968) П. Ф. Батицкий (1910–1984). Павел Федорович начал войну в звании подполковника. Был начальником штаба, а затем командиром стрелковой дивизии. Будучи

командиром 73-го стрелкового корпуса, дважды форсировал Днепр: в сентябре 1943 г. и ноябре – декабре 1943 г. Представлялся к званию Героя Советского Союза, но из-за конфликта с высокопоставленным политработником награжден не был.

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов (1899–1968). В годы Великой Отечественной войны возглавлял артиллерию Красной армии, был заместителем наркома обороны. Очень много занимался вопросами снабжения, комплектования, организации и координации действий артиллерийских частей. Под его руководством была разработана подробнейшая инструкция для артиллерии по борьбе с танками вермахта. В одном из своих докладов Ставке поставил вопрос о войсковой ПВО, которая с осени 1941-го осталась без руководства. По инициативе Воронова был издан приказ о создании артиллерийских дивизий резерва Верховного Главнокомандования. С мая 1943-го лично контролировал формирование первых пяти артиллерийских корпусов прорыва.

Генерал армии А. Л. Гетьман (1903–1987). В начале войны командир танковой дивизии. С апреля 1942-го – командир 6-го танкового корпуса, преобразованного в 11-й гвардейский. В августе 1944-го назначен заместителем командующего 1 – й гвардейской танковой армией. За время войны 20 раз персонально упоминался в приказах Верховного Главнокомандующего.

Адмирал флота С. Г. Горшков (1910–1988). В годы войны принимал активное участие в боевых действиях Черноморского флота, командовал Азовской и Дунайской военными флотилиями. Руководил высадкой многих тактических и оперативных десантов. Участвовал в обороне Одессы, в Новороссийско-Таманской, Керченско-Эльтигенской, Яско-Кишиневской, Белградской, Апатин-Капошварской, Будапештской операциях. В 1945 г. командующий эскадрой. Впоследствии начальник штаба и командующий Черноморским флотом.

Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков (1894–1967). В годы войны начальник Главного морского штаба (1941–1943), заместитель главкома ВМФ. Осенью 1942-го тяжело ранен во время Новороссийской операции под Туапсе на Гойтхском перевале, после ампутации ноги остался инвалидом, однако после лечения продолжил службу.

Генерал армии В. В. Курасов (1897–1973). В начале войны работал в Генеральном штабе. С декабря 1941-го – начальник штаба 4-й ударной армии на Северо-Западном и Калининском фронтах. В ходе Торопецко-Холмской операции в январе – феврале 1942 г. войска армии продвинулись менее чем за месяц почти на 300 км (невиданный результат за весь период

контрнаступления под Москвой). С марта 1942-го командовал этой армией, а весной 1943-го назначен начальником штаба Калининского фронта. Сыграл выдающуюся роль в разработке и проведении Смоленской, Невельской, Городокской операции 1943 г. Осенью 1944-го отличился в Прибалтийской операции.

Главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров (1901–1982). Войну встретил полковником и более двух месяцев выходил из окружения с группой бойцов и командиров по территории Литвы, Белоруссии и Брянщины. С осени 1941-го командовал 8-й танковой бригадой. В ходе контрнаступления под Москвой эта бригада отличилась при освобождении города Клина и прошла до Ржева. За массовый героизм 8-я танковая бригада была преобразована в 3-ю гвардейскую, а ее командир награжден орденом Ленина. С апреля 1942-го – командир 7-го танкового корпуса (преобразован в 3-й гвардейский), который принимал участие в разгроме группы войск генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. За умелое командование был награжден орденом Суворова 2-й степени № 3. В августе 1944-го в звании маршала бронетанковых войск был назначен на должность заместителя командующего бронетанковыми и механизированными войсками РККА.

Вице-адмирал Г. Н. Холостяков (1902–1983). В начале войны начальник штаба Новороссийской военно-морской базы, а затем ее командир. Один из организаторов героической обороны Новороссийска. В 1943 г. организовал еще два десанта: Новороссийская десантная операция 10–11 сентября и десант у Эльтигена. С декабря 1943-го исполнял должность командующего Азовской военной флотилией, а с декабря 1944-го – командующий Дунайской военной флотилией. Во главе ее освобождал Югославию, Венгрию, Австрию, Словакию.

Так уж получилось, что присвоение звания Героя Советского Союза М. М. Попову стало последним прижизненным уважением генералу армии и полководцу. В его личном архиве чудом сохранились и поздравительные телеграммы по этому торжественному случаю. Прочитываем лишь некоторые из них:

«ДОРОГОЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ НАЧИНАЛИ ВОЙНУ В ОДНОМ ДОМЕ СМОЛЬНОМ КОНЧИЛИ В ОДНОМ УКАЗЕ ТВОЙ ИСАКОВ».

«ДОРОГОЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ НАХОДЯСЬ В СЕВАСТОПОЛЕ, УЗНАЛ О ПРИСВОЕНИИ ТЕБЕ ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ

ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ПОЗДРАВЛЯЮ. ОБНИМАЮ. ЖЕЛАЮ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ И ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО В ЖИЗНИ. КЛАНЯЮСЬ СЕМЬЕ. ТВОЙ КУЛАКОВ»

«ПОЗДРАВЛЯЮ С ЗАСЛУЖЕННОЙ НАГРАДОЙ ЖЕЛАЮ ВСЯЧЕСКИХ УСПЕХОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОРОНОВ».

«ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ. СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ СТАРОГО БОЕВОГО ДРУГА С ПРИСВОЕНИЕМ ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ОТ ДУШИ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ И СЧАСТЬЯ В ЖИЗНИ. ГЕНЕРАЛ АРМИИ М. КАЗАКОВ».

«СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ С ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ УСПЕХОВ В РАБОТЕ ГЕНЕРАЛ АРМИИ СТУЧЕНКО».

«ВОЕННЫЙ СОВЕТ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ВОИНЫ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ХОРОШО ЗНАЮТ ВАШ БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ОБЩЕЕ ДЕЛО РАЗГРОМА НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ И УСПЕШНОЙ РАБОТЫ НА БЛАГО НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ И. ЯКУБОВСКИЙ В. ГОЛОВКИН».

«ДАВНО НЕ ПИСАЛ С ТАКИМ ИСКРЕННИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ ТЕЛЕГРАММУ КАК ДЕЛАЮ ЭТО СЕЙЧАС. ДОРОГОЙ ВЫ НАШ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ! ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПЕРЕДАТЬ ВАМ СВОЕ ИСКРЕННЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖМУ ВАШУ ЗАСЛУЖЕННУЮ РУКУ СТАРШЕГО ТАНКИСТА И КРУПНОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА ЖЕЛАЮ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ И МНОГИХ СЧАСТЛИВЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ. ПРОШУ ПЕРЕДАТЬ МОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬЕ. С ПРИВЕТОМ ПОЛУБОЯРОВ».

«ВОЕННЫЙ СОВЕТ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОЙСК СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ И

ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ В РАБОТЕ НА БЛАГО СОВЕТСКОГО НАРОДА И ЕГО СЛАВНЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ С УВАЖЕНИЕМ ПРОВАЛОВ СРЕДИН АНДРЮЩЕНКО МАРУЩАК ПУШКИН».

«УВАЖАЕМЫЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ВАШЕЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ ПРИСВОЕНИЕМ ВАМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И НАГРАЖДЕНИЯ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА И МЕДАЛЬЮ ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ИСКРЕННЕ ЖЕЛАЮ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ И ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ В ВАШЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА БЛАГО НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК Н. ЛЯЩЕНКО».

«ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС, УВАЖАЕМЫЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ, С ПРИСВОЕНИЕМ ВАМ ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ПРИМИТЕ САМЫЕ НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ, НОВЫХ УСПЕХОВ В ВАШЕЙ БОЛЬШОЙ РАБОТЕ И ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ. С УВАЖЕНИЕМ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК СОКОЛОВ».

«ДОРОГОЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ ВОЕННЫЙ СОВЕТ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ ВОЙСК ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС ПО СЛУЧАЮ ПРИСВОЕНИЯ ВАМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ИСКРЕННЕ ЖЕЛАЕМ ВАМ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ ПОЛНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СЧАСТЬЯ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК БАКЛАНОВ, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК КУЗНЕЦОВ...»

«ВОЕННЫЙ СОВЕТ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ОТ ИМЕНИ ВСЕХ ВОЕННЫХ МОРЯКОВ И СЕБЯ ЛИЧНО ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС, ДОРОГОЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ, С НАГРАЖДЕНИЕМ ВАС ВЫСШЕЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ ЗВАНИЕМ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ЭТОЙ ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ ДОСТОЙНО ОТМЕЧЕН ВКЛАД, КОТОРЫЙ ВЫ ЛИЧНО ВНЕСЛИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ДЕЛО РАЗГРОМА ВРАГА И ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НАШЕЙ РОДИНЫ НАД ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. ОТ ДУШИ ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ И МНОГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ НА БЛАГО УКРЕПЛЕНИЯ БОЕВОГО МОГУЩЕСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР. ОТ ИМЕНИ ВОЕННОГО СОВЕТА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ЧУРСИН

ТОРИК».

«ДОРОГОЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ КОЛЛЕКТИВ КИНОКАРТИНЫ ВОЙНА И МИР ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. МЫ ВЫСОКО ЦЕНИМ ВАШУ ПОМОЩЬ В СОЗДАНИИ ФИЛЬМА. ЖЕЛАЕМ ВАМ И ВАШЕЙ СЕМЬЕ ЗДОРОВЬЯ И СЧАСТЬЯ БОНДАРЧУК ЦИРГИЛАДЗЕ ПЕТРИЦКИЙ ИВАНОВ МЕЕРОВИЧ».

«ОТ ВСЕЙ ДУШИ И ТЕПЛОТЫ СВОЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПОЛКОВОДЦА С ВЫСОКИМ И ЗАСЛУЖЕННЫМ ЗВАНИЕМ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПРАВДА НАКОНЕЦ ВСЕ ЖЕ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА Я РАД ЧТО И ВАШЕ ИМЯ СЕГОДНЯ ПРОЗВУЧАЛО В ДОКЛАДЕ ТОВ БРЕЖНЕВА И КАК БЫ ХОТЕЛОСЬ НАЯВУ КРЕПКО ПОЖАТЬ ВАШУ ТЕПЛУЮ И ЖИВУЮ РУКУ И ПОЗДРАВИТЬ СО СТОЛЬ ВЫСОКИМ ЗВАНИЕМ И. ЗИМА».

«ПРИМИТЕ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ДВАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНОЙ РАЗГРОМА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА И ЗВАНИЕМ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗАСЛУЖЕННОГО ВАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВЛ. ВАШКЕВИЧ».

«ОТ ИМЕНИ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННОМОРСКОГО ФЛОТА И ОТ СЕБЯ ЛИЧНО СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ И ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ В РАТНОМ ТРУДЕ НА БЛАГО НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ А. ЕПИШЕВ П. ЕФИМОВ...»

Кроме известных имен, поздравительные телеграммы в адрес генерала армии М. М. Попова прислали и простые офицеры и солдаты. Факт весьма примечательный и говорящий о многом...

«ВАШИМ КОМАНДОВАНИЕМ БЫЛ ПЕРВЫЙ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БРЯНСКИМ ФРОНТОМ ЛИЧНО ЗНАЮ ВАС ПОЗДРАВЛЯЮ ЗВАНИЕМ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БОЛЬШОЕ СПАСИБО ГЕНЕРАЛАМ ГОРТАТАЕВУ ГЕНЬКЕВИЧУ ПОЛКОВНИКУ ЯКУБОВУ ПОДПОЛКОВНИКАМ КОРОБКОВУ БАХТОВУ СТРЫГИНУ

СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ЗАПАСА ГЕОРГИЙ СТАРИКОВ».

«ВСЕ МЫ УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ ПРИШЕДШИЕ ПОД ВАШИМ КОМАНДОВАНИЕМ КО ДНЮ ПОБЕДЫ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЕМ ПРИСВОЕНИЕМ ВАМ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОМНИМ ВАШИ НАПУТСТВЕННЫЕ СЛОВА ПРИ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ ЖЕЛАЕМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ НА СЧАСТЬЕ И РАДОСТЬ НАШЕГО НАРОДА МАЙОР ЗАПАСА ЖУРАВЛЕВ».

«ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ ПОБЕДЫ ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАВОДЧИК СТАНКОВОГО ПУЛЕМЕТА СМОЛИН».

«ДОРОГОЙ МАРКИАН МИХАЙЛОВИЧ БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ ВАШИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ ДЛЯ ВСЕХ КТО В ГОДЫ ВОЙНЫ ПОВТОРЯЛ НАШ ГЕРОЙ ГЕНЕРАЛ ПОПОВ УЗНАТЬ ЧТО СЕГОДНЯ ВАМ ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖЕЛАЮ ВАМ ЗДОРОВЬЯ И РАДОСТЕЙ ВАША ИРИНА ЛЕВЧЕНКО».

«Сынок, я ведь не свадебный генерал, я боевой!»

Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих мемуарах так оценивал генерала армии М. М. Попова: «Маркиан Михайлович Попов был человеком большого военного дарования, умел хорошо разбираться в оперативно-стратегических вопросах. Много мне приходилось с ним встречаться на фронте при проведении серьезных стратегических операций. Война застала его в должности командующего Северным, а затем Ленинградским фронтом, потом его служебная карьера оказалась изменчивой, как ни у кого. Приняв командование войсками Брянского фронта, он показал себя с лучшей стороны и вскоре был назначен командующим войсками 2-го Прибалтийского фронта. Известно и о том, что М. М. Попов являлся командующим двумя армиями и заместителем командующих Сталинградским и Юго-Западным фронтами.

Как видно, М. М. Попов во время войны то повышался по служебной должности, то спускался ниже. Начав войну командующим войсками Ленинградского фронта, заканчивает ее начальником штаба того же фронта. То же самое происходило и с его воинскими званиями. Войну вступил в чине генерал-лейтенанта, а в 1944 году получает звание генерал армии, а заканчивает войну генерал-полковником. И все это при его исключительных способностях, при том, что он был разносторонне образованным военачальником, интересным собеседником и к тому же очень добрым человеком. Но его беда и горе – склонность к выпивке. Просто было больно смотреть, как он, волевой командир, так бесконтрольно вел себя. М. М. Попова ценило Верховное Главнокомандование, с ним не раз вели серьезный разговор в Политбюро ЦК партии. Но строгие внушения и обещания исправиться помогли лишь на какое-то время.

Думаю, что не допущу ошибки, если скажу, что только этот недостаток помешал М. М. Попову в полной мере раскрыть свой военный талант».

Как мы помним, М. М. Попова отстранили от должности командующего войсками Ленинградского фронта не за склонность к выпивке. Не за склонность к выпивке отстранили его и от командования войсками 2-го Прибалтийского фронта. Тогда к чему Маршал Советского Союза А. М. Василевский вообще затронул эту тему? Ведь он же не называет М. М. Попова полководцем, не перечисляет его заслуги, не говорит о вкладе генерала армии М. М. Попова в Победу в Великой

Отечественной войне. Правда, в отличие от главного маршала авиации Голованова, не пишет хотя бы о женщинах...

Любопытно, что после смерти Сталина военная карьера А. М. Василевского резко изменилась. Если в период с марта 1953 г. по март 1956 г. он был первым заместителем министра обороны СССР, то затем его освобождают от занимаемой должности. В августе 1956 г. Василевский становится заместителем министра обороны СССР уже по вопросам военной науки, а в декабре 1957 г., вообще, увольняют в отставку по болезни. Правда, в январе 1959 г. он назначается генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов МО СССР.

Отметим лишь, что об этом уважаемый маршал и полководец в своих мемуарах промолчит. Ведь «правда» о других куда интереснее. Но вот вопрос, зачем? Даже если все было именно так, в хорошей семье обычно избегают распространяться о плохом родственнике. А тут странное «сожаление» и еще более странная «забота» о ближнем. Однако – минуточку. А причем здесь «с ним не раз вели серьезный разговор в Политбюро ЦК партии»? Зачем об этом писать вообще? Генерал армии М. М. Попов не был мальчишкой из комсомольской организации. А если бы и был, то из комсомола его исключили бы однозначно. А тут аж в Политбюро ЦК партии терпят! Странное дело, напоминающее что-то сугубо личное...

В беседе с писателем К. Симоновым (февраль 1965 г.) Маршал Советского Союза И. С. Конев «говорил о том, как после тридцать седьмого года Сталин приглядывался к оставшимся кадрам и брал на заметку людей, которых он собирался выдвигать, на которых собирался делать ставку в будущей войне. Сам он, Конев, ощущал себя одним из таких людей, ощущал на себе внимание Сталина и его заинтересованность.

К таким людям, по его мнению, принадлежали в равной мере Жуков, за выдвижением которого Сталин очень следил и выдвижению которого активно помогал; Павлов, который не оправдал ожиданий Сталина, растерялся в первые дни войны на Западном фронте, но с которым до этого Сталин связывал большие надежды; Маркиан Попов, с которым Сталин тоже связывал большие надежды и не ошибался с точки зрения военных данных этого человека, но Попов сам помешал себе выдвинуться своим все усиливавшимся год от года пьянством».

И снова «сам помешал себе выдвинуться» и «все усиливавшимся... пьянством».

К слову сказать, первая запись в личном деле генерала армии М. М. Попова, связанная с этим, датирована 13 июня 1956 г.: «В качестве

недостатка отмечалось злоупотребление в некоторых случаях спиртными напитками. Главнокомандующим Сухопутными войсками тов. ПОПОВ предупреждался. За последнее время этот недостаток за ним не наблюдается». Вторая запись датирована 6 ноября 1959 г.: «Недостаток, имевший место ранее, как излишнее употребление спиртных напитков, за последние 2 года не наблюдается».

В общем, генерал армии М. М. Попов не валялся пьяным под забором, не бродил пьяным по кабинетам и т. д., а как-то раз в пятилетку мог немножко перебрать по доброте своей души в хорошей компании, забывая, что и в таких кампаниях есть стукачи, наступающие на пятки...

Вот только все эти небылицы про пьянство живут до сих пор, а про самого полководца говорят как-то очень скромненько. Словно «пьянство и женщины» и были его главными победами в жизни. Например, Ф. В. Симонов в книге «Они командовали фронтами» так и пишет о М. М. Попове: «Он был несомненно одаренной личностью, но из-за пристрастия к алкоголю не смог до конца раскрыть свои дарования как во время Великой Отечественной войны, так и после нее». Об этом, словно под одну копирку, сегодня пишут и другие авторы книг и статей.

Но если уж поднимать эту тему, то начинать ее нужно с войны. Например, командир батальона М. Сукнев свидетельствует: «Я уже знал свою норму – стакан водки, больше нельзя. Вино не берет, стакан на меня действовал как 50 граммов. А не выпьешь, из окопа не вылезешь. Страх приковывает. Внутри два характера сходятся: один – я, а другой – тот, который тебя сохранять должен».

Меня как-то вызвали в полк с передовой, что со мной случилось, не знаю. Вытащил пистолет и стал стрелять в землю. И сам не пойму, почему стреляю. Нервы не выдержали».

Ну, это комбат. А вот командующий войсками Ленинградского фронта генерал М. С. Хозин на обвинения в бытовом разложении отвечал так: «Да, два-три раза у меня были на квартире телеграфистки, смотрели кино... Меня обвиняют в том, что я много расходую водки. Я не говорю, что я непьющий. Выпиваю перед обедом и ужином иногда две, иногда три рюмки...» Словом, на фронте пили и солдаты, и офицеры, и генералы.

«Впервые с начала боев под Сумами жители встречали нас цветами – астрами и гвоздиками, – рассказывал автору А. З. Лебединцев. – Подносили кружки с молоком и радушно махали руками, видимо радуясь, что обошлось без стрельбы, крови и разрушений. У завода суэта военных – все мечутся в поисках посуды, так как на спиртзаводе обнаружена цистерна со спиртом и там наполняют всякие емкости, какие только можно найти. Это

ныне мы имеем огромное количество типов банок, бутылок и пакетов от молока, даже непромокаемых сумок, а в ту пору, кроме чугунок, горшка и кувшина, ничего не было. А у солдата фляга да котелок, да и то не у каждого.

Какая тут началась паника! Ездовые набирали в брезентовые ведра для пойки лошадей, повара переворачивали свои кухни, чтобы слить борщ и освободить емкость котла под спирт, а потом разливать его во все, что попадется под руку. Чтобы он не воспламенился, заливали водой огонь в топках. Штабной повозочный рядовой Пискун бросил мне вожжи, а сам убежал с двумя брезентовыми ведрами. Почти каждый солдат имел свой "кран", прострелив в цистерне дырочку бронебойной пулей. Наполняли, пока не спустили весь запас, часть которого ушла в грунт. Всего на сутки мой день рождения упредил такой благоприятный случай поживиться хмельным, чтобы отметить юбилей старшего лейтенанта. На очередной ночевке друзья решили еще раз поздравить меня, и я впервые в жизни пил неразведенный спирт, запивая его холодной водой из колодца». Все именно так и было. На войне...

Троюродный брат М. М. Попова Антонин Александрович всерьез интересовался «проблемой пьянства» своего родственника и выяснил следующее: «Мне не удалось установить, чем за время снятия командарм занимался и как он воспринял отстранение и возвращение на эту же должность? Немудрено, что после таких курбетов невольно и запьешь. В чем Маркиана Михайловича упрекает маршал А. М. Василевский, в то время давая ему весьма доброжелательную лестную характеристику в книге "Дело всей жизни", хотя выпивал он не более других. А на фронте тогда пили все. Не случайно член Военных советов Сталинградского и Юго-Западного фронтов Н. С. Хрущев говорил, что Ватутин генерал необыкновенный, особенный, а "особенность заключалась в том, что он почти непьющий". А. М. Василевский отмечает: "Думаю, что не допущу ошибки, если скажу, что только этот недостаток помешал М. М. Попову в полной мере раскрыть свой военный талант", иными словами, стать маршалом.

И все же он допустил ошибку, анализируя следствие, а не причину. А первооснова лежала гораздо глубже и была сложнее, сочетая в себе целый комплекс фактов. Василевский не знал побудительных мотивов, того, что знал Жуков или догадывался: об "особом отношении Сталина", о грозившей Попову долгие годы расправе. Даже после войны арестована была целая группа генералов, адмиралов и офицеров.

А как отозвалось на его душевном состоянии разжалование и

понижение в должности? Какие переживания испытал он, узнав об исключении отца из партии за сокрытие дворянского происхождения, когда тот вынужден был признать правдивость доноса о 300 десятинах земли в имении, которое он самолично еще в 1900 году продал за 8000 рублей золотом. И как усложнились эти переживания, когда и брат Петр – генерал-майор – понес наказание за "неискренность перед партией", указав в анкете: "сын мещанина". Ведь также заполнена эта злополучная графа и в его давнейшей анкете. Очередь была за ним. Но почему-то обошлось, не тронули, может быть, за заслуги, что ли, перед родиной? Или уже это стало не столь важно... Шапошников – маршал-дворянин, маршал Василевский – сын священника... А сколько седин прибавила ни с чем несравнимая ответственность за десятки тысяч жизней, доверенных ему, его уму, воле, за право решать их судьбу, бросать их в бой, обрекать на смерть, на увечье... Все эти зарубки на сердце такого доброго, мягкого по натуре человека. А ошибки, просчеты оплачивались уже немалой кровью, которые, в свою очередь, не всегда зависели от его воли. Все это тоже лежит на совести, пойдя на сделку с нею, как это было под Идрицей, выполняя приказ Ставки. Их не оправдать известными еще со школьной скамьи рассуждениями Толстого о роли полководца в наши дни. Они наивны в аспекте оснащения армий современными техническими средствами ведения войны. Когда неизмеримо возросла роль и ответственность общевойскового начальства, обеспечивающего взаимодействие частей и соединений, родов войск. (...)

Кстати, любопытное наблюдение: наличие некоей двойственности отношения М. М. Попова к своим обязанностям. Однако одно дело фронт, другое семья. В первом случае – высокая ответственность, во втором – некоторая инертность. Так, в подготавливаемой боевой операции учитываются все составляющие элементы, ее обстановка. Особое значение приобретает разгадка замыслов противника, вероятности его ответного удара. Предусматривается парирование действий врага, их вариантность во времени и пространстве. Как в шахматах, где загодя, наперед продумывается ход с одной и с другой стороны.

Для достижения поставленной задачи с минимальными потерями в личном составе и технике решение принимает только он. Именно он ответственен за ее исход, в том числе и за множество человеческих судеб. Что же касается его семейной жизни, то здесь много было передоверено жене. В сложившихся обстоятельствах он, как муж, ответственный за сохранение семьи, не проявил такой необходимой инициативы в поисках согласия. Как волевой командир, не настоял на примирении. События стали

развиваться спонтанно, в зависимости от сиюминутных побуждений, не всегда взвешенных причин и в итоге привели к разводу. Много лет спустя Клавдия Ильинична поведала мне, что Марк, находясь на фронте, когда хотел поговорить с ней по телефону, то ее к аппарату в Генштабе на машине привозил и отвозил этот несчастный полковник, "роман" с которым придумал Михаил Петрович: отсюда и "катание на машине".

Конечно, в этой драматической истории немаловажную роль сыграла и разность в культурах. В довершение всего – у него и сложные отношения с людьми, засевавшими в высоких властных креслах.

Из всего сказанного, пожалуй, и складывается та первооснова, которая не была известна А. М. Василевскому, и которая являлась питательной средой для проявления упоминаемого им недостатка. Специфику этого недостатка своеобразно объясняет Валентина Михайловна, сестра его. "В роду Поповых все пили, но не упивались... И Марк прибегал к этому, чтобы снять напряжение нервов, когда они на пределе, чтобы отвлечься от засевшей в душе муки – обиды, несправедливости. К тому же это увеличение стало заметно проявляться вслед за разводом и разлукой с сыном".

Если же взискательно проанализировать все сказанное о М. М. Попове людьми, соприкасавшимися с ним, то окажется, что на фронте, в боевых условиях об этой склонности генерала не может быть и речи. Об этом ни звука не упоминает маршал Жуков, у которого Попов был командармом и в жизни, и к работе которого он присматривался (по заданию сверху!) на Сталинградском и Брянском фронтах. Не говорят об этом и начальник его штаба на двух фронтах генерал Сандалов, "почти год живший с ним бок о бок", а также этот факт не находит места и в воспоминаниях генерала Штеменко, знавшего его с 1942 года и более месяца пробывшего в штабе 2-го Прибалтийского фронта весной 1944 года; не говорят об этом ближайшие помощники М. М. Попова по Ленинградскому фронту в 1941, 1944—45 годах. Очень веским, мне кажется, является свидетельство его первой жены.

"За 18 лет совместной жизни, – призналась Клавдия Ильинична, – я ни разу не видела Марка пьяным. Выпивать – выпивал, как и все русские люди, и предосудительного в этом нет ничего. Но чтобы его тянуло к выпивке – такого не было ни в мирное время, ни в военное. На фронте-то я жила у него. А вот после войны – другое дело. Шурик еще не был женат, как позвонил он и сказал, что на несколько часов прилетает в Ленинград и хочет встретиться. Тот пригласил его к нам, но Маркиан Михайлович, избегая встречи со мною, предложил другое место. И там он нагурился

изрядно. Тоже и в Москве на похоронах свекра – Михаила Петровича. Я была там, – залил основательно!" Но тут, может быть, и извинительно... отец все-таки.

Таким образом, не эта "склонность" помешала продвижению Маркиана Михайловича на высшую ступень служебной лестницы, а нечто другое, о чем упоминалось выше, и отнюдь не из области догадок».

И еще некоторые факты, собранные по крупицам А. А. Поповым. На следующий день после Указа о присвоении звания Героя Советского Союза, «на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном этой знаменательной дате, среди названных выдающихся военачальников страны еще раз прозвучало имя Маркиана Михайловича Попова. Его честолюбие было удовлетворено.

– А на большее он уже не рассчитывал, – отметила его сестра Валентина Михайловна и рассказала об одном эпизоде, который не дает основания обвинить автора в стремлении "улучшить" действительный образ генерала Попова.

– Собрались все мы, чтобы семейно отпраздновать это событие. Брат Петр, шутя, предложил выпить за маршальские звезды, на что помрачневший Маркиан ответил: "Не бывать этому, Булганин перебежал дорогу... Да и мои личные возможности уже не те". Он стал все чаще прикладываться к рюмочке, и особенно после смерти матери, любимцем которой он всегда был, – не умолчала она и о другом. – Тут повинна и Серафима Алексеевна, вместо того, чтобы повлиять на него, как-то ослабить эту тягу, – сама составляла ему компанию, вошла во вкус. Правда, из этого он тайны не делал и позволял себе только в нерабочее время, никогда не теряя контроля над своими поступками. Именно в эти годы дал о себе знать недостаток, о котором говорил А. М. Василевский.

Буквально днями после указа состоялся мой разговор с Маркианом Михайловичем по телефону. Будучи в кабинете дочери, я по вертушке набрал его служебный номер (данный мне Валею). Он оказался на месте. Поздравил его с получением высокого звания, с пожеланием всех благ, передав поздравления и от брата, который уже тяжело болел. Это был мой последний разговор с ним.

С переездом в Москву свидания с сыном стали чаще. На зимние и весенние каникулы он приезжал к деду с бабкой, дяде и тетке. Незаметно окончена школа, под влиянием матери поступает в электротехнический институт связи имени Бонч-Бруевича, она ни за что не хотела, чтобы он стал военным.

И вот Шурик уже инженер. Приезжая в командировки, по-прежнему

останавливался на Гончарной набережной. А однажды заглянул к отцу, встретился с Серафимой Алексеевной, познакомился с Ириной, сводной сестрой, внешне весьма милостивой, но мало родственной девушкой. "Это был спокойный, уверенный в себе молодой человек, с хорошими манерами прекрасно играющий на рояле".

– Надо отдать должное тете Клаве, – упоминает племянница Татьяна Петровна, – она многое сделала для воспитания Саши, моего двоюродного брата. У меня же лично он вызывал в памяти образ отца в молодости и нравился как человек, трагически погибший в 80-е годы, будучи сбит проезжавшей автомашиной. Они оба стоят передо мною как живые.

И вдруг генералу звонок: "Отец, я женюсь, свадьба тогда-то, приглашаю".

Клавдия Ильинична говорит, что дела не позволили ему приехать, ограничился подарком. А через год поздравили его с внуком Дмитрием.

В 1965 году после всех торжеств, застолий и возлияний Маркиан Михайлович угодил в госпиталь, видимо, "зарубки" давали о себе знать. Здесь он и увидел внука Диму, трехлетнего малыша, которого Саша с женой привезли показать деду.

– Деда я смутно припоминаю, – говорит инженер-программист Дмитрий Александрович Попов, – но отчетливо представляю его колено, очень высокое, на которое я пытаюсь забраться...»

В октябре 1967 г. после тяжелой болезни умер Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Министром обороны СССР на долгое десятилетие станет Маршал Советского Союза А. А. Гречко (1903–1976).

С одной стороны, однокашник Маркиана Михайловича по академии, а с другой – человек весьма своеобразный...

Первые дни войны подполковник А. А. Гречко работал в Генеральном штабе, когда генерал-лейтенант М. М. Попов командовал Северным фронтом. В июле 1941-го назначен командиром кавалерийской дивизии. В январе 1942-го – командир 5-го кавалерийского корпуса. Затем командовал армиями (с апреля), в том числе 12-й, 47-й, знаменитой 18-й (где служил политработником Л. И. Брежнев), 56-й, 1-й гвардейской. Выше армии поднимался всего лишь раз, и то на два месяца, когда с октября по декабрь 1943-го был заместителем командующего войсками Воронежского (1-го Украинского фронта). После войны аж до 1953 года командовал войсками Киевского военного округа. В 1953-м сменил в Германии Чуйкова. О том, как это было, поведаёт В. П. Брюхов в «Воспоминаниях танкового аса»: «На столе зазвонил звонок – вызывал Главком. Я вошел в кабинет:

– Слушаю вас, Василий Иванович.

– Василий Павлович, ты знаешь, что сегодня самолетом прибывает новый Главком генерал Гречко. Бери две-три машины и поезжай на аэродром: встретьте его, предварительно уточнив время прилета. Он едет с женой, а дети и порученец придут позже. Проверь гостевой домик и размести его там.

Выслушав Чуйкова, я предложил:

– Василий Иванович, может, лучше встретит Гречко один из ваших замов?

– Поезжай, а заместители после с ним познакомятся. Я считаю, ты вполне справишься с этой миссией.

– Слушаюсь! – Я вышел, отдал необходимые приказания и поехал на аэродром. И тогда, и сейчас меня удивляло отсутствие не только дружбы между бывшими командующими армиями и фронтами, но даже элементарного уважения друг к другу. Никто из главкомов лично не встречал крупных военачальников, прилетавших на отдых, – за исключением тех случаев, когда их связывали родственные отношения. Так, например, Чуйков лично встречал маршала Тимошенко, поскольку его дочь была замужем за сыном маршала.

По дороге я подумал, что все же лучше бы поехал член Военного совета или начальник штаба Группы войск, – мелковат я для этой миссии... Приехав на аэродром Шенефельд, я осмотрелся, уточнил время прилета. Вскоре приземлился самолет. Пассажиры спустились по откидному трапу. Их было не много, поскольку офицеры жили без семей, и летевших в Группу и обратно было мало. Летевший в салоне для важных персон генерал-полковник Гречко, рослый, сухощавый, подтянутый, с каменным выражением лица, появился одним из последних, а следом за ним шла его уже порядочно располневшая супруга Клавдия Владимировна. Летчики помогли ему вынести два чемодана.

Подъезжаю, докладываю:

– Товарищ Главнокомандующий! Подполковник Брюхов, офицер для особых поручений Главкома, прибыл для вашей встречи.

Гречко посмотрел на меня с высоты своего почти двухметрового роста. В его взгляде чувствовалось презрение. Жена тут же прокомментировала: "Вот тебе и встреча... Я говорила, чтобы ты позвонил. Вот и получай!" Гречко промолчал, но побагровел, желваки на лице зашевелились. Он процедил сквозь зубы: "Вези, куда приказали". – "В гостевой домик. Там хорошо, уютно. Вокруг небольшой сад. Тихо, удобно..." Мы все погрузились в одну машину: я сел на переднее сиденье, Гречко с женой – сзади. Ехали молча: говорить не о чем, да и неуместно.

Разместив нового Главкома в чистеньком, уютном, красивом немецком особняке, я передал Гречко желание Чуйкова с ним встретиться, на что получил резкое:

– Во встрече я не вижу надобности. Когда соберется и уедет, тогда доложите мне и поедем в штаб.

Я откланялся и постарался быстрее убраться восвояси и вскоре доложил Чуйкову, что разместил нового Главкома и отдал необходимые распоряжения по его обслуживанию. Вскользь я упомянул, что Гречко от встречи отказался.

– Ну и хорошо, не велика птица, обойдемся».

Как отмечает военный журналист М. А. Захарчук, «разница между Малиновским и Гречко состояла в том, что первый был в основном хорошим министром обороны и во вторую очередь – политиком, а второй являл собой удивительный сплав и крепкого военачальника, и еще более изощренного политика». Оно и видно...

По воспоминаниям генерала армии В. Варенникова, маршал Гречко не забывал подчеркивать свое звание: «"Здравствуй, солдат", – сказал министр. "Здравия желаю, товарищ генерал", – поднялся солдат в своей ячейке на ноги. "Я – маршал. Солдату надо знать знаки различия". – "Здравия желаю, товарищ маршал... Советского Союза", – помог кто-то из нашей группы. Солдат повторил: "Здравия желаю, товарищ маршал всего Советского Союза". – "Вот именно: всего Советского Союза", – подхватил Гречко...»

Андрей Антонович был заядлым болельщиком и ходил на все матчи ЦСКА. Говорят, что много хорошего сделал для клуба: новый стадион, манеж, базу в Архангельском и массу других спортивных сооружений. О себе тоже никогда не забывал. Вдова маршала бронетанковых войск М. Е. Катукова Е. С. Катукова характеризует Гречко как надменного, равнодушного и черствого человека, который считал, что «ему дозволено, все можно». Например: «"Дочкам-внучкам-правнучкам" маршала Гречко А. А. предоставили квартиры в центре Москвы – на Новом Арбате. Хотя этим "дочкам" было всего 5 лет и они не были сиротами.

У маршала А. А. Гречко была одна дочь – Татьяна. Она родила двух девочек-близнецов. Маршал удочерил их, и они стали "дочками" маршала Гречко. "Внучки-дочки" выросли, вышли замуж и тоже родили по одной дочке. А. А. Гречко удочерил и этих правнучек, они тоже стали "дочками" маршала. Им-то, при живых родителях и бабушках, государство за счет Министерства обороны СССР выделило по отдельной квартире в центре Москвы. Для маршала А. А. Гречко законов не существовало. После его

смерти этим "дочкам" назначили пенсии за счет государства, к ним были прикреплены гувернантки, оставлено право пользования автотранспортом, выделены особые пайки».

А еще маршал писал мемуары... Рассказывает М. А. Захарчук: «Подполковник Дмитрий Муратов почти два года работал над книгой Гречко "Битва за Кавказ". Наконец, она вышла в "Воениздате". "Спустя какое-то время, – вспоминает Дима, – меня вызывает Андрей Антонович. Иду, поджилки дрожат. Наверняка, думаю, какой-то ляп случился. Захожу, докладываю. Маршал приглашает сесть, наливает коньяк. Выпили. Он подходит к сейфу, открывает его и достает, как потом оказалось, шесть тысяч рублей! Я на них «жигуль» купил. Ну, шесть – семь пачек я в карманы брюк засунул. А остальные – куда?" – "А ты, – говорит Гречко, – за пазуху их положи. Честно заработал"». Вот только маршал отдал гонорар не полностью. Немножко оставил себе, вроде как на партвзносы...

31 октября 1967 г. в честь 50-летия Октябрьской революции 1917 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден орден Октябрьской Революции. 22 февраля 1968 г. этим орденом впервые были награждены 16 военачальников: И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, К. А. Вершинин, Н. Н. Воронов, Ф. И. Голиков, С. Г. Горшков, А. И. Еременко, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Н. И. Крылов, К. А. Мерецков, К. С. Москаленко, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, С. К. Тимошенко, В. И. Чуйков. Сам Маршал Советского Союза Гречко получил шестой по счету, но зато высший орден Ленина. А заслуги своего однокашника по академии, командовавшего в годы войны фронтами, оценил на самый низший орден Красной Звезды. Им генерал армии М. М. Попов будет награжден также Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1968 г., в связи с 50-летием ВС СССР за заслуги в укреплении оборонной мощи Советского государства. Будто его заслуги были самыми маленькими или ничтожными... Плевок, да и только...

Зять полководца, Валерий Яковлевич Баталеев, – человек обаятельный и коммуникабельный. Общаться с ним – одно удовольствие. Полковник запаса, выпускник Военного института иностранных языков (работал в ряде стран Латинской Америки), кандидат философских наук, автор поэтических сборников. В его памяти Маркиан Михайлович остался добрым, снисходительным и все понимающим: «Очень мало восхищений, мало эмоций, мало огорчений, – говорит он, на секунду задумавшись. – Мудрый, выдавший виды, состоявшийся человек. Когда я пришел первый раз курсантом в дом генерала армии Попова, то вместо "Здравствуйте!"

сказал ему: "Здравия желаю!" На что Маркиан Михайлович ответил с улыбкой: "Мы же не в казарме. Давайте по-человечески. Не нужно этого. Наслушался". Он не любил пафоса и предпочитал говорить о человеческих качествах на войне и в жизни. Никогда не говорил о плохом, даже если его подставляли. Никого и никогда не осуждал. В нем буквально чувствовалась былая требовательность к подчиненным и снисхождение к солдату».

Достаточно сказать, что личный шофер генерала армии М. М. Попова Иван Михайлович еще целых 15 лет после смерти полководца, которого он возил до последних дней, передавал семье его дочери Ирине Маркиановне 2–3 раза в году грибы со своей дачи.

Про свою тещу, Серафиму Алексеевну Попову, Валерий Яковлевич рассказывает буквально следующее: «Очень красивая женщина в этапе расставания с молодостью. С большим уважением к мужу. Их отношения были вполне нормальными. Могла быть немного раздраженной, если что-то не нравилось. Вызывающая интерес у мужчин.

Однажды приезжает на дачу в Архангельское адъютант. Срочно приглашают на прием в посольство. Она тут же бежала с огорода, прихорашивалась и одевала такие длинные перчатки с кольцом.

Про кольцо отдельная тема. Серафима Алексеевна его никогда не снимала, но уже после смерти оно обнаружилось в нише старинного буфета в квартире на Смоленской набережной со скрученной двадцатипятирублевой купюрой внутри. Серафима Алексеевна его забыла впервые...»

Синий австралийский сапфир. Сапфиром геммологи называют корунды всех цветов, кроме красного. Само же слово «сапфир» произошло от греческого «сафайрос» – синий или голубой камень от названия острова Сапфирин в Аравийском море. Обычно, когда говорят «сапфир», имеют в виду именно синий сапфир. В других случаях название цвета ставится перед названием камня...

Вокруг этого старинного в платине сапфира переливались и сверкали маленькие осколки бриллиантов.

Сапфир всегда считался камнем, дающим верность, целомудрие и скромность. По древнеевропейским понятиям, он – символ справедливости. По индийским поверьям, магическая сила самоцвета зависит не только от его наименования, но и от его качества. Поэтому камень с дефектами опасен: он лишает владельца радости и веселого общества. Тому, кто носит сапфир цвета хмурого облака, он принесет массу неприятностей. Тому, кто носит зернистый сапфир, суждено жить в нищете и изгнании. Если сапфир с трещинами – не избежать опасности...

После трагической смерти четы Поповых это кольцо будет носить их дочь Ирина Маркиановна. Ее жизнь также оборвет внезапная смерть в 1994 году. Только потом выяснится, что на этом кольце была не заметная глазу трещина.

Валерий Яковлевич Баталеев даже посвятит этому сапфиру стихотворение, так и назвав его – «Сапфир»...

Когда, по прошлому тоскуя,
Ломлюсь я в памяти лабаз,
Одну приметую роковую
Встречаю там в который раз.

Из всех чудес, что сберегает
Капризный подсознания мир,
На свет упрямо выплывает
Старинный в платине сапфир.

Лаская искрами эфира
Прозрачных граней переплет,
Небес загадочная лира
В нем оду к радости поет.

Но в глубине, где легкой дымкой
Подернута голубизна,
Едва заметною шерстинкой
Застыла трещинка одна.

В косых лучах дневного света
И в отблеске ночных свечей
Она пронзает, как стилетом,
Идиллию полутеней.

Молчат веков седые дали.
Не выдаст тайны ювелир,
Какие дамы надевали
На палец синий тот сапфир,

Ловя флюиды обольщенья
Душой наивною Леды,

Не слыша в гамме восхищенья
Намеки тонкие беды.

Какая страсть их взор мутила,
Лишая разума и сна?
В какие дали их манила
Сапфира синяя волна?

Молчат о том седые были,
Но вот, на памяти моей
Две женщины его носили
И сгнули во цвете дней.

В одной из биографий Маркиана Михайловича написано, что генерал армии Попов погиб в результате несчастного случая – во время пожара на даче. По другой версии, «он сгорел вместе с любовницей, во время пожара на даче, куда пара отправилась после торжеств по случаю ленинской годовщины 22 апреля 1969 года». Есть и еще одна, появившаяся в недрах Интернета, еще более оскорбляющая память генерала армии М. М. Попова: «В апреле 1969 года генерал Попов, его молодая жена и любовник его молодой жены целый вечер пили на даче Попова и допились до невменяемого состояния, причем любовник жены заснул с горящей сигаретой во рту, которая выпала на матрац, набитый сухой соломой».

Среди народных пословиц и поговорок есть и такая: «Бабы сплетни хуже плетки – секут не жалеючи». Еще хуже, когда сплетни мужские...

Антонин Александрович Попов «подробности разыгравшейся трагедии» с 21 на 22 апреля 1969 г. узнал, что называется, от десятых лиц: «Трагедия произошла на даче. Дни стояли погожие, и он вместе с Серафимой Алексеевной уже несколько дней, как перебрались в Подмосковье. В понедельник 21 апреля он приехал из Москвы поздно, показал порученец, поужинали после прогулки, и, как обычно, легли спать.

Порученец утром 22 апреля никак не мог достучаться, разбудить своего генерала и его жену. Дверь не открывали. Обеспокоенный, с кем-то из приглашенных вскрыли дверь и обнаружили в квартире газ, раскрыли окна, зашли в спальню, а они оба мертвы. Газ каким-то образом, Валя этого не знает, из полуподвала, где находились баллоны, проник в спальню. Специальная комиссия не нашла "умысла", приписав все несчастному случаю. Так вот и оборвалась жизнь этого далеко не заурядного человека».

Однако все было не совсем так...

Рассказывает зять полководца Валерий Яковлевич Баталеев: «Я узнал о смерти Маркиана Михайловича, когда учился в Военном Институте иностранных языков на третьем курсе. Мне было 22 года. Утром позвонили и попросили явиться к своему начальнику. Выдали увольнительную на три дня, и я поехал. Увидел всю трагедию случившегося. Помню, включился в это дело и делал все, что было необходимо. Как мог, утешал свою молодую жену – дочь генерала армии. И там я спросил: "Что все-таки случилось?"

Был адъютант, он и рассказал: "Сегодня рано утром в поселке Архангельское произошел пожар. Потом приехали пожарные и все быстро потушили. Работает следствие". Все, что я помню. Какая причина пожара, никто, естественно, сразу сказать не мог. Были попытки связать это происшествие с каким-то убийством. Мол, в нашей стране кто-то покусился на генерала армии, хотя он уже тогда находился в Группе и не занимал ответственных постов в Министерстве обороны СССР. Позднее в военную прокуратуру вызывали жену, где ей объяснили основные причины того пожара. Это было курение. Пожар начался только в одной комнате. В другой комнате нашли тела генерала и его супруги. Это все в документах следствия было изложено.

Если припомнить, а я там был всего два раза, в той комнате, где они спали, где была спальня, там не было ничего. Пожар начался где-то в другом месте. Потом сказали, что там был третий человек. Он был вместе с ними в тот вечер и не уехал. Остался ночевать. Ведь Поповы все время курили. И в постели курили. Такая у них привычка была. Я помню, как однажды на Смоленской набережной Маркиан Михайлович позвал меня: "Валер, Валер!" Я постучал в их комнату, а он лежал в постели, и у него в руке была полная пепельница: "Отнеси, пожалуйста, и принеси мне новую пепельницу", – попросил он. Когда я принес, он тут же закурил, а потушив одну сигарету, прикурил вторую. От чего начался пожар, теперь понятно. Серафима Алексеевна тоже курила. Гость Поповых курил. В общем, чья-то сигарета была плохо потушена. Но установили точно: пожар был без злого умысла. Несчастный случай.

Затем я участвовал в похоронах Маркиана Михайловича и бросил горсть земли в его могилу. Прошло время. На девять дней в доме на Смоленской набережной собрались все родственники и друзья. Почтили память и часов в 11 разошлись».

К слову сказать, Серафима Алексеевна проснулась первой и сразу же стала спасать супруга. Она тащила Маркиана Михайловича к выходу, но у нее не хватило сил. Их так и нашли вместе у самых дверей...

Гость же спал в другой комнате, на софе, а не на каком-то соломенном матраце. Он и заснул там с сигаретой (возможно, и в кабинете генерала армии). Пожар был где-то там. Серафима Алексеевна и Маркиан Михайлович задохнулись в дыму.

Третьим, как выяснило следствие, был некий В. А. Запорожец. Это сын известного советского политработника...

Выдвинувшись в ходе репрессий, Александр Иванович Запорожец быстро стал начальником Главного управления политической пропаганды – Главного политического управления РККА, а затем и заместителем народного комиссара обороны СССР. Имел звание армейского комиссара 1-го ранга, что приравнивалось к командарму 1 – го ранга. Однако летом 1942-го был снят с должности члена Военного совета Волховского фронта и понижен в звании. С Маркианом Михайловичем он мог познакомиться, когда был членом Военного совета 63-й армии на Брянском фронте. В октябре 1943-го генерал армии Попов вместе с Л. З. Мехлисом подписали на него наградное представление к ордену Отечественной войны 1-й степени. Затем их судьба вновь свела в Таврическом военном округе, куда генерал-лейтенант Запорожец был назначен заместителем по политической части командующего войсками. Свою службу известный политработник закончил в Военно-инженерной академии им. Куйбышева на должности начальника политотдела. Умер в 1959 г.

При своей жизни генерал Запорожец, как мог, продвигал карьеру своего отпрыска. Правда, сначала Владимир послужил рядовым и помощником командира взвода в кавалерийской дивизии на Центральном фронте (декабрь 1942 г.). Затем его зачисляют курсантом Сталинградского артиллерийского училища (август 1943 г.), где после выпуска он остается командиром взвода курсантов (сентябрь 1945 г.). В октябре 1945-го он – командир батареи гвардейского конно-артиллерийского полка в Донском округе (член Военного совета его отец). А через два месяца снова в родном Сталинградском училище – командир батареи курсантов. Именно отсюда в декабре 1947-го он уезжает в Военную академию им. Фрунзе.

Проходит три года, и Владимир уже офицер оперативного отдела штаба Южно-Уральского военного округа (декабрь 1950 г.). Летом 1952-го его назначают офицером – оператором направления внутренних округов в Оперативном управлении Главного оперативного управления Генштаба.

По доброте души Маркиан Михайлович оказывал посильную помощь сыну Запорожца после академии. Например, через заместителя начальника Генштаба генерала армии Штеменко. Однако в мае 1953-го Владимира выводят в распоряжение и переводят из Генштаба в штаб отдельной

гвардейской стрелковой бригады Московского военного округа на должность помощника начальника оперативной части. Как раз в июне 1953-го снимают и понижают в звании СМ. Штеменко. И это не совпадение.

Через несколько месяцев Владимира переводят на равную должность в гвардейскую стрелковую дивизию МВО. Еще через год назначают заместителем начальника оперативного отделения этого соединения.

Но как только в Москву возвращается Маркиан Михайлович, карьера Владимира снова идет «на поправку»: офицер по МПВО отдела ПВО МВО (январь 1956 г.), офицер по МПВО 1-го отдела начальника ПВО войск ПВО МВО (октябрь 1958 г.), офицер 1-го отдела Оперативного управления штаба МВО (июль 1959 г.), старший офицер по театру военных действий 1-го отдела Оперативного управления МВО (июль 1962 г.), старший офицер 1-го отдела Оперативного управления штаба МВО (октябрь 1964 г.).

В 1944-м – младший лейтенант, в 1945-м – лейтенант, в 1948-м – старший лейтенант, в 1951-м – капитан, в 1956-м – майор, в 1960-м – подполковник.

А в 1967-м происходит непонятный перевод с резким понижением на должность преподавателя тактики курсов по подготовке офицеров – командиров взводов при Московском высшем общевойсковом командном училище им. Верховного Совета РСФСР.

О том, что случилось, можно только догадываться, но еще через год подполковник В. А. Запорожец приказом главнокомандующего Сухопутными войсками увольняется в отставку по болезни, с правом ношения военной формы. Ему всего 42 года.

Отца давно нет, но есть добрый Маркиан Михайлович Попов, всячески помогавший ему и в какой-то степени заменивший отца. Владимир Александрович иногда приезжал к генералу армии в гости поговорить.

В. Я. Баталеев помнит его как умного, ироничного, мягкого человека, с ощущением потерянности и грусти. Наведывался он к генералу не более трех раз в году. Всегда с коньяком и конфетами. Разговаривали они о жизни, абсолютно не стесняясь ни зятя, ни других членов семьи.

В очередной раз Владимир Александрович приехал в тот роковой день 21 апреля, крепко выпил и заснул на фоне своих грустных мыслей с сигаретой. И случилось то, что случилось...

Гроб с телом генерала армии М. М. Попова установили в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской армии. Доступ для прощания с покойным был открыт 25 апреля с 12.00 до 14.00, а в 15.00 на

Новодевичьем кладбище состоялись похороны военачальника. Некролог подписали 39 генералов и маршалов...

Очень тяжело утрату переживал родной брат Маркиана Михайловича Петр Михайлович Попов (1906–1973) – генерал-майор (1953), начальник управления вооружения зенитной артиллерии (1953–1956), начальник факультета Военной инженерной академии им. Дзержинского (1956–1966), лауреат Сталинской премии 1-й степени за создание зенитных комплексов (1948).

Петр Михайлович окончил Артиллерийскую школу (1927), Бронетанковые курсы усовершенствования комсостава (1936), Артиллерийскую академию РККА им. Дзержинского (1937).

О нем можно было бы рассказать немало интересного. Например, в журнале «Техника – молодежи» за 1993 год в № 3 о Петре Михайловиче Попове выйдет статья Германа Смирнова «Попов, брат Попова» в рубрике «Встречи с великими стариками».

А тогда, 25 апреля, после похорон, младший брат почему-то вспомнил слова старшего брата: «Приходится только пожалеть, что за все послевоенные годы мне не удалось ни разу побывать в Новоржеве. Но хочется верить, что обязательно побываю там, поброжу по его улицам и окрестностям, а может быть, повстречаюсь с друзьями детства и юности».

Не получилось...

На свадьбу дочери в феврале 1968 г. Маркиан Михайлович пришел в сером буклевом пиджаке. На лацкане сверкала медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Это была относительно скромная свадьба на 60 человек в кафе парка «Сокольники». Генерал армии тогда выпил совсем немного и ровно через три часа уехал с Серафимой Алексеевной в Архангельское.

Зять полководца прекрасно помнит, как он попросил тестя прийти на свадьбу в полной парадной форме, на что тот ответил, как всегда, с улыбкой:

– Сынок, я ведь не свадебный генерал, я боевой!

Вместо послесловия

Февраль 2015 года. Москва. Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации...

Не спеша мы поднимаемся на второй этаж в зал № 13 «Битва на Курской дуге», где в центральной части расположена фотокомпозиция «Бой на Курской дуге». На переднем плане находятся образцы оружия, в том числе советская 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2 и кусок бортовой брони немецкого танка Т-VI «Тигр», пробитый снарядом такой пушки...

Где-то здесь есть коллекция экспонатов, принадлежащих командующему войсками Брянского фронта генералу М. М. Попову...

Без особого труда мы находим ее...

Под стеклом музейной витрины с фотографии на нас смотрит еще молодой Маркиан Михайлович. Чуть ниже его личный пистолет системы Маузера образца 1908 г. с гравировкой. Немного левее – перископическая стереотруба. А вот копия донесения Военного совета Брянского фронта об освобождении г. Орел и отличившихся при этом соединениях. Есть фотография освобожденного города. Правее личной фотографии государственные награды генерала армии Попова: медаль «Золотая Звезда», пять орденов Ленина (1941, 1945, 1952, 1962, 1965), три ордена Красного Знамени (1944, 1944, 1950), два ордена Суворова 1-й степени (1943, 1943), два ордена Кутузова 1-й степени (1944, 1945), орден Красной Звезды (1968) и медаль «XX лет РККА».

Рядом со мной его внуки: Дмитрий Валерьевич и Алексей Валерьевич Баталеевы... Мы внимательно рассматриваем полководческие ордена их деда, что-то говорим, а потом в какую-то минуту замолкаем. Наступает мертвая тишина. Рядом никого нет. Видимо, каждый думает о своем...

В это мгновение я внимательно смотрю на Дмитрия и вспоминаю слова его отца: «Дима родился 8 марта 1969 года. А через какое-то время на внука приехала посмотреть Серафима Алексеевна, теща. Когда она его увидела, то, подобрав лицом, сказала:

– Это вылитый Маркиан!»

И действительно, Дмитрий Валерьевич – вылитый Маркиан Михайлович Попов...

Внуки помнят и гордятся своим дедом. А жизнь продолжается, несмотря ни на что...

Источники и литература

- *Алексеев М., Исаев Е., Стаднюк И.* Если говорить о чести. Литературная газета от 16 декабря 1987.
- *Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М, 2012.
- *Анфилов В. А., Голиков Ф. И.* Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. М., 2005.
- *Баграмян И.Х.* Так мы шли к победе. М., 1977.
- *Баталеев В.* Вечерний звон. Сборник стихотворений. М., 2008.
- Беседа Константина Симонова с генералом Михаилом Лукиным: Войска дрались растопыренными пальцами. Новая газета № 18 от 20 февраля 2015.
- *Болдин И. В.* Страницы жизни. М., 1961.
- *Боднар Г.* Советизация Львова – как это было. Украина модерна от 6 марта 2015.
- Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М. – СПб., 2004.
- *Брюхов В.* Танкисты Великой Отечественной войны. Воспоминания танкового аса. М., 2010.
- *Бычевский Б. В.* Город-фронт Л., 1967.
- *Бычевский Б. В.* Командующий фронтом. М., 1974.
- *Васильев Б.* Аты-баты, шли солдаты. М., 2006.
- *Ведина Т. Ф.* Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения. М., 2008.
- Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1984.
- *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963.
- *Волкогонов Д.* Сталин. Политический портрет в двух книгах. М, 1996.
- В Сибири рожденное. Страницы истории Омского высшего общевойскового командного училища им. Фрунзе. Омск, 1987.
- *Гальдер Ф.* Военный дневник. 1941–1942. М, 2003.
- *Ганин А.* Чапай в Академии. Родина № 4, 2008.
- *Ганкевич В. М.* Конец группы «Норд». М., 1965.
- *Гареев М.* Рейтинг выдающихся деятелей и полководцев Второй мировой войны. ВПК № 15 (82) за 27 апреля 2005.
- *Геуст Карл-Фредерик.* Советские бомбардировки Финляндии в июне

1941 года. *Авиация и время* № 2, 2005.

- Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М., 2011.
- Георгий Жуков. Россия XX век. Документы. М., 2001.
- Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА. *Российский исторический журнал* № 1, 1999.
- Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. М., 2004.
- Голиков Ф. И. В Московской битве (Записки командарма). М., 1967.
- Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М., 2004.
- Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002.
- Гранин Д. Мой лейтенант. М., 2012.
- Григоренко П. Г. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981.
- Группа Генеральных инспекторов. Сайт МО РФ.
- Дайнес В. О. Маршал Конев. М., 2014.
- Дзенiskeвич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев ГЛ., Цамутали А. Н., Шишкин В. А. Непокоренный Ленинград. М., 1985.
- Дороговоз И. Железный кулак РККА. Создание автобронетанковых войск. Военное обозрение от 19 марта 2013.
- Дороничев В. А. Особенности подготовки, прохождения службы и материальное положение красных командиров в начале 20-х годов XX века. Сайт «РККА». Интернет.
- Дьяков Д. Белая ворона Красной армии. Интернет.
- Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь, 2004.
- Еременко А. Е. Сталинград. М., 2013.
- Жадов А. Генерал армии М. М. Попов. ВИЖ № 10, 1972.
- Жадов А. С. Четыре года войны. М., 1978.
- Жирнов Е. Усадебный марш. *Коммерсант-Власть* № 19, 2007.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В трех томах. М., 1985.
- Закон о всеобщей воинской обязанности. Ведомости Верховного Совета СССР № 42, 1967.
- Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.
- Захарчук М. А. Маршал всего Советского Союза. Столетие от 17 октября 2013.
- Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды: Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М., 2006.
- Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990.
- Исаев А. В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую

мы не знали. М., 2006.

- *Казаков М.И.* Над картой былых сражений. М., 1971.
- *Карелл П.* «Барбаросса»: от Бреста до Москвы. Пер. с нем. А. Уткин. Смоленск, 2003.
- *Карпов В.* Маршал Жуков. Опала. М., 1994.
- *Карпов В.* Генерал армии Черняховский. М., 2006.
- *Катукова Е. С.* Памятное. М., 2002.
- *Кислицын И.* Погоны и личности. М., 1994.
- Командармы. Великая Отечественная. Военный биографический словарь. М., 2005.
- Комкоры. Великая Отечественная. Военный биографический словарь. Том 1. М., 2006.
- Комкоры. Великая Отечественная. Военный биографический словарь. Том 2. М., 2006.
- Комдивы. Великая Отечественная. Военный биографический словарь. Том 3. М., 2014.
- *Коньков В. Ф.* Время далекое и близкое. М., 1985.
- *Краснов В.* Неизвестный Жуков. М., 2000.
- *Красовский С. А.* Жизнь в авиации. М., 1968.
- *Крупская И. К.* Педагогические сочинения в 10 томах. Том 8. Библиотечное дело. Избы-читальни. Клубные учреждения. М., 1960.
- *Куманев Г.* Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001.
- *Куманев Г.* Рассекреченные страницы Второй мировой войны. М., 2012.
- *Курочкин П.* Генерал армии М. М. Попов (К 80-летию со дня рождения). ВИЖ № 11, 1982.
- *Кучкин А. П.* В боях и походах от Волги до Енисея. М., 1969.
- *Лебединцев А.З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. М., 2004.
- *Литовкин В.* Ретро советикус от Минобороны. НВО от 23 мая 2008.
- Личное дело (копия) генерала армии М. М. Попова из личного архива внука полководца Д. В. Баталеева.
- Личный архив Героя Советского Союза, генерала армии М. М. Попова.
- Личный архив генерал-полковника Л. М. Сандалова.
- *Ломагин Н.* К 70-летию снятия блокады Ленинграда. Неизвестная блокада. Новая газета, Правда ГУЛАГа № 30 от 21 марта 2014.
- *Мальшев В.* Царский офицер, советский маршал. Загадочная судьба командующего Ленинградским фронтом Леонида Говорова. Столетие от 24 января 2014. Интернет.

- *Мальцев Е. Е.* В годы испытаний. М., 1979.
- *Мамонов О. В.* Первый контрудар Сталина. Отстоять Ленинград! М., 2014.
- *Маништейн Э.* Утерянные победы. Смоленск, 1999.
- *Маршалы Советского Союза: личные дела рассказывают.* М., 1996.
- *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 2003.
- *Мильбах В. С.* Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. СПб., 2007.
- *Михалик В., Лемко И.* Львов повседневный (1939–2009). Львов, 2009.
- *Михин П. А.* Артиллеристы, Сталин дал приказ! М., 2006
- *Млечин Л.* Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004.
- *Мурахвер Я.* Подготовка командных кадров Красной армии в годы Гражданской войны. ВИЖ № 6, 1940.
- *Мусский И. А.* 100 великих отечественных кинофильмов. М., 2005.
- Мы располагаем самыми лучшими кадрами. Записки о послевоенном устройстве армии. Источник № 2, 1996.
- На границе тучи ходят хмуро... (к 65-летию событий у озера Хасан). Аналитические материалы. М., 2005.
- На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008.
- *Никонов В. А.* География фамилий. М., 1988.
- *Никонов В. А.* Словарь русских фамилий. М., 1993.
- *Новак В. Н., Шлык Ю. Ф.* Полевая офицерская школа высокого уровня. 180-летняя история курсов «Выстрел». ВИЖ № 2, 2013.
- *Новиков А. А., Новикова С. А.* Война, авиация, жизнь... М., 2000.
- *Новобранец В.* Я предупреждал о войне Сталина. Записки военного разведчика. М., 2009.
- ОАО «206 Бронетанковый ремонтный завод». Интернет.
- *Пауль В.* В гуще боя – История 6 танковой дивизии (1 легкой) (1937–1945). Пер. с нем. Д. И. Никитин. Krefild: Hontiges-Verlag, 1977.
- *Попов А. А.* Когда решать судьбу людей дано... Самиздат. Интернет. 2013.
- *Попов М. М.* За ведущий округ в Красной армии. За Советскую Отчизну от 1 января 1946.
- *Попов М. М.* Фланговый удар Брянского фронта. Воспоминания. ВИЖ № 10, 1959.
- *Попов М. М.* Южнее Сталинграда. Из фронтовых воспоминаний. ВИЖ № 2, 1961.

- *Попов М. М.* Командир. Коммунист. Человек. Суворовский натиск № 154 от 2 июля 1964.
- *Попов М. М.* Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968.
- *Попов М. М.* На подступах к Брянску. Огонек № 39, 1968.
- *Попов М. М.* В наступлении. Битва за Сталинград. Сборник. Волгоград, 1973.
- *Постников С. И.* В далеких гарнизонах. М., 2004.
- *Почтарев А.* Трагедия маршала Блюхера. НВО от 19 ноября 2004.
- *Пупкова Н.* Улицы с одинаковыми названиями в Симферополе. Крымская правда от 6 августа 2010.
- Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975.
- Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М, 1968.
- *Раззаков Ф.* Наше любимое кино. М., 2007.
- РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 241. Л. 108–110, 111.
- РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 54. Л. 19–27.
- РГВА. Ф. 1324. Д. 1826. Исторический формуляр дивизии.
- *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1997.
- *Рокоссовская А.* Погонные метры. Российская газета от 15 апреля 2005.
- *Романюк С. К.* По землям московских сел и слобод. М., 1998.
- *Ротмистров П. А.* Стальная гвардия. М., 1984.
- *Рубцов Ю.* Alter ego Сталина. М, 1999.
- Русская Православная Церковь. Официальный православный церковный календарь.
- Интернет, mospat.ru
- Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Том 1. М., 1990.
- Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12(1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М, 1993.
- Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942. М., 1996.
- Сайт клуба «Память». Воронежский государственный университет. Чижовка. Интернет.
- *Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. М., 1965.
- *Сандалов Л. М.* На московском направлении. М., 1970.
- *Сандалов Л. М.* После перелома. М., 1983.

- *Свердлов Ф. Д.* Человек долга. Военная мысль № 12, 1992.
- *Свердлов Ф. Д.* Неизвестное о советских полководцах. М., 1995.
- *Севастьянов П. В.* Неман – Волга – Дунай. М., 1961.
- *Семенов Г. Г.* Наступает ударная. М., 1986.
- *Симонов Ф. В.* Они командовали фронтами. Подольск, 1995.
- *Сичкин Б. М.* Я из Одессы! Здравьете! СПб. 1996.
- *Смакотин М. П.* От Дона до Берлина. М., 1962.
- *Смыслов О. С.* История советских наград 1918–1991. М., 2007.
- *Смыслов О. С.* Сталинские генералы в плену. М., 2014.
- *Соколов Б.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. М., 2000.
- *Стаднюк И. Ф.* Исповедь сталиниста. М., 1993.
- *Стрешинский М. П., Франтишев И. М.* Генерал Симоняк. Ленинград, 1971.
- *Стученко А.Т.* Завидная наша судьба. М., 1968.
- *Спириденков В. А., Акперов Ф. Ф.* Цена Победы. Себежане в Великой Отечественной войне. Себеж, 2007.
- *Сувениров О.* 1937. Трагедия Красной армии. М., 2009.
- *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М, 1996.
- *Сукнев М.* Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата 1941–1945. М, 2007.
- *Сухомлин В. А.* Боевые действия 10-й гвардейской армии в период с сентября по декабрь 1943 г. Интернет.
- *Танковый прорыв.* Советские танки в боях 1937–1942 гг. М., 2007.
- *Телицын В. Л.* Маршал Говоров. М., 2013.
- *Тимофеев А.* Покрышкин. ВИП. М., 2013.
- *Трибуц В. Ф.* Моонзунд наш! Пароль Победа. Ленинград, 1969.
- *Трибуц В. Ф.* Балтийцы сражаются. М., 1985.
- *Тупиков И. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
- *Тюленев И. В.* Через три войны. М., 1972.
- 1941 год – уроки и выводы. М., 1992.
- Указ ПВС СССР от 7 мая 1965 г. Ведомости Верховного Совета СССР № 19, 1965.
- *Ульман Ж.* Подготовка красного командного состава. Красная рота № 28, 1923.
- *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1989.
- *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. М., 1961.
- *Хлебников Н М.* Под грохот сотен батарей. М., 1974.

- *Хомяков И.* История 24-й танковой дивизии РККА. Лужский рубеж. СПб., 2006.

- *Хрущев Н.* Воспоминания. М., 1997.

- *Хюртер И.* Вермахт под Ленинградом. Боевые действия и оккупационная политика 18-й армии осенью и зимой 1941/42 годов. Интернет.

- ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 1. Л. 71

- ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 80. Л. 163–183.

- ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 206–216.

- ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 10.

- ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 78. Л. 36–41.

- ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 78. Л. 42—46

- ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. ПО. Л. 6.

- ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 302–304.

- ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 28, 32, 39.

- ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 154–155.

- ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 41. Л. 24–28.

- ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 173. Л. 287–288.

- ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 174. Л. 7–9.

- ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 174. Л. 27–31.

- ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 174. Л. 32–36.

- ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 174. Л. 58–69.

- ЦАМО. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 112. Л. 116.

- ЦАМО. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 112. Л. 144.

- ЦАМО. Из коллекции. Карточка из картотеки Управления кадров Артиллерии на Родину Серафиму Алексеевну и учетно-послужная карта на Запорожца Владимира Александровича.

- Центральный государственный архив Советской армии. В двух томах. Том 1. Путеводитель. М., 1991.

- Центральный государственный архив Советской армии (с июня 1992 г. Российский государственный военный архив). В двух томах. Том 2. Путеводитель. М., 1993.

- *Червинская В. П.* По дорогам войны и жизни. Сайт о командире 51-го стрелкового корпуса генерале Авдеенко Петре Петровиче. Интернет.

- *Черушев Н. С.* Из ГУЛАГа – в бой. М, 2006.

- *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012.

- *Чистяков И. М.* Служим Отчизне. М., 1985.

- Чуев Ф. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М, 1998.
- Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 2002.
- Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974.
- Шапошников Б. Битва за Москву. Решающее сражение Великой Отечественной. М., 2009.
- Шатилов В. М. А до Берлина было так далеко... М., 1987.
- Шендриков Е. А. Боевые действия 40-й армии в районе Воронежа в сентябре 1942 года. Грамота № 9, 2014.
- Штеменко СМ. Генеральный штаб в годы войны. В двух книгах. М., 1985.
- Щекотихин Е. Маркиан Попов – творец первого салюта. Родина № 8, 2012.
- Я помню. Галлат Юрий Максимович. Запись: Илья Вершинин, 2006 г. Интернет.

Приложение

Родители М. М. Попова

Сестры М. М. Попова – Варвара и Лидия

Брат М. М. Попова – Попов Петр Михайлович

Красный командир Маркиан Попов в кругу семьи в Новоржеве 1920-е гг.

М. М. Попов – слушатель Академии им. Фрунзе

М. М. Попов на спортивных занятиях в академии

М. М. Попов с сослуживцами у автомобиля

М. М. Попов на учениях. Конец 1930-х гг.

М. М. Попов с маршалом СССР Блюхером на рекогносцировке

На войсковых учениях. ММ. Попов – зам. командующего войсками
Дальневосточной армии

М. М. Попов с сослуживцами на Дальнем Востоке

Генерал М. М. Попов. Ленинград. 1940 г.

Генерал-лейтенант М. М. Попов в бурке

Командующий 1-й особой Краснознаменной армией в рабочем кабинете

М. М. Попов у Анновки. Февраль 1942 г.

М. М. Попов с автоматчиком. Июнь 1942 г.

М. М. Попов – командующий Брянским фронтом

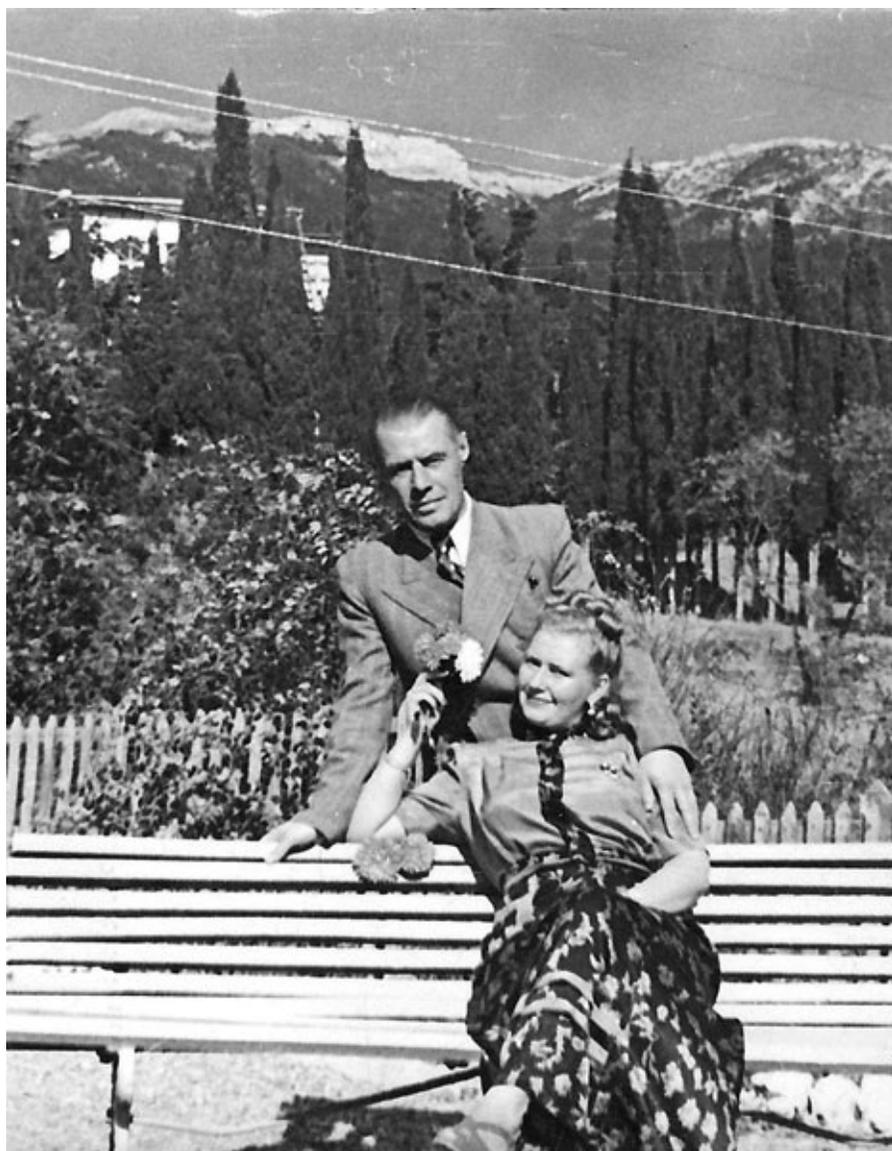
Военные советы фронта и армий Ленинградского фронта. Метекай.
Май 1945 г.

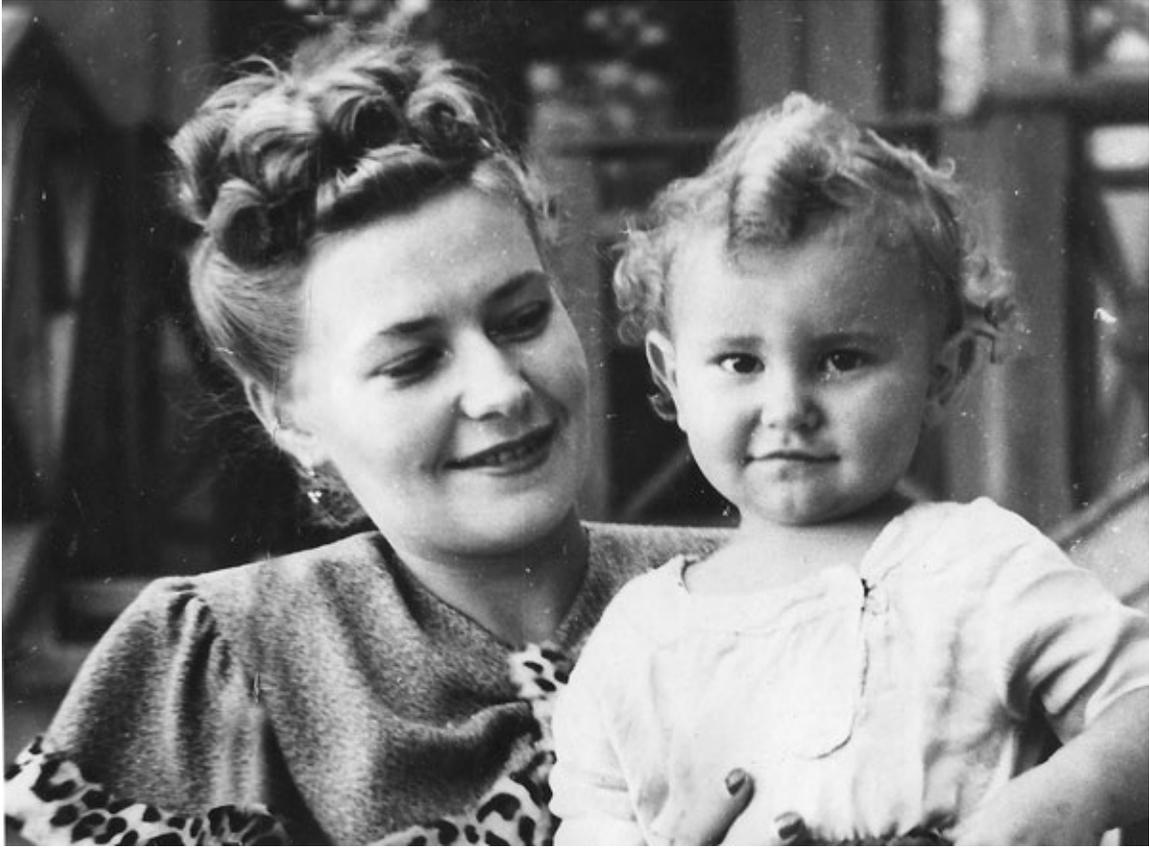
М. М. Попов со своим первенцем – Александром

Папироска. М. М. Попов и сын Александр

М. М. Попов с супругой в Крыму

Жена М. М. Попова, Серафима Алексеевна, с сыном Михаилом

Серафима Алексеевна и дети: Михаил и Ирина. 1952 г.

М. М. Попов с родителями. Ноябрь 1945 г.

М. М. Попов с маленькими

М. М. Попов – командующий войсками Таврического ВО в рабочем кабинете

М. М. Попов с книгой

М. М. Попов чистит картошку

М. М. Попов перед парадом. Симферополь. 7 ноября 1952 г.

Дача М. М. Попова в Архангельском

М.М Попов – главный консультант на съемках фильма «Война и мир» с С. Бондарчуком

Экспозиция, посвященная генералу М. М. Попову, в Центральном музее Вооруженных сил РФ

notes

Примечания

1

БОДО – буквопечатающий аппарат многократного телеграфирования, в котором текст принимаемой телеграммы печатается на бумажной ленте. Сконструирован Ж. Бодо в 1874 г. С кон. 1950-х гг. вытесняется стартстопными телеграфными аппаратами.

Крылатая фраза, сказанная римским комедиографом Публием Теренцием Афром.

Предусматривал нанесение ударов по сходящимся направлениям (из района северо-восточнее Курска на Воронеж, из района Волчанска на Острогожск) с целью окружения и уничтожения советских войск западнее Старого Оскола, выхода на реку Дон на участке от Воронежа до Новой Калитвы и захвата плацдарма на его левом берегу для дальнейшего наступления с этого плацдарма на Сталинград.